

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Содержание

Проза

- Николай ИВЕНШЕВ
За кудыкины горы
Повесть 7
- Иван ТЕРТЫЧНЫЙ
Безымянная вода
Рассказы 43
- Анна и Константин
СМОРОДИНЫ
Объяснение в любви
Рассказы 59

Поэзия

- Светлана СЫРНЕВА
Никто не хотел умирать... 3
- Вадим КОВДА
Всё равно я люблю 34
- Николай РАЧКОВ
Чем душу лечить? 39
- Иван ПЕРЕВЕРЗИН
Осенним днём 51
- Вадим КОРНЕЕВ
Другого-то народа нет... 56
- Владимир СКИФ
Моих печалей горький дым 66
- Поэтическая мозаика 69

Очерк и публицистика

- Михаил ДЕЛЯГИН
Конец европейской мечты 89
- Виктор ИЛЮХИН
Последнее письмо президенту 96
- Владислав ШВЕД
Литовский лабиринт 104
- Не для того
мы освобождали Курилы...
(Беседа Алексея ШОРОХОВА
с Ямилем МУСТАФИНЫМ) 138
- Дмитрий МИЗГУЛИН
Нужно любить людей 159
- Александр БОБРОВ
Книга как зеркало 182

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Память

Сергей КУНЯЕВ
“Ты, жгучий
отпрыск Аввакума...” 77

Сергей НЕПОБЕДИМЫЙ
Русское оружие 141

Критика

Нам надо знать свою Россию
(Беседа Станислава КУНЯЕВА
с Валерием ГАНИЧЕВЫМ) 208

Геннадий КРАСНИКОВ
На горней стороне Паскаля 227

Марина СТРУКОВА
Певец русской удали 238

Станислав КУНЯЕВ
Самая жгучая связь 241

Дмитрий НЕЧАЕНКО
“Двенадцать”
как сновидческая мистерия 245

Геннадий МОРОЗОВ
Гений чистого бельканто 263

Слово читателя

“Народным духом и
неистоимой надеждой...” 166

Трудиться и уважать
свой народ 191

Книжный развал

Геннадий КУЗНЕЦОВ
“Стеклянная
лестница в небо” 279

Виктория АЛЕКСАШИНА
Где обитает
душа Черногории... 281

Евгений ШИШКИН
Люди-призраки
Юрия Козлова 284

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 31.08.11. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,7. Заказ №4102. Тираж 10200 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

СВЕТЛАНА СЫРНЕВА

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ...

* * *

По тропинке крутой я спускаюсь с горы,
где рябины безмолвно горят,
где багряной листвы столбенеют костры,
как и многие годы назад.

Эти кроткие стражи родной стороны,
эти клены, березы, ручьи
вместе с жизнью тебе невозбранно даны,
как немые собратья твои.

Чтоб в любую беду и до смерти своей
ты нигде не остался один,
реют гордые кроны густых тополей,
в руки тянутся гроздьях рябин.

И когда тебе сил ни на что не собрать,
и когда тебя жизнь подвела,
обозначится их нерушимая рать,
прошумев от села до села.

СЫРНЕВА Светлана Анатольевна родилась в деревне Русско-Тимкино Кировской области. Окончила педагогический институт. Работала учительницей в сельской школе, корреспондентом и редактором в районной газете. Автор четырёх поэтических книг. Член Союза писателей России. Живёт в Кирове.

Трепет лиственных уз, сила древних стволов
и корней, уходящих во тьму...
Ты так долго живешь, что и сам ты таков
и у них научился всему.

ЛИЛИЯ

Лилия белая в темном стакане,
не узнавая, глядит со стола.
Так же цвела она при Чингисхане,
при Иоанне Предтече цвела.

Гибли империи, рушились страны,
пепел вулканов сжигал письма,
и страсотерпцев сменяли тираны —
но никого не узнала она.

Жизнь, чем ты дальше, тем больше в могиле
копится мертвых — противу живых.
Но не пристало ни грязи, ни пыли
к белым одеждам красавиц слепых.

Страшен покой твоего караула,
бледный излом и кромешная мгла!
Белая лилия клюв разомкнула:
белая лилия вновь расцвела.

Все улетучилось, все догорело,
копятся в книжной пыли имена.
Всех проводила, на всех посмотрела,
но никого не узнала она.

СЕЛЬСКИЙ АНГЕЛ

Церковь закрыта в двадцать восьмом,
школа — в две тысячи пятом.
Плавают пух сорняков над селом,
сяясь приткнуться куда-то.

Женщина выйдет, бледна и худа,
встанет босыми ногами,
время счастливое вспомнит,
когда бомбой нейтронной пугали.

Сорок семей: погибать по одной —
самая худшая участь.
Лучше накрыло бы общей волной,
сразу бы вместе, не мучась.

Тихо отпрянет куда-то во мглу,
в темные, старые сени.
Тянется длинный асфальт по селу,
взрытый пучками растений.

Церковь стоит посредине села,
церковь пустая, сквозная.
Липа ветвями ее обняла,
купол собой заменяя.

Ясен и светел над ней небосвод,
солнца и влаги хватает.
Ангел, сказали мне, в липе живет
и по ночам вылетает.

Чудится: робкий, неслышный, простой,
смотрит всевидящим оком,
кружится долго над фермой пустой,
над обесточенным током.

Белые крылья сложив в вышине,
смотрит и шепчет, рыдая:
«Братья и сестры, идите ко мне,
в двери небесного рая!

Там, в лучезарной долине из роз,
я вас от горя укрою.
Надо — построю вам новый колхоз,
новую школу открою!»

Спит население, лишь от души
хор насекомых стрекочет.
Невыразимо они хороши,
краткие летние ночи!

И, уставая бессильно сгорать,
падают звезды в осоку...
Полно, никто не хотел умирать
по отведенному сроку.

ВОДОЕМ

Листва и крыши. Листопад —
и сон в избушке над рекою.
Так было много лет назад
и стало символом покоя.

Ты брови темные не хмурь,
кидаясь в память за спасеньем, —
там было много грозных бурь
и отдых в холоде осеннем.

Там поле темное мертво,
и первый снег уже искрится.
И рада я, что ничего
из прошлого не повторится.

Я знаю, что прожить смогу
в какую хочешь непогоду.
И я стою на берегу,
подолгу вглядываясь в воду —

в осенний темный водоем
среди равнины безучастной,
где затихает дальний гром
любви и нежности напрасной.

БЕГСТВО В ОРЕНБУРГСКУЮ СТЕПЬ

Приблизится сумрачный срок
садов, облетевших дотла,
и будет лежать вдоль дорог
листва, что навеки легла.

И, стало быть, незачем нам
в узде свою волю держать.
Прозрачно по всем сторонам.
Настала минута бежать.

Оставь свой насиженный кров,
удаче доверься сполна:
меж дальних и ближних лесов
промчатся успей дотемна.

Порви эту тяжкую цепь
деревьев, стоящих стеной,
ворвись в Оренбургскую степь,
как в сердце России родной!

Великая мощь пустоты,
мороза хрустальная тишь.
Уральские сдвинув хребты,
все дальше и дальше летишь.

Так всякий отверженный сын,
узду намотав на кулак,
ввергался в просторы равнин,
в потоки борьбы и атак.

Гони же, усталый шофер,
вслепую сквозь ветер и снег!
Ты — мученик, выскочка, вор?
О том не узнают вовек.

И вот Оренбурга огни,
и вот этак крепей тепло.
Гони же, родимый, гони,
однажды и нам повезло.

НИКОЛАЙ ИВЕНШЕВ

ЗА КУДЫКИНЫ ГОРЫ

ПОВЕСТЬ

1

Пришло извещение на посылку.

— От пра... от пра... прабабушки, — взвивался к потолку мой сын.

А я не обрадовался. Что-то неуклюже повернулось внутри да так и не улеглось, а точило, подсасывало. Мне совсем не хотелось идти на почту за ящичком из родной Верхней Мазы.

Послание ещё раз напомнило о моей если не чёрствости, то душевной лени. Сын тянул меня на улицу, получать, а я всё корил себя за то, что в течение года не смог выбрать несколько минут, чтобы черкнуть письмо бабушке Евдокии Ивановне, и тут же слабовольно оправдывал себя: не пишу — зачем старушке душу травить?! Представил, как принесут бабушке письмецо, как припустит она по соседям: “Прочтите, шабры дорогие, грамотку, от внука весточку”. Те размеренно, как чай вприкуску пьют — читают, а бабушка растягивает кулаками морщинистые щёки, всхлипывает от радости и одиночества. Дома она пристроит конвертик на божнице, как пить дать, воткнёт в уголок, словно новый образ.

Сын всё назойливо канючит:

— Пап, а может, там гоночная машина?.. Может, пистолет ковбойский?

Наконец и длинная очередь выстояна, и ящик водружён на кухонный стол, и клещи разысканы.

ИВЕНШЕВ Николай Алексеевич родился в 1949 году в селе Верхняя Маза Ульяновской области. Окончил Волгоградский пединститут им. А. С. Серафимовича. Автор книг “Душа душицы”, “Портрет незнакомки”, “Казачий декамерон” и других. Член Союза писателей России. Живёт в станице Полтавской Краснодарского края.

— Ох, бабушка, бабушка, — страдаю я, — верно, половина месячной пенсии ушла на безалаберного внука, — сам заразившись сыновним нетерпением, ловко поддеваю крышку лёгкой посылочки.

Тесную кухню враз наполнило степным воздухом. Посылка — не посылка, а тугая подушка из сухой травы, несколько стебельков кузнечиками скакнули из ящика. Мой корыстолюбивый парнишка уставился на изумлённого отца. Это я заметил краем глаза... Сам выбирал пучки трав, жмурил глаза и вдыхал, вдыхал...

Было это прошлым летом. Натужно взревев, мотоцикл подскочил на неожиданном бугре и заглох возле родника Винного. Выхлопной дым рваной кисеи, гусиными перьями висел, растворялся в знойном воздухе. Родник зарос вялыми лопухами, лебедой, колючим ржавым вереском. От гибели источник спасался в сорняках. Ледяное коленце пульсировало на дне большой лунки. Я черпнул пригоршню родниковой пузырчатой гущи и поперхнулся: забытая живая вода...

Два запаха с невероятной скоростью, будто выключателем щелкнешь, возвращают меня в детство, в своё далекое средневожжское село. Дух сосновых мокрых досок напоминает счастливое сидение на подоконнике в ветхой, крытой соломой избенке. Хлещет по разбитой дороге проливной дождь, коробит стекло причудливыми пёнными узорами, и душно, пока еще душно, пахнет парным ливнем. Скоро будет легко, и случится радость — качнет стрекозиными крыльями радуга над Винным.

Другой запах — аромат душицы. Теперь он ворошит былое. Сухую щепоть целебной травки восало в пену кипящего чайника.

Сын обиделся, убежал на улицу. А я из граненого стакана прихлебываю зеленоватое питье. Радостно. Грустно. Вроде встретился с желанным другом, старым закадычным приятелем, взволнованно притих, понимая, что сокровенный человек скоро исчезнет, что уже куплены предварительные безвозвратные билеты. Потом только от чая легко становится на душе, как после порывистого ливня, покойно, благостно. Врачи говорят: фармакологическое действие травы. Только лекарство ли это? Да разве похоже аптечное снадобье в брикетах на ломкие стебельки с чудесным свойством ярко включать детство?!

Вспоминаю островок дымно-сиреневой травы, название которой произошло от существительного “дух”: душечка, душица, душистая душа родины. А вот другие ласковые имена: лебидка, материнка, душинка, ладанка.

Рядом с лиловым островком журчит родник Винный, пузырчатый-чистый, как легкий виноградный напиток. Говорят, что не один странный человек опился родниковой воды. Хлебнешь пригоршню — еще хочется, приложишься опять — жажда не уходит. Верхнемазинцы-то знают колдовскую власть родникового питья, а те, кто пришел-приехал? Их страшат:

— Один ненашенский совсем очокурился — опился!

Три свежие жилки трепещут среди белых гольшей. А главная жила, как инверсия от самолета, скатывается по дощатому желобку и вянет в густых зарослях.

Ни с чем не сравним первый глоток разбухшего от ледяной влаги хлеба. Маленькие лакомки, мы менялись яствами, шумно высасывали родниковую воду, как мед из сотов. Налопавшись до отвала, падали на спины, подставляя голые животы полуденному зною. Душистый ветер щекотал, гладил, жарко омывал тела. Мы не замечали своего счастья, безумного блаженства, жили, как существует тугой родник, шелковые расчески ковья и золоченые горячие осы. Мы были им равня.

У деревенских баб ходьба за водой к Винному — тоже целое событие. Для пойки скота, мытья полов, стирки хозяйки черпали воду из колодцев. Никакой источник не заменял заветного родника.

— Куды, Анюрка?

— На Кудыкину гору кудаков пасти, за родниковой — айда с нами?

— Счас, пироги выну — нагоню.

За родниковой водицей ходили с утра: по двое, по трое, только и только женщины с коромыслами. По дороге уж они переполощут чужие косточки, выяснят, чей мужик вчера нахлестался в дым, “прям с круга сошел”,

а чей жену отлупасил. Костерят злодея на чем свет стоит. Одевались к роднику в чистое. У говорливого ключа немели, развязывали узелки с горбушками. Хлеб расплзался под тяжелой струей. Женщины смачно жевали его, повинуюсь улыбочивой памяти своего детства. Потом они возвращались домой. Было не до разговоров. В цилиндрических ведрах веско покачивалась родниковая вода, покрытая от солнца, пыли и прытких кузнечиков репейным листком.

2

Здесь умер от апоплексического удара опальный поэт-партизан Денис Давыдов. А паралич этот произошел от радости. Давыдову высочайшим повелением было позволено сопровождать прах любимого командира Петра Ивановича Багратиона на новое место захоронения — Бородинское поле. Односельчане сказывают: спросил Денис Васильевич рюмку вина, легко вошел в сад, там в одночасье и скончался один из славных сынов нашего Отечества.

Сейчас бюст легендарного Дениса возвышается неподалеку от продовольственного магазина. Потемневший памятник почти не виден в кустах акации, под сенью которой верхнемазинские мужики распивают свои портвейны и прячутся от пристальной опеки жен. Мнится мне, что крупные, навывкате, глаза поэта лукаво лучатся, а залихватские усы поощрительно вздернуты. Может, это всего лишь капризы вечернего низкого солнца?

Когда-то бюст был сотворен столичным скульптором на деньги совхозных комсомольцев. Расторопность московских ваятелей пошла вразрез с тугодумством местных властей. Те судили да рядили, искали место, куда поставить памятник. А пока чугунного, с бронзовым отливом, как живого, Дениса Давыдова приютили в полутемном зашторенном зрительном зале клуба. На него в потемках я и наткнулся. Жутко перетрухнул: человек — не человек. Ни одной скульптуры я, безвывозный деревенский мальчишка, раньше не встречал. Пулей вылетел из зала. У взрослых выведал, что человекообразное чудище зовется Денисдавыдов.

А вскоре и бабушка поведала о помещиках Давыдовых. Её отец служил садовником в барской усадьбе. Мне, прилежному пионеру, свято верившему в незаблемый авторитет учебника истории, бабушкины рассказы о порядочности помещиков Давыдовых казались чистойшей ложью, беспросветной клеветой.

— Добрые господа были, — умильно ворковала бабушка Евдокия Ивановна. — Сад по всей деревне разбили, высоко больницу для хрестьян сложили, докторов-фершелов из города выписали. Барыня меня и грамоте учила, буквы понимать, ласковая — ни разу дурного слова не слышала от госпожи... Чего ты лыбишься?.. Ах, какие яблочки висели в господском саду: антоновка, анис, овечий нос, царский шип. В чулане где-нибудь на полочку приткнешь — в избе дух захватывает. Антоновку в сундуки клали, чтобы потом выходная одежда яблоками пахла.

В первые послереволюционные годы диковинный сад вырубил, во всеобщем разрушительном угаре разобрали деревянную церковь Покрова, звончайшие колокола шмякнули о землю, утопив осколки "религиозного дурмана" в полноводной тогда реке Мазке.

Река Мазка и поньше сочится по сердцевине села, мутным зазубренным лезвием она расластала Мазу на два крыла. Как какое-нибудь казачье поселение, одна лопасть называется Первой сотней, другая — Второй сотней. С лёгкой руки ироничного Дениса Давыдова, стершего в походах не одни шпоры, моё родное село разнимается на несколько, как теперь говорят, микрорайонов, по-нашему — курмышей. Это — Карпаты, Шанхай, Корея, Разнота. Ну, Разнота — понятно, приезжие люди, странные, возможно, в карты выигранные, быть может, сами прибились. А вот наши Карпаты распалагались на пригорке, на видном месте Верхней Мазы.

В селе много связывают с именем Дениса Давыдова. Даже само название "Верхняя Маза" якобы Денисом Васильевичем дадено. Лишь свежий человек появится в нашей деревне, тотчас ему:

— Едет енерал через Отмалы, через лесок. Только на опушку выезжает, тучи набежали. Заволокло сверху. Только к мельнице близится, дождик как влупит! Колясочка енералова в грязи и увязла. Барин лается, кучеру указание дает, ни в какую бричка ни с места.

Сымает енерал телячьи белые голицы, в калужину их — кидь, как ненужный алимент, тележку свою плечиком поддевает. Вывалялся, вымок до нитки, зеваёт опять своим жидким голосочком:

— Маза чертова, измазался весь!

Прозвали село Мазой.

Прошло полтора года лет, как нет в живых Дениса Давыдова, а гипнотическое влияние этого человека чувствуется и по сию пору. И по сей день верхнемазинцы — народ особый. Районную газету “Восход”, областную “Ульяновскую правду” земляки засыпают своими стихами и прозой.

Наверное, и бабушка моя поэтесса. Ставит на стол угощение, приговаривает в рифму: “Картошечка без костей, подается для гостей”. Или ещё лаконичнее поговорка: “Без денег — бездельник”. Слушаю её неторопливый рассказ об оборотне. Печной кирпич даже сквозь растенную фуфайку жжёт бока. Жутко завывает в трубе.

— За Тюриновым гумном было (за кладбищем, значит), мужики падали туда свозили... У кого телёнок околеет, у кого ярка, тужат, везут. Дело по весне, на Вербной неделе вышло. Денис Васильевич на охоту удумал, на тетёрок. Значится, возле падали и встретился он с лохматым оборотнем. Волчище — во-о-о! Ружьецо вскинул, а оно, как записка от ворот, прут прутом, не стреляет, а только: “Пуф-пых!”, а злодей окаанный — хоть бы хны, ни с места, огромным делается, будто бык-полуторник. Денис Васильевич опешил. Волк на него пялится, зубы скалит, вот-вот махнет и в горло вцепится. А барин (это мне покойный батюшка баял) в злодея глазами уперся. Они у него будто угли самоварные, льдину пробуровят. Волк хвост и поджал. Лихой человек это был, а не тварь лесная. Побёг в чашу, шкурку живей менять.

Грустно! Редкие, но уезжают верхнемазинцы в город, отрываются от Отмалов, Карпат, Винного, пахучей травки душицы. Спроси верхнемазинского горожанина, откуда он? Темнить не станет, выпалит, как на духу:

— Из Верхней Мазы!

Не застыдится, как заскорузлый модник убогой одежды своей матери, не увильнет от ответа, наоборот, с достоинством прибавит:

— Верхняя Маза — это там, где Денис Васильевич Давыдов поживал.

С историей села и с жизнью Давыдова нас детально познакомил учитель литературы и русского языка Иван Павлович Косырев:

— У Дениса Васильевича свой хребет был, — высказался как-то словесник.

— Как хребет? Он что, кошка? — изумились глумливые задние ряды.

— А вот так.

И передает учитель историю о том, как однажды Давыдова повышали по службе. Всё гладко шло. Другой воинский чин знаменитому человеку дают, высокий чин, направляют служить в тот род войск, в котором циркуляром запрещено ношение усов. Тёрли-тёрли Давыдова и так, и эдак, тот артачит. Не сбрил гордец усов. Не любил Денис Васильевич одну общую гребенку. И в стихах он стоял особо, даже Пушкин признавался, что “закручивать” стих от лихого партизана выучился.

И сам Иван Павлович Косырев — особый человек. С хребтом. Ходил он в бостоновом затертом, наверняка единственном костюме: брюки-галифе, китель с накладными карманами, узкие голенища сапог. Одежда делала его похожим на фигуристого пикового туза.

Только учитель — в дверь, и в классной комнате холодеет, студено делается, как летом в подвале или колодце. Иван Павлович, ехидный, розовощёкий Иван Павлович сиял из-под очков. Вместо глаз — медовые, приторные соты-ячейки. Пухлая ладонь педагога нежно поглаживает кромку стола. Вот он застёгивает верхнюю медную пуговицу иссиня-черного кителя, и каждый в классе жаждет одного — скорее получить двойку. Одну-единственную,

но только в начале урока. Двойка, и ты свободен на все оставшееся до звонка время.

Не тут-то было! Полная волосатая рука долго ползает по журнальному списку. Наступает такое ощущение, что вроде рука отдельно существует, и учитель отдельно, магическая, жуткая самостоятельная рука.

Иван Павлович, наконец, выуживает отпетую двоечницу. Резвая румяная девочка, хохотунья Нина Белоусова никак не может встать, оторвалась от парты, потом враз превратилась в сухую бескровную висельницу. Она спотыкается, тербит фартук, мучает тряпку, мнёт пальцами мелок, под всеобщее оцепенение разбирает предложение: “Со мной был чайник, единственная отрада в моих путешествиях по Кавказу”.

Иван Павлович походя вспоминает мизерные прегрешения девочки, победоносно взирает на неё выпученными сытыми глазами.

Зато уроки литературы у Косырева совершенно иные. Он не придерживался даже костяка школьной программы: учил нас писать стихи, сам отбивал ритм тупым носком хромового сапога:

— Только прислушайтесь, — рокотал резвый педагог, — “Буря мглою небо кроет...”. У Пушкина вьюжный, завывающий ритм.

По всему классу, по гулкому школьному коридору катится:

— Та-та-та-та, та-та-та!

Потом читал “Тараса Бульбу”. Бледнел, краснел, отирал пот, ронял очки, захлёбывался словами, ворковал себе под нос, истошно орал. И мы, как ни странно, всё понимали. Очень Косырев был недоволен трагическим концом гоголевской повести. Однажды принёс жёлтые листки с аккуратным, но уже вылинявшим от времени почерком.

— На-а-шел! — возопил учитель. — На-а-шел окончание, другой вариант “Тараса Бульбы”, тот, что давным-давно прислал мне Гоголь.

Класс остолбенел от учительской неслыханной наглости. А словесник взахлёб задекламировал подделку. Опять в комнате запахло знойной степью, речкой. Колька Елянюшкин стал походить на чубатого казака, и все уже верят, что сам Гоголь каким-то чудом из замогильного далека прислал нашему учителю концовку романтического повествования.

Никто не смел заикнуться:

— Сам, сам накатал, насочинял. Графена Черкасова, а не учитель.

На другой день — опять урок синтаксиса, опять с “чайником”. В класс вливается хромово-суконный айсберг. Однажды кто-то из ребят догадался: Иван Павлович — не Иван Павлович. Это два разных человека — братья-близнецы, злой и добрый. Вот поочередно они в школу и ходят, по стовору дома таятся. Верили в это и не верили, решили проверить. И послали на операцию Костю Куртасова, пообещав ему многое: почти бесшумный поджиг — самодельный револьвер, пять штук свинцовых козлов, книжку “Робинзон Крузо”. Кто что даст.

За такую великую награду Костя всё выведал, открыл нам такое, что мы вначале иронично усмехались, не верили ушам своим, долго не хотели отдавать обещанное вознаграждение.

Оказывается, наш учитель — кавалер двух орденов Славы. Заслужил он их в партизанском отряде во время Великой Отечественной. Он, как и Денис Давыдов, в регулярной армии служил, потом партизанил. В тех, давыдовских, подмосковных лесах здорово его контузило.

— Ваш учитель не мазинский, он откуда-то со стороны к нам прибился, семью у него начисто изверги спалили, мать... сестёр. А вы, шалапуты, небось всё досаждаете ему.

Случай помог. Мы более терпимо стали относиться к злым урокам русского языка, стали зубрить правила, а вскоре и разбор “чайника” показался нам не таким уж ледяным.

Ненамного, а вылечили мы сами сломленного войной учителя, преемника Дениса Давыдова, каким-то образом выгнали зло.

Самым замечательным человеком в Верхней Мазе, на наших Карпатах, считалась Черкасиха. “Графена” — звала её моя бабушка. Черкасиха — копия установившегося в сознании образа Бабы-Яги: нос крючком, острый, вздёрнутый подбородок, скрипучий голос. Лицом Черкасиха походила на ущербный под исход месяц. Никаких актёрских заведений не кончала музейная старуха, тем не менее идти с ней на дойку или в Винный — одно удовольствие.

— Артист вылитый! — сообщали про неё в Мазе.

Неожиданно крючкообразный нос расплывался в картофелину, острый подбородок делался пухлым, щёки — каждая с хорошую лепёшку. И вот она уже не Черкасиха, а дородная тётка Нюрка Шилова с городским выговором и язвительным язычком.

Всё на свете знала бабушка Черкасова: кто при смерти, у кого кто народился, кто от кого с кем гульнул, кто подрался. Сплетня, доведенная до артистизма, она уже и сплетней переставала быть. Черкасихе верили, поддакивали, долго пребывали под её чарами.

Семидесятилетняя Графена чрезвычайно страстно любила париться в бане. В раскалённом, замутняющем сознание воздухе она с таким же остервенением истязалась березовым веником, что мужики в предбаннике кричали от сочувствия. Адские сковородки — подобие полка, на котором извивалась верхнемазинская Баба-Яга. Парилась она в танковом шлеме своего сына фронтовика, пряча волосы, чтобы они не секлись от пыли.

— Васька, во-о-оды! — вопила она своему старшему сыну. И голенастый сутулый дядя Вася Черкасов срывался к речке, громыхал и булькал вёдрами, на ощупь, как артиллерист снаряды, впахивал воду в дверной проём. Черкасиха с воем и странными звуками “даб-даб-даб-даб” поддавала ледяную жидкость в разъяренное жерло печурки. — Васька, воды, окаянный!

Вываливалась в предбанник медно-красная, безжизненная, падала на лавку, тонко запорошенную ржаной соломой, куталась в полушубок. Отходила. В предбаннике всегда кто-то был.

Минута, другая, третья, и вот вначале одно веко Бабы-Яги дрогнет, приоткроется, потом на лице появляются узкие щёлочки:

— Батюшки-светы! Ба... ба... батюшки, — голосит Черкасиха, — опять к Нюрке Горбушке вертолётчик пристал. Ладный мужичонка, справный. Всамделишный. Тока, чую, из заключения он, отдетова. Папиросочки цедит тонёхонькие, а коробка с папиросами, как вот этот тазик цинковый, ясная. “Позвольте, — крик, — Анна Степановна, вас на кинокартину пригласить”. А она-то, финтифлюшка, губы трубочкой, воображает... Привиделось мне нонче, инда мороз по коже, колдуны наши Паларишиновы, обе двое, к нам на двор сиганули скотину портить, а я на калде спряталась, да как волком завою... Выла-выла, глаза тру: тю-у-у — пропали напрочь ведьмы. Только два тенетника в коровьи ясли, в сенцо шмыг-шмыг, и след простыл.

— Ух!.. Ух!.. — пыхнула морозом дверь предбанника.

Заскользнул весь прилизанный, в кургузой фуфаячке младший сын Черкасихи Ёхтарный Мар.

— Маманя, сидишь здесь, а Мишка Варламов ероплан смастрячил. Вот, ёхтарный мар, по всему селу как оглашенный носится. Тьфу, еросани, а не ероплан. Сказывают, в Софьино, к зазобе своей мылится.

Черкасиха, забыв про ведовские свои байки, шустренько оделась, вскочила в чёсанки и воющим снарядом вылетела из предбанника.

Ёхтарный Мар закатился:

— Ловко я её... ик... ик... объегорил... какие там еросани — лабуда одна. Не будет лясы точить, где надо — не надо.

Чуть позже опять хлопает дверь. С ведром воды на цыпочках, крадучись, является Черкасиха, наглухо пучками соломой затыкает глубокие банные отдушины. Ловко сигает в баньку к мурлыкающему сыну, и там хлесть водой в раскалённую печурку, скок назад, в предбанник, а банную дверь — на крючок.

— Пусти-и-и, ёхтарный мар, воздуху нету, — свирепо негодует брехливый сыночек. — Люди добрые, задыхаюсь!

Очень он не любил париться.

— По полу ползаю, всё мытьё насмарку, — с жалобным подвывом всхлипывает Ёхтарный Мар.

А Графена Черкасова неумолимо плюхалась на излюбленное место в уголке:

— Кольку Хватова встретила. Генерала. Пьянуший вдребезги. На роже — синяки, с кулак каждый. “Так и так, — крик, — мать честна, сапоги свои цыганятам пожаловал, вот баба меня старыми худыми сапогами и отмутила. Страсть цыган обожаю. А ежели, баит, я им сапог не выделю, другие тоже от ворот поворот покажут, что тогда? Околеют от холода. Им ходить надо по сёлам, должность такая — цыгане. Нам-то что? Кровь не бродячая. В печку носом клонул и — храповицкого”.

Тут я ему режу:

— Неколи с тобой, Николай Ермолаич, прохлаждаться, ты случаем Мишку Варламова на еросанях не видывал? Сказывают, к ухажёрке в Софьино заваялся.

— Быкам хвосты крутит твой Мишка на мэтэфэ счас. Еросани-то он ещё не осилил, кишка тонка. Просто на дворе хреновина воткнута вроде вертушки, вот таким кандибобером согнута...

Наконец приплелась в баню и моя бабушка, раскутывает меня, нагишаст. И я — уже не я, а игрушка в неумных бабушкиных руках. Она, как рубанком, стругает мочалкой, обдаёт щелоком, дерёт волосы, мылит голову куском хозяйственного мыла. Больно, скользко, дымно. Глаза разъедает колючая пена.

— С гуся вода, ещё ковшичка два, с гуся вода! — окачивает меня бабушка ласковой тёпленькой водичкой — из большого ковша, из маленького ковшика.

Зато в награду за мучения — полубоморочный отдых в предбаннике, блаженство терпкого, с запахом мокрой ржавой соломы воздуха. Пальцем шевельнуть силушки нету. Сквозь глухую очумелость доносится скрипучий невымытый фальцет Черкасихи:

— В нашу баньку шишиги повадились, ушлые, шельмовки, кажну ночь шастают... верно, понравилась баня-то... как же, по-белому топится, не то что чумазая развалюха у Крайновых. Шишиги — они шишигам рознь, есть и такие, что приветят, что ни спроси — сообразят за милу душу.

Пахнула Черкасиха своей широченной шалью, как ворона крыльями, да пером своим мне в глаз захала. И полетели по глиняным стенам разноцветные зерна, расплылись, покосились углы.

— Батюшки-светы — соринка! — запричитала Черкасиха.

— Соринка, — испуганно скривилась бабушка.

— Ёхтарный мар, к Паларишиновым надо, — солидно протянул Ёхтарный Мар.

Свернули треугольным конвертиком носовой платок, и ну — в глаз ширять.

— Ни в какую, не дается, придется к Анюрке с Марьей — на поклон.

Сестры Паларишиновы поочередно покачали пудовыми укутанными головами, поцокали. Старшая, Анюрка, категорически врачебным тоном рывкнула:

— Живей, Дунярка, тащи воды колодезной, язык охолонуть.

Бабушка опрометью по сугробам кинулась к колодцу:

— Натё вам водицы!

Анюрка шепчет над ведром, обмакивает свой, как спелая груша, язык в студеную воду, раз — и слизывает слезоточивую боль. Поистине — колдовство.

Не только соринка мешала мне, клещом въелась другая заноза — известие, что в нашей баньке по ночам гужуются добрые шишиги. Что бы я попросил у них?.. Чтобы мама моя навсегда приехала к нам жить, не на один день и не на неделю, а на-сов-сем.

А то вот прошлым летом ждал-ждал мамку, она только всего ночку нечевала, спать с собой взяла. Я ночью то и дело просыпался, волосы её нюхал, щеку лизал.

Ещё я попросил бы у волшебниц, чтобы дедушка Иван Романович не посылал меня по мазинским порядкам веретена продавать, будто я буржуй какой. У этих шишиг можно под конец знакомства и увеличительное стекло для выжигания выклянчить.

С мокрой головой засобирался я к Хватовым, чтобы детей дяди Коли Вовку с Мишкой подбить на вылазку к банным шишигам. Дяди Колина саманная избенка по вечерам мужиков как магнитом притягивала. Тут чуть не вся деревня резалась в карты, в какого-то матершинного “петуха”. И мы, пацанчики, возле стола вились, в надежде, что кто-то в припадке великодушия размашисто сыпнет по полу горсть медаков:

— На, на коврижки!

В махорочном чаду мы менялись кознами-свинчатками, стращали друг друга жуткими историями, лузгали подсолнухи. На всю Мазу слышны были шлепки замызганных карт да крики:

— Валета, валета зажал!

— А я шеперочку кверху брюхом перекувырну.

На этот раз в избе было тихо и на редкость свежо. Босые ноги Генерала торчали с печки, как две сухие бустылины.

— Храпит, прод царя небесного, налакался, да отчебучил-то что? Свои сапоги цыганятам сосватал. Отчебучил так отчебучил! Наши Мишка с Вовкой — в бане, плещутся ещё, — скороговоркой сообщила тётя Поля, сухопарая хозяйка глинобитного особняка.

И тут я принял решение: как погуще потемнеет — к банным шишигам пойду один. Зачем мне товарищи? При них стыдно маму выпрашивать. Боязно, страшно, а идти надо.

Мои купленные на вырост валенки то и дело застревали в глубоких сугробах. Случалось, я выдергивал из валенка ногу и по инерции совал её в твердый снег. Оборачивался, руками вызволял валенок, трусил белую пыль и шагал дальше. Ночью дорога длиннее, из-за темноты, наверное. Но вот и баня, серая, припорошенная снегом, как пасхальный кулич. Я различил в крохотном звеньшке свет.

— Есть кто-то, — ёкнуло сердце, — придется повременить.

Притаился неподалеку, в речном ивняке. Летом здесь на пологой отмели плотва хороводилась. Сейчас скучно и холодно. Мёрзну. Хилая банная лампадка всё по-прежнему подмаргивает. В валенках мокро, озноб по спине пробирает. Так можно всю ночь пропрыгать, пока сосулькой не станешь.

Выбрался я из своей сомнительной засады и мигом — к двери, там ждать не стал, в предбанник шмыгнул, как летом в холодный пруд. В тёмном предбаннике — ни души. Пригляделся: на полу, по соломе конфетные бумажки раскиданы.

Ведьмы — сладкоежки! — удивился я. — А может, и нет их вовсе? Лампадку кто-то забыл задуть, вот она и коптит... и чего это всё время бабушка причитает:

— Поехала счастье пытаться твоя маманя, счастье...

Счастье... Что такое, зачем оно?

Висячим тяжёлым крючком осторожно царапаю мокрые дверные доски. Оттуда — тихо, ни гу-гу.

— Будь что будет, — злось я и от злости храбрею, заполошно тарабанию запором.

В бане чавкнуло. Ещё и ещё раз. Словно шишиги те роняют на пол мокрую тряпку.

Я отскочил от двери. Тут же она распахнулась. И голова чужого незнакомого мужчины прижала меня в угол. Жесткая, как стальная, пружина распрямилась в моём теле, ноги — не ноги, а ходули, сразу за солому зацепились. И крикнуть не смел. Мужчина тоже отступил.

— Перетрухал, дурашка, — просипел незнакомец, — не бойся, верто-

лётчик я! Чего ты трепыхаешься, как воробей под застрехой? Вытри росто-поль с зенок.

Горло тутим шарфом затянула удушливая судорога, щёки — как в кипятке, в слезах. Не только с испугу я рыдал, от другого: нет шишиг никаких, ни злых, ни добрых. Враки всё Черкасихины. У кого теперь мамку выпрашивать?

Я долго тряся, всхлипывал, пока не очнулся. Жилистая рука взвихрила мне волосы, его ладони хорошо пахли куревом.

— Меня вот тоже вытурили. Чертовка горбатая! Ничё, на нарах кемарил, теперь в бане, на полке придется. Отосплюсь и в город махну. Не бойсь, дурашка, проживём! Стрелочницы — народ не дикий, культурный. Аккуратная краля.

4

Анюрку Горбушку пугали так. Выскабливали внутренности огромной тыквы. В её корке прорезали раскосые дырки для глаз, ножиком выстругивали рот с неровными зубами, в полую овощ вставляли зажженный электрический фонарик и... тарабанили в ночное стекло сорокалетней горбуны.

Замирали в сладком испуге наши смущенные души. И вот сонная, резко очерченная ярким полнолунным светом физиономия отшатывается от маски. Овечьим табуном и мы шарахаемся в сторону. Изредка наблюдаем, как от спички розовеет коленкоровая занавеска, потом шторка делается ярче, белее. Значит, Горбушка вздула лампу. Проходит время, и окно опять сливается с темнотой. Мы вдургорядь подкрадываемся к задремавшей избушке, торпливо дзенькаем по стеклу, включаем тыквы. Окно вспыхивает, по нему мечутся гигантские тени.

Наутро скучная улица оглашается удалой музыкой. Анюрка Горбушка в отместку озорникам крутит патефон. Он стоит на облупленном подоконнике, весело сияет никелированной головкой звукоснимателя. Рядом с коричневым ящиком высится неровная стопка пластинок.

— Вот кто-то с горочки спустился, наверно, милый мой идёт, — неистовствует аппарат.

— Тётъ Нюр, здрасте! Наше вам с бантиком! — с ехидцей приветствуем мы хозяйку музыкального салона.

— Тётъ Нюр, как ночевали?

— На нём защитна гимнастёрка, она с ума меня сведёт! — подпекает тёмному ящику Горбушка, лукаво, по-заговорщицки прищуривается и высовывает свой мясистый, в белых крапинках язык. Она процала весёлое озорство.

Собирала нас в кучу во дворе и показывала свои наряды.

— Вот это платьице я сшила для первого мужа, вернее, для себя... ну, когда замуж выходила. Он у меня геологом в партии был. Порешили его лихие люди, — кручинилась Горбушка, закатывала глаза и юркала в узкую дверку своей халупки — переодеваться.

Крепдешинный сарафан наша великовозрастная подруга приобрела, когда встречалась со знаменитым полярником, тем самым, который замёрз на дрейфующей льдине.

— А это платье из батиста, когда с вертолётчиком жила.

Тётя Нюра смешно дёргала своим широким, почти мужским плечом и кружилась рядом с глухой крапивой среди заполошных кур и дровяной шелухи.

— Счас я вам пирожков вынесу черносмородиновых.

И перед мальчишечьей ватагой вырасталось громадное сито-решето с горой пирожков.

Глазом моргнуть не успеешь, как в решете уже мелкие дырочки видны. Горбушка кудахчет вместе с хохлатками:

— Рисковая специальность. Инда поседел, что поярковые чёсанки у деда Ивана Романовича. Как не поседеть — всё время на небе. Тут на велосипеде раз крутанёшь и на кочке растянешься. Работёнка — не приведи леший!

Только в последнее время что-то Горбушка не примеряла свои наряды, а целыми днями маялась у окошка, слюнявила пальцы, листала пухлые книги. Прочтёт одну-другую, нас за стаканчик семечек нанимает в библиотеку бежать за новыми книжками.

— Чокнется с чтением своим, — резюмировала практичная няня Валя, — шла бы на маслозавод ишачить, там узнала бы, почём фунт лиха... Проклятые колени, спасу нет!

— Хворает, кажись, как не занедужить, — решила бабушка, — она и так полоумная. Кавалеров ждёт. Всю пенсию свою спускает на сундук. На тряпки. Питается одной ягодой. На брюхе — шёлк, а в брюхе — щёлк. Шёл бы ты лучше на Гору, не путался под ногами.

Весной все развлечения проходили на пригорке — Горе. Солнце хищно съедало последний оплавленный рафинад сугробов. На жирных проталинах, как на промокашке, мгновенно выступала густая, колкая с виду, зелень. Пьяно пахло дремотной юной землёй.

На этих зелёных островах мы кутались в фуфайки, на сухих поленьях увеличительными стёклами выжигали замысловатые узоры, играли в клек, “чижа”, лапту.

Лапта — с утра и до вечера. Уже ноги подкашиваются, уже, ошавев от азарта, почему-то кидаешься в другую сторону от своих соратников, а всё хочется ещё и ещё раз резануть по особенно звонкому в весеннем воздухе мячику.

Взрослые не выдерживали соблазна, спешно взбирались в Гору, якобы поглядеть, потом, как по-писаному, кто-нибудь из мужиков укоризненно хмыкал:

— Рази ж так бьют? Хм...

И плечом оттирал пританцовывавшего нетерпеливого мальчика.

Здорово душил по каучуковому комочку дядя Вася Черкасов. Его крученный мячик вырывался из самых цепких рук. Юрко сновал по полю в рваных брезентовых тапочках его младший брат Ёхтарный Мар. К вечеру взрослые оттесняли детей, резались в лапту сами. А мы, защищенные ручательством ребячливых мужиков, палили кудрявые дымные костры из автомобильных покрышек.

В один из таких азартных вечеров и прибежал и поломал всю лапту, все костры дядя Коля Хватов.

— В даррр-данеллы мать! — в сердцах ругнулся Генерал. — Горбушка-то наша... того...

— Спятила, что ли?

— От книг... от вертолётчиков.

— Нет Горбушки.

— Как так “нет”? — откинул в сторону тяжёлую битую дядя Вася Черкасов. — Сбежала, что ли, куда?

— Очень просто... лежит... мертвая... на лавке.

Она и письмо оставила. Чтобы в гроб положили в майском цветном костюме и чтобы всю стопку пластинок в последнюю дорогу проиграли.

Бабы пустились обмывать, обряжать покойницу: ан ни туфель, ни тапочек каких у тряпичницы Горбушки в доме нет. Как в воду обувка канула.

Костю Куртасова и меня снарядили к нему сапожнику с двумя суровыми нитками — размерами: длина, ширина ступни.

— Да яичек для него захватите, он поживей сварганит.

Навязали узелок.

Немой обувал своими брезентовыми тапочками всю Мазу. Покрякивал, мычал, ширял кулачищами туда-сюда, только жирно натёртая варом дратва струной звенела в могучих руках.

Костя жестами изобразил вроде горки — горб, Горбушка то есть. Сложил ладошки шалашиком и к уху их приставил. Уснула, мол, совсем Горбушка.

Немой мыкнул, дёрнул из моих рук ниточки и треугольным лезвием заполосовал брезент.

От яиц негодующе отказался.

Горбушка в гробу лежала молодая. Наверное, такой она была до несчастного случая (шла на почту, девчонкой ещё, да снежная губа под её ногами обломилась, и ударилась об ледовую гряду позвончиком). На Карпатах, в доме Горбушки, последний раз наяривал патефон весёлые песни: “Вот кто-то с горочки спустился”, “Когда б имел золотые горы”. Затянутые в чёрные платки бабки опасно крестились, называли Горбушку охальницей.

За Тюриново гумно гроб несли по жидкой грязной кашнице. Вся наша Вторая сотня тянулась хоронить.

Месили грязь осиротелые мальчишки, те, кто тыквой страшал покойницу, кто уплетал когда-то её пирожки со смородиной и крыжовником, глумился над очердными “вертолётчиками”, “физиками”, “хирургами”.

Перебирали ногами, семенили старухи, запасливо отработывали свои будущие похороны.

Я впервые близко встретился со смертью. Не понимал, как это так: вчерашняя разбитая Горбушка сейчас втиснута в сосновый, плохо оструганный ящик. На ней тачанье у немого тапочки, сарафан в горошек, тот самый, в котором она прошлым летом красовалась, модничала перед нами. И всю дорогу на кладбище мне мнилось: Горбушка живая, дышит, погоди, дядя Серёжа, постой, дядя Вася, повремени, дядя Миша, вот она сейчас привстанет из своего нелепого сундучка, расхохочется, вывалит назло всем свой мясистый язык:

— Обманули дурака на четыре кулака!

И только когда над уже несуществующей Горбушкой вырос холмик, аккуратно, со смаком прихлопанный лопатами, меня ужалило какое-то пустое, щемящее, доселе неведомое чувство. Так и бабушку мою закопают в темноту, в грязь, в землю, и меня через много лет спустят в яму. И всех. Всхлипывал я и от того, что уже тепло и будет красиво кругом, влажный воздух пахнет весной, что сегодня опять пойдём на Гору или заберёмся в сарай к Косте Куртасову и по очереди будем читать “Робинзон Крузо”, плакал оттого, что легко, радостно жить, и жизнь такая ласковая, как весеннее солнышко.

Поминки по Анюрке Горбушке прошли роскошно: с водкой и гульбой. Так прошли, как она просила в своей записке, черкнутой наспех перед тем, как проглотить какой-то аптечный яд.

Вечером мы жгли автомобильные покрышки. Они громко трещали, сырали в тугое небо, как в барабан, яркие весёлые горошины.

5

В магазине, который дед называл то “кооперацией”, то “мериканкой”, продавалась всякая вячина. На витрине отливала серебром любимая бабушкина селедка, под стеклом портилось из-за отсутствия спроса горьковатое шоколадное печенье, в мутных стеклянных вазах, как разбитая вражья армия, веером разметались конфеты. Ни дед, ни бабушка в сладостях мне не отказывали. Дома на оконном косяке всегда висел неиссякаемый мешочек “язык посладить”. И всё-таки, всё-таки трое неразлучных: Валька Сторожев, я и Костя Куртасов выкрали из магазина несколько горстей хамсы.

Хамса, товар презренный, ютилась на дощатом крыльце магазина. Во время перемены равнодушной походкой мы подошли к заржавленной бочке и ладошками начерпали из неё мелкой рыбы. Тут же проглотили штук по пять. Остальную рыбёшку раздали одноклассникам.

На другой день потрошителей рыбных бочек позвали к директору школы.

Иван Иванович Зимин сурово выхаживал по своему тесному кабинету, резко на каблуках по-армейски поворачивался. Казалось, вот-вот — и всклокоченное чело его стукнется о стенку. Наконец, метания Ивана Ивановича утихли. Он стремительно брякнулся на витой домашний стул и заклекотал. Сходство с орлом придавали ему и воронки щёк. На фронте вражеская пуля легко пошутила над нашим директором, пробив навывлет обе щеки.

— Бальтики (мальчики), — покраснел нервный Иван Иванович. — Бде за бас пыбно. Божете идти.

Ужас скользким кольцом заполз внутрь. Всё вокруг запахло маринованной килькой: школьный глобус, парты, промокашка, даже сочная трава за окном источала тошнотворный солёный запах.

Мы храбрились:

— Подумаешь — “пыбно”!

Но глаза выдавали.

Проступок разбирали всем классом. Меня вызвали к учительскому столу, на который облокотилась наша пожилая Мария Григорьевна и другая учительница с бесцветными глазами в блеклом вылинявшем платье. Говорила, в основном, чужая:

— Стыд и позор. Позор и стыд... что, если в роно узнают?

Роно — короткое, непонятное, чудовищное слово. Роно боялись даже учителя. Нас нещадно клеймили товарищи. Колька Елянюшкин, вчера жадно уничтожавший пряную добычу, подхватил:

— Стыд и позор!

Елянюшкин доконал. Лица бушующих одноклассников и печальных учительниц расплылись в бесформенные пятна, в скользкие ёлочные фонарики, перезрелые малиновые помидоры.

— Бу-бу-б-б-бде за бас пыбно бу-бу-б-ро-но, — бубнил искореженный глобус.

Но вот что-то холодное возвратило назад светлый потолок, затем неровную приятную кромку парты. Под собой я увидел алюминиевую кружку и бескровное лицо чужой учительницы.

Вальку с Костей из школы забирали родители, меня волок за руку дед, Иван Романович. Самое позорное ждало впереди.

Чвакнула обитая клеенчатыми лоскутами дверь. Дед, громыхнув ведрами, пошёл поить корову Субботку. А я... я, съёжившись, проскользнул мимо бабушки в чулан. Евдокия Ивановна сидела на сундуке и красноречиво молчала. Лицо? И лицом не назовёшь. С таким видом бабушка уходила на похороны своих подруг.

И только поздно вечером в избу зашёл дед. Он принёс промасленный свёрток. Шмякнул его на стол, развернул и велел есть. В кульке оказалась ненавистная хамса.

— Ешь, ешь, ешь, — шипел дед.

И рыбёшка, как недавняя учительница, стала разбухать и вторить:

— Ишь, ишь, ишь, ворриш-ка.

Потом старые дед и бабка гладили меня по волосам. Бабушка целовала мне руки и всхлипывала. Стало ещё хуже. Всю неделю, весь месяц, до начала летних каникул нет-нет да и вспоминал я свой дурной поступок. Он портил мне житье вплоть до замечательного и неожиданного события.

Утром, ещё в постели, услышал я, как заливалась Черкасиха:

— Ну, Дунярка, радость-то у тебя. Видно, барана колоты — не миновать, секир башка барану, — Лизавета твоя возле маслозавода на плотине плещутся с новым хозяином. Разнагишались и бултыхнулись в воду при всём честном народе.

Бабушка вроде и не обрадовалась, дёрнула подбородком, как муху прогоняла, для чего-то потуже подпоясалась:

— Что загалдела? С хозяином да с хозяином... Она давно мне об хозяйине своём в письме сообщила, добрый, писала, мастер на все руки от скуки.

— А не пыталась ты Лизавету, внука твоего на себя запишет или как?

— Я, если хочешь знать, и не отдам его. У них ведь, у молодёжи, как? Милуются-целуются, а завтра — табачок врозь, поматросил и бросил. Расчесаться бы надо, как Петра встречать с такой головой? Гребешок как назло куда-то запропастился.

Дед ввернул свою давно всем знакомую фразу:

— Выйди на дорогу, плюнь кому-нибудь в глаза — расчесут.

А из окошка уже шныряла глазами по углам избы завистливая бабушкина золовка Марья Муравова:

— Авдотья, идут-идут сроднички. Баул огромный прут, небось, всех одаривать будут.

Я вскочил с кровати и тоже метнулся к окошку. К завалинкам своим, к воротам, вроде бы по делу, выскальзывали наши курмышенские бабы: кто якобы для того, чтобы курам подкинуть, кто — занять кружку дрожжей для завтрашних пирогов. По белесой пыльной дороге плыла моя румяная мама, а с ней вышагивал мужчина в рубашке с короткими рукавами.

Бабушке изменило хладнокровие:

— Абетюшки! Живей, Иван, с верстака своего хоть стружку смахни, а я привечать побёгла.

Сдёрнула с оконного косяка праздничный запон, фартук. Не помня себя, и я кинулся к калитке и тут же уткнулся в мамины прохладные губы. Она не так, как всегда, немедленно оторвала меня и, испуганно заглянув в глаза, шепнула:

— Это отец твой, так и называй: папка.

Мне, конечно, хотелось иметь папку, такого вот мускулистого, с мокрыми, небрежно закинутыми назад волосами, при часах, в шелковой немазинской рубашке, хотелось... да ещё как!

Новый папка кольнул меня щетиной, потрепал жиденькое плечико:

— Мы друзьями будем. А подарков я тебе привёз, глаз не хватит глядеть. — Он грохнул на дощатое крыльцо свой грандиозный баул, повозился с замочками и откинул крышку:

— Это лабуда одна... носочки... рубашки... во! Глянь сюда...

Ладонь мамкиного спутника подкидывала ножичек с цветной толстой ручкой.

— И вот ещё фотоаппарат “Смена”. Всех заснимешь.

От счастья я онемел. Из дорожного сундучка выскакивали конфеты величиной с кулак, зеленоватый таджикский сахар в кристаллах, дивные, сладко-солёные подушечки, притрушенные мукой. Из чемодана, как из волшебного ларца, вылетела тёплая в клетку шаль для бабушки, защитного цвета, почти военная, с пружиной фуражка для Ивана Романовича, отрезы на платья для родственников, шаблов и просто для тех, кто переминался с ноги на ногу в нашем просторном дворе.

— Хозяин у Лизаветы справный, гостинцы раздаёт.

— Привалило счастье, ого-го, козырный мужик.

На этот раз и я вроде бы забыл, что моя мама вернулась в деревню, ко мне. Меня распирало гордое чувство: “Отец появился!” Не мог сидеть я и наблюдать кухонную мороку. Тем более что тётка Марья Муравова всё тербила:

— Отцом будешь звать-то?.. Зови!

Выскочил я на улицу от цоканий, вздохов, взрослых кривляний.

— И всё же кровь чужая не греет! А ты так и скажи: папка, мол, возьми меня с собой в город.

Сразу же меня облепила пацанва. Мальчишки тоже радовались моей радости. Необыкновенный ножик реально подтверждал значимость моего папки, подталкивал ребят к расспросам:

— Кто он? Кем работает?

Подбивало ошарашить:

— Лётчиком-испытателем!

Но это уж слишком.

— Столяром... Но зато он железную записку от ворот руками сгибает, мускулы — во-о-о!

Наш курмыш вечером гулял. Пили белое вино-водку, плясали, чадили папкиными папиросами. Дядя Коля Хватов, дядя Вася Черкасов с братом своим Ёхтарным Маром бестолково галдели. Наедался впрок в уголке скупой владелица первой в деревне легковушки дядя Саня Сомов, облизывала сладкий гостинец Черкасиха. Зубами она кушала круглую конфетку, а глазами ела всё подряд, боясь пропустить хоть что-нибудь интересное, чтобы завтра на пути в Винный не опростоволоситься и выдать такое, отчего спутницы рты пооткрывают, как карасы на берегу.

На лужайке возле избы схватились мой новый подвыпивший папка с маминым братом дядей Виктором.

Подзуживали. Дядя Коля Хватов сипел:

— Городские — они склизкие, их голой рукой не возьмёшь.

— На микитки его, на микитки, — по-воробыному ерепенился плюгавый дядя Лёня Рябов.

Кувыркались беззлобно, с усмешками да прикрываниями, но как-то случилось, что затрещала, поползла дяди Витина рубашка. Папка тут же скинул, наверное, сторублевую безрукавку и сунул её новому родственнику:

— Носи, какой разговор... у нас таких в городе на каждом углу.

Ночевать мама с папой полезли на подловку, на сеновал.

Я всё увивался вокруг них, сухие ягоды земляники из сена дёргал, пока мама не обозлилась чему-то и не шуганула меня с чердака. А утром Иван Романович и новый папка регулировали токарный станок. Дед своими пилами донимал:

— Англицкие, — зудит, — пилы, “Лев на стреле”.

Иногда Иван Романович делается, как репей, пристанет — трактором не отдерёшь. Хорошо хоть папка сам заметил, как мне скучно: пошли мы с ним к речке, там моим ножом свистков нарезали.

По пути новый отец всё выпытывал:

— А другого папку помнишь? Ну, того — Лёньку?

О том отце я знал только, что он — жулик. Где-то своровал пять ватных одеял, продал их, пропил и сел в тюрьму, потом вернулся из заключения и куда-то сгинул.

— Нет, не помню. Зачем он мне, тюремщик? — памятью бабушкины наставления, пренебрежительно кинул я. — А я вот тоже чуть вором не стал, — неожиданно для себя признался я.

И выложил папке всё про хамсу.

Папка постучал по большой коробке “Беломора” папирской, дунул в трубочку и жадно затянулся.

Я решил: вот вырасту большой, как он, и тоже буду курить “Беломор” и так же крошки табака выстукивать из папирсины.

Вечером мы с папкой пошли косить траву для Субботки. Отец сорвал с себя майку:

— Ой-ой-ой, припекает как. Марит!

Поплевал на ладони, прежде чем ухватить окосиво, и пошёл, покачиваясь, по Винному оврагу, сильный, потный. Весёлый — со скользкими стальными плечами.

Он докосил до островка душицы, упёрся в косу подбородком.

— Запах какой чудной?.. Прёт от травы, ошалеть можно. Я ведь тоже из деревни. Орловский... Траву понимаю!

Я загордился:

— Мы душицу с чаем пьём, в кипятке завариваем, она и от зубов помогает, вот заболят у тебя зубы.

— Дак нарви травы к вечеру, чаек заварим.

Я сунул за пазуху несколько пучков душицы и стал репейным листком носить воду из Винного. Вначале отца напоил, а потом стал паука из норки выливать. Паук долго не выливался, мы и не заметили, как потемнело вокруг, как небо хлестнуло по сочным папиным грядкам, по сизым головкам татарника, по известковому противоположному берегу оврага бурными потоками воды.

— Ой-ой-ой, попадёт нам с тобой от мамы.

Он схватил меня, как охалку сена, прижал к себе. Всё равно это не спасало от ливня, но я не отстранялся.

Как пришёл, так быстро и улетучился дождик. Мы домой засобирались. Дома уже завывал самовар, тонко, протяжно. Из-за пазухи я достал пучок мокрой душицы.

Пили чай, дед подшучивал:

— А ты, Коляка-моляка, чай не пей, пузо своё оближи, оно ведь душицей пахнет.

Мой новый папка подмигивал мне, дул на блюдечко и шумно, совсем по-нашему, по-деревенски, пил чай.

Легко перечислить то, что бабушка Дуня любила. Ей нравилось белить свою избу как можно чаще, и перед светскими праздниками, и перед церковными. Она обожала стряпать, печь пироги в широкоплечей печке. Заветным для Евдокии Ивановны был тот час, когда хлеба отдыхали. Доходят на сосновых некрашенных полках душистые холмики, плотно прикрытые льняными утирками — и в её глазах светло.

— Баб, можно пирожка горяченького?

— Ни-и-и! — пугалась бабушка. — Жди, как отдохнут, а то зачерствеет враз.

Без преувеличения можно признаться, что дух от горячих бабушкиных пирогов был слышен по всему Курмышу.

Евдокии Ивановне доставляло удовольствие ставить самовар. Нащиплет косырем трескучей, смолистой лучины, воткнёт растопку в самоварное нутро и протяжно раздувает, заводит. Раскраснеется, как яблоко осенью.

Этим же гигантским тесаком с придыхом “хэк-хэк” азартно выскабливала некрашенные полы в передней. Сейчас трудно вообразить такое: зеркальный самовар с раздутыми, будто майские шарики, физиономиями на боках, свежие, медового цвета, полы.

— Пироги так и дышат, — расхваливал Евдокию Ивановну дед.

Стены в нашей избе были увешаны фотографиями в гладкоструганых рамках. Удивительное дело: самые старые дедовские снимки только чуть пожелтели. Но желтизна придавала им особую прелесть. Вот молодой дед Иван Романович запечатлен с товарищами в форме ефрейтора царской армии. Он — участник Первой мировой войны. У деда широкоскулое, красивое лицо, фуражка с высоким околышем, сапоги гармошкой. Франт, да и только!

На других снимках красуются разновозрастные родственники: голопузые мальцы, щекастые тётки, застенчивые остолбенелые старики.

Моя самая дорогая фотография: бабушкин брат Григорий — в буденовке, на горячем коне. Скакун взметнул свои копыта, как на знаменитом питерском памятнике. Потом я узнал, что чересчур борзой конь — художественные упражнения армейского фотографа. Несмотря на подделку, бабушкин брат Григорий всем своим видом внушал мужество и отвагу. Я им гордился.

Разглядывание и перетасовка фотографий в разноцветных рамках — одно из приятнейших развлечений бабушки. Фотографические пасьянсы составлялись и по значимости родных, и по их взаимным симпатиям, и по географическим признакам — кто где живёт.

— Эти, мазинские — в зелёную рамку, софьинские — в морковную, — приятно мурлыкала бабушка. А рядом с чуланом, далеко от людского глаза, висела особая Субботкина рамочка. На снимках здесь изображена наша корова анфас и в профиль, крупным планом и мелким. С виду — обыкновенная бурёнка, каких много.

Я учился в шестом классе, когда эту корову по старости сдали в заготскот.

Бабушка крепко тужила. Я злился скорее всего от жалости к четвероному члену нашей семьи — Субботке. Под шумок сбежал к Кольке Черкасову — Ёхтарному Мару.

— Дядь Коль, дело есть: щёлкни нашу корову на память.

— Во даёт, ёхтарный мар, не щёлкни, а сфо-то-гра-фируй. Аль в скотину влюбился? А, пацан?.. Изобразю. Какой разговор! Руки вот только трепыхаются... перебрал вчера, кхм-кхм... сдача коровы? Такое дело и сбрызнуть не мешало бы.

Ёхтарный Мар долго, суматошно искал клеенчатую с кистями шаль — главную принадлежность фотокамеры, потом тщательно зализывал назад масляные прямые волосы. Такая причёска в Мазе называлась “политзачёс”.

Вскоре Иван Романович подпрыгивающей рысцой побегал в “мериканку”. А бабушка закутилась у печного шестка.

— Картошка без костей — подаётся для гостей, — мужественно приговаривала она. В радости и печали Евдокия Ивановна выражалась складно.

— Фу-ты, шайтан эдакий, нос испачкала сажей печной. Нос — табаком зарос.

Через полчаса в горнице уже наполнялись стаканы. Фотограф долго вертел свою стопку, приглядывался к ней. Мучительно, будто острое кинжала, вонзал он белое вино в своё горло. И тут же повеселел, тут же забалагурил, сообщил о чистоплотности немцев. Ёхтарный Мар служил в Германии.

На полуслове споткнулся, вытянул руки вперёд, словно при зарядке:

— Всё в ажуре, зацементировал, айда во двор.

Укутал в шаль трёхногую свою шарманку, уткнул в темноту масляный пробор.

Корова в ответ недоверчиво попыхивала ноздрями, косилась на Колькину конструкцию, дёргала холкой и хлестала хвостом, как слепней отгоняла. Чужала недоброе.

Бабушка отворачивалась от фотоаппарата, словно корову не на плёнку снимали, а лишали жизни.

— И назвали её Субботка. Майка отелилась — я баню топила, в субботу. Почти человек. Только не калякает, — разносился по двору неровный, как при простуде, бабушкин голосок.

Субботка — грузная бурая корова бестужевской породы, с виду была довольно свирепой наружности. Крутобокая, рога — словно ухват для ведерных чугунов. Только глаза — доброго коричневого, бархатистого цвета — выдавали ласковый норов нашей кормилицы.

Помню, как дед топтался в сених, обивая от снега валенки:

— За скотиной востро глаз держать надо, не ровен час...

Нашу избу чуть ли не до печной трубы заваливало снегом. Прокопали три тоннеля: к колодцу, к дровяному сараю и в хлев.

А ночью я проснулся от шума. Пылает десятилиннейная лампа, и в руках у Ивана Романовича фонарь “летучая мышь” подпрыгивает, по стенам громадные тени корчатся. Это бы ничего, если бы не торопливые бабушкины сборы. Дед шепчет, чтобы меня не разбудить:

— С прибылью, Авдотья!

— Ну-у! — радостно откликается бабушка. — Неужто принесла!

К полудню “прибыль” уже высохла вся, даже скользкие розовые копытца. Бабушка распекает деда:

— Шлындаешь туда-сюда. Ты сперва в сенцах постой, мороз там оставь, а потом — в горницу, застудишь телёночка-то.

Хрупкое существо присосалось к бутылке с жёлтой жирной жидкостью — молозивом. Не только меня, но и взрослых оно приводило в умиление своей беспомощностью: сучит ножками, царапает пол, а подняться нет мочи.

Мне хочется его погладить:

— Подойди, только легонько.

Зимой жить интереснее, чем летом: то на речку бежишь “кошки” поджигать (“кошки” — пузырьки во льду с горючим газом), а то катаешься с горы на ледянках. Это старые, прохудившиеся тазики, обмазанные со дна навозом да политые водой. По прикатанному снегу ледянки летят, как пуговицы по стеклу. Страшно и весело.

Весь день катаешься, катаешься, а внутри тает “карамелька” — дома телёночек. Он уже и на ноги встал, качается во все стороны, как этажерка без гвоздей.

Я воровато щупаю его лоб, нет ли там бугорков. Бабушка запретила это делать, страшилась:

— Вырастет, бодаться-пыряться станет.

А мне очень хочется, чтобы у Сынка выросли рога. У Сынка! Честное слово, каждая вторая тёлка в деревне — Дочка, каждый третий бычок — Сынок.

Не от скупой фантазии — от теплоты душевной к животным. Никто над этим не смеялся. Да и ласково.

Запах в доме был, но никто этого не замечал, он был естественным, как хлебный дух из печки, как аромат антоновки из сундука, как летний солнечный запах душицы на печном плечике.

Память подсовывала другую картинку.

— Не молоко, а гольные сливки, — чистосердечно восторгалась Евдокия Ивановна и казала собеседницам балакирь с воткнутой в молочную твердь ложкой.

— Пахтаньем можно щи забеливать, — ещё больше дивилась владелица редкой худобы.

Бабы цокали языками, завидовали.

Реклама чудесной скотинушки довела до того, что из колхоза приехала на скрипучей бестарке женщина-зоотехник. С порога, как по кочкам, понесла:

— Продайте свою кэрээс для улучшения общественного стада.

— Ни-ни, — обижалась Евдокия Ивановна, оскорбленно мотала головой, отворачивалась к окну, — какая она кэрээс? Субботка.

— Колхоз вас всем обеспечит: мёду, масла растительного выпишем, другую корову приведём. Племенную!

Баснословно ценное для верхнемазинцев подсолнечное масло не прельщало.

— Чтоб я родную корову да в вашу грязь?!

Субботка всегда была в курсе верхнемазинских новостей, знала все хозяйкины заботы и хлопоты. Евдокия Ивановна дойку начинала так:

— Ну, корова, будь здорова!

Подмигивала любимице, хлопала по гладкому крупу, щекотала за ухом, протягивала кусок подсоленного хлеба или ватрушку, корила за провинность:

— И-ех ты, фефела, извалтузилась вся!

Тёпленькой водицей споласкивала вымя, растирала с вазелином соски.

Вот в пустую доёнку ударяла звонкая струя “пиу-пиу”, и Субботка умиротворённо пфукала.

Протяжно переводила дух и бабушка, начинала рассказывать:

— Вечер приходит шабренка и баит, что сорока возле нашего дома хвостом крутила — то туда повернётся, то сюда. К гостям, видать...

А подоит Субботку — ко мне мчится с большущей алюминиевой кружкой:

— На-кось, вечерошника испей!

Нежнее к губам разве что одуванчик прикасается, сладкая пена щекотала губы, и от этого вечерошника окутывала меня сладкая дрёма.

В Субботкиной жизни случались и чёрные дни: бабушка уезжала в город Сызрань чесать овечью шерсть. Перед автобусом Евдокия Ивановна пробегала по порядку, робко просила подоить корову, уговаривала то золовку Марию Муравову, то тётку Лену Бычкову, то Веру Черкасову.

Вечером, когда пригонят стадо, смех и слёзы. Коровы ни в какую не подпускала к себе и кокетливо-ласковых, и откровенно рассерженных женщин. Субботка грозно крутила своим ухватом, брыкалась, грозно мычала, больно хлесталась хвостом. Дед, изловчившись, сырмятными ремнями притягивал корову к столбу. И только благодаря акробатическим ухищрениям тётки Веры Черкасовой удавалось сцедить молоко, лишь сцедить, чтобы вымя не испортить.

Ночью Субботка не спала: переживала, мыкалась по стойлу, “жевала серку”. А спозаранок являлась весёлая бабушка, раздавала гостинцы: мне — клейкие петушки на палочках, деду — нюхательный табак “Золотая рыбка”, а Субботке — городской батон, сладко пахнущий ванилином.

— Руки очоцени, озяб! — с театральным стеснением признавался Ёхтарный Мар, складывая треногу.

— Да там ещё оставалось для сугреву, — успокаивал его дед.

Женственный Ёхтарный Мар уже лихим жонглёрским движением опрокидывал стакан, мелкими зубами аккуратно жевал огурец.

Дед шумно занюхивал водку коркой хлеба, жмурился, его нос делался ещё пунцовее, как картофелина, выросшая на свету.

— Н-да, — благодущничал фотограф, — аккордеон бы сейчас сюда, “На сопках Маньчжурии” врезал бы. И-ех, жисть! А снимки будут — первый сорт, не узнаете свою коровку. Артистка вылитая, ёхтарный мар. Можешь, тётъ Дунь, новую рамку заводить для своей бурехи.

Бабушка стучала посудой, нарезала закуску, кропотала под нос:
— Селёdochка, будто лодочка.

7

*Иван Романыч,
Сыми портки на ночь,
Как день —
Так опять надень.*

Дразнили меня неродным дедушкой. Особенно оскорбляло стыдное слово “портки”. Настоящего, кровного деда Ивана я не знал, бабушка рассказывала, что он умер давно, в голод:

— Всё в дом таскал, то горсть отрубей, то щепоть мякины муку разбавлять. Помню: прибежал с горбушкой. Детки, как мухи на мёд, к столу артелью. Самый маленький Шурка руку под ножик подставил. Я впопыхах — чик и отхватила пальчик вместе с ломтем. Так на шкурке и повис. Всё равно с кровушкой съел сыночек свой кусок. Куда боль пропала... Опухший с голодухи дед Иван отходил неслышно. Два дня на печке грелся, ворочался. Потом сунулся лицом в дымоход и как уснул.

О другом деде, Иване Романовиче, в Верхней Мазе ходили невероятные байки. То какой-нибудь ушлый мужик объявит Ивана Романовича австрийским шпионом:

— В плену был? Был! За-вер-бо-вали!

— Немец, гольный немец, — жестоко поддакивала сварливая тётка Нюра Шилова. — Вы поглядите на его личность: вылитый фриц. Цурюк, цурюк, хенде хох.

Низкого роста кряжистого деда с круглым свекольным лицом с таким же успехом можно было выдавать за жителя чёрной Африки.

Добряки уверяли в том, что дед — герой гражданской, “тока пострадал от этого... как его... культу... вот и завернул в нашу Мазу под бок к Авдотье Бузаевой”.

Не только в Мазе, но и по всей округе знали мастеровитые руки Ивана Романовича Катышева. Он был и плотником, и столяром, и лудильщиком, и бондарем. Редкие оконные наличники не сотворены руками моего второго деда. Разнообразные кружевные узоры придумывал дед Иван: от простейших “бубней”, “червей”, “виной”, до немыслимых тончайших выкрутасов. Меня он прочил тоже в столяры. Пока.

— А потом инженером будешь. В белой рубахе с галстуком будешь ходить.

Приучал работать с фуганком:

— Руки свободно держи. Положи ладошки сюда. К себе тянешь — вдыхай, от себя — выдыхай. Как паровоз, тудою-судою, тудою-судою, чух-чух, чух-чух. Струмент уважать надо, беречь.

Бесчисленные рубанки, фуганки, фальцовки, шалевки сделали из простого клена. Щелкнешь по железке ногтем — звон: “тилин-тилин”, тонко так, отчетливо.

Иван Романович кручинился:

— Вот околею, куда струмент уйдёт? Искорёжут его, растачат. Был бы ты плотником-столяром, тебе б отписал. А зачем струмент инженеру?

Бабушке наказ:

— Отправят на мазарки, закопайте вот со мной эту ножовку, вот эту стамеску. А то как же с пустыми руками умирать? Стыдно.

Враз уходил от хмурых разговоров:

— Ну, нам с тобой уторы на бочке зарезать — неколи прохладяться. Ты, Коляка-моляка, внутри залазь, а ты, Авдотья, тоже пособи — бочку держи.

С исключительной точностью прорезал он глубокую борозду, паз для будущего дна. Мы с бабушкой только и нужны были для того, чтобы полюбоваться весёлой работой.

Когда у нас выходили деньги, дед точил веретена. Станок для их производства чем-то напоминал колченогую скамейку с луком. В тетиву впутывалась заготовка для будущего веретена. Я дёргал тугой лозиною, вращал заготовку, дед сноровисто приставлял стамеску, выкрутывая из брусочка липы настоящее чудо. Слонявил карандаш, расписывая веретена всеми цветами радуги.

Поплюет Иван Романович на три пальца, ткнёт тонконогое основание веретена в ладонь, и долго-долго танцует радуга на широченной ручище.

— Поёт и пляшет, отдашь за двадцать копеек.

Ташусь по порядку. После такой радости (как чудесно пахнет жженой веретеной липой) опять канючу у палисадника:

— Поющие веретена... поющие веретена!

Дед Иван тоже, как Графена Черкасова, обожал баньку. Пар и жар приводили его в настроение.

Отфыркиваясь, еле доползал из бани. Могучий, пунцовый, сядет против стола, чай ждёт. Бабушка в чулане на лучинку в конфорке самовара дует, приговаривает в рифму:

— Счас вам чаю накачаю, сахару наколю.

Дед водружает меня на край стола:

— Фу-ты! Взопрел после бани, как после косива, а ну, шельмец, давай подтягивай!

*Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел и силёнку...*

Любимая наша песня.

Бабушка гневно высказывает из своего чуланишки:

— Срамники, охальники, стыдобушка! Великий пост, а они песьельничают!

— На-а-чальник даёт мне приказ, — задористо, сочно рокочет разопревший дедовский голос.

Тоненько дребезжит рядом мой озорной колокольчик.

К религии Иван Романович был равнодушен. Помню, распря с бабушкой получилась. Сразу после полёта Гагарина в космос дед нашёл его портрет и прикинул в уголке возле иконы Николая Угодника.

Бабушка шумела, дулась на мужа, грозилась сорвать антихриста. Старик решительно протестовал:

— Это вам кось-мось, а не фиги-миги!

Но завелась в семье червоточина.

К нам зачастила бабушкина сноха. Мне было велено кликать её няня Валя. Однако Иван Романович за глаза прозвал её более точно: Пудовка. Пудовые ноги, руки, груди, пудовое одутловатое лицо имела няня Валя. Она обладала пудовым аппетитом, страстью поспать с храпом и безудержной охотой к сплетням.

Дотопает до нашей избы, жалится:

— Уж я и не отудоблю, наверное. Ой, ноженька, ой, коленочка, пригоршню пилуль выписала мне Манька Власова. Да ну их всех. Не лечат — калечат. Картошечки бы, маманя, пожарить со сливочками.

Сама жарила и наворачивала картошку. Балакирь молока выпивала за раз.

Дед косился, подмигивал мне, шептал в ухо:

— Пудовка наша всё умяла, во-о! Аж за ушами трещит.

Пудовка тем временем благодушничала: в кооперацию нашу конный какой-то жир привезли, конбижир называется. Никакого масла на дух не надо. Ложку жира с гулькин хвост кинул на сковородку, и всё, и анба!

— Абетюшки, — восторгалась бабушка, — ты, чай, Валя, купи со станчик, протведать.

Та обещала и повторно хваталась за могучую коленку:

— Стрелы, стрелы, стрелы! Ник-какой возможности. Полежать пять минут, может, отпустит?

Все пуды свои роняла на хилую бабушкину кровать. Моментально проходили "стрелы". Шабры и те слышали протяжный, со сладостными всхлипами, храп.

Дед в сердцах уходил чистить калду. Бабушка посуду тёрла, тёрла закопченное десятилинейное стекло для керосиновой лампы, сеяла муку для новых пирогов.

Как-то няня Валя проснулась под вечер, поманила к себе бабушку:

— В Мелекесе дом открыли для таких вот, как твой старик, палаты царские, а не дом. Уборная и та из лакированного камня.

— Абетюшки! — всплеснула сухонькими пергаментными ладошками бабушка, — зачем они с лаком?

— Ты кумекай, чё люди добрые калякают. Ивана туда надо поместить, Ивана! Пока возможность есть. Я сама бы в тот дворец попросилась, да не пройду по молодости лет. Всё в палатах тех коленкоровое, к каждому старичку-старушке баба-медичка приставлена для пригляда. Каждый день сладким лимонадом потчуют. Эт вы привыкли к своей калине да тыкве. Бают, что они женятся и расходятся, как молодые.

— Чудеса! Стыд господний! — укоряла Евдокия Ивановна.

Вскорости после этого разговора, как назло, занедужил старый. И Пудовка зачастила к нам. Со всех сторон приширала сноха:

— Дорогая моя, мамочка, ты ведь не молоденькая, за тобой самой, чай, уход нужен. А тут Иван Романович. Кто он тебе? Дивуй бы мужик родной? Не кровь — сукровица. Ведь не расписаны?

— На кой они, бумажки-то, — оправдывалась бабушка, — который год бок о бок, рази не муж?

Однажды дед дёрнул меня за рукав рубашки. Болезнь сделала его плаксивым. Иван Романович долго высмаркивался, самодельным гребешком из коровьего рога причесал щетинистые усы, просипел:

— И ты, Коляка-моляка, хочешь меня на погибель спихнуть?

— Хвораешь ведь? — сжался я от жалости. — Там — уход.

Вспомнил Пудовкины обольщения.

— Пойду, раз так, как наша корова, как Субботка, в заготскот. Ты за струментом гляди, вернусь — наймёмся с тобой в Нижнюю Мазу наличники нарезать к Кутуковым.

По грязно-полосатому, как замоченное в тазике бельё, снегу отвезли деда Ивана в Мелекес.

Перед поездкой он всё возвращался к божнице. Там документы какие-то искал. Раза три вертался. Его корили:

— Гоже там, чего упираешься? Отлежишься, и цурюк, хенде хох, к Авдотье, к Дунярке.

Иногда меня обдавало непрошеной злой радостью: “Некому теперь будет с веретенами посылать”.

Странно, что и верхнемазинские жители обрадовались уезду безродного Ивана Романовича, ведь ничего плохого он не сделал, только превосходные изделия творил: точеные пурпурные солонки, поющие веретена, кружевные наличники, резные коньки на крышу.

— Шиён улепetyвает, — скривилась вслед тётка Шилова.

— Герой — с дырой, — сплонул плюгавый мужичок Рябов.

Через полгода почтариха тётя Нина Меркулова сунула в окно конверт с синей бумажкой. Скончался дед Иван Романович в городе Мелекесе.

А дедов инструмент разошелся по рукам. Верхнемазинские мужики втихомолку приходили к бабушке сумерничать, усаживались на почетный венский стул, стеснительно мяли руки:

— Тётъ Дунь, ты мне коловорот не займёшь на пару дён? Верну, ей бо!..

И не приносил мужик инструмент. Зачем старухе коловорот? Верхнемазинские “безрукие бездельники”, болтуны завладели гладкими, как галоши, и звонкими фуганками, шершебелями, фальцовками. Даже неприкосновенные пилы с клеймом “Лев на стреле” ушли, ушли, ушли...

Я услышал ненароком, как молилась бабушка:

— Во имя Отца и Сына и Святаго духа... отдала Ивана... там и чисто, и кормят гоже, но... прости меня, матушка Владычица, пресвятая Богородица, прости Христа ради.

В углу за язычком лампадки, в жидком свете милостиво улыбались бо-женьки и сиял глянецвый голубоглазый “антихрист” Юрий Гагарин. Они по-ходили на близких родственников.

8

Было это уже без меня. Бабушка ослабла. К ней враскоряку, по-утиному притопала сноха, Пудовка. Долго тяжело отдувалась:

— Занесла тебя нелегкая на Гору, живёшь у чёрта на куличиках, дивуи бы сродников не было.

Поняв, что ругнѣй не проймѣшь, Валентина сменила гнев на милость. Скоромные глаза её стали ещё маслянистее. Заворковала, замурыкала.

— Мягко стелет — жѣтко спатъ, — про себя костерила её бабушка.

А сноха не унималась:

— Как сыр в масле кататься будешь, айда с нами жить. Все люди вме-сте гужуются, чай, родня-кровинушка одного коленкора.

Бабушка сперва не шла на уговоры своей ветреной сношеньки, чужла подвох, как с дедом Иваном, потом вспомнила студѣную зиму: почти каж-дый год её избу по самую рещицу заносило снегом. Как-то дня четыре сиде-ла заваленная, пока шабры не раскопали.

Ну и поклонилась Евдокия Ивановна четырѣм углам своей горницы, при-ковьяляла к сыну Виктору, к сладкоголосой своей сроднице.

Само собой, сыновье хозяйство перешло в сухонькие бабушкины руки. Она через силу поила-кормила скотину, стирала, стряпала. Вскоре Пудовка объявила по всей Мазе, что “свекровь у неё — золото, а не свекровь, с та-кой мамашей и на работу выходить не страшно”. И устроилась на завод упа-ковывать сливочное масло.

С работы тащилась, стонучи:

— Ой, рѣбрушки, ох, рученьки! Ой-ой-ошеньки, ломит — спасу нет.

Прямо на печном шестке уплетала горшок тушеной картошки, вылизы-вала жирную жижу горбушкой.

Под могучими телесами вскрикивала кровать с новомодной панцирной сеткой, и сорванные с резьбы никелированные шарики на боковушках тон-ко позванивали в лад протяжному храпу. Часа три длился перезвон.

Повеселевшая ото сна Валентина сладко ѣжилась, потягивалась долго и беззастенчиво, тормозила бабушку:

— Ие-хе-хе, Нюрка-то Шилова сѣдни три кила масла упѣрла. Знам, знам, кого подкармливает, ухажѣра. Жених называется — пигалица голо-штанная.

Глуховатая бабушка бестолково кивала головой:

— Да, да!

— Во тетеря! — злилась сноха, хлопала дверью, шла по шабрам, наде-ялась там найти благодарных слушателей.

А Евдокия Ивановна припадала к вечернему окошку, сумерничала, ка-раулила ходики, пока до её тугого уха не долетало:

*Живѣт моя шишига
В высоком терему...*

Это возвращался с работы её сын Виктор. Он резко распахивал дверь, пододвигал табуретку к материнскому стульчику и басил:

— Ну, как, не обижают?

Бабушка отмахивалась:

— Боже упаси, обходительная.

Сын размазывал пьяные слѣзы:

— Рази ж я тебя в обиду?! Мамка моя, расхорошенькая! А Валюха — золотая баба, найди такую, глазищи... как полтинники, как рашилем дира-нѣт. Люблю её, зазнобушку!

Хлопал по карманам, будто спички потерял. Как что-то неожиданное, вытягивал из шофѣрских прав трѣшку.

— На, вот... платок себе купи или материалу какого, и-эх, чтоб мне лопнуть... живёт моя шишига-а-а в высоком терему!

И всё-таки бабушка переметнулась к другому сыну, к Шурке, дяде Саше. Дяди Сашина жена, городская, чисто одетая повариха, свою родню приняла более чем радушно. За приезд выпили по рюмочке красного вина, закусили мягкими котлетками.

— Живём, как у Христа за пазухой, посмо-о-трите-ка, — горделиво выводила городская сноха Екатерина Анатольевна, — ванна раздельная с узором. Вода холодная — вода горячая.

Не только лицо, но и голое городское плечико её лоснилось от радости.

— Абетюшки! — бабушка опасливо косилась на фарфоровую белизну унитаза, уважительно покачивала головой.

Справная Екатерина Анатольевна сразу же не позволила свекрови прикасаться к сковородкам да кастрюлям.

— Каши варить — моя забота.

Сын затемно уходил на работу. Он плотничал на стекольном заводе. Екатерина Анатольевна тоже отправлялась туда, в заводскую столовую.

В квартире тишина. Только за окном тренькали трамваи да сипло взвизгивали автомобильные тормоза. Из форточки дурно пахло разогретым асфальтом.

Бабушка ещё раз перемывала чашки-ложки, ворчала под нос:

— Не велит стряпать, брезгует... как там... в Мазе, небось, грибы успели... маслята... правские в рост пошли, калина уродилась?.. А тётка Муравова, чай, некому ей лыбиться, своими железками сверкать?.. Найдёт, найдёт! Молочка бы теперь мазинского испить или кипяточку с душицей.

День-деньской скучно перезванивалась трамвайная линия. И всё воняло бензином, сухой пылью да асфальтом.

Бабушка мыкалась из комнаты в комнату, всё ей руки мешали. Хлопала дверь. Ещё с порога Екатерина Анатольевна зыркала на драгоценный по тем временам телевизор “Рекорд”:

— Вы, мамаша, видно, и не включали?

— На кой он мне, ваш телевизор?! — отмахивалась старушка. — Напридумывали страсти господни... ещё лопнет, пузырь-то на нём из склянки.

— А я вам покушать из столовки принесла: борщечка, котлетку. За так беру. Котлетка, если её покушать, тридцать одну копейку стоит, да борщ — двугривенный, компотик, то-сё, значит, вы, мамаша, нынче поужинаете почти на рублёвку. За такие денежки мантулить надо ух да ах.

Евдокия Ивановна ела тихо, опасливо, тут же быстрёхонько сметала в ладонь крошки со стола и свою помытую тарелку ставила не в общую посуду, а отдельно в уголок тулила.

В дальней комнатёнке приткнулась её раскладушка. Бабушка шмыгала, чтобы не мешать молодёжи, в тот закуток, приседала на раскладушку и надвязывала весь вечер паголенки к носкам, просто так. Чтобы руки занять.

После каждого такого “незаслуженного” ужина вспоминался Иван Романович. Вот является он со двора, резко пахнет коровьим навозом, сеном, потом. Вот он споро скovyривает галоши с чёсанок и на сундук плюхается. Кулаки, как кувалды, на стол:

— Дунярка, отзовись!

— Чевой-то ты раззевался?

— Как ты думаешь, что сейчас в Нижней Мазе делают?

Бабушка возводит глаза к потолочному брусу, жмёт плечами:

— Придумает тоже, в Нижней Мазе...

— Поснедали там!

Собрала на стол: чугунок со щами, кружку топлёного молока с толстой шершавой пенкой. Пирог.

Пористым сизым носом дед долго со свистом обследовал хлебную горбушку, перчил кушанье, подсаживал. Умял всё. Вытер усы, и кувалды — на стол. С нарочитой сердитостью рычит:

— На третье что будет?

— На третье — выголчки, — смело пасует бабушка.

Оба взапуски хохочут.

— Садись, Авдотья, к столу.

Дед копаётся за божницей, извлекает из уголка пухлый, как стопка блинов, школьный учебник истории. Иван Романович монотонно бубнит про князей Владимира, Святополка, княгиню Ярославну, читает, пока не заметит, что бабушка носом клюет. Сморило.

Каждый раз, дойдя в своих воспоминаниях до дедушкиной книжки, Евдокия Ивановна засыпала. Срабатывала привычка. Снилось ей в сыновнем городе одно и то же: толстый язык коровы Субботки, похожий на пенку топленого молока, завистливая золовка Мария Муравова с железными зубами.

Тянет Мария металлическим голосом:

— Гоже тебе, милочка моя, детки по городам разъехали, небось, полный сундук добра наслади отдава?!

Через неделю Екатерина Анатольевна громким шепотом внушала бессловесному мужу:

— Глазищами мамаша лоп-лоп, как шпион какая. Везде её буркалы. А уплетает, как мужик агромадный. По ночам то и дело в туалет шныряет, не заснёшь прям. Три раза в день — чай. Натуральная принцесса Дурандот, ты с ней поговори, пжалста.

В тот же день бабушка распоролла изнанку плюшевой жакетки, вынула оттуда четыре десятки и укатила к единственной любимой своей дочери Лизавете. К матери моей. Но о ней поподробнее.

Лизавета в девках работала на ферме, потом — прицепщицей на тракторе. Чуть Богу душу не отдала, попав под острые диски культиватора. Задремала и ткнулась в агрегат, как курица с насеста.

Большеглазая озорница со сбитым телом, она рано вышла замуж за парня, давно просватанного за гармошку. К нему и девки липли, и в любую компанию тащили за мил-дружка. Шутили о Лёньке с любовной пренебрежительностью: “У нашего гармониста через гармонь сопля повисла”.

Лёнька заворовался по пьянке, а потом вконец влип. Лёгкая жизнь в лёгких ботиночках со скрипом привела его в тюрьму. Отсидел три года. Бабушка помнит: вернулся — блат на блате.

— Колеса, — сплевывает через зубы, — прохудились, дай малость рваных на новые прохари.

Жена средства достала, отправила хозяина в район. Всё до копейки спустил Лёнька со старыми корешами. А мать моя, узнав об этом, со зла и обиды наглоталась уксусной эссенции. Еле откачали. Из больницы тёмная, как с креста снятая, женщина отправилась судьбу пытаться в Среднюю Азию. Там сошлась с Петром Орешиним, мужиком основательным. Пётр Иванович не только на стройке вкалывал внахрап, но и дома калымил: шкафы мастерил, шифоньеры клеил, на худой конец табуретки сколачивал.

Денег у Петра — куры не клюют, а к деньгам впридачу — друг, Мишка Скворцов.

Весной дело происходило. Явились товарищи в женское общежитие, винограду в гостинец принесли, две бутылки шипучки. Сели чинно. Решительный Пётр, как обухом:

— Мы, вообще-то, свататься.

— Кто... за кого? — замерла молодая женщина.

— Выбирай любого, кто покажется.

Прыснула для приличия в кулачок: вроде смеется, а глаза засновали, на Петре и споткнулись.

— У меня сынок есть, с мамашей проживает, знаешь ведь?

— Не помеха. Сынок-вьюнок, я ему и подарок подобрал: ножичек, фотоаппарат, будет нашу счастливую жизнь снимать.

Средняя Азия Лизавете не по климату пришлась. Уехали молодые в прихопёрскую станицу. Оттуда шли письма. Шабы читали Лизаветины счастливые послания радостной бабушке:

“Добрый день, дорогая мама! В первых строках своего письма хочу сообщить вам, что живём мы хорошо, того и вам желаем”. В письмах этих больше расспросов. Отелилась ли корова? Посадили ли картошку? По-преж-

нему ли у Галаниных черёмуха кучерявая? Вышла ли замуж Сонька Муравова или ещё в полуторницах ходит? Потом на двух тетрадных листах перечислялись родные и знакомые, те, кому надо передавать приветы. Заклучала письмо всегдашняя фраза: “Ждём ответа, как соловей лета!”

К последней своей надежде, к Лизавете своей золотой, единственной, и направилась Евдокия Ивановна.

Пётр Иванович гостье обрадовался, приветил, две бутылки “Столичной” об стол хлопнул:

— Пейте, господа бабы: гуляй, Ванька, ешь опилки!

И бабушка рюмочку пригубила. Зашумело в голове. Лизавета граненый стаканчик выщедила. Пётр до поздней ночи доканчивал остальное: не пропадать же добру. Переругивался с женой. То и дело тормошил её. Поднимал с кровати:

— Зажрать нечем? Хушь бы картошку разогрела. Дрыхнешь, зараза!

Враз отрезвевшая Евдокия Ивановна за ночь глаз не сомкнула, поняла, что и здесь не мёд.

Утром дочка ткнулась в материнский запон, запричитала:

— Мамонька моя, мне с тобой спокойней, с этим алкашом ведь жутко. Всё есть. Хата, как амбар, большая, машина в гараже... Щастья нету-уу. Мамонька моя! Боюсь я его, порешит спьяну, ой-ой-ошеньки — и развестись нельзя, грозился: “Мне ничего не надо — заживо спалю!” А то орёт истошно: “Вызывай депутата — делиться будем!” В милицию заявила, а он што: отсидит свои пятнадцать, налакается и кулачищами махать. Чешутся. Все нервы вымотал, мамулечка моя, родна-а-ая!

Бабушка осталась у Лизаветы.

Пётр приходил каждый день с работы пьянее вина, в глазах дурь пенится. Если жена задерживалась где на калыме, прямым, злым пальцем тыкал на табурет, зевал бабушке в тугое ухо:

— Сука твоя Лизавета подзаборная!

Сопел, как от тяжёлой работы, топал ногами. Матерился. Бабушка при этом по-черепашьи втягивала голову, прикрывалась своим платком, как листком капусты. Кое-как отбивалась от зятя, выскальзывала на кухню пить сердечные капли.

Однажды едкой беломориной хмельной Пётр кольнул бабушкину плюшевую жакетку. Парадная одежонка занялась. Пётр Иванович рывкнул: “Снять!”

Думала — тушить. А он жакетку — за рукав да и на плиту в пламя.

— Жалко-о-о? — вопил ополоумевший мужчина. — Жалко-о-о! Вот и дочке твоей так будет, старая ты сволочь.

В эту ночь мать моя и бабушка в гараже зубами стучали, приткнулись друг к дружке и молчали до утра. Рано вышли тихонько, опасаются. Протрезвевший Пётр увидел их, бабушке деньги сует:

— Кхм, водка-дура, прости, мама, купи взамен вчерашней, сожженной.

На эту сотню бабушка вернулась в Мазу. Попросила шабра дядю Серёжу Куртасова окна разрешетить, обмахнула влажной тряпкой рамы с фотографиями, протерла полы, прокурила печь, легла на неё и легко забылась.

9

В пятнадцать лет мои сверстники заболели “заразной болезнью” — самолётостроением. Для мастерской Колька Черкасов, Костя Куртасов, я и Мишка Субботин облюбовали пустую заброшенную избу. В этом домике мы каждый день, благо — каникулы, пилили, строгаги и клеили. На крохотном таганке разводили огонь, плавляли тёмные плитки вонючего столярного клея, растворяли казеиновый порошок. Вначале аляповато, а потом уже более искусно, туго и ровно обтягивали рейки тонким пергаментом и папиросной бумагой.

Генеральным конструктором стал, само собой, Мишка Субботин. Он перечитал все авиамодельные книжки Анатолия Маркуши, учился наблюдательности сам и нас испытывал:

— Скажи, уши у коровы где находятся? Спереди рогов или сзади? А!.. Не знаешь?! А сколько ступенек на клубном крыльце?

Мишку уважали. К четвертому классу пацан успел поломать ногу, прыгал с зонтиком с чердака и шмякнулся, умудрился соорудить из старой кровати сетки батут и ухитрился “зайцем” съездить на аэродром в город Сызрань.

В элеронах, шпангоутах, лонжеронах, бипланах и монопланах наш генеральный разбирался примерно так, как наш учитель Иван Павлович Косырев в суффиксах и приставках.

Каждое утро Мишка солидно поплеывал на исцарапанные грязноватые пальцы, разворачивал худую, на складках схему будущего планера и озабоченно молчал. Рабочий день начинался. Трехметровое неустойчивое наше детище уже приобретало птичьи черты. Оно шелестело пергаментными боками, лишь только прихлынет из раскрытого окна лавина плотного воздуха. Итак, дело подходило к концу. Но кто-то взглянул на улицу, кто-то ойкнул, кто-то отложил в сторону стамеску: в нашем курмыше появилась незнакомая взрослая девушка.

Не нашей, не деревенской походкой она приближалась к соседнему дому. Нам здорово приглянулся её клетчатый чемоданчик. Сама девушка не понравилась.

— В брюках, воображала, — заметил Костя Куртасов.

— И рот чересчур велик, — подал голос тонкий ценитель девчат Колька Черкасов.

— Планер лучше! — с инженерной точностью подвел итог генеральный. Я не отставал:

— Вот взлетит, вот удивятся!

Первым изменником в секретном стане оказался, конечно же, Колька Черкасов. На другое утро он не явился в ангар. С равнодушным нахальством, голый по пояс Колька отпασовывал волейбольный мячик незнакомке. Черкас шлепался без нужды в белесую пыль, чтобы показать спортивную прыть, громко хохотал и навязчиво демонстрировал бугры бицепсов.

— Девчатник, — заклеил его Костя Куртасов, и сам на другой день не пришел в мастерскую.

Генеральный конструктор грозно посидел над потерявшей привлекательность схемой, потом небрежно сложил её и, сквозь зубы сплюнув, сказал:

— Фу-ты, ну-ты, лапти гнуты, пошли и мы по мячу постучим. Объявляется отпуск, погодит это крылатое чучело.

Я от нечаянной радости оборвал пилку на лобзике.

В этой иноземной волейболистке мне, в отличие от ребят, нравились и сухощавая подтянутая фигура, и острые черты лица, и особенная привычка часто откидывать назад белую голову. Я-то что, оказывается, и мои товарищи напрочь забыли про самолетостроение. Они наперебой разрисовывали девушке прелести верхнемазинской жизни.

— В сад к Галаниным залезем, у них слепой Потапыч сторожит... Только и может по пустой пудовке палкой дубасить.

— Ты про тыкву ей, про тыкву калякай.

Ольга лишь головой кивала да сияла снисходительно недоверчивой улыбкой. Глаза у неё были цвета густого вишневого варенья. Как бы останавливая гвалт, девушка коснулась тугого атлетического плеча Кольки Черкасова и выпалила:

— А теперь, мальчики, признавайтесь, рассказывайте о тайнах мадридского двора. Что у вас там?

Ольга указала острым подбородком на забытый ангар.

Вперёд выступил Мишка Субботин. Он проглотил слону, хмыкнул и не своим шершавым голосом произнёс:

— Только — ни-ни. Тебе одной из девчат и скажем. Планер там у нас почти готовый. Будем летать по очереди. Затащим аппарат на гору, прицепим к велосипеду и — фю-ить. Только ты — молчок.

Ольгу это признание ничуть не удивило, скорее всего Черкас ещё раньше успел проболтаться.

— А меня возьмёте на запуск, возьмёте, возьмёте? — зачастила Ольга. Мы торжествовали.

— Спасибо, спасибо, спасибо, — тараторила городская девушка, на цыпочках подлетала к каждому и чмокала в изумлённые лица.

— Вот ещё! — сокрушенно, как кляксу в тетради, вытирал место поцелуя Костя Куртасов. — Одно слово — девчата.

Я тоже, конфузясь, тиранул свою пылающую щёку. А потом в течение всей дальнейшей игры в волейбол вспоминал о мимолетном запахе её волос и чувствовал на щеке влажное горячее пятно. Пока играли — ничего, а пришел домой, где-то в желудке или в животе почувствовал щемящую беспокойную пустоту, непонятную неловкость. Не помогла и жареная картошка с бабушкиной рифмованной присказкой. Это был другой, неизвестный голод.

— Наверное, влюблен, — решил я и битый час разглядывал в зеркале свою личность: левую щеку, выгоревшие кулиги волос, тонкую шею в гусиных крапинках. Ужасно себе не понравился.

Утром вся наша команда снарядилась в большой далёкий лес Отмалы. Кроме Ольги Варламовой и нас четверых, прицепился восьмиклассник, большой взрослый Женька Бурханов. У Ольги всю дорогу — расспросы. Как, да что, да откуда?

Мишка Субботин угодничал, расцвел так, что его прическа из ершистого веника превратилась в рыжую корону. На опушке Отмалов тёмными крутыми волнами зеленели кусты орешника. Коронованный конструктор с интонацией учительницы биологии изрекал:

— Говорят, кто ореховый цвет увидит, несчастным на всю жизнь останется.

Стоило забрести в чащу, как начался рыцарский турнир. Колька Черкасов, будто Маугли, заскочил на гибкую вершину сосны и раскачивался на ней. Костя Куртасов принёс из оврага пригоршню раздавленной малины и протянул алое месиво нашей Оле. Долговязый Бурханов показывал ей место, где растут дикие огурцы. На всё и на всех девушка глядела счастливыми вишнями. Ребятам от этого было, наверное, хорошо.

Хуже всех в остроумной компании был я. Я ничего не показывал, не предлагал и никуда не лез. Я скороспело глупел, всё больше и больше ощущая свою никчемность. Глупел, мрачнел и отставал от товарищей.

Верно, это и выделило мою постную физиономию в пучине повального ликования. А Ольга Варламова выскользнула из-под опеки четырех резвых мушкетеров, с серьезным лицом подцепила меня под руку:

— Фу-ухх ты, надоело. Давай пройдемся в тишине? Друзья у тебя слишком весёлые.

От неожиданности я даже оглох. Кровь, что ли, прильнула к ушам? И голова моя выросла до размеров тыквенного пугала. То вчерашнее чувство щемящей пустоты стало ещё больше, всюю завладело моим телом. Я со смертельным счастливым ужасом падал, проваливался в воздушную яму из солнечного запаха её волос, трепетную жгучесть её пальцев на моём локте, вишнёвую ледяную бездну. Наверное, рыбы под водой так видят и слышат земную жизнь.

Ольга смеялась, щебетала, задумчиво кивала головой, опять звонко радовалась. В моей тыквенной башке бессвязно мельтешило:

— Ответь, балбес... Ведь уйдёт... счастье!.. Переметнется!

Но всё молчал тупо, бездарно, испуганно.

И Ольга уплыла. Озорная ватага восала её легкомысленную улыбку. Смуглые девичьи пальцы с ядовито-красным маникюром впились в нелепый локоть Женьки Бурханова. Они тут же приотстали, а вскоре и потерялись.

— Целуются, должно быть, — холодно скривился Колька Черкасов.

— Чё же ещё?! — с нарочитым равнодушием мотнул шевелюрой генеральный конструктор.

Стало скучно, на листьях орешника я заметил пыль.

Но вернулась, вернулась взрослая парочка. Ольга веселилась пуще прежнего. Через силу мы воспряли духом, похохатывали, потешались друг над другом, сыпали анекдотами.

Но что напомнило яркое девичье лицо? Ах, да, вспомнил, — чайник, который я видел у зажиточных Игнатьевых. Большой, чуть надтреснутый фарфоровый сосуд: тонкая изящная ручка, извилистый носик, мелкие китайские цветы.

Как заливалась эта враз потерявшая прелесть физиономия, эта ходульная фигура в срамных немезинских штанах!

Утром я приплёлся в неудобную мастерскую. У пергаментного фюзеляжа тяжело сопел генеральный конструктор Мишка Субботин. Он обрывал скрипучую дорогую бумагу и перепиливал рейки.

— Ничегошеньки не получается, — зло дышал Мишка, — крестики-нолики — детская игра. Нагрузку я неправильно рассчитал. Не по правилам аэродинамики. Так... вот так... Так...

Мишка всё оскабливал и оскабливал наше детище, словно спелый кукурузный початок.

Потом в ангар влетел Колька Черкасов. Колька обхватил конструктора за талию и начал, как дедка за репку, отгаскивать его от планера:

— Знаем мы твой расчет... “Я встретил девушку, в глазах любовь...”

— Новый, почище этого, смастерим, — позорно и тихо всхлипнул растрепанный Мишка.

Хрустящие клочки обшивки вылетали в распахнутую настежь дверь. Ветер гнал их по чумазой улице, по Карпатам. Одни пергаментные лоскуты взмывали в небо, другие застревали в дремучих зарослях зрелого татарника.

ВАДИМ КОВДА

ВСЁ РАВНО Я ЛЮБЛЮ

ЕЩЁ О ВОЙНЕ

Ворошили голуби помойку,
ворошили баки у стены.
Находили голуби помногу.
Ворковали, жирны и нежны.

И я вспомнил город тот сутулый,
азиатский город на песке.
А в газетах: ОН уже у Тулы.
А на рынке: ОН уже в Москве.

И восстали вновь сороковые.
Те года святые не предам.
Мы тогда сбегались по России
к пассажирским редким поездам...

Вот стоим,
худы, бритоголовы,
в довоенных продранных портках.
И шапчонки сдавлены в голодных,
грязноватых наших кулаках.

КОВДА Вадим Викторович — москвич, член СП СССР с 1972 года, автор 10 книг стихотворений. Последняя книга вышла в Москве в 2006 году. Живет в Германии в городе Ганновер и в Москве.

* * *

Реки тихие, дали пустые
да лесов неизбывная рать.
Нагляжусь, надышусь на Россию
и поеду в Москву умирать.

Там, в столице, живу ли? дышу ли?
Тьма на сердце — таи не таи...
Арзамасы, Касимовы, Шуи...
Золотые, родные мои.

Привязался я к средней России,
где на сырых полях вороньё,
где просторы гудят ветровые,
где грустят деревеньки её
молчаливые, тёмно-кривые,
так похожи на наше житьё.

Для чего мне сюда так стремиться?
Разве жизнь эта так хороша?
Лес, да небо, да редкая птица.
И душа...

РАБОЧИЙ ПОСЁЛОК

Снег подтаявший, матовый, позавчерашний.
Тёмно-серый посёлок — домов ералаш.
И огромная водонапорная башня
вместо церкви вдали завершает пейзаж.

И ползёт вдоль плетня грузовик с неохотой.
Следом розвальни тянутся возле плетня.
И поёт радиола французское что-то
из барака, в закатное марево дня.

И цепочка столбов через поле ступает.
Токи с треском в провисших бегут проводах.
Я стою. Я смотрю. И слеза подступает...
Эх, да что ж это я — при моих-то годах!

* * *

Я очнулся в неведомом мире,
в блёклой дымке ушедших времён,
за Уралом, за Обью — в Сибири,
в деревушке, где царствует сон,

среди болот, среди хляби зелёной,
где ночами вздыхает сова,
где корнями, стволами и кроной
тыщевёрстно сплелись деревья,

где лошадка понурая ходит,
лебеда возле церкви растёт...
Эта жизнь всё проходит, проходит...
Всё никак не пройдёт, не пройдёт...

Воздух чист. Небеса не прогоркли.
А лесник работающ и небрит.
Лишь долблёнку сменил на моторку,
глушит рыбу и в уток палит.

А поляны цветочные — в волнах,
под ногой голубика хрустит,
и ромашка — с хороший подсолнух,
и осклизлый маслёнок блестит.

Небосвод неколеблем и вечен.
Цельный мир! И ясна голова.
И поёт невидимка-кузнечик,
и по грудь золотая трава.

О РУССКОЙ ДУШЕ

В старинной обжитой Европе,
исполненной благородных традиций,
не сжигают свои города, если их взял неприятель,
как мы сожгли Москву в 1812 году.

Не обороняют города до полного самозабвения,
как мы обороняли Ленинград.

Наполеон брал целёхоньким Берлин,
Гитлер брал целёхоньким Париж...
Как это гуманно и как удобно!

В старинной обжитой Европе,
исполненной благородных традиций,
не ездят по таким дорогам, как у нас, —
там они считаются непроходимыми...

И столько стихов не читают,
столько спиртного не пьют,
по родине так не скучают,
песен таких не поют...

1982

* * *

Два часа пополудни, а вечер.
Мгла. Огни сухогруза видны.
Снег, да брызги, да воющий ветер,
да размытое око луны.
Рядом остров — маяк за дорогой,
лысый берег, скупое жильё...
Острый нож красоты этой строгой
проникает под сердце моё.
Я смотрю: что ж, и это Россия,
где полгода полярная тьма.
Всё равно — здесь настолько красиво,
что от этого сходишь с ума.
Я под снегом стою перекрестным
и придавлен, как будто бедой,
этим Севером, диким и честным,
беспощадной его красотой.

ПОХОРОНЫ ТВАРДОВСКОГО

Этот день был скуден и не долог.
Тусклый свет витал над головой.
Я запомнил запах свежих ёлок,
монастырь огромный, снеговой.

Этот день, наверное, обыден
у природы вечной на кругу.
Был покойник так и не увиден
за толпой, сомкнувшейся в снегу.

Но открылось странное явление
(я принять такое не готов):
я читал тоску и потрясенье
даже по глазам его врагов.

И слеза особенного рода
мир разъяла — несколько минут
забивали гвозди в крышку гроба.
Это был единственный салют.

Бухали и вскрикивали доски,
отдаваясь в сердце и в мозгу.
И, казалось, Александр Твардовский
всё сопротивлялся молотку.

А потом мелькнули, поразили
и исчезли в мареве Москвы
скорбный профиль совести России
и седины маленькой вдовы.

СТИХИ МАСТЕРА

И. Б.

Слова летят, обильны, как листва.
Но нет ствола, ветвей, корней предмета.
Тут может быть избыток мастерства,
но нет тепла и щедрости поэта.

И, может, стоит время побережь
и не вникать в повадочку уродца.
Сей серый сумрак может и увлечь,
но никогда душа не отзовётся.

Нет Бога — и не будет ничего.
Нет отклика — холодная пустыня.
Лишь цепкий ум, да злое мастерство,
да едкая бесовская гордыня.

* * *

Я стою и смотрю в эти блёклые дали:
три коровы, коза, травяной бережок.
Дальше горстка домов. Средь вселенской печали
это место Господь всё ещё бережёт.

Прохожу через лес, через поле и речку...
Словно стайка гусей, стайка храмов встаёт.
А кругом гомонит суматошно-беспечный,
нежно окающий полупьяный народ.

Мутно смотрит в глаза, голубо или сине.
Ворошит огород, где картошке цвести...
Сколько раз Бог спасал бедолагу Россию,
неужели теперь не сумеет спасти?

Но не нужен я им. И глаза их враждебны.
Изобьют иль убьют... Я мгновения длю...
Всё равно я люблю эти выси и бездны,
это поле, и речку, и рощу люблю.

Сколько мыслей больных; сколько чувств виноватых!
Я, наверно, уеду, но помнить хочу
этот сбор белогрудых церквей гусеватых.
Я и сам по-над ними взлетаю... лечу...

Поздравляем нашего нового автора, впервые
публикующего стихи в журнале, с 75-летием!

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

ЧЕМ ДУШУ ЛЕЧИТЬ?

* * *

— Распад и разлад. Бездёжная власть.
Мир пахнет и ложью, и кровью.
Чем душу лечить, чтоб совсем не пропасть?
— Любовью. И только любовью...

— Как выбрать во мгле нам единственный путь,
Не внять клевете и злословью?
Чем жизнь эту к свету скорей повернуть?
— Любовью. И только любовью...

— Когда удалимся от жизненных драм,
Поставят свечу к изголовью.
А с чем же нас, грешников, встретит Он там?
— С любовью. Конечно — с любовью...

* * *

Иль не вчера ещё клён красовался багряный?
За ночь успел сбросить всё с замерзающих плеч.
Боязно даже пройтись этой жаркой поляной,
Листья такие, что могут подошвы прожечь.

РАЧКОВ Николай Борисович родился в Горьковской области. Там же начинал печататься как поэт. Автор более 10 стихотворных сборников. Ныне живёт в городе Тосно Ленинградской области. Член Союза писателей России.

А в небесах перелётные дикие гуси
Снова трубят, что вернуться они по весне.
Столько в тех звуках прощальной тревоги и грусти,
Чтобы очнулось, чтоб дрогнуло что-то во мне.

Эти поля, эти в клюкве багровой болота,
Эти осины и шелест сухой камыша...
Бедный простор... Только есть в нём особое что-то,
Только ему открывается чутко душа.

Ах, моя осень... Надвинулись тучи рядами,
Хлода в душу успели уже напустить.
Гуси летят — небеса вместе с ними рыдают,
Листья такие, что жалко на них наступить...

* * *

Романтические умы,
Трубадуры и менестрели,
Как летели над бездной мы,
Как мы все на ветру горели!

Не возьмёт нас нахрапом ложь.
Больно сердцу,
но мы не плачем.
И в словесности русской всё ж
Мы ещё кое-что да значим.

Прогорело и пронеслось, —
Много ль нового под луною?
Лишь бы слово
цвело насквозь,
Словно яблочко наливное.

Чтоб увиделось в нём зерно,
А не выгодный знак товарный.
Чтоб катилось чистым оно
Сквозь эстрадный базар вульгарный.

Чтоб к нему не прилипла грязь,
Чтобы, взяв в молодые руки,
Надкусил его,
дивясь,
Взяли дальше в дорогу внуки...

РАЗВЕ МОЖНО ВСЁ УЗНАТЬ О БУРЕ?

— Разве кто считал все ваши раны?
Падая, вы вновь вставали в строй.
К вам я обращаюсь, ветераны
Той,
Второй,
проклятой,
мировой!
Вы ушли в легенды, мифы, были,
Вы крещёны кровью и огнём.
С именем его вы в бой ходили.

Кто он?
Расскажите мне о нём!

— Видно, над страной опять подули
Ветры, возвещая о дожде.
Разве можно всё сказать о буре?
О грозе?
Тем боле — о вожде?
Вспомним,
как в конце сорок второго
Каждый в мире был услышать рад
Грозное,
торжественное слово,
Слово нашей славы —
Сталинград!..
...Он державу удержал над бездной,
Тридцать лет парил он над страной,
Затаённый,
как “хромец железный”,
С яростною волею стальной.
Упоён своею властной силой,
Был одной мечтой он обуян,
Чтоб могучей стала и счастливой
Родина рабочих и крестьян.
Плакала крестьянская калитка...
Но в державе набирали вес
Метрострой, ВДНХ, Магнитка,
Сормово, Кузбасс и Днепрогэс.
Даже пострадавшие “зеки”,
Даже те, кто не был покорён,
Понимали в этом человеке
Правду
взбушевавших времён.
Вдохновляясь исполинской ролью,
Задал он такой кромешный план,
Что ужасным сном,
извечной болью
Стали и Надым, и Магадан.
Видно, он предчувствовал такое,
Что не снилось доблестным умам.
Мир опять метался в непокое
От глобальных
подковёрных драм.
Потому как чувствовался запах,
Запах крови, дыма и огня.
На страну
обрушилась внезапно
Всей Европы хищная броня.
Вот она,
безумная коррида,
Схватка от морей и до морей.
Развевалось знамя геноцида
В лапах у арийских дикарей.
Был его режим подобен бреду.
Но, сплотив народ со всех сторон,
Вырвал он из рук врага Победу
И возвысил свой державный трон.
О, незабываемая эра!
Тот, на Красной площади, парад!
Смяты легионы Люцифера

ИВАН ТЕРТЫЧНЫЙ

БЕЗЫМЯННАЯ ВОДА

РАССКАЗ

1

“Что-то тут не так... Что-то тут не так...” — думал он, неторопливо шагая по низкорослым улицам старинного русского городка. Шёл он наугад, не раздумывая, сворачивая вдруг влево или вправо, или устремляясь с изрядно потрёпанной асфальтовой дороги на мягкую травку какого-нибудь тишайшего переулка. Вокруг было довольно пустынно, хотя уже наступил полдень: два-три-пять отдалённых прохожих да там-сям возникающие из ниоткуда простенькие автомашины... Шёл он наугад, но чувствовал, что движется в нужном ему направлении. И точно: слабое веяние влажного воздуха достигло его лица. Значит, где-то там, впереди Волга — великая русская река.

Извилистый путь Букину был необходим; он хотел сам, без чьих-то подсказок, понять нрав и облик старинного городка, связать их воедино, чтобы составил его цельный образ, чтобы потом в родном Воронеже он мог оглядывать его со всех сторон, вспоминать его особенные черты и чёрточки, его дневной и вечерний свет, его звуки... думать над ним.

2

Собственно, смутили его в первые минуты пребывания в городке не приоткрытое серыми облаками небо, не улицы, не их общий вид: к названному ум и душа претензий не имели. Погода в русской стороне переменчива: были

ТЕРТЫЧНЫЙ Иван Алексеевич родился в 1953 году в Курской области. Служил в армии, работал на стройках. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор книг “И было утро”, “Рядом”, “Подорожная”, “Когда-нибудь...”, “Лунный снег”, “Живая даль” и других. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

тучки или дождик, глядь, уже сияет солнышко. Бревенчатые дома и домишки хоть и приземисты, но крепки да изукрашены подзорами и наличниками. Сады кудрявы и пышны. Да и улицы — опять же — не стеснены, лежат вольно...

Смутила его с самого начала в общем-то малость: сбоку старенькой автостанции лежала куча современного мусора — пластиковые бутылки, пивные банки, пакеты из-под сока и прочая украшенная яркими пятнами этикеток и надписей бяка, — а рядом, в трёх-четырёх шагах от неё приютилась небольшая стоянка такси, где, сойдясь в кружок, неспешно перебрасывались словами водители. Истомившись от долгого пребывания в скупом пространстве автобуса по вольному воздуху, по земле, по дымящейся сигарете, Букин подошёл к извозчикам и закурил. Один из них, белолицый крепыш с покатыми плечами, молча, кивком, спросил его: “Подвезти?” Букин качнул головой: “Не надо...” — и прислушался к разговорцу. Толковали водители о строительстве деревянных домов; один говорил о срубах — бревенчатых и брусовых; другой — о качестве материала; третий вспоминал соседа (пятый год строит, а всё никак не достроит, цены-то не ползут, а скачут...). Букин осторожно вклинился в беседу, вспомнив, как строили дом его дяди (приходили мастера со своим инструментом, не бегали к хозяину или его соседу, дай, мол, фуганок или полуфуганок; были у них и топоры большие и маленькие, пилы двуручные и лучковые, долотца и стамесочки всякие...). Водители уважительно посмотрели на него, мол, помнит давние тонкости, разбирается в плотницком инструменте (хотя и не плотник, конечно, и очки в тонкой оправе, и пальцы чистенькие, белые... А какие пальцы могут быть у зубного врача?) Тут-то вот Букин и спросил у мужиков калязинских напрямик, кивнув на мусорную кучу, не тяжело ли им каждый день глядеть на эту бяку, дышать её вонью? Взяли бы в руки лопату да за десять минут всё это забросали землёй. Мужик постарше, с худощавым, побитым красными жилками лицом, спокойно ответил ему, что, мол, они когда-то засыпали всё это, а потом приехал трактор с ковшом и выкопал рядом яму, мол, давайте, продолжайте бросать, граждане пассажиры. Так-то вот... Вот в ту, кажется, минуту и посетило Букина (или выросло в нём само собой) сомнение: “Что-то тут не так...”

3

После добровольных блуканий по улицам и переулкам и твёрдого решения самому выйти к Волге он всё же сдался (видимо, подустал) и остановил вопросом загорелого слабосильного парня. Тот махнул рукой.

— Волга?.. И колокольня, наверно?.. Туда.

Улица помалу пошла под уклон; асфальт иссяк, и под ноги легла булыжная мостовая с пропеллинами истолчённого до пыли песка. Дома тут стояли посolidнее — кирпичные. Дом кушцов таких-то, дом кушцов таких-то... — читал он на памятных досках. И вот — наконец-то! — за наклонёнными ветвями давних лип и тополей появилось синее оконце. Волга! А вон и она, белая колокольня, которую он видел на цветной фотографии в журнале!

Он остановился в шагах десяти от воды; улица, казалось ему, ещё продолжала своё тихое движение, вела его... Но пешему человеку дальше ходу не было. Водная толща поглотила и продолжение улицы, и её окрестности... И высилась лишь на крошечном острове эта странная колокольня...

Букин стал жадно оглядывать водный простор Волги. Он так долго хотел увидеть его! Вода широко уходила вправо, влево, вперёд — расплывчато, грубо оформленно. У реки, подумал он, есть понятные берега, русло, камыши, розоз, стрекозы, видимое течение. Река речёт, говорит, течёт... А это — огромный разлив влаги! Букин растерянно оглянулся, желая немедленно спросить кого-нибудь: туда ли он пришёл? Волга ли это? Но вокруг не было ни души. У кого спросишь? И тут Букин вспомнил, что в его дорожной сумке лежит путеводитель по городу, купленный в киоске на автостанции. Он взял в руки глянцевою книжицу величиной со школьную тетрадку, и на него дохнул прохладой зимний вид того самого места, где он сейчас сто-

ял. Озарённая восходом или закатом колокольня, окруженная бледным льдом... синяя полоска дальнего берега... да, эти вот две обнажённые высокие липы у дома купцов Рыжковых... только фасад не белый, как теперь, а землистого с зеленой цвета, и крыша плотно укрыта снегом... и тлеющий от заревого отсвета мезонин...

Букин оторвал взгляд от путеводителя — и вздрогнул. Перед его глазами — там, за колокольней — невесомо скользила немая громада трёхпалубного теплохода, казалось, она не касалась воды, а скользила в воздухе...

Ни звука, ни человека...

4

На небольшой, в полстранички, карте Калязина он увидел на синем пятне, обозначающем водное пространство, надпись “Угличское водохранилище”. Водоохранилище... нефтехранилище... То есть, подумал он, это хранилище воды и есть великая былинная река Волга. А ещё вверху, в правом уголке, он заметил белое пятнышко и подпись под ним — “Монастырские острова”. А левее, внизу, три строчки, набранные мелким шрифтом, гласили: “Колокольня Николаевского собора”. Это, стало быть, близ неё он сейчас стоит... А ещё он увидел два синих рукава, отходящих от водохранилища, — Пуда и Жабня. Бывшие речки, догадался он, впадавшие в реку...

5

Опомнился Букин только у моста через Жабню. Увидел синюю табличку — и остановился.

— Эх! — сказал он огорчённо и махнул рукой.

Рядом скрипнули тормоза.

— Куда надо?

Белые “жигули” с клеточками — местное такси — будто нарочно ехали за ним следом и ждали той самой минуты, когда он устало остановится и коротко задумается о чём-то.

— На кладбище!.. Кладбище какое-нибудь есть в городе?

— Есть.

Белобрысый молодой извозчик вял ему мгновенно — не улыбнулся, не пошутил, не удивился; наверное, и не такие ещё желания выказывали приезжие люди.

— Но — старинное, — уточнил Букин, захлопнув за собой дверцу. И откинулся на спинку сиденья.

— Значит, в Заречье. На Свистуху.

Вот что значит — колёса! Минут через десять он был на месте.

— Тут, — сказал парень. — Через церковные ворота войдёте... Введенская церковь это. Она у нас действующая...

То ли зелёные шатры куполов над храмом и звонницей, увенчанные голубыми маковками, знакомое ему чередование белого и красного на стенах утишили его смятение, то ли что-то другое благотворно подействовало на него, но разом успокоился, стал самим собой.

Храм не работал. Из объявления на его дверях Букин узнал, что службы проходят в другие дни. Букин, честно говоря, и не был готов к его посещению; и настрой душевный не тот, и к тому же церковь не стала для него (как для иных его родственников и знакомых) родным домом, тем очагом, к которому льнёт душа. Он и входил-то в действующие храмы будто с оглядкой какой-то и даже, стыдно признаться, с лёгкой опаской, поэтому, не огорчившись, что не может взглянуть на внутреннее убранство Введенской церкви, свернул у ступеней налево и остановился через несколько шагов у надгробия из белого мрамора. “Под сим камнем, — читал он тускло отливающие золотом слова, — погребено тело калязинского купца Ивана Егоровича Охлобыстина, скончавшегося 14 июля 1878 года на 77 году...” Уж не прадед ли он другого Охлобыстина Ивана? Того самого, что на телеэкране лет десять назад маячил частенько, чуть ли не скандально вёл себя на публике,

а потом вдруг ушёл в монахи? Сценарии писал, роли играл... И вдруг... Купеческий нрав, он такой: из края — в край... А наследственность, она и есть наследственность... И прадед, купец, видно, в конце жизни крепко о спасении души задумался да решил, кроме прочих благих деяний, поучаствовать в жизни храма, а может, и в его строительстве. (Догадка Букина в чём-то подтвердилась; как он узнал из путеводителя, церковь Введения действительно построена на средства И. Е. Охлобыстина.) Букин неторопливо обошёл кладбище, вернее, погост, поскольку над могилами возвышался храм. Про то, что такое погост и про многое другое, что его предки знали с младых ногтей, он услышал лет пять-шесть назад в одной компании летом на Дону и был ошеломлён. Его сверстники легко перемещались, бродили по дорогам и закоулкам русской истории, вспоминая то царевича Димитрия, то Ярослава Мудрого, то деяния Петра и его подручных... А он сидел, разинув рот, и не понимал, о чём это они... Вот с той поры и начался его поход в историю с напрочь забытых школьных учебников, с книг Костомарова, да Карамзина, да Ключевского... Вид давних могил, тишина успокоили его окончательно, и он, выйдя из церковных ворот, направился привычным шагом по улице, к поблескивающей воде...

На истоптанном пологом берегу он увидел мальчишку лет десяти-двенадцати в ветровке и резиновых сапогах. Тот держал обеими руками длиннее удилице и смотрел на водный простор.

Букин поставил у обрубка бревна сумку и закурил. И вдруг рыбачок медленно, а потом всё бодрее пошёл в сторону по урезу воды... Остановился. Потом двинулся в обратную сторону и закричал:

— Дядя Вася! Скорее, дядя Вася!

На его отчаянный зов тут же притопал, хлопая голенищами рыбацких сапог, доселе не видимый дядя Вася — коренастый, краснолицый, в линялой брезентовой куртке.

— Дядя Вася! Не могу вывести!

Дядя Вася, примерно ровесник Букина, перехватил удилице рыбачка, и туго натянутая леска, поблескивая, поднялась над водой. И вот дядя Вася стал неторопливо вываживать добычу на берег...

Букин подошёл к рыбакам и полюбопытствовал:

— Клюёт хорошо?

— Да вон погляди в садке! За час трёх подлещиков надёргал пацан, — заулыбался дядя Вася. — На свале хорошо берёт...

— А что такое — свал? Я не рыбак...

— За отмелью берег круто уходит вниз. Там-то и рыба...

— А почему сразу вниз?... Ну, крутой такой берег?..

— Потому что там старый город... Калязин там...

Живая картина, взбудоражившая Букина, напомнившая ему детство, его дядю, дядю Лёшу, с которым он на родной реке Воронеж ловил на летней зорьке краснощёрок и окуней, в одно мгновение разомкнулась, рассыпалась, развеялась, и Букин, потеряв ладонью коротко стриженую голову, побрёл прочь.

“Вот, вот в чём она, разгадка, — думал он, поднимаясь по улице. — И вечная мусорная куча у автостанции, и неприметные люди на улицах — Маркса, Либкнехта, Энгельса, Ленина, Кирова, Пролетарская, Революционная, Ногина, Мелиораторов и прочих, — и разбитые донельзя дороги, — всё это по отдельности не могло так смутить меня, разбить мою мечту увидеть город Калязин и реку Волгу. Да, здесь, наверное, живут добрые, скромные, трудолюбивые люди...”

Букин остановился и прикинул, как ему сократить путь к автостанции. Мимо проехал автобус, краем глаза Букин ухватил надпись на табличке за стеклом водителя: ЛЕХА.

Н-да-с...

“...люди. Да, их называют калязинцами, но можно их завтра назвать парижанами или уфимцами. У города вынули душу и погрузили её в толщу безымянной воды. И осталось на суше некое селение с остатками бывшего града. Подыми какого-нибудь калязинского деда из его могилы да сопроводи

по городу да к водной шири... Пройдётся он туда-сюда и скажет, качая головой:

— Не знаю я этого края...”

“Может, по пути заглянете в краеведческий музей? — предложил ему водитель, когда он ехал к старинному кладбищу. — Это рядом, на площади Ногина, в красивой церкви. Там, рядом с ней, пушки есть... ну, когда оборонялись от поляков”. — “А памятник защитникам там же? А улица в их честь как названа?” — встрепенулся Букин.

Парень не ответил ему; то ли не знал, то ли не хотел. Он молча опустил стекло дверцы. Прохладная струя воздуха пробежала по горячей руке Букина — и рука тихонько вздрогнула.

6

Букин перешёл на другую сторону пустынной улицы и сел на тенистую зелёную лавочку у какого-то старого дома. Вышив пакетик яблочного сока, он несильно смял его и положил в сумку. Потом, помедлив, закурил и открыл наугад путеводитель. На предпоследней странице была фотография: молодой художник писал маслом картину; он переносил кистью на холст чуть волнистую голубую воду и венчающую её белую колокольню. Букин перевёл взгляд на колонку текста и прочитал вслух:

— “Приезжие, особенно живущие в больших городах люди, отмечают, что воздух здесь мягок и душист. Близость к “большой воде” доставляет удовольствие...”

— ...а мне — боль...

И в памяти его сама собой выявилась надпись на увиденном им надгробном камне:

*Человеце яко трава
Дни его цвет
Сельный тако оцветет*

— ...а мне, дураку, — боль, — глухо повторил он.

ЗА МАРЕВОМ

РАССКАЗ

1

Что влекло его по липкому мартовскому полю и — дальше — вверх по лесному косогору?

Южный ветер раскачивал рослые берёзы, трепал их ветки и веточки, гнул и гнул тяжёлые ели, шнырял под кустами, ворошил палую листву...

В такую погоду, в таком лесу обыкновенному человеку делать нечего: нищета полная. Ни бойкого птичьего щебета, ни разноликого зелёного убранства, ни скромных цветов и цветочков у ног, ни томительного гуда шмелей... Пусто, голо, безотраднo. Если бы появился на мартовской тропе егерь или, скажем, поэт, или сочинитель серьёзной музыки, то удивляться

тут было бы нечему: для первого — это работа, а для второго и третьего — душевная повинность. Но его-то что влекло сюда, в шумящий неприглядный лес?..

2

Увидел я его впервые в малолюдном дворе строительного рынка, притулившегося к шоссе.

— Понимаешь, — взглянув на меня, сказал он, — вагонку выбираю... Чтоб посуше была да непокоробленная, да сучков чтоб поменьше. Изба-то у меня и тёплая, и крепкая, но сруб, видишь ли, из брёвен разного калибра, вот и вида у него нет. Вот и решил вагонкой обить да морилкой покрыть. Цвет “еловый лес” знаешь?

И, ещё раз взглянув на меня, протянул руку.

— Николай. Юз.

Я назвал, И уточнил:

— Юз?

— Удивился? Фамилия такая? В русской глубинке?

— Ну, да...

— Да это ещё мой дед сюда из Германии затесался!

— На родину предков не тянет?

— Смеёшься? Я же насквозь русский! Если пил, так уж пил! Если шалил, так уж шалил! А если влюбился, так уж влюбился... Живу вот двадцать четыре года душа в душу. А природа наша? Ничего другого мне не надо. Так что, думаю, одного мы с тобой роду-племени...

Потом мы ещё не раз встречались, большей частью в Северцове, селе на большой дороге, где он жил. Почему там?.. А потому, что Северцово что-то вроде столицы окрестного мира. Магазины, ларьки, автобусная остановка, средняя школа, почта волей-неволей притягивают жителей ближних деревень и лесных хуторов. Разговоры наши были недолги, но нескучны. Юз всегда при этом выглядел картинно: точёный профиль с прямым носом, приподнятый подбородок, устремлённый в пространство взгляд, рука с сигаретой чуть на отлёте... Попробуй скажи, что это мужик. И нрав, и хватка, и работа мысли, да и достойное спокойствие — извините... Меня интересовали лесная живность и прочие мелочи местной жизни. Юз много чего знал и по-маленьку, пусть и отрывочно, просвещал новожила. “Я любитель такого дела — наблюдать за всяким шевелением, — признался он. — Сидишь с удочкой, смотришь, куда это стрекоза полетела... Почему не на ту, а на эту травинку села? Лягушки опять же... Мускулы на лапах — во! Да увеличь её раз в двадцать, от такого культуриста бежать будешь, не зная куда. Распластаются на мелкой воде, лежат... Интере-е-сно!.. Да! О лягушках опять же... Прочитал в журнале: какая-то из них, в Южной Америке, сотни километров берегом реки скачет до места, где будет метать икру. Человеку-то сколько нужно идти? Полгода? Или вот лососи плывут Бог знает откуда океаном к Камчатке, к своему родному ручью, почему? Какой тут смысл? И не плутают ведь... Человек вон зашёл чуть в лес — и заблудился. Заносчив человек часто...”

3

— Ты любишь своих детей?.. И я люблю. А как я их с Людой, с женой, растил? А смотрел, наблюдал за ними, малыши ещё. Что одному больше нравится, что другому... Все трое уже выросли, и все — разные. И хорошо! Волю в детстве им, пацанам, давать надо, но — в меру. Полную дашь — потом наплачешься, крохотную — серятина выйдет, человека не увидишь. Согласен?

— Сам психологом стал? Или книжки читал какие-то?

— Сам. Оглянись хорошо — и научишься такому делу. Скажем, деревца стоят густо... Что из них вырастет? Прут вверх, высокие, хилые? Конечно. А расседи их пореже, дай веткам размах, кое-где ненужные остриги —

и дерево к дереву. Красота! Или — яблок гора, или — шишек воз. Что, я не прав?

— Философ...

— Какой я философ! Шофёр в совхозе, то бишь в агрофирме... Ты вот толково делаешь: с людьми говоришь, о птицах и зверье разным спрашиваешь. Различаешь в них разное — этим душу питаешь. А как же! От разной красоты и в тебе красоты прибавляется, жить веселее. Так, рассуди?

— Не возражишь. Всё точно.

— А то орёт: шоу, шоу... Да ты оглянись, орун, обалдуй! Крутом столько всякого разного. Бери глазами, ушами — всем хватит. А то сидят, ручки на животиках сложили, ножку на ножку закинули, хохмачей штатных слушают и на огоньки смотрят...

— Ну и строг же ты!

— Ладно-ладно, заговорил я тебя... Да и самому пора домой. Будь здоров, не чихай... на всё!

4

...Он остановился на поляне. Вытер об иссохшую траву остатки налипшей на сапоги земли с шершавыми крупинками сырого снега (вот и породнилось поле с лесом) и закурил. Ветер гулял-погуливал под неясным вечерним небом, веточками-плёточками нахлёстывал по слабосильному подлеску, потом, выдохшись, помахивал ими вяло, словно примериваясь, как бы половчее хлестнуть не единожды. Но не злость это ветра вовсе, а так... забава да и только. Будет, будет другое, когда оденутся деревья в листву и станут бережно касаться друг друга, дышать пахучей прохладой, что-то шептать, лепетать...

Он растоптал окурок, постоял, наклонив голову, и двинулся дальше, к невидимой в отдалённой низине реке.

“Колокольня вон какая, а сама церковь маленькая. Это ведь как всё точно придумали в старину: плечом к плечу, рядышком постоят люди, помолятся, потом молча на ветерок выйдут, от большого света будут щуриться, как дети... А колокольня высокая ясно почему: чтоб звон все окрест слышали и друг друга слышали”.

“В живые тайны учёным надо аккуратнее заглядывать. А то какой-нибудь из них отчаянный может пакет с недоразумениями туда кинуть... Бегаёт атеист отчаянный, суетится, в детях, говорит, о нём память останется. Но ты глаза закрыл навеки и... детей твоих нет, внуков нет, тебя нет и не было! Логику, говоришь, любишь? Так если ты уверен, что всё кончается гробовой доской, то должен тотчас нырнуть в бучило. Зачем бегать, толкаться, унижаться, благ просить? Отчаянный, зашоренный, как лошадь, сукин ты сын!..”

Я вышел на окружённую орешником поляну, где стоял тогда приуставший Юз, увидел взлохмаченные сапогами мокрые прошлогодние листья, размятый каблук до табачных волокон окурок рядом с узорчатой гривой папоротника-орляка...

Тропа через полчаса вывела меня к знакомому месту. У овражка тёмной толпой стояли невысокие сосенки. Я снял с плеча лопату и принялся откапывать одну, плотно зажатую сёстрами. Зачем тебе, милая, тесниться да маяться? Будешь жить недалече от моего крыльца. Хочешь — спеши вверх, хочешь — раздавайся, подрастая, во все стороны. Будет тебе воля. И, кроме прочего, — новый смысл: украшать собою малое пустоватое пространство.

“...вон как трассы поналадили! Даже веточки, смотрю, подрезали, чтоб не царапались... Угнали на снегоходах стадо кабанов неведомо куда. Только вот эти свежие — секача — следы...”

Опираясь на длинный черенок лопаты, я влез на чёрный валун, что лежит от века на ополье, и всмотрелся в даль. Там, по-над серой кустарниковой неразберихой речной поймы, будто нарисованная, стояла деревенька. Каждая изба видна, каждый огород на косогоре, каждая тропинка к реке — стеклянно-мутной — как на ладони. Летом этой чистой картины уже не увидишь. Маревы, пышные купы вётел, осинника, ольшаника всё затуманят, занавесят...

— Ты вот, помнишь, говорил, что я шибко умный. Какой я умный! Это ноги у меня умные: что-то не заладилось, не так что-то, подхватывают они меня и несут мою глупую голову — то в лес, то к реке — проветриваться... А так... Зачем я, к примеру, потакнул племяннику Серёжке? Слышал от него как-то, что, мол, мотоцикл ему уже не то... Давай, говорю Юре, брату, машинку ему купим недорогую; деньжонок подбросил на это дело. Полгода гонял парень, радостный весь... А прошлой весной, в гололедицу, закружило его “Ладу” на дороге у Пилатова, и врезался он во встречный автобус... Все, кто был с ним, живы остались, а он теперь там — вон, видишь? — на погосте. Он в армию собирался идти, девчонка хорошая была, а вышло худо... Выходит, я жизнь племянника дорогого как-то подкоротил...

— А ты ли?.. Случай.

— Да-а... Все всё валим на случай, на кого-то, а сами в сторонке. Чистенькие.

5

Рядом со мной на обочине притормаживает вишнёвая “Нива”. Пыль скорым длинным облачком летит вперёд...

— Садись, подвезу!

Дверца с моей стороны уже приветливо приоткрыта. Юз, пригнувшись, машет рукой, улыбается.

— С автобуса?

— С него.

— А ты откуда?

— Тоже из города. Домой еду.

— Ну и как живёшь?

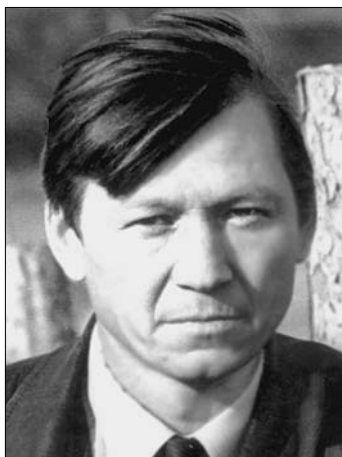
— Хорошо живу!

— А смыслы продолжаешь искать?

— А как же без того? Надо успеть осмотреться и, может, кое-чего понять... Я вот, к примеру, на белом свете первый и последний раз живу. А ты?..

— Я?..

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

ОСЕННИМ ДНЁМ

ЗЛАЯ ССОРА

Как расцветает пышным цветом май,
И не слышать в высоком небе грома!
Но в ссоре мы — ни здравствуй, ни прощай,
я в дом приду, а ты уйдёшь из дома.

Куда, зачем?! А может быть, за мной, —
и мне лишь надо следом за тобою
бежать, догнав, обнять тебя, друг мой,
сказать: люблю! навеки! всей душою!

Всё может быть, а может и не быть...
И потому с лицом немного нервным
зайду в кабаk, чтоб грань определить —
меж болью и спокойствием душевным.

Звучи, оркестр! И гитарист, играй!..
Танцуй, цыганка, в платье красно-ярком!
И — наплевать, что я попал не в рай,
но всем меня, я вижу, очень жалко.

ПЕРЕВЕРЗИН Иван Иванович — известный русский поэт. Родился в 1953 году в поселке Жатай Якутской АССР. Автор восьми книг стихотворений, лауреат многих престижных всероссийских премий. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. В настоящее время живет и работает в Москве.

И вдруг как ветром распахнуло дверь,
и ты, войдя с горящим взором, с ходу
нашла меня, и Боже, верь, не верь,
но весь коньяк мне выплеснула в морду!

И — вышла, дверь захлопнув за собой,
а я — остался с мордой в алкоголе...
Что это было — ненависти боль
или любовь, не вынесшая — боли?!

* * *

Как под копирку здесь сентябрь списан с мая, —
в свинцовых тучах вновь высокий небосвод...
И с раннего утра, сон дальше побуждая,
дождь льёт и льёт весь день, и ночью тоже льёт.

А я — мечтал сполна позагорать на солнце,
а я — мечтал в стихах боль чёрную унять...
На деле лишь смотрю с глухой тоской в оконце,
где за туманом даль упорно не видать.

Но — где ни пропадал я на земле суровой...
Оденусь потеплей, возьму надёжный зонт, —
да и пойду себе — искать живое слово,
которое в лесах вновь спрятал горизонт.

Найду — и буду рад! А не найду, так что же —
домой вернусь смурным, но, отдохнув, опять
продолжу поиск свой, — и помоги мне, Боже, —
чтоб, если умирать, так с песней умирать!..

И солнца я дождусь, — когда нагорный ветер
очистит до конца от туч свинцовых высь.
И сразу вспыхнет даль в горячем, ярком свете,
и слово враз придёт — и вера в эту жизнь!..

В БЕРЛИНЕ

Я хочу побродить по Берлину —
светлым вечером, ясной зарёй, —
ощущая взгляд пристальный в спину
отгремевшей войны Мировой.

Сколько зим, сколько лет пролетело, —
но по редким рассказам отца
помню я, как полмира горело,
как лилась наша кровь без конца...

Восстановлен Рейхстаг, но под старой
штукатуркой есть подпись одна,
что отец начертал портсигаром —
в знак Победы на все времена.

Но всё плещет волной мирной Шпрее
в мрачно-серого цвета гранит...
Будто мне говорит: поскорее
позабудь — боль военных обид.

Позабыл... Ну, а если и вспомню, —
что об этом теперь говорить, —
жизнью новой, пускай и греховной,
я живу, чтоб в любви победить.

* * *

Как будто смерть, несётся ветер,
надеясь скалы сокрушить...
Я столько лет прожил на свете
не для того, чтоб враз не жить...

Но думать не хочу о грустном...
Я лучше вспомню о тебе —
такой неповторимо русской —
и по любви, и по судьбе.

Пусть писем мне опять не пишешь,
но я-то знаю, что лишь мной
ты сердцем сокровенно дышишь, —
и потому — жива — душой!

Но из-за горестной обиды,
что я тебе нанёс в сердцах, —
ты в грусти радости не видишь —
и вся душа твоя — в слезах.

Вольна ты поступать, как хочешь,
и дальше на земном пути...
Но я с надеждой светлой очень
прошу тебя: прости, прости!

Прости... и будь моей судьбою!
И точно мы тогда, поверь,
всех удивим своей любовью, —
и приоткроем в вечность дверь.

ОСЕННИМ ДНЁМ

Пусть пасмурно... Но потому,
как стало — сердцу моему
легко дышать в рассветном устье, —
дождь не польётся, и туман,
от солнечных лучей багрян,
растает раньше чьей-то грусти...

День предпоследний перед тем,
как в даль уеду насовсем, —
пусть будет вдохновенно-ясным, —
с синичным пением в бору,
с шуршаньем листьев на ветру,
с игрою белок жёлто-красных.

И — по лужайкам, по лугам —
пойду навстречу я лучам,
что солнце щедро льёт на землю, —
любуюсь вечной красотой —
реки лесной, горы крутой,
струне ветров звенящей внемля.

Душой, распахнутой, как дверь,
я, словно молодой апрель,
любовью до краёв наполнюсь
к природе, чтобы жизнь моя,
как прежде, счастья не тая, —
сверкала в слове ярче молний...

ОЖИДАНИЕ

Всего два дня прошло с тех пор,
как взорван был вагон в подземке...
И наставляла смерть в упор
на пассажиров свои зенки.

Но кто, ответьте, виноват,
что оказалась власть бессильна?
Так дайте, что ли, автомат,
чтоб защитить мне дочь и сына.

Но то не выход — тут же я
себе сказать пытаюсь здраво.
А в чём он, где он, жизнь моя?!
Хоть ты ответь душе по праву...

Но жизнь моя, — как из ковша
в рот набрала воды — ни слова
сказать не может, — и душа —
молчит — угрюмо и сурово...

И длится миг, как целый век, —
томительно и страшно длится!
И знать — не знает человек,
когда опять беда случится...

* * *

Речь — чужая, край — чужой,
но берёзы здесь такие
белоствольные,
с листвой
шелковистой,
как в России!

Каждый день
встречаю их,
в парке поутру гуляя...
И — звенит строкой мой стих,
Как литовки
сталь литая!

МОЁ МГНОВЕНИЕ

Что рыдаешь, что стонешь, душа,
словно иволга в роще осенней?
Неужели — и вправду прошла
золотая пора — воскрешенья?

В это трудно поверить, поверь,
но — придётся, придётся, однако!
Ведь душа приближенье потерь
чувет сразу, как будто собака...

Иван-чай в рост идёт на меже,
дрозд поёт, утро жизни встречая.
Всё — по-прежнему, только в душе
грусть-разлука, моя дорогая.

Ну и пусть! — я сказал бы вчера,
но сегодня с надеждой кричащей,
как душевная боль ни остра,
я уверен — не буду пропащим...

Мои строки — не злое нытьё...
Утверждаю я сердцем поэта:
хоть мгновенье одно, но — моё! —
даже в самой любви без ответа...

ОЧЕРЕДЬ — 1990 год

В магазине — очередь за хлебом
длинная, не очередь — а срам.
И с высоким, неуёмным гневом
власть ругает старый ветеран.

Слушаю... на сердце боль и мука:
Господи! а кто же эту власть
выбирал, тянул согласно руки,
твердо веря, что она — за нас...

Но в ответ не говорю не слова,
чтоб напрасно душу не травить,
ведь она — и без того — готова
разорваться... и меня — убить...

Я — куплю заветную буханку,
не пойду ругаться в сельсовет.
А отправлюсь в поле спозаранку
сеять хлеб, — там очереди — нет!...

ВАДИМ КОРНЕЕВ

ДРУГОГО-ТО НАРОДА НЕТ...

ТЯЖЁЛЫЙ РОК

Джин-тоник, шлягер на закуску —
на это молодёжь слаба...
И по Васильевскому спуску
гудит бездумная толпа.

“Да слышит, кто имеет уши...”
Здесь, на развалинах страны
и сам Блаженный скорбно слушал
концерты служек сатаны.

Противные людской природе,
а там — хоть веселись, хоть плачь...
И на высоком эшафоте
вовсю кривляется палач.

Он струны дёргает бездарно,
презрения исполнен к нам,
и децибелов гром угарный
по душам бьёт и по умам.

Видать, мы крепко нагрешили...
Вон — бомж стоит, себе не рад.
Вот и тебя казнить решили
тяжёлым роком, мой собрат!

КОРНЕЕВ Вадим Николаевич родился в 1948 году. Автор шести поэтических сборников, изданных в Курске, Воронеже и в Москве. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии “Прохоровское поле”. Живёт в Курске.

А он стоит, оборван, грязен,
во всём презренье естества.
Не Пугачёв, не Стенька Разин —
Иван, не помнящий родства.

МОБИЛА

Прицельно и хищно народ вы губили,
цель ваша была далека:
“Корову продали, мобилу купили”, —
реклама на ГТРК.

И детские лица и наглые рыла,
те, рядом что и вдалеке, —
прилипла мобила, вонзилась мобила,
уже приросла ко щеке.

Я и в шестьдесят не имею мобилы,
пусть этим и быт усложнил.
И в била мы били, Берлин мы бомбили,
совсем не имея мобил.

Мы строили домны, турбины крутили,
умели мы петь и играть!
Россию продали, мобилу купили...
Чей номер теперь набирать?

РОДСТВО

О Украина — те недели
за совесть помню, не за страх...
Как мальвы гордо розовели
и в палисадах и в садах!

Какие наливались вишни,
какие дули да ранет,
казалось — освятил Всевышний
ту землю до предела лет.

А вечерами как ярились
баяны в каждом из дворов,
и песни дивные струились,
сливаясь в лучший из хоров.

Компот в кастрюле тешил жажду —
пей сколько хочешь — от души,
и юность билась в жилке каждой,
и как же были хороши

девчонки, стройные, как мальвы,
чисты, хоть воду пей с лица,
и жизнь кричала далям дальним:
нет и не будет мне конца!

А над левадами, домами
звенели песни райских птиц,
и не было вражды меж нами,
и чувствам не было границ.

И месяц — гоголевский, право —
струил над нами ясный свет...
Одна страна, одна держава!
Мне только восемнадцать лет.

* * *

Уже не носишь ты перчатки,
и солнышко стекает с крыш,
Пока листва ещё в зачатке,
пускает лодочку малыш.

Не лодочку, а просто щепку
увидю десять раз на дню...
И жизнь уже не держит цепко,
но тем сильнее её ценю.

А с речки тянет ледоходом —
студёной талою водой.
С кем я всю жизнь? С моим народом,
а потому — народ со мной.

Собой торгующий и пьяный,
аморфный столько гиблых лет...
Я и такому предан рьяно,
другого-то народа нет.

И жду, как из больницы друга, —
всему на свете свой черёд, —
что от тяжелого недуга
он выздоравливать начнёт.

Заговорит открыто, смело,
покажет волю наконец!
И будет Слово, будет Дело,
которое всему венец.

АННА и КОНСТАНТИН СМОРОДИНЫ

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

РАССКАЗ

Серёга и Настя стоят у бетонного перешейка, где озёрная вода с шумом ухает в зарешеченный колодец, откуда по жёлобу-коридору стекает уже узко, ручьём. Рядом — пляжик, сейчас, в августе, как и всегда к концу лета, замусоренный. От пляжа — холм, уводящий в лес. По левую руку — родная для обоих деревня. Сейчас им — не до красот природы, не до купанья, не до грибов... Молодые — в напряжённом разговоре-противостоянии.

Оба крепкие, высокие. Серёга — с тёмно-русым ёжиком, плечи развёрнуты, майка-тельник, штаны-камуфляж. Настя в бандане, удерживающей светло-русые пряди, плещущие на ветру, в красной майке и бриджах. Ладные. Такие, каких немного встретишь, особенно ближе к мегаполису, где всех подряд будто скрючивает и высушивает опаляющая стихия сверхскоростей.

Серёга приехал на свои первые каникулы. К двенадцати ноль-ноль тридцатого августа ему, курсанту Федосову, надлежит прибыть в расположение, а именно — в легендарное Рязанское училище ВДВ. Училище это для Серёги вымечтанное. Никакой другой дороги он не желал себе. Это было всё его — солдатство текло по его жилам, питало все мысли, чувства, взгляд на мир. Год в казарме оказался трудным. Столкнулся он, куражистый, крепкий, самоуверенный парень, с суворовцами. А тех — пятеро, у тех — спайка, один за всех и все — на Серёгу. И всё же перемог, выдюжил, собрался, одолел, прижился... И домой, на каникулы, ехал красавцем — в форме, в купе. Купе — тоже знак иной, служивой судьбы. Кому в деревне так ездить по кар-

---

СМОРОДИНЫ Анна Ивановна и Константин Владимирович – прозаики, публицисты. Выпускники Литературного института им. А. М. Горького. Авторы многих книг и публикаций в центральных журналах. Члены Союза писателей России. Живут в г. Саранске.

ману? “Родина платит!” — расхожая поговорка в военной среде. И вот Родина начала платить и по его счетам. А он начал ей принадлежать — совсем, со всеми потрохами...

Когда мать с отцом примчались зимой к нему в больничку (воспаление лёгких после приземления в снег и пробежки), мать причитала, охала, поила клюквенным домашним морсом, а у него даже в бреду, даже с температурой было яркое ощущение — он отрезан. Родители — по ту сторону, где любимые места, где баня по субботам, рыбалки, сенокосы... Всё это есть, продолжает существовать, но — без Серёги. И как бы матери ни было жалко его, всё это было зря, не нужно, потому что только растепляло, расслабляло. А выжить можно было, лишь собравшись в тугую пружину. И он твёрдо намеревался выжить в том жёстком, более жёстком, чем он предполагал, мире. Чтоб стать в нём своим, надо было оббиться об углы и стыковочные швы, и натереть твёрдые мозоли, и одеться защитной коростой. Поэтому сейчас всё болело в нём. Тем более надо было опять уезжать, отрываться. Серёга невольно вздохнул. Настя хмыкнула и пожала плечами: “Опять эти вздохи! Что за парень?”

У Насти много приятелей-пацанов. “Женихов” по-деревенски. Ей еще предстоит последний школьный учебный год. Тут есть струйка тревоги, потому что учиться придется в райцентре, куда будут свозить старшеклассников на специальном автобусе. Их тоже отрывают от дома, этих ребят. Впрочем, Настя в любой компании умела постоять за себя, и она полагает, что статус “примы” от неё не уйдёт. Настя ещё не знает, как резко обрываются тёплые, домашние, поддерживающие нити, и неважно окружающим — кем ты был, каким суперпопулярным, каким классным и незаменимым... Как названивали тебе лучшие мальчишки, и как именно твоя парта бывала на Восьмое марта завалена открытками и мягкими игрушками. Потому-то Настя и хмыкает пренебрежительно, не зная этой большой грани: свой — чужой, или, по-другому, детство — юность. Зато это знает Серёга.

Если б как раньше, год назад, когда они женихались, прикалывались между собой по-свойски, как все, когда это вроде просто так, хоть что-то там и отзывается не в сердце даже только, а во всём существе, он бы сейчас облапил её: “Эх, Настюха! Настёна!” — поцеловал в обе круглые щёчки, и она б встретила это весело, со смехом, — потому что ничего такого, ведь между своими и просто так. А теперь, глядя ей в светлую макушку, он не мог — просто так. Потому-то для него было крайне важно — не спугнуть её, не перевести в смех, в прикол, в шуточки, а показать ей, что он — серьёзно, серьёзней некуда.

Ветерок перебирает её волосы, дует ласково, нежно. И Серёга решает: — Настя! Выходи за меня замуж.

Повисает пауза. Он — повзрослевший, на отлёте — в иную жизнь, как будто хочет прихватить с собой то, что даст ему тепло и чувство родного дома. А Настя — юная девочка, не знающая и не могущая вместить того, что произошло с ним за этот год. Ей, конечно, льстит то, что он сказал. Она взглядывает на него снизу вверх своими чудесными, прозрачно-зелёными глазами: а может, он шутит? Нет, не похоже. Вдруг она ощущает всю тяжесть его взгляда, прорвавшегося из его призванности и отданности — в её. Всё это реализовавшееся боевое снаряжение десантника запросто ломает хребет любым романтическим отношениям. Призвали его! Его! А её не призывал никто! И хоть ей очень нравится Серёга, но она инстинктивно отшатывается: “Нет, нет! Не хочу!” Он видит её мгновенный испуг, даже ужас, и лицо его меняется: из робкого становится стальным, угрюмым.

Мужчина и женщина на берегу игрушечного озера сошлись в диалогепротивостоянии. “Раздели мою призванность, — позвал он. — Давай серьёзно!” — “Ты что? Ты что? — в ужасе лепечет её душа, — давай полегче, посмеёмся, поприкальваемся. Без этой тяготы, без этой груды вооружения на жизни”. Серёга чувствует, что он готов схватить её за плечи и трясти, пока не вылетит из этой головы вся телевизионная, рекламная, гламурная дурь, отравившая между людьми всё и здесь, в русской деревне... Он почти ненавидит её в этот миг за то, что она не знает, не понимает того, что знает он...

— Ладно, пока. Увидимся, — Настя резко разворачивается и по тропе направляется к деревне, не желая длить этот тягостный момент.

Серёга хмуро смотрит ей вслед. Какая ладная! Красивая! Нужная ему!

— Иди, иди, — бормочет он, — катись!

Он силёвывает под ноги, идёт к пляжу, садится на брёвнышко. Так он сидит долго — ослепший от солнечного блеска раскинувшейся перед ним воды, не в силах сформулировать — зачем всё?.. Его, мужчину, позвала Родина, и он отозвался, он пошёл, хотя — да, вокруг полно народу, не желающего отзываться, а желающего судьбу свою полегче, в сторонке и тенёчке протоптать. Может, потому и тем, которые отозвались, им тяжелее — мало несущих. А кто призовёт женщину? Он вот позвал — она не пошла, не хочет мотаться по гарнизонам, тянуться ниткой за мужем, чтоб был он главным, чтоб определял — куда... Потому что и не он определяет-своевольничает, а выше, над ним, вместо неба — Родина... Эх ты, Настюха!..

Через час Серёгу окликнули знакомые ребята, собравшиеся купаться. Они притащили с собой накачанные камеры, и вскоре вокруг царило веселье. Прыгали, плескались, играли в догонялки. А вечером договорились собраться у костра. Впереди у Серёги было ещё несколько свободных домашних дней.

— Чего сумной? — толкнул его в бок Поня, постоянно вставлявший в разговор страстное “понял? понял?” и заработавший соответствующее прозвище. — По пиву скучаешь? Не бойся! Проводим тебя, как полагается!

Все заготовали, а Серёга с некоторой неприязнью подумал: “Проводите! А сами останетесь!”

Сидя перед телевизором, Настя то и дело тыкала в кнопки мобилки. Эсмэски приходили одна за другой. С экрана абсолютно искусственной внешности телеведущая с английской интонацией рассказывала, как стать счастливой современной женщине. Шоппинг, спорт, карьера и мужчины, — перечислялись ею через запятую. Самоудовлетворение и самодостаточность — вот были те два коня, на которых необходимо было учиться искусно ездить.

Подруга Ирка сидела напротив, в кресле, рассматривая покрытые алым лаком ногти. Обсудить девчонкам предстояло массу вещей. Неумолимо близился учебный год, и одноклассникам надо было выработать тактику и стратегию поведения в новом классе, чтоб не попасть в “отстой”. И, как ни крутилось на языке у Насти Серёгино странное предложение руки и сердца, она ничего не сказала подруге. Но вот речь о Серёге всё-таки завела.

— Он, Ир, другой приехал. Ты заметила?

Ирка, глядя на себя в зеркальце открытой пудреницы и растушёвывая блестяще-серые тени на веках, протянула:

— Ну, не знаю. Он симпатичный. Классный. А в форме вообще супер.

Настя вздохнула. Нет, подруга ничего не понимала и не чувствовала со стороны. Не к ней обращен был вызов со стороны мужского мира. Не она не пожелала достойно ответить на него.

— А на параде? Помнишь?

Настя кивнула. Тогда они тоже смотрели телек с Иркой. Вэдэвэшники из Рязани, шеренга за шеренгой, печатали шаг, словно рушились мощные деревья в лесу: одно, второе, третье... Сила, сплочённость, единый боевой организм... Красавцы все как один. Серёга клялся и божился, что в следующем году он, отличник, будет Девятого мая там, на Красной площади. “С мыслью обо мне”, — довольная улыбка сама собой разлилась по лицу девушки.

— Всё-тки он нудный стал, Ирка! Жалуетса, ноет. Другой какой-то. Не пойму, — Настя раздражённо отшвырнула мобильный и уставилась в окно.

А ведь и от подруги она уже отделена этим предложением Серёги. И она, удивляясь, как бы ощупывала себя, оглядывала внутренним взором, отмечая и собственное взросление... Она не рассказала о случившемся Ирке, и это был взрослый поступок. Женский поступок... В ней самой зародилось что-то иное, начало какого-то иного понимания. Понимания любви как жертвы, как сострадания, как соучастия. Может, пройдёт целый год, а может, два, и Серёга повторит свои слова. Настя поглядит ему в глаза прямо и смело и ответит: “Да”. И никого не будет счастливее и правильнее их в тот час. Они оба будут знать, что это “да” стоит дорого, но отдано — даром.

МАРИЯ

РАССКАЗ

Мария заведовала третьим подсвечником и ковриками. Потому что когда на всенощной батюшка выходит читать Евангелие, то ему обязательно под ноги надо подстелить коврик — тёмно-красный, с белыми прожилками узора. Скоро уже надо новый покупать, истёрся этот, и в уголке — пятна. А что это за пятна — Марии хорошо известно. Покуда она осенью болела, слегла с ангиной под самый Покров, то уборщица Лида подсвечник так держала, что весь уголок закапала. Хоть и отнекивается, а видно, что уж соскребала после воск-то, да Марии повадки её известны: стоит на службе — рот раззявит, ворон ловит.

Серьёзное дело — коврик постелить. А в церкви нет дел несерьёзных. Вот и подсвечник её... Это если от праздничного, первого считать; второй — у Спасителя, а третий самый её, Мариин... Нет, не её, конечно. А Всем Святым. Но коль уж она тут определена, поставлена хозяйкой, то, значит, и святые ей быть тут разрешили. А что? Не хуже никого она, Мария!..

— Привет, тётъ Маш! С Праздником великим! Свечи в строю равняешь? Так держать! — Андрей, с правого клироса, клонул стекло лбом да носом и унёсся в узкую дверь, а из-за перегородки здравствования донеслись и перехихикиванья.

“С праздником!” — губы поджавши, вслед процедила Мария и головой покачала, в платке белом, кипенном. Вертун! Нет, уж коли бы она дары распределяла и голоса, не досталось бы вертуну этому. Посерьёзней бы кому, пообстоятельней, чтоб рубашечка солидно под горло была застёгнута и с рукавами длинными. Сама Мария всегда, непременно, и в самую преогромную жару под блузочку белую сорочку одевает. Строго чтоб было, соответственно — и подсвечнику, и коврику — и батюшке, главное.

У Марии, которой шестьдесят три и которая совсем одинока, батюшка, отец Геннадий — самый главный в жизни. Всё-то она подмечает: в добром ли здравии, и в расположении каком, и вздохнул-то за службой сколько, и кашлянул когда... Мало батюшку ценят, так Мария считает. Уж коль бы она — так только б молился, а в свободное время у окна бы чаёк попивал, на цветник, к радости его обустроенный, глядя.

Матушка у них суровенька, резка. Но учёная, и диссертации-то, на ушко слышать, за прочих-других священников писала, и сама на том молоке богословском выросла. Иконы — наперечёт, и тип какой, и почему, и где, и хороша ли... По нотам поёт, по-славянски читает. И в церковь в пятнадцать лет от роду пришла — не как Мария, в пятьдесят пять, после работы, как в клуб. После уж втянулась, своей стала. Ругается матушка, когда не вовремя свечу поправишь. Если на чтении священном или за обедней самой — двинешься, пусть и слова не скажет, но взглядом так зыркнет, прямо обрежет, аж сердце зайдётся. Хорошо ещё подсвечник Мариин большой иконой от хора и от матушки прикрыт. Так она хитрит иной раз, Мария-то. Свеча ведь тоже внимания требует: то капать возьмётся, то тухнет, то чадит, то от жара соседнего сгибается. Так-то крутишься, крутишься, служба-то и промелькнёт. Руки в воске у неё всегда, у Марии.

Удивляется Мария, даже и соглашается вроде с матушкой (а как не согласишься? Она ж взглядом испепелит), и согласиться нельзя. Ну вот хотя бы!..

— Сами свечой стойте! Молитесь! Не в свечах дело! Нечего по подсвечникам всю службу прыгать!

Ты себе говори, говори! А Мария тихонечко со свечками и без тебя управится. Это как так “не в свечах”? А продают зачем тогда? А во всех книгах написано про поведение в храме: зайди, купи свечу!.. Нет, что ни говори, и матушка не всё знает, пусть и учёная она.

Распрямылась Мария, лоб утёрла. Жарко в храме, свечей много. Особенно восковые ей нравятся, рублей за двадцать, тридцать, — те потолще и долго горят. А уж эти — дешёвка, по рублю да по два — маята одна. Тонкие, гучие, текущие... Пусть и пенсионерка Мария, а на свечи выделяет особо и дешевле пяти рублей и брат, считает, нечего. А то вон — Надежда, из подъезда соседнего, и ходят-то иногда вместе, по темноте особенно зимней, так она именно по рублю купит, а ещё к подсвечнику трётся ближе... “Ну, люди!” — сокрушённо Мария головой качает. Во многом её люди не устраивают, и многие. Или творят непотребное, или негодные сами: то в блуде, то в пьянстве, ни постов у них, ни праздников. То ли дело Мария — в сорочке, свечи твёрдые, правильные и всю-то службу при исполнении... А на душе-то хорошо! Хорошо-то на душе как! Идёшь из храма, люди мельтешат глупо, им бы тоже — из храма бы идти... Нет! А уж в храм зайдут — прямо хоть дерись иной раз. Ведь видно же ясно, что это Мариино место. Уж все знают! И дьякон Вячеслав кадит прямо отдельно ей, и батюшка с праздником непременно поздравит, и матушка кивнёт. А то прошлый раз как-кая-то, прости Господи, в платье цветастом и без рукавов, голыми локтями светит, а самой за сорок, видать, а туда же — в таком виде и в храм, заступила Мариино место и стоит-красуется. А ведь Мария только на секунду и отбежала. Монахиня Нина от батюшки кадило приняла и в притворе, у двери, угольки перетряхивала, самым постоянным прихожанкам давая кадильным, ладанным дымком вздохнуть-окуриться. Искорка на щёку ей села — опалила, ну и бабульки все в один голос и монахиня Нина сама подтвердила: это хорошо. Мария вернулась к своему подсвечнику воодушевлённая и разгоревшаяся, а тут — здарсьте вам! Стоят! Цветастые и с руками голыми. Мария, правда, без церемоний, ей ведь некогда — свечи поправлять пора, рублёвые снова прогорели, встала вплотную впереди, так и оттёрла — ту, цветастую, пришлую. Оглянулась после — стоит зади, а ещё — после, и след простыл. Вон они какие — захожане, из храма-то бегом!

Стоит Мария, свечи ровным, чистым заборчиком выставлены, карандашами аккуратными, поближе к иконе — самые высокие и дорогие, подальше — тонкие, дешёвые... Только парафином закапывать, её б воля — вовсе б этих, рублёвых, до подсвечника не допускать.

А то вот ещё дьякон Вячеслав. Отец дьякон. Тоже, скажем прямо, распущенный. Свободный слишком. У самого жена и двое деточек малолетних, а он всё улыбается ходит. Посерьёзней бы надо! Если кадит и молодёжь увидит или детей — прямо к ним, на все тридцать два зуба разулыбается и “здравствуйте” им с поклоном (а куда там поклоны соплякам этим отвешивать, уравнивать их в правах кое с кем иным?..), да “с праздником вас”, да “как приятно молодые лица видеть”, да “заходите почаще”!.. Мыслимое ли дело?! И положено ли это по уставу? Буквально вот, в субботу, вчера — девчонки две, в брюках обтягивающих, а он — к ним: “Вот они где, цветочки, — говорит, — рады видеть вас!” А чего там рады? В штанах-то? Старухи-то, на скамейке которые, не расслышали сперва — ругает девчонку, поди, в брюках потому что. После уж Мария всё им разъяснила... Так что дьякон, он тоже — двусмысленный. А то все как сговорились прямо: душевный какой да приветливый... Мария-то всё подмечает. И душевность его душевредную на учёт поставила, исповедовалась даже об этом: осуждаю, мол, дьякона — он вот это делает, и это, и вот тот раз — то ещё... Батюшка почему-то грустный стал, ясно — из-за дьякона своего расстроился, любит его, хвалит, а он — вон какой: которые в брюках — тем улыбается. А ему вообще по должности улыбаться не положено. Иди аккуратно, голову присогни, где икона — перекрестись, да пальцами пола коснись — и будет хорошо, правильно. Ну куда там дьякона тронешь — матушкин любимец. Прочитают книгу какую-нибудь и вот до темноты галдят, обсуждают. А тоже не все ведь книги читать благословлено. Вот батюшка и грустный, тем более — дождись-ка матушку с ужином, пока она все умности свои переговорит.

Передумала все свои мысли Мария, с товарками перемолвилась. Вышла на крылечко и, со ступенек спустившись, подождала, пока на колокольне Иван отзвонит (нет, что ни говори, Василий ответственной звонит, дольше

выходит под звоном стоять). В кошёлке у Марии — хлеба булочка, с кануна, именно это верным, чтоб покойников поминать. Придёт и скажет за ужинном: “Помяни, Господи, в Царствии Небесном тех, за кого этот хлеб принесли”. Она ведь — верная, Мария, правильная, вон как церковь любит — всегда первая спешит-торопится, и батюшку тоже любит-почитает, всё угождать хочет. К именинам, как ни скудна пенсия, триста рублей выделяет, и к Пасхе, на застолье, и к Рождеству, на престольный праздник не вышло у неё триста внести, она уж и Ольге-свешнице сказала: расходы непредвиденные — галошки купила, да у племянницы рождение, вот и потратилась — двести только внесла.

Хорошо Мария домой идёт, достойно перед соседками. И они к ней — уважительно, с расспросами и просьбами: кому о здравии свечу поставить, кому за упокой, кому батюшку привести — квартиру освятить. Мария поджимает губы: “Сами-то что же? Сами бы и шли! Храм, чай, рядом”. Но всем понятно — ей-то проще к Богу, по знакомству. И какой-то такой нынче уютный вечер выдался — и тепло непаркое, с ветерочком, свету — в избытке, июнь, и довольство полное в душе и в мире, — что на лавочке у подъезда задержалась-заговорила Мария. И вдруг юноша с букетом пионов пышных в подъезд их нырнул, сквозь старушечий строй побыстрее. “А это, — заговорили-заобсуждали вслед, — к Зюечке кудрявой похаживает, может, и женишок...”

— Какие счас женихи! — Мария уж на что церковный человек, а женщина пожившая, не проведёшь её цветами. И самые эти цветы непрошенные, обманные и пыль в глаза честным людям пускающие, зацепились в мозгу и напомнили. И среди июньского тепла стало ей от воспоминанья этого зябло.

А вот как на Страстную Пятницу к Плащанице готовились. И цветы вот тоже... Матушка болела тогда, сама не смогла. Свешница и уборщица на рынок подались. А как же! Застолье-то к Пасхе готовить. Также ведь каждую минуточку урывать надо: за мясом — котлетами хорошо разговляться, они — нежные, после яиц освящённых сразу; за творогом-маслом — на пасху творожную... В Великую Субботу уже куличи должны быть готовы — святить надо; но это отдельная женщина придёт печь. И вышло, что решать с цветами — Марии, больше некому. Мария цветов купила — хороших, крупных роз, красных и белых, в три вазы у Плащаницы красиво поставила.

Как же матушка кричала! Кричала, а из красивых, до сих пор ясно-голубых глаз пожилой уже матушки текли слезы. Свешница Ольга, уборщица Галина и добровольная Мария-помощница слушали, понурившись, и тоже плакали-разливались. А матушка ругала вроде бы их, но и саму себя.

— Не люди мы, полубесы! Табуретки бесчувственные! И как нас Господь терпит близ себя? Ни любви в нас нету, ни даже чувства красоты. Ничего! Умер — самый дорогой для нас, для всего света. А мы три букетика жалких поставили. Цветов Ему пожалели!

И всю заначку, что Мария от общих денег на именины батюшкины отложила, схватила и из своего кошелька подчистую всё выгребла и на такси самолично таких лилий и роз ещё, белых, сортовых, вороха привезла — и так гроб дорогой, Плащаницу увести, что Мария просто ахнула.

И внутри себя, сурово, перед своей совестью собственной спросила: зачем столько трат? Бедный ведь храм! И после всё думалось и билось в голову — зачем? Зачем Богу это? Зачем? И вспоминала матушкино: “Самый дорогой умер!..” А кто же Марии самый дорогой? Да если б батюшка умер, тут не только своего цветника не пожалела б она, всю пенсию до последней копейки выложила бы — на цветы и помин. Когда представляла себе это — всегда плакала. Отдать! Отдать всю себя, всю любовь!..

А Бог? У Него же всё есть. И Он ни в чём не нуждается... Он — далёк. А батюшка близок. Так и поплыло перед глазами, как Великим Постом, после пассии, отец Геннадий говорил о Голгофе, и голос его слёзно дрогнул. Мария тоже заплакала тогда — от батюшкиных слёз, его горя, его колено-преклонённых молитв, его седеющей головы... “Не о том вы плачете”, — частенько повторяла матушка. Но и тогда Мария плакала о батюшке, для которого Бог был непостижимо живым. Всё это не в словах, а изнутри, в этот

избранный, глубокий, голгофский миг — ярко, сиротски почувствовала Мария. Ведь и для матушки — самый Дорогой лежал в гробу и воскресал после, на третий день, как обещал Сам. Это была непреодолеваемая бездна между церковным ковриком и Богом, основавшим Церковь, в одном из храмов которой лежал этот коврик, заботливо и суетливо положенный Марией.

Довольство июньского вечера растаяло, схлынуло, и она поднималась в квартиру со странной печалью о себе. Да, её просто заморозили эти люди — бабушка и матушка, и то, что горело в них живым огнём, то, чего не было в ней. Совсем. Она села у стола, сложила руки на коленях, как школьница, и горько, обиженно заплакала — об обретении веры. Именно теперь, вдруг, ей стала нужна искра не от кафельного уголька, а от того живого огня, что горел в других людях и делал их непостижимыми, и вводил их куда-то, где был живой и близкий Господь, и куда теперь со всей силой души пожелала войти Мария.

---

*Редакция поздравляет
Константина Владимировича Смородина
с 50-летием!*

ВЛАДИМИР СКИФ

МОИХ ПЕЧАЛЕЙ ГОРЬКИЙ ДЫМ

НЕОТБОЛЕВШЕЕ

Свет родины, хлеба созревшие
Простёрлись вдоль моей души.
Осенние, остекленевшие
Молчат болота, камыши.

Берёзы голые, опавшие,
Среди сырых, пустынных дней,
Как девы, замерли над пашнями
В немой стыдливости своей.

Топчу былинки жухлых крошево,
Деревьев волглые листья.
Ищу себя, своё ли прошлое
Среди осенней немоты.

А за ручьём, за тихой рощицей,
Где я влюблялся молодым,
Ещё не выгорел, полощется
Моих печалей горький дым.

СКИФ Владимир Петрович — известный русский поэт, автор многих стихотворных книг, в том числе и детских, руководитель Иркутской писательской организации, постоянный автор журнала “Наш современник”.

КОНСТАНТИН РЯБЕНЬКИЙ

ОТЧИНА

Валерию Кириллову

Валерий! Разверни меха баяна,
как делаешь ты это постоянно,
когда застолье будоражит дом.
И спой мне песню о земной печали,
как матери нас в трудный год рожали...
Спой от души о близком, дорогом.
Пусть Западной Двины седые воды
напомнят нам о таинствах природы,
о святости родного уголка.
Пусть Андреаполь крылья расправляет
и синь озер вокруг благословляет,
где память о народе глубока.
Я тоже болен отчиной своею.
Перед лицом ее благоговею,
рад на коленях землю целовать.
Земля отцов в меня вливает силы
и будет щедро, до самой могилы,
небесную дарить мне благодать.
Мой Вышний Волочёк, твой — Андреаполь,
за них мы выпьем, грохнем стопки на пол,
у отчины — особенная статья.
Валерий! Мы с тобой козлы тверские,
а на таких — и держится Россия!
Нам воспевать ее и защищать.

ПРАВОСЛАВНАЯ ОСЕНЬ

Давно в лугах отсенокосили.
В путь собираются грачи.
Иконостас червонной осени
льет в душу теплые лучи.
И что-то чистое, щемящее
под самым куполом небес,
как ощущение в храм входящего,
меня влечет в багряный лес.
И я вхожу с любовью, с робостью
и замираю перед ним,

как перед самой жуткой пропастью,
где в даль прыжок необходим.
Я на себя знаменье крестное
кладу дрожащею рукой
и улетаю в неизвестное
и неиспытанное мной.
Душа к Познанию вечно тянется,
что там за лесом, за холмом?
Иконостас лесной багрянится,
я осеняю лоб перстом.
И пробираюсь к дому просекой.
Что я могу ответно дать?
Иконостас горячей осени
дарует сердцу благодать.

ДУХ БРЕВЕНЧАТОЙ ИЗБЫ

Чуть светает.
Встала по старинке,
принесла водицы из реки.
Натопила молока нам в кринке,
испекла нам чудо-пирог!
Мы проснулись —
и глазам не верим:
скатерть-самобранка на столе.
Солнышко заглядывает в двери.
Курицы копаются в земле.
Бабушка нас потчует и тихо
оправляет пряжей седину...
Только что — переломили лихо.
Только что — осилили войну.
Сын и зять
вернулись с победой,
и — попёрли внуки, как грибы...
А на лето все в деревню едут.
Тянет дух бревенчатой избы
да тепло душевное,
да поле,
да река,
да ягоды в лесу...
Век дыши — не надыхаться вволю,
а глазам — не выпить всю красу.

г. Вышний Волочёк

ЕВГЕНИЙ ЭРАСТОВ

* * *

Какие ветры здесь, на пустыре!
Закрывать лицо и не убрать ладони.
Стоишь один на преданной земле,
И нет тоски страшнее и бездонней.

Ты в этой заскорузлой пустоте
Стоишь один на целом Божьем свете.
И на последней траурной черте
Всё ждешь звезду в крошечной темноте —
В Дамаске, Вифлееме, Назарете,

Калуге, Туле, Курске, Костроме,
Семенове, Ветлуге, Арзамасе...
Подумаешь — в своем ли ты уме?
И вспомнишь о суме да о тюрьме,
О боли, нищете и смертном часе.

* * *

Если б я только знал, что всё будет так,
Если б я тоньше чувствовал нить событий,
Я б не сжимал в руке ледяной пятак,
Я бы смелей смотрел в Гефсиманский мрак,
Был бы Фаворский свет ярче всех наитий.

Если б я только знал, что моя стезя
Будет темнее русских ночей беззвездных,
Знал бы, чего говорить мне никак нельзя,
Если б я точно знал, кто мои друзья,
Я бы прожил не так... да теперь уж поздно.

Если б я только знал, что всё будет так,
Что не рассеют строчки крошечный мрак,
Если грядет вселенская катастрофа.
Не оттого ль щеглы на ветвях твердят
Этот кристально-чистый словесный ряд:
Родина, Звезды, Вселенная, Тьма, Голгофа...

* * *

Этот снег неотвязен и колок.
Отчего ж этим снегом живу?
Как не счислить у елки иголок,
Так не счесть и твоих оговорок,
Сильных истин, снежинок во рву.

В декабре бронзовеет пространство,
Где ни жалости нет, ни любви.
Снеговое мое государство,
Хохломское мое тарабарство,
Гуттаперчевый дом на крови!

Здесь мы в детстве в войнушку играли,
Здесь Чапаев в Урале тонул.
Здесь мы правильный путь потеряли,
И теперь нас узнает едва ли
Криворотая стая акул.

Здесь луны золотушный осколок
Поглотила живая вода.
Этот снег — неотвязен и колок,
От него не уйти никуда.

г. Нижний Новгород

ЮРИИ ФАНКИН

ФАТЬЯНОВСКАЯ ГАРМОНЬ

Каждый раз на летнюю Поляну
Прихожу, как путник на огонь...
Алексей Иванович Фатьянов,
Где твоя любимая гармонь?

Где твои знакомые “орлята”,
Те, что стали для врага грозой?
Где твои ровесницы-девчата
И паром за клязьменской косой?

Поиссякли песенные жилы,
Порвалась на женских бусах нить...
Время многих сильно изменило,
Но тебя не в силах изменить!

Пусть друзей Поляна собирает
И спешит на праздник молодежь...
Верю я: гармошка заиграет,
И с небес ты тихо подпоешь!

КОСТЕР

Еще душа не завершила требы,
Не прервалось дыхание свечи...
Под куполом божественного Неба
Горит костер — и в сердце, и в ночи.

Пылай, костер, как полыхал ты прежде,
Чтоб отступали мрак и суета...
Еще не весь перегорел валежник,
И есть еще в запасе береста.

Гори, костер, чтоб осень не померкла,
И согревай нас, смертных, до утра...
Погаснешь ты, но и под грудой пепла
Найдется жар для нового костра.

РУССКОЕ ПОЛЕ

На селе, где почту не приносят
И дома заброшенные сплошь,
Близ лугов, которые не косят,
Поднялась, заколосилась рожь.

Заиграла светлою волною...
Но кого благодарить за труд? —
Эту рожь не сеяли весной
И к зиме теперь не уберут.

Под дождем и знойным обогревом
Сохранило поле древний род:
Золотые зерна самосевом
Прорастают уж который год.

г. Муром

ГЕОРГИЙ КУЛИКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛОКА

*В чёрное небо Италии
Чёрной душою гляжусь.
Александр Блок*

В тесноте безысходной печали,
В белом пекле, где всё гноит,
Небо чёрное мёртвой Италии
Душу чёрную так слепит!

И пора — видит Бог! — во спасение
Её очи плотней смежить.
А дороги стальное пение
Да поможет душе ожить!

Да поможет ей та — далёкая,
С тем же именем (Ксюша, пой!),
Первой страсти мечта синеокая:
Гений первой любви надо мной.

Он простился со мною в Вержболове:
Взор любовницы прянул прочь.
Но кружило, как прежде, голову...
Я, отверженный, канул в ночь.

Пробудился у Двинска... До Режицы
Ехать долго... Да что в ней нам!
Та же слякоть и тучи-беженцы,
Дождь, платформа, вокзал, жандарм...

Тучи медленно расступаются...
Но сжимается сердце... Мчусь!
Здравствуй, матушка! Долго ль маяться
Вместе нам с тобой? Здравствуй, Русь!

ДИПТИХ

I

Звали б райскими русские тропы,
Да прогоркли в слезах матерей.
Из окна карнавальной Европы
Не узреть нищеты пустырей.

Вниз возносит ли, падает ввысь ли...
Сколь ни тщись, глубины не подъять:
Что Господь о России замыслил,
Попустив процвести и распясть.

II

Все потуги смешны и убоги —
На авось, как-нибудь, кое-как:
На исконной российской дороге
Не стоит европейский большак.

Не постигнуть ни страхом, ни глумом,
Ни великим умом эту дичь.
Что Господь о России задумал —
Никому и ничем не постичь.

г. Малоярославец

МИХАИЛ ЖУТИКОВ

* * *

Ю. Смолину

Месяц взошел. Над землей словно дым,
Звезды, как брызги с пера.
Что из того, что ты был молодым,
Может быть, только вчера?

Было — что ночью такой не заснуть,
Нежил весенний угар.
Что из того, что ты хочешь вернуть
Треньканье этих гитар?

На оживление мирной гурьбе,
В розовом лоске ветвей,
Что из того, что сдается тебе —
Ночи те пахли нежней?

Пахли мечтами, чьим был нестерпим
Чарам удел поостыть —
Что из того, что совсем не таким
Было назначено жить?

В мире, что чары извел и изжил,
Сам что истаял, изжит —
Что из того, что ты рвался из жил
И пропадал, и убит?

Месяц взошел. Над землей словно дым,
Звезды, как брызги с пера.
Все ж не убитым ты был, молодым,
Может быть, только вчера.

Москва

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНИНА

ДИКИЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

Память крючьями острыми
Тащит в объятия тьмы.
В дикие девяностые
Лиха хлебнули мы.

Речи лились заманчиво,
Крылья росли — дерзки.
Но уходили мальчики
После Чечни — в “братки”.
Ваши “морали” — мелочи.
Бизнес доступен всем!
Стройные интердевочки —
Члены ВЛКСМ.
Мельницы били крыльями
В наглой своей красе.
Разом деревни вымерли.
Встали заводы все.
Ваучеры песочные,
Громкие имена.
Сумочки-то челночные
Помнишь, моя страна?
Верить совсем не главное,
Главное — видеть суть.
Водку нальют халявную,
Только проголосуй!
Выдюжили? Нет, выжили.
Видно, крепка кишка.
Эх, олигарху рыжему
Черти намнут бока.
Что ж тут творилось, Господи?
Боль, беспредел, беда.
Дикие девяностые,
Огненная вода.

НА БЕРЕГУ

На берегу медлительной реки
Ловлю мгновенья северного лета.
Стрекочет полдень. Травы высоки.
А завтра день — такой же, как и этот.
На берегу медлительной реки
Застывшие, как бронзовые Будды —
Два местных Чингачгука — рыбаки,
Забывшие о времени как будто.
На берегу медлительной реки
Скользят стрекозы у моей руки.
Течет в прохладном зеркале молчание.
Спят облака, упавшие на дно.
Повсюду и во всем растворено
Свободы равнодушное дыхание.

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

ПАМЯТЬ

Отец шагнул в родимый дом
Из огненного круга.
Четыре года сын с отцом
Не видели друг друга.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

Глава 25

Басня и быль о Есенине

Крик.

Крик и холод.

Холод, выевший, словно зверь, внутренности, сменился адской жарой. Дышать было нечем, и казалось, что капли не пота, а крови проступают сквозь кожу.

Это была “пробковая камера”, в которой Клюеву довелось пробыть три дня, о чём он потом с непреходящим ужасом рассказывал Иванову-Разумнику.

“Много горя и слёз за эти годы на моём пути было. Одна скорбь памятна. Привели меня в Питер по этапу, за секретным пакетом, под усиленным конвоем. А как я перед властью омылся и оправдался, вышел из узилища на Гороховой, как веха в поле, ни угла у меня, ни хлеба...”

Кто допрашивал Клюева и на какой предмет — не установлено по сей день. Принимал ли участие в допросах сам начальник Петроградского ГПУ Станислав Мессинг? Что из поэта пытались вытрясти? И как именно он “омылся и оправдался”?

Арест был, безусловно, связан с кампанией по ограблению церкви. Сестра Клюева Клавдия Расщеперина рассказывала потом Есенину, что “Клюев был комиссаром по отбиранию церковных ценностей, что-то оказалось нечисто... и его посадили” (это известно со слов Галины Бениславской). Доверять подобным свидетельствам нет никакой возможности — Клавдия давным-давно разорвала отношения с братом, как “не ледящим и не путящим”, да ещё и на пару с мужем обокрала его. Бениславская Клюева вообще ненавидела лютой ненавистью — и об этом речь впереди. Есенин же иной раз обронял нечто похожее со слов Клавдии, не задумываясь особо о достоверности сообщаемого.

Клюев, очевидно, входил в некую комиссию по изъятию ценностей, но если он и состоял в ней, то лишь с одной-единственной целью: спасти то, что можно спасти. Ведь при погроме храмов с икон обдирались золочёные ризы, а сами иконы или тут же летели в огонь, или забирались иными “уполномоченными” для развлечения в импровизированных “тирах” (подобный “тир” стоял, в частности, в личной бане Генриха Ягоды).

Продолжение. Начало в № 1–11 за 2009 год, № 1–3, 6, 7, 9, 10 за 2010 год, № 1, 3, 5–8 за 2011 год.

О том, как происходило подобное “изъятие”, рассказала во второй книге своих мемуаров неправославная Надежда Мандельштам: “Весёленькие москвичи посмеивались и говорили, что новое государство не нуждается в помощи поповского сословия. Где-то в Богословском переулке – недалеко от нашего дома стояла церквушка. Мне помнится, что именно там мы заметили кучку народа, остановились и узнали, что идёт “изъятие”. Происходило оно совершенно открыто – не знаю, всюду ли это делалось так откровенно. Мы вошли в церковь, и никто нас не остановил. Священник, пожилой, встрепанный, весь дрожал, и по лицу у него катились крупные слёзы, когда сдирали ризы и роняли иконы прямо на пол. Проводившие изъятие вели шумную антирелигиозную пропаганду под плач старух и улюлюканье толпы, развлекающейся невиданным зрелищем... Я не знаю, жив ли остался священник, по лицу которого катились слёзы. У него был такой вид, что вот-вот его хватит удар. Я помню растерянный вид Мандельштама, когда мы вернулись домой, поглядев, как проходит изъятие... Он сказал, что церковь действительно помогла бы голодающим, но предложение Тихона отклонили, а теперь вопят, что церковники не жалеют голодающих и прячут свои сокровища... Он ещё сомневался, что добытые средства дойдут до голодающих, а не будут истрачены на “мировую революцию”...”

Что-то страшно-провидческое происходило на глазах Николая.

“Обезьяныча церковь от ярости, от скрежета зубовного на Фаворский свет, на веянье хлада тонка, на краснейший виноград красоты и правды народной...”

От крови Авеля до кровинки зарезанного белогвардейцами в городе Олонце ребёнка взыщется с Церкви.

Кровь русского народа на воздухах церковных...

“Приду и сдвину светильник твой с места его...” Это не я говорю, а в Откровении прописано, – глава вторая, стих же пятый побждающий”.

Так писал он в 1919-м, в “Сдвинутом светильнике”.

В стихах того года ещё и похлеще было:

*Приводит в лагерь славы
Возмездия тропа.*

.....
*За праведные раны,
За ливень кровавой
Расплатятся тираны
Презренной головой.
Купеческие туши
И падаль по церквам,
В седых морях, на суше
Погибель злая вам!*

(Как нарочно, перепечатка именно этих стихов в “Трудовом слове” в 1923-м стала его последней прижизненной публикацией в вытегорской печати.)

И ныне, видя своими глазами эту “злую погибель”, словно в перевёрнутом зеркале, он видел и стародавние события знаменитого зорения Выговской пустыни и Иргизских скитов в конце царствования Николая I. “... Все эти очаги русской культуры были по инициативе и настоянию официальной иерархии разорены и разграблены. Старя Русь пережила новое нашествие варваров. Старообрядцы были поставлены вне закона, и с ними и с их имуществом могли делать всё, что угодно”.

Так писал в 1916-м Иван Кириллов, приводя в подтверждение слова Даниила Мордовцева:

“Недаром до сих пор саратовские старожилы, которые помнят, когда и как уничтожались Иргизские скиты, рассказывают, что некоторые из мелких официальных лиц, принимавших участие в фактическом уничтожении скитов, набивали громадные сундуки серебряными ризами от ободранных икон и другими сокровищами, скопленными раскольниками”.

И ныне “поживлялись” многие на разграблении церковей. А Клюев, видя, как превращаются в щепу и сгорают целиком иконы и старого, и нового письма, пытался спасти, что мог.

И не смел подумать о некоем свершающемся “справедливом возмездии”. Видел: новые варвары сменились варварами новейшими. Творящими злодеяния не во имя веры, а во имя безверия.

Тут вспоминался не “керженский дух”, а Фёдор Павлович Карамазов.

“— Взять бы всю эту мистику да разом по всей русской земле и упразднить, чтоб окончательно всех дураков обрезать. А серебра-то, золота сколько бы на монетный двор поступило!

— Да зачем упразднять?

— А чтобы истина скорей воссияла, вот зачем”.

И лишь услышав, что коли истина эта воссияет, то самого Фёдора Павловича “упразднят” — тот соглашается веру “не разрушать”.

А тут — рушили, не ведая сомнений. Спорадически, судорожно. Первая кровавая увертюра к грядущему “штурму небес”.

... В конце 1921 года Клюев, созерцая нарастающую антиправославную смертоносную волну, писал начало огромной “словесной иконы”, так и оставшейся незавершённой, воплотившей красу древней иконописи, что творила в его слове “артель” природных сил стародавней Руси.

*Я хочу аллилуить, как вёсны, Андрея,
Как сорочьи пролетья, овчинные зимы.
Не тебе, самоварное пузо — Рассея,
Мечут жемчуг и лал заревые налимы.
Не тебе в хлеборобье по тёплым овинам
Паскараги псалмят, гомонят естрафили.
Куманике лиловой да мхам журавиным
Эти свитки берёсты, где вещи были...*

.....
*Имена — в сельделовы озёрные губы,
Что теребят, как парус, сосцы красоты...
Растрепала тайга непогодные чубы,
Молодя листопад и лесные цветы,-
То горящая роспись “Судище Христово”.
Зверобойная желть и кленовый багрец.
Поселились персты и прозренья Рублёва
Киноварною мглой в избяной поставец,
“Не рыдай мене Мати” — зимы горностаи,
Всплески кедровых рук и сосновых волос:
Умирая в снегах, мы прозябнем в Китае,
Где жасмином цветёт “Мокробрадый Христос”.*

Именно здесь обозначилось в его поэзии впервые прямое противостояние Руси — “Рассее”.

В 1922-м Клюев не созерцал, в отличие от Мандельштама — он действовал. Всеми возможными способами он собирал осквернённые, а иной раз и покалеченные иконы, приносил их домой, реставрировал (он и это умел делать!), приводил в Божий вид, устанавливал на своём домашнем киоте, складывал в заветный сундучок... И, конечно, нарвался на донос — как и в ситуации с разбором его “партийного дела”.

“Ибо я услышал толки многих; угрозы вокруг; заявите, говорили они, и мы сделаем донос. Все, жившие со мной в мире, сторожат за мной, не споткнусь ли я; может быть, говорят, он попадётся, мы одолеем его и отмстим ему” (пророк Иеремиа).

Он хорошо помнил свои узилища в царской России. Словно предчувствуя что-то, меньше чем за полгода до ареста рассказывал Коленьке Архипову про свою прежнюю тюрьму в Сен-Михеле, про Выборгскую крепость, Харьковскую каторжную тюрьму и Даньковский острог... Сравнивал одно с другим? Едва ли. Только и было на уме, что молитва да жажда “отмыться и оправдаться...”

Оправдался. Как? Пока неизвестно. Факт остаётся фактом — он вышел из тюрьмы, и, как рассказывал Архипову, далее — “повёл меня дух по добрым людям; приотъелся я у них и своим углом обзавёлся”.

“Добрым человеком”, благодаря которому Клюев обзавёлся своим “углом”, был давний знакомый Илья Ионов, стихотворец, издатель, шурин все-сильного диктатора Петрограда Григория Зиновьева и давний знакомый поэта ещё по Петрограду 1918-го. Он выделил Клюеву комнату на улице Герцена (бывшей Большой Морской) в доме № 45.

Не просто с жильём помог. Ещё и договор подписал на книгу стихов “Ленин” объёмом “в 609 стихотворных строк” с условием выдачи аванса “в размере 25%”. Правда, на аванс рассчитывать особо не приходилось. Ионов имел репутацию чрезвычайно прижимистого издателя, который может много пообещать и немного при этом сделать.

Перевёз Николай свой скорб из родной и немилой Вытегры, перевёз и расставил всё в полуподвальной комнатке так, что стала похожа она на любимую крестьянскую избу. Многие, входившие в неё, позже вспоминали, что словно попадали в иной мир... На домашнем киоте — иконы дониконовского письма: Зосима и Савватий Соловецкие держат в руках городок с церквями; Богоматерь является Сергию Радонежскому; Авраам, Исаак и Иаков держат в руках души в белых хитонах... Складень Феодоровской Божьей Матери, Успение, иконы Спаса Богородицы и Иоанна Предтечи. Серебряная лампадка над ними. Старый расписной стол занимал большую половину комнаты, а отдельно в уголке стоял чёрный столик с точёными ножками, на котором Клюев разложил свои “университеты” — рукописные книги в кожаных переплётах с медными застёжками: “Апостол” с толкованием, “Поморские ответы”, “Стоглав”, Кормчая книга, Евангелие, Месяцеслов и Библия на немецком языке. В отдельном деревянном сундуке хранилась одежда и отдельно — материнские рубашки и платки, память о вечно любимой родительнице.

“В обиходе я тих и опрятен. Горница у меня завсегда, как серебряная гривна, сияет и лоснится. Лавка дресвяным песком да берёстой натёрта — моржовому зубу белей не быти...”

Перевести бы дух Николаю — крыша, слава Богу, над головой есть. В городе не больно-то любимом, да хорошо знакомом — где его литературная слава началась. Где его любили, хвалили, потчевали... Где завидовали и в спину шипели...

А жить на что-то было надо.

Берлинское издательство “Скифы” выпустило ещё три года тому “Избяные песни” и “Песнь Солнца” — денег оттуда Клюев так и не дождался.

А по Питеру ходила про него всякая собачья чушь, которую охотно подхватывали талантливые любители сплетен.

“Утром встретил Брашиовскую, — записывал в дневнике Михаил Кузмин, — кланяется от Клюева, говорит, что тот написал хлыстов/ские/ песни, его два раза арестовывали, и теперь он сидит в Госиздате. Если бы не шарлатан, было бы умирительно”.

Отношение к Клюеву, как к шарлатану, сформировалось давно. “Шарлатан” буквально нищенствовал — и это была общая участь многих тогдашних писателей.

Из дневника Корнея Чуковского от 14 октября 1923 года:

“На лицах отчаяние. Осень предстоит тугая. Интеллигентному пролетарию зарез. По городу мечутся с рекомендательными письмами тучи ошалелых людей в поисках какой-нибудь работы. Встретил я Клюева, он с тоской говорит: “Хоть бы на ситничек заработать!” Никто его книг не печатает. Встретил Муйжеля, тот даже не жалуется, — остался от него один скелет суровый и страшный... Что делать, не знает. Госиздат не платит, обанкротился. В книжных магазинах, кроме учебников, никто ничего не покупает. Страшно...”

А когда Чуковский вместе с Ахматовой и Евгением Замятиным взялся составлять список нуждающихся русских писателей — ни Ахматова, ни Замятин не назвали ни одного имени. Словно впали в ступор. Чуковский сам взялся за дело и означил имена Муйжеля, Ольги Форш, Сологуба, Николая Тихонова, Иванова-Разумника, Ахматовой и даже столь нелюбимой им Лидии Чарской. О Клюеве он и не вспомнил.

... Кроме “Ленина” Николай пытался переиздать “Львиный хлеб” в новой композиции. Ничего из этой попытки не вышло, хотя писатели и пытались помочь. Константин Федин писал Павлу Медведеву:

“Уважаемый Павел Николаевич!

Сообщите, пожалуйста, Н. Клюеву, что при “Круге” в начале наступающего литературн/ого/ сезона организуется автономная секция писателей, которые будут именоваться, вероятно, “крестьянскими”. Секцию организует Серг/ей/ Есенин, который имеет в виду пригласить Клюева войти членом в эту организацию. Я прошу со своей стороны Клюева войти в непосредственные или через “Круг” сношения с Есениным касательно издания у нас клюевского дополненного “Львиного хлеба”...”

Медведев показал это письмо Николаю... Вот и Серёженька дал о себе знать! Кто же поможет, как не он?

Как рассказывал потом Клюев Архипову под запись последнего: “Раскинул размысли: как дальше быть? И пришло мне на ум написать письмо Есенину, потому как раньше я был наслышан о его достатках немалых, женитьбе богатой и лёгкой жизни. Писал письмо слезами, так, мол, и так, мой песенный братец, одной мы зыбкой пестованы, матерью-землёй в мир посланы, одной крестной клятвой закляты, и другого ему немало написал я, червонных и кипарисных слов, отчего допрежь у него, как мне приметно, сердце отеплялось”.

Есенин же в это время по возвращении из-за границы буквально не знал покоя. Разорвав отношения с Дункан, пресекши всю прежнюю дружбу с Мариенгофом, бездомный, бесприютный – он жил в переполненной квартире у своей подруги Галины Бениславской и мечтал издавать свой собственный журнал. Возобновил отношения с прежними друзьями – Сергеем Клычковым, Петром Орешиним, Пименом Карповым, приехавшим в Москву Александром Ширяевцем. Пришёл на приём к Троцкому с разговором о журнале, который должен называться “Россияне” – в новой России должна в полный голос заговорить “крестьянская купница”. Наркомвоенмор с дьявольской ухмылкой дал добро: дескать, держайте, издавайте, но ответственность всю – политическую и финансовую – берите на себя... Есенин ощутил холод “каменной десницы”, почувствовал, что это “покровительство” не сулит ничего доброго – и отказался.

Тем не менее мысли о журнале не оставил. Рассчитывал выпускать его при Госиздате на правах “самостоятельной сметы” объёмом тридцать печатных листов. Жаждал быть единоличным редактором – и тут же столкнулся с сопротивлением Клычкова и Орешина, которые хотели равных прав в отборе материала.

И тут – приходит письмо от Николая.

“Письмо это было от поэта Н. Клюева, – вспоминал Семён Фомин, – который жаловался Есенину на своё тяжёлое положение, упоминал про гроб, заступ и могилу”. Анна Назарова, подруга и соседка Бениславской по квартире, воспроизвела по памяти отдельные строки: “Умираю с голоду, болен. Хочу посмотреть ещё раз своего Серёженьку, чтоб спокойней умереть”. Серёженька взбудоражился, разволновался. Бросил все дела и отправился в Питер в сопровождении Ивана Приблудного, Александра Сахарова и Иосифа Аксельрода – прихлебателя и собутыльника, волочившегося в этот период за Сергеем, как хвост за собакой. Отправилась весёлая компания так: безденежный Есенин и Приблудный в жёстком сидячем вагоне, денежный Сахаров и Аксельрод – в мягком.

Раздребеженный Есенин, пытающийся успокоить себя алкоголем и оттого ещё более взвинченный, весь на нервах от мысли, что сбываются самые дурные его предчувствия, которые он, возвращаясь из Америки, излагал в письме к Кусикову (“Теперь, когда от революции остались только клюнь да трубка, теперь, когда жмут руки и лижут жопы тем, кого раньше расстреливали, чувствую, что и я, и ты будем той сволочью, на которую можно всех собак вешать. Перестая понимать, к какой революции я принадлежал. Знаю только, что ни к февральской и ни к октябрьской. Наверное, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь...”). Эх, не в этом бы состоянии встретиться ему с Клюевым. Ну да в таких случаях не выбирают.

И встретились...

“В городе дни – чердачные серые кошки, только растопляю я раз печку: поленья сырые, горькие, дуну я на них, глотаю дым едучий. – вспоминал Клюев. – Выело у меня глаза дымом, плачу я, слёзы с золой мешаю, сердцем в родную избу простираюсь, красную лежанку вспоминаю, избяной разорённый рай... Только слышу, позад меня стоит кто-то и городским панельным голосом на меня как лошадь нукает: “Ну, ну!” Обернулся я, не признал человечину: стоит передо мной стрюцкий, от каких я на питерских улицах в сторону шарахаюсь. Лицо у него не осеннее и духом от него тянет погибельным, нос поршком, как у ночной девки, до бела присыпан и губы краской подведены. Есенин – внук Коловратов, верба рязанская!”

Несколько лет они не виделись. И страшные предчувствия Клюева, мнилось, оправдываются. “Какая ужасная повесть!” Продаёт Серёженька, как баба, поэзию – и сам на продажного стал похож. Верные слухи дошли!

Оба помнят прежнюю дружбу, любовь, духовное единение. Клюев для Есенина – по-прежнему учитель. Есенин для Клюева – певущий лик, верба

рязанская... Смотрят друг на друга – и узнают, и не узнают. Что-то необратимо изменилось в каждом. И каждый понимает, что теперь – с ним, с переменившимся старым другом, идти одной дорогой. Долгой ли, короткой ли...

А у Клюева ещё и мысль: вот она, жизнь лёгкая, достаток немалый к чему привёл... Не имел он никакого реального понятия о есенинской жизни и его “достатке”...

“Поликовался я с ним как с прокажённым; чую, парень клятву преступил, зыбке своей изменил, над матерью-землёй надругался, и змей пёстрый с крысьей головой около шеи его обвился, кровь из его горла пьёт. То ему жребий за плат Вероники; задорил его бес плат с Нерукотворным Ликом России в торг пустить. За то ему язва: зелёный змий на шею, голос вороний, взгляд блудный и весь облик подхалюзный, воровской. А как истаял змиев зрак, суд в сердце моём присудил – идти, следа не теряя, за торгашом бисера песенного, самому поле его обозреть; если Бог благословит, то о язвах его и скверностях порадеть...”

“Пилою-рыбой кружит Есенин меж ласт родимых, ища мету”, – вспомнилось из “Четвёртого Рима”.

* * *

Чем дальше вспоминал Клюев про этот приезд Есенина – тем чернее краски наслаивались, тем жутче реалии становились, тем кошмарнее образы наплывали один на другой.

“Н а л а я л (разрядка моя. – С. К.) мне Есенин, что в Москве он княжит, что пир у него беспереvodный и что мне в Москву ехать надо”.

А Есенину нужно было залучить Клюева. Как поддержку, как опору в дальнейших литературных боях. Не думал и думать не хотел, что Клюев здесь, в литераторских ристалищах – не боец.

Рассчитывал на него, как на старого друга – после всех полемик, ссор и охлаждений. И могла бы дружба эта обрести новое качество, – да не в той атмосфере, в какой оказались в Москве оба.

А главное для самого Николая – полная потеря Есениным самого себя, прежнего. Сквозь “блудную” оболочку – чёрный лик его глазам проступил.

О путешествии из Петербурга в Москву вспоминал: “схвачен человек железом и влачит человека железная сила по 600 вёрст за ночь”. И под стать железной силе – “чёрный” Есенин, который “лакал винаща до рассветок”, “проезжающих материл, грозил Гепеу... дескать, он, Есенин, знаменитее всех в России, потому может дрызгать, лаять и материть всякого”.

В глазах Николая друг его – уже почти не человек.

И одна мука для Клюева сменяет другую: друг его “всякие срамные слова орал”, пока на извозчике к дому не подъехали. А подъехали – так окунулись в есенинский – натурально бесовский – быт. Дескать “встретили... девки, штук пять или шесть, без лика женского, бессовестные. Одна в розовых чулках и в зелёном шёлковом платье. Есенинской насадкой оказалась”. В ужас пришёл Николай “от публичной кровати”, а ночью, после угощения, снилась ему “колокольная смерть. Будто кто-то злющий и головастый чугуном пестом в колокол ухнул”, – проснулся “с лвиным рыком в ушах” оттого, что “мой песенный братец над своей половиной раскуражился”. И тут в своих видениях Клюев уже не знает удержу: мнится ему, что Есенин “голый, окровавленный, бегаёт по коридору, в руках по бутылке. А половина его в разодранной и залитой кровью сорочке в чёрном окне повисла, стёкла кулаками бьёт и караул ревет...” А тут ещё “мужчина костистый огромный... с револьвером в руке... по Есенину в коридоре стрелять начал...”

Послушаешь – так и в самом деле в ужас придёшь. Только волей-неволей обращаешься к заголовку архиповской записи, явно продиктованной Клюевым: “Бесовская басня про Есенина”.

Мало того, что “басня”. Клюев сам прекрасно отдаёт себе отчёт в том, что бес его водил, крутил, путал – когда он вспоминал гощение у Есенина. Чёрные сущности всплывали в памяти. И не до истины тут было. Бес нашёптывал – а Николай за ним повторял.

Хуже нет греха, чем на любимого друга, пусть и некогда любимого, наговорить. Тем более что в лишнем очернении есенинский быт той поры и так не нуждался. В тяжёлую обстановку угодил Клюев.

Не было, конечно, в квартире Бениславской никаких “есенинских насадок”, никто ни над кем не куражился и не палил в Есенина из револьвера. Но от этого – всё равно не легче.

В квартире кроме Галины и её подруг – Анны Назаровой, Софьи Виноградской, Яны Козловской (которая уступила свою комнату Клюеву), жили ещё Михаил Грандов и его жена Елена Кононенко (которую Грандов бешено ревновал к Есенину). Постоянно приходил безработный и такой же неустроенный Алексей Ганин, а вместе с ним – компания есенинских прилебателей: Аксельрод, Марцелл Рабинович, неизменный Иван Приблудный... С журналом ничего не получалось, и друзья-приятели проводили время в “Стойле Пегаса”, где Есенин, беря свою долю из выручки, расплачивался по всем счетам. О “Стойле” Клюев рассказывал Архипову уже в ритме бесовского удара копытом.

“С полуночи полнится верхнее стойло копытной нечистой силой. Гниющие девки с бульваров и при них кавалеры от 13-ти лет и до проседи пёсьей. Старухи с внучатами, гимназисты с рарá. Червонец за внучку, за мальчика два. В кругу преисподнем, где конские ядра и с мясом прилавки (грудинка девичья, мальчонков филей), где череп ослиный на шее крахмальной – владыка подпольный законы блюдёт, как сифилис старый за персики выдать, за розовый куст – гробовую труху, там бедный Есенин гнусавит стихами, рязанское злато за гной продаёт...”

Здесь уже воскрешают в памяти адские картины, отсылающие к давней поэме Алексея Ганина “Сарай”.

Клюев, сидя за столом в компании, где вино лилось рекой и пили все, иной раз тайком, беря грех на душу, выпивал из есенинского бокала, чтобы другу меньше досталось. Смотрел на него, как на потерянного. Стороннему наблюдателю, зашедшему в “Стойло”, вполне могло показаться, что Николай участвует в пьянке наравне с остальными. Ещё и тут нашёл повод для разговоров о клюевском лицемерии.

Бениславская вспоминала, как Клюев, сбежавший от пьяной драки, приключившейся в Союзе поэтов, “стал такие ужасы рассказывать, что всё в его повествовании превратилось в грандиозное побоище, я думала, что никто из бывших там в живых не останется, а через десять минут пришли все остальные как ни в чём не бывало”. Ей невдомёк было, что Николай видел во всём происходящем кривляние и гульбу бесов, покинувших людские оболочки, что натуральную кровь он не столько видел, сколько прозревал и знал, что все эти милые участники пьяных потасовок, погоняемые чертями, несутся сломя голову к адской пропасти.

Он прилагал все усилия, вопреки утверждениям той же Галины, чтобы не оставлять Есенина одного в “Стойле” и по возможности уводить его от туда вовремя домой или в другое место, где никто не стал бы разливать водку. “Поэт Клюев, совсем не пивший или изредка пивший очень мало, неизменно уводил нас в вышеуказанное место в Брюсовском переулке (тогдашнее местожительство Есенина. – С. К.)”, – показывал Ганин после своего ареста по делу “Ордена русских фашистов” на допросе в ГПУ. Он же вспоминал, как Клюев увёл их в мастерскую Коненкова, где собравшиеся обсуждали работы скульптора и говорили о высоком искусстве. А 25 октября они трое, Клюев, Есенин и Ганин, выступали в Доме учёных на “Вечере русского стиля”. Как сообщила газета “Известия”, “в старый барский особняк, занимаемый Домом Учёных, пришли трое “калик переходящих”, трое русских поэтов-бродяг... Выступление имело большой успех”. Большой успех – мягко было сказано. Публика была совершенно ошарашена и порена услышанным.

Клюев читал стихи из “Львиного хлеба”, которые потом он объединил в цикл “Песни на крови”.

*Псалтырь царя Алексия,
В страницах убрусы, кутья,
Неприкаянная Россия
По уставам бродит, кряхтя.*

*Изодрана душегрейка,
Опальный треплется плат...*

*Теперь бы в сенцах скамейка,
Рассказы про Китеж-град,*

*На столе медовые пышки,
За тыном успенский звон...
Зачураться бы от наслышки
Про железный неугомон,*

*Как в былом всхрипнуть на лежанке...
Только в ветре порох и гарь...
Не заморскую ль нечисть в баньке
Отмывает тишайший царь?*

*Не сжигают ли Аввакума
Под вороний несметный грай?..
От Бухар до лопского чума
Полыхает кумачный май.*

Каждая строчка огненной искрой пробивала переполненный зал. А финальная строфа, пророчащая о новом небе и новой земле, о начале новой истории, довела его до иступления.

*В лучезарье звёздного сева,
Как чреватый колос браздам,
Наготовю сияет Ева,
Улыбаясь юным мирам.*

И здесь воочию обозначилась пропасть между нынешним Клюевым и нынешним Есениным. Клюев от кошмара настоящего, опрокинутого в прошлое, в никонианскую эпоху, уходил к грядущим временам Воскресения мира... Есенин — весь был в кошмаре современности.

Клюев с опущенной головой слушал отчаянные есенинские выкрики в пространство.

*И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином.*

*Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит мертвячиной
Над пропащею этой гульбой.*

(Эта “мертвячина” потом и найдёт своё место в “Бесовской басне про Есенина”).

*Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.*

*Жалко им, что октябрь суровый
Обманул их в своей пурге.
И уж удалью точится новой
Крепко спрятанный нож в сапоге.*

“Боже милостивый! Что ж он творит? Так и головы не снести. И сам на нож напорется...”

Дома Есенин просил ещё Клюева читать стихи. И Клюев читал, и собравшиеся вокруг женщины млели от восхищения, а потом, когла он уходил, ругая ругали его: и обжора он (а они тут впроголодь живут), и ханжа, и подлец,

и притворщик, и Есенину нашёптывает всякие юдофобские речи, разжигая в Серёже антисемитские настроения. . . Клюев, в самом деле, не скрывал своего отношения к происходящему. Рассказывал – кто и как допрашивал его во время ареста, что сажали его в тюрьму и держали в пыточной “пробковой камере” угнездившиеся в ГПУ “жиды”, что вообще “жиды правят Россией”. “Клюев. . . тихо, как дычок великим постом, что-то читает в церкви, – писала потом Анна Назарова, – соболезнавал о России, о поэзии, о прочих вещах, погубленных большевиками и евреями. Говорилось это не прямо, а тонко и умно, так что он, невинный страдалец, как будто и не говорил ничего. . .” Для Клюева ещё одна рана – невозможность толком поговорить с Есениным по душам. Девицы, как бы он любезно с ними ни обходился – чужие. И их враждебность к себе он ощущал буквально кожей. И всё же пытался вылить Есенину свою боль.

Это была не только его боль. Любый думающий человек не мог не видеть, что происходит в стране. Замечательный востоковед Нина Викторовна Пигулевская писала в 1922 году: “Я в своё время исповедовала такое убеждение: коммунизм строит здание и строит без креста, но когда достроит до конца, мы сделаем купола, поставим крест и всё будет хорошо. Я так думала. Теперь иначе. Я знаю, что из ратуши церквей не делают. Теперь строится синагога сатаны, из которой – сколько колоколов ни вешай, ничего не сделать”.

Кандидат в члены интеллектуального кружка, названного “Космической академией наук” (членом которого был, в частности, известный специалист по древнерусской литературе Д. С. Лихачёв) Д. П. Каллистов записывал в своём дневнике: “Иудеи принадлежат к той части людской породы, которой чуждо чувство ложной застенчивости. Поэтому они уже давно, совершенно не стесняясь, смело садятся на шею революционного народа. . . И идут они с запада и с юга, целыми полчищами оседают в русских городах, занимают лучшие русские земли. А мы всё продолжаем услужливо улыбаться, а мы всё кланяемся.

Кто они, эти пришельцы? Они действительно те, кто принёс нам “классовое сознание извне”, кто сотворил над русской бедной головой варварскую операцию, после которой и вода – суха, и жид – русский, и революция – величайшее завоевание, но только их, а не наше. Вот почему глубоко прав товарищ Преображенский, когда говорит, что контрреволюция – это антисемитизм. Прибавим то, чего не хватает в этой формуле и что из неё непременно следует: революция – семитизм. Характерно, что о том, что контрреволюция – антисемитизм, уже пишут в газетах, а о том, что революция – семитизм, русские ослы боятся и подумать. . . Если революция это власть жидов – к чёрту такую революцию, пора проститься. Пора понять, что происходит. Пора трезво отнестись к проекту палестинских жидов переехать на их настоящую родину, то бишь в нашу многострадальную матушку Русь. . .”

Пройдёт ещё несколько лет, и В. Вернадский напишет в письме к И. Петрункевичу: “Москва – местами Бердичев; сила еврейства – ужасающая, а антисемитизм (в коммунистических кругах) растёт феудально”.

Может быть, люди фантазировали? О какой фантазии может идти речь, когда со страниц газеты “Известия” неслось: “У нас нет национальной власти, у нас власть интернациональная”? Когда ей вторила газета “Правда”: “Писатели должны выкинуть за борт литературы мистику, похабщину, национальную точку зрения”? Мало того, что “национальная точка зрения” отождествлялась с “похабщиной”. Та же “Правда” печатала достаточно красноречивые стихи:

*Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.*

И со всех правительственных трибун неслись призывы к борьбе с “великорусским шовинизмом” и заявления, что русские должны поставить себя “в положение более низкое по сравнению с другими. . .” В зверском антиправославном терроре невооружённым глазом был виден почерк людей, которых с мамолетства воспитывали в ненависти к Христу. . . Церковный погром сопровождался введением цензуры – утверждением Главного управления по делам литературы и искусства, которое в первую очередь выискивало признаки всё того же “великорусского шовинизма”. Началась чистка библиотек от религиозной и “шовинистической” литературы. И одновременно было утвержде-

но положение об основании Соловецкого лагеря особого назначения. И всё это вместе взятое – сразу по окончании Гражданской войны.

Хорошее время выбрали собратья-писатели “из недр трудового крестьянства”, чтобы создать свою группу и основать журнал “Россияне”!

Через год Алексей Ганин набросает тезисы под названием “Мир и свободный труд народам”, где открытым текстом выскажется по поводу происходящего в стране.

“Вполне отвечая за свои слова перед судом всех честно мыслящих людей и перед судом истории, мы категорически утверждаем, что в лице господствующей в России РКП мы имеем не столько политическую партию, сколько воинствующую секту изуверов-человеконенавистников, напоминающую если не по форме своих ритуалов, то по сути своей этики и губительной деятельности – средневековые секты сатанистов и дьяволопоклонников... Достаточно вспомнить те события, от которых всё ещё не высохла кровь многострадального русского народа, когда по приказу этих сектантов-комиссаров оголтелые, вооружённые с ног до головы, воодушевляемые еврейскими выродками банды латышей беспощадно терроризировали беззащитное сельское население... Наконец, реквизиции церковных православных ценностей, проводившиеся под предлогом спасения голодающих. Но где это спасение? Разве не вымерли голодной смертью целые сёла, разве не опустели целые волости и уезды цветущего Поволжья?... Путём неслыханной в истории человечества кровавой жестокости, воспользовавшись временной усталостью народа, эта секта, пробравшись в самое сердце России, овладев одной шестой частью суши земного шара и захватив в свои руки колоссальные богатства России, с ещё большей энергией и с большим нахальством проповедует свои гибельные теории, прикрываясь маской защитников угнетённых классов и наций... Завладев Россией, она вместо свободы несёт неслыханный деспотизм и рабство под так называемым “государственным капитализмом”. Вместо законности – дикий произвол Чека и Ревтрибуналов; вместо хозяйственно-культурного строительства – разгром культуры и всей хозяйственной жизни страны; вместо справедливости – неслыханное взяточничество, подкупы, клевета, канцелярские издевательства и казнокрадство. Вместо охраны труда – труд государственных бесправных рабов, напоминающий времена дохристианских деспотических государств библейского Египта и Вавилона. Всё многомиллионное население коренной России и Украины, равно и инородческое, за исключением евреев – брошены на произвол судьбы. Оно существует только для вышибания налогов...”

Необходимо, чтобы наша борьба с этой грабительской сектой была успешна. Все лучшие силы России перенести на пропаганду государственно-национальных идей с тем, чтобы вовремя и заблаговременно недовольству масс дать в противовес большевизму ясные формы и лозунги национально правового государства, и взамен жидовского III Интернационала выдвинуть идею Лиги наций как единственной международной организации, которая предупредит правовые международные столкновения между государствами... Необходимо объединить все разрозненные силы в одну крепкую целую партию, чтобы её активная сила могла не только вести дальнейшую работу и противостоять не за страх, а за совесть враждебной нам силе, но сумела бы в нужный момент руководить стихийными взрывами восстания масс, направляя их к единой цели. К великому возрождению Великой России”.

За этот текст Ганин заплатит самую дорогую цену. Ни Есенин, ни Клюев не видели его в письменном виде, но свои идеи Ганин, безусловно, обсуждал со своими друзьями. Зёрна падали на уваженную почву – Есенин уже закончил вчерне “Страну негодяев”, где главный её герой – Номах – произносит давно наболевшее, идущее от самого Есенина и перекликающееся по смыслу со словами Ганина:

*Я верил. Я горел.
Я шёл с революцией.
Я думал, что братство
Не мечта и не сон.
Что все во единое море сольются,
Все сонмы народов, и рас, и племён...
Пустая забава.
Одни разговоры.*

*Ну что же?
Ну что же мы взяли взамен?
Пришли те же жулики,
Те же воры,
И вместе с революцией
Всех взяли в плен.*

А черновой вариант стихотворения сохранила Галина Бениславская в своих записях:

*Защити меня, влага нежная!
Май мой синий! Июнь голубой!
Одолели нас люди заезжие,
А своих не пускают домой.*

Всё это, вместе взятое, служит достаточным опровержением утверждения Бениславской, что во всех взрывах Есенина повинен Клюев с Ганиным впридачу (и это мнение до сего дня имеет своё хождение!). Ненависть Бениславской к Клюеву прорывалась иной раз так, что её бывший любовник Покровский, наслушавшись бабьих жалоб, ответил письмом, где предлагал буквально следующее:

“Дошли до нас слухи, что ты неделю не будешь выходить из дома... не бегай по “стойлам” и не устраивай “стойл” у себя... Нужно подговорить Эстрина сломать поэту Клюеву шею или в крайнем случае набить морду...” (Кстати сказать, не отсюда ли у Бениславской в перевернутом виде родилась в её воспоминаниях версия о том, как “есенинская компания” хотела “избить” её саму, чтобы оставить ненаглядного Сергея Александровича в своей власти и чтобы Галина Артуровна “не путалась под ногами”?)

Что же, Клюев этого всего не чувствовал? Не предугадывал? Не ощущал?

Да и само по себе пребывание в квартире у Галины чем дальше, тем больше становилось ему в тягость. Есенин не упускал случая подчеркнуть своё превосходство — поэтическое и мировоззренческое. Он, дескать, лучше понимает современность, чем Клюев — отставший, затерявшийся в исторических дебрях... Собственно, даже и подчёркивать этого было не надо. Просто тихо произнести, как само собой разумеющееся: “Какой он хороший... Хороший — но чужой. Ушёл я от него. Не о чем говорить стало. Учитель он был мой — а я его перерос...” Верно, ушёл — вот только куда? И перерос в чём-то, да во всём ли?

А тут ещё и Иван Приблудный вторил в письме к Бениславской. “...Всё дальше и дальше я вижу, как слаб мой (б/ывший/) Серёжа, а потом и Клюев, который вообще от любого ветра СССР свалится (подчёркнуто мной. — С. К.), а потом — что для меня всего больше — я перестал верить, что ОН (С. Е.) вообще считает меня талантливым...” И далее — о Клюеве: “...встретил Клюева, во Христе человека безобидного...”

Читаешь эти слова — и всерьёз перестаёшь верить Бениславской, которая утверждает в своих воспоминаниях, что, дескать, Клюев “к Приблудному проникся ревнивой ненавистью”, поскольку “в первую же ночь в Петрограде Клюев полез к Приблудному”, а тот “поднял Клюева на воздух и хлопнул что есть мочи об пол”... Подобное, как длинный мерзкий шлейф, ползло за Николаем десятилетиями и продолжает ползти по сей день. И сам он не мог не слышать ехидный шепоток за своей спиной, не видеть многозначительные переглядывания с ухмылочками окружающих.

Да что Бениславская! Мариенгоф, словно соревнуясь с прочими “конкурентами” в “турнире” на изобретение наиболее оскорбительных сентенций “Есенина” по отношению к “Клюеву”, договорился до того, что Есенин у него якобы произносит: “У Миколушки-то над башкой висит Иисус Христос в серебряной ризе, а в башке — корысть, зависть и злодейство”... Всё это чуть ли не со слов Галины — и чуть ли не теми же самыми словами... В “Романе без вранья” со слов третьих лиц воспроизвёл Анатолий монолог Клюева:

— Чего Изадору-то бросил... хорошая баба... Богатая... Вот бы мне её... плюшевую бы шляпу купил с ямкою и сюртук, Серёженька, из поповского сукна себе справил...

Бениславская отмечала, что Есенин в это время “пускал пыль в глаза” насчёт своего мнимого богатства, и о его “безденежье” почти никто не дога-

дывался"... Можно себе представить реакцию Клюева, когда Николай убедился в том, что есенинский "пир беспереводный" и его "княженьё" — и есть эта самая "пыль в глаза"... Знакомство Клюева с Дункан добавило масла в огонь. Теперь любое путешествие Есенина с Клюевым в дункановский особняк на Пречистенке воспринималось как попытка Клюева "заменить для Дункан Есенина" — ни больше, ни меньше!

А Николай просто не хотел и не мог "сидеть на шее" у женщин, ненависть которых к себе он ощущал на расстоянии. Дункан же была ему всегда рада (Есенин по-своему объяснил, что Клюев — гениальный поэт: как бы ни складывались, точнее, рушились их отношения — он неизменно превозносил Клюева как художника и буквально одаривал им недавно брошенную Изадору). И Клюев убедился, что в соответствии с давним сном Дункан "не такая поганая", как он думал. Более того — чем дальше, тем больше он проникался душевно к этой безоглядной, по-европейски взбалмошной и чрезвычайно непростой женщине. Красоту — именно красоту, а не "красивость" — он умел ценить, как мало кто. А за доброе к себе отношение оставался неизменно благодарен.

Он даже послал открытку с изображением Дункан Коленьке Архипову с короткой припиской:

"Сейчас узнал, что телеграмму тебе не послал камергер Есенина (имелся в виду Приблудный. — **С. К.**). Я живу в непробудном кабаке, пьяная есенинская свалка длится днями и ночами. Вино льётся рекой, и люди кругом без креста, злые и неоправданные. Не знаю, когда я вырвусь из этого ужаса. Октябрьские праздники задержат. Вымойте мою комнату, и ты устрой её, как обещал. Это Дункан. Я ей нравлюсь и гощу у неё по-царски. Кланяюсь всем".

На открытке сама Дункан надписала на английском языке: "Доброму и прекрасному поэту Клюеву. Айс Дун."

...Через несколько лет, прочитав в очерке Максима Горького "Сергей Есенин" крайне непристойные слова о Дункан ("Пожилая, отяжелевшая, с красным лицом, окутанная платьем кирпичного цвета, она кружилась, извивалась в тесной комнате, прижимая к груди букет измятых, увядших цветов, а на толстом лице её застыла ничего не говорящая улыбка..."), Клюев дал свой ответ, записанный Архиповым.

"Нечистью, нечуткостью, если не прямой жестокостью веет от слов Максима Горького об Айседоре Дункан, о её приезде в Париж (на самом деле — в Берлин. — **С. К.**) вместе с Есениным. "Дункан стара, толстое лицо, дряблкое тело" — всё это позволительно какому-нибудь маляру, пропущенному сквозь рабфак, а не художнику-старику, каким является сам Горький. Дункан своим искусством дала людям не меньше радости и восторга, чем Горький, а, наверно, побольше.

Я видел (на квартире художницы Любавиной в Петербурге в 1915 г. — **Примечание самого Клюева**) Горького 50-летним тяжёлым человеком, действительно с толстым старым лицом и шваброобразными толстыми усами, распалённым до поту от пляски дешёвой танцовщицы, воистину отвратительной даже для обывательского вкуса, всё хитрое ломанье которой вместе с молодостью кухарки не стоило движения мизинца старой Дункан".

...Расставание с друзьями не принесло радости. Есенин продолжал заботиться по мере сил — и о Ганине (уговорил Дункан дать денег на книжку его стихов — и последняя прижизненная книга Ганина "Былинное поле" вышла в Москве в 1924 году), и о Клюеве, которому он на свои деньги починил старую обувь (потом под перьями лихих мемуаристов эта история предстанет, как шитьё за есенинский счёт для Клюева новых шевровых сапог)... Николай уже не чаял, когда, наконец, уберётся из Москвы, и при первой возможности, в первых числах ноября, ни с кем не простившись, уехал в Петроград.

...Он никогда не увидит больше Александра Ширяевца — тому останется жить меньше года. Он в последний раз видел Алексея Ганина, которого расстреляют через год с небольшим в Лубянском подвале. Он ещё увидится с Пименом Карповым, который едва ли узнает Николая, а может, и не пожелает узнать... Ему доведётся услышать об отречении от него, от Клюева, Петра Орешина...

А Серёженька?

Серёженька появится в Питере летом 1924 года. Это уже — отдельная история.

(Продолжение следует)

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

директор Института проблем глобализации, д.э.н.

КОНЕЦ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЕЧТЫ

Зачем России опыт европейской интеграции?

Со времени символического падения Берлинской стены исполнилось заметно больше половины того срока, что Моисей водил евреев по пустыне. Достойный период для подведения хотя бы предварительных итогов евроинтеграции – при том, что они уже вполне бесспорны.

Между тем в России практически отсутствует спокойный и взвешенный анализ этого процесса. Для нашей практики обычно ознакомительное описание передового европейского опыта (с по-советски “отдельными, временными, кое-где еще имеющимися недостатками”), часто осуществляющееся на европейские же гранты, либо, в противовес этому, – жесткие, порой откровенно обиженные нападки со смакованием неудач. В одном случае беспристрастный анализ воспринимается как кощунство, в другом – как потакание стратегическому конкуренту.

И тот, и другой подход идеологизирован и политизирован, что мешает анализу.

Между тем необходимо широкое и беспристрастное изучение опыта европейской интеграции последней четверти века, чтобы выяснить, что получилось, а какие надежды не оправдались и почему. Нам самим предстоит осуществлять реинтеграцию постсоветского пространства, ибо нормальное развитие России без Украины, Белоруссии и Казахстана невозможно, а потому опыт европейского регионального интеграционного проекта является бесценным.

Значительная часть надежд на “возвращение Восточной Европы в Европу” не оправдалась, – и пора понять, почему. С другой стороны, все надежды 20-летней давности, которые могли реализоваться, уже воплощены в жизнь, – и нам как соседям не только в географическом и хозяйственном, но и в культурном смысле важно понимать, что будет дальше.

Хотя российские проблемы если и не глубже, то, во всяком случае, значительно острее европейских, нет никакого сомнения в том, что Европа, как обычно, будет оказывать сильнейшее влияние на пути их развития и решения.

Опыт европейской интеграции нужен нашему обществу не только потому, что Евросоюз остается наряду с США и Китаем одним из трех мировых “центров силы”. Хотя и весьма несамостоятельным, что проявилось в ходе военных операций 2000-х годов.

Не менее важно и то, что Евросоюз является крупнейшим торговым партнером России, – и нужно сохранять уверенность в том, что с ним будет чем

торговать и в отдаленной перспективе (между тем последние годы грузоперевозки постепенно переориентируются на занятую работой, а не нравоучениями Юго-Восточную Азию).

Российскому обществу совершенно необходимо и понимать, будет ли вражда к России, доходящая до русофобии, оставаться в “интегрирующей” Восточной Европе ключевым критерием демократизма. И кем будет считать себя Польша, когда ей придется выбирать, – 27-м членом Евросоюза или 51-м штатом США.

Еще более важна культурно-идеологическая составляющая интереса к Европе и ее опыту. Ведь именно в России, в том числе в самых широких слоях нашего общества, жива идея Европы как средоточия, квинтэссенции цивилизованности и демократичности, высшего выражения “свободы, равенства и братства”. Россия вот уже скоро четверть века живет в условиях национальной катастрофы, именуемой “либеральными реформами”. В ситуации еще более быстрой, чем в развитых странах, варваризации мы отчаянно нуждаемся в том, чтобы нашему стремлению к цивилизованности и культуре было на что опереться не только в прошлом, в воспоминаниях о Советском Союзе, но и в настоящем, в современной Европе. И мы все более остро тревожимся из-за того, что вместо еще недавно казавшихся незыблемыми европейских ценностей все чаще опираемся на воздух.

Европа со времен Древнего Рима и Карла Великого пережила много интеграционных проектов, и значение нынешнего Евросоюза – не столько в его актуальности, сколько в безусловной гуманности: не будем забывать, что прошлый общеевропейский проект пытался реализовать Гитлер, а позапрошлый – Наполеон.

Европа нужна России именно как прививка гуманности, – и неспособность выполнять эту функцию требует углубленного изучения как еще одна угроза нашей цивилизации.

Сближение европейских стран не удалось

Между тем сегодня уже не вызывает никаких сомнений: **европейская интеграция и расширение Евросоюза способствовали не решению, но усугублению его проблем.**

Ключевая проблема Евросоюза – глубочайшая внутренняя дифференциация, связанная не только с уровнем развития экономик, но и с культурным фактором. Носители разных культур, даже таких близких, как французская и немецкая, по-разному реагируют на одни и те же управленческие воздействия, что затрудняет унификацию управления. Ситуация кардинально усугубилась в 2004 году, когда единая Европа расширилась, по сути дела, за пределы своих культурных границ, – но этот вызов не нашел должного управленческого ответа.

Подтягивание восточноевропейских экономик к уровню развитых членов Евросоюза в 1992–2008 годах, наиболее концентрированно отраженное в нижеприведенной таблице, производит глубокое и неоднозначное впечатление.

Таблица 1. Сравнительная динамика развития некоторых стран Евросоюза
(ВВП на душу населения, долл., по отношению к уровню Франции)

Страна	1980	1985	1988	1992	1996	2003	2008	2009	2010	2011
Франция	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Германия*	83,6	84,7	89,3	106,3	109,6	99,1	97,2	96,3	99,1	99,3
Словения	н	н	н	39,1	39,0	48,7	59,0	57,6	57,8	57,7
Чехия	35,6	44,4	32,0	12,9	22,2	30,0	45,1	42,8	44,6	47,7
Словакия	н	н	н	11,2	14,5	20,7	38,3	38,2	39,3	40,3

* Относительно низкие результаты Германии до 1988 года включительно вызваны учетом ее в современных границах (включая ГДР).

Эстония	н	н	н	55,1	12,2	24,3	38,1	34,0	36,2	35,1
Венгрия	16,1	19,6	15,3	15,0	16,1	27,8	33,7	30,4	31,4	30,7
Латвия	н	н	н	2,4	8,5	16,0	32,5	27,0	26,1	26,8
Литва	н	н	н	2,2	8,3	18,0	30,6	26,1	26,9	28,3
Польша	12,4	19,1	10,1	9,6	15,0	19,0	30,1	26,6	30,0	30,1
Румыния	16,0	21,2	14,5	3,5	5,8	9,1	20,2	17,9	18,4	18,8
Болгария	22,9	30,8	29,0	4,0	4,4	8,6	14,2	15,1	15,4	16,3
Дифференциация	2,9	2,3	3,2	4,3	5,0	3,5	3,2	2,8	2,9	2,9

Источник: МВФ, апрель 2011.

Нельзя, в частности, не обратить внимание на следующие важные аспекты:

Прежде всего, несмотря на значительные темпы подтягивания к общеевропейскому уровню развития, рубеж в половину французского уровня по ВВП на душу населения пересекла лишь Словения, причем она вплотную приблизилась к этому уровню еще в 2003 году. Отставание остальных стран, хотя и сокращалось до кризиса, остается качественным, а не количественным. Эти страны по-прежнему не столько “Европа”, сколько “Восточная Европа” в традиционном понимании этих терминов.

Неуклонность подтягивания стран бывшего соцлагеря к уровню “старой Европы” во многом обусловлена катастрофой конца 80-х – начала 90-х годов. Лишь Венгрия достигла своего “относительного” уровня 1980 года уже в 1996 году, то есть через 16 лет, и затем превысила его, несмотря на кризис и нынешнюю стабилизацию; уровень 1985 года (то есть почти накануне рыночных реформ) был уверенно превышен уже в начале 2000-х. Чехия превысила свой “относительный” уровень 1985 года лишь в 2008 году, в 2009-м из-за кризиса вновь “провалилась” ниже него, а затем вернулась на этот уровень. Румыния приблизилась к нему лишь в 2008 году, но потом вновь отступила, Польша почти достигла его лишь в 2003 году, через 18 лет, а Болгария, похоже, не достигнет уже никогда (по крайней мере ее нынешний “относительный” уровень лишь немногим превышает половину уровня 1985 года).

Сохраняется высокая неравномерность развития самих стран Восточной Европы, хотя аутсайдеры частично сменились (место Польши заняла Болгария, Румыния осталась на предпоследнем месте). Разрыв в ВВП на душу населения между наиболее и наименее развитой из пяти стран Восточной Европы (без Прибалтики, Словакии и Словении) в первой половине 80-х годов снижался. Однако после страшного роста в результате катастрофы конца 80-х – начала 90-х годов и последующего выхода на основе разных моделей он лишь в 2008 году достиг уровня 1988 года (когда уже началась рыночная дестабилизация Польши). В 2009–2010 годах, снизившись благодаря кризису, он все равно оставался заметно выше уровня 1985 года (существенно, что в социалистическое время эта дифференциация также заметно снижалась).

Наконец, как показывает кризис 2009 года, прогресс стран Восточной Европы носит неустойчивый характер: кроме Словакии (обладающей мощной нефтеперерабатывающей и химической промышленностью при малом населении, что выводит ее из общего ряда), все они (включая, насколько можно понять, территорию бывшей ГДР), пострадали относительно более сильно, чем взятая за “точку отсчета” Франция. При этом регресс был незначительным в наиболее (Словения и Чехия) и наименее (Болгария) развитых странах; остальные пострадали весьма существенно. При этом Венгрия, например, начала заметно уступать находящейся в крайне тяжелом положении Эстонии.

Большая уязвимость стран Восточной Европы, как и все перечисленное, обусловлено самой моделью европейской интеграции, которую мы сейчас рассмотрим, но пока зафиксируем главное: **глубокая внутренняя дифференциация Евросоюза хотя и снижается, является его фундаментальной особенностью и в обозримом будущем будет носить качественный, а не количественный характер.**

Новый европейский колониализм

С годами крепнет уверенность в том, что сохранение разрыва в уровне развития и хроническая потребность новых членов Евросоюза в помощи отнюдь не случайны, но предопределены самой экономической моделью европейской интеграции.

Ориентация Евросоюза на внутренний рынок, а не на экспорт, – естественное следствие рационального стремления к устойчивому развитию, защищенному от внешних шоков, воспроизводящее экономические модели Советского Союза и Китая. Однако для новых членов это обернулось требованием переориентации внешней торговли на внутренний рынок Евросоюза, что, наряду с кризисом, способствовало ограничению, а то и прямому разрыву торговых связей с Россией.

Поскольку высокотехнологичная продукция новых членов, как правило, была неконкурентоспособна на внутреннем рынке Евросоюза, их европейская ориентация объективно способствовала деиндустриализации этих стран. “Гиперконкуренция” со стороны европейских фирм вела к массовой безработице и деградации рабочей силы, вытеснению населения в сектора с высокой самозаполняемостью (мелкую торговлю, малый бизнес и сельское хозяйство). Другим следствием стала широкомасштабная миграция в развитые страны Евросоюза, в которых она существенно “испортила” рынок труда. Наконец, не следует забывать, что чрезмерное “измельчение” бизнеса объективно снижает национальную конкурентоспособность, – в частности, технологический уровень страны.

Экономики Восточной Европы (в первую очередь банковские системы, оставшиеся слабыми) перешли под контроль глобальных корпораций “старой” Европы, которые сохранили промышленность, как правило, там, где имела высококвалифицированная рабочая сила. В странах с менее квалифицированной рабочей силой (Румыния, Болгария, страны Прибалтики) произошла подлинная промышленная катастрофа. При этом квалифицированные работники при открытии границ бежали (в 2007–2008 годах из Румынии уехало 20–30% экономически активного населения – 2–3 млн чел.), создав дефицит рабочей силы и повысив стоимость оставшихся, что во многом лишило соответствующие страны преимуществ дешевизны квалифицированной рабочей силы. Подготовка же ее из-за закрытия соответствующих производств и отказа от массового создания новых почти прекратилась.

Сохраненная промышленность в значительной степени занимается простой сборкой продукции корпораций “старой” Европы, в том числе ориентированной на экспорт на емкие рынки России и Украины.

В результате в странах Восточной Европы возникла двухсекторная экономика, характерная для колоний.

Принципиально важно, что западный капитал, как правило, не создавал новые, но использовал существующие в Восточной Европе ресурсы, придавая модернизации “рефлективный” характер.

Добавочная стоимость выводится в страны базирования глобальных корпораций, что обуславливает парадоксальное сочетание экспортной ориентации (в Румынии 85% инвестиционного импорта идет на обеспечение экспорта) с хроническим дефицитом текущего платежного баланса (во многом за счет высоких инвестиционных доходов).

Президент Чехии Клаус признал, что вступление Чехии в Евросоюз превратило ее в “объект выкачивания денег”. Это касается всех стран Восточной Европы: их сальдо текущих операций платежного баланса еще до начала кризиса (что принципиально) было намного хуже, чем в 1990 году, последнем году существования социалистической системы. (В Болгарии оно снизилось с – 8,3% ВВП в 1990-м до – 25,5% ВВП в последнем предкризисном 2008 году, в Чехии – с 0,00 до – 3,1% ВВП, в Венгрии – с + 1,1 до – 8,4% ВВП, в Польше с + 1,9 до – 5,5% ВВП, в Румынии с – 4,7 до – 12,4% ВВП; за 1992–2008 годы оно снизилось в Словении с + 5,8 до – 5,5% ВВП, в Литве с + 5,3 до – 11,6% ВВП, в Латвии с – 0,3 до – 12,6% ВВП; за 1993–2008 годы в Эстонии с + 1,2 до – 9,3% ВВП, в Словакии с – 4,9 до – 6,5% ВВП.)

Отрицательное сальдо текущего платежного баланса некоторое время может поддерживаться притоком иностранных инвестиций, однако при хроническом характере означает “жизнь в долг” с высокой зависимостью от внеш-

них шоков и рисками девальваций либо, если они невозможны (например, из-за вступления в зону евро), ведёт к ухудшению социальной защиты.

При этом структурные фонды Евросоюза обуславливают выделение средств жесткими условиями, которым сложно соответствовать. Так, в 2007 году Румыния смогла использовать лишь 400 млн евро из 2 млрд, на которые была вправе рассчитывать. В то же время ее взнос в бюджет Евросоюза составил 1,1 млрд евро (1,8% ВВП), то есть Румыния стала не бенефициаром, а донором Евросоюза, и возникли опасения закрепления этого положения.

Во всей Восточной Европе мы видим массовую скупку активов, в ходе которой западные корпорации становятся хозяевами не только банковских систем, но и всей экономики, а через нее – и политики стран Восточной Европы. Показателен провал попытки выработать стратегию развития экономики Румынии: выяснилось, что ее будущее в решающей степени определяется не национальными властями, но корпорациями “старой” Европы. Если это суверенитет, то что такое колониальная зависимость? И где тот суверенитет, который от России по инерции требуют признавать и уважать?

Развитые страны (в том числе в рамках Восточного партнерства) действуют (возможно, бессознательно) по принципу “Возьмите наши стандарты, а мы возьмем ваши ресурсы и уничтожим то, чем вы можете конкурировать с нами”. В целом это все более напоминает не справедливую, но неоколониальную модель сотрудничества.

Имманентный управленческий кризис

Глубокая и неустраняемая внутренняя дифференциация Евросоюза оборачивается серьезным различием интересов его членов, которое, в свою очередь, превращает практически все значимые решения в плоды сложнейших многоуровневых компромиссов.

Вступление в силу Лиссабонского договора облегчило этот процесс (введя формальный критерий достаточности поддержки при принятии решений), но одновременно обострило внутреннюю напряженность в Евросоюзе, создав угрозу того, что некоторые страны часто будут оказываться в меньшинстве, а малые страны станут заметно менее значимыми.

Однако многоуровневый компромисс как основной инструмент выработки решений сохранился, – и, соответственно, корректировать их после выработки по-прежнему крайне сложно, что сохраняет поразительную негибкость позиции Евросоюза. Поскольку эта позиция естественным образом вырабатывается без участия третьих стран (например, России), она, как правило, оказывается негибкой за их, в том числе и за наш, счет.

Заранее принятые и не подлежащие корректировке решения затрудняют плодотворную дискуссию с представителями Евросоюза. Евробюрократ напоминает магнитофонную кассету с записью соответствующей директивы и пространными велеречивыми рассуждениями о компромиссах, толерантности, взаимопонимании и других выхолощенных европейских ценностях.

На деле же демократия и компромиссы понимаются как безоговорочное подчинение требованиям евробюкрата, то есть как прямой и безапелляционный диктат. При этом европейцы не видят внутренней противоречивости свойственных представителям Евросоюза проповеди толерантности и авторитарного навязывания демократии.

Однако это далеко не самое худшее.

Ценностный кризис Евросоюза

Культурная и хозяйственная разнородность Евросоюза объективно обуславливают, как это было и в Советском Союзе, необходимость высокой идеологизации системы управления, так как именно идеологизация создает систему сверхценностей, ради которых можно жертвовать текущими материальными и иными интересами.

Однако идеологизация чревата снижением качества решений, как мы также видели на примере Советского Союза.

Кроме того, в настоящее время основа этой идеологизации – европейские ценности и расширение сферы их применения в рамках Евросоюза – сталкивается с двумя фундаментальными вызовами.

Прежде всего, противоречие между политическим равноправием его членов и различным уровнем их развития, как хозяйственного, так и культурного, ослаблено Лиссабонским договором — за счет равноправия. Надежды же на быстрое “подтягивание” новых членов к лидерам оказались столь же беспочвенными, что и аналогичные надежды советской цивилизации, — таким образом, Евросоюз сделал шаг назад от равноправия, что представляется существенной эрозией европейских ценностей.

С другой стороны, кризис, по всей видимости, остановил расширение как Евросоюза, так и еврозоны: у развитых стран больше нет ресурсов для расширения, а страны-кандидаты не могут выполнять требования (исключения — Хорватия для Евросоюза и Эстония для зоны евро — своей незначительностью подтверждают это правило). “Восточное партнерство” — лишь паллиатив, способ привязки к себе элит стран-соседей и расчистки юридического пространства для экспансии европейского бизнеса.

Таким образом, Евросоюз, этот экспансионистский и направленный на неуклонное расширение проект, из экстенсивного поневоле становится интенсивным, — и это на наших глазах начинает болезненно, хотя и неосознанно им самим, трансформировать весь его облик. Не стоит забывать, сколько прожил другой интеграционный, советский проект после того, как под давлением внешних обстоятельств отказался от территориальной экспансии.

Ведь отказ от насаждения своих ценностей, от их экспансии сам собой, автоматически ставит вопрос об их справедливости и подрывает их, а с ними — и идентичность их носителей. В самом деле: отказ от насаждения своих ценностей автоматически означает признание их неуниверсальности, то есть неполноценности в современном мире.

Болезненной проблемой Евросоюза является слабость европейской самоидентификации, даже на уровне элит, — если, конечно, ориентироваться на стратегические решения, а не на тосты и официальные заверения.

Неприятие континентальной Европой агрессии против Ирака в 2003 году создало для ее лидеров уникальную возможность освободиться от американской интеллектуальной опеки и начать самостоятельно определять свое развитие. Поразительно, что связанная с этой свободой ответственность смертельно напугала тогдашние европейские элиты, отвыкшие от нее, — и их паническое возвращение под комфортный контроль “старшего брата” (которого можно всласть порицать и винить во всех смертных грехах, включая собственные ошибки) стало сутью “трансатлантического ренессанса”.

Существенна для руководства Евросоюза, — возможно, из-за высокой идеологизации, — и проблема морали. Между тем, переписывание истории, насаждение демократии в новых “крестовых походах” в Афганистане, Ираке и Ливии при откровенно циничной толерантности к ее “дефициту” (по официальной формулировке) в Латвии и Эстонии, попустительство практике апартеида и государственной реанимации фашизма в некоторых странах Евросоюза, торговля людьми (продажа Милошевича за обещание 300 млн долл. правительству Джинджича, — без этой продажи они оба были бы живы), одобрение государственных переворотов под видом народного волеизъявления — всё это глубоко аморально и в корне противоречит европейским ценностям в том виде, в котором мы привыкли их признавать.

Проявлением морального кризиса Евросоюза является и априорная неравноправность сотрудничества с другими странами. Когда после 11 сентября 2001 года президент Путин в бундестаге на хорошем немецком языке предложил Евросоюзу пакт “энергия в обмен на технологии”, официального ответа ему так и не последовало. Неофициально же России дали понять, что она от Евросоюза никуда не денется, ее энергия все равно будет работать на Европу, а свои технологии Евросоюз оставит себе как гарантию конкурентного преимущества над Россией.

Понимание диалога с нашей страной как диалога всадника с лошастью обусловлен, с одной стороны, выработавшейся за конец 80-х, 90-е и 2000-е годы привычкой к отсутствию у России каких бы то ни было твердо отстаиваемых национальных интересов, а с другой — пониманием, что критически важная часть личных активов нашей “правлящей тусовки” находится именно в юрисдикции стран Евросоюза.

Однако такое понимание не способствует развитию сотрудничества, толкает Россию не столько к США, сколько к Китаю и еще раз подтверждает, что

всякая аморальность неминуемо подрывает жизнеспособность, – как отдельных людей, так и сообществ наций.

Мировой кризис делит членов Евросоюза на сорта

Мировой экономической кризис усугубляет проблемы Евросоюза.

Неожиданно обнажилась недостаточная жизнеспособность даже относительно старых его членов: чего стоит одно только появление у фондовых аналитиков аббревиатуры “PIGS” – Португалия, Италия (иногда называют Ирландию), Греция и Испания! Даже в этих странах, получивших колоссальную поддержку и породивших огромные надежды, проблемы удастся лишь несколько смягчать, – что же говорить о Восточной Европе?

В 2009 году только в Польше сохранился экономический рост, – причем, поскольку сохранение было достигнуто за счет девальвациями, отставания по ВВП на душу населения избежать не удалось. Во всех остальных странах Восточной Европы спад отчетливо сильнее, чем во Франции (– 2,5%), однако он ниже германского (– 4,7%, что, возможно, вызвано “бременем” Восточной Германии) в успешной Чехии (– 4,1%) и близок к германскому в Словакии (4,8%). В 2010 году ни одной стране Восточной Европы (кроме продолжившей рост Польши) не удалось компенсировать провал 2009 года (правда, и из “старых” членов это удалось только Мальте и Швеции); в 2011 году это удастся лишь Словакии и Чехии.

Принципиален отказ развитых стран Евросоюза от существенной кризисной помощи новым членам*. Он правилен: и на себя денег нет, а благополучие зависимых стран определяется состоянием развитых, поэтому для выживания возможно большего числа слабых в замкнутой системе надо помогать сильным.

Однако этот отказ зафиксировал разделение “единой Европы” на страны даже не двух, а четырех сортов:

- крупных доноров;
- развитых стран, обеспечивающих свои нужды (как правило, не больших);
- крупных получателей помощи;
- неразвитых стран, не имеющих политического влияния для получения значимой помощи.

Это – крах основополагающей идеи Евросоюза об однородной, равно развитой и, соответственно, равно демократичной Европе.

Думаю, не только нам, но и самим европейцам исключительно важно понимать, что придет на смену этой идее.

Возможно, ассоциированные с Евросоюзом страны или новые его члены, принимаемые на принципиально новых условиях, станут “пятым сортом” стран Евросоюза?

Таблица 2.

Динамика ВВП стран Евросоюза

Страна	2007	2008	2009	2010	2011
Австрия	3.7	2.2	-3.9	2.0	2.4
Бельгия	2.8	0.8	-2.7	2.0	1.7
Болгария	6.4	6.2	-5.5	0.2	3.0
Великобритания	2.7	-0.1	-4.9	1.3	1.7
Венгрия	0.8	0.8	-6.7	1.2	2.8
Германия	2.8	0.7	-4.7	3.5	2.5
Греция	4.3	1.0	-2.0	-4.5	-3.0
Дания	1.6	-1.1	-5.2	2.1	2.0
Ирландия	5.6	-3.5	-7.6	-1.0	0.5
Испания	3.6	0.9	-3.7	-0.1	0.8
Италия	1.5	-1.3	-5.2	1.3	1.1
Кипр	5.1	3.6	-1.7	1.0	1.7
Латвия	10.0	-4.2	-18.0	-0.3	3.3
Литва	9.8	2.9	-14.7	1.3	4.6
Люксембург	6.6	1.4	-3.7	3.4	3.0
Мальта	4.4	5.3	-3.4	3.7	2.5
Нидерланды	3.9	1.9	-3.9	1.8	1.5
Польша	6.8	5.1	1.7	3.8	3.8
Португалия	2.4	0.0	-2.5	1.4	-1.5
Румыния	6.3	7.3	-7.1	-1.3	1.5
Словакия	10.6	5.8	-4.8	4.0	3.8
Словения	6.9	3.7	-8.1	1.2	2.0
Швеция	3.3	-0.6	-5.3	5.5	3.8
Финляндия	5.3	0.9	-8.2	3.1	3.1
Франция	2.3	0.1	-2.5	1.5	1.6
Чехия	6.1	2.5	-4.1	2.3	1.7
Эстония	6.9	-5.1	-13.9	3.1	3.3

* В 2011 году исключения были сделаны для Греции и Португалии.

ВИКТОР ИЛЮХИН

ВИКТОР ИЛЮХИН: ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ

КАТЫНЬ БЕЗ ИЛЮХИНА*

Слова “Катынь”, “польские претензии”, “Страсбург” вновь появились на страницах российских газет. В этой связи я, как и многие россияне, вспомнил безвременно ушедшего из жизни депутата Государственной Думы РФ Виктора Ивановича Илюхина, который предсказывал такое развитие событий.

В марте 2010 г. в одном из интервью Виктор Иванович заявил: “Родственники этих пропавших поляков подают иски даже не на приговоры, вынесенные советскими судебными органами, или на постановления прокуратур. Они вчиняют иски именно за причиненные им моральные страдания — как за репрессии в отношении их родственников, так и за путаницу и волокиту с расследованием их иска по репрессиям. **И тут российские позиции очень уязвимы.** Пока, правда, таких исков — единицы, но если Европейский суд по правам человека будет их требования удовлетворять, то количество исков будет расти, как снежный ком”.

Виктор Иванович был единственным российским политиком, который осмелился озвучить катынскую тему на самом высоком уровне. Он действовал по принципу “Кто, если не я!”. Это касалось не только катынской темы. Вспомним, что в ноябре 1991 г. именно прокурор В. Илюхин возбудил против тогдашнего Президента СССР Михаила Горбачева уголовное дело по статье 64 УК РСФСР (“Измена родине”). Если бы в годы горбачевской перестройки в советской элите был хотя бы десяток “илюхиных”, сегодня мы бы жили в обновленном Союзе.

Объем того, что сделал В. Илюхин для выявления истины в Катынском деле, поражает. Благодаря его усилиям при фракции КПРФ в Госдуме была создана и эффективно действовала комиссия из авторитетнейших российских ученых, политиков и экспертов, занимающаяся расследованием катынской трагедии. Перу Илюхина принадлежит ряд исследований на эту тему, которые заставили многих по-иному взглянуть на проблему Катыни.

К сожалению, в марте 2011 г. сердце Виктора Ивановича не выдержало той безумной нагрузки, с которой он защищал интересы России. Его внезапный уход из жизни образовал в рядах независимых исследователей Катынского дела огромную брешь, восполнить которую пока никому не под силу.

* Предисловие Владислава Шведа.

Илюхин никогда не боялся говорить сильным мира сего то, что считал нужным, и то, что от него ждали простые люди. Не случайно россияне три года подряд признавали Виктора Ивановича самым честным политиком. Свою позицию Илюхин вновь продемонстрировал в декабре 2010 г., обратившись с жестким, но справедливым и глубоко аргументированным Открытым письмом к президенту Д. Медведеву. В нём Виктор Иванович убедительно вскрыл основные недостатки господствующей версии катынского преступления. Но ответа не последовало.

Последние годы мы тесно сотрудничали с Виктором Ивановичем. Я горжусь тем, что копию письма президенту он отправил и мне для ознакомления. Сейчас я это воспринимаю, как некую передачу катынской эстафеты, хотя прекрасно понимаю, что заменить Илюхина невозможно. Его письмо до сих пор актуально, и совершенно обоснованно поступила редакция журнала “Наш современник”, публикуя его. Для лучшего уяснения проблем, поднятых в письме Илюхина, я позволю себе обрисовать ситуацию с Катынским делом, которая сложилась на настоящий момент.

15 июля 2011 г. пресс-служба Европейского суда по правам человека в Страсбурге сообщила, что иски родственников польских офицеров, расстрелянных в Катыни весной 1940 года, признаны допустимыми. Говоря простыми языком, Европейский суд дал понять, что отныне иски родственников катынских жертв к России будут рассматриваться.

Напомним, что этому предшествовали четыре попытки польских родственников подать иски в Европейский суд. Первая попытка состоялась в апреле 2006 г. Тогда 70 родственников польских офицеров, погибших в Катыни, обратились в Страсбург по поводу ненадлежащего рассмотрения Россией уголовного дела № 159 (Катынское дело). Но, поскольку истцы не прошли все российские судебные инстанции, иски были отклонены. Нынешняя попытка уже пятая. Об истории этой попытки следует рассказать подробнее.

В конце ноября 2009 года в российских СМИ появились сообщения, что Европейский суд по правам человека в Страсбурге принял к рассмотрению несколько исков семей польских военнопленных офицеров, расстрелянных в Катыни. Сообщалось, что рассмотрению этих исков придан приоритетный статус.

Но сегодня уже ясно, что это было предварительное рассмотрение на предмет возможности принятия Европейским судом польских исков к окончательному рассмотрению. На основании обвинений, изложенных в польских исках, Европейский суд направил России запросы, на которые Минюст России дал два ответа: от 19 марта и 13 октября 2010 г.

Российский Минюст в своих ответах в Страсбург сообщил, что результаты расследования, проведенного Главной военной прокуратурой РФ в течение 14 лет (1990—2004 гг.), позволяют вести речь о достоверно установленной гибели 1803 польских граждан. В ответах было подчеркнуто, что “таблички с фамилиями польских офицеров на памятнике в Катынском лесу не подтверждают в правовом смысле ни того, кто там похоронен, ни того, кто там был убит”. Это утверждение российские юристы обосновывали тем, что польская сторона не обращалась к России за получением списка катынских жертв. Поэтому списки, на основании которых были изготовлены таблички для Катынского и других мемориалов, сомнительны.

Российские ответы вызвали крайнее неудовольствие польского правительства, которое приняло решение выступить в Европейском суде на стороне своих граждан в качестве третьего лица. Оно направило в Страсбург два меморандума, в которых подвергло российские ответы жесточайшей критике. Европейский суд благосклонно отнесся к позиции польской стороны и, как говорилось, 15 июля 2011 г. обнародовал первые выводы по вопросу обоснованности претензий польских родственников катынских жертв к России. В настоящее время Европейский суд принял к рассмотрению иски Ежи Яновеца и Витомилы Волк-Езерской. Помимо них, по этим искам проходит ещё несколько родственников.

Но, как говорится, лиха беда начало. В случае положительного решения по указанным первым двум искам число поляков, желающих получить компенсацию от России, будет увеличиваться в геометрической прогрессии. Количество исков со стороны всех “родственников жертв Катыни” может многократно превысить любые государственные иски. Подобное уже имело место,

когда не Израиль, а члены еврейской диаспоры в Америке и израильские граждане стали в частном порядке предъявлять иски к Федеративной Республике Германии за жертвы Холокоста.

Российское руководство в ситуации, когда России грозят многомиллиардные иски польских родственников катынских жертв, заняло, мягко говоря, странную позицию. После того, как Минюст России сообщил в Европейский суд о том, что достоверно установлена гибель 1803 польских офицеров, из которых лишь 22 идентифицированы, российское руководство публично заявило о вине “сталинского режима” за гибель почти 22 тысяч польских военнослужащих и арестованных.

В подтверждение этого Росархив, по указанию Президента России, разместил на своём сайте электронные сканы так называемых катынских документов из “закрытого пакета № 1” “Особой папки” архива Политбюро ЦК КПСС. Из этих документов следует, что 5 марта 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло абсолютно немотивированное решение о расстреле 25700 поляков, находящихся в лагерях и тюрьмах НКВД. Однако ряд независимых экспертов и исследователей высказывают сомнения в достоверности этих документов.

Аргументированная критика содержания и оформления этих документов содержится в Открытом письме Илюхина российскому президенту. Желающие могут ознакомиться с электронными сканами катынских документов, причем лучшего качества, нежели на сайте Росархива, на сайте международного интернет-проекта “Правда о Катыни”, где они были размещены ещё в 2005 г.

Весной 2010 г. также было достигнуто соглашение о передаче польской стороне заверенных копий материалов уголовного Катынского дела. К настоящему моменту, по информации Генерального прокурора России Ю. Чайки, польской стороне передано 148 из 183 томов этого уголовного дела.

Всё это сопровождалось взаимными заверениями в дружбе и добрососедстве, которые, однако, постоянно омрачались различными польскими претензиями. Россию обвиняли то в гибели польского самолета, на котором летел президент Польши Лех Качиньский, то в том, что российские авиационные эксперты не так ведут расследование, то в том, что российский отчет о результатах расследования этой авиакатастрофы является неполным и недостаточно объективным.

Потом польский гнев вызвал факт замены российскими властями самовольно установленной поляками таблички на месте гибели Леха Качиньского под Смоленском. Вслед за этим негодование польских русофобов вызвала уже другая табличка, появившаяся близ польского городка Стшалково, на которой было написано: “Здесь покоятся 8000 советских красноармейцев, жестоко замученных в польских “лагерях смерти” в 1919—1921 гг.”.

Тем не менее, в России на официальном уровне заявляется о качественно новом уровне российско-польских отношений. Польша также не остается в долгу. Недавно посол Польши в Москве Войцех Зайончковский заявил: “Есть государства, которые пытаются выставить России финансовый счет. Мы этого никогда не делали и делать не собираемся”. Однако следует поправить польского дипломата. Польша даже в советский период ставила вопрос о возмещении Советским Союзом материального ущерба гражданам польского происхождения, пострадавшим от сталинских репрессий.

Напомним, что впервые такое требование прозвучало в октябре 1989 г. из уст министра иностранных дел тогда еще Польской Народной Республики Кшиштофа Скубишевского во время визита последнего в Москву. Так Польша стремилась ликвидировать свою задолженность Советскому Союзу в размере 5,3 млрд инвалютных рублей, то есть по тогдашнему курсу более 8 млрд долларов США. Как удалось выяснить, польский долг в середине 1990-х годов списали, но Россия вместо благодарности получила — как всегда...

Второй раз о возможных претензиях Польши на компенсации за Катынь заявил в июне 2008 г. премьер-министр Польши Дональд Туск. После встречи в Варшаве с членами Группы по трудным вопросам польско-российских отношений он заявил, что работа Группы позволяет надеяться на то, что “в течение нескольких месяцев мы будем иметь возможность представить первые сообщения о конкретных решениях по наиболее трудным историческим вопросам, таким, как Катынь — и с юридической, и с финансовой точек зрения”.

Следует подчеркнуть, что тот же Войцех Зайончковский заметил, что “польское государство предоставляет гражданам, желающим подать иск против России с требованием финансовой компенсации за гибель родственников в Катыни, только юридическую поддержку”. Это ключевая фраза, объясняющая поведение польских политиков. Польское государство не будет предъявлять претензий материального характера к России, но всемерно поможет в этом своим гражданам. Во что это выльется, говорилось выше.

Дополнительно заметим, что польское государство в обозримом будущем не намерено предавать забвению катынскую тему. Известно, что Польша с ноября 2004 г. силами прокуроров Института Национальной памяти ведёт собственное расследование Катынского дела. Польские прокуроры пришли к выводу, что Россия не обеспечила должного и объективного расследования катынского преступления.

Помимо этого, по мнению поляков, Россия якобы не дала точной и полной юридической квалификации катынского преступления и отказалась признать катынский расстрел геноцидом. Она необоснованно засекретила основные материалы уголовного дела № 159, отказалась процессуально установить и обнародовать персональный состав виновных в катынском преступлении. Польская сторона не согласна с тем, что Россия в ходе следствия отказалась признать родственников погибших польских граждан потерпевшими и не намерена реабилитировать катынские жертвы.

Польскую позицию в отношении российского расследования катынского преступления поддержал Европейский суд по правам человека. В его пресс-коммюнике от 15 июля 2011 г. отмечено, что “российские власти не смогли провести адекватное и объективное расследование обстоятельств смерти катынских жертв”.

В этом плане ситуация для России станет весьма непростой после того, как Польша получит все материалы уголовного дела № 159. Польская сторона прекрасно информирована о том, что содержится во всех 183 томах этого дела. Почему же ей так важно получить заверенные копии всех томов дела № 159 и постановление о его прекращении? Дело в том, что полякам для предъявления обоснованных и аргументированных претензий касательно российского расследования Катынского дела нужны официально подтвержденные Россией материалы.

Это подтвердил и польский сопредседатель Группы по трудным вопросам Адам Ротфельд. Он заявил, что содержание переданных 67 томов дела № 159 “известно польским историкам, они не являются главным предметом польских ожиданий, но теперь мы получили эти документы в виде заверенных копий, что даёт возможность использовать их для судебного производства” (“Время”, № 79, 12 мая 2010 г.). Так что с получением польской стороной заверенных копий всех томов уголовного дела № 159 катынское противостояние может получить новое развитие. Но об этом катынovedы, отстаивающие официальную версию Катыни, предпочитают молчать и делают вид, что ничего особенного не происходит.

В дополнение к вышесказанному и изложенному в письме Илюхина президенту Медведеву сообщим несколько фактов, свидетельствующих о том, что господствующая сегодня версия катынской трагедии во многом надуманна и сомнительна.

Прежде всего, коснемся упомянутых кремлевских катынских документов из “закрытого пакета № 1”. Сомнения в достоверности этих документов мог бы развеять акт официальной криминалистической и почерковедческой экспертизы, проведенной российскими экспертами по поручению Главной военной прокуратуры РФ в конце 1992 г. Однако он упорно скрывается. Почему? Видимо, дело в том, что официальная экспертиза не дала ответа относительно наличия целого ряда неточностей, несуразностей и ошибок, содержащихся как в содержании кремлевских документов, так и в их оформлении. В этом случае его значение просто ничтожно.

Далее, серьезный вопрос возникает по поводу того, почему и польская и российская сторона не стремятся проверить сведения о выявленных в последние 10 лет неизвестных польских захоронениях в районе Катыни? 12 апреля 2000 г. и. о. президента России В. Путин сообщил в телефонном разговоре президенту Польши А. Квасневскому о том, что за пределами Катынского мемориала российские рабочие обнаружили неизвестное

польское захоронение. Строители были уверены, что это польское захоронение, так как на трупах были шинели с польским орлом на пуговицах (<http://2002.kremlin.ru/prensa/2000041204.html>).

14 апреля 2000 г. польская “Газета wyborca” сообщила, что 13 апреля губернатор Смоленской области Александр Прохоров “показал Иоланте Квасневской место, расположенное в нескольких сотнях метров от польского кладбища, в котором могли находиться очередные тела зверски убитых поляков”. Особую значимость имеет тот факт, что данное захоронение находится примерно в полусотне метров от места, где в 1940 г. находилась госдача отдыха НКВД.

Если следовать официальной версии, получается, что сотрудники НКВД весной 1940 г. расстреливали поляков в 50 метрах прямо под окнами дачи, где летом 1940 г. отдыхали члены Политбюро ЦК ВКП(б) К. Ворошилов и Л. Каганович?! Разве это реально? А вот для гитлеровцев, сделавших осенью 1941 г. из Катыни спецзону, это было естественно.

Новое захоронение, о котором упомянул Путин в телефонном разговоре с Квасневским, не вскрывалось ни немцами в 1943 г., ни комиссией Бурденко в 1944 г. Трупы в могиле лежат в два слоя. По самым скромным подсчетам, общее количество трупов в могиле может составить от трехсот до тысячи. Однако судьба этого захоронения в Катыни до сих пор остается невыясненной.

Видимо, дело в том, что польские и российские власти обоснованно опасаются, что вскрытие нового захоронения “обрушит” официальную версию. Как в этом случае объяснить, останки каких поляков обнаружены в новом захоронении, если по официальной версии **ВСЕ польские офицеры из Козельского лагеря перезахоронены в могилах Катынского мемориала?**

Аналогичным образом в Польше и России замалчивается свидетельство Кристины Щирадловской-Пец (Krystyna Szczyrdłowska-Peca), дочери польского полковника Бронислава Щирадловского из “украинского” катынского списка. Оно появилось в сентябре 2007 г. на интернет-сайте католической “Группы 33” из Хожува (пригород Катовице).

Пани Кристина рассказала, что в мае 1946 г., когда она вместе с другими польскими гражданами на поезде ехала в Польшу, в районе Катыни поезд сделал остановку. Полякам было предложено сходить в лес посмотреть могилы соотечественников. Пройдя по лесу, расположенному **по правой стороне** от железнодорожного полотна Смоленск—Минск, они увидели “громадный раскопанный ров — могилу, в которой находились человеческие останки. О том, что это были останки польских офицеров, свидетельствовали детали мундиров (пуговицы с орлами). Тела частично муфтировались, поскольку почва была песчаная. Уложены они были слоями, и было их очень много”.

Известно, что все раскопки в Катыни в 1943 и 1944 годах велись только слева от железной дороги (если ехать из Смоленска в Минск). О раскопках польских захоронений в 1946 г., тем более с правой стороны железной дороги, официальные сведения отсутствуют. Однако некоторые старожилы, живущие в окрестностях Гнёздова и Катыни, помнят о них. Как известно, сообщением К. Щирадловской так и не заинтересовались ни польская, ни российская сторона.

Получается, что заявления польских политиков о том, что жизнь каждого поляка, отданная за Польшу в годы Второй мировой войны, бесценна, просто слова. Это подтверждает тот факт, что в Смоленской земле лежат и ждут последнего упокоения тысячи неизвестных польских солдат и офицеров. А польским политикам, жаждущим только новых подтверждений “бесчеловечной политики восточных варваров”, до них и дела нет.

Неприглядную позицию в катынском вопросе занимает российское руководство. Провозглашая, что Россия является правовым государством, оно даёт оценку катынского преступления не с **правовых позиций**, заявленных в Страсбурге, а с **политических**. Напомним, что период преобладания политических оценок над правовыми Россия однажды уже пережила. Не хотелось бы, чтобы он повторился. От последствий подобной позиции и предостерегал президент Дмитрий Медведев депутат Виктор Илюхин.

Владислав Швед

В. И. Илюхин — Д. А. Медведеву: Надеюсь, что Вы не хотели принести вред России, а Вас подставило польское лобби в Кремле

2010-12-07 19:50 Пресс-служба фракции КПРФ — kprf.ru

**Открытое письмо
Президенту Российской Федерации
Д. А. Медведеву**

Господин Президент!

Совсем недавно Вы дали интервью польским СМИ, в котором наряду с другими проблемами затронули и вопросы гибели польских военнопленных под Катынью Смоленской области.

Судя по ответам, Вам известно о том, что в России сложилось неоднозначное мнение о виновниках трагедии. Есть официальная версия власти о расстреле поляков НКВД СССР весной 1940 года. Она сложилась под влиянием польского лобби, активно действующего в кремлевских и правительственных кругах, в том числе и из российских ученых, до сих пор получающих из Варшавы солидные гранты, а проще говоря, деньги. И есть иная точка зрения, что поляки были уничтожены фашистами после оккупации ими Смоленской области. По мере того, как российские граждане вникают в суть проблемы, эта версия находит все большее понимание у нас в стране, да и за ее пределами.

Длительное изучение обстоятельств Катынской трагедии и определенное знание исторических и правовых материалов позволяют мне заявить, что многие документы, находящиеся в уголовном деле № 159 Главной военной прокуратуры о гибели поляков от рук НКВД, являются необъективными или сфальсифицированными. С этим я выступил 26 ноября 2010 года с трибуны Государственной Думы. В ответ Вы заявили, что это не серьезно, это чуть ли ни провокация людей, которые хотели бы не замечать истории и природы сталинского режима, с чем я не могу согласиться.

Конечно, от открытой полемики Вы откажетесь, а я хотел бы вести ее не только как депутат Госдумы, но, в первую очередь, как один из руководителей Главного следственного управления Генеральной прокуратуры Союза ССР, хорошо знающий в юриспруденции теорию и практику доказательств. Событиями, произошедшими в Катыни, я начал заниматься в то время, когда Вы были еще студентом юрфака. Но не в этом главное.

К сожалению, и Вы, глубоко не изучив суть вопроса, как и предшествующие российские президенты, скатились на геббельсовскую версию о расстреле поляков НКВД СССР, которая широко стала распространяться немцами с весны 1943 года.

Я не собираюсь защищать И. В. Сталина. Он не нуждается в этом. История сама все расставит и уже расставляет по своим местам. На фоне разваливающейся российской государственности, расцвета коррупции, всесильной оргпреступности и казнокрадства его значимость и весомость в отечественной истории будут укрепляться и усиливаться. Это неоспоримая закономерность, которую невозможно перечеркнуть антисталинскими административными мерами, указами, постановлениями, отвратительным голосованием послушного Кремлю большинства думских депутатов или грязными теле- и радиопередачами.

А встань на Вашу позицию, то получается: в СССР были репрессии, поэтому и вали все на Сталина. Именно на него, как будто фашисты не уничтожили десятки миллионов людей. Однако это огульное охаивание лишь дискредитирует в первую очередь русский, российский народ, порождает комплекс неполноценности и собственную ущербность. Его поставили на колени, требуя вечного покаяния даже и в том, чего он не совершал. Такая нация будет неспособной к великим созиданиям.

Вы сказали: “За это преступление отвечает Сталин и его приспешники”, сославшись на то, что сами смотрели документы из так называемой “Особой папки”, которые сегодня выставлены на интернет-сайты. Хочу сразу отметить Ваше выражение — “приспешники”. Не знаю, как точно после окончания пре-

зидентских полномочий назовут Ваше окружение, но убежден, что гораздо резче и нелицеприятней уж только потому, что краснодарский душегуб Цапок присутствовал в Кремле на Вашей инаугурации в составе делегации края.

Как старый криминалист, утверждаю: чтобы сделать глубокие и неоспоримые выводы, документы надо не смотреть, а изучать. Конечно, римское право, которым Вы увлекаетесь, этому не учит.

Мои коллеги, крупные ученые, специалисты, многократно приводили аргументы, говорящие о подложности документов “Особой папки”, в том числе со ссылкой на экспертные исследования.

Из Вашего внимания ускользнуло то, что выписка из решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. не имеет подписи и на ней стоит печать ЦК КПСС. Вам не подсказали, что название КПСС появилось позже 1940 года на двенадцать лет, и оттиск печати ЦК КПСС на документе в момент его принятия не мог стоять. По нашим данным, выписка была сфальсифицирована в начале 90-х годов прошлого столетия ельцинским окружением, или, как Вы изволите выражаться, приспешниками.

Вы не заметили, что в выписке (даже фальшивой) указано: “Предложить НКВД рассмотреть дела на военнопленных поляков...”, однако в материалах уголовного дела, в иных источниках нет никаких сведений об их рассмотрении, о реальной судьбе тех самых 27 тысяч поляков, упомянутых в выписке. Есть все, в том числе о перемещении пленных, о конвое, о питании, о другом, кроме как сведений об исполнении решений, приговоров. Такого в работе НКВД СССР быть не могло, ведь в этой организации фиксировалось все до мелочей. А тут расстрел стольких людей, но в документах о нем ни слова. Над этим стоит задуматься.

Вы обвиняете Сталина и его приспешников в убийстве нескольких десятков тысяч поляков, но следовало бы знать, что после 14-летнего расследования дела Главная военная прокуратура не признала их виновными в уничтожении военнопленных под Катынью и никакого решения на этот счет не приняла.

Об этом умолчали и в Государственной Думе. Поэтому высшая российская власть, не замечая того сама, скатились на стезю политических репрессий. Ведь Ваши предшественники – президенты извинялись перед поляками за гибель их сограждан до окончания следствия, которому только и осталось облечь политическую волю руководителей государства в правовую форму, признав НКВД СССР виновниками в гибели военнопленных. Иного решения здесь быть не могло, даже если следствие и пришло к другим выводам.

Вы в столь сложном вопросе, имеющем международное значение, должны были потребовать исчерпывающую информацию. Если скрыли ее от Вас, то избавьтесь от нерадивых помощников и советников.

Вам не доложили, что списки большинства погибших под Катынью представила следователям Польша, и они оставлены без тщательной проверки. Поэтому и стали появляться после войны 1941–1945 годов живые люди из числа объявленных мертвыми.

Не доложили и о том, что следователи злоупотребляли служебным положением, выезжали на отдых в Польшу, для них устраивались застолья, они получали подарки, а, в конечном счете, все были награждены польскими государственными наградами. Только поэтому, основываясь на международном праве и практике, постановление следователей о гибели польских пленнх должно быть объявлено несостоятельным, не порождающим никаких правовых последствий.

Советский Союз обвиняют в расстреле десятков тысяч поляков, по предварительным расследованиям проведена эксгумация лишь 1803 трупов поляков, а обстоятельства их гибели, как и других, так до конца и не установлены. Если нет трупов, то не может быть и обвинения в убийстве.

Вам, видимо, не доложили, что все польские офицеры под Катынью были убиты немецкими пулями из немецкого оружия. В материалах Нюрнбергского трибунала имеются убедительные доказательства, представленные советской комиссией Н. Бурденко о расстреле поляков немцами, которых трибунал не оправдал и не возложил ответственности за эти злодеяния на СССР.

То, что происходит сейчас, – это уже наглая попытка ревизии истории, пересмотр приговора трибунала. В его материалах есть показания начальника лагеря Ветошников В. М., который за несколько часов до оккупации немцами Смоленска прибыл в город и просил выделить ему 75 вагонов для вывоза

поляков в глубь страны. Вагонов ему не выдали из-за сложности положения, а сам он уже не смог вернуться в лагерь.

Значит, поляки были еще живы, а не расстреляны НКВД СССР весной 1940 года, как утверждается сейчас. И таких показаний достаточно, в том числе собранных и после войны 1941–1945 годов.

В материалах трибунала есть показания Михайловой О. А., Конаховской З. П., Алексеевой А. Н., которые осенью 1941 года работали на кухне столовой 537-го немецкого полка, оккупировавшего район Катынь под Смоленском. Они пояснили, что были очевидцами доставки в это местечко пленных поляков и расстрела их немцами. После каждого расстрела фашисты шли в баню, а потом в столовой им выдавалось усиленное питание и двойные порции спиртного.

Плохо, если Вам не сообщили, что болгарский ученый М. Марков и чешский профессор медицины Ф. Гаек, участвовавшие в 1943 году в работе геббельсовской комиссии по исследованию трупов под Катынь, заявили о чудовищной необъективности медицинских документов, составленных немцами. О том, что еще в декабре 1945 года два профессора, два ведущих польских специалиста в области судебной медицины Ольбрихт и Сингилевич доказали, что пленных поляков под Катынь расстреляли немцы осенью 1941 года. Об их выводах сейчас пытаются не вспоминать.

Вам не доложили, что группа российских ученых, которых мы считаем настоящими патриотами, летом 2010 года подготовила рецензию на заключение экспертов от 2 февраля 1993 года по уголовному делу № 159 о расстреле поляков и полностью опровергла его выводы, с чем потом согласилась и Главная военная прокуратура. Добавлю, что эта рецензия мною была передана в администрацию президента.

Вас не поставили в известность, что Конституционный суд РФ, рассматривая так называемое дело о запрете КПСС, отказался исследовать документы, представленные ему президентской стороной по Катынской трагедии – из-за сомнительности их происхождения.

Вас не проинформировали даже о наиболее существенных и важных обстоятельствах гибели польских пленных под Смоленском, тем более о материалах, опровергающих версию об их расстреле НКВД СССР.

Вы ссылаетесь на Заявление Госдумы о виновных в Катынской трагедии. Вам и российскому правительству, наверное, удобно, что в фальсификацию истории втянут и законодательный орган – есть на кого переложить ответственность. Поэтому Вы и не хотите знать, что три комитета – по международным делам (К. Косачев), по делам ветеранов (Н. Ковалев) и по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками (А. Островский), возглавляемые представителями “Единой России” и ЛДПР, даже не обсудили, как это положено по регламенту работы, проекты Заявления и Постановления Госдумы на своих заседаниях. Не представили депутатам никаких информационных материалов по обсуждаемой проблеме. Госдума голосовала “в темную”. Как я считаю, в ней есть большая группа депутатов, которая ради сохранения своих кресел, тем более по команде из Кремля и из правительства, проголосует за любое решение, в том числе и подрывающее отечественные интересы. Про таких говорят в народе – “мать родную продадут”. И в этом смысле Госдума стала опасной для нашего общества и государства.

Больше всего волнует то, что Вы, соглашаясь с фальсификаторами, скорее всего хотите вычеркнуть из истории нашего Отечества весь советский период, а он героический, созидательный, хотя одновременно и трагический. Смею утверждать, не получится.

В связи с этим напомним известное высказывание У. Черчилля, который сказал, что если кто-то объявил войну своему прошлому, то он вскоре обнаружит, что у него нет будущего. У России должно быть будущее.

Заканчивая свое открытое обращение, сообщаю, что я и мои товарищи – крупные ученые, исследователи Катынской проблемы, готовы к любой дискуссии на любом уровне. А чтобы установить и защитить истину, было бы правильным направить уголовное дело № 159 Главной военной прокуратуры в Верховный Суд РФ для публичной оценки имеющихся в нем доказательств с участием сторон. Одну из них – по защите интересов России – готов представлять.

ВЛАДИСЛАВ ШВЕД

ЛИТОВСКИЙ ЛАБИРИНТ*

Горбачев и январские жертвы

Сегодня не вызывает сомнений, что Горбачев был готов “отпустить” Прибалтику, но его пугала реакция так называемых “консерваторов” в КПСС. Согласие с ультимативным выходом Литвы из Союза могло стоить ему поста Генерального секретаря и Президента СССР.

На острие этой проблемы оказались коммунисты Литвы, оставшиеся в КПСС. Они стремились к тому, чтобы максимально самостоятельная Литва или осталась в обновленном Союзе, или же, если выходила из Союза, то по Закону СССР, который гарантировал бы социально-политические гарантии национальным меньшинствам, проживающим в республике, и людям, решившим выехать из нее.

Ситуацию для Горбачева усугубляло то, что позиция коммунистов Литвы (КПСС) получила полную поддержку членов Пленума ЦК КПСС. Напомним, что секретари ЦК Компартии Литвы сумели на трех Пленумах ЦК КПСС (в декабре 1989-го, феврале и марте 1990 г.) убедить членов ЦК КПСС не поддерживать половинчатые решения по Литве, предлагаемые Горбачевым. Именно по их настоянию Горбачев был вынужден совершить поездку в Литву в январе 1990 г.

В итоге Компартия Литвы (КПСС) стала представлять для Горбачева большое неудобство, и ее следовало нейтрализовать. А заодно нанести очередной удар по КГБ СССР и Советской Армии, которые также могли воспротивиться плану Горбачева—Буша. Подобная позиция Кремля более чем устраивала Ландсбергиса. Его наполеоновская мечта стать в Литве “Спасителем Отечества” в этом случае обретала реальность.

Далее дело стало за технической реализацией задуманной многоходовой провокации, завершившейся кровавыми событиями 13 января 1991 г. Однако бывший генсек и президент все 20 лет, прошедшие после трагических событий в Вильнюсе, утверждает, что “в Литве всё произошло за его спиной”.

В интервью “Московскому комсомольцу” от 28 июня 1995 г. под названием “Громоотвод” Горбачев заявил: “...уже не считалась с президентом эта сволота. Но я-то думаю, что они хотели навязать мне свою бандитскую логику, повязать Горбачева кровью, поставить перед фактом, — вот о чем шла речь... Ну, я не знаю кто исполнитель, но ясно, что без Крючкова и Язова не могло обойтись”.

Судя по этому высказыванию, Горбачев именно В. Крючкова и Д. Язова считает “сволотой”, изначально решившей повязать его кровью. В интервью

* Окончание. Начало в № 8 за 2011 год.

Горбачев фактически утверждает, что “эта сволота” спланировала кровавые события, и советские военнослужащие в Вильнюсе 13 января стреляли в людей боевыми патронами. При этом он полностью игнорирует отчет Генерального прокурора СССР Н. Трубина, в котором аргументированно доказано, что действия советских военнослужащих не явились причиной смерти ни одного человека, погибшего январской ночью в Вильнюсе.

Весьма интересная позиция для бывшего руководителя государства – во имя спасения собственной шкуры бездоказательно обвинить свою страну в кровавом преступлении. Но для Горбачева это не впервой. В апреле 1990 г. он без должной проверки дал команду признать советскую вину за Катынь.

Как всегда в своих заявлениях, Горбачев ссылается на свидетелей, которые якобы подтверждают его непричастность. В интервью “Московскому комсомольцу” Горбачев апеллирует к неким ветеранам “Альфы”, которые якобы принесли ему “ту самую тетрадь, в которой директива была от руки написана (в других интервью он говорит о приказе от имени президента на штурм вильнюсской телебашни. – В. Ш.), но потом в клочья изорвана. Эту тетрадь восстановили...”

Сегодня с полной уверенностью можно утверждать, что Горбачев и в этом случае лжет. 26 марта 2011 г. в Москве состоялось общее собрание Международной Ассоциации ветеранов подразделений антитеррора “Альфа”, в котором принял участие около 300 человек. Его участнику единогласно приняли заявление о роли Группы “А” в январских (1991 г.) событиях в Вильнюсе.

В нем, в частности, говорится: “Мы с возмущением отмечаем, что последние двадцать лет бывший президент СССР М. Горбачев пытается снять с себя ответственность за драматические события в Вильнюсе. В своих многочисленных интервью он утверждает, что некие “бойцы из “Альфы” принесли ему “написанный от руки карандашом приказ от моего (Горбачева. – В. Ш.) имени, который потом разорвали. Кто-то из них догадался собрать и сохранить клочки бумаги”.

При этом из высказываний М. Горбачева следует, что именно сотрудники Группы “А” виновны в смерти людей у вильнюсской телебашни – якобы таким образом некая сила пыталась “повязать его кровью”. Решительно заявляем, что сотрудники “Альфы” не использовали при штурме здания вильнюсского радиотелекомитета и телебашни ни одного боевого патрона. Их действия ночью 13 января 1991 года не стали причиной гибели ни одного литовского гражданина.

Также заявляем, что Группа “А” всегда действовала на основании приказов, полученных непосредственно от своих руководителей. Никому из нас неизвестен рукописный приказ от имени Президента СССР, предписывавший штурм вильнюсской телебашни. Нам также неизвестны некие “бойцы Альфы”, которые якобы передали М. Горбачеву обрывки такого документа.

Утверждаем, что вышеприведенные заявления М. Горбачева не соответствуют действительности и направлены на то, чтобы скрыть свою причастность к драматическим событиям в Вильнюсе в январе 1991 года.

Сегодня известно, что жертвы у вильнюсской телебашни – дело рук “боевиков” так называемого министра обороны Литвы А. Буткявичюса. Ветераны “Альфы”, участники операции, свидетельствуют: с крыш соседних с телебашней домов некие лица вели огонь на поражение такой силы, что для прикрытия выходявших из здания “альфовцев” пришлось вызывать бронетранспортеры” (См. http://www.alphagroup.ru/press-service/news_association/2888).

Надо отметить, что в 1991 г. и позже прикрываться ложью Горбачеву во многом помогали тот же Крючков и Трубин. Прокурор Трубин в своем – в основном объективном – отчете о событиях в Вильнюсе стрелки ответственности перевел на местных коммунистов и военных. Якобы был создан некий Комитет национального спасения Литвы, который попросил помощи. А некие дружинники, представляющие этот Комитет, крайне нуждались в защите военных.

Крючков в своих мемуарах “Личное дело”, к сожалению, повторил измышления Трубина и о Комитете национального спасения Литвы, и о рабочих дружинах, на помощь которым якобы были вынуждены придти военные. В определенной степени свидетельства Трубина и Крючкова способствовали осуждению в 1999 г. М. Бурокавичюса, Ю. Куолялиса, Ю. Ермалавичюса и др. деятелей КПЛ/КПСС.

Однако даже у людей, далеких от политики, не вызывает сомнений, что так называемый Комитет национального спасения Литвы являлся не более чем вывеской, за которой ничего — и никого! — не было. Несмотря на многолетние попытки литовской прокуратуры установить его состав, этого так и не удалось сделать. Не было и специально подготовленных рабочих дружин. То был обычный партийный актив. Но для усиления эффекта московские деятели обозвали его рабочей дружиной. Прямо как в 1905 г. на Красной Пресне.

Все эти структуры были придуманы в Москве только для того, чтобы вывести из-под удара Горбачева и его окружение. Хотя для наведения порядка в Литве следовало руководствоваться не просьбами мифического Комитета национального спасения Литвы, а положениями Законов СССР: “Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза СССР”, “О правовом режиме чрезвычайного положения” и “О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР”.

В Вильнюсе можно было бы обойтись без применения военной силы. Показательно, как несколько месяцев спустя после событий у телебашни сепаратисты отреагировали на сообщение об образовании ГКЧП. Они просто исчезли. Но Горбачев изначально не был заинтересован в наведении порядка в Литве.

Примечательно высказывание Ландсбергиса (“Дейли мейл”, 7 апреля 1990 г.) о том, что “Горбачев... в течение двух лет наблюдал за ростом нашего движения за независимость. Он мог бы остановить его в любой момент... Но он его не остановил”.

Причем остановить литовских сепаратистов можно было не только запретами, но и сбалансированными уступками Центра. Взять, к примеру, такую архиважную проблему, как реформирование Союза ССР. В 1989 г. прибалты предложили в качестве модели для обновленного Союза конфедерацию, но она не была воспринята в Москве. В 1990 г. конфедерация представлялась Горбачеву уже как оптимальная модель, но было поздно. Ландсбергис почувствовал слабость Горбачева и пошел “ва-банк”. Только полная независимость!

А всё началось весной 1988 года. Тогда с подачи Яковлева Горбачев дал указание КГБ СССР начать организацию неформальных общественных движений, которые должны были потеснить на общественно-политическом поле КПСС. Так родился “Саюдис”. Как уже говорилось, в августе 1988 г. Горбачев направил в инспекционную поездку по Прибалтике Яковлева, который поддержал “Саюдис”. Вскоре лидеры Движения открыто объявили, что их цель — разрушение советской империи. Но Горбачев на это не отреагировал.

В дальнейшем, когда Ландсбергис и его клика вообще перестали считаться с Кремлем, Горбачев хранил спокойствие, ограничиваясь никчемными заявлениями и неисполняемыми Указами. Что же касается вильнюсских событий, то объяснения президента и главнокомандующего Горбачева о том, что он был не в курсе, вызывают лишь ироническую улыбку. Этого не могло быть в принципе, так как вильнюсская силовая акция была уже третьей военной акцией, о которой Горбачев якобы был “не в курсе”.

Напомним, что при разборе причин тбилисской трагедии на Политбюро ЦК КПСС (апрель 1989 г.), Горбачев обратился к Председателю КГБ СССР В. Крючкову и Министру обороны СССР Д. Язову со следующим предупреждением: “Я на тебя смотрю, Владимир Александрович! (Крючков)... Дмитрий Тимофеевич (Язов)! Запомни навсегда и сегодня же отдай приказ: отныне без решения Политбюро армии в гражданских делах запрещая участвовать”.

И Крючков, и Язов прекрасно помнили, как в мае 1987 г. Горбачев за посадку М. Руста на Красной площади расправился с советским генералитетом. Однако после “грозного” тбилисского предупреждения армия и КГБ осуществили операцию по наведению конституционного порядка и предотвращению погромов в Баку (январь 1990 г.). Горбачев тогда вновь заявил, что он не в курсе и приказ на применение военной силы в Баку отдали Крючков и Язов. Однако никаких оргвыводов в отношении “самовольщиков” не последовало. Более того, буквально через три месяца после бакинских событий, 28 апреля 1990 г. Горбачев своим Указом присвоил Язову звание Маршала Советского Союза!

Следует иметь в виду, что и Язов, и Крючков являлись выдвиненцами Горбачева и Яковлева. Оба по характеру были “ведомыми”, то есть прекрасно работали в качестве замов, но вот самостоятельности и инициативы в ка-

честве первых лиц у них явно не хватало. Эту черту характера у Крючкова отметил Маркус Вольф, начальник разведки ГДР. Вольф — человек-легенда в плане организаторских способностей и работы с людьми. Его мнение дорого стоило.

Помимо всего, Крючков и Язов прекрасно знали, что Литва находится на особом контроле у Буша. А Михаил Сергеевич весьма трепетно относился к замечаниям со стороны американского президента. Могли ли в этой ситуации Крючков и Язов пойти на авантюру? Нет, конечно. Как известно, после вильнюсских событий Горбачев не предъявил никаких претензий ни Крючкову, ни Язову, хотя в 1995 г. назвал их “сволотой”!

Бывший советский диссидент Владимир Буковский в обращении в Магистратский суд Вестминстера о привлечении Горбачева к уголовной ответственности (март 2011 г.), подметил осознанную последовательность в действиях бывшего президента СССР: “Я убежден, что Горбачев несет персональную ответственность как главнокомандующий вооруженных сил за все человеческие жертвы. Та последовательность, с которой Михаил Горбачев отдавал приказы о вводе войск сначала в Тбилиси, затем в Баку, а потом в Вильнюсе, не оставляет сомнений, что он полностью понимал происходящее”. Аргументация Буковского достаточно убедительна.

Существует ряд свидетельств, подтверждающих, что Горбачев знал о предстоящей силовой акции в Вильнюсе. Об этом писал Владимир Крючков в мемуарах “Личное дело. Три дня и вся жизнь”. Крючков утверждал, что 10 января 1991 г. Горбачев дал указание ему, Язову и Пуго применить силу и направить в Вильнюс небольшую группу спецназа, известного как группа “Альфа”.

Леонид Замятин, бывший заведомо ЦК КПСС утверждал, что после ночных событий в Вильнюсе Горбачев в присутствии помощников позвонил в Министерство обороны и спросил: “Что происходит в Вильнюсе, почему не докладываете?”. У собеседника на другом конце провода буквально отвисла челюсть: “Вчера же с Вами, Михаил Сергеевич, был на эту тему подробный разговор...”

14 мая 2011 г. К. Прунскене, участвовавшая в телепередаче, посвященной М. Горбачеву, в рамках проекта “НТВшники”, рассказала о последних минутах своего разговора с Горбачевым, состоявшегося в Кремле 8 января 1991 г. Уходя, Прунскене спросила Президента СССР, будет ли применено насилие в отношении Литвы? Горбачев предложил ей за ответом обратиться к министру обороны СССР Язову.

Известно, что когда лукавый руководитель не хочет давать ответ на неприятный вопрос, он переадресовывает его доверенному подчиненному. Ответ Горбачева Прунскене подтверждает, что 8 января Президент уже знал о намечаемой силовой акции в Вильнюсе, поэтому предпочел перевести стрелки на исполнителя его приказа Язова. Рассуждения в этом случае о том, что Горбачев был заложником военных, просто смешны. Вспомним, как лихо, вплоть до своей отставки в декабре 1991 г. Горбачев тасовал своё окружение, в том числе и военное.

Ну, а Язова наиболее ярко характеризует его восклицание во время ареста по делу ГКЧП: “Простите, меня, старого дурака!”. В этом весь маршал с его комплексом чиновничества. Он был верным исполнителем, на которого Горбачев в случае необходимости перекладывал ответственность.

О том, что намечаемая силовая акция в Вильнюсе была согласована с Горбачевым, могу засвидетельствовать и я. 9 января 1991 г. я должен был вылететь в Париж. Однако 8 января 1991 г. поздно вечером мне пришлось вернуться в Вильнюс. 10 января утром у меня в кабинете загудел телефон “ВЧ”. В трубке послышался голос секретаря ЦК КПСС Олега Шенина, который сказал: “Сейчас с вами будут разговаривать”.

С удивлением — почему надо было звонить через Шенина — я услышал в трубке голос Горбачева, который, не представляясь, поинтересовался, пойдут ли я на заседание Верховного Совета Литвы. Я ответил утвердительно. Тогда Горбачев сказал, что я должен озвучить на заседании ВС жесткую позицию руководства СССР относительно возобновления действия Конституции СССР на территории Литвы (он имел в виду свое заявление, направленное в ВС Литовской ССР). Заканчивая разговор, Горбачев добавил, что “мы пойдем в отношении Литвы на самые жесткие меры”.

Я подумал, что имеется в виду или арест сепаратистов, или ужесточение экономических мер, потому что бряцание оружием, как это было в Тбилиси

и Баку, дало только негативный эффект и укрепило позиции сепаратистов. Но произошло самое худшее.

Не вызывает сомнений, что Горбачев и Ландсбергис действовали, подыгрывая друг другу. В этой связи повторим заявление Витаутаса Петкявичюса о том, что «штурм башни и оборона всего остального были подготовлены с обеих сторон: М. Горбачевым и В. Ландсбергисом...» («Обзор» от 14 октября 2002 г.)

О полном бесстыдстве и отсутствии нормальной логики у Горбачева говорит следующий факт. Через два с половиной месяца после вильнюсских событий, 28 марта 1991 г. открывался III (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Ночью в канун открытия Съезда по указанию Президента СССР в Москву вновь были введены войска, взявшие в кольцо центр столицы. Но Горбачев, вновь без тени смущения, в четвертый раз публично заявил, что это сделано без его ведома.

Напомним также о лжи, которой Горбачев окружил события августа 1991 г. О неадекватности его мышления свидетельствует высказывание о том, что никто и никогда не узнает полной правды об августовских событиях. Подобная балансировка на грани правды и лжи уже свидетельствует о некоем психическом комплексе. К сожалению, такой человек 6 лет руководил великой страной! Повторение подобной ситуации может стоить для России будущего.

Завершение рассказа о предательской политике бывшего Генсека ЦК КПСС и Президента СССР следующими фактами. В 1990–91 гг. глава Департамента охраны края Литвы А. Буткявичус свободно ездил по воинским частям Советской Армии и уговаривал офицеров переходить на службу в литовскую армию. Командование воинских частей не возражало против этих визитов. На все вопросы следовал один ответ – «Москва дала такое указание».

Известен также факт продажи в декабре 1990 г. штабом Прибалтийского Военного округа Департаменту охраны края 215 единиц военной техники. Без команды из Москвы такая сделка была бы невозможна. После этого самое время поразмышлять о «самоотверженной» борьбе Ландсбергиса и «саюдистов» за независимость Литвы. На самом деле решающий вклад в обретение Литвой независимости внес Кремль. Подтверждение этому последовало в августе 1991 г., когда произошёл весьма странный так называемый «путч».

Кстати, спрогнозировать подобное развитие событий было достаточно просто. Оно было очевидно любому мыслящему человеку. Американский журналист Роберт Каллен после анализа вильнюсских событий января 1991 г. сделал вывод, что «это только трагическая репетиция будущих событий».

К аналогичному выводу пришёл и я. В этой связи расскажу об одном случае. В феврале 1991 г. на встрече с московскими чекистами на вопрос о том, чего следует ожидать в дальнейшем, я ответил: «В ближайшие полгода наиболее вероятно провокация, которая окончательно подорвет авторитет КГБ и Армии». Удивительно, но моя фраза имела последствия и для меня. На основании этого прогноза кое-кто из руководства КГБ после августовских событий записал меня в резиденты ЦРУ. Якобы только ЦРУ располагало информацией о готовящихся в августе 1991 г. событиях, хотя подобное развитие событий было более чем очевидно.

Московский путч положил конец правовому двоевластию в Литве, и Ландсбергис стал полновластным хозяином. 22 августа 1991 г. Верховный Совет Литвы стал штамповать драконовские законы в отношении Компартии Литвы/КПСС и других организаций, выступавших от имени союзных властей. Под ударом оказались люди, которые с 11 марта 1991 г. по 22 августа 1991 г. жили по советским законам.

Я как депутат Верховного Совета Литвы в тот период пользовался относительной свободой. Узнав, что в начале сентября 1991 г. в Москве должен состояться Чрезвычайный внеочередной съезд народных депутатов СССР, я решил обратиться с заявлением к этому съезду. Не буду рассказывать перипетии, которые пришлось пережить мне, пока я нашел двух народных депутатов, которые согласились передать мое заявление Горбачеву. Это были Попов Филипп Денисович, народный депутат СССР, и Казначеев Виктор Алексеевич, народный депутат РСФСР, в свое время работавший с Горбачевым в Ставропольском крайкоме партии.

Они сумели передать женщине, которая обеспечивала связь с президиумом Съезда, мое заявление. Они также наблюдали реакцию Горбачева на не-

го. Он, хмурясь, прочитал его и небрежно отбросил в сторону. В этой связи я позволю привести основные выдержки из этого письма. В нем не было ничего личного. Была лишь просьба защитить граждан СССР, бросаемых на произвол судьбы в независимой Литве.

“Чрезвычайному съезду народных депутатов СССР

22–24 августа 1991 года произошел фактический выход Литовской республики из состава СССР. На территории республики действуют только её законы. Вместе с тем в Литве проживают 630 тысяч человек, высказавшихся в марте сего года за Литву в составе СССР и считающих себя гражданами СССР.

Их позиция во многом была определена решениями III Съезда народных депутатов СССР, соответствующими Указами Президента СССР и постановлениями Совета Министров СССР. Сегодня в республике это объявлено незаконным. Жертвой решений литовских властей, прежде всего, стали коммунисты Литвы, которые главной целью ставили защиту прав человека.

... В настоящее время деятельность Компартии Литвы запрещена. Положение коммунистов республики сегодня усугубляется тем, что постановлением Верховного Совета Литвы от 22 августа 1991 года “О деятельности структур КПЛ (КПСС) в Литве” вся предыдущая деятельность КП Литвы объявлена преступной и незаконной.

В этой связи хочется задать вопрос народным депутатам и Президенту СССР, что они ответят жителям Литвы и бывшим коммунистам, деятельность которых основывалась на Конституции СССР, решении III Съезда народных депутатов СССР и Указах Президента СССР?

Кто гарантирует защиту прав граждан СССР в Литве? Кто ответит за жертвы войны законов СССР и Литовской республики?

28 августа 1991 г.

*Депутат Верховного Совета Литвы
В. ШВЕД”.*

Я не рассчитывал на какую-то особую реакцию Съезда. Достаточно было подтвердить, что граждане СССР и созданные ими организации, находившиеся в 1990–1991 гг. в Литве и руководствовавшиеся законами СССР, не подлежат уголовному преследованию за свою позицию. Но Горбачев так и не поставил этого вопроса на обсуждение Съезда. Хотя по всем юридическим канонам, накануне принятия решения о признании независимости Литвы, следовало бы вернуться к решениям III Съезда НД СССР. С учетом вышесказанного, какие-либо дискуссии в отношении того, каким политиком и человеком был Горбачев, для меня выглядят просто смешными. Не вызывает сомнений, что Иуда и подлец – это самые мягкие эпитеты, которых заслуживает бывший президент СССР. Но история ещё даст ему оценку.

Вышеприведенное заявление так и кануло бы в архивах Съезда. Но, к счастью, оно попало на стенд, предназначенный для ознакомления народных депутатов. В итоге его заметил бывший корреспондент газеты “Правда”, в советские времена архистойкий коммунист, а в сентябре 1991 г. уже ярый сторонник независимости Литвы Д. Шнюкас. Моё заявление в адрес Съезда он расценил как очередную попытку воспрепятствовать процессу обретения Литвой независимости. Шнюкас послал в литовские СМИ злобную статью о Шведе под названием “Кто вставляет палки в колесо литовской независимости?”.

Так факт моего обращения к Съезду был публично подтвержден. Но не более. Горбачев в сентябре 1991 г. без малейшего колебания “сдал” 630 тысяч граждан СССР в Литве, поверивших его заявлениям. 6 сентября 1991 г. некий сомнительный орган под названием Государственный Совет СССР без всяких оговорок и условий принял решение о выходе Литвы из СССР.

“Саюдис” — дитя Кремля и КГБ

Настало время поговорить о “Саюдисе”, оседлав который, Ландсбергис вошел в историю Литвы как “отец независимости”.

Весной 1988 г. Горбачеву стало ясно, что его перестройка встречает всё большее противодействие. Виновником этого Генсек считал партийный аппа-

рат, хотя к этому времени он его сумел дважды сменить. Главный идеолог перестройки секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев, понимая, что сменой кадров проблему не решить, предложил создать подконтрольные общественные организации, которые могли бы стать политическим противовесом КПСС. То есть в какой-то мере повторить опыт царского жандарма полковника Зубатова, создававшего в России начала XX века подконтрольные рабочие кружки и профсоюзы.

Идея Яковлева сама по себе заслуживала внимания. Не секрет, что многие региональные партийные лидеры “забронзовели” и считали подведомственные регионы своими вотчинами. Во время поездок в 1990 г. по Украине и России я это хорошо почувствовал. Но исполнять ее надо было совершенно по-другому.

В этой связи следует рассказать об одном разговоре, невольным свидетелем которого я стал осенью 1990 г. в пустом буфете ЦК на Старой площади (основное здание ЦК КПСС). Двое сидели за столиком и, сдвинув головы, о чем-то спорили. Я присел незамеченным за соседний столик и случайно услышал несколько фраз. Спор шел о том, как затею с общественными движениями в национальных республиках вернуть под контроль ЦК. Один считал, что следует жестко применять законы, другой настаивал на диалоге с национальными лидерами. Одного из персонажей спора они называли “колченогим”, другого “он”. Тут они заметили меня и, допив кофе, удалились. Поразмыслив, я понял, что собеседники имели в виду Яковлева и Горбачева и неудачную реализацию идеи с подконтрольными общественными движениями в национальных республиках.

Судя по примеру Литвы, дело по созданию движений и фронтов в поддержку перестройки поручили КГБ СССР. Не случайно по всей стране в течение весны и лета 1988 г., как по мановению палочки, стали создаваться общественные организации в поддержку перестройки. Однако этот процесс вскоре вышел из-под контроля КГБ и приобрел неуправляемый стихийный характер. Поэтому утверждать, что в тот период все организации создавались с подачи КГБ, весьма опрометчиво.

Что же касается Литвы, то к созданию “Саюдиса” литовский КГБ несомненно приложил руку. Об этом говорил партийный актив республики. Ну а Витаутас Петкявичюс в книге “Корабль дураков” впервые публично раскрыл некоторые аспекты этой операции. Но прежде чем говорить о роли КГБ в организации Движения за перестройку, следует напомнить историю литовских “Саюдисов” (в переводе – Движение, а точнее всенародное движение).

Литовский историк А. Шапока в труде “История Литвы” уделил много внимания вопросам народнических движений-саюдисов в истории литовского государства (с. 495). Начало первого народного саюдиса Шапока отнес к началу XIX века. Этому он посвятил специальную главу “Народнический саюдис жемайтского дворянства в начале XIX века” (стр. 455). Идеальным руководителем жемайтского саюдиса был литовский епископ Юозас Гедрайтис. В условиях продолжающегося ополячивания и начавшейся русификации Литвы этот саюдис главной задачей ставил возрождение и сохранение литовского языка, литовской культуры и истории. Но он имел локальное значение, так как Жемайтия была лишь частью Литвы.

Подлинный общенациональный размах в Литве саюдис, как инструмент и проявление национального возрождения, приобрел в середине XIX века. На первом этапе его идейными вдохновителями, как правило, были литовские деятели католической церкви. Впоследствии в это движение активно включились представители литовского дворянства и нарождающейся интеллигенции. В 1863 г. первый “Саюдис” стал идейным глашатаем польско-литовского восстания. Его история закончилась вместе с поражением этого восстания.

Второй “Саюдис” (моя периодизация “Саюдисов” весьма условна) охватил период конца XIX и начала XX века. Это было время интенсивной русификации Литвы, проводимой царским правительством после восстания 1863 г. В этот период лидеры “Саюдиса”, побаиваясь царских репрессий, выступали вроде бы против ополячивания Литвы, но на деле против русификации. Второй “Саюдис” завершился 16 февраля 1918 г. заявлением о независимости Литвы и провозглашением в мае 1920 г. первой Литовской республики.

Третий “Саюдис” возник в 1940 году, после вхождения Литвы в состав Советского Союза. В августе 1941 г. его упомянул в своей речи Леонас Прапуленис (Prapuolenis), уполномоченный “Фронта литовских активистов” во время встречи с нацистским генеральным комиссаром Литвы фон Рентельном. “Саюдис” прозвучал в речи Прапулениса, дабы подчеркнуть исторические корни “Фронта литовских активистов” и показать его всенародную поддержку в Литве.

Об этом Фронте (в дальнейшем будем употреблять литовское сокращение LAF), явившемся организационной основой и движущей силой третьего “Саюдиса”, следует рассказать несколько подробнее. Он был создан в Берлине в июле 1940 г. Возглавил его бывший литовский посол в Берлине полковник Казис Шкирпа, сотрудничавший с Абвером.

Германское нацистское правительство через Абвер щедро финансировало LAF и обеспечивало его материальное снабжение. Активисты LAF, по советничеству агенты Абвера, с конца 1940 г. активно засылались в Литву. С собой они везли инструкции по созданию подпольных организаций LAF и указаний, как им следует действовать.

Эмиссары LAF, нелегально прибывшие в Литву в 1940–1941 гг., говорили о скором нападении Германии на СССР и о том, что тогда “литовцы должны поднять восстание в тылу Красной Армии и развернуть большую диверсионно-подрывную работу по взрыву мостов, разрушению железнодорожных магистралей, нарушению коммуникаций”. Эта цитата взята из сообщения бывшего капитана литовской армии Михелькявичюса на подпольном собрании, состоявшемся 20 декабря 1940 г. в местечке Якубово Кретингского уезда.

19 марта 1941 г. на территории Литвы была перехвачена листовка Литовского информационного бюро в Берлине, в которой говорилось: “Час освобождения Литвы уже близок. Когда начнется поход с Запада, Вы в этот же момент будете информированы... В это время в городах, местечках и деревнях поработенной Литвы должны возникнуть местные восстания, точнее говоря, взятие власти в свои руки. Сразу надо арестовать местных коммунистов и других предателей Литвы, чтобы они не избежали расплаты за свои действия (предатели будут только тогда помилованы, когда они сумеют доказать, что они ликвидировали хотя бы по одному еврею).

Там, где вы еще не подготовлены, организуйтесь маленькими тайными группами. Когда начнутся военные действия, в тыл будут выброшены парашютисты. Немедленно установите с ними связь и помогайте им... Уже сейчас “информируйте” евреев, что их судьба ясна, поэтому пусть сегодня же убираются из Литвы. В решительный момент берите их имущество в свои руки, чтобы ничего не пропало”.

О том, что нацисты придавали особое значение националистическому подполью в Литве, свидетельствует следующий факт. Первый сигнал о готовности к вторжению Германии на территорию СССР “лафовцы” в Литве получили в мае 1941 г. Известно, что Гитлер первоначально планировал нанести удар по СССР 15 мая. Но упорное сопротивление югославов вторжению вермахта отодвинуло этот срок на июнь.

Однако информация о готовящемся нападении Германии на СССР уже была передана в Литву. Подпольные ячейки LAF проявили активность, и часть из них были раскрыты НКВД. Это во многом обусловило депортацию враждебных элементов из Литовской ССР 14 июня 1941 г. в районы Сибири. Однако основная часть агентуры Абвера и LAF уцелела. Они дождались указаний из Берлина организовать вооруженное выступление утром 22 июня 1941 г.

Бывший сотрудник органов госбезопасности Литовской ССР Нахман Душанский в своей биографии указал, что буквально накануне нападения Германии на СССР ему довелось переводить текст листовки с грифом “Вскрыть только 22/06/1941”, изъятый у задержанного агента LAF (<http://www.lka.lt/EasyAdmin/sys/files/Snieckus02.pdf>). Указание в листовке сверхсекретной даты нападения на СССР подтверждает, что в планах гитлеровцев по разгрому СССР агенты-активисты LAF занимали далеко не последнее место.

Эти агенты тесно сотрудничали с немецкой “пятой колонной”, пустившей в сметоновский период глубокие корни в Литве. Достаточно сказать, что накануне вхождения Литвы в СССР там имелось около 300 немецких предприятий, 800 торговых точек и множество культурных учреждений. Фактически это были опорные пункты Абвера, которые позволяли тому обеспечивать надежное прикрытие большого числа как своих, так и агентов LAF.

В июне 1941 г. агенты LAF и диверсионные группы Абвера явились основной силой, обеспечившей захват власти в Литве. Так, в Каунасе действовали четыре крупные «партизанские группы», с которыми немцы поддерживали тесную связь. 23 июня в 11.30 «партизаны» вместе с агентами 2-го отдела Абвера (<http://berkovich-zametki.com/2006/Zametki/Nomer2/Haesh1.htm>) захватили каунасскую радиостанцию (23 июня отмечается в современной Литве как дата начала июньского восстания). В эфир было послано сообщение, что Советская власть в республике свергнута и создано новое правительство во главе с бывшим послом в Берлине полковником Казисом Шкирпой.

От имени «Фронта литовских активистов» по радио выступил один из его лидеров, уже упомянутый Леонас Прапуленис. Он выразил благодарность Гитлеру «за освобождение Литвы» и объявил состав «Временного правительства Литвы». Кабинет министров возглавил К. Шкирпа, провозглашенный премьер-министром. Министром обороны был назначен бывший генерал литовской армии Стасис Раштикис (оба в тот момент находились в Германии, куда эмигрировали в 1940 году). Так как Шкирпа находился в Берлине, исполняющим обязанности премьер-министра стал профессор вильнюсского университета Юозас Амбразявичюс, а министром коммунального хозяйства – Витаутас Ландсбергис-Жемкальнис*.

Л. Прапуленис, ставший вместо К. Шкирпы главой LAF, несмотря на верноподданнические заявления фюреру, оказался в концентрационном лагере Дахау. В конечном итоге такая судьба ожидала всю национальную элиту Литвы, которая надеялась на какую-то самостоятельность Литвы под протекторатом германского Рейха.

Это сообщение активизировало подпольные группы LAF, которые сразу же приступили к арестам и ликвидации советских активистов, а также граждан еврейской национальности. Известно, что буквально в первые дни войны «повстанцы» жесточайшим образом уничтожили 5 тысяч членов советского и партийного актива, а также членов их семей. Сюда не входит значительное число буквально растерзанных евреев. В последнее время тема событий июня 1941 г. в Литве стала весьма популярной, поэтому вернемся к ней.

В июне этого года Литва широко отметила 70-ю годовщину Июньского восстания 1941 г. против Красной Армии и Советов. В торжествах по этому поводу принял участие весь политический истеблишмент республики во главе президентом и спикером Сейма. Однако организаторы торжеств предпочли умолчать, что так называемое всенародное восстание в июне 1941 г. было инспирировано спецслужбами нацистской Германии.

Известно, что после нападения Германии на СССР в июне 1941 г. и вторжения гитлеровских войск на территорию Литвы литовские «повстанцы» (тогда они называли себя партизанами) действовали не столько в интересах Литвы, сколько в интересах гитлеровского Рейха и вермахта. Об этом прямо говорилось в ранее упомянутой речи уполномоченного «Фронта литовских активистов» в Берлине Леонаса Прапулениса.

Прапуленис заявил, что LAF «сделал всё, что мог, чтобы облегчить поход закаленного в боях и самоотверженного немецкого солдата через наш край», и кровь погибших литовских партизан «смешалась с кровью немецкого солдата-освободителя, сберегая её для его великой родины» (Германии. – **В. Ш.**).

Прапуленис особо подчеркнул, что LAF во времена большевистской оккупации «важнейшей задачей считал организацию нации по примеру национал-социалистической Германии», дабы стать «достойным членом Новой Европы, создаваемой фюрером». К этому уполномоченный LAF добавил, что истоки этого стремления кроются в декабрьском (1926 г.) перевороте, который установил в Литве авторитарный режим (режим А. Сметоны. – **В. Ш.**). Прапуленис высказал сожаление, что этот «правильный и своевременный поворот» не обеспечил Литве тех грандиозных результатов, которых достигла национал-социалистическая Германия. (Источник. "Išlaisvintas panevėžietis"/Liberated Panevėžys resident/, August 16, 1941 /№ 8).

* Примечание. 5 августа 1941 г. нацисты разогнали Временное правительство Литвы. Также была прекращена деятельность «Фронта литовских активистов». Надобность в них миновала. Литва была включена немцами в Остланд и названа генеральной областью Рейха, разделенной на четыре округа – Вильнюсский, Каунасский, Шауляйский и Паневежский. Во главе каждого из них был поставлен немецкий окружной комиссар. Генеральным комиссаром Литвы был назначен А. фон Рентельн.

Речь Прапулениса свидетельствует о духовной и идейной близости литовских националистов и немецких национал-социалистов. Она подтверждает, что режим Сметоны по своей сути являлся разновидностью не полностью реализованного фашизма. В этой связи следует предложить литовским политикам и историкам и, прежде всего, депутату Сейма Литвы Алякнайте-Абрамикене, автору печально известной резолюции Парламентской Ассамблеи ОБСЕ 2009 года, отождествившей нацистский и коммунистический режимы, внимательно изучать высказывания своих политических предшественников. В них недвусмысленно говорится, кто на самом деле являлся близнецом и собратом гитлеровского нацизма.

Не следует также представлять литовских “партизан-патриотов” образца 1941 г., поборниками демократии и борцами за независимость Литвы. Они, участвуя в изгнании “советских оккупантов”, усердно расчищали дорогу нацистским оккупантам. Заявления этих патриотов о том, что ими двигала надежда получения из рук фюрера Германии независимости, просто смешны. Гитлер к этому времени уничтожил независимость большинства европейских государств, более могущественных, нежели Литва, часть которых вошла в германский Рейх, а часть стала его бесправными вассалами. Почему же Литва должна была избежать этой участи?

Всё это в Литве замалчивается. Тем не менее, накануне торжеств по поводу 70-й годовщины Июньского восстания, лидер Социалистического народного фронта Литвы Альгирдас Палецкис заявил, что “восстание было не естественным проявлением патриотизма, а хорошо спланированной диверсией, во главе которой стояли спецслужбы германского генерального штаба”.

На торжествах по случаю июньского восстания так и не прозвучала информация о сколько-нибудь значимых сражениях литовских “повстанцев-партизан” с Красной Армией. Собственно, их и не было. “Партизаны” предпочитали стрелять в спину отступающим дезорганизованным подразделениям и одиночным бойцам Красной Армии. Зато они отличились в расправах над безоружным мирным населением.

Лариса Страдалова, дочь лейтенанта-пограничника Красной Армии, в 2008 г. рассказала корреспонденту газеты “Литовский Курьер” о том, какую картину они с матерью увидели в Каунасе в июне 1941 г. “Когда вместе с другими беженцами мы с матерью пришли в еще не занятый немцами Каунас, в городке, где жили семьи комсостава Красной Армии, увидели жутчайшую картину: всюду валялись истерзанные, замученные тела женщин и детей. Это были члены семей военнослужащих, над которыми кровавую расправу вершили “белоповязочки” из числа восставших” (<http://www.kurier.lt/?r=11&a=6634>). И это далеко не единичный факт. Жестокость литовских националистов, выступавших под знаменем национального “Саюдиса”, просто поражает.

В этой связи следует вспомнить и расправы “белоповязочников” с еврейским населением. Вот как описал один из немцев первое массовое убийство евреев, произошедшее 27 июня 1941 г. во дворе гаража каунасского товарищества “Lietuvos ūkis” (“Литовское хозяйство”), сокращенно “Lietūkis”. Это свидетельство 21 мая 2009 г. обнародовал немецкий журнал “Der Spiegel” в статье “Гитлеровские пособники Холокоста в Европе”.

Немецкий полковник рассказал, что, проходя 27 июня 1941 г. в Каунасе мимо гаража “Lietūkis”, он услышал крики “браво”, аплодисменты, увидел, как матери поднимали детей повыше, чтобы те могли получше рассмотреть происходящее. Офицер подошел ближе и позже записал увиденное. “В забетонированном дворе светловолосый мужчина, лет примерно 25, среднего роста, отдыхал, опершись на деревянный кол толщиной в руку, который доходил ему до груди. У его ног лежало 15 – 20 человек, мертвых или умирающих. Вода из шланга смывала кровь в канализацию”.

И дальше: “Всего в нескольких шагах от этого мужчины под охраной нескольких гражданских стояли около 20 человек – молча покорно ожидали жуткой экзекуции. По короткому жесту руки один из них безмолвно сделал шаг и (...) был убит деревянным колом, и каждый удар зрители сопровождали радостными возгласами”. По свидетельству полковника, когда все были убиты и лежали на земле, убийца влез на гору трупов и заиграл на аккордеоне. Зрители запели национальный гимн, словно эта кровавая оргия была национальной церемонией (<http://www.litjews.org/Default.aspx?Element=ViewArticle&ArticleID=1849&TopicID=64&Lang=RU>).

Литовский историк Арвидас Анушаускас, бывший заместитель генерального директора Центра изучения геноцида и резистенции жителей Литвы, ныне депутат Сейма и председатель комиссии Сейма по безопасности и обороне, назвал статью в журнале “Der Spiegel” клеветнической. Аргументировал он это тем, что немецкий офицер литовского языка не знал и понять, что исполняется “Национальная песня” Кудирки, или какая-то другая песня, не мог. А. Анушаускас утверждает, что выявил свидетельства о том, что в гараже исполнялись русские “частушки”!

Весьма странно, что в тот период, когда в Литве всё “русское” и “еврейское” отождествлялось с советским НКВД, литовские националисты вдруг стали бы петь русские “частушки”. А почему тогда не предположить, что в гараже звучала еврейская тема из оперы Верди “Набукко”? Видимо, очень хотелось “уважаемому” Анушаускасу найти “русский след” в этой истории. Вот уж русофобия без края. Но самого факта зверской расправы в гараже “Lietūkis” он не отрицает.

Анушаускас уточнил, что светловолосый убийца был литовцем и родился в Литве, в городе Кибартай. Но в его роду были немецкие корни и он был агентом гестапо. Видимо, немало времени потребовалось литовскому историку, чтобы проследить родословную убийцы для выявления такого “важного” факта. Однако на вопрос, каким образом происхождение объясняет факт варварского убийства мирных, беззащитных людей, Анушаускас так и не ответил. Вероятно, по мнению литовского политика-историка, именно примесь немецкой крови обусловила ту невероятную жестокость, с которой были убиты люди в гараже “Lietūkis”. А как же тогда понимать одобрительную реакцию толпы, собравшейся поглазеть на убийство? Ведь она, несомненно, состояла из литовцев.

Или как оценить следующий факт, описанный в книге бывшего узника каунасского гетто, известного еврейского писателя Иосифа Гара “Гибель евреев Каунаса”. Вот цитата из этой книги: “...На городском стадионе, недалеко от VII форта (Каунас окружен кольцом фортов, построенных по указанию царского правительства накануне Первой мировой войны. – **В. Ш.**) были организованы соревнования по баскетболу между командой немецкого вермахта и прославленной сборной командой Литвы. Выиграла сборная Литвы. За это все члены команды были “премированы”. Каждому спортсмену было дано право... расстрелять по несколько десятков евреев, собранных тогда на VII форте. Чемпионы от предоставленной им “чести” не отказались!!!”

Разумеется, среди литовцев было немало тех, кто, рискуя жизнью, спасал евреев и раненых советских солдат. За 45 лет, которые я прожил в Литве, мне в основном встречались доброжелательные литовцы, даже в Каунасе, где я четыре года проучился в политехническом институте. Многим из них я искренне благодарен за участие, которое они приняли в моей судьбе.

В то же время вызывает тревогу, что в современной Литве факты жесточайших и немотивированных расправ над мирными людьми в июне 1941 г. или замалчиваются, или задвигаются на второй план. Учитывая, что националистические настроения в Литве, как отмечалось в первой части, вновь начинают возрождаться и приобретать общественное звучание, это недопустимо.

Литовцы должны знать, что благие намерения, провозглашаемые от имени “Саюдисов”, во многих случаях служили прикрытием для преступных деяний националистов. Если об этом молчать, то рано или поздно история может повториться.

Четвертый “Саюдис” возник после освобождения Литвы от фашистов. Он вновь ратовал за независимую демократическую Литву, толерантность в обществе и т. д. Но на самом деле он также был использован в качестве прикрытия гнусных преступлений против человечности. Это не случайно. Первыми “активистами” движения (а точнее вооруженного сопротивления) за независимую послевоенную Литву стали в основном лица, виновные в массовых расправах над евреями, так называемые “žydšaudžiai” (дословно “расстрельщики евреев”). Недавно в Литве была обнародована цифра: оказывается, треть так называемых партизанских командиров участвовала в расстрелах евреев (см. “Литовский курьер”. 02.12.2010. “Оборотная сторона полуночи”).

Для “расстрельщиков евреев” не было пути ни на Запад, к американцам, ни на Восток, к советским. В силу этого они пошли на сотрудничество с нацистами. Известно, что немцы из этих убийц готовили первых литовских “пар-

тизан”, вооружали и забрасывали их на территорию Литвы. Таким образом, в августе 1944 г. были переброшены 25 подготовленных нацистами агентов, которые должны были создать сеть партизанских отрядов. Всего в 1944 г. было внедрено 60 подготовленных абвером и гестапо агентов. Нацисты щедро снабдили их вооружением. Только в том же 1944 г. литовские националисты получили от них 2400 пулеметов, 14 тысяч автоматов, 20 тысяч винтовок, 15 тысяч пистолетов, 3 миллиона патронов и т. д.

Вместе с тем следует признать, что впоследствии ряды “лесных братьев” пополнила литовская молодежь, не принявшая советскую власть и с оружием в руках пытавшаяся восстановить независимость Литвы. Надо честно признать: в послевоенной Литве ускоренная “советизация” не всем пришлась по душе. Особенно если учесть, что она нередко проводилась без учета особенностей национального менталитета и исторических особенностей становления литовского хозяйствующего субъекта.

Вооруженное сопротивление советской власти в послевоенные годы приняло довольно широкие масштабы. В партизанской военной хронике, составленной Альгисом Рупайнисом (Algis Rupainis) утверждается, что весной 1945 г. в Литве действовало около 30 тысяч партизан.

В феврале 1949 г. в лесах между Байсёгалой и Радвилишкес состоялся так называемый съезд партизан Литвы. 10 февраля на этом съезде было принято решение о создании Движения борьбы за свободу Литвы (Lietuvos laisvės kovos sąjūdis). Был избран совет этого Движения, объединивший окружных командиров нелегальных военных общественных группировок (“лесных братьев”). Председателем Президиума этого совета был избран Йонас Жемайтис, бывший офицер литовской армии. 16 февраля 1949 г. совет Движения борьбы за свободу Литвы принял Декларацию о принципах будущего устройства Литовского государства (“Lietuvos Laisvės Kovos Sąjūdžio Taryba deklaracija”).

Провозглашаемые в этой декларации принципы в основном были действительно демократичными. Но методы, которыми пытались добиться своей цели “лесные братья”, не имели ничего общего с этими принципами. Деятельность лесного “Саюдиса” закончилась в 1953 г. вместе с разгромом националистического подполья.

Тем не менее, об этом периоде литовской истории следует рассказать несколько подробнее. Многие, видимо, видели фильм литовского режиссера Жалакявичюса “Никто не хотел умирать”, который показал накал политического противостояния в послевоенной Литве. Я добавлю лишь три эпизода, характеризующих это противостояние.

В 1949 г. маленький литовский городок Утену, где проживала наша семья, потрясла страшная весть. Ученик одиннадцатого класса литовской гимназии Антанас Крауялис (Antanas Kraujelis) перед тем, как уйти в лес, в банду националистов, совершил три политических убийства. Он смертельно ранил директора гимназии, в которой учился. Кстати, директор преподавал литовский язык и историю. Потом Крауялис постучал в окна домов, где жили завпарткабинетом (завбиблиотекой) и завсберкассой, и расстрелял их в упор.

В лесу Крауялис взял себе псевдонимы “Pabaisa” и “Siaubūnas” (примерно “Страх” и “Ужас”). Скрывался он вплоть до марта 1965 г., пока не застрелился, будучи раненным сотрудниками милиции и КГБ. Все эти годы он промышлял грабежами сельских магазинов и отсиживался на хуторах. Назвать его борцом за свободу Литвы язык не поворачивается. Убить двух беззащитных женщин и учителя, учившего его родному языку, — это просто бандитизм.

Но были и другие примеры. Примерно в 1950 году в лесах под Утеной была захвачена раненая девушка, так называемая партизанка. Она ушла в лес из гимназии. В больнице девушка наотрез отказалась принимать пищу и предпочла умереть. Мать рассказывала о ней со слезами на глазах: “Молодая, ей бы жить, да жить, а она выбрала смерти!”

И еще один факт. Где-то в начале 1950-х годов осенью пропал истопник райкома партии, литовец, поехавший в лес за дровами. Нашли его только весной, замученного, всего обмотанного колючей проволокой. У него остались две дочери. Они жили недалеко от нас. Я до сих пор помню печальные глаза этих девочек. Они лишились кормильца. Заслужил ли такую страшную смерть их отец только потому, что был истопником у коммунистов? В Утене тогда была страшная безработица, и каждая семья выживала, как могла. Устроиться на любую работу было счастьем.

Надо признать, что “лесные братья”, орудовавшие в лесах, вели борьбу не столько против советских военных “оккупантов”, сколько против собственного народа. Тех, кто выбирал советскую власть, они уничтожали семьями, причем с нечеловеческой жестокостью (не только расстреливали, но убивали топорами, пилами, удавками, сжигали заживо). В итоге за 1944–1953 гг. от рук литовских националистов, прикрывавшихся благородными принципами “Саюдиса”, погибло свыше 25 тысяч человек. Среди убитых – 990 детей в возрасте до 16 лет и 62 – до 2 лет. Они-то чем провинились перед так называемыми “патриотами” Литвы? Неужели во имя независимости необходимо было истреблять и грудных детей?

К 1988 г. послевоенное противостояние и его жертвы в Литве уже подзабылись. Название “Саюдис”, которое взяла себе новая общественная организация, возникшая в июне 1988 г., не вызвала никаких негативных ассоциаций. В истории Литвы это был пятый “Саюдис”, так называемое “Движение за перестройку”, за Горбачева. Кремлевские политологи в те годы, как, впрочем, и сейчас, особо не утруждали себя поисками исторических аналогий и значение “Саюдиса” воспринимали лишь в буквальном смысле – Движение. К сожалению, в далёком 1988 г. я и мои товарищи по партии также не располагали надлежащей информацией о сложной и противоречивой истории литовских “Саюдисов”.

Особо следует поговорить о пятом “Саюдисе”, внезапно возникшем 3 июня 1988 г. в зале Академии наук Литовской ССР. Накануне XIX Всесоюзной партийной конференции здесь таинственным образом вдруг собралось несколько сотен человек, основную часть которых составляла литовская интеллектуальная элита. Одним из формальных поводов послужила излишняя регламентация со стороны ЦК КПСС при избрании в республике делегатов на партконференцию.

Но в зал Академии наук люди пришли не только по этому поводу. В Литве многих волновало то, что на фоне провозглашаемых Горбачевым грандиозных планов реальная социально-экономическая ситуация только ухудшается. Помимо этого, некоторые пришли заранее кем-то проинструктированные, с предложениями, записанными на бумажках. Итогом этого собрания стало создание инициативной группы “Саюдиса” из 35 человек. Половина из них были коммунисты.

Сегодня существуют неопровержимые свидетельства того, что Литовское движение за перестройку – “Саюдис” было создано по указанию Москвы. Непосредственной организацией “Саюдиса” в Литве занимался КГБ Литовской ССР, который, как утверждают, скрупулезно руководствовался некой инструкцией, присланной из Центра. В Литве ее называли “черным сценарием”.

Основную идею этого сценария раскрыл в своей книге “Корабль дураков” В. Петкявичюс. Она состояла в том, что “органы безопасности обязаны через своих людей влиять на все появляющиеся движения и постепенно перенимать инициативу. Допустимы всевозможные словесные, лозунговые отклонения, даже перегибы, но непосредственные действия должны согласовываться...”

Конечным результатом деятельности “Саюдиса” должны были стать “нестабильность, хаос, охота на ведьм, которые отпугнут большинство народа. Вперед выступит агрессивное меньшинство, разговор с которым всегда более краток и перспективен”. В этом плане “черный сценарий” в некотором смысле перекликается с так называемым секретным планом перестройки под названием “Голгофа”. После появления в 1995 г. в газете “Совершенно секретно” публикации бывшего сотрудника КГБ СССР Михаила Любимова под названием “Операция “Голгофа”, она стала широко известна в России.

Суть этой операции заключалась в том, чтобы провести Россию через “дикий капитализм”, и, используя негодование народных масс, вернуть страну на коммунистический путь. Видимо, Литву также хотели провести через “дикий” национализм и сепаратизм, дабы литовское общество получило хорошую прививку от этих явлений. Но на деле получилось наоборот.

Что же касается достоверности “черного сценария”, то я лично видел его в руках у известного литовского писателя и общественного деятеля Витаутаса Петкявичюса. Это произошло летом 1993 г. когда я приезжал в Вильнюс свидетелем по делу о так называемом захвате издательского предприятия “Spauda”.

По приезду в Вильнюс я решил позвонить Петкявичюсу, с которым в советский период изредка общался на мероприятиях. Мы не были с ним друзьями, но после нескольких выступлений в 1988–1989 гг. на пленумах ЦК Компартии Литвы, в которых я позволил себе покритиковать Москву и ЦК КПСС, он обратил на меня внимание. В дальнейшем при встречах мы стали обмениваться мнениями о происходящем в республике и Союзе.

В 1993 г. Петкявичюс пригласил меня в гости. Проговорили мы почти всю ночь. Тогда я располагал лишь обрывочными сведениями о том, как создавался “Саюдис” и каким образом Ландсбергис прорвался к власти. После рассказа Петкявичюса я вспомнил разговор, услышанный в буфете ЦК КПСС. Детали, которые рассказал мне Петкявичюс, четко дополнили имеющуюся у меня информацию. Поэтому не поверить ему я не мог. Более того, я не имел возможности убедиться, что Петкявичюс никогда не говорил того, в чем не был уверен. Напомним, что в 1993 г. он уже являлся председателем Комитета национальной безопасности литовского Сейма, то есть весьма информированным человеком.

В ходе разговора возник спорный вопрос, и Петкявичюс стал искать то ли фотографию, то ли документ, который бы подтвердил его слова. Тогда, между прочим, он и показал мне скрепленные бумаги и сказал, что, есть “черный сценарий”. Писатель рассказал, что получил его за небольшую плату от бывшего полковника КГБ Литовской ССР.

Петкявичюса в разговоре интересовали подробности о том, что происходило в 1990–1991 гг. в ЦК КП Литвы/КПСС и в ЦК КПСС. Видимо, это ему было необходимо для очередной книги. Таких встреч, как со мной, у Петкявичюса, несомненно, была не одна. Все факты, которые он использовал в своих произведениях, писатель тщательно проверял, рассматривая их через призму свидетельств нескольких очевидцев. Одним словом, поговорили мы в ту ночь по душам, выпили несметное количество чашек кофе и кое-чего еще. Утром писатель на своих стареньких “Жигулях” отвез меня к зданию суда. Больше я его, к сожалению, не видел.

Но вернемся к истории создания “Саюдиса”. Дополнительные сведения по этому поводу обнаружил в своих воспоминаниях Валентин Лазутка, во времена перестройки директор Института философии и одновременно секретарь парткома Академии наук Литовской ССР. В силу своего партийного положения весной 1988 г. Лазутка оказался непосредственным участником событий, предшествующих созданию “Саюдиса”.

Лазутка вспоминает, что весной 1988 г. весьма активизировалась деятельность сотрудников КГБ, курирующих Академию наук. В ЦК Компартии Литвы работу по созданию движения “Саюдис” возглавлял секретарь ЦК Лёнгинас Шепетис, с которым Лазутке по долгу службы приходилось неоднократно контактировать. Однажды Лазутка стал свидетелем телефонного разговора Шепетиса с помощником Александра Яковлева по поводу необходимости создания движения за перестройку в Литве.

За несколько часов до начала учредительного собрания по созданию инициативной группы “Саюдиса”, во Дворце ученых в Веркяй состоялась узкое полусекретное совещание, посвященное этому событию. На нем присутствовал Шепетис и сотрудник Отдела науки ЦК КПСС. На учредительном собрании “Саюдиса” в зале Академии наук Литовской ССР московский гость не появился. Однако у Лазутки сложилось мнение, что партийные органы в вопросах создания “Саюдиса” играли второстепенную роль. Главной “скрипкой” был КГБ.

Окончательно роль КГБ в создании “Саюдиса” Лазутка уяснил, когда он как первый секретарь Вильнюсского ГК КПЛ/КПСС в октябре 1990 г. встретился с вновь назначенным председателем КГБ Литовской ССР Ромуальдасом Марцинкусом, направленным в Литву из Москвы.

В ходе доверительного и откровенного разговора Марцинкус заявил Лазутке: “КГБ Литовской ССР действует не самостоятельно и не по своей инициативе, а он осуществляет указания руководителей КГБ СССР и ему дано прямое указание быть в подчинении у Ландсбергиса, выполнять его указания и не иметь никаких связей с остатками организаций Советской власти. Что касается нашей партии, то ему велено не снабжать нас никакой информацией и не получать таковой от нас”.

В заключение беседы Марцинкус добавил: “Я выполняю приказ из Москвы, лично Крючкова, и не больше”. (См. V. Lazutka. "Kaip buvo kuriamas

"Sajūdis". "Karštas komentaras". № 13, 2007 и V. Lazutka. "Sausio 13-ojo zvilgsnis kitu kampu". "Karštas komentaras" № 1, 2008).

Между тем известно, что бывший Председатель КГБ СССР Владимир Александрович Крючков до конца жизни остался на советских позициях. Тем не менее, некоторые его поступки в период перестройки не поддаются логическому объяснению. Прежде всего, непонятно поведение Крючкова в ситуации, когда в 1990 г. КГБ получил сведения о том, что Яковлев "занимал выгодные для Запада позиции, и Запад мог на него твердо рассчитывать в любой ситуации".

Доложив об этом Горбачеву, Крючков согласился с явно абсурдным предложением Генсека побеседовать на эту тему с Яковлевым. Когда же беседа закончилась ничем, Крючков вновь согласился со странной реакцией, а точнее отсутствием реакции Горбачева на сообщение о том, что разговор результатов не дал.

Спустя некоторое время Крючков вновь доложил Горбачеву о том, что по линии разведки и контрразведки поступили материалы, свидетельствующие, что во время переговоров в Рейкьявике и на Мальте Генсек говорил о смене политического строя в СССР, о коренном пересмотре отношений между западными странами и СССР, а также дал согласие на сдачу ГДР (См. "Десять лет, которые потрясли...". М.: Вагриус, 2002. С. 37).

Горбачев ограничился вопросом: "А где вы это достали?" Крючков сослался на свои источники. Президент буркнул: "Ну, мало ли что там пишут...". И вновь Крючков, как глава органов безопасности не сделал должных выводов. Интересно, как поступил бы в подобной ситуации директор ФБР США? Ведь если бы Крючков в 1990 г. или в 1991 г. публично озвучил лишь некоторые факты предательской политики Генсека и Президента, то, возможно, история нашей Родины развивалась бы по-другому. И Горбачев доживал бы жизнь в тюремной камере.

В этой связи несколько слов о публичных выступлениях Крючкова. Он выступал на XXVIII съезда КПСС (июль 1990 г.), когда вопрос стоял, тем ли путем идет страна? Выступал на апрельском (1991 г.) Пленуме ЦК КПСС, когда стоял вопрос об отстранении Горбачева от должности. Выступал Владимир Александрович и в декабре 1990 г. на IV съезде народных депутатов СССР, когда Сажи Умалатова предложила выразить недоверие Горбачеву. 17 июня 1991 г. Крючков на закрытом заседании Верховного Совета СССР вновь говорил о внешних силах, активно действующих по созданию бедственного положения в стране. Даже озвучил секретную записку Юрия Андропова 1977 г. об агентах влияния Запада.

Все его выступления были проникнуты озабоченностью за судьбу СССР. Однако проблемы преподносились им в общих чертах, без конкретных фактов и фамилий. Удивительно, но Крючков так и не выступил непосредственно против Горбачева, даже когда этого требовала ситуация.

Я помню свою реакцию, да и реакцию тех членов ЦК КПСС и народных депутатов ВС СССР, с которыми я общался, на выступления Крючкова. За годы советской власти мы привыкли, что советскую общественность периодически информировали о "коварных" планах Запада. Но тем дело и кончалось, происки врагов всегда успешно пресекались.

В 1990–1991 гг. всех успокаивало то, что Председатель КГБ выступал в присутствии Генсека и Президента. Какой из этого следовал вывод? "Наверху" ситуацию контролируют. Более того, все считали, что именно Горбачев поручал главе безопасности проинформировать коммунистов и народных депутатов СССР о том, что КГБ не "дремлет" и контрмеры будут своевременно приняты.

Но вернемся в июнь 1988 г. В этот период КГБ СССР (до 1 ноября 1988 г.) возглавлял Виктор Чебриков – службист и любитель инструкций. После смерти К. Черненко он, от имени КГБ, однозначно поддержал кандидатуру Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Если принять вышеозвученную версию за истину, то именно при Чебрикове КГБ СССР развернул работу по созданию общественных движений в поддержку перестройки.

Утверждается, что из 35 членов Инициативной группы "Саюдиса" 16 были люди, в той или иной мере зависимые от КГБ. Об этом достаточно подробно написал в книге "Корабль дураков" В. Петкявичюс. Напомним лишь о том, что в ноябре 1991 г. было официально доказано, что ближайший соратник и "правая рука" Ландсбергиса Вергилиус Юозас Чепайтис был агентом КГБ под кличкой "Юозас". Завербовали его ещё в 1963 г.

Не случайно секретарем упомянутого учредительного собрания “Саюдиса” был избран молодой физик Зигмас Вайшвила. Во время стажировки в Дубне в 1980 г. он жил у генерала Р. Марцинкуса, тогда служившего в центральном аппарате КГБ СССР и отвечавшего за одно из подразделений 2-го Управления (контрразведка). Естественно, что Вайшвила протокол собрания “Саюдиса” сразу же передал своему куратору из КГБ. Его так и считают пропавшим.

Однако это не значит, что созданная инициативная группа “Саюдиса” была полностью подконтрольна КГБ. Ей позволили действовать самостоятельно, иначе она не смогла бы завоевать авторитет в литовском обществе. В начале “саюдисты” инициировали в СМИ публичную дискуссию по вопросам литовского языка и истории. В ходе этой дискуссии активистам “Саюдиса” удалось создать прочные позиции в СМИ, прежде всего на телевидении. Буквально в течение нескольких недель “Саюдис” превратился в серьезную общественную силу.

В августе 1988 г. в Литву приехал секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев, который поддержал “Саюдис”, дав этому явлению идейно-политическое объяснение. Более того, он не возражал, если группы поддержки “Саюдиса” будут созданы в партийных организациях, в том числе и райкомах партии. “Саюдисты” поняли, что в Кремле у них появился надежный защитник. После этого они перешли в прямое наступление не только на социалистические основы жизни в республике, но, прежде всего, на тех, кто их отстаивал.

Кстати, Горбачев в мемуарах пишет, что он направил Яковлева в Латвию и Литву разобраться в ситуации. Но об итогах поездки Яковлева и выводах, которые сообщил ему “верный друг”, Горбачев предпочел не распространяться. Видимо, очень понравилось ему литовское движение в поддержку своей персоны. Дешево купили литовские сепаратисты Михаила Сергеевича – простым лозунгом.

Заметим, информация о том, что КГБ являлся “крестным отцом” “Саюдиса”, не была секретом для литовской общественности. Об этом вполголоса говорил партийный актив республики. А вот что об этом рассказал в мае 2003 г. в радиопередаче “Akis į akį” (“С глазу на глаз”) бывший литовский диссидент и политзаключенный, а ныне дипломат Видмантас Павилионис. В 1988 г. он в Каунасе встретил “коллегу” по мордовскому лагерю Людвика Симутиса и пригласил того придти в “Саюдис”. На что Симутис ответил, что это организация кегэбистов и туда не следует лезть. Но Павилионис сумел убедить “коллегу” в том, что именно поэтому и надо идти в “Саюдис”, чтобы его переориентировать. Что вскоре и произошло.

Росту авторитета “Саюдиса” во многом способствовало то, что его неформальным лидером являлся писатель Витаутас Петкявичюс. Он был известен не только своими произведениями, но и тем, что всегда смело и достойно отстаивал интересы Литвы. Благодаря ему в 1980-х годах был остановлен проект промышленной добычи нефти в Балтийском море, рядом с заповедной Куршской косой.

Авторитет Петкявичюса и его пробивная сила позволили организовать первые массовые митинги “Саюдиса”. Петкявичюс прекрасно знал недостатки советской власти, но альтернативы ей не видел. В 1945 г. он стал комсомольцем и с оружием в руках защищал новую власть. Мечтой Петкявичюса была свободная и счастливая Литва. Он полагал, что, став советской, она будет такой. Вся жизнь он боролся с бюрократами и карьеристами, которые сделали комсомольский и партийный билет “хлебной карточкой”. Те платили ему ненавистью.

Петкявичюс искренне верил, что “Саюдис” придаст новое дыхание социализму в Литве. Однако для московских и литовских создателей “Саюдиса” Петкявичюс был неудобной и неуправляемой фигурой. Он мог поставить “на место” любого из тогдашних секретарей ЦК КП Литвы, в том числе и первого. Не особенно считался он и с авторитетом КГБ и московских гостей. Поэтому и в Москве и в Вильнюсе пришли к выводу о необходимости заменить его на более покладистого человека.

Где-то в сентябре месяца 1988 г. (накануне одного из митингов) тогдашний председатель КГБ Литовской ССР генерал Эдуардас Эйсмунтас предложил бюро ЦК Компартии Литвы на пост главы “Саюдиса” внешне невзрачного, но вполне “управляемого” и “проверенного” музыковеда с кафедры марксиз-

ма-ленинизма Литовской консерватории Витаутаса Ландсбергиса. Бюро ЦК Компартии Литвы этот выбор одобрило. В маленькой Литве эта информация под “большим секретом” стала распространяться среди партийного актива.

Основные аргументы Эйсмунтаса в пользу Ландсбергиса были следующие: интеллигентен, незаметен, плохой оратор, связан с КГБ и поэтому будет легко управляем. Полагали, что с назначением Ландсбергиса “Саюдис” станет послушным орудием в руках Госбезопасности и партийной элиты. Однако “проверенный” музыковед вскоре показал железную хватку и стальные зубы в борьбе за власть. На очередном заседании Инициативной группы Ландсбергис сразу поставил вопрос ребром, заявив, что ЦК утвердил его руководителем “Саюдиса”, и вопрос не обсуждается. Заявление Ландсбергиса поддержало его шумливое окружение, остальные согласились.

Партийный актив республики недоумевал по поводу замены руководства “Саюдиса”. Ходили разные слухи. Утверждали, что Витаутас Ландсбергис проверенный человек, преданный советской власти. Якобы в годы войны на квартире его отца архитектора Витаутаса Ландсбергиса-Жямкальниса скрывался 1-й секретарь Вильнюсского подпольного горкома Компартии Литвы Витас. Другие говорили, что именно старший Ландсбергис выдал Витаса гестаповцам. Одним словом, понять, где правда, а где ложь, было сложно.

В то время по работе мне приходилось достаточно часто общаться с секретарями ЦК Компартии Литвы. На мои недоуменные вопросы по поводу смены руководства “Саюдиса” они лишь загадочно улыбались и говорили: “Всё под контролем!”. Интерес к “Саюдису” у меня был не праздный. Петкявичюс для меня и многих русскоязычных Литвы был тем гарантом, который не допустил бы националистической вакханалии, которая потом разразилась при Ландсбергисе.

На эту тему я разговаривал с первым замом председателя КГБ Литовской ССР Станиславом Цаплиным. Но и он на мой вопрос о неравнозначной замене в “Саюдисе” ответил: “Всё под контролем. Это наш проверенный человек”. В следующей главе об этом “проверенном человеке” расскажем подробнее.

“Саюдис” в Литве появился в крайне благоприятное время. В республике нарастало недовольство социально-экономической политикой Горбачева. К началу перестройки по уровню развития Литва занимала 16-е место в мире, а по сельскому хозяйству – 10-е. Жители республики в доперестроечные годы не знали проблем ни с мясными, ни с молочными продуктами. Однако на четвертый год горбачевской перестройки некоторые продукты стало возможным приобретать только по “визитной карточке покупателя” и в лимитированном объеме. То же произошло и с товарами первой хозяйственной необходимости.

Частично это было вызвано экономическими трудностями, частично политикой вновь зарождающейся буржуазии, которая деньги предпочитала вкладывать в материальные ценности. Так, в те годы под Вильнюсом были обнаружены два огромных металлических ангара, набитых хозяйственными товарами. Кому они принадлежали, так и осталось тайной.

На экономические проблемы в Литве накладывался мелочный диктат Центра и игнорирование Кремлем особенностей национального менталитета, социально-экономических и культурно-бытовых условий исторического становления литовцев как нации.

Особо следует также отметить и такой психологический момент. Диктат Москвы литовцами всегда воспринимался как диктат России, как диктат русских. В то же время уровень жизни в России, самой богатой страны мира, был значительно ниже, чем в Прибалтике. Нередко в споре литовцы выкидывали последний аргумент: “Не учите нас, как жить. Лучше сами научитесь жить так, чтобы вам завидовали!”.

В этой связи следует отметить, что СССР как государственное образование оказался крайне невыгодным для России. Дело в том, что на протяжении последних 45 послевоенных лет Россия (тогда РСФСР) была, в буквальном смысле, донором почти всех союзных республик (за исключением Белоруссии и Украины). Известно, что из прибалтийских республик стремились сделать “витрину” социализма. Национальная элита умело пользовалась своими преимуществами, получая преференции от Центра.

Так, по данным доктора экономических наук, профессора В. Милосердова, “несмотря на то, что основная часть газа добывалась в других районах страны, прибалтийские сёла по газификации существенно опережали россий-

ские. К моменту выхода прибалтов из Союза практически все сёла Прибалтики, да и Западной Украины и Закавказья были газифицированы. А вот в России и сегодня тысячи даже подмосковных сёл ждут, когда к ним придет газ. А что уж говорить о российской глубинке!

Образовалась огромная дифференциация между союзными республиками в размерах ассигнований из госбюджета, в объеме поставок материально-технических ресурсов, в выделении валюты, импортных товаров и в других сферах. И, как следствие, — в уровне жизни между республиками”.

В 1950—1980-х годах уровень зарплат и других социальных выплат в большинстве союзных республик был на 30—45% выше, чем в России (РСФСР). Официальные нормативы жилой площади в РСФСР были меньше, чем для Прибалтики, Закавказья, Западной Украины, столичных городов республик Средней Азии, Северного Кавказа. Примечательно и то, что квартплата в РСФСР всегда была выше, нежели в большинстве других союзных республик.

Привилегированное положение прибалтийских республик особенно ярко характеризовал порядок распределения потребительского импорта. Решения Политбюро ЦК КПСС и Президиума Совмина СССР предусматривали строгую очерёдность: импортные потребительские товары, прежде всего, направлялись в прибалтийские, закавказские и среднеазиатские союзные республики, затем в Западную Украину; в Белоруссию, остальную Украину, и уже потом в РСФСР, причем на официально русскую территорию РСФСР в последнюю очередь.

Расплата за это наступила в 1991 г., когда в защиту КПСС и СССР в России не состоялось не одного массового митинга. К сожалению, руководство России до сих пор не может преодолеть синдром, выражаемый словами “свои потерпят!”.

Но вернемся к “Саюдису”. В отличие от компартии представители “Саюдиса” о проблемах, назревших к четвертому году перестройки, говорили без оглядки на Москву. Это сразу придало им статус патриотов Литвы. Однако лидеры “Саюдиса” прекрасно понимали, какую силу представляет компартия. Поэтому на первом этапе своей деятельности “саюдисты” поставили задачу — сформировать благоприятное для себя общественное мнение не только в республике, но, прежде всего, в компартии Литвы. После этого, заняв ключевые позиции в компартии, реформировать ее и использовать как эффективный инструмент достижения главной цели — независимости.

И это удалось. Выборную кампанию 1988 г. в первичных партийных организациях и ряде районных партийных организаций выиграла компартия “Саюдиса”. Группы “Саюдиса” вращались в партийные организации. Его представители были избраны секретарями райкомов партии и парткомов. Например, в городе Шауляе все десять выдвинутых от “Саюдиса” кандидатов были избраны в состав городского комитета Компартии. Первым секретарем горкома стал член сейма “Саюдиса” М. Стаквилевичус. В ходе отчетно-выборной кампании осенью 1988 г. “саюдисты” пришли к руководству большинства партийных организаций Литвы.

Секретарем парткома Вильнюсского университета был избран ярый сепаратист Б. Гензалис. Секретарем партийной организации Союза писателей Литвы — Р. Гудайтис. Эта парочка 26 июля 1989 г. выступила в “Правде” со статьей “Так кто же знает рецепт?” в ответ на статью Н. Михалевой и Ш. Папидзе “Федеративный союз” (“Правда” от 12 июля 1989 г.), в которой было четко и недвусмысленно заявлено, что “конституционные процессы” в странах Прибалтики грозят развалом СССР. Эту статью они назвали тенденциозной и консервативной.

К началу предвыборной кампании по избранию народных депутатов СССР “Саюдис” доминировал на телевидении, радио и в прессе республики. Мнение лидеров “Саюдиса” было непререкаемым. 20 ноября 1988 г. совет сейма “Саюдиса” принял “Заявление о моральной независимости”, суть которого была в том, что для граждан Литвы обязательны законы Литвы, но не СССР. Для контроля за исполнением этого заявления был учрежден “Суд чести” “Саюдиса”. Москва молчала.

Представители “Саюдиса” уже не стеснялись. Они прямо заявляли: “Народ без суверенитета — народ без будущего!”. Противопоставить этому литовским коммунистам было нечего. Даже идеи перестройки “Саюдис”, с помощью Яковлева и Горбачева, “приватизировал” полностью.

16 февраля 1989 г. в драмтеатре в присутствии всего руководства Литовской ССР впервые состоялось торжественное заседание по поводу 71-й годовщины Акта независимости буржуазной Литвы. Была принята Декларация о независимости, которая подтверждала стремление республики к полному суверенитету. Правда, не акцентировалось, в составе СССР или вне. Все понимали эту условность и яростно спорили, а возможна ли независимость в составе Союза. Москва хранила олимпийское спокойствие.

Перед выборами на литовском телевидении и в прессе началось шельмование тех кандидатов, которые отстаивали Литву в составе СССР. Масла в огонь подливали союзные СМИ. Всех посмевших критиковать позицию “Саюдиса” московские журналисты немедленно объявляли сталинистами, противниками демократии и врагами перестройки. Горбачева это устраивало. Он свято верил, что он и перестройка неразделимы, и с новым составом народных депутатов он успешно ее завершит.

В такой обществено-политической ситуации в Литве в марте 1989 г. состоялись выборы народных депутатов СССР. “Саюдис” одержал сокрушительную победу. 58 его представителей стали народными депутатами СССР, из них 38 (65,5%) так называемые коммунисты.

Редактор журнала “Gimtasis kraštas” (“Родной край”) и один из идеологов “Саюдиса”, “коммунист” А. Чекуолис, избранный народным депутатом СССР, публично заявил, что по списку “Саюдиса” народным депутатом “избрали бы и орангутанга”. Это заявление впоследствии процитировал на февральском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС Ю. Палецкис, секретарь ЦК отделившейся Компартии Литвы.

Однако Михаил Сергеевич на Политбюро 28 марта 1989 г. и в своих мемуарах всё твердит о “демократических выборах”. Он так и не понял, что после этих выборов народных депутатов СССР надеяться на успех социалистической перестройки стало просто смешно. Но первый “звоночек” для него тогда прозвучал.

Первый Съезд народных депутатов СССР открылся в мае 1989 г. 58 депутатов от Литвы поставили себя в особое положение. Заметим, что все депутаты от Литвы были под сильнейшим прессингом “Саюдиса”, “шаг влево” рассматривался как национальная измена.

А. Чекуолис в интервью газете “Вечерние новости” (от 23.05.1989) заявил: “. . . депутаты от Литвы – сплоченная группа, отстаивающая единую политику. Другой такой сплоченной группы нет на всем съезде народных депутатов СССР. Поэтому, несмотря на нашу малочисленность, мы пользуемся большим уважением. Все поглядывают на нас с завистью и ищут благосклонности. Но мы не намерены вообще продавать ее или легко отдавать. . .”

Договорились о тактике при голосовании. Если не сможем победить, то встанем и удалимся. . .”

Народные депутаты СССР от Литвы в 1989 г., заняв места в зале Кремлевского дворца Съездов, получили всесоюзную трибуну и, благодаря телевидению, многомиллионную аудиторию. На первом съезде они присматривались и соблюдали лояльность, заявляя о своей приверженности перестройке. Зато потом сепаратисты всех мастей получили возможность наблюдать на примере прибалтийских депутатов, как следует противостоять центральным властям. Фактически телевидение демонстрировало своеобразный курс политического ликбеза, который впоследствии очень дорого обойдется стране.

30 сентября 1989 г. на Съезде выступил народный депутат СССР, тогдашний первый секретарь ЦК пока единой компартии Литвы Альгирдас Бразаускас. Он заявил, что существующая Конституция СССР “тормозит путь самостоятельных республик в перестройку”. Также он поставил вопрос о признании секретных протоколов к советско-германскому договору 1939 г. недействительными. 7 сентября 1989 г. на съезде выступила Казимира Прунсене, которая изложила концепцию экономической реформы в Литве и странах Балтии.

В республике “Саюдис” также наращивал свое давление, нередко переходящее в диктат. Его представители умело использовали коммунистов в Верховном Совете Литвы, которые там составляли 90%, для создания правовой базы процесса выхода из СССР. Коммунистический парламент Литовской ССР на второй день работы Съезда НД СССР 26 мая 1989 г. принял Декларацию о государственном суверенитете Литвы. Было заявлено, что в Литве действуют только законы республики или законы, ратифицированные ВС Литовской ССР.

До этого 18 мая были внесены изменения в Конституцию в части введения гражданства Республики. Москва вновь промолчала.

Подчинив компартию своему влиянию, «саюдисты» навязали ей дискуссию о самостоятельности. Результаты этой дискуссии литовские СМИ искусно препарировали, преподнося ее таким образом, что абсолютное большинство коммунистов Литвы выступают за независимую компартию. ЦК КПСС молча взирал на споры по поводу судьбы КПЛ.

В итоге в декабре 1989 г. «саюдисты» успешно завершили операцию по выводу компартии Литвы из КПСС. 20 декабря 1989 г. под их давлением XX съезд компартии Литвы принял решение о выходе из КПСС. После того ситуация в Литве стала практически не подвластной Кремлю. Но Горбачев по-прежнему продолжал убеждать советскую общественность, что ничего особенного в Литве не происходит. Дело дошло до того, что на февральском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС он пытался протолкнуть решение, согласно которому коммунисты Литвы, порвавшие с КПСС, до XXVIII съезда считались бы членами КПСС!

В январе 1990 г. всё тот же ВС Литовской ССР принял решение о том, что на территории Литвы не действуют законы СССР. 7 февраля 1990 г. Верховный Совет Литовской ССР под председательством Бразаускаса, тогда еще первого секретаря ЦК независимой компартии, признал не имеющими юридической силы решения Народного Сейма от 21 июля 1940 года о вступлении Литвы в СССР.

Всё это происходило на фоне усиливающегося недовольства политикой Горбачева в Литве. Это позволило «Саюдису» 24 февраля 1990 г. накануне выборов в Верховный Совет Литовской ССР обнародовать программу, в которой говорилось: «В 1940 году СССР нарушил двусторонний договор и совершил агрессию против Литовской республики, свергнув законное ее правительство». Москва вновь сделала вид, что ничего не происходит.

В итоге представители «Саюдиса» на выборах в Верховный Совет Литовской ССР одержали победу и 11 марта 1990 г. провозгласили восстановление независимости Литвы. В соответствии с инструкциями, полученными от американских консультантов, вновь избранный Верховный Совет Литвы ускоренными темпами приступил к формированию независимого правового пространства.

Отдельно следует сказать о тактике противостояния с Москвой, отработанной идеологами «Саюдиса» с помощью зарубежных консультантов. Она и сегодня представляет особый интерес, так как кремлевские политологи до сих пор не выработали противоядия против этих приемов.

Эта тактика заключалась в следующем:

- активное формирование общественного мнения, то есть идеологическое обеспечение предпринимаемых «Саюдисом» шагов с исторической, юридической, философской и нравственной точки зрения;

- возбуждение «лавины общественного мнения» методами «случайных ошибок», «пробных шаров», «бумеранга»;

- народное волеизъявление путем проведения массовых акций;

- захват властных позиций методом «шаг за шагом»;

- решение спорных проблем «явочным порядком»;

- создание юридического обоснования решений, принятых «явочным» порядком;

- персонификация нормативных актов, защищающих эти решения например, чтобы заставить жителей Литвы отказаться от гражданства СССР, было официально заявлено, что сразу после объявления независимости у всех, кто не определится с литовским гражданством, возникнут проблемы с пенсиями, приватизацией квартир и т. д.;

- создание республиканского правового пространства, позволяющего каждому гражданину чувствовать законность противостояния правовым актам метрополии. Это ГЛАВНОЕ!

Впоследствии эта тактика была растиражирована по Союзу и во многом обусловила дезинтеграцию СССР. Противодействовать этой тактике Горбачев и его окружение так и не смогли.

В заключение перечислим некоторые основные просчеты, которые допустил Кремль в работе по стабилизации обстановки в Литве.

Во-первых, кремлевские политологи не знали и не хотели знать подлинной истории литовского государства, особенностей национального ментали-

тета и культурно-бытовых и хозяйственных особенностей существования литовской нации. Аргументы Москвы в споре с литовскими политиками и историками были некорректными и мало кого убеждали. В итоге Москва вчистую проиграла борьбу за формирование общественного мнения как в Литве, так и в России.

Во-вторых, в период становления “Саюдиса” Центр не предпринял никаких конкретных шагов по защите своих союзников в республике. Большинство защищавших интересы Центра в Литве, в конечном итоге, были ошельмованы и морально уничтожены. Их судьба убедила литовскую “коммунистическую” элиту оставить надежду на помощь Москвы и встать под знамена “Саюдиса”.

В-третьих, принимаемые в Москве законы и декларации, способные стабилизировать ситуацию в Литве, не подкреплялись соответствующими организационно-исполнительными механизмами.

В-четвертых, Кремль постоянно запаздывал реагировать на действия литовских властей. Если Вильнюс на любое заявление Кремля реагировал в течение суток-двух, то Кремль – в течение месяца-двух, когда эта тема в республике уже никого не волновала.

В-пятых, Москва так и не сумела найти “золотую середину” в предоставлении Литве самостоятельности. Верховный Совет Литвы явочным порядком вырывал “уступки” у Кремля, укрепляя тем самым свой авторитет. Разумные опережающие уступки Центра в плане реализации основных надежд литовской общественности могли бы прибавить авторитета Кремлю и сделать идею пребывания Литвы в обновленном Союзе более привлекательной.

Например, если бы в начале 1989 г. Литве была бы представлена экономическая самостоятельность, и был бы принят пакет документов, предоставлявший Литве возможность стать своеобразным мостом между Европой и СССР, то итоги выборов в Верховный Совет СССР и ВС Литовской ССР могли быть иными, и выход Литвы из Союза стал бы проблематичным.

В-шестых, полное неумение или нежелание Горбачева пользоваться выгодной для единства СССР аргументацией. В 2008 г. бывший сотрудник Совмина СССР Виктор Михайлович Мироненко, кстати, бывший первый секретарь Ставропольского крайкома комсомола, принявший в 1955 г. на должность заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Михаила Горбачева, передал мне набор документов о возможных контрпретензиях к республикам Прибалтики, желающим выйти из Союза.

В них была предусмотрена абсолютная защита интересов СССР, вплоть до аргументированного требования к Литве создать прямой транспортный коридор связи России с Калининградской областью за счет присоединенных после войны к республике территорий. Но эти документы Горбачевым так и не были использованы.

Тайны семейства Ландсбергисов

Отдельного рассказа заслуживает история семейства Ландсбергисов, так как она в некоторой степени объясняет причины краха советской власти не только в Литве, но и в СССР.

Слухи о том, что прошлое Ландсбергисов, как старшего, Витаутаса Ландсбергиса-Жямкальниса, так и его сына Витаутаса Ландсбергиса, главы “Саюдиса”, весьма туманно, ходили еще в советский период. Но конкретных данных, помимо того, что старший В. Ландсбергис-Жямкальнис был министром коммунального хозяйства во Временном правительстве Шкирпы-Амбразявичюса в 1941 г. и написал благодарственное письмо Гитлеру, не было.

Вызывало удивление, что за это В. Ландсбергис-Жямкальнис (в дальнейшем Жямкальнис), в 1959 г. вернувшись в Советскую Литву, не только не понес никакого наказания, но и устроился весьма недурно. Это при том, что члены упомянутого Временного правительства, в том числе и Ландсбергис, советским судом были заочно приговорены к расстрелу. Как уже говорилось, объясняли это по-разному. Прежде всего тем, что старший Ландсбергис оказал неоценимые услуги советской власти по линии НКВД и КГБ.

Эта тема интересует многих. Достаточно сказать, что после публикации моих статей о трагических январских событиях 1991 г. я получил несколько электронных писем не только из Литвы, но и из США, в которых спрашивали, рас-

полагаю ли я какой-либо конкретной информацией о связях Ландсбергиса, а точнее семейства Ландсбергисов, с НКВД и КГБ. Особо интересовал вопрос, а существуют ли документальные доказательства этого “сотрудничества”?

Следует иметь в виду, что почти 10-летнее пребывание Ландсбергиса у власти в Литве (1991–2000 гг.) позволило ему хорошо почистить архивы. Надо полагать, что к настоящему времени все компрометирующие документы в литовских архивах Ландсбергис сумел уничтожить. В статье Ю. Строганова “Корабль дураков” в судебной гавани”, опубликованной в газете “Труд-7”. (№ 210, 10.11.2005) цитируется заявление В. Петкявичюса на заседании 1-го участкового суда Вильнюса о том, что он как бывший председатель Комитета национальной безопасности Сейма “точно знает, что в архивах КГБ было найдено дело В. Ландсбергиса, которое заместитель директора Особого архива А. Шолинас незаконно, в обход инвентарного учета, отнес самому Ландсбергису. Когда через неделю дело вернули, в нем не доставало нескольких листов. Они были вырваны”.

Однако целый ряд фактов из своей биографии Ландсбергис так и не смог скрыть. Пока ещё живы свидетели, которые знают немало интересного о “чеккистском” прошлом Ландсбергисов. Помимо этого в последнее время выяснилось, что некоторая информация о связях Ландсбергисов с НКВД и КГБ должна была сохраниться в архиве ФСБ России.

В 2000 г. плотина умалчивания вокруг семейства Ландсбергисов начала разрушаться. В апреле того года Аудриус Буткявичюс после выхода на свободу из Вильнюсской колонии строгого режима в первом же интервью газете “Обзор” (№ 15, 2000 г.) рассказал немало интересного о прошлом тогдашнего спикера литовского Сейма В. Ландсбергиса.

Буткявичюс заявил, что нет сомнений в том, что Ландсбергис сотрудничал с КГБ. По его словам, курировал семью Ландсбергисов замначальника оперативного отдела каунасского КГБ Нахман Душанский. Буткявичюс также сообщил, что перед войной с В. Ландсбергисом-старшим “работал” начальник отдела контрразведки НКВД Литовской ССР Александр Славин.

По словам Буткявичюса, после войны Славин, будучи начальником оперативной группы НКВД СССР по розыску военных преступников, благодаря помощи того же В. Ландсбергиса, находившегося в то время в Германии, сумел захватить и доставить в Литву генерального советника немецкого комиссара Литвы генерала Пятраса Кубилюнаса.

В подтверждение своих слов Буткявичюс сообщил, что именно Ландсбергис как Председатель литовского Сейма способствовал в 1990 г. получению Славиным литовского гражданства, хотя было известно, что он бывший энкавэдист. Более того, Славину одному из первых в независимой Литве было возвращено имущество, национализированное в 1940 г. Он поспешил его продать и уехать в Израиль. Также беспрепятственно в те годы выехал в Израиль и Нахман Душанский, впоследствии обвиненный в геноциде литовского народа. Взамен Ландсбергис, видимо, получил от Душанского и Славина обещание молчать.

Эти факты Буткявичюс повторно изложил в интервью газете “Laisvas laikraštis” (“Свободная газета”, 2004, январь 3–7, № 12). В этом интервью он сообщил, что незадолго до своего ареста в августе 1997 г., инспирированного Ландсбергисом, он на заседании Сейма озвучил информацию о сотрудничестве последнего с КГБ. По словам Буткявичюса эту информацию позже подтвердил бывший офицер КГБ Литовской ССР Юрас Абромайтис, который в советский период несколько лет “работал” с Ландсбергисом.

В декабре 2000 г. бывший майор КГБ Владас Гульбинас, являвшийся куратором творческой среды, в интервью газете “Lietuvos rytas” (“Утро Литвы”) и литовскому ТВ подробно рассказал о том, что в 1981 г. жена В. Ландсбергиса Ручите-Ландсбергене сумела выехать в Австралию к брату мужа Габриэлису Жямкальнису только по личному распоряжению первого заместителя председателя КГБ Литовской ССР генерала Валентина Звезденкова. Но для этого Гульбинасу пришлось сообщить Звезденкову о том, что ее муж Витаутас Ландсбергис с 1955 г. являлся агентом КГБ, а его отец Витаутас Ландсбергис-Жямкальнис еще в 1927 г. был завербован одним из сотрудников посольства СССР в Литве.

В ответ Ландсбергис инициировал возбуждение уголовного дела против В. Гульбинаса по факту клеветы в печати. После длительного и тщательного расследования, которое осуществляла начальник следственного отдела поли-

ции Вильнюса Д. Букелене, дело было прекращено ввиду отсутствия состава преступления в действиях Гульбинаса. Реально это означало, что факты, изложенные Гульбинасом в его интервью, не являлись клеветой (См. "Opozicija" 2005, № 3/655. "Laisvas laikraštis", 2007, № 37).

В 2003 г. в Литве Витаутас Петкявичюс издал книгу "Корабль дураков", в которой было изложено немало нелицеприятных фактов о В. Ландсбергисе и его отце В. Жямкальнисе. Петкявичюс знал, о чем писал. Они с Ландсбергисом практически одногодки. Учились в одной каунасской гимназии, только Петкявичюс был старше на два класса. Поэтому все грехи юности Ландсбергиса были хорошо известны Петкявичюсу.

Интересовался Петкявичюс и личностью отца Ландсбергиса – В. Жямкальниса, после того как тот в 1959 г. вернулся в Литву из Австралии. Этим Петкявичюсу пришлось заняться по поручению главного редактора республиканской партийной газеты "Tiesa" ("Правда") Г. Зиманаса, как корреспонденту газеты. Одним словом, факты в своей книге Петкявичюс излагал только проверенные.

Однако Витаутас Ландсбергис и его брат Габриэлис (к этому времени уже вернувшийся из Австралии) обратились в прокуратуру по поводу клеветы, порочащей честь и достоинство их отца Витаутаса Жямкальниса, якобы изложенной в книге "Корабль дураков". 20 сентября 2004 г. начался судебный процесс "Ландсбергисы против Петкявичюса".

И тут выяснилось, что Петкявичюс не одинок в попытках рассказать правду о семействе Ландсбергисов. На суде в качестве свидетелей выступили профессор, доктор наук Ксаверас Пурвинскас и уже упомянутый Владас Гульбинас. Их показания были опубликованы в виде статей. 15 декабря 2004 г. газета "Opozicija" ("Оппозиция", № 3/655) перепечатала статью из журнала "Gairės" ("Вежи") под названием "Тайны семейки Ландсбергисов", в которой были изложены показания К. Пурвинскаса на суде.

17 декабря 2004 г. и сам Петкявичюс в газете "Laisvas laikraštis" (№№ 25, 26) изложил аргументы в защиту своей позиции в большой статье под названием "V.Petkevičius prieš V.Landsbergį: kaip kurpiamos politinės bylos" ("Петкявичюс против В. Ландсбергиса: как стряпают политические дела". См: http://www.mediabv.lt/res_zinpr_det.php?id=3973). В основу этой статьи легли выступления Петкявичюса в ходе судебных слушаний.

19 января 2005 г. газета "Opozicija" (№ 3/365) опубликовала статью "Еще один свидетель о тайнах Ландсбергисов". Эта статья была подготовлена В. Гульбинасом на основе показаний, данных им под присягой на судебном процессе "Ландсбергисы против Петкявичюса". Статью на эту тему под названием "В. Ландсбергис против В. Петкявичюса по делу КГБ" Гульбинас подготовил и для "Laisvas laikraštis". (2005, № 1, от 13–27 января).

Интерес представляют комментарии литовского историка Вилюса Маркявичюса на вышеназванную статью Гульбинаса, опубликованные в "Laisvas laikraštis" (2005, № 2, от 27 января – 10 февраля). В комментариях были изложены дополнительные факты, подтверждающие заявления В. Петкявичюса и В. Гульбинаса.

В декабре 2007 г. в связи с возобновлением процесса "Ландсбергисы против Петкявичюса" В. Гульбинас был вынужден вновь вернуться к этой теме. Он опубликовал в "Laisvas laikraštis" (№ 37) статью "О Витаутасе Ландсбергисе". В ней он ещё раз подробным образом изложил всё, что ему было известно о сотрудничестве Ландсбергисов, сына и отца, с НКВД и КГБ. Последняя, известная мне статья Гульбинаса о Витаутасе Ландсбергисе появилась в той же "Laisvas laikraštis" в июне 2008 г. (№ 23) под названием "Резистент № 1" – очевидная историческая ошибка, самое большое несчастье Литвы".

Но наиболее подробное изложение некоторых биографических подробностей семейства Ландсбергисов сделал в своем заявлении Витаутас Петкявичюс. Он озвучил его на заседании Вильнюсского окружного суда, незадолго до своей смерти. Это заявление под названием "Geriausio Lietuvos rašytojo (Vytauto Petkevičiaus) nuomonė apie fašistinę landsberginę gnydą" ("Мнение лучшего писателя Литвы /Витаутаса Петкявичюса/ о фашистской ландсбергистской гниде") было размещено в июне 2011 г., то есть через два с половиной года после смерти писателя, на сайте (<http://kantat.net/2011/06/11/geriausio-lietuvos-rasytojo-vytauto-petkeviciaus-nuomone-apie-fasistine-landsbergine-gnyda/#more-5319>).

Подобное скрупулезное перечисление источников информации о неблагоприятных делишках семейства Ландсбергисов просто необходимо. Личность Ландсбергиса вызывает ожесточенные споры в литовском обществе. При этом его защитники спекулируют на фактаже, пользуясь тем, что негативная информация о Ландсбергисах, как правило, замалчивается. Многие вышеперечисленные статьи не известны широкому читателю. Поэтому предоставляем возможность каждому, при необходимости, обратиться к первоисточникам.

Начнем с Витаутаса Ландсбергиса-Жямкальниса. Он родился в 1893 г. в Литве, входившей тогда в состав Российской империи. Образование получил в Риге. В 1916 г. окончил Высшую техническую школу. Учился он вместе с Альфредом Розенбергом, будущим имперским министром по делам оккупированных территорий, с которым оказался одногодком. В октябре 1917 г. наш герой оказался в Петрограде, где поддержал большевиков. В итоге Ландсбергис-Жямкальнис был избран делегатом на съезд солдатских депутатов. Там он встретился с начинающим литовским революционером-большевиком Йонасом Валунасом. Эта встреча сыграет важную роль в его жизни.

Вернувшись в Литву, добровольцем вступил в литовскую армию. В 1922 г. Ландсбергис-Жямкальнис продолжил учебу в Римском университете и стал первым литовцем, получившим архитектурное образование в Западной Европе. В 1925 г. вернулся в Каунас и начал работать архитектором. В 1927 г., согласно информации, сообщенной В. Гульбинасу его начальником Р. Сприндисом, был завербован сотрудником НКВД, работавшим под прикрытием в советском посольстве в Каунасе (см. "Opozicija" 2005, № 3/655).

В 1939 г. после возвращения Литве Вильнюса перебрался в новую столицу и стал работать главным инженером-архитектором Вильнюса. Вхождение Литвы в СССР не принесло Ландсбергису-Жямкальнису никаких неприятностей. Наоборот. Председателем Вильнюсского горисполкома стал его давний знакомый Валунас, прибывший в Литву из СССР. Ландсбергис-Жямкальнис стал его замом-советником по архитектурным вопросам.

Оккупация Литвы нацистами также не принесла нашему герою особых проблем. Ему была предложена должность министра коммунального хозяйства во Временном правительстве Шкирпы-Амбразявичюса. Как уже отмечалось, 25 июня 1941 г. В. Ландсбергис-Жямкальнис подписал известное благодарственное письмо Гитлеру, в котором также содержалось положение о национализации имущества, принадлежавшего «евреям и лицам, активно действовавшим против интересов литовского народа».

В перечень обязанностей новоиспеченного министра, помимо коммунальных проблем, входила организация еврейских гетто в городах Литвы. В это же время Ландсбергис-Жямкальнис сотрудничал с советским подпольем, возглавляемым известным нам Валунасом, взявшим себе псевдоним Юозас Витас. Он укрывал членов семьи Витаса на даче в поселке Качергине (под Каунасом) и материально поддерживал подпольщиков.

Вскоре Витас был арестован гестапо, а подполье – разгромлено. Однако укрывателю странным образом удалось выкрутиться из этой смертельно опасной ситуации. Бывший соратник Витаса по подполью, декан юридического факультета Вильнюсского университета Андриус Булота сообщил Петкявичюсу, что все оставшиеся в живых подпольщики обвиняли в «провале» Ландсбергиса-Жямкальниса, но доказательств этому не было (См. "Laisvas laikraštis", 2004, № 26. http://www.mediabv.lt/res_zinpr_det.php?id=3973).

Сам же Ландсбергис-старший в автобиографии, написанной в советские времена, скромно указывал род занятий во время войны: «партизанил». С вой уход на Запад он объяснял желанием спасти сына Габриэлиса, который был вывезен в Германию. И вот здесь начинается невероятное. В Германии, где свирепствовало гестапо, ликовидируя предателей и врагов Рейха, Ландсбергис-Жямкальнис чувствовал себя свободно. Он, в поисках сына, без особых усилий посещал некоторые лагеря и тюрьмы. И это в нацистской Германии. Так вести мог себя только человек, у которого была мощная охранная грамота. Ну не меньше, чем от шефа гестапо Мюллера или главы РСХА (Главного управления имперской безопасности) Кальтенбруннера. Ну а для этого надо было иметь особые заслуги перед Рейхом. Видимо, у Жямкальниса они были.

Как уже говорилось, после войны Ландсбергис-старший остался в Германии и помогал выявлять военных преступников. Известно, что об этих его “подвигах” в советской Литве была даже издана книжка, но никаких сведений о ней не удалось обнаружить. Дополнительно об этом этапе судьбы Ландсбергисов можно прочитать у историка Вилюса Маркявичюса. (См. “Laisvas laikraštis”, 2005, № 2). В 1959 г., в период хрущевской оттепели, Ландсбергис-Жямкальнис вернулся в Литву.

Ну а дальше повторились “чудеса”, аналогичные тем, которые сопровождали его во время пребывания в нацистской Германии. Начнем с того, что решение о том, что “возвращенец” Ландсбергис-Жямкальнис будет жить в Литовской ССР, принималось на самом высшем уровне советского руководства. Достаточно сказать, что постановление о возврате ему дома в элитном поселке Качергине, конфискованного у него в 1944 г., подписывал лично председатель Совмина СССР А. Косыгин.

Тогдашние руководители Литвы Антанас Снечкус и Мотеюс Шумаускас были против возвращения эмигранта. Но с Москвой особо не поспоришь. Ландсбергису был возвращен дом, предоставлена государственная квартира в Каунасе и назначена персональная пенсия союзного значения. Трудоустроен он был старшим архитектором Института городского и сельского строительства в Каунасе. Помимо этого получил право работать на общественных началах в обществе “За возвращение на Родину”, куда вход непроверенным людям был заказан.

В ответ на попытку корреспондента газеты “Tiesa” Витаутаса Петкявичюса выяснить у самого Ландсбергиса-Жямкальниса подробности его возвращения на родину, тот заявил: “Власть знает о моем возвращении всё. Идите и говорите с ней!”

Указания из Москвы относительно Ландсбергиса-старшего были даны как по партийно-советской линии, так и по линии КГБ. Когда Витаутас Петкявичюс по поводу Жямкальниса обратился к тогдашнему председателю КГБ Литовской ССР Юозасу Петкявичюсу, тот ответил: “Я не обсуждаю приказов, я их выполняю”.

О том, что Москва строго контролировала ситуацию с обустройством возвращенца в республике, свидетельствует следующий факт. Тогдашний председатель Каунасского горисполкома Юозас Шерис рассказал Петкявичюсу о том, что получил нагоняй от Снечкуса за то, что с задержкой предоставил Ландсбергису-Жямкальнису не совсем надлежащую квартиру. Снечкус же в свою очередь получил головомойку от Москвы. Остается лишь удивляться степени внимания, которое Москва уделяла такой личности.

О возврате дома Ландсбергису-Жямкальнису партийный актив республики знал, но вот факт получения им персональной пенсии лишь недавно установил литовский историк Витаутас Тининис. Последний сумел найти в архивах благодарственное письмо Ландсбергиса-старшего тогдашнему первому секретарю ЦК Компартии Литвы Антанасу Снечкусу от 14 марта 1973 г. за содействие в получении персональной пенсии (LVVO.F 16895, папка 2, дело 173, л. 102, 135, дело 172, л. 128–130). Этот факт Тининас описал в книге “Sniečkus. 33 metai valdžioje” (“Снечкус. 33 года у власти”. Изд. 1995 г. с. 126. Изд. 2000 г., дополненное, с. 251).

Учитывая, что заслуги Ландсбергиса-Жямкальниса в советском градостроительстве не тянули на пенсии такого уровня, получается, что Советская Литва имела в его лице литовского “Штирлица”, только не ясно, каким хозяевам он более верно служил.

Ну, а теперь перейдем к сыну – Витаутасу Ландсбергису. Родился он в Каунасе в 1932 г. Его мать Она Яблонските-Ландсбергене была дочерью известного литовского лингвиста Йонаса Яблонскиса. Она фанатично верила в литовское возрождение и привила эту веру сыну Витаутасу. С тех пор он жаждал совершить нечто такое, чтобы его имя осталось в истории Литвы, как имя Йонаса Басанавичюса, под председательством которого литовская Тариба 16 февраля 1918 г. приняла Заявление о независимости Литвы.

В 1944 г., отец Витукаса сбежал в Германию с отступающими нацистами. Пришла советская власть. Витукас продолжал учебу в каунасской гимназии “Aušra” (“Заря”). При наступлении комсомольского возраста он публично отрекся от отца и стал полноправным комсомольцем. Сидел Витаутас Ландсбергис на одной парте с закадычным другом Алоизасом Сакаласом, который не

очень любил советскую власть и писал антисоветские листовки, привлекая к этому занятию и других учащихся. В 1949 г. А. Сакаласа арестовали и за антисоветскую агитацию приговорили к восьми годам заключения.

В настоящее время он известный литовский политик. Вот что Сакалас говорит о Ландсбергисе-младшем: “Когда меня еще школьника арестовали, были опрошены все мои друзья. В 1950 г. мне дали подписать дело, и я заметил, что там не было показаний моего товарища по парте. Значит, его не допрашивали. Естественно, возникает вопрос, почему не столь уж близких приятелей допросили, а самого близкого – нет. Безопасность обычно таких ошибок не делает” (См. “Труд-7”. № 210. 10.11.2005).

Заметим, что дело о подпольной организации в каунасской гимназии “Аушра” вел сам начальник отдела Н. Душанский. Впоследствии, после освобождения Сакаласа, Ландсбергис в разговоре с бывшим другом допустил непростительный “прокол”. Он заявил, что после ареста Сакаласа сотрудники НКВД (возможно, Душанский) приглашали его для беседы на конспиративную квартиру. В ответ Сакалас резонно заметил: “Они не приглашают на конспиративную квартиру человека, который не сотрудничает, иначе эта квартира станет известной”. И хоть эта информация является косвенной, но она весьма однозначно свидетельствует об особых отношениях юного Ландсбергиса с НКВД и Душанским уже в 1949 году.

В. Петкявичюс в книге “Корабль дураков” пишет, что при приеме Ландсбергиса в комсомол возникли вопросы по поводу его отца. Однако комсорг гимназии А. Раманаускас пояснил членам комсомольского бюро, что именно Витаутас помог раскрыть созданную в гимназии подпольную антисоветскую организацию. Комментарии, как говорится, излишни.

По свидетельству непосредственного начальника известного нам В. Гульбинаса Р. Сприндаса, Ландсбергис-младший был завербован в Каунасе в 1955 г. сотрудником КГБ Н. Душанским. Впоследствии с Ландсбергисом как агентом КГБ работал А. Славин. В Клайпедде, где Ландсбергис работал с 1974-го по 1978 г., его курировал лично начальник горотдела КГБ Д. Абромайтис.

В начале 2000-х годов тяжело больной Д. Абромайтис в больнице, в присутствии депутатов Сейма А. Сакаласа и В. Чяпаса, а также прокурора Генпрокуратуры Литвы Ч. Наринкявичюса дал подробные показания о тайном и сознательном сотрудничестве отца и сына Ландсбергисов с КГБ. Показания Абромайтиса были записаны на магнитофон, но эта запись из сейфа литовской Генпрокуратуры таинственным образом исчезла в период всевластия В. Ландсбергиса. Абромайтис умер в 2002 г., и восстановить его свидетельство невозможно. В этой связи писатель Петкявичюс в ходе судебного заседания спросил Ландсбергиса, куда пропала эта запись? Ландсбергис предпочёл промолчать. Суд с такой позицией истца согласился (См. “Opozicija”, 2005, № 3/655).

В начале “чекистской карьеры” Ландсбергис выбрал себе гордый и значительный псевдоним “Витаутас”. Позднее, боясь слишком явной аналогии с собственным именем, он заменил его на “Dedulę” (“Дядюшку”). Агентурные доносы на своих коллег и хорошо знакомых людей вплоть до 1978 г. Ландсбергис подписывал именно этим псевдонимом (См. “Opozicija” (№ 3/365), “Laisvas laikraštis”, 2007, № 37).

Несомненно, что первое время Ландсбергис исправно информировал своих хозяев и о деятельности инициативной группы “Саюдиса”. Ну а потом ситуация изменилась. Ландсбергис стал хозяином, а КГБ, как в Вильнюсе, так и в Москве предпочло промолчать о грешках Ландсбергиса.

В результате советская власть в Литве создала все условия для воспитания и становления своего могильщика в лице Ландсбергиса-младшего. А когда покровители из КГБ поставили его во главе “Саюдиса”, то Ландсбергис с блеском использовал предоставленную ему возможность. Почувствовав перспективы, которые для него открывал “Саюдис”, он решил пойти “ва-банк”. Ландсбергис понял, что создалась редкая возможность задвинуть “ставленников Москвы” и, провозгласив независимость Литвы, стать полным хозяином республики.

Задачу облегчал тот факт, что тогда первым секретарем ЦК Компартии Литвы был Рингаудас Сонгайла, хороший хозяйственник, но весьма нерешительный и колеблющийся политик. При нем “Саюдис” мог не опасаться командного окрика или серьезного противостояния.

Удивительно, но в 1989–1991 годах бывший музыковед Ландсбергис, не имея юридического и дипломатического образования, успешно “пинал” кремлевских деятелей на международной арене. Занимается он этим и сегодня. К сожалению, в России, как в свое время в СССР, на официальном уровне пока не появились дипломаты и юристы, способные достойно противостоять этим доморощенным прибалтийским правоведам-политикам.

Вывод из вышесказанного один. Рассчитывать на лояльность подлецов-коллаборационистов типа Ландсбергисов в серьезных делах, касающихся устойчивости государственной системы, просто преступно. При случае они сдадут, не раздумывая. Это правило руководство КГБ в 1980-х, видимо, забыло. Утешает лишь одно. Ситуация с созданием движения “Талибан” в Афганистане и с бывшим американским агентом Усамой Бен Ладеном свидетельствует, что и ЦРУ совершило ту же ошибку.

Политическая амнезия

В большинстве случаев любой разговор с литовским политиком о советском периоде неизменно сводится к заявлению последнего о том, что если бы не советская оккупация, то Литва по уровню социально-экономического развития находилась бы на уровне Финляндии. При этом нередко утверждается, что Литва и в 1940 г. была чуть ли не на уровне Финляндии или Дании.

В этой связи несколько слов о Финляндии. Как известно, Великое княжество Финляндское находилось в составе Российской империи с 1809 г. по 1917 г. Литва (уже утратившая статус Великого княжества Литовского) вошла в Российскую империю в 1795 г. по итогам третьего раздела Речи Посполитой. В 1915 г. она была оккупирована кайзеровской Германией, а в 1918 г. провозгласила независимость. Как видим, время пребывания Финляндии и Литвы в составе Российской империи примерно одинаковое. Но результаты этого пребывания существенно отличаются.

Финны хоть и не любили русских, но пребывание в Российской империи воспринимали как неизбежное зло и стремились извлечь из него максимальную выгоду. В отношениях с империей, в отличие от постоянно бунтовавших поляков и литовцев, финны вели себя весьма лояльно.

В результате император Александр II согласился предоставить финскому языку статус государственного. По повелению российского императора была фактически заново спроектирована и выстроена столица Великого княжества Финляндского – Гельсингфорс (Хельсинки).

В российской империи Финляндия пользовалась значительными льготами и привилегиями. Она получила свою почтовую службу и органы правосудия, а с 1860-х собственную денежную систему. Финны были освобождены от прохождения обязательной службы в русской армии. Соответственно благосостояние населения росло, а его численность практически удвоилась с 1815-го по 1870 год.

После Второй мировой войны Финляндия сделала упор на развитие торгово-экономических связей с СССР. Это способствовало ускоренному становлению судостроительной промышленности, продукция которой шла в СССР. Получение из Союза дешевой нефти, угля и природного газа позволило создать мощную систему тепловых электростанций, которые были дополнены системой гидроэлектростанций. В итоге накануне XXI века экономический потенциал позволил Финляндии наладить не только производство оборудования мирового уровня для целлюлозно-бумажной промышленности, но и стать ведущим европейским производителем мобильных телефонов.

Ничего подобного мы не наблюдаем в Литве. Как отмечалось, обретение независимости в 1918 г. не внесло особых изменений в экономический потенциал республики. Напомним, что советское правительство, подписав в 1920 г. договор с Литовской Республикой, выделило ей 3 миллиона золотых рублей, положив начало золотому запасу. Но буржуазное правительство даже не смогло реализовать проект строительства гидроэлектростанции на реке Нямунас в районе Каунаса. Эта гидроэлектростанция была построена уже в советское время за счет средств союзного бюджета.

Довоенная Литва была аграрной страной. В промышленном производстве было занято около 40 тыс. рабочих. В основном, промышленность состо-

яла из массы кустарных мастерских с числом работников не более пяти. В городах на биржах труда числилось 58 тысяч безработных. Из крупных предприятий в Литве действовала табачная фабрика “Континенталь”, чулочная “Котон” и спичечная Крейгера. Все, что посложнее, — веялки, плуги, сноповязалки, велосипеды, швейные машины и т. п. Литва ввозила из Англии и Германии.

На селе избыточная рабочая сила составляла более 200 тысяч человек, 40 тысяч крестьянских хозяйств были пущены с молотка. За период с 1923-го по 1939 г. из Литвы за границу выехало около 100 тысяч человек. Родители моих родственников по линии жены в этот период эмигрировали из Литвы в Бразилию. В Литву они вернулись в 1957 г. Недостаток бытовой техники, проблемы с приобретением автомашин и другого советского “дефицита” воспринимались ими спокойно. Они говорили: “Со временем и это все будет. Зато у вас есть постоянная работа, гарантированное медицинское обслуживание, пенсия и, главное, уверенность в завтрашнем дне”.

Что же касается экономических показателей, по которым довоенная Литва была, якобы, на уровне Финляндии, то вот они. По производству и потреблению электроэнергии Литва занимала одно из последних мест в Европе (всего 80 млн кВтч в 1940 г.). Лишь 19% литовцев знали, что такое электричество. Урожайность зерновых составляла немногим более 9 ц/га. В лучший период 1938/39 г. Литва произвела мяса (в убойной массе) 180 тыс. т, молока — 1240 тыс. т на 4430 тыс. га сельскохозяйственной. От одной коровы в среднем в год надаивалось 1400 кг молока. Даже без статистики ясно, что до финских показателей здесь далеко.

Бывший премьер-министр (1920–1922 гг.) и президент Литвы (1926 г.) от крестьянской партии “ляудининков” д-р Казис Гринюс (Kazys Grinius) в календаре благотворительного общества “Капля молока” за 1939 год сообщил результаты своего обследования 150 крестьянских хозяйств.

По его данным, 76% обследованных литовских крестьян носили деревянные башмаки, только 2% — кожаные ботинки. Всего 1% женщин имели ночные рубашки, 19% женщин не употребляли мыла. Паразиты имелись в 95 семьях из 150. Мясо ежедневно ели 2% обследованных, четыре раза в неделю — 22%, реже — 7%, остальные совершенно не видели мяса на столе. 19% детей умирали, не достигнув года.

Тот же Гринюс в статье, опубликованной в газете “Lietuvos žinios” (Литовские вести) за 25 января 1940 г., сообщал, что в Литве 150 тысяч больны туберкулезом. Около 80% детей больны рахитом. Соответственно, смертность в Литве превышала рождаемость и, если так продолжалось бы, то через 150 лет литовский народ должен был вымереть.

Основываясь на данных 1939 г., советский литовский экономист К. Мешкаускас в своей книге “Tarybu Lietuvos industrializavimas” (“Индустриализация Советской Литвы”) подсчитал, что рабочий в буржуазной Литве, если брать 8 часов рабочего дня, для себя работал 2 часа и 15 мин., а для капиталиста — 5 часов и 45 мин.

Неудивительно, что в буржуазной Литве забастовки рабочих были постоянным явлением. Всего в период 1930–1940 гг. в Литве произошло 765 забастовок экономического характера, в которых участвовал 96 371 рабочий. В тот же период произошло 145 забастовок политического характера, в которых участвовали 48 152 рабочих.

Заметим, что Литва была аграрным краем с неразвитой промышленностью. 76% всех жителей жили в деревне. Здесь, в условиях избытка сельскохозяйственных рабочих, эксплуатация была просто дикой. Если в 1930–1931 гг. сельские рабочие получали 400–500 литов в год, то уже в 1932 г. издаются “Нормативные условия найма”, по которым зарплата батраков становится 350 литов в год, но ее можно было уменьшить и до 245.

Условия, в которых приходилось жить литовским батракам, напоминали рабские. Газета Союза литовских христианских рабочих “Дарбининкас” 6 марта 1934 г. писала: “По всей Литве жизнь дворянских батраков в большинстве как в пещерах. По-человечески ли это, если по гнилым подоконникам гуляет ветер, окна забиты тряпками, дым идет больше вовнутрь, чем через камин, нет никакого пола, только ямы и грязь, в которой ползает грязный маленький дитя”.

После вхождения Литвы в СССР с безработицей было покончено в кратчайшие сроки. В 1940 г. было создано 56 тысяч рабочих мест. В 1941 г. —

187 тысяч. В сентябре-октябре 1940 г. была проведена земельная реформа, по которой землю получили около 75 тыс. безземельных и малоземельных крестьян.

После войны Литва стала одной из самых динамично развивающихся республик в Союзе. Были построены крупные промышленные предприятия не только в Вильнюсе и Каунасе, но и в большинстве районных центров. Достаточно сказать, что в заштатном районном центре Утена, где я начинал свою трудовую деятельность, до войны действовали лишь мини-маслозавод и лесопилка с десятком рабочих. Зато в 60-е годы были построены трикотажная фабрика, мощные пивной и мясокомбинаты, завод лабораторных электропечей. Советские «оккупационные» железнодорожные войска в ударные сроки построили ширококолейную железнодорожную ветку, соединившую Утену с Вильнюсом. Дополнительно была проложена и двухполосная скоростная «бетонка». И так по всей Литве. Темпы роста промышленного производства в Литовской ССР были в три раза выше, чем в среднем по Союзу.

До перепродажи полякам успешно работал на российской нефти Мажейкский нефтеперерабатывающий завод («Mazeikiu nafta»), построенный в советское время. Благодаря этому бюджет Литвы ежегодно получал 200 млн долл. США. Настоящими воротами Литвы в Европу стала паромная переправа Клайпеда – Мухран, также построенная в советское время. Её строительство обошлась союзному бюджету в несколько миллиардов рублей (считай долларов). Сегодня в Литву паромами ввозится значительная часть подержанных иномарок из Германии, которые потом, будучи отреставрированными в бесчисленных литовских автомастерских, продаются в Россию.

В советское время была заново создана энергетика республики. Рядом с мощнейшей Литовской ГРЭС им. Ленина был выстроен современный город Электренай. В 1983 г. заработал первый блок Игналинской атомной электростанции (31 декабря 2009 г. Игналинская АЭС по указанию из Брюсселя прекратила свою работу навсегда). В итоге производство электроэнергии в 1985 г. в Литве выросло по сравнению с 1940 г. в 258 раз и составило почти 21 млрд кВтч, что позволило полностью электрофицировать все города, поселки и хутора, а также на 100% механизировать доение коров, на 98% – подачу воды и на 71% – раздачу кормов скоту. Это уже на уровне европейских показателей.

При советской власти Литва стала страной сплошной грамотности и по количеству студентов на 10 тысяч жителей опережала Японию, Англию и Западную Германию. Были построены современные здания для Литовского драмтеатра, театра оперы и балета, Паневежского драмтеатра, слава о котором гремела по всему Союзу. Вильнюс украсили Дворец спорта и одна из самых высоких в Европе телебашен. Пouchиться жилищному строительству в Литву приезжали со всего Союза.

При этом в Советской Литве бережно относились к сохранению исторического наследия и традиций. Широко проводились всенародные праздники песен. Был создан этнографический музей под открытым небом в Румшишкес. Литовские реставраторы первыми в Союзе стали восстанавливать исторические памятники (Тракайский замок) и Старый город в Вильнюсе.

Надо отметить, что столь динамичное и сбалансированное развитие Литвы во многом было обусловлено мудрой (такое определение в данном случае наиболее точно характеризует ситуацию) политической многолетнего руководителя Литвы Антанаса Снечкуса, который с 1936 г. по 1974 г. возглавлял Компартию Литвы. Он был настоящим патриотом Литвы, что бы сегодня о нем ни говорили современные литовские политики и историки.

Позиции республики Снечкус умел отстаивать и в кабинете Сталина, и в кабинете Хрущева, и в кабинете Брежнева. После войны Литва стала убежищем для многих советских интеллигентов и партработников из России и других республик, ставших жертвой ложных доносов. Судьбой некоторых из них занимался сам Снечкус. Во времена «кукурузомании» некоторые председатели колхозов, спасая традиционное литовское земледелие, занимались, как тогда говорили, «вредительством», так как сеяли кукурузу только по периметру полей с зерновыми. Снечкус к этим фактам относился с пониманием.

Аналогично он поступил и во время бездумных хрущевских установок «догнать и перегнать Америку по производству мяса». «Гонка» не нанесла серь-

езного ущерба сельскому хозяйству Литвы, хотя в России секретари некоторых обкомов КПСС стрелялись, так как ради высоких показателей вынуждены были полностью пускать крупный рогатый скот на мясо.

Снечук не побоялся использовать бюджетные средства на реконструкцию Тракайского замка, что могло дорого обойтись ему. Но судьба хранила Снечука и в тот раз. Сегодня его имя незаслуженно забыто и оболгано. Но пройдет время, вырастет новое поколение, и все станет на свои места.

Не секрет, что Литва, как и другие республики Прибалтики, занимала в Союзе привилегированное место. Она получала из союзного бюджета в разы (до 3 раз) больше капсредств, чем ведущие российские области, в том числе и черноземные. В ЦК КПСС выезд работников отраслевых отделов в Литву, Латвию и Эстонию котиrowался на уровне выезда в соцстраны.

В 1988 г. Бразаускас, будучи секретарем ЦК Компартии Литвы по экономике, на одном из совещаний сообщил, что Литва в период 1970–1985 гг. на мелиорацию и строительство дорог получила из союзного бюджета практически столько же средств (более одного миллиарда рублей), сколько соседняя Белоруссия, территория которой в 3,2 раза больше территории Литвы.

Советские руководители Литвы с гордостью подчеркивали, что республика по целому ряду социально-экономических показателей находится на уровне развитых европейских стран. И это было правдой. Но пришла независимость по Ландсбергису.

Интересна оценка правления Ландсбергиса литовским историком Людасом Труской. Отвечая корреспонденту “Экспресс-недели” об истоках нынешнего социально-экономического кризиса в Литве, он отметил: “Все началось гораздо раньше, когда в 1991–1992 годах, после восстановления Литовского государства, закладывались краеугольные камни литовской экономики. Тогда большинство в Верховном совете Литвы составляло правое крыло “Саюдиса”. Они пробыли у власти до осени 1992 года, успев разрушить колхозы, провести приватизацию основных предприятий и сельскохозяйственных земель. Когда же в 1992 году к власти пришла Демократическая партия Литвы во главе с Бразаускасом, основные законы уже были приняты, поменять их было невозможно”.

Следует добавить, что приватизация основных предприятий, в том числе союзного подчинения, в Литве превратилась в банальный грабёж и разрушение. Практически весь потенциал, созданный за советский период, за два года варварским способом был расчленен и распродан. После этого сравнение с Финляндией выглядит просто насмешкой.

Я почти четверть века непосредственно имел дело с промышленностью Литвы и хорошо знал ее научно-технический потенциал. Литва располагала научно-технической базой для того, чтобы стать производителем современного точного металлообрабатывающего оборудования мирового уровня. Солидная основа была и для развития радиоэлектроники. В Литве вполне мог бы быть создан концерн, способный составить реальную конкуренцию той же финской “Нокиа”.

Напомню, что вильнюсское производственное объединение “Вильма”, специализирующееся на производстве звукозаписывающей техники, первым в Союзе (в 1980 г.) получило право на кооперацию с японскими фирмами. Роботизированными комплексами, созданными умельцами вильнюсского завода “Пласта”, восхищались не только специалисты из московского НИИ автоматизации, но и зарубежные делегации. Станки, изготавливаемые в инструментальном цехе вильнюсского завода сверл, по некоторым параметрам превосходили аналоги ведущих мировых фирм. И это были не единичные примеры. При надлежащей модернизации эти отрасли были бы способны стать локомотивом развития экономики республики. К сожалению, сегодня всё это безвозвратно утрачено.

Выразительны цифры, обнародованные в статье ведущего литовского экономиста, доктора экономических наук Юлюса Весялки “Крах по-литовски...”, опубликованной в газете “Литовский курьер” (№19/727, от 11–17.05.2000 г.). Весялка считает, что “Литва, развиваясь в направлении чистого капитализма и свободного, дикого рынка, с 1991-го по 1998 год потерпела следующий ущерб:

– в секторе сельского, лесного, рыбного хозяйства не произведено сово-

купного внутреннего продукта (СВП) на 170 миллиардов литов (1 доллар США тогда равнялся 4 литам);

- в промышленности – на 1300 миллиардов литов;
- в строительстве – на 60 миллиардов литов;
- всего – на 1530 миллиардов литов.

... Из-за снижения рождаемости Литва лишилась 230 тыс. человек

... С 1993-го по 2000 год внешнеторговый дефицит Литвы со странами ЕС составил 17,7 млрд литов. По этой причине она лишилась 680 тыс. рабочих мест. Также надо учитывать, что до 2000 г. в долг на Западе уже взято 3,8 млрд долларов, или 15,3 млрд литов”.

По данным ИА Regnum, 2010 год Литва завершила с государственным долгом около 36 млрд литов. Только за один 2010 год госдолг вырос в два раза.

Добавим, что к настоящему времени более 500 тыс. граждан Литвы в основном квалифицированных специалистов, навсегда выехали из республики в поисках лучшей жизни. Ежегодно они создают внутренний валовой продукт на 70 млрд литов, из которого в Литву поступает лишь 10%. По предварительным данным переписи, проведенной в мае 2011 г., за последние 20 лет (1991–2011 гг.) численность населения Литвы уменьшилась с 3,7 млн до 3,0 млн человек. И даже если эти данные не совсем точны, убыль населения в Литве в годы капиталистического хозяйствования является катастрофической, о чем свидетельствуют ряд авторитетных литовских экспертов. Это можно назвать гуманитарным геноцидом литовской нации.

После вышеизложенного остается надеяться, что когда-нибудь наступит день, и литовское общество осознает, где его друзья, а где враги.

Обреченные быть рядом

Литовские политики и историки для подкрепления утверждений об особой атмосфере национальной и конфессиональной терпимости в современной Литве постоянно ссылаются на историю Великого княжества Литовского. Судя по сохранившимся сведениям, это было действительно уникальное государство. Люди разной национальности и вероисповедания чувствовали себя в нем комфортно.

Но можно ли считать, что современная Литва сохранила эти традиции? Хотелось бы верить. Однако на конференции русских, живущих в Литве, состоявшейся весной 2010 г. в Клайпеде, многие участники говорили об активизации в Литве антироссийских радикальных националистических сил (см. материалы ИА Regnum от 23–29.08.2010).

Это подтверждает эпизод, произошедший в августе 2010 г. на литовском телевидении. Известная фигуристка, в течение многих лет достойно представлявшая Литву на международных ледовых аренах, Маргарита Дробязко как член жюри телешоу “Танцуй со мной” посмела дать оценку участникам шоу на родном ей русском языке.

В литовских СМИ это вызвало целую бурю эмоций по отношению не только к русским и их языку. Оказывается, говоря по-русски, Дробязко “наплевала на Закон о Государственном языке”. Ее не постеснялись обвинить в “тупоумии”. Интересно, вызвало бы подобную реакцию мнение Маргариты, если бы она высказала его по-английски?

Как уже говорилось, литовские политики и историки не стесняются интерпретировать исторические события в нужном для себя свете. На уровне политического руководства страны формулируются оценки какого-либо периода истории, а затем историки подбирают под эту концепцию соответствующие аргументы и факты. Но следует иметь в виду, что всегда могут найтись авторитетные ученые, которые аргументированно докажут сомнительность этих аргументов.

Это продемонстрировал эстонский профессор, ректор Таллинского университета, известный поэт, философ и общественный деятель Рейна Рауд в феврале 2008 г. Он прибыл в Литву по поводу награждения его крестом ордена “За заслуги перед Литвой”. Однако это не помешало Рауду высказать критическое суждение по поводу стремления литовских политиков и историков представить современную Литву как продолжательницу Великого княжества Литовского.

Отвечая на вопросы литовского информационного агентства “Delfi”, Рауд заявил: “Мне хочется отметить, что литовцы часто ведут себя так, словно их современное государство — Литовская Республика — прямое продолжение Великого княжества Литовского (ВКЛ), словно оно — огромно, хотя на самом деле маленькое — как по территории, так и по численности населения. Одно дело, когда это красивое чувство, гордость за прошлое, и совсем другое, когда современная политическая практика основывается на категориях того времени. Иногда хорошо заметно, как историческое сознание определяет действия сегодняшних политиков.

... ВКЛ называлось Литовским княжеством, но территория нынешней Литвы составляет лишь 1/15 часть бывшей территории ВКЛ. Литовский язык в княжестве не был широко распространен, разве только среди крестьян. А Великое княжество Литовским назвали только потому, что его создала династия литовского происхождения — Гедиминовичи. Они когда-то говорили по-литовски, но затем начали использовать русинский язык — особенно те Гедиминовичи, которые владели восточными территориями — землями Смоленска, Полоцка и так далее. Вряд ли они по прошествии нескольких поколений могли бы договориться друг с другом по-литовски.

Я понимаю, что существование ВКЛ — славное прошлое литовцев, но прямой связи между ВКЛ и современной Литовской Республикой я не вижу. Надо различать старое — династическое — и современное национальное понимание государственности. Это разные вещи, совершенно разные формы организации общества”.

Эстонский ученый также раскритиковал устремления литовских политиков, идущие от геополитических амбиций Великого княжества Литовского — считать Литву “региональным лидером”. Рауд заметил, что: “Иногда заметно, как историческое сознание влияет на действия современных политиков”. Эстонский философ подверг критике попытку Литвы изображать великого геополитического лидера. “Это желание стать лидером мне кажется несколько смешным. Почему обязательно нужно быть лидером и свои действия организовывать, оглядываясь на то, помогает это стать лидером или нет. Я полагаю, что нужно руководствоваться не целью лидерства, а моральными, политическими, демократическими принципами, которые помогли всей Восточной Европе освободиться. Я не политолог и не стану углубляться в политологический анализ, однако даже от самих литовцев я слышал, как они говорили — ну, вот мы маленькие, но ведем себя, как если бы были очень большие”.

Эстонский профессор считает, что “смешные” амбиции Литвы мешают как раз выработке согласованных действий между Литвой и двумя другими странами Прибалтики. “Еще одна проблема состоит в том, что Литва, как мы уже говорили, хочет стать лидером “восточного соседства”. Поощряет ли такое желание сотрудничество с Латвией и Эстонией? Думаю, что нет”.

Добавить к этому что-то сложно. Литовским политикам остается лишь сделать конструктивные выводы из этой критики. А мы совершим небольшой экскурс в историю российско-литовских отношений.

В Европе немного стран, которых, как Литву, объединяли бы с Россией столь многочисленные страницы общей истории. Начнем с того, что на фризе известного памятника “Тысячелетие России”, установленного в 1862 году в Новгороде Великом, из 109 бронзовых фигур наиболее значительных фигур истории государства Российского не русских — восемь, и пять из них являются представителями Великого княжества Литовского.

В разделе “государственные люди” России изображены три Великих князя Литовских: Гедимин (в литовской истории известный, как Гедиминас), Ольгерд (Альгирдас) и Витовт (Витаутас). Среди “военных людей и героев” России рядом с бронзовым князем Александром Невским находится скульптура литовского князя, а впоследствии князя Псковского Довманта (Даумантаса). Рядом с фигурой героя Куликовской битвы великого князя Владимирского и Московского Дмитрия Донского стоит Великий князь Литовский Кейстут (Кястутис).

Литовские князья на памятнике “Тысячелетие России” представляют период примерно с середины XIII до середины XV века. Это было время, когда значительная часть Древней Руси оказалась под монголо-татарским игом. Разобщенные и враждующие русские княжества не смогли оказать достойного

сопротивления монголо-татарской Орде, скрепленной в единый монолит волей Чингисхана. Не смогли противостоять русичи и последующим набегам полчищ внука Чингисхана Батыя. В этот сложный для древней Руси период, вплоть до конца XIV века Литва, а точнее Великое княжество Литовское (ВКЛ) оказалась вторым центром собирания русских земель.

Появление этого государственного образования является, по историческим меркам, достаточно внезапным. Во времена Киевской Руси о нем никто не слышал. Русские хроники X–XII веков свидетельствуют, что территории, на которых проживали прибалтийские племена находились под владениями русских князей, прежде всего, Полоцких, поскольку платили им дань.

В Ипатьевской летописи под 1180 годом полоцкие князья Всеслав Микулич, Андрей Володшич, Изяслав и Василько упоминаются также как князья Литвы. В летописи также перечисляются их владения в составе Полоцкого княжества: Браслав, Воложин, Заславль, Логойск. В 1190 г. среди этих владений упоминается Минск. В Псковской летописи под 1213 годом упоминают “литовский князь” Владимир Торопецкий, брат новгородского князя Мстислава Удалого. И даже в 1239 г. полоцкие князья ещё именуется князьями Литвы.

Государственность возникшего позднее Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского в определенной мере являлась продолжением древнерусской. О том, какое место занимал славяно-русский компонент в Литовском княжестве, наглядно свидетельствуют следующие факты.

Известно, что “Русская Правда” Ярослава Мудрого долгое время являлась основным источником права, регулирующим государственно-правовую жизнь Великого княжества Литовского. Языком официальных документов ВКЛ был западно-русский письменный язык, называемый также русинским или руським. На нём написан “Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.”. Традиции этого языка более всего чувствуются в белорусском и украинском языках. Отказ от русиновского языка произошел вследствие полонизации политической и культурной жизни ВКЛ, бурно начавшейся в конце XVI века.

Особый интерес представляет 3-й параграф постановления Люблинского сейма от 1 июля 1569 г. об уни Великого княжества Литовского с Короной Польской. Там говорится, что “избранник при избрании и короновании должен быть тотчас же провозглашен королем польским и великим князем литовским, русским, прусским, мазовецким, жемойтским, киевским, волинским, подляским и лифляндским” (подчеркнуто нами. – **В. Ш.**). Из этого следует, что по старшинству русский компонент являлся вторым после литовского.

Некоторые историки не без оснований полагают, что Великое княжество Литовское было, по сути, Русью Литовской. Поэтому литвины на Руси не всегда воспринимались, как инородцы. В этой связи заявления об извечной исторической вражде Литвы и России являются тенденциозно преувеличенными.

Следует признать, что Великое княжество Литовское для западных древнерусских княжеств явилось своеобразным щитом, защитившим их от немецкой колонизации и монгольского ига. Его правители: Гедимин, Ольгерд и Витовт позволили этим княжествам сохранить самобытность, язык, культуру и веру, ограничиваясь лишь платой дани. В дальнейшем именно это безболезненно позволило сделать эти территории органической частью Российской империи. Видимо, не случайно великие князья Литовские Гедимин, Ольгерд и Витовт были увековечены на памятнике “Тысячелетие России”.

Следует отметить еще один важный аспект связи Великого княжества Литовского и Московской Руси. Известно, что военное могущество Руси в XIV–XVI веках во многом прирастало выходцами из княжества Литовского. Многие из них стали великими государственными деятелями Руси и России. Начнем с литовского князя Довманта (Даумантаса). Он вместе с 300 литовскими семьями своих сторонников в 1265 г. перебрался в город Псков. Псковское княжество было форпостом российских земель и постоянно подвергалось набедам датчан и ливонских рыцарей. Военные таланты Довманта были замечены псковичами, и через год он был избран князем Псковским.

Как зафиксировано в летописи, во втором браке женой Великого князя Литовского Гедимины (Гедиминас, 1315–1341) была русская православная княжна из Смоленска Ольга Всеволодовна. Женой Великого князя Литовского Ольгерда (Альгирдас, сын Гедиминас, 1345–1377) была русская тверская княжна Ульяна. Ягайло, их сын, стал родоначальником польской династии Ягеллонов. Напомним, что внуки Гедимины, сыновья Ольгерда, князь Псков-

ский Андрей Ольгердович и князь Брянский Дмитрий Ольгердович приняли участие в Куликовской битве (1380 г.) на стороне Дмитрия Донского.

Женой московского царя Василия I (сына Дмитрия Донского, 1389–1425 гг.) была Софья Витовтовна, дочь Великого князя Литовского Витовта (Витаутаса 1392–1430). Она сыграла заметную роль в русской истории того времени. Женой московского царя Василия III (1505–1533) была литовская княжна Елена Глинская. В 1530 г. у них родился сын Иоанн (будущий Иван IV Грозный).

В целом немало потомков Великого князя Литовского и Русского Гедимино-на избрали своим отечеством Великое княжество Московское. В России Гедиминовичи стали второй по знатности после Рюриковичей княжеской ветвью. Практически все они были важной частью русской высшей аристократии и с XV в. играли видную роль во многих событиях истории России. Гедиминовичи стали основоположниками известных российских княжеско-боярских родов: Голицыных, Куракиных, Хованских, Полубинских, Трубецких, Патрикеевых, Бельских, Волынских, Мстиславских, Булгаковых и Щенятевых.

Кстати, на памятнике “Тысячелетие России” присутствуют ещё два персонажа, ведущих свое происхождение от Гедимино-на. Это князь-воевода Даниил Васильевич Щеня и генерал-фельдмаршал времен Петра I Михаил Михайлович Голицын. Оба они потомки старшего внука Гедимино-на – Патрикея Наримановича.

Массовый отъезд православной литовской шляхты в московские владения продолжался и после Витовта. Это происходило вследствие обострения конфликта между набирающим силу католическим окружением литовских великих князей и православной знатью. Этот процесс особенно усилился после принятия в 1596 г. Брестской церковной унии, которая серьезно ущемила в правах православную церковь в едином польско-литовском государстве Речи Посполитой.

Литва и Россия связаны не только совместной историей, но и судьбами конкретных людей. В этом плане якобы существующая вековая историческая неприязнь литовцев к русским, которую пропагандируют некоторые литовские политики и историки, является, мягко говоря, вымыслом.

Даже во времена жесточайшего противостояния Великого княжества Литовского и княжества Московского, когда на “кону” стояло будущее государств, отношения между Литвой и Москвой были более конструктивными и прагматичными, нежели в “цивилизованном” XX веке.

Сегодня Литовской Республике и Российской Федерации нечего делить. По крайней мере, Россия к Литве не имеет претензий. Можно было бы начать отношения с чистого листа, “обнулив счетчик взаимных обид”, как предложил в 2006 г. тогдашний российский президент Владимир Путин. Тем более что ни Литва, ни Россия не могут изменить своего географического положения. Они обречены находиться рядом. Как известно, дружба между соседями только способствует их процветанию. Для Литвы и России этот аспект сегодня крайне важен.

НЕ ДЛЯ ТОГО МЫ ОСВОБОЖДАЛИ КУРИЛЫ!..

Беседа Алексея ШОРОХОВА с Ямилем МУСТАФИНЫМ

Принятая не так давно парламентом и правительством Японии “декларация об оккупированных РФ” так называемых “северных территориях” является фактическим объявлением войны. Войны, как минимум, политической, при которой на руководство РФ в “разрешении этого вопроса” будет оказываться максимальное давление Японией и её союзниками. Впрочем, при сомнительных успехах нынешней военной реформы и дальнейшей деградации российской армии вполне возможной становится и военная форма конфликта между РФ и Японией. Смехотворная на первый взгляд, сегодня (так же как и на протяжении последних 60 лет) такая возможность со временем становится всё менее и менее невероятной.

Итак, возможность Третьей русско-японской войны, а также – реальный статус южной оконечности Курильской гряды и малоизвестные факты Второй русско-японской войны (август – сентябрь 1945 г.) – в беседе “НС” с членом Высшего творческого совета Союза писателей России, ветераном-фронтовиком писателем Ямилем Мустафиным.

Алексей Шорохов: Ямил Мустафьевич, Ваша служба на Дальнем Востоке начиналась вскоре после победы СССР и союзников над Японией, ещё, можно сказать, дымились развороченные бетонные укрепления японцев, а Вашими непосредственными сослуживцами были Герои Советского Союза, освобождавшие Курильскую гряду. Что Вы скажете о самой возможности уступки этих территорий Японии? Ведь прежние истерические крики “самураев” о “северных территориях” недавно приобрели официальный статус?

Ямил Мустафин: Давайте сначала вспомним историю вхождения Курил в состав Российской империи. В 1697 году Курилы и восточная часть Сахалина были открыты и описаны русским землепроходцем В. В. Атласовым. Что касается Японии, то эта страна многие века жила в режиме жесткой самоизоляции, и даже остров Хоккайдо (ныне принадлежащий Японии), по свидетельству самих же японцев, чуть ли не до XVIII века считался иноземной территорией. Населяли острова айны, и уже в 1779–1780 гг. свыше полутора тысяч айнов, населявших Итуруп, Кунашир и даже Мацумай (ныне японский Хоккайдо), приняли российское подданство. Тогда же Екатерина Великая освободила айнов от всяких податей, чем ещё больше привлекла население островов к России. Многие из коренных жителей Курил приняли православие и обучились русской грамоте. Таким образом, факт открытия и освоения русскими Курильских островов неоспорим.

Однако со временем интерес имперского центра к островам ослабевал, и там стали появляться японские колонизаторы; они сбивали православные

кресты, пограничные столбы и ставили свои заставы. Айнов японцы жестоко терроризировали и обирали, чем вызывали естественное недовольство коренного населения. Поэтому, когда русские моряки с фрегата “Юнона” и тендера “Авось” экспедиции Николая Резанова в 1805 году восстановили русский пограничный столб и отменили японские поборы, айны встретили возвращение русских с нескрываемой радостью.

Тем не менее, японцы уже не собирались отказываться от островов, хотя и не имели военной возможности оспорить их у России. Такая возможность появилась у них в 1855 году, когда Россия вела войну в Крыму против Англии, Франции и Турции. Русские тихоокеанские экспедиции остро нуждались в доступе к японским портам для пополнения запасов продовольствия и пресной воды. Это стало возможным только после подписания первого Русско-японского договора о мире и дружбе в Симеде (1855 г.). Увы, но тогда, на фоне поражения в Крыму, нам не удалось отстоять свои права на всю Курильскую гряду, и граница прошла между островами Итуруп и Уруп. Сахалин был признан неразделенным между Россией и Японией. Дальше – хуже. Первый в истории России царь-либерал, икона нынешних демократов, Александр II подписал в 1875 году с Японией Петербургский трактат, по которому “навек” Сахалин признавался русским, а Курилы отходили к Стране восходящего солнца. Если учитывать, что незадолго до этого Александром II была продана Соединённым Штатам Аляска за символическую сумму 11 миллионов рублей, то практика разбазаривания русских земель в его правление становится очевидной. После вероломного нападения Японии на Россию в 1904 году и неудачной первой Русско-японской войны, в 1905 году при подписании Портсмутского мирного договора Япония потребовала от России уже и остров Сахалин. Когда же русская сторона сослалась на Петербургский трактат с формулировками “на веки вечные”, японцы ответили, что война **перечёркивает все договоры**. Только благодаря искусству русской дипломатии империя сохранила за собой северную часть Сахалина, южная же отошла японцам.

Неудивительно, что в 1945 году на Ялтинской конференции генералиссимус И. В. Сталин поставил условием вступления СССР в войну с Японией – возвращение всего Сахалина и всей Курильской гряды в состав Советской России. Все эти территории, несмотря на мощные укрепления и глубоко превосходящие силы противника, были освобождены советскими морскими пехотинцами за одну неделю. Так, командир роты морской пехоты, Герой Советского Союза майор Яроцкий, с которым мне посчастливилось служить, бравший мощную военноморскую базу японцев на острове Дайрен (Дальний), рассказывал мне: “Ни одного самурая, ни одного харакири не видел, сдавались пачками”.

В 1951 году в Сан-Франциско представители 49 государств подписали с Японией мирный договор, в котором Япония **сама** отказывалась от каких-либо претензий на Сахалин и Курильские острова. Сегодня же они утверждают, что под Курильскими островами не подразумевалась их южная (для России) часть. Я думаю, достойно на вопрос о территориальных притязаниях Японии ответил в свое время А. Н. Косыгин:

– Границы между СССР и Японией следует рассматривать как итог Второй мировой войны.

Совсем в духе японского ответа в 1905 году, мол, война перечёркивает все договоры.

А. Ш.: Ямил Мустафьевич, и всё-таки, на Ваш взгляд, возможность политического или даже военного противостояния между Россией и Японией из-за Курил велика?

Я. М.: Несомненно, и нынешняя активизация японцев в вопросе “по островам” свидетельствует об этом. Как мы могли увидеть, уже на протяжении двух веков японцы поднимают вопрос о “северных территориях” именно в моменты ослабления России. Сегодня, к сожалению, как раз такое время.

И прецеденты уже есть: недавняя передача больших территорий по Амуру Китаю. Мне вот пишут местные жители: идёшь по тайге, где сто лет до того ходил, идёшь и вдруг... выходишь на китайского пограничника. Японцы видят это и, разумеется, не могут не реагировать. Но не для того мы освобождали Курилы, чтобы сдать их!

А. Ш.: В советских учебниках истории войну с Японией в 1945 году называли “войной с империалистической Японией”. Но ведь по сути своей это было фашистское государство, и я сам неоднократно слышал от китайцев о дей-

ствительно фашистских зверствах японцев в Китае, Маньчжурии, Монголии. Почему же не один японский военный преступник не предстал на Нюрнбергском трибунале?

Я. М.: Видимо, уже тогда США и Англия стали рассматривать побеждённую Японию как своего будущего союзника против СССР. А что касается зверств, то о них я наслушался от местного населения во время службы вдоволь. Есть у меня рассказ “Дикарка”, там один из персонажей – китаец. Так вот, его отца на глазах у детей и всей семьи японцы изрубили на куски самурайскими мечами, просто для потехи. А потом у него родился обречённый мальчонка с заячьей губой, и только благодаря операции, сделанной русскими военными врачами, он остался жив. Как говорится, почувствуйте разницу.

Ну и, кроме того, известно же о японских “лагерях смерти”, где японские изверги над китайцами, монголами, русскими пленными творили не меньшие зверства, чем немцы. Обмороживали, прививали сибирскую язву, делали другие “опыты”. Так что Вы правы, мы одержали победу не над “империалистическим”, а именно над фашистским государством Японией. И не случайно, что у бывших фашистских государств (таких как Латвия, Эстония, Япония) сегодня появляются те или иные “претензии” к России. Всё это попытка пересмотреть итоги Второй мировой войны, в том числе – и территориальные.

А. Ш.: Кстати, о “претензиях”... Ведь и в самой России, и в ближайшем зарубежье сейчас многие озвучивают претензии к советской государственности: переселение народов, репрессии, голодомор... Ваша семья тоже подверглась репрессиям, переселению, в то же время – Вы один из наиболее последовательных патриотов России. Почему так сложилось, что у Вас нет “претензий” к русскому народу?

Я. М.: Во-первых, потому, что русский народ сам больше кого-либо пострадал от репрессий. Мой прадед был Верховным муфтием России, дед (тоже муфтий) был награждён Золотой медалью Российской империи, разумеется, нас как семью мусульманских священников подвергли репрессиям. Но ведь вместе с нами были репрессированы десятки тысяч православных священников. И не только священников...

Нас сослали в маленький сибирский городок Тайшет, высадили – всё, Сибирь. Отца увезли в больницу, мама – башкирка, в семье почти никто не говорит по-русски. Сначала поселили в бане, и вот русские люди, что окружали нас – не уничижали ничем, помогали, как могли, построили спустя какое-то время дом для нас. К матери всегда шли за советом. Я вырос среди русских людей, ставший мне родным город Тайшет сделал меня своим почётным гражданином, в конце концов, я пишу на русском языке – какие у меня могут быть “претензии” к русскому народу?

Отец у меня татарин, мать башкирка, русской крови во мне нет, но я глубоко люблю русский народ. Ведь правильно же говорится, русские не завоевывали территории, а осваивали. Вслед за казаками-первопроходцами приходили врачи, учителя. Количество башкир спустя столетия после присоединения к России удвоилось! Свыше ста племён и народностей сохранили русские в составе своего государства на протяжении тысячи лет. Практически все народности, упоминающиеся в Повести временных лет, живы по сей день. Получили свою грамоту, свою письменность...

Поэтому когда кто-нибудь из либералов или “титულных” националистов говорит о русских с презрением – “старший брат”, я встаю и говорю: “Да, старший брат! Потому что в семье не может быть без старшего брата. Это в сожительстве все равны и живут друг с другом, пока видят для себя выгоду. Чуть что, и разбежались. А в семье не так, может, есть и обиды какие, но Бог всех нас учит прощать и жить дальше, всем вместе”.

Ведь нет же ни у кого в мире такого опыта совместного проживания свыше сотни народов, как у России. Вспомним американских индейцев, вырезанных английскими и испанскими завоевателями, вспомним полабских славян, уничтоженных германцами, таких примеров множество, а вот обратный – только один.

Я всегда говорил и говорю: русский народ – государствообразующий. Но сегодня он живёт хуже многих малых народов, и этому много причин. Недавно на съезде башкирских писателей я выступал и сказал, что не может один народ тысячу лет защищать, помогать другим и не устать. Поэтому сегодня наш долг – помочь русскому народу, поддержать его, тем самым мы помогаем себе и всей нашей тысячелетней России.

СЕРГЕЙ НЕПОБЕДИМЫЙ

РУССКОЕ ОРУЖИЕ

Из записок генерального конструктора ракетных комплексов

Воевать, да строить, да растить хлеба — вот народа нашего судьба, — эта поэтическая фраза лаконично передаёт суть жизни русского народа на протяжении многих веков. И строили, и растили хлеб, но, прежде всего, думали о защите своего дома, своей семьи, рубежей своей страны. Русское оружие всегда было непобедимо. И главная заслуга здесь в руках тех мастеров, что ковали это оружие. В XX веке главным русским оружием стали ракеты. Сергей Павлович Непобедимый — человек-легенда, конструктор ракетных систем, член-корр. Академии наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и трижды Государственной премий, в сентябре этого года отмечает своё 90-летие. Долгое время он возглавлял Конструкторское бюро машиностроения в Коломне — под таким скромным названием скрывалось сверхсекретное в советское время предприятие по разработке ракетных комплексов военного назначения. Рассказать обо всех разработках этого предприятия не представляется возможным, но многое открывает нам автобиографическая книга С. П. Непобедимого “Оружие двух эпох”, книга воспоминаний, литературную запись которых осуществил писатель Валерий Борисович Петров. Избранные места этой книги, особенно связанные с историей создания и последующим предательским уничтожением знаменитого ракетного комплекса “Ока”, вызовут несомненный интерес отечественного читателя.

1. Фамилия обязывает

В молодости я интересовался у отца: откуда у нас такая редкая “боевая” фамилия? В столице нашей Родины я, насколько мне это известно, являюсь её единственным носителем.

Со слов отца выходило, что фамилия наша довольно “молодая”, что, вероятнее всего, она образовалась лишь во второй половине девятнадцатого века и шла напрямую от деда Фёдора, который умер до моего появления на свет. Отец мой Павел Фёдорович Непобедимый родился в маленьком городке Обоянь Курской губернии, что расположен на правом берегу невеликой реки Псёл, притока Днепра. Малую родину моего отца и деда особенно хорошо знают в среде филологов. В диалектологии широко известен южнорусский говор со своеобразным яканьем обоянского и щигровского подтипов. Мой дед был постоянным участником кулачных боёв, что в то время было одной из обычных русских потех. Видно, от этих-то молодецких забав и пошла в нашем роду фамилия Непобедимый.

Ещё накануне Первой мировой войны мой отец уехал в Санкт-Петербург. Работал токарем на Металлическом заводе, а потом окончил школу учёных шоферов-механиков. По тем временам это была «аристократическая», ещё довольно редкая рабочая профессия. Пришлось отцу поучаствовать в бурных событиях того времени в столице Российской империи, в забастовках, за что вначале был взят под надзор полиции, а потом сослан подальше от Петрограда, в город Скопин Рязанской губернии, где он и пробыл до Февральской революции 1917 года.

После падения монархии отец сразу же вернулся в столицу, где нашлось применение его знаниям: как автомеханика с машиной его прикрепили к К. Е. Ворошилову, который очень короткий период после Февраля был членом Петроградского совета. Впоследствии мой отец, когда уже шла Гражданская война, уехал в Царицын и там был личным водителем К. Е. Ворошилова, когда тот руководил Царицынской группой войск и был заместителем командующего и членом Военного совета Южного фронта. Там, под Царицыном, ему несколько раз доводилось возить на служебном автомобиле тогда ещё мало кому известного И. В. Сталина и видеть гораздо более популярного в то время Л. Д. Троцкого, имевшего в личном распоряжении не автомобиль, а целый поезд. В конце 1919 года отца командировали в Москву, снова ставшую к тому времени столицей. Но по дороге он заболел тифом, его сняли с поезда в Рязани и положили в госпиталь, где отец лечился несколько месяцев. В этом древнем приокском городе он и познакомился с моей мамой. Тогда она работала телефонисткой на местной телефонной станции. Звали её Елена Андреевна Мотина. Она выросла в одном из уголков Рязанщины, сейчас это Пронский район Рязанской области, в большой крестьянской семье, и как многие её сверстницы, умела вести домашнее хозяйство, хорошо шить, готовить. Вскоре мои будущие родители поженились. А спустя время я и родился в городе Рязани. Это произошло в среду, 13 сентября 1921 года.

К тому времени Гражданская война уже затихала, но в городах стало труднее жить, сложнее найти работу, прокормить семью. Отец хотя и не совсем ещё окреп после перенесённого тифа, решил поискать лучших мест – вблизи от своей малой родины, на курской земле. Знакомые ему подсказали, что в Щигровском районе только что организован невиданный по тем временам совхоз Никольское. Сюда отец и был принят на работу главным механиком. Когда мне исполнился год, моя мама тоже рассталась с родной Рязанщиной, с близкими, которые ей помогали, и поехала со мной к месту работы отца, где он уже сумел закрепиться.

Так я оказался в Никольском, где прошло моё, как говорится, босоное детство. Оно и впрямь было таковым. С весны до осенних холодов мы, ребята, бегали без обуви по окрестностям, и когда нас заносило на кукурузные поля, то часто возвращались домой с окровавленными ступнями, порезанными острыми краями листьев. Само Никольское представляло собой чьё-то бывшее имение. У нас был маленький домик с пристройками – прежнее место обитания дворовых людей. Прямо перед нашими окнами был выгон, на котором паслось стадо коров. Но признаюсь, что животные не вызывали у меня тогда пристального интереса. Зато механические мастерские, которыми руководил отец, пыхтящий локомобиль, кузница, где всегда ярко пылал огонь и от ударов кузнеца с наковальни сыпались снопы искр – это всё производило на меня неизгладимое впечатление.

Отец проводил много времени на работе. Хозяйство, в котором он по-прежнему отвечал за машины и механизмы, постепенно развивалось. Колхозов ещё не было, а в нашем совхозе уже проводили электричество, росло число машин, облегчавших работу крестьян. В механических мастерских однажды появился токарный станок, на котором вытачивались всевозможные детали для нужд хозяйства. У него был довольно хитроумный ременный «спецпривод», от которого вращался шпиндель. Фокус состоял в том, что этот привод крутили вручную попеременно двое или трое рабочих, а токарь, точивший нужную деталь, иногда покрикивал на них, требовал дать больше оборотов. На токаях и в полях уже стали привычными локомобиль, сноповязалки, лобогрейки. Любопытная деталь. Отец иногда ездил к местным зажиточным крестьянам – колхозов, повторяюсь, к тому моменту ещё не создавали – и просил их о помощи в ремонте лобогреек, которые порой не выдерживали уборочной нагрузки. При этом он зачастую брал меня с собой. И хотя по

годам я был ещё невелик, но я видел и ощущал доброжелательность, с какой эти крестьяне подходили к просьбе отца. У них на дворах всегда был порядок, в делах чувствовалась основательность. Они без лишнего слов брались починить то, на что порой не хватало квалификации, навыка совхозным мужикам. Меня же, малолетнего, в таких случаях нередко звали в дом, угощали молоком и чем-нибудь вкусным. В основном эти люди были настоящими тружениками.

Шести лет отроду я, можно сказать, сам себя определил в школу. Без преувеличения скажу, что тогда все – и взрослые, и дети – ко всему, что было связано с учением, относились трепетно. Учёба воспринималась как некое священнодействие, а учителя почитались во всех слоях нарождающегося советского общества. По возрасту мне было ещё рановато постигать азы ученья, но я не мог отстать от своих старших товарищей и без приглашения уезывался за ними. Моя первая школа была за три километра от дома, в деревне под названием Длинная. Чтобы попасть туда, надо было пройти вдоль речки, перейти плотину, потом пройти по действительно длинной деревенской улице до старинного каменного одноэтажного здания. Школьники из Никольского шли, как правило, гурьбой, все вместе. И я вышагивал с важным видом, с холщёвой сумкой через плечо, в которой лежали бумага и карандаши, источавшие неповторимый запах этих нехитрых ученических принадлежностей.

Фамилия моей первой учительницы – Соглаева. Имени и отчества я, к сожалению, не помню за давностью лет. В одном большом помещении занимались сразу четыре класса начальной школы. Каждый из классов занимал один ряд. Вот среди этих рядов от класса к классу и ходила наша учительница, давшая нам самые первые систематические знания. В 1928 году, когда мне было семь лет, семья наша переехала в районный центр, город Щигры. Здесь отец поначалу заведовал автошколой, а потом возглавил местную артель металлистов. Мы жили на улице Красной, в доме № 41. Хозяйка дома недорого сдала его нашей семье, а сама уехала к детям в столицу. В этом доме мне предстояло провести все свои школьные годы, до отъезда на учёбу в Москву. Школа первой ступени находилась на другом конце города, идти туда надо было через весь центр, километра полтора. С пятого по седьмой класс все школьники учились в так называемой школе второй ступени, она уже была гораздо ближе к дому. А последние три класса я заканчивал в школе № 1, здесь до революции располагалась городская гимназия. Школьная территория и двор нашего дома были разграничены только красивой и длинной – метров пятьсот – аллеей из тополей. В детстве мы использовали её для спортивных тренировок.

Меня окружали добрые люди, хорошие товарищи, прекрасные учителя и замечательная природа. Теперь со всей определённой могу сказать: формирование характера, отношение к делу, учёбе, нравственное и физическое воспитание дали мне семья, школа и городская среда.

В далёком 1938-м году пришло время расставания со школой. Экзамены были сданы, и я получил аттестат о среднем образовании. Весёлым и одновременно грустным был наш выпускной вечер в июне. Девочки в белых платьях, принарядившиеся мальчишки. Готовились к выпускному вечеру тщательно. Конечно, с помощью родительского комитета школы. Выпекались горы пирожков, делались бутерброды, на улице пыхтели самовары, по чашкам разливался крепкий ароматный чай. Замечу мимоходом, что в то время никто даже подумать не мог, чтобы на выпускной вечер принести алкогольные напитки для взрослых, не говоря уж о выпускниках. Традиции трезвого образа жизни в обществе, тем более в малых городах были ещё очень сильны. В актовом – он же спортивный – зале происходило главное торжество – вручение аттестатов, а потом там же танцы до глубокой ночи, хотя она в это время была очень светлой и короткой. К сожалению, разразившаяся через три года страшная война разбросала всех выпускников нашей школы с такой силой, что у нас не сложилась традиция встречаться с какой-то периодичностью, хотя и сейчас я помню лица многих моих одноклассников. А в тот незабываемый июньский вечер танцы, самодеятельные выступления продолжались почти всю ночь, а в предракетную пору мы группами пошли в нашу любимую тогда дубовую рощу на окраине Щигров, где до наступления утра пели песни возле костра. . .

2. Время выбора

Пришло время выбора. К нему я был уже готов. Вызрело твёрдое решение поступать в Московский Краснознамённый механико-машиностроительный институт имени Н. Э. Баумана. В приёмную комиссию отослал все необходимые документы и вскоре получил вызов на вступительные экзамены. День отъезда подошёл незаметно. Проводов каких-то особенных не было. Попрощался с родными. Надел свой лучший, он же единственный костюм тёмно-синего цвета. Ботинок у меня не было. Только спортивные тапочки. Впрочем, такое сочетание тогда не было в диковинку, если учесть, что дефицит товаров лёгкой промышленности был повсеместным. Надо помнить, что в предвоенные годы обувью, отрезами или даже простыми галошами стимулировали передовиков производства и выдавали эти вещи в качестве премии тем, кто перевыполнял нормы.

Перед моим выходом за порог отец слегка обнял, приободрил меня и неловким движением вложил мне в руку тридцать рублей: это тебе, сынок, на первое время. Деньги по тем временам не слишком большие, но я-то знал, как они достаются.

Москва. 2-я Бауманская улица, дом 5. Расспросил о приёмной комиссии. Там разыскали в списке поступающих мою фамилию и вскоре разместили со многими, такими же, как я, в одной из институтских аудиторий. В группе абитуриентов, где я оказался, было 36 человек. В институте тогда было шесть факультетов – три гражданских и три военных. Такое соотношение вполне отражало то внимание, которое государство уделяло оборонному делу. Три военных факультета имели буквенную индексацию: “Е” – артиллерийский, “О” – бронетанковый, “Н” – факультет боеприпасов. На факультете “Н” я и сдавал экзамены по семи предметам. Сочинение по литературе, русский письменный, математика, химия, физика, иностранный язык, история ВКП(б) – вот перечень дисциплин, по которым шли испытания в течение целого месяца. Отбор, надо определённо сказать, был и строгим, и жёстким. В итоге из 36 поступили только четверо. В их числе оказался и я.

Учёба моя началась первого сентября 1938 года и потребовала с первых дней большого напряжения и времени. Мы готовились с однокурсниками к лекциям, делали домашние задания в читальном зале библиотеки института до его закрытия. После школы, более размеренной жизни в небольшом городке было трудно приноровиться к иному темпу жизни, к московским расстояниям. В общежитии мы поселились в комнате № 145. Третьим в комнате был мой сокурсник Довмонт Клименко, с которым у нас за все годы учёбы сложились товарищеские отношения. Студенческая жизнь факультета была бурной и в то же время подчинённой строгому распорядку. Впрочем, в её обычное русло порой вливались события, которые на какое-то время вносили весёлую или, напротив, драматическую ноту. Один анекдотический случай довольно долго ходил из уста и вызывал у всех смех. Был у нас заведующий кафедрой “Детали машин” – профессор Михаил Алексеевич Саверин. Специалист высочайшего уровня. Нам говорили, что когда-то, ещё в двадцатые годы, его приглашали на работу в Германию главным инженером на один из крупновских заводов. Но он остался в России, впоследствии стал основателем учения о взаимозаменяемости деталей машин и технологии машиностроительного производства, организатором стандартизации советского машиностроения, был отмечен высокими государственными наградами, Сталинской премией. Предмет был не из лёгких. У Саверина почему-то сложилось стойкое убеждение, что женщина-инженер – нонсенс. И на этой почве он, как-то просматривая чертежи одной студентки, обратил внимание на несоответствие одной проекции другой. Он попросил девушку циркулем замерить проекцию. У студентки что-то не получалось, и она пыталась объяснить, что у неё в готвальне оказался плохой циркуль, что у него очень трудно расходятся ножки. Речь шла о чертёжном инструменте, но Саверин в запале произнёс тираду в адрес отличницы: “Что же вы, голубушка, дожили до двадцати лет, а ножки развести не можете...” Только когда сидевшие в аудитории на экзамене студенты взорвались от смеха, а девушка вдруг вспыхнула красным цветом, Михаил Алексеевич понял всю двусмысленность своей фразы. Подождал, пока смех поутихнет, потом строго кашлянул и невозмутимо продолжил экзамен с той же требовательностью. Студентке он поставил... тройку.

На первых трёх курсах программа была для всех одинаковая и включала общую инженерную подготовку. Следующие два с половиной года изучали специальные предметы, а затем преддипломная практика и защита дипломного проекта. Без преувеличения скажу: учебный процесс был организован превосходно. Продуманно сочетались теория и практика. Мне, молодому парню из провинции, открылась страна. После первого курса с группой студентов мы поехали на Украину. Через Харьков, Дебальцево в Сталино (ныне – Донецк). Там на окраине города работал – это был 1939 год – “номерной” завод по производству боеприпасов. Надо отметить, что предприятие удивило большим количеством новых станков. Это был результат довольно тесных экономических отношений с Германией в то время. Как студенты факультета боеприпасов мы за дни практики освоили весь цикл создания изделий – технологический и производственный. Помню, одна из мелких операций на производственной линии никак у нас не получалась, что вызывало раздражение на самих себя. Мастер участка заметил нашу неловкость и потом пояснил: а вы, ребята, поглядите. Видите, у нас на этой операции работают одни женщины, не считая вас, практикантов. Тут всё просто. Мы давно поняли, что там, где работа требует кропотливости и терпения, только женский характер поможет. Месяц работы на заводе прошёл быстро, мы написали отчёты и с чистой совестью поехали по домам. Другая поездка на практику в Невьянск, на механический завод, кроме учебных познаний дала возможность увидеть легендарные уральские места.

3. Выпускники Победы

Устоявшийся ритм тогдашней жизни всей страны и моей, конечно, разрушила война. В тот трагический воскресный день 22 июня 1941 года наша группа – я был её старостой – должна была сдавать один из последних сессионных экзаменов, по теории резания. Мы уже пошли в институт, вышли на улицу, когда вслед за нами выскочил дежурный по общежитию и закричал, чтобы мы срочно вернулись. Сейчас по радио будет передано важное правительственное заявление! ... И вот выступление В. М. Молотова, тяжкие, как камни, слова о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз и призыв к защите своего Отечества. В тот же день столица забурлила. Почему-то запомнились одно наблюдение и одна мысль, которые овладели мною в первый день войны. После официального сообщения о начале агрессии в тот день я больше не видел на лицах людей улыбок, все стали строгими, сосредоточенными. И другое понимал, что нам, волею судеб оказавшимся вдали от горячих боёв, предстоит в короткое время перестраивать всю свою жизнь на другой, военный лад, но все равно нам будет несравненно легче, чем тем, кто в те минуты уже дрался и погибал под натиском вероломного врага. И кому предстояло драться и завтра, и послезавтра, и через неделю и, может быть, погибнуть...

На второй день войны я подал заявление о зачислении меня добровольцем в действующую армию. Мне тогда было неполных двадцать лет. Такие заявления принимали в райкомах партии. У нас это был Бауманский райком. В полной уверенности, что меня зачислят в народное ополчение, я ждал решения в отношении себя. Второго июля началось формирование ополчения в Москве. Я собрал вещи. Брат пошёл провожать меня. В рюкзак положил комсомольский билет, маленький русско-немецкий словарь, который и сегодня лежит у меня на книжной полке. Но меня после беседы попросили вернуться обратно. Объяснили, что в отношении студентов будет специальное решение правительства. Действительно, через несколько дней вышло соответствующее распоряжение Сталина, который уже был наделён всеми высшими полномочиями. В соответствии с ним в нашем институте призывались в действующую армию студенты первого и второго курсов. Третий курс оставался в институте для продолжения учёбы. Старшекурсники направлялись для работы на промышленные предприятия в качестве инженеров по специальности.

До начала учебного года оставалось почти два месяца. Но это по меркам мирного времени, а тогда мы понимали, что вряд ли в первый осенний день вновь войдём в аудитории и начнём слушать лекции. Мы жаждали активности, хотелось что-то делать против немцев. Мощная волна патриотизма подня-

ла всех и требовала действий. К нашей радости, нас не оставили без дела. Из трёхсот студентов Бауманского института был сформирован специальный строительный батальон и направлен в прифронтовую зону на строительство оборонительных сооружений. Это было уже 30 июня.

Высадили нас посреди леса километрах в десяти от станции Снопоть, у деревни Заглязья Слобода. Нашему батальону была поставлена задача – участвовать в строительстве главной линии обороны вдоль реки Десны на глубине десять километров от переднего края. Быстро разместились в деревне, в ригах – так здесь называли сараи. Такие же риги по окраинам деревни разбирали по брёвнышку и, копая ямы, сооружали ДЗОТы – дерево-земляные огневые точки и сдавали военным, которые с этих позиций проводили пристрелку на местности. Но самыми тяжёлыми были земляные работы. Наш батальон скальпировал берег реки, чтобы не было ни веток, ни кустов, сооружал противотанковый ров. Режим дня был жёстким: подъём в четыре утра, отбой в одиннадцать вечера. Поначалу была норма на человека по семь кубометров земли, потом она возросла до десяти. Руки порой не держали лопату. Но наши командиры подгоняли: немцы наступали очень быстро. Снабжение у нас было по тому времени хорошее. Продукты нам привозили из Москвы, подвоз был организован институтом. К нам даже приезжали московские парикмахеры. Охрану батальона несли свои же ребята. Они были без оружия, но рядом располагалось армейское подразделение, и при необходимости его бойцы могли придти на помощь. Потом привоз продуктов из Москвы прекратился. Стали вводить ограничения. Как-то достали несколько мешков муки, она оказалась почему-то с песком. Испекли хлеб, и песок скрипел на зубах, но с голодухи даже такой хлеб казался очень вкусным.

Мы заканчивали свой участок обороны, лето уже близилось к концу, ночи становились темнее и холоднее. Уже явственно слышалась канонада с запада. Приближался фронт. На нашу позицию несколько раз налетали фашистские самолёты. После одного из авиационных налётов мы собрали остатки немецких бомб. В какой-то мере ощущали себя специалистами, ибо с пониманием рассматривали и определяли тип бомбы, по искорёженному осколку пытались установить степень чувствительности контактного взрывателя, обсуждали схемно-конструктивные особенности боеприпаса. Числа пятого-седьмого сентября в наше расположение приехал офицер и сказал, что поступил приказ вернуть нас в Москву. К концу намеченного дня отъезда мы собрались, построились в колонну, открыли проходы в нами же установленных проволочных заграждениях и пошли по противотанковому рву по направлению к лесу и далее к станции. В это время на наши головы обрушились два несчастья. Пошёл обильный довольно холодный дождь, и одновременно началась артиллерийская дуэль наших и немецких дальнобойных батарей. Нам дали команду остановиться. Так мы и стояли промокшие и продрогшие минут сорок, пока стрельба стихла, и вой снарядов над нами не прекратился. Потом лесом мы шли к станции, иногда останавливались для отдыха. Высоко в небе нередки гудели моторы бомбардировщиков – немецкие самолёты летели на Москву. Кто-то пытался затянуть песню. Но его не поддержали, не было песенного настроения в этот момент у сотен людей, переживающих отступление. Стемнело, и осенний мрак под низкими облаками сгустился, так что не было видно на расстоянии вытянутой руки. Поступила команда положить каждому руку на плечо шедшего впереди. Шли лесом буквально на ощупь. Впрочем, студенческая изобретательность и здесь помогала. На одном из привалов кто-то заметил в траве светлячков. Собрали несколько штук и прикрепили к спинам тех, кто шёл в первых рядах.

Пока мы ждали вагоны на станции, стали свидетелями тяжёлой сцены, которая разыгралась на наших глазах. Раздались крики, и мы увидели, как женщины, сидевшие недалеко от нас со своими маленькими детьми, вдруг сорвались с места. Они все побежали к группе военных с оружием, среди которых стояла молодая женщина. Именно на неё они внезапно набросились, повалили на землю и начали бить и терзать. Военные, а это, оказалось, были часовые, с большим трудом отбили поваленную женщину. Вскоре прояснилась причина происшедшего. Избитая женщина была предательницей, немецкой шпионкой и была выслежена и поймана на станции. Этим и объяснялась вспышка ярости женщин, столь велика была ненависть к фашистской пособнице.

Мы вернулись в Москву 10 сентября. Внешний вид города почти не изменился. Сколько мы видели и слышали на Десне фашистских бомбардировщиков, рвущихся к столице, но следов разрушений в городе почти не было видно. Значит, хорошо действовала система противоздушной обороны. И это сказывалось на состоянии духа людей. Помню настрой многих москвичей – достаточно уверенный взгляд на положение вещей, хотя ежедневные сводки говорили, что ситуация становится всё более угрожающей.

Объявили об эвакуации института в Ижевск. Уезжали с Казанского вокзала 20 октября. На мне, как на старосте, лежало немало обязанностей по организации отъезда. Все члены нашей группы были ребята. Но на вокзал с нами вместе пришли наши знакомые – четыре студентки из соседнего Московского энергетического института. В результате неразберихи в их вузе девушки не смогли выехать из Москвы. Наше руководство согласилось включить их в эвакуационный список бауманцев. Их даже поставили на довольствие, и это я расцениваю как важное свидетельство того, что тогда в столь трудное время даже посторонний человек вполне мог рассчитывать на поддержку. В день отъезда, помню, приехал на вокзал с двумя разрешёнными чемоданами, в которых вперемешку лежали книги и немногие личные вещи. Пока бегал, устраивал нашу группу в выделенный вагон, от двух чемоданов остался один. То ли украли, то ли он просто затерялся, не ведаю. Впрочем, особенно не переживал. Мысли были устремлены вперёд – как-то мы устроимся на новом месте и на сколько времени?

Приняли нас в Удмуртии хорошо. Разместили по частным домам. Мы с братом Виктором поселились у пожилой семейной пары в небольшом доме по улице Азина. Спали на полу. Почему-то запомнилось, что, когда хозяйева топили печку, с потолка, крашеного масляной краской, падали капли воды. Это был обычный конденсат. Всё тогда делалось без проволочек. Уже на следующий день, как и все, я приступил к работе токарем в цехе № 81 Ижевского механического завода № 74 Наркомата вооружений, а брат работал токарем на инструментальном участке в цехе № 72. Вот когда пригодились навыки работы на станках, полученные на практике. От дома до завода и института, где мы продолжили учёбу, было три километра. Ерунда в хорошую погоду, а вот в морозы под 30 градусов, которыми была отмечена поздняя осень и начало зимы 41-го года, приходилось преодолевать это расстояние вприпрыжку. На рабочем месте было тепло. За смену я обтачивал четырнадцать стволов для противотанковых ружей.

Надо заметить, что всё, что было заложено в постановлении относительно студентов, подписанном И. В. Сталиным ещё летом, в самом начале войны, неукоснительно выполнялось. Для нас, третьекурсников, была установлена укороченная рабочая смена – шесть часов. На станке я работал с восьми вечера до двух ночи. Потом бежал домой и ложился спать. А с девяти утра и до вечера мы слушали лекции наших преподавателей, которые приехали из Москвы вместе с нами. Учебный процесс шёл своим чередом. Его отличало только одно – высочайшая требовательность к студентам. Понятие – иметь “хвост” после сессии – не допускалось в принципе. По прошествии нескольких месяцев меня перевели на соседний завод № 524, работал по тому же расписанию, был занят на сборке и подгонке приёмного устройства для пулёмётной ленты известной “машины” с русским именем “Максим”.

Незадолго до начала контрнаступления наших войск и разгрома немцев под Москвой первый и второй курсы нашего института призвали в Красную Армию. Повестку получил и мой брат. Он надел военную шинель, но вместе с другими остался в городе. Дело в том, что студенты проходили восьмимесячную подготовку в Ленинградском военно-техническом училище, которое было эвакуировано в Ижевск, после чего им присваивалось звание лейтенанта. Я проводил брата. Мы пошли на рынок, купили молока и выпили за то, чтобы победить и вернуться в институт.

В 1943 году мы возвратились к себе в Лефортово. Каникул, разумеется, никаких не было. В столице работали на разных предприятиях. Окна моей квартиры сегодня смотрят на Большой Устьинский мост через Москву-реку, по нему бегут трамваи в сторону Павелецкого вокзала. Именно там, рядом с этим вокзалом, в военные летние “каникулы” на труболетном заводе мне довелось работать ремонтником электротельферов (подъёмников) в стержневом цехе, где делались отливки корпусов стокилограммовых авиабомб. Рабо-

чий день в каникулы был без скидок на учёбу и длился 16 часов. После смены едва доедешь до общежития – пластом в койку. Рано утром просыпаешься – и снова на завод без малейшего опоздания!

Ещё до возвращения института из Ижевска, на четвёртом курсе, у нас началась специализация. Моим направлением по рекомендации профессора Юрия Александровича Победоносцева, который в дальнейшем сыграл большую роль в моей судьбе, стала ракетная техника. Он читал лекции по этому предмету и вёл у нас практические занятия. Профессор Победоносцев был одним из создателей знаменитой ракетной установки залпового огня “Катюша”. В начале тридцатых годов он работал в легендарной Группе изучения реактивного движения. В ГИРДе были три проектно-конструкторских бригады, которые возглавляли М. К. Тихонравов, Ю. А. Победоносцев и С. П. Королёв. Бригада, возглавляемая Юрием Александровичем, сделала первую в нашей стране сверхзвуковую аэродинамическую трубу, создала и впервые испытала в полёте прямоточные воздушно-реактивные двигатели на твёрдом топливе. Потом в Реактивном научно-исследовательском институте он разрабатывал теорию пороховых ракетных двигателей, которая была использована при создании “Катюши”. Уже позже преддипломную практику я проходил в НИИ-1 (сегодня – это Московский институт теплотехники), где, собственно, и зарождалась почти вся отечественная ракетная техника. В институте уже тогда шли разработки ракет на твёрдом и жидком топливе. Там уже в 1944 году начались работы над баллистическими ракетами большой дальности. Одно время Ю. А. Победоносцев был Главным конструктором этого института, позже МИТ возглавил Александр Давидович Надирадзе, будущий академик, дважды Герой Социалистического Труда. Когда настал момент подготовки дипломного проекта, выбор для меня был несложным. К тому времени я очень увлёкся проблемами ракетостроения. Название темы моей дипломной работы – “Ракетный комплекс повышенной дальности для борьбы с танками”. Моим научным руководителем стал профессор Ю. А. Победоносцев.

Это было незабываемое время, весна 1945 года. Вот-вот должна была прийти Победа. В четыре утра 9 мая мой радиоприёмник, который я сам только что собрал из разнородных деталей, заговорил, и с довольно приличным качеством. Я, конечно, настроил его на волну Московского радио. Оно в эту ночь не делало обычного перерыва. Вскоре наша комната заполнилась ребятами. Поток шёл первые сообщения о подписании Акта о безоговорочной капитуляции в Карлхорсте, берлинском пригороде, в здании военно-инженерного училища. Мы, молодые и полные сил, всё это слушали в стенах нашего общежития и из-за переполнявших нас бурных эмоций, скорее всего, тогда не осознавали, что такая Победа была возможна в том числе и потому, что в нашей стране, Советском Союзе, в России были такие мощные технические школы, как Бауманский институт. В пять часов утра радость по случаю долгожданного объявления об окончании войны, о полной победе над страшным врагом, растеклась по всем этажам. А потом мы все увидели феерическое всенародное ликование на улицах и площадях Москвы. . .

Передо мной же в том победном и выпускном мае стоял вопрос – куда дадут направление? Откровенно говоря, мнение выпускника не всегда бралось в расчёт комиссией по распределению. Как говорится, куда Родина пошлёт, туда и поедешь. Но утверждать, что всё это делалось только способом диктанта, было бы несправедливо. По этому поводу уже после защиты была беседа с руководителем моей дипломной работы Ю. А. Победоносцевым. Юрий Александрович справедливо рассудил: “У тебя в Москве постоянной квартиры всё равно нет. Поэтому я тебе советую – поезжай в подмосковную Коломну, в Специальное конструкторское бюро, к миномётчику Борису Ивановичу Шавырину. Это недалеко от столицы, добраться можно пригородным поездом. А я со своей стороны переговорю в комиссии по распределению”. Он тогда прозорливо заметил, что, по его мнению, у Коломенского СКБ есть хорошая перспектива.

В итоге с нашего факультета направление в Коломну, в КБ, с которым будет связана потом вся моя жизнь, дали двоим – моему однокурснику и давнему товарищу Герману Ефремовичу Ступакову и мне. Документы на нас ушли в особый отдел для проверки “до седьмого колена”, а мы с Германом стали интересоваться географией Подмосковья – что это и где это – город Коломна?

В один из июньских дней с вещами мы вышли с Германом из общежития и поехали на Казанский вокзал, откуда в октябре 41-го уезжали в эвакуацию. Теперь с этой же узловой точки мы ехали к месту назначения. Дело близилось к вечеру, когда мы сели в пригородный поезд. Ехать надо было часа три...

4. Прерванный взлёт

Подробный рассказ о долгих годах и десятилетиях моей работы в Коломенском конструкторском бюро машиностроения читатель этих воспоминаний найдёт на страницах моей книги «Оружие двух эпох». Объём же журнальной публикации заставляет меня остановиться на одном и самом главном эпизоде в моей жизни конструктора, руководителя крупного оборонного предприятия, эпизоде, роковым образом связанном с деятельностью тогдашнего руководителя нашего государства М. С. Горбачёва, когда его волевым решением во второй половине восьмидесятых годов был снят с вооружения оперативно-тактический ракетный комплекс (ОТРК) малого радиуса действия «Ока». Комплекс, разработанный нашим конструкторским бюро и являвшийся непревзойдённым в мире по своим тактико-техническим характеристикам. Его очень боялись американцы, и не случайно.

Вспоминается... Полигон в глубине тайги в Забайкалье. Январская ночь, мороз под сорок. Насколько хватает взгляда, до горизонта на чёрном небе – крупные мохнатые звёзды, словно покрытые инеем. Обширная стартовая позиция освещена прожекторами. В её центре при полном безлюдье стоит грозная боевая машина – оперативно-тактический ракетный комплекс «Ока». Наше детище. В чреве машины четырнадцатая, последняя по счёту пусков на государственных испытаниях, ракета. Расчёт, произведя подготовку к пуску, покинул стартовую позицию. На наблюдательном пункте застыли в ожидании члены госкомиссии. Напряжённая тишина. Идёт обратный отсчёт секунд. Верю в успех, но сердце всё равно бьётся учащённо. Но вот прошла электронная команда «старт». Вижу, как бесшумно автоматически раскрываются верхние створки люка боевой машины, и затем так же беззвучно поднимается вверх эстетически совершенное тело ракеты. Проходят считанные мгновения, и вот – короткая вспышка пламени. Ракета стремительно уходит вверх и почти сразу же исчезает в небесной тьме. Ещё дым от старта не рассеялся над позицией, а я уже знал, что в этот момент «Ока» выходит в ближний космос и на высоте почти 120 километров после совершения манёвра её боевая часть устремляется вниз, к цели. Через несколько минут по телеметрическим каналам мы узнали, что головная часть «Оки» попала точно в цель в нескольких сотнях километров от стартовой позиции. Аплодисменты. Объятия. Рукопожатия. И общая радость.

Ещё несколькими штрихами дополню историю создания «Оки». Когда вышло постановление правительства о создании ОТРК, в нём нашему Конструкторскому бюро машиностроения был, как и в случае многих предыдущих работ, присвоен статус головного предприятия в разработке всего комплекса. По аппаратуре системы управления головным стал ЦНИИАГ, по боевой машине – Волгоградский завод «Баррикады», по топливу – НИИ-125. Чтобы более ясно представить масштабы проводившихся работ, скажу, что в рамках темы по «Оке» на нас, а точнее на генерального заказчика (ГРАУ), работали более 150 КБ, НИИ и заводов с числом персонала свыше 100 тысяч человек! Напомню и подчеркну её преимущества. Боевая машина «Оки» была автономной. Она обеспечивала работу боевыми частями обычного снаряжения (до 0,5 тонны тротила), так и ядерными БЧ. Причём замена этих боевых частей одной на другую при необходимости производилась всего за четверть часа прямо на позиции. Машина с расчётом всего из трёх человек могла пересекать водные рубежи со скоростью десять километров в час, преодолевать окопы, перемещаться из одного пункта в другой при плохой видимости и работать в температурном диапазоне от плюс до минус пятидесяти градусов без подогрева при скорости ветра до 20 метров в секунду. Кроме того, обеспечивались прицеливание в горизонтальном положении и дальность стрельбы на расстояние от 50 до 400 километров. И можно с гордостью за всех сказать, что в результате объединённых творческих усилий представителей науки, техники и производства комплекс получился высочайшего уровня. Мы по совокупности тактико-технических характеристик этого класса ОТРК опередили тогда США на десятилетие!

Если образно представить наше поступательное в течение многих лет движение вперёд, я бы сравнил его с подъемом по лестнице. Ступенька за ступенькой мы поднимались к более совершенным и сложным изделиям. И хотя в жизни преодоление ступенек с высотой становится всё более трудным, в нашем случае, в работе КБМ, темп движения, напротив, нарастал. Всего через два года после постановки “Оки” на вооружение началась разработка фронтального оперативно-тактического ракетного комплекса “Волга” с дальностью стрельбы до тысячи километров. Его четырёхтонная ракета была двухступенчатой и имела в своём составе отделяемый управляемый модуль. Наконец, ещё два года спустя началась модернизация комплекса “Ока”, которая и стала потом “Окой-У”. В дополнение к сказанному отмечу, что в этом комплексе также была заложена всепогодная головка самонаведения, а бортовая система управления со специальными узлами и устройствами обеспечивала ориентацию ракеты на внеатмосферном участке полёта.

К тому времени уже почти десятилетие действовал заключённый между США и СССР договор об ограничении создания систем противоракетной обороны. Надо отметить, именно в те годы президент США Р. Рейган, начиная свой “крестовый поход” против Советского Союза, назвав его “империей зла”, объявил о начале работ по так называемой стратегической оборонной инициативе – СОИ. Конечная цель этой с помпой преподнесённой общественности программы не скрывалась – создание глубокоэшелонированной системы обороны, вплоть до космических пределов, от советских стратегических ракет. Конечно, в программе СОИ, как представляется, было много блефа. Кроме того, формирование такой системы означало бы, по существу, отказ от договора по ПРО, на что тогда американские правящие круги вряд ли бы пошли. Это теперь, когда ослабевшая Россия с трудом поддерживает ядерный паритет с Америкой, наши заокеанские “партнёры” с лёгкостью денонсировали договор об ограничении противоракетных вооружений и энергично пытаются решать проблемы создания системы противоракетной обороны на основе последних достижений науки и техники.

Подчеркну, что восьмидесятые годы объективно были наиболее плодотворными для нашего коллектива. Широкий спектр разработок, уверенное развитие социальной базы предприятия – этому нельзя было не радоваться. К тому времени наш коллектив заметно помолодел. Меры, предпринятые ранее, дали свои результаты. Почти каждый третий работник КБМ был моложе тридцати лет. Производство успешно развивалось.

Признаюсь, что кроме основных направлений, которые, конечно, были главной моей заботой как первого лица предприятия, я всегда испытывал потребность улучшения условий работы людей – будь это цех, конструкторский отдел или территория предприятия. Хорошо сохранились в памяти тяжёлые времена моей работы на заводах Москвы и Ижевска во время войны. Уже потом, помнится, в шестидесятые годы, началось всеобщее увлечение эстетикой окружающего пространства, в которое включалось и рабочее место человека. Множество заводов и фабрик страны втянулись в это важное дело, стали создавать собственные бюро эстетики, приглашать дизайнеров. После труднейших лет жизни в довоенный и послевоенный период у людей появилось естественное желание украсить, облагородить всё вокруг себя. Не осталось в стороне от этого движения и наше предприятие. Более того, я сам всемерно содействовал такой работе.

...С приходом к власти М. С. Горбачёва у многих возникла надежда на перемены. Бесспорно, страна в них нуждалась. Но факт остаётся фактом: кто бы ни находился тогда в главном кабинете на Старой площади и в Кремле, инерция маховика всего народного хозяйства страны была столь велика, что надо было сильно постараться, чтобы остановить или нарушить его работу. Теперь понятно, что молодой руководитель страны со своим узким кругом единомышленников тогда “постарался”, и мы все получили то, что имеем. Но в то время – ох, уж эта наша российская неизбывная вера в мудрость высшего руководства – мы с воодушевлением восприняли многие реформаторские идеи нового лидера страны. С полным пониманием и даже с энтузиазмом отнеслись к тезису Горбачёва о приоритете машиностроительной отрасли в попытке преодолеть наметившееся отставание промышленности, в первую очередь в сфере невоенной продукции.

Время шло, но всё заметнее становилось, что кроме красивых слов со стороны обновлённого руководства страны реальных подвижек в экономике не наблюдается. Хуже того, начались какие-то непонятные шараханья из стороны в сторону. Одна антиалкогольная кампания, ставшая притчей во языцех, нанесла колоссальный урон народному хозяйству. Как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад.

Во второй половине того памятного десятилетия меня избрали в Верховный Совет РСФСР. Во время сессий приходилось по наказам, по письмам избирателей много встречаться с руководителями разного уровня республиканских и союзных министерств, выполнять порой функции ходатая по просьбе директоров предприятий из моего избирательного округа. И уже тогда намётанным глазом начальника и главного конструктора КБМ я видел, как постепенно нарастает хаос во многих сферах управления экономикой. На глазах моих во всех областях общественного производства заметно падала исполнительская дисциплина. В оборонной отрасли, благодаря её строгой иерархической лестнице, эти процессы ещё не ощущались, но тогда многие из нас, конечно, предположить не могли, что всех нас ожидает впереди.

Я не могу обойти вниманием событие, которое буквально, как гром среди декабряского неба, прогремело и оглушило нас, работников Конструкторского бюро машиностроения, в разгар перестройки. В первых числах последнего месяца 1987 года в главной тогда газете страны “Правде” было опубликовано пространное интервью М. С. Горбачёва корреспонденту американской телекомпании Эн-Би-Си Тому Брокау. Среди прочего там был упомянут советско-американский переговорный процесс по ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Об этом периодически появлялись сообщения в печати, но детали, как водится, не приводились. Все знали лишь одно — речь идёт об уничтожении целого класса американских и советских ядерных вооружений.

Вскоре, буквально через несколько дней после публикации этого интервью, советский руководитель отправился с официальным визитом в Вашингтон, где 8 декабря 1987 года подписал вместе с американским президентом Р. Рейганом Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности. Вторая статья Договора устанавливала общее понимание различных терминов для целей данного договора. Там было понятно написано, что термин “ракета средней дальности” означает баллистическая ракета наземного базирования или крылатая ракета наземного базирования, дальность которой превышает 1000 километров, но не превышает 5500 километров. Применительно к термину “ракета меньшей дальности” говорилось об аналогичных ракетах, дальность которых равна или превышает 500 километров, но не превышает 1000 километров.

Казалось бы, всё ясно с терминологией — она корректна и понятна и, как пишут дипломаты, аутентична на обоих языках Договора — на русском и английском. Тем более в преамбуле документа стоят конкретные цифры, которые ни при каких обстоятельствах уже не могут быть подвергнуты двусмысленному толкованию. Но, как говорится, дьявол скрывается в деталях.

Представьте, на следующий день выходит газета “Правда”, где напечатан текст Договора между СССР и США. В нём, в статье третьей в части второй под пунктом “а”, сказано, что для целей настоящего Договора будут уничтожены соответствующие ракеты, которыми являются ракеты типов, именуемые в СССР “ОТР-22” и “ОТР-23” и известные в США соответственно как “SS-12” и “SS-23”. Ведь “ОТР-23”, по западной классификации “SS-23”, это и была наша оперативно-тактическая ракета “Ока”, которая имела максимальную дальность стрельбы 400 километров и потому никак не подходила под те согласованные сторонами параметры договора, которые начинали отсчёт с 500 километров!..

В памяти запечатлелось моё внутреннее ощущение в тот момент, когда я узнал об этом. Поначалу подумалось, что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Что это, возможно, какая-то опечатка или необъяснимое недоразумение. Потом неумолимая внутренняя логика собственных рассуждений и анализа отвергла эти маловероятные предположения. Эта, бесспорно, была не ошибка. **Случившееся я бы квалифицировал как преступление, как акт государственной измены высшего руководства государства.** Тут надо ясно и определённо сказать: такая точка зрения у ме-

ня сложилась не сразу, а по прошествии нескольких лет. Ведь я был сыном своего времени и никогда не мог бы подумать, что руководство страны, которому верили миллионы людей, может совершить нечто подобное...

Помнится, в преддверии распада Советского Союза, месяца за полтора до подписания Беловежского соглашения ещё одной когортой предателей, порождённых горбачёвской перестройкой, стал широко известен неординарный по тем временам юридический прецедент. Руководитель одного из управлений Прокуратуры СССР В. И. Илюхин подписал постановление о возбуждении уголовного дела против числящегося ещё президентом СССР Горбачёва, в котором ему инкриминировались многие антиконституционные дела того времени, когда он занимал пост главы государства. Это, бесспорно, был мужественный акт. Но постановление об уголовном деле против Горбачёва тут же отменил генпрокурор.

Но тогда, в декабре 1987 года, когда я прочитал шокировавшие меня и моих коллег, товарищей строки Договора, я немного смятенно поначалу думал – что делать? Ведь казался каким-то невразумительным Договор между двумя сверхдержавами, в котором стороны на равных договариваются о сокращении вооружений, но при этом одна сторона вдруг добровольно соглашается на уничтожение оружия, которое не входит в рамки документа. При этом не делается никаких разъяснений ни для народа, ни для тех, кто это оружие создавал. А это, ещё раз напомним, в общей сложности свыше ста тысяч человек в десятках КБ, НИИ и предприятий страны. Это гигантские денежные ресурсы, выброшенные на ветер, около семи миллиардов долларов, тогда значительно более весомых, чем сейчас.

В то же время я был исполнительным человеком, чувствовал себя, скажу без ложного пафоса, солдатом партии и государства, служению которым отдал десятки лет жизни. Знаю, что сегодня, быть может, кому-то покажется такое моё суждение ненужной патетикой. Мы, я имею в виду своё поколение, выросли, возможно, в один из самых драматических периодов истории нашей страны – будущее это покажет. Мы верили в идеалы социальной справедливости. И по мере своих сил и способностей строили страну. Ведь действительно только неимоверными усилиями сотен миллионов людей мы создали за исторически ничтожный срок второе по мощи государство в мире. Наше общество объединяла идея социализма, которая с распадом СССР, конечно, не умерла. Да, это было сверхцентрализованное государство. Так сложилось и выходило, что всякое слово, приходившее из Москвы, из сердца столицы – Кремля воспринималось в любом уголке необъятной страны как нечто заветное. **И вот теперь обнаружилось, что фактическая измена созрела в самом Кремле.**

Спустя годы, когда многое, что сопутствовало уничтожению “Оки”, стало известно, а я на данную тему говорил со многим активными, если можно так выразиться, вольными и невольными участниками процесса, во всём этом деле приоткрылось немало того, что было тогда скрыто от общества. Об одном из эпизодов этой, осмелюсь предположить, растянутой во времени сдачи позиций Советского Союза поведал наш высокопоставленный дипломат. По его словам, ещё весной, в апреле 1987 года, в Москву с очередным визитом прилетел госсекретарь США Дж. Шульц, который первым делом встретился с министром иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе. На следующий день он нанёс визит в Кремль, к Горбачёву. Среди прочих вопросов на встрече в кабинете Горбачёва обсуждались, по словам дипломата, и параметры будущего Договора по ракетам средней и меньшей дальности. Теперь уже известно, что американский визитёр действовал по принципу “быстрота и натиск”. Обоим советским руководителям он с ходу предложил включить в договорные рамки предстоящего соглашения по РСМД оперативно-тактический комплекс “Ока”. Там, в кабинете в Кремле, как стало известно потом, разговор об “Оке” шёл как о решённом вопросе.

В связи с этой встречей собеседник-дипломат поведал об одном необъяснимом факте. В тот день и час в кабинет высшего руководителя нашей страны на переговоры вошёл высокопоставленный представитель иностранного государства со своим переводчиком. Речь идёт о Дж. Шульце. С советской стороны переводчика не было. Это было неслыханное нарушение протокола!

По свидетельству бывшего посла СССР в США, а на тот момент – секретаря ЦК КПСС и одновременно руководителя Международного отдела ЦК

А. Ф. Добрынина, перед приездом Шульца Горбачёв предложил начальнику Генштаба маршалу С. Ф. Ахромееву и самому Добрынину подготовить меморандум с изложением позиций обеих сторон с возможными рекомендациями. В подготовленном для Горбачёва документе по настоянию маршала было подчеркнuto, что американская сторона, вероятно, будет добиваться включения в договор ракет ОТР-23 (SS-23), **но на это нам нельзя соглашаться**.

Ахромеев не случайно настаивал на этом, утверждал А. Ф. Добрынин, ведь военные знали, что Шеварднадзе был в данном вопросе готов уступить американцам. Но оказалось, что не только этот министр иностранных дел, но и сам Горбачёв был того же мнения. По словам Анатолия Фёдоровича, после продолжительного разговора с Горбачёвым американский госсекретарь сказал, что советский лидер может обеспечить двустороннее подписание Договора, если согласится включить в этот документ ракеты SS-23, на что Горбачёв, с лёгкостью необыкновенной, к изумлению маршала и секретаря ЦК КПСС тут же заявил: “Договорились”.

Потом уже с глазу на глаз Ахромеев спросил Добрынина: почему Горбачёв так кардинально изменил в последний момент позицию советской стороны? Тот, конечно, за Генсека ответить не мог. Тогда маршал набрался смелости обратиться к Горбачёву и задать ему этот вопрос. Но тот, вначале сославшись на забывчивость про предупреждение в меморандуме, сказал Ахромееву, что для процесса разоружения нужна хорошая динамика, и это решение якобы ускорит развязку многих международных проблем.

Вскоре после того визита американского госсекретаря на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС Горбачёв выдвинул, – а Шеварднадзе поддержал – “свою” инициативу о включении в договор по РСМД нашей сверхточной “Оки”. Горбачёвское Политбюро согласилось с этим мнением. МИДу была дана тут же соответствующая команда.

Были ли альтернативные мнения? Да, были, и в основном со стороны военных, ведь они-то понимали цену этого решения “ускорить динамику разоружения”. Тут надо привести слова маршала Советского Союза Д. Ф. Язова: “Почему мы не отстаюли “Оку”? Нас погубила высокая дисциплинированность – партийная и военная. Мы сражались и спорили лишь до тех пор, пока не принималось решение. А потом мы его выполняли, иногда с болью и кровью, как это было с “Окой”.

А произошедший, словно специально, в это время инцидент – посадка на Красной площади воздушного хулигана из Германии Руста в мае 1987 года – стал лишним козырем тогдашнего руководства страны и в полной мере был использован, чтобы основательно “почистить” высшее военное руководство Советского Союза. Что и было сделано, после чего уже никто по существу не осмелился спрашивать, почему вдруг современнейший ракетный комплекс приговаривается в угоду американцам к уничтожению. Окружение же М. С. Горбачёва сделало всё для того, чтобы подробности переговоров не стали известными до поры до времени в нашей стране. Всё происходило в обстановке такой секретности, что даже многие высшие чины военного ведомства ничего не знали о деталях предстоящего соглашения с Америкой, уж не говорю о руководстве оборонной отрасли – его тоже совершенно не посвящали ни во что.

Несмотря на то, что наш ракетный комплекс был тогда глубоко засекречен, материалы о нём стали появляться в разных западных изданиях, даже с фотографиями. Можно лишь догадываться, как и когда разведка потенциального противника впервые заполучила сведения об “Оке”. За несколько лет до описываемых событий в рамках Варшавского договора ОТРК “Ока” был поставлен в Болгарию, ГДР и Чехословакию. Теперь известно, что в те годы в объединённом штабе Организации Варшавского Договора работал польский полковник – многолетний агент ЦРУ США. Также могли американцы получить изображение “Оки” с помощью аппаратуры высокого разрешения при использовании разведывательных спутников. Но, как бы там ни было, в ряде зарубежных каталогов оружия у “Оки” под их наименованием SS-23 указывалась дальность стрельбы 500–550 километров. С этими сведениями американская сторона пришла на переговоры и навязала нашим представителям эти исходные данные.

На уровне экспертных групп американцы объясняли, что изучение внешних параметров “Оки”, её примерных массогабаритных данных в переложении

на американские технологии привело их к выводу о возможности полёта этой ракеты за пятьсот километров. Могли эти ничем не подтверждённые характеристики изделия быть целенаправленным информационным подлогом со стороны спецслужб США? Вполне. Даже очень вероятно, что это мог быть сознательный блеф, специальная операция с использованием психологической уловки – а вдруг сработает? И ведь сработало! Однако любой человек, на ком лежит ответственность в решении проблемы, затрагивающей самые чувствительные сферы безопасности страны, мог в данном случае получить реальные тактико-технические данные по комплексу в полном объёме не из Вашингтона, а из Коломны. Это было бы гораздо ближе и надёжнее.

Подоплёка энергичных действий американской стороны по включению любой ценой ОТР-23 в Договор вполне понятна, и она достаточно прозрачно была изложена в журнале “NATO’S sixteen nations”, в четвёртом номере за 1987 год, в статье “Расширенная система ПВО НАТО”. В ней была подробно изложена точка зрения специалистов Североатлантического блока на создание средств борьбы не только с самолётами потенциального противника, но также с его боевыми ракетами высокой точности. На основе имеющихся данных об уровне вооружений у советской стороны формулировалась задача создания в рамках НАТО расширенной системы ПВО, которая могла бы обеспечить поражение высокоточных ракетных комплексов SS-21 и SS-23 (“Точка” и “Ока”). С присущим западным экспертам прагматизмом на “решение” этой проблемы следовало, по мнению автора, выделить ни много, ни мало до 150 миллиардов долларов.

В той же публикации отмечалось, что массированное использование ракет SS-21 и SS-23, оснащённых даже обычными зарядами, предоставит противнику, то есть СССР, значительные преимущества, если не принять дополнительных мер защиты против этих советских ракет (стоит здесь напомнить, что боевые части с обычными зарядами на этих ракетных комплексах менялись на ядерные боеголовки всего за пятнадцать минут). Далее в довольно откровенной манере было сказано о необходимости предложения в переговорах по разоружению с Москвой так называемого двойного нулевого варианта. По этой схеме уничтожаются ракеты “Темп-С” и “Ока” (SS-12 и SS-23), что позволило бы оставить в распоряжении армий Варшавского договора ракеты SS-21 (“Точка”), “Луна” и 8К14. В таком случае, говорилось в статье, “... противник утратил бы способность нанести эффективный удар по базам ВВС НАТО с помощью неядерных ракет”, в результате НАТО получило бы возможность сосредоточить свои усилия на разработке мер борьбы только с “Точкой”, а шансы создания эффективной системы ПВО существенно бы возросли.

Почему я так подробно останавливаюсь на событиях того времени, когда “Оку” приговорили к ликвидации? Объяснение простое. **“Ока” стала во многом вершиной нашего творческого развития, торжества той школы ракетостроения, которая сложилась у нас в рамках теснейшего сотрудничества с настоящей научно-технической элитой страны. А уничтожали это изделие и подрывали нашу школу люди, как я теперь понимаю, безответственные, невежественные во многих отношениях, но облечённые волею судеб правом принимать подобные решения.**

По прошествии времени Горбачёв пытался оправдаться в своих действиях, когда он совершенно безответственно пошёл на неслыханные уступки американцам в договоре по РСМД. Какой бы политической целесообразностью с позиций “общечеловеческих ценностей”, которые пропагандировал тогда генсек, ни объяснялся этот шаг, многими он был расценен именно как беспримерная сдача интересов нашей страны. От нападков за “Оку” Горбачёв отбивался не раз. Но, пожалуй, апофеозом его рассуждений на этот счёт было интервью одной из газет, которое вызывает только горькое сожаление и удивление – до какой же степени поверхностны его суждения о предмете разговора. Ему задают вопрос: “... Вам предъявляют много счетов, но одна из самых горьких обид – ракета “Ока”. Вы, дескать, поддались нажиму американцев и подверстали эту уникальную ракету под Договор”.

Полагаю, для истории стоит процитировать ответ Горбачёва, чтобы в полной мере можно было оценить степень его некомпетентности (если не употребить другое, более жёсткое слово) в столь деликатной и важной сфере, как оборона страны. Бывший генсек заявил: “... Когда я приехал к учёным в Подмосковье, они мне сказали: сегодня нам противопоставить “Першингам” не-

чего, они долетают до Петербурга за две минуты, до Волги — за пять. То есть основная часть страны — беззащитна. Надо было, даже пожертвовав нашим количеством, но убрать “Першинги”. И я пошёл на глобальный ноль! И как они вертелись, американцы, — как караси на сковородке! Ведь они сами когда-то предлагали глобальный ноль. А когда я их идею им ввернул, они попытались сманеврировать. “Ока”... Если бы мы оставили “Оку”, то тогда должны были бы согласиться с присутствием ракеты “Ланс”. Я же получал информацию из самого “логова”, из Совета по национальной безопасности США (так же, как они получали из Политбюро). И мне сообщили, что уже есть техническое решение по модернизации ракеты “Ланс”. На переговорах речь шла ведь только о мощности ракет на испытаниях. Кстати, “Ланс” всегда испытывался с обычным, тяжёлым боезарядом. И поэтому дальность принималась как малая. Если же её оснастить лёгкой ядерной боеголовкой, то дальность “Ланса” приближалась к 1000 километров. Как видите, “Ланс” мог войти в категорию ракет больше средней дальности — и опять мы бы попадали в ловушку. “Ока” даже с лёгкой боеголовкой летела только на 500 километров. То есть наша “Ока” уже ничего не решала по сути, а с ракетой “Ланс” мы решали и стратегический вопрос. Вот тогда был мой нажим на Коля, на других. Я пошёл на то, чтобы остановить процесс с “Окой”. И вместе с тем поставил вопрос об уничтожении класса “Ланс”.

А что же с “Окой”, которой он отводит оставшуюся сумбурную часть невестественного ответа? Тут он прибегает к подтасовке фактов. **Ни с какой “лёгкой головкой” ракета “Ока” не могла лететь “только на 500 километров” — это я вновь могу сказать категорично как главный конструктор “Оки”.** Ни двигатель, ни масса твёрдого топлива, ни конструктивные особенности не позволяли преодолеть ей такое расстояние. Горбачёв манипулирует разными понятиями, уводит внимание в сторону от сути. Вот он “останавливает процесс с “Окой”, которая уже стоит на вооружении и летает. Он это делает потому, что ему сообщили, будто есть техническое решение по модернизации ракеты “Ланс”. Тут надо пояснить, что американцы действительно только собирались модернизировать эту ракету, после чего она могла бы иметь дальность стрельбы 450—470 километров. Но мы знали, что у американских конструкторов эта работа продвигалась с большим трудом, она даже не дошла до стадии испытаний, и **даже на этапе эскизного проекта “Ланс-2” не имел тех достоинств, которые отличали наш комплекс, который уже стоял на вооружении.** Как же можно было решиться на такое — обменять огромный арсенал готовых боевых ракет на чьё-то техническое решение?.. Горбачёвское словоблудие в данном случае легко проявляется, потому что в самом Договоре по РСМД — международном документе строгом и понятном — нет, разумеется, ни слова о “страшной” ракете “Ланс”, а вот реальная “Ока” вписана в договор и была предательским росчерком пера приговорена к уничтожению!

После известия о решении ликвидировать ОТРК “Ока” я тотчас, как главный конструктор, обратился во все высокие инстанции. При встрече с главкомом Сухопутных войск генералом армии Е. Ф. Ивановским, командующим ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск маршалом артиллерии В. М. Михалкиным, начальником ГРАУ генерал-полковником М. Е. Пенкиным выяснилось, что с ними вопрос по “Оке” не согласовывался. Все они были возмущены этим фактом. Откровенно говоря, у многих военных в этой ситуации более всего вызывала недоумение позиция Генерального штаба, который тогда возглавлял С. Ф. Ахромеев — о чём позже говорил Михаил Егорович Пенкин. Особенно энергично защищал “Оку” мой давний знакомый В. М. Михалкин. Маршал артиллерии, он начал свою боевую биографию ещё подростком при обороне Ленинграда, был там контужен. Потом прошёл долгий путь до высокого воинского звания. В годы его командования ракетными войсками и артиллерией Советской Армии наши взаимоотношения вполне можно было считать идеальными, столь хорошо мы понимали друг друга, что не в последнюю очередь влияло на регулярное поступление наших изделий в его войска. Именно Владимир Михайлович одним из первых назвал **решение горбачёвской верхушки об уничтожении “Оки” фактически преступным по отношению к армии и обороноспособности страны.**

По мере обсуждения проблемы со многими высокопоставленными работниками в правительстве, среди военных, с представителями спецслужб

достаточно быстро я пришёл к пониманию, что сделанного не исправить. Морально было нелегко смириться с необратимостью этого чудовищного процесса. Но, как говорится, поезд уже ушёл: теперь уничтожение ракетных комплексов “Оки” было вопросом времени, оговорённого в Договоре. Кроме того, прекращались в рамках этого предательского документа все работы с ещё более совершенным изделием — “Окой-У”, а также и фронтовым оперативно-тактическим ракетным комплексом “Волга”. Наше предприятие буквально “подстрелили” на взлёте. По прошествии двух десятилетий со времени тех событий с печалью иногда взираю на небольшой прямоугольник из мелованной бумаги под названием “Сертификат”, в котором на английском и русском языках написано: “Настоящий сертификат удостоверяет осколок (в сувенирном исполнении) советской ракеты ОТР-23 (SS-23). Ракета уничтожена на месте ликвидации (Сарыюзек) в соответствии с “Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности”. И внизу — факсимильная подпись заместителя министра оборонной промышленности СССР В. М. Плющикова. Сам осколок ракеты вмонтирован в прозрачный кубик на подставке. Мал этот кусочек металла, но ранил тогда он многих самим фактом решения об уничтожении совершенного оружия Сухопутных войск очень больно...

5. Россия не останется без ракет

Я написал сразу в несколько высших инстанций свои соображения по поводу случившегося — в ЦК КПСС, руководству Военно-промышленной комиссии, нашему министру и министру обороны. В этих письмах я утверждал, что допущена серьёзная ошибка при подготовке проекта Договора, и что уничтожать этот ракетный комплекс нет оснований. Шифровки с моими письмами ушли по адресам. Конечно, я понимал, что шансов на обратный ход нет после подписания документа на таком уровне, но смолчать тоже не считал возможным.

О чём писал? Мысль пришла как-то исподволь, и она была простой — надо предложить сделать новую ракету, нет, не ракету, а новый оперативно-тактический ракетный комплекс. Это — главное. Возможно, такая идея по здравом размышлении со стороны может показаться театром абсурда. Это при том, что ещё стоят где-то на позициях новенькие ракеты — их сотни. Но их как бы уже и нет... И вот теперь надо думать, как сделать новые ракетные комплексы.

Все ракетные комплексы “Ока” по Договору должны были быть уничтожены в течение 18 месяцев. Поэтому мы с нетерпением продолжали ждать ответа на “письмо Горбачёву”. Шёл уже 1988 год, наполненный многими событиями и переменами в общественно-политической жизни страны. Одно из тех, которые заметно повлияли на весь дальнейший ход событий в стране, — XIX Всесоюзная конференция КПСС. Меня избрали её делегатом от Московской области. Мог ли я думать, что, когда буду слушать в Кремлёвском Дворце выступления и споры адептов перестройки, буду присутствовать на одном из партийных собраний по подготовке предстоящих похорон надежд многих сограждан на лучшую жизнь, что именно эта конференция в какой-то мере предопределил коренные изменения и в моей жизни. Но это случится потом, а в тот период работа по-прежнему занимала большую часть моего времени. Распорядок дня был прежним, как и все предыдущие годы. Рабочие дни недели — по 12–14 часов, в субботу — до двух часов дня. В воскресенье — отдых.

Осенью того же года в преддверии 7 Ноября, как всегда, получил приглашение на праздничный приём в Кремле по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Это были не очень частые минуты ощущения раскованности в обществе людей, которые играли ключевые роли в жизни государства и с которыми не всегда в обычной обстановке можно было найти общий язык. В этот же вечер или в день такого же праздничного приёма в канун Дня Победы, со многими важными персонами на верхнем этаже Кремлёвского Дворца съездов можно было пообщаться, поговорить о чём угодно.

В банкетном зале я, как правило, встречал множество знакомых людей по работе, по участию в сессиях Верховного Совета России или по партийным форумам. Участники банкета зачастую мигрировали по просторному залу от стола к столу, присоединяясь то к одной, то к другой группе людей. Так нередко я оказывался в кругу известных учёных или знатных рабочих разных

профессий, партийных или советских работников и... попадал под вспышки фотоаппаратов. Потом фотокор записывал фамилию каждого запечатлённого на снимке. Я честно назывался и тогда видел досаду на лице корреспондента. Не ведаю, как в западных разведслужбах, но многим советским журналистам была довольно хорошо известна моя редкая фамилия, и они понимали, что лучше её не знать — всё равно не напечатают ни фото, ни подпись к нему. Я понимал, что портил удачный кадр для первой страницы газеты или журнала. И потому чаще старался заранее улизнуть с места съёмки, но это не всегда удавалось.

Помню, мы стояли с Борисом Николаевичем Лагутиным, который тогда уже возглавлял Московский институт теплотехники, обменивались новостями. В какую-то минуту я увидел М. С. Горбачёва, он в кругу своих приближённых проходил по залу. Вдруг Борис Николаевич говорит мне: “Смотри, Сергей Павлович, не к тебе ли идёт Горбачёв?..” Действительно Генсек со свитой шёл в нашем с Лагутиным направлении. Подошёл, поздоровался. Я понял, что данный момент упустить нельзя. После нескольких общих фраз разговора напомнил руководителю страны о “письме шести” — о проекте нового оперативно-тактического ракетного комплекса, который к тому периоду уже получил своё имя — “Искандер”. Мне было известно от Ахромеева, что на этом письме уже была резолюция Горбачёва: “Согласен”, но дальше дело не продвинулось, несмотря на то, что прошло уже несколько месяцев. Более того, из конфиденциального разговора с высокопоставленным работником ЦК КПСС я знал, что проекту создания нового ОТРК на базе “Оки” противится не кто иной, как Шеварднадзе, который под разными предложениями не рассматривает и не подписывает проект постановления Политбюро ЦК КПСС по данному вопросу. Ведал я и другое: через несколько дней после октябрьских праздников должно состояться очередное заседание Совета обороны СССР, что на нём будут обсуждаться важные вопросы обороноспособности страны.

И тут я высказал своё мнение Горбачёву, что на этом заседании необходимо принимать официальное решение по новому ракетному комплексу, чтобы вся работа по нему строилась на основе разрешительных документов, что эту проблему, на мой взгляд, надо внести в повестку дня директивных инстанций. Горбачёв в небольшом окружении людей выслушал меня и в ответ сказал, что примет решение в самые ближайшие дни. При этом повернулся и сделал какое-то распоряжение своим помощникам. Разговор был коротким — минуту-две. Но в тот раз генсек своё слово сдержал. Действительно, через некоторое время было подготовлено и принято соответствующие распоряжения о поручении Коломенскому конструкторскому бюро машиностроения, как головному предприятию, провести работы по созданию оперативно-тактического ракетного комплекса “Искандер” с уточнёнными тактико-техническими характеристиками. Хочу отметить, что вскоре после короткого разговора на кремлёвском банкете изменился и мой статус — я стал Генеральным конструктором Конструкторского бюро машиностроения. Постановление об этом принял Совет Министров СССР 21 декабря 1988 года.

Комплекс “Искандер”... Он великолепен — объективно признан лучшим в мире в своём классе. Отмечу в упрощённом виде лишь некоторые его характеристики и возможности. Это одноступенчатая баллистическая ракета. В состав ОТРК входят самоходная пусковая установка, транспортно-заряжающая машина, в корпусах которых размещаются по две ракеты, каждая из них весит примерно три тонны. Кроме того, имеются командно-штабная машина, машины регламента и техобслуживания, а также жизнеобеспечения. “Искандер”, как и его предтеча “Ока”, тоже ракета-невидимка, даже ещё в большей степени. И это достигнуто в основном за счёт новых конструкторских идей и самых современных технологий.

...Сегодня, когда мы наблюдаем общее наращивание сил НАТО вблизи российских границ, невольно понимаешь, что “паритетный” с Соединёнными Штатами отказ от ракет средней и меньшей дальности **стал для нас ловушкой**. Ведь американцы, уничтожив свои ракеты соответствующего класса, как находились, так и остались за Атлантическим океаном. Эти ракеты совершенно не угрожали территории самих Соединённых Штатов, но зато они обезопасили своих союзников. Но теперь число американских союзников по НАТО приросло именно в восточном направлении. И тут надо напомнить ясно и определённо, что в структуре этого блока есть комитет по военному планирова-

нию, который намечает, в том числе в случае начала военных действий, откуда и куда будут наноситься удары по территории потенциального противника. Теперь на бывших советских аэродромах или военных базах в Прибалтике, Польше, Чехии всё основательнее обживаются натовские структуры. Не дай Бог, как говорится, случиться непредвиденному, но если возникнет на этом потенциальном театре военных действий конфликт с применением силы, то по американской концепции вполне допустимо в этих рамках ограниченное применение небольших атомных зарядов, чтобы не допустить большой ядерной войны. А чем мы ответим в таком случае, если у нас боевая часть ракетных комплексов “Искандер” будет оснащена обычными взрывчатыми веществами, ведь по силам общего назначения мы теперь значительно уступаем “западным партнёрам”?

Многих союзников мы потеряли, а новых не приобрели. Значит, более актуальным видится выражение русского царя Александра III, который когда-то справедливо заметил, что у России есть только два верных союзника – армия и флот. Заботой об обеспечении этих наших союзников должна быть, на мой взгляд, проникнута вся работа управленческих структур государства. На это должны ориентироваться лучшие конструкторские и инженерные силы оборонного комплекса, состояние которого я наблюдаю и пропускаю все его проблемы через себя.

НУЖНО ЛЮБИТЬ ЛЮДЕЙ

*Беседа Александра КАЗИНЦЕВА с Дмитрием МИЗГУЛИНЫМ —
поэтом, банкиром и депутатом*

Александр Казинцев: Дмитрий Александрович, мы впервые встретились с Вами шесть лет назад. Каюсь, я сначала считал, что Вы, так сказать, флиртуете с музой на досуге, как некоторые из Ваших коллег-банкиров. Однако, когда я глубже ознакомился с Вашей поэзией, то мнение моё переменялось — я стал считать Вас настоящим поэтом, волею судьбы оказавшимся в кресле директора. Однако высокие отзывы Ваших сотрудников и всего банковского сообщества о Вас подтвердили, что Вы не случайно стали банкиром. Так что же главное в Вас и для Вас — поэт или банкир? Признаюсь, до сих пор я не могу этого решить.

Дмитрий Мизгулин: Вспоминаю сейчас замечательного поэта Сергея Острового. Он как-то написал: “И я, подобно малым детям, забыл, впадая в разную, что можно быть и тем и этим, но нужно быть самим собой”. Нужно быть самим собой и не задаваться вопросом: что у тебя в жизни самое главное.

Это сегодня редкость, когда деловой человек читает книгу. Иные представители власти и бизнеса бывает признаются, что они книг не читают, что они слушают только аудиокассеты, когда в аэропорт едут. Но я не понимаю, как можно “Войну и мир” прослушать на кассете? В лучшем случае только “Каштанку”. В русской культуре литература, образование всегда были приоритетны.

Люди, занимавшие несоизмеримо более высокие посты, чем я, были прекрасными поэтами. Могу вспомнить Гаврилу Романовича Державина, который поработал и министром финансов, и губернатором, и генеральным прокурором при Екатерине I. На этом посту его сменил Иван Иванович Дмитриев — известный баснописец. А Пётр Андреевич Вяземский возглавлял один из государственных банков, директором банка также был Бенедиктов — известный поэт, в прошлом отважный офицер, участник Отечественной войны 1812 года. У него даже стихи есть, посвящённые каким-то банковским делам. Голенищев-Кутузов, известный поэт — тоже банкир. А в 1904 году Нобелевскую премию по литературе получил Хосе Эчегерай — президент национального банка Испании, а до этого министр финансов Испании. И он же — прекрасный стихотворец и драматург. Его портрет, кстати, украшал песеты — испанские банкноты.

Образованность была присуща и деловым людям. Это сейчас человека, который прочёл “Войну и мир”, считают чуть ли не космонавтом – настолько он редок. Невольно вспоминается “Мещанин во дворянстве” Мольера, где есть сатирический персонаж “учёного”, про которого говорят, что это такой великий учёный, что он не только читать, но и писать умеет! Вот и мы сегодня, увы, приближаемся по безграмотности к тому времени. Некоторые мои деловые друзья искренне сомневаются, что я пишу сам. У них-то на полках я видел толстые книги, их авторские исследования, но когда я спрашиваю: “Неужели это ты, старик, написал?” – мне в ответ обычно смеются и говорят, что не только не писал, но даже не читал!

А. К.: Испанским поэтом Вы меня сразили, не знал. А вот Бенедиктова читал, но у него стихи звучные, пышные, рассчитанные на успех, на доминирование – качество, вполне уместное в деятельности банкира. У Вас, напротив, нет и следа тяги к успешности, к внешним эффектам. Духовный стержень Ваших стихов – самоуглубление и самоограничение, чуть ли не затворничество:

*Здесь нынче такие сугробы,
Что путника скроют вполне.
Здесь так мне захочется, чтобы
Забыли бы все обо мне.*

*Здесь топится жаркая печка,
Здесь чайник сопит не спеша,
Здесь вновь затрепещет сердечко
И тихо оттаёт душа.*

Согласитесь, это так не похоже на стиль речи и мышления крупного финансиста.

Д. М.: Но раздвоения личности здесь нет. Я всегда считал, что счастливый человек – это не тот, кто живёт материальными ценностями. Важно не физиологическое ощущение счастья, а то получится, как в Америке, когда одна американская семья выиграла в лотерею миллион долларов. Их спросили: что вы будете делать с этим миллионом? – Будем бегать по магазинам, пока не упадём замертво! – был ответ.

Между прочим, эта история перекликается с известным рассказом Льва Толстого “Сколько человеку земли надо”. Помните, один крестьянин желал приобрести землю у башкир. Ему пообещали дать столько земли, сколько он успеет бежать за день. И он бежал, бежал – пока не упал замертво. И досталось ему земли два аршина – на могилу. Вот и я хочу сказать, что, живя в современном мире и даже будучи богатым человеком, банкиром, нельзя быть только поэтому счастливым. Ты же видишь, что происходит вокруг, как рушатся духовные и нравственные ценности, как отступает просвещение, как падает культура. Ты сам можешь быть благополучным, кататься на яхте, есть чёрную икру, иметь красивых женщин, но это всё не уменьшает ощущение катастрофы. Если я сам живу лучше других, это не заслоняет от меня реальной картины жизни многих и многих не столь состоятельных людей. Не снижает ощущения нарастающей социальной катастрофы.

А. К.: Я знаю, что у Вас за плечами Литературный институт, на Вас оказала огромное влияние поэтическая традиция Вашего родного города Ленинграда – Петербурга. Кем Вы зачитывались тогда, кто были Ваши учителя?

Д. М.: Начну с того, что Ленинград – не родной мой город. Я родился в Мурманске. Но мама у меня ленинградка. Её родственники жили в Ленинграде, а более отдалённые предки были крестьянами. Вообще, все мои предки были представителями традиционных для России профессий – врачи, крестьяне, священники, воины. Так сложилось, что отец мой и мать встретились в заполярном Мурманске, и я родился там. Закончив школу в Мурманске, я уехал учиться в Ленинград. Потом была служба в Советской армии, я служил в Закавказском военном округе, вернулся опять в Питер, а уже с 2001 года живу и работаю здесь – в Югре.

Что касается поэтического творчества... Я писал с детства. Сколько себя помню, столько и писал. Стихи, исторические романы, да и вообще – в душе считаю себя большим прозаиком. Но при сильной занятости проза отнимает слишком много времени, ведь проза – это большой труд, публицисти-

ка — это большой труд, это требует хотя бы нескольких часов в день, а стихотворение — тут проще с точки зрения занятости. Это как спринтерская и стайерская дистанции. Ты можешь быть олимпийским чемпионом на стометровке, а можешь быть и марафонцем, дело вкуса.

Но при всём при том русская классическая литература всегда была у меня на первом месте. С детства помню большой книжный шкаф, заполненный собраниями сочинений наших классиков. И это примета именно России, нашей жизни. Книжный шкаф, особенно в советское время, был в любой семье. Я не знаю, как сейчас, может, книги заменили видеокассеты, но у нас рядом стояли: синий Пушкин — академическое собрание сочинений, зелёный Лермонтов, жёлтый Алексей Толстой, серый Антон Павлович Чехов, Станюкович синий, четыре зелёных тома Аксакова, фиолетово-лиловые четыре тома Жуковского и многое другое. Мы в жизнь входили с этой литературой.

Как сейчас помню: зима, заполярный Мурманск, метель, мама везёт меня в санках, а у меня в руках только что купленные тома собрания сочинений Тургенева.

Книга была неотъемлемой частью нашей жизни. Я вообще считаю книгу величайшим изобретением человечества. Книга развивала в человеке образность мышления. Образ когда возникает? — когда человек читает книгу, думает над её содержанием, воссоздаёт в голове образы прочитанного, а когда ты как зритель смотришь телевизор, ты пассивно воспринимаешь готовую картинку, мозги у тебя не развиваются.

Ещё Дидро сказал: “Перестающий читать — перестаёт мыслить”. Разве это не верно? Человек, не обладающий образным мышлением, не может быть лётчиком, не может быть мореходом, он не может быть врачом. Потому что у него нет образного мышления. Я считаю, что нация, которая теряет навыки чтения, обречена на смерть. Развитие литературы характеризует уровень развития нации.

Возвращаясь к вопросу о моих учителях. Конечно, Тютчев! Основоположники: Пушкин, Тютчев, затем эта линия идёт к Блоку. Да и вообще, русская литература XIX века — это явление в мировой культуре. Еврейский народ создал Библию, итальянцы — классическую оперу, а русские дали миру литературу XIX века. Мы должны гордиться этим, но сегодня этого нет. А ведь народы всегда гордились своими талантами, боролись за национальную принадлежность великих учёных, изобретателей, поэтов. А мы?..

Вот сейчас много говорят о скинхедах — дескать, это подонки! Но почему же подонки? Это наши дети, которых мы воспитывали. У них отняли культуру, у них отняли героев, на которых следует равняться. Отняли историю, которой можно гордиться, отняли музыку, литературу. Что, кто-то из них Чайковского слушает по утрам? Включая радио, что можно услышать? — попсу в лучшем случае. Так что же мы хотим от этого оболваненного, оболганного, униженного человека?

Я всегда говорю: уважайте человека, сделайте его просвещённым, сделайте его образованным — и тогда всё будет ему по плечу. Хотите построить самую передовую экономику в мире — он построит! А с униженным и оболваненным работником у вас ничего не получится. В основе любой экономики — человек.

А. К.: Я слышу, как устами Мизгулина-банкира и Мизгулина-политика говорит всё-таки Мизгулин-писатель. Русской литературе свойственны уважение и любовь к простому человеку. Так что Вы всё-таки поэт, Дмитрий Александрович.

Д. М.: Да, с одной стороны. А с другой... Я руковожу банком. Банк известный в регионе. Люди сюда ходят и не воспринимают банк как нечто чужеродное. Для них это бытовая потребность, потому что здесь можно получить различные услуги: сделать перевод, пенсию получить, взять ссуду... Это — реальная часть жизни человека. Жалко, что у нас в стране банкир всё ещё воспринимается как некий монстр с плакатов времён гражданской войны — с большим животом, во фраке и цилиндре. Нет, в банке основная часть служащих, я не говорю, конечно, о высшем менеджменте, живёт так же, как весь народ. И служащим банка не сравниться по своим зарплатам ни с сотрудниками “Газпрома”, ни с работниками нефтяной отрасли.

А. К.: Но читаете Вы, надо полагать, не только платёжные ведомости. Какие книги стоят у Вас на полке?

Д. М.: Недавно прочитал авантюристические романы испанского писателя Артуро Переса-Риверте. Сильное впечатление! Мне нравится, как пишет серб Горан Петрович. Роман белоруса Адама Глобуса “Дом” поразил меня личностью. Он как мозаика складывается из воспоминаний детства. Вообще, фрагментарность восприятия свойственна сознанию современного человека. Вот почему я считаю, что поэзия сейчас очень перспективна. Написал восемь строчек, а иной раз и четыре – и вот уже образ. В небольшом фрагменте сконцентрирована целая жизнь...

Из журналов читаю “Наш современник”. Прочитал Вашу книгу, Александр Иванович, “Возвращение масс” – от начала до конца. Да и другим давал читать. Как видите, литературу я не забываю.

А. К.: Помню, Вы большими отрывками цитировали стихи Глеба Горбовского...

Д. М.: Да, Горбовского очень люблю. Недавно мы ему в Комарово вручили премию “Югра”. С большим интересом прочитал его последнюю книгу “Распутица”. Вообще поэзию я читаю с карандашом в руках. Недавно купил книгу стихов Мао Цзедуня. Да мало ли... Вот приобрёл книгу стихов архиепископа Кентерберийского, оказывается, и он пишет стихи и переводит с русского на английский.

А. К.: Дмитрий Александрович, Вы учредили премию “Югра”. Она сразу стала весомой в писательском мире. Распутин получил эту премию, Горбовский, Станислав Куняев. Лауреатами стали белорусы, сербы. Что побудило Вас выступить с этим начинанием?

Д. М.: Любой труд должен быть оценён. А тем более – писательский труд. Вышла книга – это факт культуры. А, к сожалению, жизнь сейчас устроена так, что писатели пишут книги, а они пропадают в безвестности. Разрушена система книгораспространения. Разрушена связь между писателем и читателем. При всём обилии изданий хорошую книгу сейчас трудно найти. И вот моё наблюдение: зарубежной англоязычной переводной литературы сейчас больше, чем русской. А где литература Армении, Грузии, Чехии, Болгарии, они что – совсем перестали писать? Словаки? Венгры? А пишут ли книги киргизы, таджики, узбеки, чечены?..

Наши руководители утверждают, будто они строят пространство СНГ. Как его построить без обмена культур?.. Если нет обмена культур, языков, литературы – всё наше содружество движется к гибели.

Возвращаясь к “Югре”. Премию мы учреждали для того, чтобы привлечь внимание к творчеству того или иного писателя. Это – главная задача. Кстати, мы хотим в рамках премии “Югра” учредить премию для русского зарубежья. Неважно, где книга выйдет: в Киргизии, в Израиле, в Гондурасе – эта книга русского автора, значит, она должна получить достойную оценку.

А. К.: Идея премии для русского зарубежья, на мой взгляд, очень перспективна. Мы в долгу перед нашими соотечественниками, оказавшимися за рубежом. Россия сбросила этих людей, словно балласт. Как в двадцатые годы мы отторгли своих соотечественников в дальнем зарубежье, так теперь поступили и с теми, кто остался в ближнем после распада СССР. Они ждут хоть какого-то внимания к себе со стороны Родины. А что происходит? Учредило наше государство “Русскую премию” – и как Вы думаете, кому её дали? Марине Палей. Свообразная писательница, в произведениях которой ненависть к русским людям доходит до маразма. Собственно, она и уехала из России по собственной воле, она не из тех русских, которые были брошены за рубежом при распаде державы. Благополучно отбыла в Голландию, чтобы жить среди “цивилизованных”, так сказать, обывателей. И вот именно ей дали “Русскую премию”! Дали бы какую другую, но “русскую” – человеку, который ненавидит всё русское! На этом фоне Ваше начинание особенно ценно.

Д. М.: Александр Иванович, самое главное, что движет человеком – это любовь. Как можно жить ненавистью? Я не понимаю, как можно ненавидеть людей только за то, что они другой национальности. Нужно жить положительными эмоциями – это основа жизни, и на этой основе рождаются произведения литературы. Ещё никогда ничего хорошего не родилось на основе ненависти – ни одного произведения литературного, художественного, которое бы жило века. Теперь несколько слов о толерантности. Толерантность – понятие, которое само по себе уже провоцирует неравенство. Это терпимость по отношению к тем, кто не такой, как ты. А было же понятие дружба. Дружба под-

разумеает равенство, а толерантность – это всего лишь терпимость, часто через силу. Строить мировое сообщество на базе вынужденной терпимости – неправильно. Такое общество нежизнеспособно. Терпимость, она как сжатая пружина – всегда готова выстрелить. И взорвётся всё это шаткое здание мировой терпимости, которое, как сказано в Библии, построено на песке.

А. К.: Культура может снять эту опасную остроту мировых проблем?

Д. М.: Конечно. Межнациональный конфликт зачастую идёт не на основе высоких идеологий, а скорее на уровне бытовых взаимоотношений. И тут важен диалог культур, диалог элит и, обязательно, контроль со стороны власти. Если власть культивирует любовь и дружбу – проблемы можно сгладить. Если насаждает вражду, то результат очевиден.

Так стоит ли удивляться в этой связи событиям на Манежной площади, дракам на стадионах и, боюсь, ещё многому из того, что предстоит нам увидеть, дорогой Александр Иванович! И Вы об этом писали, и другие, но я скажу так: у нас много говорят, много пишут, но ничего не делают. А ведь мы живём в многонациональной стране, здесь надо быть особенно аккуратным.

Жить в многонациональной стране – это всё равно что строить атомную электростанцию в районе постоянных землетрясений и цунами, как в Японии. Тут надо учитывать всё, иначе рванёт в определённый момент – мало не покажется.

А. К.: Мне близка Ваша мысль об ответственности элиты. И не только за ситуацию в межнациональных отношениях. Кризис в экономике, на мой взгляд, был вызван безответственностью, или, скажу мягче, недальновидностью финансовых топ-менеджеров. А между тем, власть, связанная с тем же банковским менеджментом, бросилась спасать банки, фактически бросив на произвол судьбы реальную экономику. Какова ситуация сегодня?

Д. М.: Я бы так сказал: сегодня экономика стала во многом виртуальной. Это раньше шёл процесс натурального обмена – шкуры меняли на топоры, бананы на соль, пиво на дрова – всё было понятно. Сейчас фактически продают то, чего нет, фьючерсы всякие. Так и образовывался кризис. Продавали не реальные товары, а их стоимостные оценки. Грубо говоря: человек оценивает, скажем, общество по производству гвоздей. Он выпускает на рынок акции, чтобы построить завод стоимостью 10 миллионов долларов. Но акции, путём спекулятивной игры на бирже, начинают дорожать. Они продаются уже за 20, за 30 миллионов. А нужно только десять, вот и образуются избыточные деньги, собственник начинает их куда-то вкладывать, пытается из них ещё сделать деньги. В экономике появляется масса избыточных денег. И кризис неизбежен. Такой порядок вещей рано или поздно должен закончиться катастрофой. Почему банки оказались в центре событий? – потому что банки являлись держателями акций, всех этих фиктивных активов.

Всё-таки, как ни крути, но основу экономики всегда будет составлять производство. Произвёл ручку, молоток, бумагу – вот это и будет реальная стоимость. Ведь основная стоимость – это стоимость труда. А стоимость труда – это зарплата человека. Поэтому нормальная здоровая экономика держится на производстве. Будущее России – в производстве. А как сырьевая держава мы можем очень скоро прогореть, потому что, как бы ни увеличивалась стоимость добытых нефти и газа, ровно настолько и ещё больше будет увеличена стоимость готовой продукции, которую мы вынуждены к себе завозить, поскольку сами её не производим. Это – железный закон. И если сегодня мы продаём баррель нефти за сто долларов, а завтра за сто двадцать, то и “ножку Буша” мы завтра будем покупать не за 3 доллара, а за 4, а то и за 5. Единственный выход – производить самим. Выживет та экономика, где высока прибавочная стоимость. Мы много уже здесь проиграли. Летаем не на своих самолётах, ездим не на своих автомобилях. Рельсы у нас уже не свои и трубы – импортные. Даже огурцы завозим из Германии. Мы в зависимости от зарубежного производителя. А если это так, то нас ждут не очень хорошие времена.

А. К.: Да, история показывает: тот, кто производит больше, тот и господствует в мире.

Д. М.: Ещё один очень важный аспект – за производством шла научно-техническая мысль. Наука никогда не гнездится вокруг операций купли-продажи. Она не родится на лужниковском рынке. Наука рождается в цехах, где делают самолёты, ракеты, поезда и т. д. Также и дети рождаются там, где есть любовь, а не там, где процветают барыш и наркомания.

Я скажу сейчас очень тревожные вещи: только шесть процентов выпускников в Питере в этом году сдали ЕГЭ по физике. По предмету, с которым они пойдут в технические вузы. Александр Иванович, ответьте мне на вопрос: как будет жить страна? Это катастрофа. Наша страна сейчас напоминает огромный теплоход, которым управляет непрофессиональная команда. Где ни механик, ни матросы, одним словом, специалисты толком не знают своего дела. Но зато всё хорошо с обслуживающим персоналом: официанты, музыканты, бармены, певцы – прекрасные. Но что толку?.. Это как на “Титанике” было – матрос кричит капитану: “Айсберг впереди!” – А что делать дальше – вопрос...

Вот Вы, Александр Иванович, в своей книге говорите о социализме. Да коммунизм уже шагает по планете! Только наступил кризис, как капиталистические государства бросились спасать свои частные банки и предприятия, забыв болтовню о приватизации и свободном рынке, где выживает сильнейший – всё то, чему они учили нас последние двадцать лет, заведя нашу экологию в тупик.

Так и спасли и мировую, и нашу экономику. Государства пришли на помощь своим производителям, презрев все разговоры о разгосударствлении и свободном предпринимательстве.

А. К.: Тогда даже самый ярый рыночник Саркози, президент Франции, оказался самым большим государственным.

Д. М.: Да, когда он собрал во Франции большое количество представителей общественности, предпринимателей, то я невольно вспомнил наши партхозактивы. Всё один к одному. Да и образованный не так давно Народный фронт весьма смахивает на хорошо знакомый советскому человеку “блок коммунистов и беспартийных”. В сущности, всё правильно: только мобилизация всех слоёв общества, консолидация вокруг сильного лидера поможет преодолеть кризис.

А. К.: Накануне очередных выборов, какой Вам представляется ситуация в обществе?

Д. М.: Я бы вообще не ориентировался на выборы как таковые. Я убеждён, что русский человек имеет совершенно другое эмоциональное отношение к власти, чем человек европейской культуры. На Западе власть – это посредник между людьми. В России такого никогда не было. Власть собирала дань с народа, а народ в своих бытовых, житейских делах к власти не обращался. Он соединялся с нею только в крайних случаях, прежде всего во время войны. В остальное время власть воспринималась как аппарат подавления. Парадокс, но власть нашему народу в повседневной жизни не нужна. Она нужна только тогда, когда приходит пора защищать Отечество. Во многом и судебная власть была чужда людям, они подозревали обман в решениях судебных чиновников – шемякин суд, одним словом. В основном реальную судьбу человека, крестьянина решала община – кого выдавать на расправу власти, кого нет. Помните, как у Есенина в “Анне Снегиной”: “На нашей быдластой сходке мы делу условили ширь – судили, забили в колодки и десять угнали в Сибирь”. Поэтому к власти народ наш относился всегда как к внешней и часто чуждой силе.

А. К.: А ведь это очень опасно!

Д. М.: Да, если пропадает понятийная связь между народом и властью. И кажется, мы сейчас к этому идём. Во всяком случае, выборы воспринимаются как формальность. Прежде всего “большие” федеральные выборы. На местах ситуация иная. У меня избирательный округ – 70 тысяч человек, меня многие знают. А если меня лично не знают – банк знают, работников моих знают. Людям всё равно, за какую партию голосовать, они голосуют за конкретную личность! Поэтому, чтобы руководить, нужно быть таким же, как люди, которые тебя окружают. Если ты не любишь людей, тебя на пушечный выстрел нельзя подпускать к власти, – так говорил бывший президент Татарстана Минтимер Шаймиев – политик, которого я очень уважаю.

Если люди не чувствуют, что власть относится к ним по-человечески, то они её отторгнут в конце концов, хоть ты какие рейтинги сочинишь! Как на Украине с Ющенко произошло. Сколько бы он ни приписывал себе процентов, а всё равно пришлось уйти. Нельзя обманывать народ, он сразу перестаёт уважать тех политиков, которые его обманывают, которые говорят, к примеру, что средняя зарплата по стране – 41 тысяча! Ну, если сложить зарплату банкира и зарплату учителя в школе, то так, может, и получится. А в реаль-

ности? Я приезжаю к своим избирателям и говорю им: “У нас средняя зарплата сорок тысяч!” – А они мне говорят: “А у нас девять...”.

Александр Иванович, народ всё равно видит, кто перед ним: умный или дурак. Другое дело, на выборы ходят у нас процентов 20 – не более. И сколько бы ни пришло, по закону выборы признают состоявшимися. Немыслимо! Да, народ у нас политически неактивный во многом в силу каких-то исторических или даже генетических причин. У нас страна генетически крестьянская, а крестьянин привык работать в авральном режиме – весной и в конце лета. Быстрее посеять, быстрее собрать урожай. Вот и вождей наш народ подбирал таких, которые могли бы вести за собой страну в моменты наибольшего физического и нравственного напряжения. А не тех, кто вводят постепенные улучшения, ведут кропотливую, зачастую мелочную работу.

Арабский Восток своим менталитетом похож на нас. Каддафи бы рухнул за десять дней, если бы на его страну не пошли иностранные бомбардировщики, если бы чужаки, европейцы, “крестоносцы” не стали убивать ливийцев. В таких условиях народ Ливии сплотился. Может, и в России, чтобы сплотить народ, нужна внешняя угроза?

Короче говоря, я возвращаюсь к своей мысли: надо быть таким же, как народ. Это очень важно для политика. Ну и, конечно, любить свой народ. Вот я когда веду приём своих избирателей, принимаю всех, кто бы ко мне ни пришёл, для меня никто не посторонний. Для меня посторонних нет.

А. К.: Дмитрий Александрович, завершая нашу беседу, каковы Ваши планы в литературе, в бизнесе, в политике?

Д. М.: Есть такая пословица: хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах...

Исполняется 50 лет Дмитрию Александровичу МИЗГУЛИНУ, человеку разносторонних дарований. Он проявил себя сразу на многих поприщах – в поэзии, банковском деле, политике. И всюду многого достиг, благодаря таланту и ответственному отношению к делу. Мы радуемся его свершениям, гордимся нашей давней дружбой и от всего сердца желаем Дмитрию Александровичу жить долго, писать вдохновенно и приумножать богатства нашей Отчизны!

Редакция

“НАРОДНЫМ ДУХОМ И НЕИСТОЩИМОЙ НАДЕЖДОЙ...”

Нынешняя подборка читательских писем и размышлений не случайно, наверно, посвящена теме государственности, теме национального единения, обеспокоенности наших читателей сложными и во многом неоднозначными процессами, что идут сейчас в России и в сопредельных, исторически братских нам государствах. Русский вопрос, украинский вопрос, большие проблемы Москвы как огромного, сложного мегаполиса, морально-этические проблемы — всё это неразрывно связано в сознании нашего читателя. Неразделима судьба одного человека и судьба целого государства — всё это наша жизнь, которая, как мы надеемся, станет лучше. 2011 год — год особых дат в истории государственности в России. 100 лет со дня трагической гибели Петра Аркадьевича Столыпина, 20 лет разрушения СССР... Что нас ждёт впереди, чем будет жить наша страна в будущем? — задаёмся мы нелёгким вопросом. — “Народным духом и неисощимой надеждой”, — отвечают наши читатели, письма которых — это неразрывная и плодотворная связь журнала и жизни.

РУССКИЙ ВОПРОС

Телевизионный канал НТВ иногда набирается смелости показать в прямом эфире дискуссионную передачу, в которой разные люди могут поделиться друг с другом своими мыслями о России, отчем доме, о чувстве Родины. Однажды и я смотрел такую передачу. Большинство присутствующих, что обычно для нынешнего ТВ, были людьми исключительно “либерального” толка. Участников с иными взглядами было мало, на них и шло сильнейшее давление. Одна расфуфыренная дамочка, с претензиями на интеллигентность, с неприкрытой злобой выкрикнула: “Как вы надоели со своими вечными душевными переживаниями, берёзками да ромашками на лугу!” Все отчего-то стыдливо промолчали, никто не поставил её на место. Никто не спросил, кого она имела в виду под словом “вы”, хотя было понятно, что русских людей. И никто не сказал ей в ответ, что “они”-то нам как надоели со своей ловкой способностью считать Родиной ту страну, где можно отхватить кусок колбасы пожирней и побольше, и считающих Россию лишь “территорией свободной охоты”, как говаривал их кумир Ходорковский!

Эта сценка, скажу честно, меня задела за живое! Точно так же относятся к моей нации и нынешние космополитичные властные структуры. Конечно, а как к ней ещё относиться, если русский народ поставлен вне закона. Он есть, но его как бы не существует. Нигде в документах не прописано, даже в конституции, что государствообразующей нацией в России являются русские.

Вдобавок из паспортов убрали графу о национальности. Нас нет! А если нет, то и нечего беспокоиться о каком-то национальном статусе, надо, чтобы люди перестали даже думать об этом, надо превратить народ в аморфное население с комплексом неполноценности, Чем, с подачи властей, и занимаются СМИ, уже четверть века вдалбливая в сознание людей, что русские — это рабы, пьяницы, бездельники и дураки. На того, кто ещё не забыл о своих предках и с гордостью может сказать: “Я — русский!”, кто болеет за судьбу

своей нации, сразу обрушивается весь набор обвинений — от “квасного патриотизма” до многочисленных лукавых эпитетов, придуманных для затыкания ртов недовольным, а именно: экстремист, шовинист, антисемит, ксенофоб и даже — террорист! Тревожиться о судьбе своего народа, писать и говорить об этом могут представители любой национальности, только не русской, для русских это табу, это принято считать неполиткорректным, безнравственным и черносотенным. “Власть предрержащая” и народившаяся буржуазия, обходя серьёзные национальные вопросы, как бы не замечая их, живут в придуманном ими самими мире, мерилом которого часто являются не благополучие народа, а только количество денег в своих карманах. Они совсем не думают о последствиях такой политики, загоняя все противоречия внутрь, не думают, что подобное положение вызывает недовольство большинства жителей России. Это недовольство копится да иногда и взрывается Кондопогой, Манежной площадью, Радужным в нашем регионе, а также замалчиваемыми выступлениями молодёжи во многих городах России. Тревожные звонки для властей звучат давно. Об этом стоит задуматься!

После Манежной площади власти пребывали в растерянности, даже в испуге. Захотели превратить это выступление молодёжи в некий маргинальный междусобойчик. Не получилось. Решили повесить вину на крайние националистические организации, не сработало. И сразу была дана отмашка, и “политические флюгеры” вспомнили вдруг о проблемах русской нации, о патриотизме. В СМИ стали говорить и писать об этом, с опаской предупреждая, что Россия, мол, — это всё же многонациональная страна, забывая при этом сказать, что русских в России почти 85%, а на остальные 15% приходится более сотни других национальностей. Но недолго “музыка играла”, и вот уже одиозный Сванидзе попытался организовать некий “Нюрнбергский процесс” над историей России в телевизионном шоу “Суд времени”. Но, как всегда, опозорился. 90—95% респондентов постоянно голосовали за советское прошлое и патриотизм, что подтвердило итог ранее прошедшего проекта “Имя России”, когда больше всех голосов набрали Александр Невский и Сталин. И это вновь напугало либералов, и повторилась истерия из-за того, что слишком часто стали повторять слово “русский”. Во всех телевизионных политических программах начали решать, что лучше бы вместо слова “русский” говорить “россиянин”, как говаривал, не к ночи будь помянут, Ельцин. И вот уже тот же Сванидзе в Общественной палате проталкивает свой проект, чтобы вообще ликвидировать все нации, как в Америке. И вот уже Алла Гербер, президент фонда “Холокост”, говорит в интервью грузинскому телеканалу “Первый кавказский”, что “...смакование победы российской молодёжной сборной в чемпионате по хоккею приведёт к росту градуса ксенофобии в российском обществе”. По её мнению, победа россиян над канадцами 6 января “очень неудачно накладывается на недавние события в центре Москвы на Манежной площади”. “Эта эйфория подстегнёт уровень национализма и ксенофобии, — считает Алла Гербер. — У же сейчас слышны лозунги “Мы русские, мы победили!”, и всё это в дальнейшем отразится на том, что будет больше агрессии против “чужих” — против нерусских, против кавказцев, против евреев”. Вот так! Все другие нации могут гордиться своими спортсменами, а русским это делать опасно! Но, кстати говоря, Гербер сама и выдала себя этой фразой, откровенно назвав представителей своей нации “чужими”...

Чего же и кого так страшатся либеральные власти и российские нувориши? Конечно, это боязнь “русского бунта”. Это страх перед тем, что может организоваться под знаменем русской нации большинство населения России. Страх перед тем, что придётся ответить за всё, что случилось с Советским Союзом, с Россией в эти “чёрные” четверть века. И, конечно, страх потерять наворованное. Поэтому и держат свои капиталы в банках Европы и оффшорных зонах, детей своих учат за границей и имеют на всякий случай двойное гражданство, а иногда и тройное. Есть чего опасаться!

И, как следствие, как отвлекающий манёвр властей от возрастающего недовольства народа стал раздуваться проект антисталинизма. Для определённого круга имя государственника Сталина, как “бельмо в глазу”, потому что люди сравнивают ту жизнь и ту власть и эту, компрадорскую, которая действует по указке Запада и у которой мышление не государственников, а лавочников, и полное непонимание того, что для русского человека заполненные магазинные полки и десятки сортов колбасы на прилавках — это не главное.

Народ знает и помнит, что при Сталине была могучая страна, что при нём никто не посмел бы разворовывать её и грабить, как сейчас, что при нём не было таких страшных различий между бедными и богатыми, не было такого застоя чиновников. Он сам был аскетом и требовал этого от других. В стране существовала социальная справедливость, которая для русского человека всегда была значительнее и выше, чем любые испытания и лишения. Ведь даже большинство побывавших в лагерях продолжали верить во власть. И эта народная память тревожит новую, вороватую элиту, а точнее, тех, кто вдруг стал себя называть ею. Они пошли даже на то, чтобы убрать имя Сталина, Главнокомандующего, из пантеона победителей в Великой Отечественной войне.

Но попытки переписать историю и превратить имя Сталина в пугало не удаются. СМИ подыгрывают властям, бессовестно озвучивают заведомо ложные цифры в десятки миллионов человек, по их словам, ставшими жертвами репрессий 1936–1938 годов. Откуда взяты эти чудовищные цифры? Наверное, начитались бредятины ренегата Волкогонова или фальсификаций Радзинского? Ведь есть точные данные, они опубликованы. Известно, что с 1921 по 1956 годы, за 35 лет, было арестовано и сослано в лагеря около 2,5 миллиона человек. За этот период было вынесено около 700 тысяч смертных приговоров. Да, это большие и трагические цифры, но не “десятки” же миллионов за три года, о коих бессовестно и безбоязненно лгут, специально подливая масла в огонь, новоявленные лжеисторики.

Конечно, нельзя отрицать той жестокости, с которой вершились дела в то время. Но надо же понимать, что это был неизбежный исторический процесс, который всегда бывает в послереволюционный период, и остановить его невозможно. Так же было и во многих других странах, например, после Великой французской революции. Нельзя сваливать все грехи на одного человека, одному просто невозможно осуществить то, что происходило в те годы. Почитайте серьёзных объективных историков и политологов. А вот то, что сегодня страна теряет до **миллиона** своих граждан в год, никого из либеральных деятелей не волнует. В год! И это в мирное время!

Знаю, что людям либерального толка не очень-то понравится это читать. На меня сразу же навесят ярлык ксенофоба и националиста и даже экстремиста. Но это будет неправильно. Я считаю, что уважать народ любой национальности, его историю и самобытность может лишь тот, кто с уважением и любовью относится к своей нации, к истории своей страны. И будем честны, то, о чём я пишу, это же правда. Давайте не жить двойными стандартами. Нам всем нужен объективный честный разговор о проблемах русской нации. Ведь все знают, что если русским людям будет комфортно жить в России, то будут благоденствовать и другие нации, населяющие Россию. А загонять проблему внутрь чревата, как показывает история, трагическими последствиями.

Сергей Лагерев, писатель
г. Сургут

ЧЕМ ГОСУДАРСТВО ЖИВО?

Мы с горечью смотрим на всё, что происходит с нами, с нашими людьми: не редким стало явление детей-маугли, причём даже в крупных городах, толпы бродяг и нищих, несметные полчища мошенников во всех сферах жизни, разгул коррупции, уголовщины, наркомании, алкоголизма.

Столь же печальны большие очереди стариков в поликлиниках, статистика смертности и самоубийств, где мы прочно вошли в число “лидеров”.

Удручают брошенные, разоренные деревни и целые города, полуразрушенные корпуса заводов, ферм, отсутствие должной медицинской помощи и образования в глубинке.

С другой стороны, мы с гордостью вспоминаем, что наш народ дал мировой культуре Толстого, Чехова, Тургенева, Пушкина, великих изобретателей и ученых: Менделеева, Павлова. Попова, Циолковского, Курчатова. Королёва. Мы искренне восхищаемся и нынешними талантливыми учёными, писателями, артистами, спортсменами, коих у нас немало... Ощущаем природную мощь, ду-

шевность и величие нашего народа, когда смотрим выступление ансамбля имени Александрова, Кубанского казачьего хора – и сердце на время переполняется гордостью. И опять приходит горечь – как можно так низко опустить великий народ, как можно так цинично обманывать государствообразующую нацию?

Этот вопрос задают себе и другим не только люди, по-настоящему радеющие за страну, но даже удивлённые крайней степенью быстрой деградации России наши враги, сами же приложившие к этому руку. Вот уж поистине: удивлять – так удивлять. Время уже выявляет врагов и истинных патриотов, кликуш и приспособленцев. Конечно, трудно рассчитывать, что принесут пользу рассуждения многочисленных “политологов”, сгрудившихся у кормушки. Характерно, что они не утруждают себя научной аргументацией – это их стиль, почерк. Их выступления напоминают разговор банальных сплетников. Зато чётко прослеживается заточенность на дискредитацию социализма, который их выкормил и выучил. Безосновательно критикуя слабые места реального социализма и списывая на них свои собственные провалы в организации жизни нынешнего государства, черпая, впрочем, часто бесхитростные аргументы из своей же эпохи (Горбачева, Ельцина), никто них не озадачился тем, чтобы дать точную оценку происходящему, чтобы ответить правдиво всё на тот же вопрос: что с нами происходит сейчас, когда у власти 20 лет уже антикоммунисты и антисоциалисты?

Нужно констатировать, что есть и учёные (их немало), которые, искренне заблуждаясь, или чтобы выжить, отталкиваются от того, что есть на поверхности, замалчивают глубинную суть явлений, при этом стыдливо уходят от тех фактов, которые дезавуируют неблагоприятную роль властей предрержащих – то есть демонстрируют прагматизм. Многие из них очень стараются, говорят и пишут цветасто, но их анализ не может быть объективным по определению: нельзя, говоря о состоянии организма, не оценивать главное – состояние центральной нервной системы.

Исторически многие века Россия строилась и жила под “батюшкой-царём”. По инерции так воспринимались и Ленин, и Сталин, да и все последующие руководители. Этот стереотип власти уже в генах – от этого не уйдёшь. Если у наших врагов была задача разорить или покорить нашу страну, то требовалось всего-навсего посадить своего царя, то есть чуждого нам. Так уж получилось, скорее не случайно, что эти самые враги очень аккуратно и ювелирно пользовались этой технологией, внедряя кого нужно им во власть. В новейшей истории вышли на первые роли Горбачев и Ельцин. Случайно ли это? Думается – нет. Как не случайно и то, что эти специально подобранные “лидеры коммунистического движения” вдруг (!) стали яркими антикоммунистами, причём оба. Не потому ли, что оба они генетически были предрасположены к предательству, и селекционировали их правильно?

Что говорить, враги России изучали Маркса, Энгельса, Ленина и сделали всё, чтобы уничтожить рабочий класс – главную общественную движущую силу, и от крестьянства ничего почти не осталось. Нет и квалифицированных кадров, а ведь в этом успех любого дела. Стали появляться министры, не имеющие понятия об отрасли, которую возглавляют. О какой квалификации можно говорить, если сейчас всё больше рабочих мест на всех уровнях занимают мигранты, порой вообще не имеющие образования, что уж говорить о специальном, что говорить о каком-то опыте, культуре, технологиях. Или для России и так сойдет? Не сходит.

Многие политологи пытаются представить дело так, будто развал Союза произошел спонтанно, изнутри. Это шито белыми нитками. Да вот и крупнейшие западные политики не проявляют солидарность с ними: Тэтчер, Рейган, Клинтон, Буш и многие другие подчеркивали и показывали причастность свою личную и своих государств. Нужен объективный научный анализ – это на совести наших учёных. Сейчас можно сказать одно: народ, живущий по чужим законам, не являющийся хозяином своей земли и средств производства, не способный проводить внутреннюю и внешнюю политику в своих интересах, теряет самоидентификацию, государственность и будет называться так, как его назовут новые хозяева.

Силу и мощь государства определяют его биоресурсы: прежде всего люди, органические энергоносители, леса, реки, земли, полезные ископаемые и всё жизненное пространство, в котором мы живём. Но недостаточно просто наличия этих ресурсов. Важнейшее значение имеет организация жизни,

структурирование жизненного пространства, а это определяется в первую очередь идеологией, которая является продуктом деятельности человека и составляет основу любых программ жизни общества, будь то экономика или культура, оборона или образование, Любая программа должна предельно чётко ответить на несколько вопросов: для чего и для кого? Во имя чего?

Системная организация – это от природы, Хочет кто-то или не хочет, система может быть хорошей или плохой (оценка субъективна), но все складывается так, как должно сложиться по совокупности обстоятельств.

Как-то странно, что многие не понимают или не принимают простую логическую цепочку, которая предельно точно и лаконично объясняет, кто есть кто в природе: человек биологический объект, живёт только в биологической среде; государство создают и составляют люди; и отдельный человек и государство – открытые саморегулирующиеся биосистемы и, хотя они этого или не хотят – подчиняются законам биологии, законам выживания, которые существуют и будут существовать объективно, пока есть живой мир.

Системный анализ предполагает обязательно исследовать человеческий фактор в любом проекте. Любые экономические схемы и концепции должны включать “человеческий компонент”. Это национальный состав, традиции, стимулы, мотивация, предпочтения... Это и чисто медицинский аспект, и демографический, и социальный.

Не всё решают деньги, но все решают люди. Наш ресурс – наш народ. Надо думать о нём, его жизнеспособности, а не о взятых с потолка “высоких” цифрах, или о том, что скажут звёзды, или что подскажут иноземцы. Нам нужна благородная цель в жизни, достойная мотивация, рациональная самоорганизация общества – только тогда реализуется потенциал нашего народа, тогда будет жить наше государство.

Сергей Турищев

доктор медицинских наук, профессор
г. Москва

О НАБОЛЕВШЕМ

Пишу вам, уважаемая редакция, как чеховский Ванюша Жуков, от отчаяния и боли. Хотя и не бьют меня ржавой селёдкой по лицу, но унижают и оскорбляют каждодневно мои профессиональные качества. А профессия моя старинная – водитель.

Я шофёр с сорокалетним стажем. Зовут меня ...ну, по-разному. Жена, например... не-ет, не скажу. И не потому, что засмеете, а потому что дома у меня этих женских кликух штук 20. И я, как верный пёс, на все откликаюсь. Выучка, знаете ли. А так всё просто: Михаил Сергеевич, дядя Миша, ну и все производные от имени Михаил. Поездил по нашим русским дорогам предостаточно. А тут судьбе угодно было меня устроить на работу в редакцию одного крупного издания. С 2005 года и по сей день тружусь рядом с удивительными людьми – прозаиками, поэтами, политиками, деловыми людьми, артистами, художниками. С Распутиным, Беловым, Крупинным, Бондаревым и многими другими известными нашими писателями встречался. Радуюсь и горжусь. Но сейчас не об этом.

В самом деле. Кто бы мне что ни говорил, а ездить по нашему городу с каждым годом становится всё интереснее. Какое разнообразие машин! Любой международный автосалон мог бы позавидовать. Там они только придумали, только создали опытный образец, привезли на выставку, а у порога уже стоят такие же авто. Кто хозяева? Наши люди и совсем нередко – девочки-фифочки или розовощёкие юнцы. Мачо, как их теперь называют. Обидно и противно что-то... И вот смотрю я на этих горе-водил и думаю: а ведь есть справедливость на этом свете. Правда, не так её много, но всё же есть.

Сейчас поясню. Еду по третьему транспортному кольцу (ТТК) и наблюдаю интересную картину. Впереди меня едут три здоровых джипа со скоростью... ишака, то есть они перегородили дорогу всем, и едут как на параде, выстроившись в одну шеренгу. Лето. Прекрасная погода. Ещё не жарко. Окна открыты, они о чем-то переговариваются. Сплошная идиллия. Они – это три мадам

или мадемуазель, возраст определить не сумел. Я оглянулся по сторонам. Не-е... Я не один всё это вижу, машин сорок уже сзади плетутся. И тут с Комсомольского проспекта к нам на кольцо залетаёт четвертый чудо-богатырь, и понятно, что рвётся он в левый ряд. Театр, цирк, шоу – бледная тень того, что я видел в следующие 30 секунд. Со всей дури, что есть под капотом, машина цепляет крайнюю правую – по-нашему “подрезает”. Та, в свою очередь, обидевшись или испугавшись, встаёт на дыбы и стартует как на гонках. Дым из-под колёс, скрежет, визг. Но дамочка не удержала жеребца, он рванулся чуть левее и... вот она, цепная реакция. Подруга совершает тот же манёвр! Картина маслом. Три машины стоят, упершись в разграничительный отбойник, а чудо-богатырь, как Аполлон, с высоко поднятой головой не спеша удаляется с места сражения. Крылья, бампера, стёкла – вдребезги, и вот вам пробка. Я решил посмотреть на богатыря. Благо он ехал в левом ряду и уже уперся в хвост колонны. Догоняю, пристраиваюсь, смотрю и... Правильно. Четвертая дама, жестикулируя, трепалась по телефону, периодически отпустила руль, крутила головой и (я так предполагаю) топала ногами. Машина шла неровно, рывками. Я благоразумно отстал и продолжал за ней наблюдать. Ждать пришлось недолго. Подъезжали к Кутузовскому проспекту, как вдруг она резко стала поворачивать вправо. Всё тот же манёвр. Манёвр наглости. Но она не заметила маленькой машины, которая ехала спокойно в своем ряду. Удар, снова визг, снова разбитое стекло – и опять пробка. Увы, подобных случаев в нашем городе происходит за сутки около тысячи. И эта цифра будет только увеличиваться, если... Но есть у меня на этот случай свой рецепт.

За последние годы в России появилось необоснованно большое количество не только машин, а и **водителей**. Городские власти Москвы и других крупных городов России не могут справиться с этой проблемой по старинке. Требуются иные меры, и меры **чрезвычайные**. Уровень обучения и качество вождения при таком количестве автомашин становятся основным фактором порядка на дорогах. Сейчас уровень обучения – плохой. Качество вождения – низкое. Водительские права можно купить! Как следствие – большое количество малых и средних ДТП. Тому причин много – отсутствие опыта и практики, дозволенная наглость и малая степень ответственности (откупаются по месту нарушения правил, ОСАГО, КАСКО), незнание дорог и правил дорожного движения (знаки, установленные “когда-то”, неумелый манёвр), откровенное хулиганство, распущенность и т. д.

Уверен: за **любое** совершенное ДТП (при вызове сотрудника ГИБДД и составлении протокола, при условии чёткого определения вины участников ДТП) – надо лишать виновного в ДТП прав управления. К примеру:

– за несоблюдение дистанции (ущерб до 25 000 руб.) – на срок до одного месяца;

– за ДТП, повлекшее телесные повреждения, – до двух лет;

– за ДТП со смертельным исходом – лишать пожизненно.

Наказания могут соответствовать статьям ПДД.

Для того чтобы вернуть свои водительские права, человек оплачивает через **электронный терминал** (наподобие оплаты мобильной связи) расходы за ДТП или нарушение ПДД, а также оплачивает расходы по тестированию своих знаний (всё у того же терминала), подтверждая тем самым свою квалификацию водителя и понимание причин ДТП. Общение с терминалом исключает всякое подобие взятки. Не пройдя тест на терминале, человек не сможет получить свои водительские права. Не пройдя три раза такого “экзамена”, он должен будет пройти повторно занятия в автошколе. **Работам автошкол уже сегодня нужно придать государственный статус и спрашивать с них по полной программе:** вождение в городском потоке, знание правил и знаков ПДД, знание картографии и умение пользоваться спутниковой навигацией. Обязательно требовать у курсантов предъявления наличия “Blutus” (телефонной связи без рук). Причём никаких временных удостоверений выдаваться не должно. А в качестве прохождения практики устраивать их работать в такси на один месяц. Вот так.

При этом должна увеличиться, а главное – качественно улучшиться работа “государственного такси”, где должны будут работать настоящие “профи” (желательно местные “аборигены” и выпускники автошкол), хорошо знающие не только город, но и его отличительные особенности. На данный момент “таксуют” все кому не лень – организации (нанимающие на работу всех под-

ряд), “кавказцы”, соседние “областники” (Тула, Калуга, Тверь, Владимир и т. д.). Сервис очень сомнительный, а подчас и рискованный для жизни. Говоришь ему адрес (совсем неподалеку), а он 500 рублей просит. Говоришь, что согласен, а он в ответ: “Дорогу покажешь?”. . . Не нужно с ними бороться. Надо улучшать сервис, и люди сами выберут “гостакси”. Скажем так: в каждом округе по одному таксопарку со счётчиками наподобие американских, единая диспетчерская, один или два номера телефона на весь городской таксопарк, при цифровой связи это — не проблема. Три вида авто — обычное такси, грузовое, бизнес-такси. Машины одного производителя и одной раскраски — легко узнать в городском потоке, опять же ремонтная база едина.

Сейчас у меня иномарка. Хорошая машина. До неё была наша “Лада Калина” красного цвета. По сравнению с предыдущими моделями “Жигулей” — лучшая. При соответствующем уходе и техобслуживании может ходить долго и успешно. Но есть такие понятия (особенно у женщин), как мода и престиж. Вон у неё, у них, у той есть, а у меня почему нет?.. И торговля иномарками расцвела всюду — и тебе кредит, и рассрочка, и подарки — одним словом, заманивают по-разному, лишь бы купили. Вот и моя прекрасная половина решила, что пора пересаживаться. И пересели — в кредит под проценты, зато иномарка Пежо-308. И так поступают многие семьи для путешествий по стране.

По стране перемещаются миллионы автомашин — перевозка товаров, туризм, поездка за покупками и т. д. Это правильно. Не правильно другое. Налог с нас собирают местные органы, в том числе на строительство и ремонт дорог. Но одно дело — дороги в Москве и других крупных городах, и совсем другое — в районах и областях. Потоки машин в разы больше, а значит, и износ дорог происходит быстрее, и ремонт надо делать чаще. А за чей счёт, я вас спрашиваю? За наш, жителей этих мегаполисов! Везде говорят, что дорог не хватает, и мы катастрофически отстали от других стран. Что-то надо делать. Я думаю, так. Надо, чтобы каждый автомобиль, въезжающий в другой регион, приобретал дорожную карту на въезд и проезд по его дорогам. Проще говоря, ввести дорожную карту трёх цветов: зеленая карта — до 30 дней, желтая карта — до 10 дней, красная карта — до 3 дней пребывания в данном регионе. Помимо цветовой гаммы, можно нановить штрих-код (для считывания камерами при въезде в регион). Стоимость карты определяют местные органы. Выдаётся карта на терминалах (подобие оплаты сотовой связи) при въезде в регион или приобретается заранее по месту жительства. Средства идут на строительство и ремонт автодорог региона. Отсутствие карты следует рассматривать как нарушение ПДД с уплатой штрафа, превышающего стоимость карты. Размещать карту можно на лобовом стекле.

Это будет заменой платным автодорогам с вводом по всей стране и сразу.

К примеру, еду я из Рязани в Москву. Сроком на 10 дней. Захожу в районный отдел ГИБДД или на посту выезда из города оплачиваю через терминал транзитный проезд через Московскую область и 10 дней пребывания в Москве, где указываю место назначения (Москва), срок (дату поездки от и до), номер машины. Если всё это я не успел сделать в Рязани, то спокойно могу это сделать при въезде в Московский регион. В данной ситуации деньги будут переведены в бюджет г. Москвы и области. Проезд в течение года по улицам г. Рязани оплачивается также через терминал по тарифам, установленным местными органами. Организации, ведущие активный товарооборот с тем или иным регионом, должны будут заранее обеспечивать своих водителей данными картами. Транзитный проезд через несколько регионов также будет учитываться при оплате и взаиморасчётах. Помимо этого, постепенно заведётся порядок в регистрации и эксплуатации автомобилей. А то ведь как происходит? Покупают и ставят на регистрацию в одном регионе (потому что выгодно и бесконтрольно), а живут и работают в другом. Оформляют сделку по доверенности где-то, а живут и работают здесь. Помимо этого, данная мера поможет правоохранительным структурам выявлять незаконные перемещения транспортных средств и пресекать возможные преступления.

. . . Каждый рабочий день мне приходится бывать в центре. Каждый божий день я сталкиваюсь с проблемой — где парковаться? Круги накручиваю до тех пор, пока не найду более или менее спокойное место. А многие, особенно новоиспечённые водители, вовсе не ломают голову. Бросают машины где попало и идут по своим делам. В результате четырёхполосная дорога становится

однополосной. Ну, как тут не образоваться пробкам и заторам?.. Во многих мегаполисах мира существует отлаженная система наказания за неправильную парковку – серьёзные штрафы, организация парковочных мест с минимальной оплатой, и в последнюю очередь – перемещение на платные стоянки с большими штрафами. Вот если бы создать новую службу при ГИБДД, отвечающую за организацию и наказание нарушителей правил парковки. . .

Инспектор, вооруженный цифровой фотокамерой и специальными самоклеющимися квитанциями (номер квитанции должен совпадать с номером фотографии), обходит свой участок и прикрепляет на лобовое стекло автомобиля стикер-квитанцию, всепогодную и ветром не сдуваемую, на крупную сумму и ограниченный срок оплаты. Внутри Бульварного кольца – 2000 руб., Садового кольца – 1500 руб. и т. д. После обхода своего участка инспектор сдаёт данные в отдел, а их, в свою очередь, заносят в единую компьютерную базу. Троекратное нарушение правил парковки наказывается лишением прав, скажем, на месяц.

Думаю, что все мои предложения могут иметь положительный эффект, если будет пересмотрена шкала зарплаты сотрудников ГИБДД (в сторону увеличения). Был у меня разговор с одним инспектором на федеральной трассе. Остановил он меня за превышение скорости на 30 км/час. Я, конечно, оправдываться бросился, мол, тороплюсь по казённой надобности и т. п. Чутко он меня послушал, а потом прервал и сам рассказал байку. Служит он уже около 15 лет. Своей квартиры нет – живёт у тёщи с женой и двумя детьми. Зарплаты хватает на еду и “коммуналку”, а на школу и одежду – с премии. Радар в батальоне дают только “старикам”, и не бесплатно. Значит, на дороге надо “отбить” деньги за радар, а оставшиеся поделить с напарником. При этом надо ещё сдать план по протоколам. На все про всё – 5–6 часов (час на дорогу, 30 мин. на обед). Времени на протокол уходит до 25–30 минут. Разговор за деньги, без протокола – от 5 до 20 минут. За час получается от 3 до 5 машин. Всё это выгодно, если много нарушителей. А если все едут аккуратно?.. Мечта!

С уважением,
Михаил Сергеевич
г. Москва

ПОМОГАЙТЕ ДОСТОЙНЫМ!

В “Литературной России” от 25 февраля 2011 года опубликована статья В. Огрызко “Кто пытается опустить шлагбаум перед Михаилом Андреевым”, где критикуется томская власть, которая “не помогает” поэту в издании его книги. Можно было бы не обращать внимание на эту очередную публикацию “Литроссии”. Данная газета с тиражом масштаба обычной районки давно уже превратилась в литературную помойку. Не брезгует ничем, даже обычным матом, который регулярно появляется на её страницах. Чтобы привлечь к себе внимание, все средства хороши. Можно пользоваться и возвышенной лексикой. К примеру: “И вот, наконец, в нашем Томске Огрызко обнаружил национальное достояние!..”. А мы то думали, что национальным достоянием у нас являются А. Пушкин, Ф. Тютчев, С. Есенин, А. Блок... Оказывается, теперь в этот ряд мы должны поставить и поэта-песенника М. Андреева. А как же быть с десятками других поэтов-песенников, мэтров шоу-бизнеса, преуспевших в своём ремесле? Они тоже “национальное достояние”? Андрееву в его нынешнем положении стыдно просить поддержки из областного бюджета, когда другие достойные томские писатели не имеют даже минимальной помощи от власти.

Проблема в данном случае не только в недобросовестных литераторах типа Огрызко. Дело в том, что уважаемые люди из Москвы закидывают письмами нашу власть, попросту шантажируют её, выбивая льготы и деньги для Андреева, который, проживая в Москве, давно потерял связь с нашей писательской организацией. В области нет ни одного писателя, который бы получил столько от власти, сколько получил Михаил Андреев. Власть пошла даже на то, что, минувя писателей, которые являются действительно гордостью том-

ской культуры (это В. Казанцев, В. Макшеев, Э. Бурмакин, С. Заплавный, Б. Климычев, Т. Калёнова и другие), присваивает ему высокое звание “Почётный гражданин Томской области”. Другой бы на его месте сказал “спасибо” и отработывал бы этот серьёзный аванс.

Под Москвой живёт замечательный поэт Василий Казанцев, который действительно прославил Томскую область. Он здесь родился, он здесь состоялся как поэт, он был одним из создателей областной писательской организации. Живёт трудно, на пенсию. Вот кому пригодились бы ежемесячные пятнадцать тысяч рублей почётного гражданина и другие немалые льготы, которые несёт с собой высокое звание. Писательская организация подготовила к изданию книгу Василия Казанцева, думаем, что в этом году сможем издать её через издательский фонд “Томская книга”, который создан стараниями областного департамента по культуре и мэрией г. Томска. Здесь издают книги на конкурсной основе. Компетентное жюри определяет, кто достоин такой помощи. И такой подход является единственно правильным, когда решается вопрос о финансовой поддержке какого-то издания. Нельзя “по свистку” из Москвы, да и любому “свистку”, бежать и безоглядно финансировать любую культурную инициативу.

Г. Скарлыгин

Председатель регионального отделения Союза писателей России

В. Крюков

Председатель регионального отделения Союза российских писателей
г. Томск

ГДЕ НАШЕ ЕДИНЕНИЕ?

Совсем недавно я вернулся из столицы моей большой и малой Родины – Москвы. Большой – потому что родился в Советском Союзе, а малой – я родом из Российской Федерации. Правда, у меня есть ещё одна столица, моей корневой малой родины – древний сибирский город Якутск. Но это так, к слову. Вернулся я из Москвы, и меня не покидает чувство, что нахожусь на обочине жизни, как и многие пенсионеры, что живут со мною рядом. Безутешно серая жизнь глубокой провинции по сравнению со столичной оправдывает себя некоторой дешевизной, но в основном – живительным воздухом, которого в Москве давно нет. А ещё, несмотря на безудержное пьянство в округе, жизнь в целом наполнена доброй заботой о семье, своих близких, которые постоянно нуждаются во внимании и помощи. Россия выживает народным духом, который учит терпению и совестливости, а ещё неистощимой надеждой, что настанут лучшие времена. Не сами собой, а надоест людям ждать чуда, и они вновь создадут его собственными руками, только другое, не такое, как раньше! Чем они хуже финнов, швейцарцев и других европейцев?! Тоже о двух ногах и одной голове. А светлых голов ещё поболее, чем в этих заграницах. А то что же получается? Буквально полгода назад несколькими сотням пенсионеров и членам их семей не позволили выкупить землю, и теперь мы вынуждены платить вместо 19 рублей за сотку, которые платили обанкротившемуся сельхозпредприятию, 185 рублей частному лицу, владельцу этой земли. А попробуй поднять голос, так и этого лишат, потому как одолжение делают, что дают возможность посадить картофель, помидоры, огурцы и прочее. Без земли большинству прожить трудно на нынешнюю пенсию. Вся земля и более-менее привлекательная недвижимость скуплена богатыми москвичами. Потому и на обочине жизни находимся.

Но вернёмся в Москву. Иду, кажется, по Цветному бульвару, морозец жмёт, ноги в ботиночках стынют. Решил зайти погреться в ближайший супер-магазин. Огромный пустой зал. Вокруг блеск зеркал и скучающие девицы на шпильках в коротких, до самой задницы, юбочках. На вешалках в этом блеске одежда – цены фантастические. Явно не по моему карману. И ни одного покупателя! Возникает мысль: “Для кого эти хоромы? И на что они существуют, если не снуют посетители?” А рядышком, буквально в нескольких сотнях метров, уютится в старинном, давно не ухоженном особняке редакция журнала “Наш современник”, а редакция “Литературной России” – вообще в какой-

то собачьей конуре. Вот он, столичный контраст — бизнес и культура. А в провинции и того хуже.

Когда мне предложили побывать в Доме кино на премьере документальных фильмов режиссёра Ефима Резникова “Под грифом “секретно”, “Хроники центра им. Хруничева”, я — человек, можно сказать, из российской глубинки, с радостью согласился. Я много лет проработал в Заполярье на далёкой Чукотке в восьми тысячах километрах от Москвы, потому, бывая наездами в столице в период отпусков, старался попасть, если это была осень или зима, в театры: “Современник”, Большой и Малый, Советской армии, а летом посетить музеи, посмотреть достопримечательности столицы — и на юг, к морю. Два раза бывал в Доме литераторов, куда меня водил поэт Вадим Кузнецов, работавший тогда заведующим отделом поэзии журнала “Молодая гвардия”, а в книжную лавку Союза писателей — Валентин Валентинович Португалов — проректор Высших литературных курсов в те славные годы моей юности.

Сейчас, с выходом на пенсию, живу в небольшом посёлке в 110 километрах от Курска. Теперь будет понятна обуявшая меня радость, когда в руках оказалось приглашение. С моим товарищем, который вручил мне приглашительный билет, мы заглянули в интернет, нашли карту Москвы, скопировали место расположения Дома кино, чтобы мне можно было его найти. И тут начались первые сложности приезжего человека, не знакомого Москвы. По полученному нами участку карты, где не был указан Белорусский вокзал, невозможно было приезжему сориентироваться, если вышел из противоположных вокзалу выходов метро, что и случилось со мной. В тот день шёл обильный снегопад с ветром, который закрывал обзор. Спросил у нескольких спешащих прохожих, как пройти на Вторую Брестскую улицу. Меня направили к ближайшему виадуку совершенно в противоположную сторону, как выяснилось после того, когда я сверил схему с реальностью. И тут мне повезло. Первый мужчина, к которому я обратился, показал верный путь. К началу показа я не опоздал, так как сознательно ехал с большим запасом времени, остаток которого потратил на знакомство с вестибюлями и холлами Большого и Белого залов, рекламными плакатами, фотографиями и картинами. Интерьер и убранство Дома кино, одного из популярных в народе искусств, поразил меня нищетой, забвением и убожеством. Сразу становится понятным, почему такая беспросветно бедная жизнь в России, если единственный столичный Дом кино влачит такое жалкое существование. Но самое интересное, как мне поведали простые работники, деньги на ремонт и реставрацию предлагают люди из бизнеса, но Никита Сергеевич денег этих не берёт, а решил здание снести, а на его месте построить что-то этакое... Я как-то не сразу понял: “При чём здесь Хрущёв? Этого поборника волонтаризма давно нет в живых, — подумал про себя и спросил: — Какой Никита Сергеевич?” “Что значит какой? — спрашивают. — Наш многоуважаемый Никита Сергеевич Михалков”.

Как быстро перерождаются в бар в нынешней России люди, обласканные властью или достигшие её! Помнится, как-то губернатор Чукотки А. Назаров очень нелицеприятно отзывался на одном совещании в нашем районе о бывшем министре энергетики Адамове, который назначил ему встречу в своём загородном доме. Министр вышел к губернатору, ни больше ни меньше, как в домашнем халате!

Но я немного отклонился от своего рассказа. Я прошёл в зал и сел на свободное, с краю, место. Это оказался четырнадцатый ряд тринадцатое место. Тут мой взгляд в буквальном смысле упёрся в узенькую, желтоватого цвета фанерную табличку, в попыхах неряшливо обрезанную и приколоченную к спинке стула двумя гвоздями с отчётливо выделяющимися большими шляпками. Больно за нашу неприглядную жизнь, за нашу утерянную культуру, потому что, как оказалось, в обществе правят бал циничность и жадность.

А весь этот фронт торговых центров, супермаркетов, магазинов, ларьков и палаток, рынков, — демонстрирует полноводное наступление потребительской идеологии, и не важно, что большей части населения страны не доступны современные блага буржуазной цивилизации, хлынувшие заманчивой лавиной на наши прилавки, но цель достигнута — есть к чему стремиться, даже если у тебя в кармане только “вошь на аркане”; возможно, повезёт и разживёшься, если не подохнешь. Но есть путь и короче — наворовать. Только такой путь не для каждого русского человека, а тем паче православного. У народа многое что можно отнять. Нельзя только отнять мужество, стойкость, совесть

народную и веру, с которой Русь побеждала как внешних, так и внутренних врагов. Сегодня у нашей так называемой элиты общества и тех, кто к ней стремится, процветают жадность, зависть, бессердечие, цинизм и стремление к безмерному обогащению. На народ они смотрят сквозь заборы и стены своих особняков и так же далеки, как далеки были от народа царские прислужники. Чем это всё кончилось, мы все хорошо знаем. Неужели России нужны ещё новые потрясения?

Прошло двадцать лет со дня “августовской революции”, приведшей к власти в России, будем говорить прямо, класс буржуазии и монополистов, то бишь олигархов. Народ оказался в большой кабале. И новая Конституция Российской Федерации оказалась такой же декларативной, как последняя, “брежневская”. Приведу один только пример. В той Конституции, принятой в 1977 году, в статье 44 провозглашалось: “Граждане СССР имеют право на жилище”. Вот именно – имеют, но как оно в жизни осуществлялось, миллионы и ныне проживающих в бараках и ветхом жилье ежедневно реально ощущают на себе. Но ту эпоху “развитого социализма” оставим истории. Что же мы имеем сегодня? По итогам всенародного референдума 12 декабря 1993 года была принята нынешняя Конституция, и этот день стал праздничным. Государственный праздник – это всегда либо гордость, либо радость. Вот мы отпраздновали 23 февраля День защитника Отечества. Да, мы гордимся теми, кто отстоял Родину в Великой Отечественной войне и её интересы в известных конфликтах как за пределами, так и внутри страны. Но мы его ещё празднуем потому, что он стал в народе мужским днём, как 8 Марта – женским. Но вот наступит 12 декабря, и что? Будет всенародный праздник?.. Ведь, как говорят на Востоке: “Сколько ни говори халва, халва, во рту слаще не станет”.

Давайте раскроем Основной закон и начнём сравнивать статьи Конституции с реалиями жизни. “**Статья 3** пункт 3 гласит: Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдумы и свободные выборы. **Статья 7** пункт 1. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека”. При всё более явственном стоне народа от проводимой политики не проведено за 17 лет ни одного референдума, а страна так и продолжает идти по навязанной Гайдаром непроходимой тропе экономической политики меркантилизма, согласно которой в эпоху так называемого первичного накопления капитала источником богатства является сфера обращения капитала, торговли, а не сфера производства. Потому в любом городе, посёлке, куда ни кинь взгляд – сплошные магазины, торговые точки, палатки, развалы...

Когда я проживал на Чукотке в самом северном городе России Певеке, я в 2000 году насчитал 98 торговых точек на 9000 городского населения. Потому-то махровым цветом в стране расцвели корысть, жадность и торгашеская психология. **Сегодня продукты питания, которые привозят в наш небольшой магазинчик в доме, где я живу, практически каждую неделю повышаются на рубль-полтора! Цена булочки чёрного хлеба с 2004 года возросла в 4 раза и стоит сегодня 17 рублей.** Если бы не дотации из областного бюджета, цена хлеба, наверное, была бы наравне с мясом по 180–200 рублей за килограмм – ложись и помирай, ибо пенсия большинства тех, кто трудился когда-то в колхозах, – 4300 рублей с 1 февраля этого года. По представлению комитета по труду и занятости населения области установлена величина прожиточного минимума по Курской области за второй квартал текущего года: в расчете на душу населения – 4621 рубль, для нетрудоспособного населения – 5017 рублей, для пенсионеров – 3777 рублей, для детей – 4367 рублей. Другой информацией я просто не обладаю, её неоткуда почерпнуть. Но и эти цифры вызывают недоумение при поступательном росте тарифов и цен на продукты питания, бытовые товары, одежду и обувь.

Многое в нашей Конституции написано просто здорово, душа трепещет и радуется, когда читаешь: “Все равны перед законом и судом”. Что же на деле происходит? Хрень просто невообразимая. Миллионы украли – пожурили и на свободу. А за булку хлеба – реальный срок. **И это называется равенством?** Так что же такое Конституция РФ? Действительно ли это гарантия для гражданина страны от произвола в любых его формах? Или же удобная демократическая ширма, необходимый внешний атрибут государственной власти?

Считаю, что ещё одно, самое большое преступление перед народом, ко-

торое вершит современная власть, — это упадок культуры. Народ посадили на попсовую иглу, где девчонки и мальчишки с голосами, подобных которым по десятку в каждой российской деревне, едва появившись на эстраде, уже покупают дорогие лимузины и строят дворцы. А в это время литературные журналы, некогда гордость русской словесности, влачат, ни больше ни меньше, нищенское существование. Как и Дом кино, в котором я сидел и смотрел документальные фильмы, в которых прослеживался мужественный подвиг совершенно неизвестных ранее нам конструкторов самолетов и боевых ракет. Я был вынужден около 21 часа покинуть просмотровый зал, потому как опаздывал на последний автобус, который отходил от метро. Но на следующий день я пришел к 12 часам на премьеру фильма Станислава Говорухина “В стиле JAZZ”. К моему великому сожалению, это был просто премьерный показ фильма в Белом зале, а я, по простоте душевной, рассчитывал, что будет какое-то обсуждение фильма, потому и пришёл. Правда, не зря. Говорухин замечательный мастер. Его фильмы, в отличие от некоторых маститых и навязавших уже на зубах, запоминаются и на всю жизнь. Уверен, что и этот фильм будет любим зрителями. Фильм нежен и лиричен. Давно я не видел подобного чистого кино. А когда собирался уходить, взглядом окинул ряды кресел. На спинках многих красовались уродливые фанерные таблички. Но это уже никак не могло испортить моего настроения — я соприкоснулся с настоящим искусством великолепного режиссёра. Мне даже стало приятно, что он ещё и депутат Думы. И подумалось: “Может быть, побольше бы таких людей в Думе и во власти, тогда бы и жизнь наша была несколько иной, более светлой, что ли”. Потому что **“Нации живут великим чувством и великою всех единящею и все освещающею мыслью, соединением с народом, наконец, когда народ неволью признаёт верхних людей с ним заодно, из чего рождается национальная сила, — вот чем живут нации, а не одной лишь биржевой спекуляцией и заботой о цене рубля. Чем богаче духовно нация, тем она и материально богаче...”**

А впрочем, что же я, какие старые слова говорю! Это сказал Фёдор Достоевский — “Дневник писателя” за 1877 г. Вот так!

В. В. Верхоянский
пос. Марьино, Курская обл.

КУДА ИДЁШЬ, УКРАИНА?

Неужели 9 Мая в прекрасной и хлебосольной Украине станет Днём Поражения и Скорби? События во Львове 9 мая 2011 г. (побитые ветераны, оскорбленные дипломаты, порванные стяги Победы, сорванные георгиевские ленточки и т. д.) председатель Киевской городской организации Всеукраинского объединения “Свобода” А. Иллєнко назвал “началом украинской социально-национальной революции”, ибо “украинцы хотят жить в свободной стране, а не в совдеповском московском болоте под красными флагами”. В Ивано-Франковске председатель облсовета Александр Сыч и руководитель аппарата обладминистрации Роман Струтинский 29 мая 2011 г. отметили 68-ю годовщину создания нацистского формирования “СС Галичина”, присягнувшей Гитлеру, и 67-ю годовщину её “доблестной” (точнее — позорной, кровавой и бесславной) битвы под Бродами с советскими “захватчиками”. В “Обращении Львовского областного совета к украинскому народу” (из 83 депутатов областного совета “за” проголосовало 76) сказано, что “...9 мая во Львове власть откровенно показала, что работает по кремлёвскому сценарию, написанному в ФСБ”. По данным соцгруппы “Рейтинг”, только 28% львовян отмечают 9 мая как День Победы, 52% респондентов обвиняют в случившемся 9 мая 2011 г. “пророссийские партии”.

По словам лидера Коммунистической партии Украины (КПУ) П. Н. Симоненко, “...в Украине может появиться монумент фашистским заправилам”.

И вот свершилось — руководство Винницкой области приняло решение о строительстве Мемориального музейного комплекса “Вервольф” (“Волкооборотень”, так это слово переводится с немецкого) на месте, где была ставка А. Гитлера. Экспозиция, согласно её концепции, будет украшена “портре-

тами лидеров фашизма”, “будет знакомить посетителей с офицерскими привилегиями командного состава СС”, с биографиями “первых лиц рейха”, будут помещения, посвященные А. Гитлеру, а для женщин и молодежи будут представлены материалы, “отражающие отношения Гитлера и Евы Браун”. П. Н. Симоненко вспоминает историю с игрушками Гитлера, которые продавали в центральных магазинах Киева. Или нацистскую символику в частной школе, где обучались дети Ющенко. Но чтоб такое! Музей Гитлера! “Под Винницу будут съезжаться неонацисты всей Европы!” (Симоненко П. Н.)

Не думаю, что, например, почтенные евреи обрадуются, узнав, что “депутат горсовета г. Ровно Шкуратюк призывает **гордиться (!)** тем, что в Бабьем Яру из 1500 карателей 1300 были “сознательными украинцами”. По данным С. Якушенко, бандеровцы уничтожили 40 тысяч львовян, а также полмиллиона евреев (журнал “Коммунист” № 41 от 1 июня 2011 г.).

Депутат Львовского горсовета Ю. Михальчишин не без пафоса и гордости заявляет, что “львовяне доказали, что Львов – это Бандерштадт”. Но может, сразу переименовать чудесный Львов в Гитлербург? Зачем мелочиться – всё-таки город интересный, красивый, ухоженный, европейский, а Бандера – как-то мелко для европейских нацистов. **Вот Гитлербург или Гитлерштадт – это и тупому понятно!** Правда, великий князь Даниил Галицкий и его сын Лев, в честь которого и назван Львов ещё в XIII веке, наверное, от стыда в гробу перевернутся, – как и миллионы почивших достойных сынов и дочерей великого и гостеприимного города. Вспоминается, как “...9 мая у российских дипломатов по дороге на Холм Славы во Львове группа лиц отобрала и растоптала венки, который генконсул РФ во Львове намеревался возложить на военном кладбище, а также сорвала с представителей Генконсульства РФ георгиевские ленты”, воинствующие молодчики “...фактически вытерли ноги о российский государственный флаг” (Олег Астахов. “Во Львове оскорбили всю Россию!” “Русская правда”, № 10, май 2011). Вот и Конституционный Суд Украины, руководствуясь Конституцией, практически выступил против Красного знамени, а точнее – против Знамени Победы, удовлетворяя обращение нардепа-нунсовца, лидера УНП Ю. Костенко, и отменил “вывешивание Красного флага”.

В Украине снесены сотни памятников советских времён. Место советских героев, в то числе героев Великой Отечественной войны, в сознании многих молодых украинцев уже занимают новые “герои” (И. Мазепа, С. Петлюра, С. Бандера, Р. Шухевич и сотни “иже с ними”). По решению кабинета министров Украины (в июне 2011) в Киеве на бюджетные средства воздвигается памятник Пилипу (Филиппу) Орлику. П. Орлик – ближайший сподвижник И. Мазепы, его преемник и первый “гетман” в изгнании. Он вместе с анафематствованным “хозяином” Мазепой сбежал с Карлом XII после Полтавской битвы. Орлик является теперь одним из национал-кумиров. При финансовом кризисе только на завершение очередного монумента С. Бандере Львовский областной совет (19.06.2011) выделил 2,4 млн гривен! Неужели со временем памятников пособнику А. Гитлера на Украине будет не меньше, чем было памятников В. И. Ленину в Украинской ССР?

Многие юные украинцы, особенно на западе Украины, мало знают о Великой Отечественной войне. При Кравчуке, Кучме и особенно при Ющенко практически вся советская история (и не только советская!) была пересмотрена и искажена, сфальсифицирована, – отсюда знания о “героях-бандеровцах”, “голодоморах” (лучше бы анализировали нынешний демографический спад и “голодное 20-летие”), “советском терроре”, об антисоветском подполье и т. д. Даже те юноши и девушки, которые знают, что была Великая Отечественная война, порой колеблются в её периодизации. То ли с середины марта 1939 г. – ведь 15.03.1939 г. была провозглашена независимая “Карпатская Украина” (точнее, о чём скромно умалчивают, “Подкарпатская Русь”) во главе с греко-католическим священником, провозглашённым её “президентом”, Августином Волошиным (расстрелян “советскими захватчиками” в 1945 г.), а 15.03.2002 г., благодаря Л. Д. Кучме, “президент” А. Волошин посмертно стал Героем Украины). То ли Великая Отечественная война началась с середины сентября 1939 г. и начался “советский террор” в Западной Украине, то ли с 1942 г., когда украинцы поняли, что и фашистская диктатура – “не сахар”; якобы в 1941 г. многие украинцы, устав от “зверств НКВД”, массово переходили к немцам. Называют разные даты начала (от 1917 до 1944) Великой Отечественной войны – в зависимости от большого воображения лек-

тора, журналиста, псевдоисторика, псевдокультуролога. Продолжалась же якобы Великая Отечественная война до... 1991 года (!) – освобождения от “московских советов”. Не забудем, однако, что и после 1945 г. “боролись” не только “бандеровцы”, гитли и многие выдающиеся сыны и дочери Украины, такие, к примеру, как советский писатель-коммунист Я. Галан (1949) или талантливый композитор В. Ивасюк (1979).

В нынешнем столетии в Украине стало модно говорить об особой западноукраинской атмосфере, ауре, субкультуре (даже субэтноте), уникальности, неповторимости, специфике и своеобразии. Похожая и конкурирующая по популярности тема – политическая криминальная субкультура, особенно политическая криминальная субкультура в Украине. В Киеве в 2011 г. есть “место, где дислокация отставных высших чиновников и политиков почти достигла уровня Верховной Рады. Это следственный изолятор № 13 – Лукьяновский СИЗО” (Бердинских К. “Настоящее бывших”, “Корреспондент”, 25.03.2011). Среди *vip*-арестантов “Игорь Зварич, бывший глава Львовского апелляционного админсуда, Виктор Лозинский, эксдепутат от БЮТ, Игорь Диденко, первый замглавы НАК Нафтогаз Украины в правительстве Юлии Тимошенко, Анатолий Макаренко, в прошлом руководитель Гостаможни, бывший министр окружающей природной среды Георгий Филипчук... Самый известный на сегодня обитатель столичного СИЗО – Юрий Луценко, экс-министр внутренних дел” (там же).

Помните “больную” тему времен уважаемого В. Ющенко и его воинствующих приспешников – Черноморский флот РФ в Крыму? А что вы слышали об Украинском Черноморском флоте, существует ли он в природе?.. Известный коммунист, народный депутат Е. Царьков считает, что преступлением века в Украине стала... кража флота (Царьков Е. “Преступление века: кто украл флот?”, “Новая волна плюс” № 21, 25–31.05.2011). Черноморское морское пароходство, созданное 16 мая 1833 г., во времена СССР “...стало крупнейшим в Европе и вторым в мире... а к 175-летию фактически было уничтожено” и “наш флот практически исчез... на балансе лишь один катамаран прогулочного типа “Хаджибей”. “Более 340 судов... пропало, и свыше 22 тысяч украинских моряков вынуждены работать под иностранными флагами” (там же).

Думаю, что криминальная субкультура универсальна и негативна, в том числе и в Западной Украине. Не стоит часть Украины выделять как особый “субкультурный слой”. Фашизм – везде фашизм: в Германии, США или в Украине (не важно, во Львове, или в Киеве). Фашизм – это особая форма криминальной субкультуры; возможно, более страшная и зловещая, чем многочисленные преступные субкультуры мелких воров, аферистов, проституток, наркоманов или рэкетёров. Фашиствующие вандалы, в том числе во Львове, – это новая криминальная субкультура. Даже Парламентская ассамблея НАТО назвала бандеровскую “Свободу” “...антизападной, антилиберальной, антиевросоюзной, антисемитской, но более всего – антироссийской” партией, причём “... в Польше же свободовцев и вообще считают фашистами” (Рафал А., Харченко А. “Тягнибок напугал НАТО”, “Сегодня” от 8.06.2011).

Уже больше года, как В. Ф. Янукович у власти, но жизнь простого украинца пока не улучшилась, особенно “хромает” его финансовое благополучие. В “языковом” вопросе многие чиновники по-прежнему, ссылаясь на Конституцию Украины и ряд законов, пытаются жить по афоризмам В. Ющенко: “Два языка – одна страна – это формула катастрофы”, “Нет общей истории”; или “Национальным языком не говорят только оккупанты, рабы и дураки”.

Неужели в современной Украине есть рабы, а многие, – может, даже большинство, жители Юга, Востока и даже Центра и Севера Украины – оккупанты и дураки?

Сейчас “модно” говорить о демографических проблемах, о сохранении и выживании нации, но все-таки куда важнее духовное здоровье. А. И. Казинцев мудро отмечает, что “...если разваленное хозяйство, в сущности, не так уж сложно “починить”, мобилизовав ресурсы экономические и нравственные, то разрушенные основы духа “починить” значительно труднее” (Казинцев А. И. “В поисках России”. М., 2001). Общество ленивых, неграмотных дегенератов и маргиналов не сможет построить великое, славное и процветающее государство! Необходимо повышение нравственного и образовательного уровня населения. “Ученье – свет, а неученье – тьма”, писал еще в VIII веке святой Иоанн Дамаскин. А необъятному русскому миру нужна духовная,

грамотная, мощная и великая Россия. Без могущественной России – не будет славянского торжества и всемирного благоденствия. Без подлинной духовности, носитель которой есть Святая Русь, мир просто обречен.

Украинцев пять лет при В. Ющенко учили, что каждый должен почувствовать потребность в НАТО. В. Ющенко призывал все политические силы Украины поддержать атлантическую интеграцию, но украинцы – не североамериканские индейцы, Украина – не Африка, и малороссы смело сказали: “Янки, go home!” Большая часть украинцев, за исключением западного региона, понимают, что Украина неразрывно связана с Россией. Во всем мире для многих рассудительных людей Россия – пример, надежда и образец. Тем более обидно, когда Россия, из-за ошибок горе-политиканов, вызывает подчас разочарование и досаду. Особенно обидно, когда российские СМИ становятся учителями порока, жестокости и глупости.

Свободу слова некоторые путают с аморальностью, бессовестностью, бесстыдством, оскорблениями, клеветой и вседозволенностью! Гниющие оранжевые с коричневым оттенком говорили о своих оппонентах, что те “задолзиы Москвы” “и советские сатрапы”, а русские – потомки Батыя. Христос, разумеется, украинец, но “мог быть и арийцем (русом), который, изучив культуру индуизма (комментарии излишни), после возвращения в родной край создал свою науку” (!). Конечно, Украина – географический центр Европы, но врагами оранжевоумных революционеров могли быть даже западные европейцы, ведь они “скорее признают за “своих” франкоязычных негров или китайцев, чем белокожих поляков, чехов, румын, сербов, не говоря уже о русских и украинцах”.

Иногда и о Президенте говорят кто попало и что попало. Целитель М. Олийник: “Все несчастья Януковича начались с яйца, которым его ударили в 2004 году. Гадалка Л. Хасапетова утверждает, что “Януковича не может простить кто-то из покойных”, а “биоэнергетик” Ю. Козлов предвидит, что В. Ф. Янукович “в 2011 году будет иметь проблемы с сердцем. Из-за перепадов кровяного давления за полгода может пережить инфаркт или инсульт. Осенью подхватит что-то вирусное”. Как можно воспринимать такое львовское приветствие, как: “Янукович – предатель! Предателя на ножи! Зэка на нары! – кричат “свободовцы” и начинают разыгрывать театрализованное зрелище. Главные роли исполняют Царь-Медведь и его холопы: Дима Сабачник, Колян Хозаров, Анька Розводчица и Витька Ялинкович. Витька Ялинкович в тюремной фуфайке, шапке-ушанке держит карту Украины”. Сиротюк про визит Президента: “Янукович приезжает во Львов... как Гитлер ехал в Украину в 1942–1943 годах... Может... в бандеровском крае не случится с Януковичем то, что случилось с Ватутиным (освободителем Киева от фашистов в 1943 г.), который случайно погиб от УПА” (“Газета по-украински” № 77, 2010).

В. Ф. Янукович – человек, создавший себя сам; человек, ребёнком считавший роскошью чеснок с чёрным хлебом или хлеб с подсолнечным маслом и с солью, стал главой Украины. Очень хотелось бы, чтоб Президент Украины В. Ф. Янукович старался улучшить социально-экономические, демографические и иные показатели. Но, если учесть непопулярные реформы Н. Азарова, то ещё возможен жестокий рыже-коричневый реванш...

2011 год – особый для киевлян, и это не только 70-летие трагического начала Великой Отечественной войны – с взятием Киева, взрывом сотен строений, в том числе и главного храма Киево-Печерской Лавры – Свято-Успенского собора – или введение до конца 2011 г. карточек киевлян. **2011 г. – это 1960-летие посещения Киевских гор апостолом Андреем Первозванным.** После I Апостольского собора апостол Андрей отправился в путешествие на север, в ходе которого поставил крест на месте (51 год от Р. Х.), где сейчас в Киеве на Андреевской горке стоит церковь во имя апостола. Далее апостол Андрей Первозванный отправился от будущих Киевских гор в будущие новгородские пределы, как бы благословляя единство и соборность будущей святой Руси. Через тысячу лет, в 1051 г., мы читаем о Киево-Печерской обители (возможно, основанной значительно раньше), чьи “зиждители” – преподобные Антоний и Феодосий – по праву чтятся как отцы монашества на всей великой и необъятной Руси. Киево-Печерская лавра – общерусская святыня времён Киевской Руси – единого славянского государства. Её создали уроженцы Любеча Антоний – пришедший из Курска в Киев Феодосий, из Смоленска пришёл великий чудотворец Прохор Лободник, и строилась лавра силами

всего славянского мира. 2011 год – знаковая годовщина: 960 лет первого упоминания о Киево-Печерском монастыре.

В сентябре 2011 г. – 100-летие, как в Киеве был смертельно ранен и умер И. А. Столыпин, а в Украине планируют также отметить и 1000-летие построения величайшей общерусской православной святыни – Софийского собора (соответствующий указ подписал Виктор Янукович). К сожалению, на просьбу Владыки Владимира – вернуть собор истинным владельцам и позволить проводить в нём богослужения – ответа пока не слышно. При Ющенко туда, как на сходки, собирались самые разные и очень далекие от христианства деятели, а при Кравчуке попадали даже деятели Белого братства, в том числе их лидеры – М. Цвигун и Ю. Кривоногов. Хочется надеяться, что Виктору Януковичу удастся исправить ошибки Виктора Ющенко и Леонида Кравчука.

В 2004-м и в 2010 гг. избиратели Украины голосовали за кандидата в президенты В. Ф. Януковича, как за честного, искреннего, прямого, православного, всеславянского кандидата. Не ошиблись ли?.. Хочется верить, что нет. Очень хочется верить, что со временем историческая справедливость восторжествует, и великая страна будет восстановлена, а вакханалия фашистов канет в Лету.

Слава новой великой Киевской, единой Руси! Во веки слава Богу!

Виталий Радзиевский
кандидат культурологии,
г. Киев, Украина

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

КНИГА КАК ЗЕРКАЛО

Вместо рецензии

В Смоленске, на выездном пленуме Союза писателей России, Станислав Куняев подарил мне свою новую книгу “Жрецы и жертвы Холокоста. Кровавые язвы мировой истории” и подписал: “Александр Боброву – книгу моей борьбы на память обо всём, что было... 21 июня. Смоленская земля”. Да, немало было совместных дорог, литературных битв и дружеских застолий в прошлом, а в настоящем Куняев в пылу судоразбирательств и скандалов в Литфонде вдруг понёс меня печатно за какое-то высказывание или цитирование его врагов. Всё это – суетное и совершенно в духе времени. А вот книги серьёзные создаются и остаются надолго, на все времена. Именно к таким изданиям, по моему, относится и эта острая книга, вышедшая в издательстве “Алгоритм”. О какой борьбе говорится в надписи? – что бы ни твердили недоброжелатели разных национальностей – конечно, прежде всего за Правду. Историческую, культурную, человеческую, ибо Россия – не просто страна Слова, а страна Правдивого слова. Если его испоганить, убить, что пытаются сделать сегодня, России просто – не будет!

Так совпало, что после встречи 70-летия скорбной даты 22 июня на героической Смоленской земле я поехал в Галицию, столицу национализма – Львов и тоже попал на 70-летие, только уже вхождения в Лемберг фашистских оккупантов 30 июня, вернее, сначала головорезов нынешнего Героя Украины Романа Шухевича. Со мной в дороге и в номере была книга Куняева, которая стала как бы зеркалом окружающего, увиденного и вычитанного. Знаете, как в пошлом триллере: в персонажа стреляют, и кровь брызжет на зеркало, стекает по нему...

Начал я читать книгу не с венгерских событий, хотя Венгрию, где учился мой сын, неплохо знаю и сам не раз писал о еврейско-венгерской бойне 1956 года, которую хотят выдать только за антисоветское восстание. Принялся изучать прямо в поезде главу IV. Холокост и голодомор в одном флаконе. Эпиграф к ней задаёт нужный тон: “Большинство чекистов, когда-то организовавших голодомор на Украине, были евреями” (Виктория Мунблит).

Современная еврейская газета “Форум”, издающаяся в Нью-Йорке на русском языке, в номере от 28.12.2007 опубликовала в своей постоянной рубрике “Холокост” материал под внешне скучным названием: “Научные конференции по истории Холокоста на Украине”. Однако начало статьи – сплошная песня.

“Осень 2007 года оказалась урожайной для исследователей истории евреев в эпоху нацизма и Второй мировой войны в странах Восточной Европы, в первую очередь на территории Украины”.

Оказывается, только в сентябре-ноябре 2007 года в мире прошли десятки научных конференций по Холокосту, а “две из них – в Париже и Черновцах – были полностью посвящены Холокосту “украинскому”... На всех конференциях “кроме докладов были серьёзные дискуссии о проблемах украинско-еврейских взаимоотношений в период Холокоста”.

“Бедная Украина! – иронизирует Куняев. – И так-то у неё столько тьмы в собственной “доевропейской” истории! До сих пор историки “незалежной” не сумели убедительно доказать, что бич Божий Аттила был украинским хлопцем, что некогда в пойме Днепра – в районе нынешних правительственных дач, в киевской “Рублёвке” – была цветущая империя укров. А тут ещё их Холокостом достают. А что там изучать в “украинско-еврейских взаимоотношениях”, если там один сплошной Богдан Хмельницкий, Сагайдачный, Колиивщина, – погром на погроме! А в XIX веке единственный классик – Тарас Шевченко со священной ненавистью к “евреям и москалям” – как быть с ним? Поклоняться ему жрецы Холокоста не дадут, не дай Бог, ещё заставят изъять великого Тараса из школьных программ. А в XX веке – вообще начался сплошной шабаш”.

Вот этот шабаш ушедшего века во Львове, который длится по сей день, меня интересовал более всего, поэтому я и решил вместо рецензии опубликовать часть своих путевых заметок.

* * *

*Буде вільна Україна у свободи жити,
Буде кождий українець Габсбургам
служити.*

(Из галицкой песни)

Когда-то подобные галицийские песни казались просто лакейским анахронизмом, отрывкой Австро-Венгерской империи, но последние двадцать лет они как бы воспрянули, наполнились новым содержанием – только Габсбургов надо заменить блоком НАТО во главе с США или Евросоюзом. Причем это касается уже не только Западной Украины, где всходит солнце украинства.

Все последние годы я продолжал ездить на любимую Украину, писать о ней с болью, недоумением или иронией, встречаться с друзьями и противниками. Уж такой размах приобрела здесь антироссийская пропаганда, прагматическая ставка на национализм, на резкое отторжение, что казалось: всё – безнадёга. Ехал из Львова с симпатичной Наталкой до Киева, она причепурилась, готовясь встретиться с женихом, но мягко говорила, крася ресницы: “Ну, поймите, мы другая страна, другая! Да, я с Вами говорю по-русски – так я бы и с норвежцем так же говорила, если б язык знала”. Не время было с ней спорить – страна ли? Да и нет у меня никаких личных притязаний: я к газовой трубе или запорожской стали отношения не имею. Но у меня, как публициста, был железный аргумент – газета “День” на украинском языке с националистическим креном. Там на первой полосе были напечатаны убийственные для незалежников результаты опроса: “Что объединяет украинцев?”:

Украинская душа – 10,92% (эх, душа вещь эфемерная, но в песнях и анекдотах она присутствует: режет, например, украинец поросёнка, тот визжит, вырывается, а хозяин так ласково говорит: “Ох, нэ любит, нэ любит...”).

Украинский менталитет – 10,78% (менталитет, это что – любовь к салу, музей которого появился во Львове, или подкаблучность – куда большая, чем у русских мужиков, зависимость украинцев от жинок?).

Украинская мова – 15,54% (вот это уже конкретно. Боже мой! – столько усилий по украинизации, по изгнанию русского языка из эфира, по закрытию русских школ – во Львове их осталось лишь 5 на 65 тысяч русских, живущих в городе, тогда как в 1989 году их было 24 – и нате...).

Общая история – 4,83% (это вообще крах всей националистической пропаганды! Вот тебе и Триполье, и Христос-украинец, и укры в пойме Днепра,

и казацкая национальность, и вся “другая страна”, у которой, выходит, нет никакой объединяющей истории!).

В Остроге, где работал первопечатник общего Русского государства Иван Федоров, был создан Острожский клуб свободного интеллектуального общения молодежи. Его основатели стремятся объединить студенческую молодежь вокруг идеи украиноцентризма. “Действительно, шаг за шагом главный редактор Лариса Ившина и редакция газеты “День” приближают украинское общество к цели – объединению страны ради благополучия и становления украинских ценностей”, – пишет “День” сам о себе. Но каковы же общеукраинские ценности? По опросу, более всего украинцев объединяют *общие проблемы* – 18,26%, а как раз менее всего, до статистической погрешности, *общая идея* – 2,45%.

Фонд “Украина” бывшего президента Леонида Кучмы провёл внятное анкетирование среди 1100 студентов из 119 вузов. Двадцатилетние ровесники независимости, несмотря на оголтелую пропаганду и дикую антироссийскую политику, продемонстрировали неожиданные предпочтения: 40% студентов выступают за союз Украины с Россией и Беларусью, и только 20% видят будущее Украины в Евросоюзе. Может, молодые, которые смотрят на Восток, образованней и рациональней политиков старшего поколения, которые молятся (не даром, конечно) на Запад? Пророссийские тут настроения или какие? Но сами-то власти России готовы выстраивать славянский союз или больше в ЕС хотят? Я не могу твёрдо ответить статье...

Ученый-славист трудной судьбы, который после немецкого плена под Дорогобужем был отправлен в Германию, а закончил жизнь лектором по русской истории и литературе в Йельском университете (США), Николай Ульянов написал свой главный труд – “История украинского сепаратизма”. Он считал, что этот сепаратизм возник не столько под влиянием Польши, сколько под воздействием казацкой вольницы, где всё меньше оставалось полковников вроде Тараса Бульбы. Особую роль сыграла подделка пушкинской поры – “История Русов”: “Напрасно приписывают М. С. Грушевскому авторство самостийнической схемы украинской истории: главные ее положения – изначальная обособленность украинцев от великороссов, раздельность их государств – предвосхищены чуть не за сто лет до Грушевского. Киевская Русь объявлена Русью исключительно малороссийской.

Удивляет только полнейшее равнодушие к этому периоду. Когда пишется общая история страны, то акцент падает, естественно, на самые блестящие и славные времена. У Малороссии же нет более яркой эпохи, чем эпоха Киевского государства. Казалось бы, великие дела, знаменитые герои, национальная гордость – все отсюда. Но история Киевского государства, хотя бы в самом сжатом изложении, отсутствует в “Истории Русов”. Все, что как-нибудь относится к тем временам, отведено не более 5–6 страниц, тогда как чуть не 300 страниц посвящено казачеству и казачьему периоду. Не Киев, а Запорожье, не Олег, Святослав, Владимир, а Кошка, Подкова, Наливайко определяют дух и колорит “Истории Русов”...

Конечно, это вступает в некоторое противоречие с тем, что разрабатывается по благословию Ющенко и проч. в новейшей украинской науке с глубоким копанием украинских корней от трипольской культуры – казаки-то вот они, рядом: известный всем слой людей с русской, малороссийской, турецкой и бог знает какой другой кровью. Не получается нации-то чистокровной и самобытной, но Ульянов продолжает развенчивать казачество: “Грубой подделкой надо считать и грамоту царя Алексея Михайловича, выданную, будто бы, 16 сентября 1665 г. казакам, участвовавшим в осаде Смоленска. “Жалуем отныне на будущия времена онаго военного малороссийскаго народа от высшей до низшей старшины с их потомством, которые были только в сем с нами походе под Смоленском, честью и достоинством наших российских дворян. И по сей жалованной нашей грамоте никто не должен из наших российских дворян во всяких случаях против себя их понижать”. Таких ложных документов попало в “Историю Русов” много, а еще больше легенд и фантастических рассказов.

Не этим, впрочем, определяется ее исключительное место в русской, даже в мировой литературе. Мы знаем немало подделок, сыгравших политическую роль – “Константинов дар”, “Завещание Любуши”, “Завещание Петра Великого” и проч., но сочинения, в котором бы история целого народа представляла сплошную легенду и измышление, – кажется, не бывало”.

Что ж, аргументы убедительные, тем более с учётом того, что именно казацкая атрибутика составляет и сегодня весь национальный колорит Украины. Вот только откуда веночки на дивчинах взялись? — непонятно: наложниц, что ли, так казаки украшали? Но сегодня, в век электронных СМИ и неограниченных возможностей по промыванию мозгов, эти рассуждения Ульянова кажутся даже несколько идеалистичными: одна подделка перевернула историю. Мало принять ту или иную версию — её надо вбить в головы, навязать русофобию, которой не было у казаков, но она давно пестуется в Галиции!

У писателя-историка Олесея Бузины спросили: *“Корни галичанской русофобии находятся на генетическом уровне или в среде обитания?”*. Он ответил со знанием дела: *“Корни галичанской русофобии находятся в австрийской казарме. В польских планах раскола Православия, который привел к возникновению унии. Они также входят в местном галицком сепаратизме, который еще в 12 веке развалил единую Русь”*. Мы знаем, как расколело Русь гораздо раньше казаков татаро-монгольское иго. В 1254 году Даниил Галицкий принял в Дорогочине титул “короля Руси” от папы римского Иннокентия IV, основав галицкий королевский дом. Потомки Даниила именовали себя *rex Russiae* или *duces totius terrae Russiae, Galiciae et Lodomeriae* (“король Руси” или “князь всей земли русской, галицкой и владимирской”). Правда, Грушевский и другие стали называть их “украинскими князьями”, что смешно. Нет ни одного разумного историка, который не знал бы неоспоримого факта: *часть Киевской Руси первый раз была названа “украиной” — поляками, чтобы просто географически обозначить владения.*

Не перечислить перипетий судьбы и смены владельцев Галиции — от Венгрии и Речи Посполитой до Австро-Венгрии и России. Перед самым началом Первой мировой войны, в феврале 1914 года, бывший российский министр внутренних дел П. Н. Дурново в своей пророческой “Записке” сказал про Галицию: *“Нам явно невыгодно, во имя идеи национального сентиментализма, присоединять к нашему отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь. Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан сколько мы получим поляков, евреев, украинизированных униатов? Так называемое украинское или мазепинское движение сейчас у нас не страшно, но не следует давать ему разрастаться, увеличивая число беспокойных украинских элементов, так как в этом движении несомненный зародыш крайне опасного малороссийского сепаратизма, при благоприятных условиях могущего достигнуть совершенно неожиданных размеров”*. Так оно и вышло! — казацкая волна украинского сепаратизма несравнима с девятым валом, покотившимся с Запада.

В 1921 году в результате Рижского договора и решения Амбасадоров от 1923 года территория Восточной Галиции была передана Польше. По условиям договора на территориях с украинским населением Польша обязалась обеспечить украинцам равные с поляками права и гарантировать национально-культурное развитие, предоставить автономию, открыть университет и т. д. Ни одно из этих условий правительство Польши не выполнило. Украинцы фактически считались людьми второго сорта, подлежащими ополячиванию и католизации. Политика Польши была направлена на насильственную ассимиляцию и полное уничтожение украинского характера Восточной Галиции, Волыни, Холмщины, Подляшья и других территорий, на которых этнические украинцы составляли большинство или представляли значительную часть населения. Только возвращение Западной Украины в 1939 году в состав УССР сохранило украинцев и евреев как основное население, не лишенное прав. Но спекуляции, вопреки очевидным фактам, не прекращаются, и теперь именно с Запада идёт волна ненависти к советскому прошлому, к нынешней России. Галичина, которую ещё с девятнадцатого века сделали главным мотором украинства (не Сечь Запорожскую!), снова взяла на себя роль спасительницы нации от москалей. Герб нынешней Республики Украина — Тризуб — оттуда. Украинский язык, насыщенный полонизмами, а то и придуманными словами — оттуда же. Одна лингвистка начала возмущаться в ответ на подобное утверждение: мол, я шесть диалектов знаю, я Украину пешком исходила. Ну, и я поездил-походил немало: в селе хоть на Волыни, хоть на Черниговщине всегда поймёшь украинца, а вот теледиктора — трудней понять: и выговор поганый, и полонизмов полно.

Термины, совпадающие с русскими: виток, гайка, генератор, катушка, коммутатор, реостат, статор, штепсель... заменяются “истинно украински-

ми”: звій, мутра, витворець, цівка, перелучник, опірниця, стояк, притичка... Что это за слова, откуда они взялись? Все очень просто: открываем польский словарь и читаем: *zwoj, mutra, wytworknica, cewka, przelucznic, opornik, stojan, wtuczka*. По-моему, польский вариант “втычка” точнее недоделанного украинского “притычка” для штепселя-то. Это, конечно, вызывает смех и печаль: неужели нечем другим заняться в области культуры и родного языка, который, оказывается, объединяет всего 15% украинцев. А польские “втычки” ещё горше скажутся на его судьбе! Кстати, штурман разбившегося в апреле 2010 года под Смоленском самолета бывшего польского президента Леха Качиньского не мог вести спасительные радиопереговоры на русском языке в силу слабой языковой подготовки, говорится в окончательном отчете польской Комиссии по расследованию этой авиакатастрофы. Сами признали, как различаются два славянских языка, а украинские националисты очень похожи на этого горе-штурмана.

* * *

Для меня Галиция – земля, на которой воевал и был ранен во время легендарного Брусиловского прорыва мой отец – поручик Кобринского полка (по гордоку Кобрин, рядом с которым служил Блок на Пинщине). Несмотря на предупредительную записку Дурново, Россия тогда вернула эти земли, потом, в Гражданскую, снова потеряла. Но в 1939 году надо было точно возвращать эти приграничные области перед угрозой вторжения Германии. Тут была и борьба, и выселение нежелательных элементов, как везде в мире в суровую годину. К лету 1940 года руководство СССР перешло к более гибкой, прагматичной тактике. Телеграмма Сталина, направленная 3 июля 1940 г. секретарю Львовского обкома Грищуку (копия секретарям ЦК компартии Украины Хрущеву и Бурмистенко): “До ЦК ВКП(б) дошли сведения, что органы власти во Львове допускают перегибы в отношении польского населения, не оказывают помощи польским беженцам, стесняют польский язык, не принимают поляков на работу, ввиду чего поляки вынуждены выдавать себя за украинцев и тому подобное. Особенно неправильно ведут себя органы милиции. ЦК ВКП(б) предлагает вам за вашей личной ответственностью незамедлительно ликвидировать эти и подобные им перегибы и принять меры к установлению братских отношений между украинскими и польскими трудящимися”.

К концу 1940 года в Галиции значительно активизировалась деятельность ОУН(б). Подготовленные абвером группы членов и сторонников ОУН(б) с различной результативностью пытались перейти границу СССР. Несмотря на противодействие НКВД и НКГБ, они собирали данные по дислокации войск и размещению складов, месту проживания командиров и другую информацию представляющую интерес для вермахта. Особый вопрос – еврейский.

В своей книге “Жрецы и жертвы Холокоста” Станислав Куняев приводит характерный пример. В “Еврейской газете” некто Михаил Садовский рассказывал, как посетил главный музей Холокоста в Вашингтоне. Там не просто смотрят экспонаты, но примеряют на себя роль одной из реальных жертв. Садовскому досталась жизнь и смерть местечкового сиониста Симхи Перельмутера, который жил в 30-е годы на Львовщине, в городке Хорошеве, а погиб в Освенциме: “В сентябре 1939 года... Советский Союз оккупировал Восточную Польшу, – пишет Садовский, – где был расположен Хорошев. Несмотря на советскую оккупацию, Симха продолжал преподавать в университете”. Ничего себе “оккупация”! Заметим, что в центральной Польше уже преследовали евреев, которые бежали тысячами на Львовщину. Спустя неделю после 22 июня 1941 года, когда войска вермахта вошли в Хорошев, “как еврей и учёный, – продолжает Садовский, – Симха стал предметом преследования германских властей”. Простим стиль: “предмет преследования”! Важнее суть: вскоре за учёным пришли украинские полицейские, и родные больше не увидели Симху Перельмутера. Ну, типичнейшая ситуация, которую в Вашингтоне никакие националисты исказить не могут. Но сегодня нам хотят внушить другое.

На сайте посольства Украины в США вторым сверху в англоязычной версии помещен материал “Батальон “Нахтигаль”: легенда и правда”. Из него следует, что этот батальон абвера не уничтожал ни евреев, ни поляков, ни русских. Судя по содержанию публикации, особую заслугу “Нахтигаль” видят

в том, что с занятой им радиостанции 1 июля 1941 г. транслировался акт независимости Украины, провозглашенный днем ранее. О том, что в данном акте речь шла о тесном взаимодействии с “Национал-Социалистической великой Германией, которая под руководством своего Вождя Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и в мире”, ничего, естественно, не говорится. Автор текста о “Нахтигале” не указан. Следовательно, нужно считать этот материал официальной продукцией самого посольства, то есть государства Украина?

Известно, что батальон “Нахтигаль” (“Соловей”) был создан немцами еще до начала войны против СССР. В апреле 1941 года Шухевич вступил в батальон и вскоре стал там главным политическим офицером. 30 июня 1941 года, ровно через неделю после нападения вермахта на Советский Союз, будущий Герой Украины без боя занял Львов и в течение всего лишь одной недели “очистил” город от евреев и поляков (впрочем, душегубам Шухевича “помогали” также и немцы, и “добровольцы” из числа местных подонков). Бойня, жертвой которой пал каждый пятый житель города, была не последней, в которой участвовал Шухевич, – они принимали участие в “окончательном решении” еврейского вопроса и в других украинских городах и местечках. У этих подзащитных Ющенко и посольства Украины в США – руки по локоть в еврейской крови, но её хотят смыть во чтобы то ни стало! Причём и с помощью самих продажных соплеменников.

Так, на том же сайте выложен доклад украинского поэта Моисея Фишбеина “Еврейская карта в российских операциях против Украины”, прочитанный на конференции в Иллинойском университете и перепечатанный после этого в “Киев Пост” (также на английском). Речь идет о том, что Россия, желая не допустить вхождения Украины в НАТО, распространяет дезинформацию об отношении к евреям Петлюры, Шухевича, ОУН–УПА, которые, по убеждению автора доклада, ничего плохого евреям не делали, да и в Бабьем яру евреев расстреливали исключительно немцы. А цель всей этой кампании – дискредитировать президента Ющенко, который возвращает украинцам их историю. Уж и президент другой, а официальная песня – всё та же!

Когда я совсем молодым литератором приехал в зимний Львов, меня, конечно, поразила западная архитектура старого центра, обилие костёлов, кофеен и... нескрываемая порой антисоветчина в форме русофобии, с которой я нигде до этого на своих ещё немногочисленных дорогах не сталкивался. Но более всего меня потрясла в музее трагическая история Львовского гетто – третьего по величине в Европе: ведь я не был тогда ни в Варшаве, ни в Лодзи. Конечно, и в экспозиции, и в рассказах экскурсоводов тщательно скрывали, что первые еврейские жертвы появились после входа украинского батальона Романа Шухевича “Нахтигаль”, да и многие последующие акции осуществляли украинские полиция и националисты. Яркое воспоминание того же дня: именно во Львове я узнал по телефону, что единогласно принят в Союз писателей СССР. Потом мы проводили здесь Всесоюзное совещание молодых поэтов – ничего, нормально.

И вот через много лет я снова во Львове. Только что прошла траурная дата: 70 лет с начала Великой Отечественной войны, которая унесла столько жизней – еврейских, польских, украинских, русских – и на Львовщине тоже. Что же я увидел? Оставшиеся с 22 июня черные рекламные щиты с надписью красным цветом “Комунізм = Нацизм”, которые Львовский городской совет разместил в городе. Как заявил заместитель мэра Львова Василий Косив, во Львове отмечают день памяти жертв нацистских и коммунистических режимов в Украине, в связи с чем в городе и размещена такая социальная реклама (ну и оборотец! – **А. Б.**). “Июнь 1941 – 70 лет назад – был трагическим для Львова. Ведь львовяне одинаково пострадали как от нацистского, так и коммунистического режимов во время Второй мировой войны... Тюрьмы и концлагеря одинаково использовались НКВД и Гестапо. Это одинаковые по своим преступным действиям силы”, – припечатал Косив. Одинаковые силы? – язык немеет, и не знаешь, как ответить...

На щитах размещены 2 фотографии: жертв коммунистического и нацистского режима. В частности, проиллюстрирована казнь в тюрьме на Лонцкого 30 июня 1941 года, осуществленная НКВД, и расстрел людей немцами в марте 1942 года позади Львовского национального академического театра оперы и балета. Но какая может быть казнь в тюрьме НКВД 30 июня? Именно

30 июня 1941 года немецкие войска оккупировали Львов, и в те же дни во Львове, в доме Просвители (он сохранился), ОУН(б) заявила о восстановлении независимости Украины и образовала правительство во главе с Я. Стецько. Однако независимость Украины не входила в планы Германии. Гитлер приказал образумить эту банду, и 9 июля 1941 года правительство Я. Стецько было разогнано оккупантами.

Сам Львов был третьей по величине еврейской общиной в довоенной Польше. До 1939 года в городе жили около 110 000 евреев. Германия напала на Польшу, как известно, 1 сентября 1939 года, а 17 сентября 1939 Красная армия вошла на земли Западной Украины и Белоруссии, оттяпанные в своё время у ослабленной Республики Советов. Советское вторжение было результатом мирного договора Германии и СССР. Львов, конечно, безропотно капитулировал перед Красной армией и оставался, как пишут сегодня украинские историки, под советской оккупацией до 30 июня 1941 года. За это время число еврейских жителей во Львове увеличилось до 160 000. Около 100 000 евреев (вдумайтесь в эту цифру!), проживавших в оккупированной немцами Польше, бежали во Львов и его окрестности, нашли защиту. При советской власти евреи были официально в равном статусе с другими национальностями, что признаёт и Еврейская энциклопедия, правда, уточняет: некоторые сотрудничали с советскими властями, другие подвергались преследованиям. Но в каком соотношении? В апреле 1940 года, мол, сотни евреев Львова и беженцев были депортированы в Сибирь, когда они отказались принять советское гражданство. Подчеркнём: сотни открытых врагов и нарушителей закона всего-то – из 160 000!

Немецкие войска, повторим, оккупировали Львов 30 июня 1941 года. Сразу же после оккупации (националисты приветствовали немецкую оккупацию цветами и баннерами) польскими и украинскими антисемитами (среди которых украинцы составляли большинство), был организован погром во Львове, вместе с членами оперативной группы “С”. Глава украинских националистов Шухевич сообщил населению города, что эти массовые казни были возмездием за массовые казни в тюрьмах НКВД Львова в последние дни советской оккупации. Украинцы обвиняли евреев в помощи НКВД в арестах и казнях “украинских патриотов”. Станислав Куняев приводит смешные и запоздалые доводы тех, кто пытается обелить головорезов Шухевича через десятилетия: “Главный вывод статьи из еврейского “Форума” был таков: “Евреи никогда не составляли большинства в карательных органах советской власти ни на одном этапе её истории”, это “один из главных антисемитских мифов, упорно повторяемых юдофобами всех мастей от Шульгина до Макашова... В 30-е годы в местных органах госбезопасности по всей стране служило 1776 евреев, что составляет 7,4% от всего численного состава ОГПУ...”.

Честно говоря, – пишет Куняев, – не хочется мне заступаться за украинцев, поскольку главными виновниками Голодомора их нынешние вожди объявили русских, а украинцы промолчали. Но правда – превыше всего. Журналисты из “Форума” должны знать, что “архипелагом” ГУЛАГ с 1935 по 1938 год руководил М. Берман с тремя заместителями – Я. Раппопортом, Н. Плиннером и З. Кацнельсоном, что в украинском ОГПУ в эпоху Голодомора служило на разных должностях 925 евреев из 1518 чекистов всех остальных национальностей Советского Союза (то есть 40% сотрудников ОГПУ на Украине были евреи); сведения эти содержатся в толстом фолианте “Россия, XX век. Документы. ГУЛАГ. 1918–1960? (Международный фонд “Демократия”, издательство “Материк”), в справке, подписанной начальником сектора кадров НКВД Я. М. Вейнштоком”.

Ну, а польскую резню вообще объясняют просто – так им и надо: “По правде говоря, – сообщает достоверно украинская или еврейская Википедия (не поймём), – большинство убитых были польскими националистами и представителями интеллигенции, хотя были и украинцы, и евреи среди жертв”. То есть польских националистов и интеллигентов мочили по делу? Но всё-таки дальше идёт признание со вздохом: “За четыре недели погромов почти 4 000 евреев были убиты во Львове”. Это было лишь начало.

В июле 1941-го евреи Львова должны были носить значок с голубой звездой Давида. В том же месяце был создан юденрат. Ее первым председателем был адвокат Йозеф Парнес. Он был казнен гестапо в ноябре 1941 года за отказ выделить евреев на принудительные работы. Его преемником стал Хенрик

Ландсберг. 25 июля 1941-го украинские националисты организовали следующий погром во Львове – так называемые “Дни Петлюры” (по имени Семена Петлюры, гетмана Украины, который и сам организовывал еврейские погромы (впоследствии он был убит евреем во Франции). Во время “Дней Петлюры” почти 2000 евреев были убиты во Львове, а 2 октября 1941 года первые 500 еврейских мужчин были забраны на принудительные работы для немецких работ на вооружение (Deutsche Ausrüstungswerke – DAW Lemberg). Во Львове они были заняты строительными работами в лагере на улице Яновской. Туда многие вскоре и отправились. Не стану пересказывать всех дальнейших ужасов, арестов, казней, предательств своими же (полицейскими в гетто были сами евреи), скажу лишь одно: когда 26 июля 1944 г. Советская Армия вошла во Львов, только 200–300 евреев выжили в подполье в городе и его окрестностях, а всего евреев до входа батальона Шухевича и фашистских войск во Львове было, напомним, 100 000 плюс несколько десятков тысяч беженцев из оккупированных районов Польши. И после этого 22 июня во Львове смеют отмечать как день траура по жертвам коммунизма и нацизма. Да если бы не Советская Армия, сегодня ни скорбеть, ни праздновать там было бы некому.

В документах Нюрнбергского процесса приводился ряд свидетельств командиров частей вермахта, вступавших во Львов, о том, что “насилие над евреями украинского населения” уже имело место 30 июня 1941 года, а один из командиров даже заявлял о том, что он дал указание своим подчиненным на прекращение подобных действий в отношении гражданских лиц. Из свидетельств зверств боевиков ОУН в Западной Украине – свидетель Иван Брыль: “На улице Линде остановились три грузовика... Из них выскочили гестаповцы, разговаривали они на украинском языке. Парно стали по углам улочки с автоматами, направленными на окна домов. Другие пошли к ступенькам... Из окна на крыше посыпалось стекло, полетели на дорожный булыжник оконные рамы. Позднее снова... И снова... Убийцы выбросили тогда через окно семерых (еврейских) детей”. Убивая евреев и поляков, “нахтигалевцы” раздавали украинскому населению листовки с призывами участвовать в погромах. В листовках указывалось: “Ляхов, жидов, москалей, коммунистов уничтожай без милосердия, не жалей врагов украинской национальной революции!”; “Знай! Москва, Польша, мадьяры, жида – это твои враги. Уничтожай их!”. Во сколько врагов, а виршеплёт Моисей Фишбейн эту вопиющую ксенофобию оправдывает!

* * *

Накануне моего приезда в Галицию Львовский областной совет большинством голосов одобрил постановление, согласно которому на территории региона термин “Великая Отечественная война” употребляться более не будет. По мнению депутатов, это словосочетание “не соответствует украинской исторической реальности”. Постановление предусматривает, что 8–9 мая ежегодно в области будет отмечаться День памяти жертв Второй мировой войны. При этом праздничные мероприятия должны включать в себя акции, направленные на “освещение полной и объективной истории вооруженного национально-освободительного движения украинцев в 40–50-х годах XX века и чествованию участников этого движения”. На западе Украины участниками вооруженного национально-освободительного движения обычно называют людей, воевавших в составе Украинской повстанческой армии, то есть бандеровцев. А ведь в генеральном плане “Ост”, который разработало главное имперское управление безопасности под руководством Гимmlера совместно с восточным министерством Розенберга, был ясный пункт:

б) К вопросу об украинцах.

По плану главного управления имперской безопасности, на территорию Сибири должны быть переселены также западные украинцы. При этом предусматривается переселение 65 процентов населения. Эта цифра значительно ниже, чем процент польского населения, подлежащего выселению...

И ни тени благодарности за то, что их предки выжили, остались в красивом городе Львове, которому помогала расцветать вся страна! Он до сих пор выживает на российскийском наследстве. Например, самое успешное из оставшихся предприятий Львова – концерн “Электрон”, чьи акции зарегистрирова-

ны в Украине под № 1. А откуда он взялся? Из РСФСР в 1940-е – 1950-е годы были переведены почти все большие заводы Львова: например, из Ижевска – завод имени Ленина (ныне – ЛОРТА), из Саратова – завод телеграфной аппаратуры (ныне – ФТА), из Горького – “Львовприбор” и “ЛАЗ” (“Львовский автобусный завод”), из Москвы, Ленинграда и Александрова (Владимирская область) – рабочие и оборудование завода “Электрон”. Прямо готовый завод с неба упал! Вот они, плоды Победы в Великой Отечественной и братства трудящихся, а не сборища нынешних паразитов на почве национализма...

Ранее министр образования и науки Украины Дмитрий Табачник, напротив, объявил о намерении вернуть термин “Великая Отечественная война” в учебники истории. Этот термин был заменен на Вторую мировую во время президентства Виктора Ющенко. Посмотрим, кто победит в этой идеологической схватке на расколотой Украине. Кажется, что память о советском прошлом выжжена на бульжных улицах Львова, но нет! В день начала войны с площади возле Монумена Славы воинам-освободителям на улице Стрыйской несколько молодых людей запустили воздушный шар, к которому был прикреплен красный флаг. Он реял в небе как символ нашей общей незабвенной Победы.

Депутат Верховной Рады Юрий Костенко, который и подал заявление в Конституционный суд, чтобы запретить Знамя Победы, обижен на Владимира Путина, как явствует из интервью: “Это Путин сказал об Украине: “политическое недоразумение, которое скоро пройдёт”. Не думаю, что лидер высказался столь недипломатично, хотя совершенно правдиво. Только “не пройдёт”, не рассосётся, а прорвётся, как нарыв, если националисты не уймутся.

* * *

В авторском предисловии Станислав Куняев написал: “Эта работа была задумана несколько лет тому назад и складывалась по частям долго и трудно. Тема оказалась чрезвычайно сложной и “горячей”, если не раскалённой. Да и мировая жизнь всё время добавляла топлива в этот мистический костёр – вспомним хотя бы поистине библейскую судьбу несчастной Газы или поединков между Ватиканом и раввином по поводу Холокоста. В полной мере своего собственного взгляда на предмет исследования мне выработать так и не удалось, и книга, выросшая из поначалу задуманной небольшой статьи, получилась весьма компилятивной. Но я об этом и не сожалею: пусть читатели сами освоят избранные мною выдержки из разных книг, порой прямо враждебных друг другу, порой дополняющих или повторяющих одна другую. Только при таком проходе “по лезвию ножа” мне удалось в меру своих сил склеить более или менее цельную картину исторического явления, именуемого Холокостом”.

Вот и мне никак не удаётся склеить цельную картину и выработать собственный взгляд на русско-еврейско-украинские отношения, которые за время от первого до последнего приезда во Львов только обостряются и всё больше политизируются, но несправные дороги и честные книги помогают многое постичь-прояснить.

ТРУДИТЬСЯ И УВАЖАТЬ СВОЙ НАРОД

Широкий отклик в читательской аудитории вызвала книга Станислава Юрьевича Куняева “Жрецы и жертвы Холокоста”, публиковавшаяся из номера в номер в нашем журнале, а сейчас вышедшая отдельным изданием. Большинство писем в нынешней подборке посвящено отзывам читателей этого исследования. Отзывы эти — взволнованные, часто жёсткие в своих суждениях, но всегда честные и объективные. Но несмотря ни на что, несмотря на все обиды и страдания, что принесли русскому народу его ненавистники, основная читательская мысль направлена не на отрицание, не на ненависть и вражду, основная мысль — надо трудиться и уважать свой народ. Без этого не будет и будущего у нашей страны и всего мира. Ради этого трудится и коллектив редакции журнала “Наш современник”, журнала любимого и уважаемого в России и за её пределами, о чём свидетельствует многочисленная наша почта.

“МЫ ПОБЕДИЛИ И ИХ СПАСЛИ...”

Дорогой Станислав Юрьевич!

После просмотра передачи на канале “Культура” о формате толстых журналов, собралась написать Вам письмо. Я хожу в библиотеку и постоянно читаю журналы “Москва”, “Знамя”, “Новый мир”, “Нева”, “Иностранная литература”, “Роман-газета” и, конечно, “Наш современник”! Читаю их, когда библиотека имеет деньги на подписку. Но, если даже с финансированием туго, то Ваш журнал всё равно подписывают. И вот какие у меня сложились впечатления.

Произведения, в любом жанре, публикуемые в журнале “Знамя”, проникнуты ненавистью к русским и России. Эта же точка зрения транслируется по всем каналам Российского ТВ. Но № 5 этого года — это нечто даже из того, что они писали ранее. Меня привлекла “История болезни” писательницы Ирины Ясиной — название очень удачное для полемики. Именно болезни части еврейского народа, которая выражается в русофобии.

Немного о себе. У меня на руках 10 лет уже парализованный после второго инсульта муж. Сама я больна, 2 года уже не выхожу из дома, кроме как в поликлинику да в библиотеку. Пользуемся услугами социального работника. Мой муж был знаком и работал со многими известными людьми. В 1973 году закончил экономический факультет МГУ. С ним учились Дубинин (Центробанк), Меликьянц (мин. труда), Мазурова (зав. кафедрой экономики в МГУ), Леонтьева (директор гос. института управления в Ярославле). Мой муж в самые тяжёлые годы перестройки был деканом Высшей партийной школы в Баку. После переезда в Россию создал в Тутаеве филиал Рыбинской авиационной академии. А работая в Свердловском университете (когда там Ельцин куролесил), был знаком и с известным внуком Бажова-сказочника... Кого только не знал мой муж и с кем только не общался! Сколько раз в трудные годы развала страны ему предлагали уехать в Штаты. Но ведь не уехал.

Потом пригласили на должность зам. директора в департамент управления имуществом Ярославской области. С директором не поладил, понизили до зав. отделом, и тут инсульт... Уже второй, первый был ещё в Баку, когда ездил с Поляничко и Вольским в Нагорный Карабах. Трудно было, но мы же русские люди, никогда ни у кого ничего не просили и не попросим. Несмотря на все болезни, мы живём отлично, нам даже завидуют! Сына выучили, уже большой. Все близкие друзья, спасибо им, поддержали, особенно ректор Рыбинской академии Безъязычный, помог сыну получить бесплатное образование. Много хороших людей у нас в русском народе, и оскорбляют меня эти слова о “менталитете”.

Вот мои предки ещё до революции вышли из простого народа, но достигли многого. Мой прадед Георгий Попов, выучившийся на копейки, стал директором Новочеркасского атаманского политехнического училища, получил дворянство, как и отец Ленина. Царь с ним встречался. Бабка моя с золотой медалью окончила гимназию, потом Бестужевские курсы. Всю жизнь проработала директором школы в деревне Дубовка Ростовской области. Ни разу я не слышала от неё ни слова осуждения в адрес Советской власти. Своим трудом она заслужила Сталинскую пенсию. Какие это были люди – всё для Родины, себе ни полушки! Сколько я навидалась в Баку потомков русских купцов и дворян. Обломки знаменитых родов и фамилий. Трудились, уважали и себя и свой народ. Сколько дали азербайджанскому и другим народам!

Теперь в еврейских журналах пишут: воевали, дескать, русские плохо!.. А у меня на разных фронтах погибли четыре дядьки Мой дед, получив похоронку на четырёх сынов, скончался от разрыва сердца. До старости дожил только мой отец полковник Жулябин Иван Дмитриевич. Во время войны он закончил военное училище и участвовал в обороне Кавказа. Мы победили, советский народ, чтобы там хевра не придумывала, и их спасли, пусть подавятся своими иудиными серебряниками!

Всех в Вашей редакции люблю и пишущих в Вашем журнале тоже. Много талантливых людей – читаю, плачу от восторга. В своё время любила я читать Астафьева, Чингиза Айтматова, Фазилия Искандера. Но теперь поняла: чужие они люди. Всем обязаны были Советской власти и возомнили о себе!.. Подумали бы, а стали бы они писателями при другой власти? А ведь кому много дано, с того много и спросится.

Лично Вам от души желаю здоровья, продолжения литературной работы. Уважаем, преклоняемся!

Елена Ивановна Шашкина
г. Тутаев, Ярославской обл.

“ПИШУ ТОЛЬКО ПО-РУССКИ...”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Я невеликий белорусский писатель. О писателях, подобных мне, А. П. Чехов, с присущим ему юмором, говорил так: “Есть большие собаки и есть маленькие собаки, но маленькие не должны смущаться существованием больших: все обязаны лаять и лаять тем голосом, который им Господь Бог дал”. Вот и я такой. Свои книги издаю за свой счёт тиражом в 100 экземпляров (я на пенсии, но продолжаю работать). Пишу только по-русски, так как русский язык знаю лучше своего белорусского. У нас в республике выходит журнал “Нёман” на русском языке, а для остальных изданий, выходящих на белорусском, я, увы, чужой.

Совсем недавно прочитал “Жрецы и жертвы Холокоста”. Много распространяться не буду, Вы и так, без моего участия, я думаю, перенасыщены лестными, а может, и ругательными высказываниями на сей счёт. Скажу лишь, что мне читать Ваше объёмное произведение было и интересно, и изумляться было чему. Вы исследовали те события и факты, о которых я и понятия не имел. А вот впечатление после прочтения Ваших исследований я испытал жутковатое. И как-то самопроизвольно возникла мысль: Господь Бог всякое живое существо наделил такой психологией, характером, чувствами,

ощущениями и реакцией, которые позволили бы ему и, тем более, человеку, народу выжить в этом прекрасном, хотя и несовершенном мире, а Господь Бог знал, что творил.

С уважением

Иван Лосиков,
г. Гомель, Беларусь

ГОЛОС ИЗ КОНДОПОГИ

Глубокоуважаемый Станислав Юрьевич!

Собравшись писать Вам письмо, я взглянул на конверт, где изображён наш российский трёхцветный флаг и подумал о том, что не подходит нам сей триколор. Этот флаг в старое время был флагом торгового флота. Потом флагом Временного правительства Керенского. Потом флагом денкинских белогвардейцев, потом власовским флагом. Что тут скажешь... По моему мнению, идеальный вариант – красное полотнище с серпом и молотом времён СССР, но в центре должно быть изображение святого Георгия Победоносца, поражающего копьём змея! Поражающего зло... Да, много, много сейчас зла и в жизни, и в литературе. Вот и писатель Личутин своей глупой непродуманной статьёй в “Литературной газете” пытался причинить вам обиду, а навредил только себе. Это ясно, как дважды два. Ваша-то литературная репутация, Станислав Юрьевич, после его писанины нисколько не пострадала, а вот репутация Личутина... Теперь он воспринимается как праздный жонглёр словами. И только.

С уважением, пишите как можно больше!

Александр Лаптев,
г. Кондопога, Карелия

НУЖНЫ МУЖЧИНЫ И ЗАЩИТНИКИ

Дорогой Станислав Юрьевич!

Спасибо Вам за журнал “Наш современник”! Прочла уже два номера за этот год. Вы набираете высоту. Ваша блестящая публицистика читается как сокровенная поэзия. Я читаю Ваш журнал очень давно, и давно – с 1986 года веду свой дневник. С тех пор, как внезапно умерла моя дочь, художница... Остались её картины, в основном акварели, и мой дневник, названный мной “Разговор с дочерью”. Много горечи в дневнике. Я бы хотела, чтобы моя внучка, филолог, отредактировала мой дневник, но не хочу её нагружать этим. Ей сейчас тяжело, маленький ребёнок на руках и проблемная вторая беременность. Её отец еврей – алкоголик и бездельник. И такое случается. Не любовь к физической работе уникальная. Он ещё и законченный эгоист, после смерти моей дочери привёл в дом новую жену – немку с Поволжья. Во что она обратила мою внучку, въехав в квартиру, полученную мной, слов нет. Сколько мне понадобилось сил, чтобы спасти свою внучку. Отец её предал свою дочь! Где мужчины, Боже, как они нужны нам, женщинам, детям, Родине.

Смотрю на картины моей покойной доченьки и вижу: хатка в снегу, тишина – всё такое русское, сокровенное, рубцовское... Слёзы душат... Простите, Станислав Юрьевич, посоветуйте, помогите. Преклоняюсь перед Вами за Ваш труд. Сил Вам.

Ольга Васильевна Голубева
г. Санкт-Петербург

БЕССМЕРТНЫ РУССКАЯ МУЗЫКА И ПОЭЗИЯ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Спасибо за присланные Вами книгу и письмо! В ответ посылаю Вам книгу поэта Николая Клюева, которая хранится у меня много-много лет. Она досталась мне от моей тётушки из Ленинграда. Эта книга Вам будет полезнее, чем мне.

А вся моя энергия в моё свободное время уходит на Георгия Свиридова. Читаю воспоминания о нём. В Вашем журнале опубликованы отрывки из книги “Музыка как судьба”. Это к 10-й годовщине его смерти. Очень мало, а прочитать хочется!

Читаю и Вас. В интернете нашёл два Ваших “ответа полякам”: “Вы мне надоели” и “Братец-кролик”. Мне эта тематика близка. В июле поеду в Вологду и постараюсь книгу о Рубцове достать для Вас. У Рубцова есть стихотворение “Тихая моя Родина”. Это прелесть. Можно ничего другого не писать, а это стихотворение бессмертно.

Спешу на почту, чтобы отослать Вам книгу Клюева! Его ведь очень любил Свиридов. Ищу его музыку, но в магазинах Москвы записей музыки Свиридова нет. Отчего это?

С уважением

Кренделев Виктор Алексеевич,
пос. Протвино, Московской обл.

ВСПОМНИМ ПАВЛА ШУБИНА

Здравствуйтесь, уважаемый Станислав Юрьевич!

Пишу Вам по поводу судьбы одного, к сожалению, уже подзабытого русского советского поэта фронтового поколения Павла Шубина. Прошлый год был годом 65-летия нашей Победы, а нынешний – 70-летие начала Великой Отечественной войны. И вот эти даты навели меня на некоторые горькие размышления. Остались забытыми, словно канули в небытие, поэты из поколения наших отцов, поэты – освободители Европы от фашизма. Первым из них я называю Павла Шубина, его творчество и фронтовая биография мне очень дороги и вызывают глубокое уважение. Если бы Шубин не ушёл из жизни так рано, в 1951-м году, и так стремительно, как жил, если бы пожил дольше, то, наверно, его дорога пересеклась бы с дорогой Николая Рубцова, сироты войны.

Станислав Юрьевич, одна надежда на “Наш современник”! Убеждена, что журнал не оставит без внимания память Павла Шубина, ведь в этом году исполняется 60 лет со дня его ухода из жизни. Вспоминаются строки его стихотворения “Волховская застольная”, ставшие знаменитой песней:

*Редко, друзья, нам встречаться приходится,
Но уж когда довелось,
Вспомним, что было, и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось!
Вспомним о тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу...
Будут в преданьях навеки прославлены
Под пулемётной пургой
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой!*

Пишу и волнуюсь до слёз! Сами собой складываются и у меня такие строки:

*Нам не нужно победы без правды,
Неразменной во все времена.*

*Могут стать чужими парады
И фальшивками — ордена,
Если выбить из правды основу
И чужую вдолбить правоту,
Павла Шубина вычеркнуть слово,
И Рубцова забыть — сироту...*

Станислав Юрьевич, первой строкой здесь взяла Вашу строчку. Спасибо Вам за всё — за стихи, за книги, за русскую душу!

Желаю Вам здоровья, бодрости, долголетия!

Валентина Останина,
пос. Таврический, Омской обл.

“ВЫВЕСТИ ФОРМУЛУ ПАТРИОТИЗМА...”

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

С благодарностью и признательностью сообщаю о том, что книги, отправленные Вами, мною получены. Поверьте, для меня это событие радостное, светлое и праздничное.

Вот уж воистину не предугадаешь, как отзовется сказанное тобою слово! Ваше послание — это прекрасная возможность продолжить постижение русской истории, двигаться в направлении “глубокого и точного понимания нашей судьбы”, как гласит сделанная Вашей рукой надпись на книге “Жрецы и жертвы Холокоста”. Это цель, путь к которой для меня только начинается.

Историческая честность в разрешении тех вопросов, за которые Вы так мужественно и ответственно берётесь, к сожалению, культурный раритет. Куда более распространенными являются равнодушие, идеологическая ангажированность и своекорыстный “исследовательский” субъективизм, обслуживающий всё что угодно, кроме истины. Беспринципная вседозволенность порой вводит в ступор, дезориентирует, загоняет мысль в бесконечные лабиринты размножающейся информации.

Отсюда рождается недоверие к культуре с её либерально-глянцевым оскалом, космополитизмом, дискредитацией традиции, идеалов, отождествлением творчества и бизнеса. И вот счастье сквозь это удручающее бездорожье разглядеть живой, отзывчивый, надёжный и родной “русский огонёк”, горящий во имя русской правды — оплота всего славянского мира.

Здорово, что в условиях всеобщего безответственно-потребительского отношения к судьбе родины Вам удалось разработать целостный подход к истории, освоить, понять и принять её грандиозные противоречия. Вывести формулу патриотизма, столетиями формировавшуюся в русской культуре. Открыть этот верный и великий свет! Благодаря Вам, Станислав Юрьевич, и Вашим коллегам по русскому делу, этот свет не гаснет.

Берегите себя!

С уважением и благодарностью

Виктория Синюк
магистрант кафедры русской литературы
филологического факультета БГУ,
г. Минск, Беларусь

НАЙТИ ВЕРНЫЙ ПУТЬ

Глубокоуважаемый Станислав Юрьевич!

Я с удовольствием прочёл Вашу книгу “Стас уполномочен заявить”, в которой Вы защищаете русских граждан и Россию от русофобов всех мастей и марок.

Они, особенно русофобы из малых народов, пытаются унижить русских, обвиняя их в жестокости, в поддержке сталинского жёсткого управления страной посредством введения мобилизационного режима жизнедеятельности населения, жестокой деятельности КГБ и ГУЛАГа, а также других смертных грехах, хотя жестокие расправы творили они, дорвавшись до властных рычагов внешнеэтнических руссофобствующих интернациональных марксистов-авантюристов. В КГБ и ГУЛАГе высшие посты до 38-го года занимали евреи, организовавшие жестокую репрессивную работу этих учреждений, от которых и многие из них сами погибли.

Вы цитируете Бикермана и других из книги «Россия и евреи» (1922), утверждавших ответственность еврейских экстремистов за насаждение в России тоталитаризма и рассматривавших Октябрьскую революцию как катастрофу не только для России, но и для развития еврейства. Я согласен с Вашим утверждением: «Впервые один из великих народов пытался построить общенародное государство, и ведь практически мы это сделали» (стр. 139).

Однако строили СССР по идеям прогрессивных русских творческих граждан. Прогрессивные образованные русские граждане создали замечательную русскую культуру, сформировавшую, как Вы справедливо отмечаете, громадный многонациональный мир, в который стремились войти народы союзных республик, чтобы объединиться в совместную культурно-историческую жизнь, несмотря на государственную поддержку самобытности их национальных культур. Это и я отмечаю в своих монографиях и в диспутах, твёрдо напоминая о роли русской культуры в развитии культуры других наций. Я согласен с Вашим утверждением, что в России достаточно места для интеллигентов еврейской и других наций, но «не нужно быть русофобом».

Вы пишете: «Еврейский вопрос – это не национальный вопрос...», «Русский антисемитизм – вымысел русофобов». В еврейском вопросе, пишете Вы, «есть только борьба за власть». И, действительно, в управлении Россией они захватили власть, что откровенно подтверждает Л. Радзиховский: «... в России произошла вторая революция, в результате чего евреи на этом этапе правят Россией, в том числе еврейский финансовый капитал».

Утверждение многих философов и политиков, что независимость малых наций необходима для их демократического процветания, не имеет научного обоснования. Малому народу в полинациональном государстве (с многочисленной доминирующей нацией) жить легче. Малая нация пользуется всеми благами, предоставленными экономикой доминирующей нации и сама вносит посильный вклад в её развитие. Духовная жизнь имеет все условия для расцвета культуры малых наций, что мы и видели на примере СССР.

Стремление к государственной независимости проявляет не вся малая нация, а незначительная часть её – националистическая группка, разжигающая страсти вокруг, якобы, несоблюдения прав малой нации. Под дикое неистовые крики националистических авантюристов малая нация противопоставляется доминирующей, и тут открывается поле для осуществления своекорыстных замыслов этой группки политиканов, которые мечтают стать во главе микроскопических анклавных образований.

Вы справедливо пишете, что писатели-патриоты В. Белов, Ф. Шипунов, Ю. Бородай, А. Салуцкий, И. Шафаревич и др., а также позже поддержавший их Солженицын требовали проведения перестройки на принципах высокой морали, нравственности и справедливости в политике, юриспруденции и экономике. Но рычагами перестройки быстро завладели аморальные ренегаты высшего эшелона советской государственной структуры и КПСС. А. Солженицын поставил вопрос прямо: «Десятки тысяч образованцев у нас огрязнены лицемерием, переметчивостью... и весь этот душевный гной пусть так и тянется с нами в будущее?»... А некоторые из демократов-перестройщиков заговорили даже о необходимости биологического изменения русской нации! Старый и во многом мифический лозунг прежних буржуазных революций: «Свобода, равенство и братство» подменили новыми лозунгами – мифами: «Права человека», «Глобализация»...

Я согласен с Вашим утверждением, что и капитализм и социализм создают культ экономической (потребительской) материальной жизни. Здесь Вы выдвигаете формулировку: «Русская национальная идеология сегодня – это абсолютный отпор мировой материалистической мысли, любого политического направления, отпор обществу потребления... Отпор сторонникам мирового господства».

Человечество находится на распутье. Что строить, куда идти? Коммунизм построить не удалось, а существующая капиталистическая система движется в тупик. В связи с возникшим в 2008 году глобальным экономическим кризисом Путин В. В., Медведев, Д. А., Обама, Уго Чавес, Саркози и другие вожди нынешнего мира признали необходимым совершенствовать капиталистический миропорядок, но конкретных предложений не сформулировали. Вот и в “Нашем современнике” я вижу в основном разоблачительные статьи (это, несомненно, необходимо), но, к примеру, статьи Глазьева С., Делягина М., Бойко Н. и др., в которых предлагаются полезные меры – таких статей мало. Хотя, конечно, предлагаемые правильные меры отвергаются капиталистической системой, да и реализовывать их некому.

И совершенно правильно пишете Вы, что пока человечество не нащупает третий путь материального самоограничения, у него нет надёжного будущего. Я же считаю, что такой путь открыт в учении В. И. Вернадского о ноосфере.

С добрыми пожеланиями, подписчик журнала “Наш современник”

А. К. Адамов
г. Саратов

КТО ЯСНО МЫСЛИТ – ЯСНО ИЗЛАГАЕТ

Станислав Юрьевич!

Прочёл Вашу полемическую статью “За базар отвечать надо...” (№ 4, 2011 год). Мысленно аплодировал. А вот Личутина одолел только со второго или третьего раза. В мой ряд “деревенщиков” он не вписывается. А человечко, судя по статье в “Литературной газете”, действительно, мелкий. Мои замечания по Вашей статье: она без полемического перехлёста, убедительна, написана хорошим, а не натужливым, как у Личутина, языком.

Ваш

Евгений Васильевич Потупов
г. Брянск

НЕ ЗАБЫВАТЬ ПРАВДУ О ВОЙНЕ

Уважаемая редакция “Нашего современника!”

Живу я в Литве, стране, мягко говоря, не очень дружественной к современной России, но я выписываю Ваш журнал с 1994 года, что, как вы понимаете, говорит о многом. Журнал Ваш – глоток свежего воздуха в атмосфере потоков лжи и грязи, постоянно льющихся здесь на мою Советскую Родину. Ваш журнал помогает мне жить и ощущать связь с единомышленниками, людьми, близкими мне по отношению к нашей великой стране – Советскому Союзу.

Но вот, неожиданно, в № 6 Вашего журнала за этот год, я столкнулся с одним мифом, что меня неприятно поразило. Этот миф получил широкое распространение в годы “горбачёвщины” и после антисоветского переворота 1991 г. Речь идёт о трагической судьбе бывших советских военнопленных, которых, якобы, всех поголовно репрессировали органы НКВД после возвращения из немецкого плена. К сожалению, в прекрасной статье Валерия Ганичева “Сражаясь за Родину” (№ 6, 2011 г.), я с удивлением прочитал, что ещё 16 августа 1941 года был приказ Ставки, который приравнивал пленных к предателям. Но этого в том приказе не утверждалось. Да и утверждаться не могло, иначе, согласно со статьёй 193-22 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года все предатели были бы осуждены к расстрелу. Но этого не произошло, и только несколько процентов бывших военнопленных было привлечено (не расстреляно) к уголовной ответственности. Обратимся к фактам. По состоянию на 1 октября 1944 года через спецлагеря, созданные для проверки военнослужа-

ших Красной Армии, находившихся в плену, прошло 354 592 человека. Из прошедших проверку арестовано органами “СМЕРШ” 11 556 человек (3,81%), остальные возвращались в строй или направлялись на работу в промышленность. Живым свидетельством этого был для меня мой дядя, который был освобождён из плена после разгрома немцев под Москвой. Однако он не был ни расстрелян, ни отправлен в ГУЛАГ как предатель, а вернулся в действующую армию и воевал почти до конца войны, когда был демобилизован после тяжёлого ранения. И вернулся домой в Москву.

После войны к 1 марта 1946 года было репатрировано 1 539 475 бывших советских военнопленных. В результате проверки было арестовано органами НКВД 226 127 человек (14,69%), как правило, бывших власовцев и других пособников немецких оккупантов. Остальные вернулись домой. Интересна судьба советских генералов, оказавшихся в плену. Всего попало в плен 68 генералов. Вернулся на Родину 41 человек. Восстановлены в кадрах Советской армии – 25 человек. Арестовано органами НКВД – 16 человек. Замучено и расстреляно в плену немцами – 20 человек. Осуждено к смертной казни в СССР (власовцы) – 5 человек. Заочно осуждены как изменники Родины – 2 человека. Чем же это объяснить – не выполнен приказ Сталина? Но это произошло потому, что в том приказе **и не было утверждения**, что каждый, кто попал в плен – предатель Родины.

С уважением

Сергей Ермолин
г. Шяуляй, Литва

“С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДУ ВАШ ЖУРНАЛ...”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Я являюсь подписчиком Вашего журнала более 35 лет. Были времена, когда я подписывал более 10 толстых литературных журналов, но вот уже 20 лет, как я отдал предпочтение, выписываю и читаю Ваш журнал, а также журнал “Москва”.

Сказать, что я восхищён Вашим журналом – это ровным счётом ничего не сказать. Все эти 20 лет национальной катастрофы он помогал мне жить и оставаться оптимистом! Прежде всего, конечно, публицистика журнала.

С нетерпением жду Ваш журнал с очередной Вашей статьёй, всегда талантливой, всегда незабываемой, всегда с неотразимой железной аргументацией!

Александр Ильич Габышев
г. Якутск

РУССКИЕ, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Мне 81 год, жизнь на исходе. Люди моего поколения стали свидетелями исторических событий, потрясших нашу Родину. Как сон, перед глазами проходят тридцатые годы с их коллективизацией, индустриализацией, переселением огромного количества людей из деревни в города, на стройки, в Сибирь... К 1941 году жизнь наладилась, но тут грянула война. Наше поколение всё это пережило, преодолело, ведь нами двигала уверенность в справедливости того общественного строя, который надо было защищать. Что мы и делали всю жизнь – и каково нам теперь видеть расчленённую, разорённую, дышащую на ладан Великую Россию?! Кто же отвечает за то, что на протяжении последних 20 лет страна задыхается от коррупции, спивается, духовно деградирует и вымирает ужасающими темпами. А ну, ответьте на это, господин Путин! Вы же сказали, как-то, на одной из пресс-конференций, что вам не стыдно перед народом!

Зачем нынешним хозяевам жизни — олигархам и их покровителям — заботиться о народе и о будущем России? Это не приносит доходов. Официальная пропаганда пытается представить время правления Путина как время возрождения России. До него преступная верхушка “строителей” российского капитализма — олигархов и еврейских банкиров (семибанкирщина) фактически управляла страной через Ельцина, безответственного нетрезвого выскочки. Когда же он совсем деградировал, то нашёлся новый, деловой, молодой с крепкой хваткой человек. Путин успешно выполняет свою часть сделки с олигархами, ловко манипулирует общественным сознанием, используя атрибуты и лозунги т. н. либеральной демократии. Но на руках ведь у него убедительные доказательства ограбления народа через чубайсовскую ваучеризацию и залоговые аукционы, которые Счётной палатой признаны мошенническими. Чубайс, один из отцов-основателей нынешнего режима, известен как нечистоплотный делец и ярый русофоб, который в процессе приватизации ограбил Россию, обеспечил своим единокровникам возможность захватить наиболее жирные куски народной собственности. Он явно пользуется покровительством Путина. Страна задыхается, страна деградирует во всех сферах государственной и общественной жизни.

Противники России прекрасно понимают, что прежде чем разрушить страну, необходимо добиться победы на информационно-идеологическом фронте, а поскольку русский народ является стержнем государства, то по нему и наносится главный удар. Цель обработки мозгов через средства массовой информации, прежде всего телевидение — оторвать русскую молодёжь от исторических корней, от её великой культуры и духовности. Русский историк Ключевский писал: “Конец русскому государству будет тогда, когда нарушатся наши нравственные основы”.

При всём уважении к нерусским гражданам России необходимо сказать, что русские составляют 82% населения страны и потому самоорганизация русского народа — главное условие спасения России.

Из своих 80 лет я прожил в Туркмении 40 лет и видел, как строились города, заводы, открывались школы, институты, театры и т. д. Туркменская (да и любая другая национальная) молодёжь имела обязательные квоты в учебных заведениях Москвы, Ленинграда и других городов. Делалось всё, чтобы никаких конфликтов на национальной почве не возникало. Но всегда чувствовалась определённая клановость национальных группировок, особенно еврейской. После развала СССР самой пострадавшей стороной оказались русские. Они оказались изгоями в национальных республиках, людьми второго сорта, вечно притесняемыми и изгоняемыми из тех республик, которые они когда-то и создавали. Нынешнее руководство России в упор не видит проблем русских не только в “ближнем зарубежье”, но и в самой России. Вот и у нас на Украине русский язык оказывается изгоем. Янукович, избираясь на пост президента, давал клятву предоставить русскому населению Украины право пользоваться родным языком во всех сферах общественной и государственной жизни, уравнивать русский язык в правах с украинским, по крайней мере, на тех территориях, где проживает русскоязычное население. Это он обещал и нагло обманул. Вызывает возмущение недавнее высказывание депутата российской Госдумы Косачёва о том, что Россия не будет требовать от Украины признания государственного статуса русского языка. И это говорит правовед-международник! Янукович обманул и президента России Медведева, обещая в Харькове решить проблему русского языка. Я бы хотел, чтобы родители Косачёва, Грызлова, Медведева оказались на месте тех русских людей, живущих в Крыму, на исконно русской земле, чтобы они имели дело с официальными и судебными бумагами на “мове”, попытались бы прочесть аннотации к лекарствам на той же “мове” без перевода на родной язык и слушали бы по проводному радио передачи **только на украинском языке! Русский — под запретом!** Нетрудно предположить, что скажут старики-родители своим сыновьям, от которых, во многом, зависит, будет ли соблюдать Украина права человека, международное право, касающиеся решения языковых проблем. Янукович сейчас довольно неразумно заигрывает с бандеровцами, потому как на Западе Украины ему ничего не светит, а вот Юг и Восток Украины он может потерять навсегда. Какой, посудите, может иметь авторитет президент Украины Янукович, когда часто говорит нелепости, вроде: “Анна Ахметова” — вместо Ахматовой, “великий украинский (!) поэт Чехов”. Всё это проявленья бескультурия, которое охватило и Украину и Россию.

Яркое тому проявление — российское телевидение, которое в нынешнем его виде активно участвует в деле разрушения русской культуры и духовности, очерняет нашу историю с целью, прежде всего, унижить русский народ. Телевидение демонстрирует такие сериалы, как: “Сволочи”, “Штрафбат”, “Зал ожидания”, “Участок”, “Чонкин” и другие подобные низкосортные поделки, в которых русские люди представлены кретинами, бандитами, пьяницами, лентяями, а евреи, напротив, все как есть умники, наставники, просветители... Сванидзе и Млечин получили площадку на питерском канале для “развенчания” прошлого великой страны в программе с громким названием “Суд времени”. Они договорились до сравнения святого князя Александра Невского с предателем Власовым. Надо отдать должное политологу С. Кургиняну — он достойно выдержал напор этих “судей”, так что им не удалось полностью очернить прошлое России, СССР и реабилитировать всю эту троцкистскую шайку.

Хотелось бы поделиться мыслями о “еврейском факторе”. В 1998 году Г. Зюганов, обращаясь в открытом письме к администрации президента Ельцина, заметил, что “... наш народ не слепой, он не может не видеть того, что сионизация государственной власти России была одной из причин нынешнего катастрофического состояния страны, массового обнищания и вымирания её населения (...). Как могло произойти, что ключевые позиции в ряде отраслей экономики в ходе приватизации были захвачены преимущественно представителями одной национальности и что в руках тех же лиц сосредоточен контроль над большинством электронных СМИ?” Не без основания Л. Радзиховский радовался в зарубежной печати, что евреи впервые за 100 лет получили неограниченную власть после развала СССР. Еврейская либеральная американизированная интеллигенция нагло ликовала по этому поводу, ведя организованную русофобскую пропаганду. Помню, как-то в одной из передач по радио, где устраивались часто междусобойчики “писателей-юмористов” в составе Шендеровича, Мишина, Горина, Измайлова, кто-то из этих “смехачей” (от которых давно уж нормальных людей тошнит) поиздевался над великим русским маршем “Прощание славянки”, назвав его “прощанием славянки с евреем”. Такие у них шутки...

Как писал великий русский писатель Достоевский, характерная черта русского народа — стремление к справедливости. Если русский видит, что грабители на его глазах жируют, вызывая похвалы награбленным, он может только гневаться, но не завидовать. В своё время Э. Тополь обратился к Березовскому с жалостливым письмом, советуя ему выделить (с барского плеча) миллиард долларов в пользу страдающего русского народа, объясняя успехи Березовского “... богом данными талантами и сметливостью избранного еврейского народа”! Стоит задуматься, за кого они считают русских...

А. Казинцев, выдающийся русский публицист-патриот, призывает русских скорее выходить из состояния анабиоза, мобилизоваться и объединиться ради спасения России. Я бы дополнил этот призыв словами: Русские, не зевайте, иначе у вас унесут из-под носа тысячелетнюю матушку-Русь!

Николай Ивлев
пос. Кировское, Крым, Украина

И В ГЕРМАНИИ ЧИТАЮТ “НАШ СОВРЕМЕННОК”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Ознакомившись в Вашем журнале с подборкой писем читателей по теме “Жрецы и жертвы Холокоста”, должен заметить, что мнение их во многом разделяю. Прочитал также Ваши две книги “Возвращенцы” и “Мои печальные победы”. Внимательно читаю и Ваши статьи в журнале. На мой взгляд, Вы сегодня — единственный русский писатель, публицист, который открыто, громко критикует “богоизбранный народ”, стремящийся к мировому влиянию, чего не удалось достичь в своё время фашистским арийцам-сверхчеловекам. Беспардонность своего поведения верхушка этой нации демонстрирует и здесь в Германии, куда “русские евреи” нахлынули после развала СССР, заняли удобные ниши в обществе и принялись поучать немцев насчёт “сдержан-

ности” по отношению к памяти Холокоста. Проеврейская газета “Европа-экспресс” (даром, что на русском языке выходит) несколько лет назад активно разыгрывала антирусскую карту. Я сам, сотрудничающий с газетой российских немцев-переселенцев “Хаймат-Родина”, обратился к владельцу вышеупомянутой газеты Николаю Вернеру с открытым письмом на тему провокационного разжигания распри между русскими немцами и русскими евреями (здесь их скромно называют “континентбеженцами”). Разумеется, Вернер моё письмо не опубликовал, но после довольно жёсткого нашего телефонного разговора провокационные статьи в его газете прекратились. Сейчас он подвизается в обслуживании известного негодяя Резуна-Суворова, предателя, кропающего книжонки о “вероломстве” СССР, желавшего якобы “напасть на Германию” тем же летом 1941 года. Эти люди умеют суетиться и здесь, в Германии они сразу же возглавили разные фонды и “русские землячества”, где русских-то раз, два и обчёлся. Так что российская диаспора — это прежде всего еврейское русскоязычное общество, которое, я в этом уверен, умело управляется из российских властных глубин.

Наш главный редактор Роза Уль была приглашена однажды на один из симпозиумов зарубежной русскоязычной прессы. Три дня она толкалась в толпе приглашённых и говорливых организаторов и так и не сумела пробиться ни на один “круглый стол”. . . Она пробыла там три дня и своими глазами видела то непомерное роскошество, что позволили себе организаторы (-штейны, -берги, -маны) сего “международного форума”. Роза Уль рассказывала мне, что сидели за богатыми столами, зачем-то на один день ездили в Петербург для любования достопримечательностями. И всё время она думала о том, какие огромные средства вбуханы в показушное мероприятие. А она вернётся домой к своей газете, для очередного выпуска которой надо снова ходить “с протянутой рукой”, выпрашивая у российских немцев-предпринимателей пожертвования. . . Один “шведский стол” на таком форуме обошёлся дороже месячного выпуска газеты. А ведь есть где-то программа поддержки русскоязычной прессы. Но Посольство России в Берлине, получая нашу ежемесячную газету, скромно молчит, не интересуясь жизнью издания, которое, по мнению того же Посольства, высказанное в ежегодном Рождественском послании, успешно и мужественно проводит в германскую жизнь русскую культуру и знание русского языка. . . И вот такую лабуду вешают на уши единственному в Германии изданию российских немцев, старшее поколение которых до конца своей жизни не перестанет говорить, читать и петь русские песни. Два года назад наш главный редактор Уль удостоилась награждения Почётным знаком имени Екатерины II — русской императрицы и немки по происхождению.

Проеврейские “Европа-экспресс” и “Русская Германия” (Фридман) не были отмечены таким знаком Российской Академии общественных наук. Но они создали и выпускают ещё одну газету — “Еврейская газета”, с помощью которой расширяют влияние на русскую диаспору, которая даже пальцем не шевелит, чтобы создать свою “Русскую газету”! Такая инертность и какая-то духовная лень не то что удивляет, а просто возмущает.

В августе этого года печальная годовщина — 70 лет депортации немцев Поволжья. Автор этих строк, родившийся в ноябре 1941 года в семье русского офицера Красной Армии и немки Поволжья, сполна испытал тяготы того времени. Мой отец погиб в 1945 году, уже в самом конце войны, на территории Германии, освобождая эту страну, мою вторую Родину, от фашизма. Нам с моей мамой только в 1956 году разрешили покинуть Северный Урал, и я окончил инженерно-строительный институт в Усть-Каменогорске. И пошла строительная цыганская жизнь: Восточный Казахстан, КАМАЗ, Оскольская Магнитка, Южно-Якутский угольный комплекс, города Нерюнгри, Чита. Дважды Почётный строитель СССР. Все последние годы жизни в России, по просьбе матери, участвовал в Немецком национальном движении “Видергебурт” (“Возрождение”). Но возродить республику Немцев Поволжья не удалось, развал страны во времена Ельцина привёл к массовому оттоку российских немцев на Запад. В Германию выехало 3,5 миллиона человек — нешуточное дело! В России сейчас осталось не более 1 миллиона немцев Поволжья, но многие обрусели, для них Германия не родина. А здесь, в Германии, хорошо жить, если только смотреть со стороны. . . 27 августа со всех концов Германии съезжаются в Берлин, к бывшему Рейхстагу российские немцы, чтобы отметить День Печали в своей истории. . .

Желаю Вашему журналу успехов и надежды. Буду ждать ознакомления с очередными Вашими трудами в публицистике.

Ваш читатель и подписчик

Владимир Алексеевич Должник
г. Штаттхаген, Германия

“ТО, ЧТО ВЫ ОТКРЫЛИ ДЛЯ ВСЕХ...”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Дочитал первую книгу “Холокоста”. Потрясён. Вы добиваете тему, как Гёте добивал “Фауста”. Именно так. Вы разрыли бездонную могилу этим оглушительным крикунам, этим Агасферам. На занятых Агасферами круговых позициях – гробовая тишина. Что-то будет? Вот это поистине – “сказочка на ночь от Ивана Иваныча”!

Сегодня, когда дочитывал, у меня промелькнуло, как иногда бывало и раньше: а сам я почему так пристально, с периодическими заходами, всматриваюсь в племя агасферское? Раньше ведь, в молодости, такого интереса не было. Но кто-то когда-то, не помню, кто, да, наверно, Ваш журнал, приковал моё внимание к трагедии нашего народа. Разъяснил, что когда-то бродяги-агасферы перехватили русское волнение, возглавили, раскрутили и сложили к своим копытам законное недовольство и справедливую борьбу великого народа за освобождение. Я много раз думал: не в воронку ли историческую увлекают меня патриотические национальные мыслители? Завлекут простака и обманут, как принято у образованных людей. Но вторая-то часть трагедии – это уж совершалось на моих глазах! Тут-то уж меня никто не собьёт! Сам видел. Богатство-то российское бродяги по сумам дорожным при мне порасхватили! Значит, приходится верить. Панарин, Шафаревич, Кара-Мурза – всё Ваши авторы.

Итак, “исполнен долг, завещанный от Бога...” Хотя, оказывается, нет, ещё не исполнен. Но что же можно сказать во второй книге? Кажется, уже всё сказано, всем братьям по платьям выдано. Поздравляю и завидую, хотя, нет, просто восхищаюсь и радуюсь за Вас и за Россию! Долго будут расходиться волны от этого цунами. Долго ещё будут повторять за Вами то, что Вы открыли для всех.

Но мы тоже не стоим на месте, дорогой Станислав Юрьевич! Нас, в Перми, вполне конкретно осаждает известный Вам Гельман. Вот уж Агасфер так Агасфер! То, как мечется Гельман по Москве – это уже всем известно и надоело. Но его выкрутасы в провинции – дело другое, тут мы – открытая почва. А персонаж любопытный. Он гальюн строит реально, в руках у него молоток, а во рту жменя гвоздей. И колотит, и колотит...

Всех благ Вам!

Геннадий Деринг
г. Пермь

НУЖНА КНИГА О РУССКОМ ХОЛОКОСТЕ

Здравствуй, Станислав Юрьевич!

Думаю, что нужно бы написать книгу – исследование о нашем русском Холокосте – репрессиях, проводимых Троцким, Свердловым, Тухачевским, Уборевичем, Якиром и иже с ними против русского народа. Мои два деда были раскулачены, а один из них – отец моей мамы в 1937 году вдруг ни с того ни с сего был заклеимён, как троцкист, сослан на север, где и погиб. Расспрашивая родственников, я понял, что местные власти сами все сплошь были троцкистами, вот и стали вешать ярлыки на невинных русских людей. Доносчики – настоящие троцкисты, избежав такой участи, породили своих потомков – Герберов, Сванидзе, Млечиных, которые всё списали на Сталина. Об этом я написал в своём стихотворении “Троцкист”.

*Докопайся, попробуй, до истины —
Из истории вырвали лист.
Дед сначала был сослан троцкистами,
А потом осуждён, как троцкист.*

*Миллионы смертей на их совести,
Чтоб самим не пришлось отвечать,
В тень уйдя, изоцрэнные в подлости,
На других стали ставить печать.*

*С сатанинским клеймом на страдание
Ими был и мой дед обречён.
Всё, в итоге, списали на Сталина —
И никто из них не уличён...*

Дай Вам Бог творческих сил!

Николай Ситников
г. Сочи

30 ЛЕТ В СТРОЮ

Уважаемый Александр Иванович!

Хочу высказаться по поводу выхода в свет из печати книги “Возвращение масс”, а также последних Ваших статей из “Дневника современника”. Ваша статья “30 лет без права передышки” интересна тем, что в ней Вы вспоминаете давнее время работы редакции журнала, когда она располагалась на улице Писемского, когда Вы вошли первый раз в её помещения, познакомились с тогдашним главным редактором С. В. Викуловым и зам. главного редактора Ю. И. Селезнёвым. Были приняты на работу по рекомендации В. В. Кожина. Было это в далёком 1981 году... Какие люди делали журнал в то время и кто был членом редколлегии! Писатели В. П. Астафьев, В. Г. Распутин, В. С. Солоухин, Ю. В. Бондарев, Е. И. Носов, И. И. Стрелкова. Их всех объединяли именем “деревенщики”. По-разному сложилась их творческая судьба. Многих уже нет... Но остаётся Валентин Григорьевич Распутин, “твёрдокаменный” русский человек, который и всегда был таким, и не зря в своё время его “Пожар” прозвучал так провидчески перед наступлением грозных времён. Из тех времён мне запомнилась статья “Правда и истина” Вадима Кожина (“НС” № 4 за 1988 г.) В ней автор дал жёсткую оценку романа А. Рыбакова “Дети Арбата”. Автор убедительно показал, что волна репрессий 1937–38 гг. обрушилась во многом на тех людей, которые были инициаторами культа Сталина. Статья В. Кожина была направлена не против одного романа, а против целого пласта беллетристических произведений, появившихся в то время. В. Кожин утверждает мысль, что “...для открытия истины необходимы высокая культура мышления и мужество мысли”. Думается, что такой оценки заслуживает и Ваша, Александр Иванович, книга “Возвращение масс”, где Вы на протяжении четырёх лет, собрав огромный фактический материал, прослеживаете нарастание активности народных выступлений во всём мире. Я думаю, мало кому удалось бы поднять такой пласт информации, обобщить и проанализировать процессы глобального масштаба, как удалось это сделать Вам.

Во все сложные времена за последние 20 лет современной истории, когда публицистику журнала вели Вы, Александр Иванович, журнал “Наш современник” твёрдо стоял на патриотических позициях, ратовал за сохранение сильного государства, противостоял развалу и раздроблению страны. Теперь новые беды терзают нашу страну. Россия превращается в сырьевой придаток Запада, свёртывается наша промышленность, падает производство, уменьшается оборонная промышленность. Наша способная молодёжь стремится уехать в США, где есть возможность роста, а у нас в стране быстрыми темпами стала расти армия чиновников и охранников. Особо хочется помянуть деятель-

ность нашего главного чиновника от образования министра Фурсенко. Он, говорят, воспитанник Гарварда, а там нашими делами издавна занимались вплотную. Работает он по переделке нашего образования на американский лад и много тут преуспел. Если дело так пойдёт и дальше, я думаю, мы останемся без образования вообще.

А между тем в мире идут тревожные и опасные процессы. Революции на Ближнем Востоке породили войну в Ливии, агрессию НАТО против этой страны. Россия призывает прекратить военные действия в Ливии и начать мирные переговоры. Многие считают, что целью США является поставить под свой контроль все страны, где добывается нефть, а значит, и Россию. Американцы втягивают нашу страну в создание системы ПРО, направленной против Ирана, втягивают нас в войну в Афганистане, надеясь загребать жар чужими руками. А России, у которой огромная сухопутная граница, нужна сильная армия, нужны танки, а где они? Оборонная промышленность наша дышит на ладан, новая боевая техника выпускается единицами. Обо всём этом Вы, Александр Иванович, рассказали в своей статье “Поезд убирается в тупик” (№ 2 за 2011 г.). Цитирую из Вашей статьи: “Генерал Л. Ивашов с горечью констатирует: “В ближайшие годы 30% вооружений российской армии будет израильским и из стран НАТО”. А ведь оружие сейчас умное, оно не будет стрелять по тем, кто его произвёл.

В заключение хочу сказать, что с интересом прочёл книгу Станислава Куняева “Жрецы и жертвы Холокоста”. Очень понравился мне ответ Ст. Куняева Е. Д. Подоксину, обвинившему Куняева в обмане по поводу хазарского происхождения современных европейских евреев. Станислав Юрьевич ответил, что точку зрения о хазарском происхождении восточноевропейского еврейства признают лорд Дизраэли (Биконсфилд), современный израильский профессор Шломо Занд, Артур Кестлер, Жаботинский и многие другие еврейские умы, в том числе и один из отцов сионизма Ахад Хаам. Ответ дан чёткий и ясный по важному вопросу.

Александр Иванович, жду продолжения Ваших публикаций. Пользуясь случаем, благодарю Вас за добрые слова обо мне в тексте книги “Возвращение масс”. Благодарен Вам и за Ваш протест по поводу отказа в Уфе от этнической идентификации русских.

Постоянный читатель журнала

Е. Н. Березин,
г. Челябинск

Дорогой Станислав Юрьевич!

Дай Бог Вам здоровья на долгие-долгие годы! Поклон за книгу “Жрецы и жертвы Холокоста”. Это, действительно, книга-поступок, уже одним своим появлением эта работа, как мне представляется, меняет многое, и я понимаю, как тяжело разбирать паутину лжи, мифов и умолчаний по отношению к “кровавой язве мировой истории”. Сколько труда и боли живому сердцу... Мои впечатления изложены фрагментарно, но воздействие от книги сильно и глубоко — нужны иной опыт и иной уровень владения вопросом, чтобы составить полноценный отзыв о Вашей книге. Я получила из этой книги внятные ответы на многое, волновавшее меня.

* * *

Никогда не обозначала для себя “еврейский вопрос”, наивно надеясь, что все возникающие в обыденности ситуации можно разрешить, руководствуясь общечеловеческими нравственными принципами — о существовании агрессивной племенной морали я, воспитанная на жизнеутверждающих советских мифах, узнала довольно поздно. Книга “Жрецы и жертвы Холокоста” показывает действие этой племенной морали и её производных в новейшей истории. И дело здесь, конечно, вовсе не в национальности как таковой — а именно в морали, которая порождается религией и обеспечивает, в одних случаях, выживание носителей её среди (и преимущественно за счёт) других народов,

а в других — как неизбежное следствие — позволяет и даже требует выживания одной (“лучшей”) части племени за счёт гибели другой (“сухих ветвей”).

Эти преступления по отношению и к другим, и к своему народу неизбежно требуют мифологизации, поскольку чудовищны по своей сути и с общечеловеческой точки зрения не могут быть оправданы ничем. А лучший способ скрыть истину — создать миф и несколько эшелонов его защиты, с чем жрецы Холокоста неплохо справились. Но ведь при этом цинично стирается живое человеческое страдание реальным жертвам реальных трагедий — впрочем, если речь идёт о разыгрывании экономической или политической карты, какое это имеет значение?..

* * *

В моей русской судьбе именно евреи приняли немалое участие — и всегда оно было либо крайне необходимой помощью, либо наоборот. Странно — не было середины, только крайности. О плохом говорить не буду, а вот о хорошем... На заре 90-х начальник предприятия, где я работала “за жильё”, человек уникальный, яркая и сильная личность (его любил весь коллектив, им восхищались, уважали его безмерно), вдруг предложил мне издать первую книгу. Казалось бы — где ЖКУ, а где поэзия, — но в этом поступке был он весь. Время шло, и в какой-то момент он заговорил об отъезде в Израиль — в еврейской среде активно циркулировали слухи о надвигающихся погромах. Якобы рабочие ЧТЗ должны были вот-вот начать... Обозначались какие-то роковые даты... Мы все тогда удивлялись: какие погромы, люди растеряны, никто не может понять, что происходит, стараются хоть как-то удержать расползающийся на глазах порядок жизни... Теперь я понимаю, что слухи эти запускались и муссировались целенаправленно, и отнюдь не русскими. (В Вашей книге есть аналогичный эпизод с Д. Самойловым). П. Л. не устоял, уехал вслед за своими детьми. Никаких погромов, конечно, не было и быть не могло. Мои первые книги вышли уже без него, и не случилось возможности поблагодарить этого удивительного человека.

* * *

Разговор с общечеловеческих позиций о племенной религии и порождённой ею морали всегда невероятно сложен. С носителями этой морали нужно уметь сосуществовать, агрессивные её послы гасить, аферы и мифы выводить “на чистую воду” и развенчивать. Но “система защиты” точно рассчитана на массовое, обывательское сознание, на верхоглядство, на абстрактное и необременительное для обывателя “сочувствие страданиям миллионов”. И уже приведение разных точек зрения на “больной вопрос” объявляется преступлением. Даже сама постановка вопроса вызывает агрессию. Я и о “Жрецах и жертвах Холокоста” слышала агрессивные отзывы от коллег. Не поленилась, узнала: не читали, говорят понаслышке. И едва ли прочтут, но говорить будут...

Чтение книги убеждает в том, как глубока трагедия евреев, и показывает, сколько у этой беды заложников. Вам удалось объединить в целостное осмысление множество культурных горизонтов — от библейского до повседневности, привести взаимоисключающие точки зрения и в итоге поднять вопрос на максимальную высоту: “Почему и с какой целью Создатель попустил, чтобы в кровавые семитско-хазарские разборки, словно в чёрную воронку истории, затагивались племена и народы, ни сном, ни духом не виновные в той трагедии, которая началась в доисторические времена и которая завершилась в День Гнева”...

Вы вскрыли цель мифологизации Холокоста, “стратегический посыл” “конструкторов”. Сам же миф настолько нагло выстроен психологически, что уже для начала его исследования нужно преодолеть естественное душевное стеснение “перед памятью шести миллионов безвинно погибших”... Но при ближайшем рассмотрении миф о Холокосте оказывается чудовищной гиперболой, характерным истерическим надрывом, за которым стоит холодный расчёт, даже не скажешь “циничней” — это слишком слабое выражение.

Впрочем, сегодня любые заклинания о “непознаваемости” должны бы настораживать мыслящих людей, уже должно бы стать очевидным, что за подобными запретами очень удобно прятать обман, превращать неприкасаемое в неприкосновенное. Сегодня в России мы всё чаще сталкиваемся с обратным: когда неприкосновенное превращается в неприкасаемое, и обычно это дело рук одних и тех же “конструкторов”. Так обходятся сегодня с нашей Победой, так низводят лучшие достижения советского времени... Воистину, “светопреставление”: рукотворное превращение тьмы в свет, а света — во тьму. Но свет и во тьме светит, а тьма на свету ещё темнее...

* * *

У Чехова в “Степи” есть один примечательный персонаж, лаконично и рельефно выписанный, концентрирующий в себе главные черты психологического “вывиха”: это Соломон, брат Мойсея Мойсеича. Если Мойсей Мойсеич и его супруга — послушные дети и заботливые родители, традиционное звено еврейского рода, то Соломон — воплощённое отрицание в первую очередь своей семьи, презрение жизненного долга (а это семья, дом, дети, наследство предков во всех смыслах), это чёрная энергия ненависти, которая спустя буквально несколько лет выплеснется в степь кровавым пожаром. Ненависть комическая и чудовищная одновременно... Сейчас читаешь и вздрагиваешь. Мечтаю написать о своём видении “Степи”, это вещь филигранная, тончайшая...

* * *

Ваша книга увидела свет, стала частью реальности, одной из её действующих сил. Поводом к размышлениям и поступкам. Безусловно, должна быть мощная культурная защита от примитивной, но очень цепкой и изворотливой племенной морали в пользу морали общечеловеческой. Это невероятно сложно, но нельзя позволять накапливать ненависть одних народов к другим, раскачивать этот страшный маятник — с каждым его взмахом проливается реальная, а не мифическая кровь.

Один добрый знакомый постоянно твердит расхожую фразу: “Я не считаю себя евреем, хотя во мне есть еврейская кровь, но я всегда на стороне тех, кого обижают. Поэтому когда обижают евреев — я еврей”. Но сколько ни унижали русских, как их морально ни уничтожали, за русских этот знакомый не оскорбился ни разу. Россия так и остаётся для него “этой страной” (где он родился, получил образование, вырастил и выучил детей...) А тот, кто при нём говорит что-то в защиту русских, тут же автоматически записывается в фашисты. Технология манипуляции такими людьми — это примитивная технология коммунального скандала: кто громче кричит, тот и прав, кто больше жалуется — тот и пострадавший, и сочувствующих вокруг него тут же собирается толпа...

Но среди моих друзей и коллег есть те, кто понимает всю глубину трагедии и меру ответственности за происходящее. Это носители не узкоплеменной, а общечеловеческой морали, и никакого “больного” вопроса о их национальности просто не возникает, он находится за пределами культуры.

Спасибо Вам, что завершили Вы книгу строками, которые дают спокойную силу и мужество: “Я вспомнил про русскую долю, // которая мне суждена, — // смирать озверевшую волю, // коль кровопролитна она. // Очнитесь! Я старую рану // не стану при всех растревлять, // и как ни печально, — не стану // свой счёт никому предъявлять. // Мы павших своих не считали, // мы кровную месть не блюли // и только поэтому стали // последней надеждой земли”.

Спасибо Вам! Храни Вас Господь во всех Ваших делах и дорогах.
До свидания!

Нина Ягодинцева
г. Челябинск

Уважаемая редакция журнала “Наш современник”, выражаю вам большую благодарность. Очень радует публицистика и поэзия. Вот только что прочла в № 4 2011 г. поэта Анатолия Тихоновича Штырова – в восторге! Тем более что до этого прочла два романа В. С. Пикуля: “Честь имею” (исповедь офицера Российского генштаба) – об офицере-разведчике и роман (самый его первый роман) “Океанский патруль”. Поэзия Штырова явилась продолжением темы этих двух романов (Север, подлодки, разведывательная работа), и сами авторы очень схожи – оба влюблены с детства в море и вся жизнь их отдана морю, водной стихии. Вот жаль, что при жизни В. Пикуля не состоялось знакомство этих двух гениальных людей. А если состоялось бы?.. Думаю, что А. Т. Штыров обязательно стал бы героем романа Пикуля, если бы ему был посвящён отдельный роман. Пикуль эрудит, знаток истории, с фактами которой обращается скрупулёзно, точно, он и в наше время недооценён. Но уверена – по простовости какого-то времени он займёт достойное место среди классиков нашей литературы, писателей-историков. Его творчество достойно всяческих литературных премий и даже Нобелевской. Жаль, что ни одной книги Штырова, кроме подборки в “НС”, я не читала, но и по подборке чувствуется родство натур Пикуля и Штырова. Чувствуется мощный поэтический талант, сильный характер и боль за судьбу страны. Хотелось бы написать благодарственное письмо А. Т. Штырову, но в журнале не указано, где он проживает.

Может быть, моё письмо напечатаете в каком-либо вашем выпуске или перешлёте Штырову. Дай Бог ему здоровья, долгих лет жизни, успехов в творчестве и настоящих тиражей такой изумительной поэзии.

А в нашем посёлке даже книжного магазина нет. Но есть библиотека, и хотя бы библиотеки имели бы его книги – это было бы счастье для любителей поэзии.

Тамара Константиновна Капорцева
врач, ныне пенсионерка
пос. Петровское Ярославской обл.

“НАДЕЮСЬ НАЙТИ ОТВЕТ...”

Уважаемые творцы и хранители журнала “Наш современник”, пишу вам я, сельский учитель – пенсионер, проработавший 47 лет в школе, ради выражения признательности за честный и мужественный анализ общественно-политических процессов, которые происходят в России сегодня и развивались ранее. Ваша душевная боль моей созвучна. Я вижу, как уничтожаются в стране экономика, культура, образование, нравственность, обороноспособность, международный авторитет государства.

Да что я буду говорить об этом, если всё уже сказано на высоком аргументированном уровне на страницах вашего журнала Александром Казинцевым (“Поезд убирается в тупик”), Андреем Фурсовым (“Десталинизация”), Александром Бойко (“Все болезни от докторов”) и другими авторами. Что происходит и почему – понятно. А как повернуть Россию на благотворный путь? Через конституционную демократию?.. Но все острые выступления нынешняя власть объявляет экстремизмом. Думаю, даже задействовав административный ресурс при массовой предвыборной обработке населения и бессовестном использовании пустого словосочетания “Народный фронт”, “Единая Россия” вряд ли наберёт большинство голосов. В конце концов бюллетени просто подменяют. Такова российская демократия сегодня!

Сожалею, что в своё время не нашлось сильной личности, чтобы возглавить ГКЧП, желаю, чтобы она явилась теперь. Настоящего единомышленника имею в лице журнала “Наш современник”. Надеюсь с ним вместе найти ответ на вопрос: что и как делать нам сегодня для спасения России?

Александр Николаевич Бочкарёв
пос. Алексеевское, Республика Татарстан

НАМ НАДО ЗНАТЬ СВОЮ РОССИЮ

Беседа главного редактора журнала “Наш современник” Станислава Юрьевича Куняева и председателя Союза писателей России Валерия Николаевича Ганичева.

С. Ю. Куняев: Валерий Николаевич, вот я недавно был на пленуме Союза писателей России в Смоленске с интересной темой “Рубежи истории – рубежи литературы”, посвященной 70-летию со дня начала Великой Отечественной войны.

Помимо того, хотя это и главное, что на пленуме шел содержательный, серьезный разговор о литературе Отечественной войны, о ее уроках и образцах, о тех, кто продолжает дело писателей старшего поколения, об истинности, правде, глубине изображения событий того времени, о борьбе с широко распространенными фальсификациями нашей истории, меня поразила и обрадовала атмосфера писательского сообщества, внимательность к слову друг друга, стремление узнать о творчестве коллег, безотказность в выступлениях перед массовыми и немассовыми аудиториями в разных населенных пунктах области, звучащие постоянно песни и стихи, поклонение могилам воинов и местам, где жил, творил Александр Трифонович Твардовский.

Ну а разве забудется, как от имени писателей-фронтовиков легендарный девяностотрехлетний балтийский моряк Михаил Годенко за мужество и героизм в отстаивании отечественной истории и литературы торжественно вручил памятное знамя Победы Союзу писателей России, и ты коленопреклоненно принял его, и два капитана первого ранга, наши писатели Борис Орлов и Юрий Пахомов-Носов встали с ним рядом.

Чувствуется, что Союз писателей работает, все мы отчитываемся друг перед другом на пленумах, секретариатах, в газете “Российский писатель”. Делаем немало, но я прекрасно осознаю, что многое и не удастся, и на наши недостатки мы не закрываем глаза.

Но вот когда изо дня в день, из номера в номер в некоторых газетах раздается призыв покончить с Союзом писателей, снять его руководство, не кажется ли, что тут выполняется серьезный идеологический заказ, и отнюдь не творческого содержания?

Как Вы, секретариат к этому относитесь, что вы предполагаете делать в связи с этим?

В. Н. Ганичев: В связи с этим ничего не предполагается. Караван, как известно, должен идти к намеченной цели, даже если слева и справа лают

дворовые собаки. Ему было бы глупо останавливаться и выяснять отношения со всякой шавкой. Ну, а что касается целей движения каравана Союза писателей России, то они на протяжении последних пятнадцати лет определялись решениями X, XI, XII, XIII съездов. Мы, конечно, не жесткая и не железобетонная организация, мы творческий союз, члены которого – люди самодостаточные и самостоятельные в своем творчестве, имеющие несколько ориентиров, которые нас объединяют.

Во-первых, на всех съездах мы подтвердили, что следуем по направлению верности традициям великой русской классической литературы. Во главе угла – народность, служение родному народу, уважение истории нашего Отечества.

Простой, или, как говорили нередко, “маленький” человек – это наш соотечественник, сотворивший великие дела, побеждая, терпя поражения и издевательства и не теряя никогда надежды на лучшее будущее. Он сохраняет нашу страну, он не уходит из нее, он не вкладывает свой капитал в заграничные банки, во-первых, потому что у него его нет, а во-вторых, он знает, что его вклад должен быть здесь, на земле его отчичей и дедичей.

Мы должны опираться на дух нашего народа, не должны подрывать его, сеять уныние, панику, пораженчество. Мы должны укреплять и ободрять наших людей, порождать упорство в служении отечеству и обществу.

И в этом смысле нам удалось на протяжении последних лет укрепить свои духовные опоры. Несмотря на то, что из нас пытаются их выбить всякими путями, – достаточно вспомнить, что три года нас пытались лишить нашей материальной базы, нашего дома. Не вышло. Наш старейшина, Николай Михайлович Сергованцев, который приходит на работу в приемную раньше всех (он принимает звонки, первых посетителей, почту, дает первые разъяснения начинающим поэтам и т. д.) несколько раз повторил: “Это наше счастье и спасение, что Союз писателей России нашел поддержку в церкви, в ее многовековой деятельности, в той нравственной ее позиции, на основе которой и выстраивалась отечественная культура и литература”. Думаю, что следствием этого явился прием в Союз писателей большого количества священников, хотя сан несколько не определяет степень таланта. Но вот Высокая Вера, ее воплощение в собственных поступках были характерны для наших классиков, да и для абсолютного большинства писателей.

И еще одна характерная черта для нашего Союза – безусловный патриотизм, решительная борьба с фальсификацией отечественной истории, особенно усиливающейся при освещении Великой Отечественной войны. И об этом я скажу позднее.

Одна из наших главных задач – охрана, защита и укрепление русского языка. И принцип, который лег в основу деятельности нашего Союза – работа в русской провинции, с местными организациями. Нет больше ни одной общероссийской творческой организации в стране, которые имеют, как наш Союз, отделения в каждом из 83 субъектов федерации. Да кроме того отделения Союза имеются во многих других странах.

Ст. К: *Вы вскользь сказали о том, что Вам пришлось буквально сражаться за писательский Дом. Как возникла эта долговременная опасная ситуация и как Вам удалось из нее выбраться?*

В. Г.: Да мы хоть и пытались не “стонать и не раздувать” дело, чтобы не угнетать и не пугать наших друзей, но положение было действительно опасным и даже катастрофическим. Каким-то мудреным образом наш дом, который принадлежал Союзу писателей России с 1970 года по решению Совмина РСФСР (стараниями Сергея Владимировича Михалкова), вдруг в 90-е годы оказался в собственности Москомимущества и потом плавно переместился в Госкомимущество. И Министерство культуры вдруг предложило нам покинуть это здание и переселиться куда-нибудь. Это здание, которое было домом Михаила Шолохова, Сергея Михалкова, Юрия Бондарева, Василия Федорова, Александра Прокофьева, Валентина Распутина, Василия Белова, Леонида Соболева, домом семи тысяч писателей... Началась “третья блокада” нашего дома. Первая была в августе-сентябре 1991 года, когда примчались либеральные боевики Музыкантского и потребовали “вытряхнуться” пленуму Союза писателей как очагу красно-коричневых. И это о писателях-почвенниках, “дере-

венщиках”, монархистах, православных мыслителях, которые вместе с красными патриотами, державниками служили делу отечественной литературы. Вы помните, как писатели забаррикадировались, выставили свои патрули и охрану. А бумажку с подписью префекта именно Вы, Станислав Юрьевич, взяли и разорвали на кусочки. Это вызвало оторопь у наглецов, и они, почувствовав решимость писателей, ретировались.

Второй раз, об этом мало кто знает, Союз писателей еще раз фактически был приговорен к исчезновению в 1997 году. При прежнем руководстве Союз отдал себя под покровительство банка “Изумрудный”, находившегося на 3-м этаже. Банк обанкротился, а его долги каким-то необъяснимым образом были предъявлены Союзу писателей. Долги были баснословные – 2 млрд рублей (в ценах до деноминации 1998 года). Фактически это был бы наш конец и крах. Можно только какими-то мистическими причинами, человеческой дружбой и памятью, а в общем, Божиим промыслом объяснить наше спасение...

Двадцать пять лет я дружил с замечательным человеком, великим патриотом и тружеником Отечества, моим комсомольским собратом Виктором Поляничко. Он был начальником штаба Всесоюзной ударной комсомольской стройки – Гайского горно-обогатительного комбината в Оренбуржье, секретарем Челябинского обкома комсомола, работал в ЦК ВЛКСМ и ЦК партии, был советником в Афганистане и личным другом Наджибуллы, затем работал в Азербайджане. По завершении горбачевской “перестройки” крахом СССР он оказался, как “красный специалист”, не нужен новой власти, хотя был полон сил и энергии.

В это время премьером стал В.С. Черномырдин. Он искал людей, которые могли бы исполнять державную работу, а не только провозглашать приверженность либеральным ценностям. Он вспомнил о комсоре Гайского комбината, где когда-то сам был директором, и пригласил Виктора Поляничко на ответственную должность Главы администрации в зоне осетино-ингушского конфликта в ранге вице-преьера федерального правительства. “Московский комсомолец” тогда в резкой форме высказался против этого назначения: опять “коммуняки возвращаются во власть”. Честно говоря, я предостерегал его: “Виктор, зачем опять лезешь под пули? Ведь ты уже был в Афганистане, находился в зоне боевых действий в Азербайджане, уйди в науку или экономику”. Он с грустью ответил мне: “Я хочу быть полезен Родине, там же гибнут наши люди”. Он со страстью взялся за дело, встречался со старейшинами Осетии и Ингушетии, стал изучать традиции и обычаи этих народов. Но его подло убили в горном ущелье.

На поминках по Виктору я оказался рядом с Черномырдиным, мы помирили моего друга и его товарища, генерала Корецкого. Он спросил: чем могу помочь вашему Союзу? Я сказал: ничем. А через несколько лет, при наступлении катастрофы с “Изумрудным”, я решил выйти на него. Помню этот драматический телефонный разговор: “Ну, что там?” Я объяснил. Еще вопрос: “Сколько?” Я сдавленным голосом негромко сказал: “Два миллиарда”. Небольшая пауза и новый вопрос: “Чего?” Я не сразу понял, потом выдал: “рублей”. А дальше премьер после раздумья сказал: “Перечислим через Минфин... В память светлую о Викторе”. Конечно, ничего этого я забыть не могу и ставлю свечки в память таких разных людей, которые спасли Дом Союза.

Ну и вспоминаю третью драму, когда нас передали в Госкомимущество. Министр культуры А. Авдеев, как мне показалось, дружелюбно сказал: “Вы не имеете права на этот дом, придется переселяться”. Я объяснил ему, что его вводят в заблуждение, этот дом 40 лет занимает Союз по решению Совмина РСФСР и надо помочь его оформить. Хотя бы в том качестве, в котором он находился последнее время. Мы занимали его, а часть помещений сдавали в аренду и на полученные деньги платили коммунальные платежи, вели ремонт и оказывали скорее материальную помощь, чем платили зарплату работникам. Кроме того, солидную сумму мы перечисляли в Минкульт, его структуру по охране памятников. Министр, особенно после того, когда ему сказали, что “ты можешь войти в историю, как “уничтожитель” Союза русских писателей”, свой напор снизил, сказав, что “мы с Ганичевым дружим”, хотя никаких обещанных преференций он не выдал. Но кто-то, кому приглянулся “Шефский дом” (это был с XVIII века дом генерал-аншефа Хамовнического военного гарнизона), продолжал давить. К нам засылали какие-то комиссии, телевизион-

ные группы, сеяли сомнения в законности нашего многолетнего пребывания в Доме. Называли тех “жирных котов”, которым приглянулся Дом. Кризис финансовый чуть умерил их пыл, но материалы против нас печатались в “Коммерсанте”, “Литературной газете”... Была организована целая компания по захвату Дома.

Особенно меня поразили выкрики на конференции МЛФ главного редактора “Литературной газеты”, который истошно кричал в коридоре: “Мы вас все равно выселим из дома”. Кто дал ему такое задание? От чьего имени он это выкрикивал, или выпил крепко, что было бы полбеды? Неизвестно. Мы встречались с ним несколько раз после этого, я пытался успокоить страсти вокруг МЛФ, ибо они привели к потокам грязи, которые выливались друг на друга, что очень существенно понизило авторитет писательского сообщества.

В те дни попыток захвата дома мы, не имея денег (ибо в связи с новыми правилами субаренду нам отменили и даже пытались взыскать ее за предшествующие годы с нас), сражались неистово, может, не показывая особенно эти сражения. Мы выиграли три суда. Я рассказал суду все подробности, показав всю разбойничью суть попыток отобрать Дом у писателей России. По этому вопросу я был в Арбитражном суде Москвы, в Счетной палате у С. Степашина, у генерального прокурора и его зама, у спикера Госдумы С. Грызлова, у спикера Совета Федерации С. Миронова, у руководителей комитетов Федерального Собрания.

Сто пятьдесят писателей и деятелей культуры написали письма Президенту и премьер-министру, телеграммы шли из местных писательских организаций, интернет кипел от возмущения. Валентин Распутин при личной встрече передал письмо о Доме В. В. Путину. Я обратился к руководителям политических партий. Г. А. Зюганов говорил о разбое при личных встречах с Президентом РФ и Премьер-министром. Он же посылал телеграммы после того, как В. Путин написал резолюцию “Помогите писателям. Доложите” (а никто не помогал и не докладывал). Но все-таки в июне 2010 года В. В. Путин подписал решение Правительства: “Передать в безвозмездное пользование помещение на Комсомольском проспекте №13, объемом 1400 м²”. Это была серьезная победа Союза писателей, победа авторитета нашего Союза, проявление наших творческих и организационных связей. И мы благодарны всем общественным и государственным организациям и их руководителям. Но без сомнения, особую роль в этом решении оказали Первосвятители нашей церкви, ее Патриархи. Я беседовал с ними и высказывал беспокойство в связи с попытками отобрать Дом, в котором находились и помещения Всемирного Русского Народного Собора, ибо мы (Союз писателей) были соучредителями Собора вместе с РПЦ.

За день до своей кончины подписал письмо к властям с пожеланиями оставить Дом писателям России Патриарх Алексий II, после избрания Патриархом сделал это и Святейший Патриарх Кирилл, с которым мы более пятнадцати лет соработничали в Соборе в качестве сопредседателей. Я говорил своим коллегам в самые тяжелые дни: “Друзья мои, нам нечего сокрушаться и горевать, мы имеем поддержку двух самых высоких духовных властителей России. Опираясь на их молитву, на их окормление, мы можем продолжать свою работу в любых условиях, в подвалах, в катакомбах, исторические примеры у нас есть”.

И, казалось бы, одержана победа, но в определенном смысле она была “пиррова”. У нас не оказалось ни рубля денег на содержание дома, на электричество, воду, тепло. Кто-то мог торжествовать, кто-то мог покинуть корабль. Возможно, на это и рассчитывали наши враги. Но мы не казались себе проигравшими, не стонали о нашем поражении, не дали повода нашим врагам злорадствовать и радоваться. Мы обратились к нашим читателям, коллегам, простым людям и предпринимателям: “Помогите, спасите Союз писателей и его Дом!” Поистине это была всенародная помощь! Это был “народный рубль”. Как мы благодарны нашим людям, соотечественникам, зарубежным друзьям, людям доброго сердца и широкой души. Ящик, который стоял на входе, на котором было написано: “Дом писателей России! Спасибо за Вашу помощь!”, периодически заполнялся десятками, а иногда сотнями рублей. Свой взнос присылали читатели, пенсионеры, военные. Иногда приходили предприниматели и, чаще всего, не называя своего имени, приносили деньги: “Заплатите за свет!”, “Заплатите за расчистку двора”, “На ваши нужды”. Трогательно было, когда писатели получали мизерные премии и го-

норары и часть из них отдавали нам. Иногда проходили вечера, и мы пускали шапку по кругу. Ну а разве забудется один наш жертвователь, который из тюрьмы регулярно присылал по тысяче рублей.

Мы выстояли, выжили благодаря тысячам людей, благородным предпринимателям, небольшой помощи Международного литфонда, части стипендий Министерства культуры. А разве не благодарны мы нашим работникам, которые работают без зарплат, живя только на свои пенсии уже более одного года? У нас появился благотворитель, который окажет помощь на выплату всех наших коммунальных и организационных расходов. Так и вспоминаются известные слова Ивана Сергеевича Тургенева: “Мы еще повоюем, черт возьми!”.

Ст. К: *В 2009 году произошло, на мой взгляд, важнейшее событие – был создан единый Союз писателей Союзного государства России и Беларуси на основе Союзов писателей России и Беларуси. Вас избрали сопредседателем этого Союза. Как Вы оцениваете это событие, как развивается эта работа? И какие контакты у Вас на Украине?*

В. Г.: Я оцениваю этот наш совместный шаг как одно из важнейших событий по созданию единого духовного литературного пространства. Московский патриархат совершает на пространстве России, Украины, Беларуси свою миссию, я уже говорю об этом. Мы же обсудили наши совместные действия с братским Союзом, во главе которого стоит известный писатель Николай Чергинец, видный общественный деятель республики. В декабре 2009 года мы провели учредительный съезд в Минске. Скажу откровенно, нас запугивали. Юрий Поляков, которого мы пригласили войти в правление будущего Союза, стал отговаривать от этого шага, сказав, что “за зубчатой стеной это не одобряют”. Мы объяснили ему, что нас, для писателей России, это вопрос стратегический, он не зависит от политической конъюнктуры, от взаимоотношений между руководителями наших стран, которые, в конечном итоге, тоже налаживаются. Учредительный съезд при поддержке Союзного Комитета, его Государственного секретаря П. П. Бородина и посла Российской Федерации в Республике Беларусь А. А. Сурикова состоялся. Это было внушительное собрание писателей, которое проходило в одном из лучших залов Минска, с присутствием большого количества прессы. Характерно, что съезд приветствовали Президент России Д. А. Медведев, Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, спикер союзного парламента и Госдумы России Б. В. Грызлов.

Свое приветствие прислали Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, экзарх Беларуси, митрополит Филарет, а также председатель КГРФ Г. Зюганов, многие общественные деятели, писатели Ю. Бондарев, М. Борисов, В. Карпов. И что подтвердило наши усилия – в эти дни был подписан договор о Таможенном союзе России, Беларуси и Казахстана. Интересно, кто же за “зубчатой стеной” был против писательских единительных усилий? Это опять, наверное, те, кто зоологически не хочет объединения наших народов. Вот когда мы были в Бресте, мы поразились порядку, чистоте, ухоженности города. Магазины полны товаров, люди аккуратны, красиво одеты, спокойны. Все поля кругом засеяны, готовы к уборке. Весь город отмечал печальную и героическую дату начала Великой Отечественной войны, 22 июня. Вся республика, ее президент А. Г. Лукашенко открывали памятник героям-пограничникам у входа в Брестскую крепость (естественно, средства на памятник перечислялись и из России). Удивительно, что руководителей пограничных войск России кто-то не направил на открытие этого памятника. Кстати, мы были на замечательной заставе Героя Советского Союза А. М. Кижеватова (сражавшегося там в 1941-м). Белорусские пограничники образцово несут там свою службу, за их пограничной полосой начинается НАТО. Ребята прекрасно понимают, что они стерегут границы как Беларуси, так и России. Недоумение вызывают постоянное науськивание, клевета, беспардонное вранье многих наших СМИ, особенно НТВ. Так и кажется, что они ведут свои репортажи с той стороны границы, где строится ПРО против... Да, против кого ПРО у нашей границы?

Зам. председателя исполкома области не без сарказма, но серьезно говорил о такой пропаганде: “Да вот, звонит мне сестра из Омска. Бедные, у вас там голод, может, прислать чего?” Я ей подтвердил: “Да, сестричка, голодуха, вот медведь сдох посреди Бреста, зубры падают от бескормицы”.

Мы посмеялись, зашли в продуктовые магазины. Полно мяса, колбас всех видов, ветчины, молока, творога, сметаны, хлеба вкуснейшего. Я записал цены, у нас на 15–20% выше. Ну и лжецов же мы развели, а разоблачать никто не спешит.

Сейчас работа нашего общего Союза писателей продвигается довольно успешно. В прошлом году мы провели в Курске совместный пленум “Нам дороги эти позабыть нельзя”, посвященный 65-летию Победы. В этом году прошел совместный пленум в Бресте. Он определил планы нашего дальнейшего сотрудничества. В Минске стал выходить наш совместный журнал “Белая Вежа”. Вышло уже три номера, планируются и другие совместные номера. Мы обозначили этот журнал как издание братских народов, где смогут и уже печатаются русские, белорусские и украинские писатели.

“Христианские ценности, дружба братских народов – основы основ, прочный фундамент настоящих и будущих успехов” – так обозначили мы вектор нашего нового журнала.

В приветственном слове к годовщине я отметил, что у нас общая тема: героическая история, боль своя и трагическая тема – это война. Поэтому и пленумы в Курске и Бресте были посвящены Отечественной Великой. Премия “Прохоровское поле” была присуждена белорусскому прозаику-воину Алесю Савицкому, а детям из Пинска мы присудили премию за работы о партизанах. Ну и мы, конечно, рады, что первым лауреатом литературной премии Союзного государства стал Станислав Куняев, поэт и главный редактор “Нашего современника”, за мастерский перевод “Поэмы о зубре”...

Кстати, “Наш современник” прочно стал журналом нашей дружбы, и ежегодно целый номер посвящает белорусским писателям. За ним следуют “Роман-журнал XXI век” и газета “Российский писатель”. Жаль, конечно, что эту работу никак не отмечает “Литературная газета”, тщательно обходя все, что связано с Союзом писателей России. А потом можно, конечно, разводить руками, говорить: что там они делают? – мы не знаем. Скажем точнее – вы не хотите знать.

Ну, а на Украине у нас десять организаций. Замечательные писательские союзы в Севастополе, Феодосии, Николаеве, организации есть в Полтаве, Днепропетровске, Виннице. Особенно интересно работают в Харькове, где ежегодно в декабре месяце проходит наша совместная конференция, отталивающаяся от Переяславской Рады. Организация харьковских писателей интересная, творческая, на ее счету заметные пасхальные вечера, которые вдохновенно готовит ее председатель, членкорр Украинской Академии педнаук, проректор ХПУ А. Романовский. Общим достоянием стал возрожденный журнал “Славянин”. Нашим большим достижением было и проведение в прошлом году празднования, посвященного 825-летию создания “Слова о полку Игореве”. Праздник 25 лет назад проходил в Советском Союзе как великое обществено-литературное событие – в Большом театре, с докладом академика Лихачева, в присутствии Правительства, Президиума Академии наук, Секретариата Союза писателей. Ныне ни Минкульт, ни Академия на дату внимания не обратили. Слава Богу, мы организовали литературно-историческую экспедицию и провели заседание секретариата по местам “Слова”: Брянск – Трубчевск – Новгород-Северский – Путивль.

На конференции мы огласили приветствие Патриарха, а вместе с нами доклады о “Слове” сделали известные нам сотоварищи и соратники по славянскому делу поэт Борис Олейник и академик Петр Толочко из Киева. Но в целом, я думаю, нам надо тщательно и внимательно и вообще – более адекватно налаживать работу с украинскими коллегами.

Ст. К: Валерий Николаевич, Союз писателей нередко брюзгливо осуждают, что вот он не может наладить связи с властями, с администрацией всех уровней, так ли это?

В. Г.: Чепуха, конечно, у Союза писателей сложилась великолепная практика работы со многими главами регионов, руководителями ряда ведомств, представителями президента на местах, с разными организациями и ведомствами, районными властями, некоторыми предпринимателями.

Знаете, не будем ничего преувеличивать, но если представители власти люди неглупые и ответственные, то эти связи налаживаются. А если это еще

руководители державного склада, духовные и эрудированные работники, то наша взаимная работа принесит серьезную помощь обществу и отечественной культуре. Надо, конечно, понимать, что время прямой государственной помощи литературе и творческим союзам прошло. Власть пока не хочет этим заниматься. Есть помощь, которую оказывают олигархические структуры тем, кто развлекает их, кто создает иллюзии социального мира и не беспокоит совесть тех, у кого она еще сохранилась. Помните, как обставлялась премия “Триумф” Бориса Березовского в Большом театре? Он пытался закупить интеллигенцию. Это в немалой степени и удалось, хотя другие, как нынче говорят, “не прогибались”.

Что же касается отношения с властями, там, где это возможно, их следует налаживать. Вот много лет я знаю некоторых руководителей Вологодской области (губернатора и его замов). Не могу судить обо всем объеме дел, которые они исполняют, не могу оценивать все их действия, но не может не вызвать уважение их помощь в возвышении памяти Николая Рубцова. Казалось, зачем затраты на грандиозный вечер в Москве, на издание книг стихов, на премию Рубцова? Но в народе это нашло понимание. Мы с радостью видели, как люди пели песни Рубцова, декламировали его стихи. Несмотря на оккупацию телевидения, экранов, площадок шоу-бизнесом, Николай Рубцов прорывался к народу и в этом году был самым востребованным поэтом. Я благодарил губернатора в Москве за его чувствование народной потребности в высокой поэзии и сокрушался, что главные руководители страны, восхваляя свои рок-вкусы, не почувствовали нужды в поэзии и музыке народного поэта России. Постоянная работа ведется в области и вокруг творчества Василия Белова. Спасибо им.

Ну, а организация знаменитых, знаковых литературно-патриотических “Прохоровских чтений” на Белгородчине и наше постоянное сотрудничество, в прямом смысле, с губернатором Е. С. Савченко позволили провести нам пленум о русском языке, участвовать в открытии памятника “Русскому Слову” в Белгороде, хотя основные мероприятия Года русского языка, на которые были отпущены государственные деньги, проводились за границей.

С губернатором Волгоградской области Максютой не раз мы встречались, проводили в Волгограде знаменитый пленум “Не отдадим нашу победу”. В Союзе писателей, на Всемирном Соборе мы обсудили и поддержали прекрасную, высказанную новым главой администрации области Бровко А. Г., идею о превращении Волгограда-Сталинграда в национальный центр патриотического воспитания в стране. И это осуществляется в городе. Назову лишь один пример. В городском лицее “Олимпия” при нашем участии, при участии журнала “Новая книга России” и “О русская земля” создан музей великого ученого, филолога с мировым именем, нашего друга, писателя, академика О. Н. Трубачева. Один из лучших отрядов юных ушаковцев при участии писателей Е. Кулькина и Л. Ивановой действует в городе, да и премия “Сталинград”, которую учредили Союз писателей и областная администрация, очень уважается. Ну, чем не работа Союза писателей и наших друзей?

Ну и, конечно, мы не можем не вспомнить традиции нашей работы с орловским губернатором и спикером Совета Федерации Егором Семеновичем Строевым. Именно в Орле в октябре 1994 года мы провели свой первый послесъездовский пленум, который и соединил нас в единое духовно-патриотическое ядро.

Там возникли наши первые литературные премии имени Бунина, Фета, Карамзина. Там мы провозгласили девиз: “Орел – третья литературная столица России”. И действительно так, ведь город Тургенева, Толстого, Фета, Бунина, Лескова, Пришвина, Леонида Андреева не может не влиять на общее духовное состояние страны, на сбережение и охрану языка. В недавнем номере “Роман-журнала XXI век” мы на обложке так и написали: “Россия надеется на Орёл!”. Одна из лучших поэтесс России И. Семенова неиссякаема, ее только что вышедшая книга “Русская камена” – образец высокой, изящной и глубинной поэзии.

Традиции заботы о культуре в Орле сохранились и ныне. Только что там проведен большой всероссийский семинар молодых с привлечением для проведения “мастер-класса” маститых писателей из столицы и других городов. Как всегда, прекрасно прошел фетовский праздник. Выходят книги орловских авторов. Хотелось бы, чтобы в Орле традиции эти не угасли.

Ст. К: Ну а связи, которые установились у Союза в области культуры и литературы в Центральном Федеральном округе, не являются ли в некотором смысле образцом для других территорий и областей?

В. Г.: Да – на фоне бездействия и нежелания Министерства культуры и Агентства по печати и массовым коммуникациям каким-либо образом оказывать содействие Союзу писателей России в организации работы вокруг литературных событий, пропаганды действительно необходимых обществу опорных, укрепляющих нравственность, патриотизм, душевную стабильность книг.

Господа Сеславинский и Григорьев составили себе близкую компанию авторов, которых приглашают во все зарубежные вояжи, на выставки, презентации. Некоторые из их любимых авторов уже покинули Россию, другие усиленно снабжаются премиями олигархического оттенка. Бог с ними, вернее Бог с нами.

Мы же стараемся ездить по стране, писатели наших областных организаций бывают в самых отдаленных уголках, в дальних поселках. Помню ехидную эпиграмму советских времен фронтовика В. Карпеко, о том, что вот “во все заграницы” ездят одни и те же писатели, а он направляется в лучшем случае на Алтай, а когда, писал он, “зазвучит военный гул, вот тогда-то я на Кубу, Вознесенский в Барнаул”. Мы и сегодня с радостью бываем у своих читателей в Барнауле на Шукшинских чтениях, в Брянске на Тютчевском празднике, в Смоленске – на днях Твардовского, в Тюмени на вручении премии Мамина-Сибиряка и т. д. И в этом смысле сегодня уникальными являются ежегодные “Дни литературы и искусства” в ЦФО, которые проводятся по инициативе полпреда Президента в Центральном Федеральном округе Георгия Сергеевича Полтавченко и работников его администрации.

Да это, во-первых, смотр литературных сил в той или иной области, это массовые встречи в городах, поселках, деревнях. Это оживление деятельности библиотек. Это обычно большая литературная конференция, пленум Союза писателей, встречи преподавателей, студентов, сельской интеллигенции, обсуждение книг, присуждение премий. За последние годы такие пленумы и встречи состоялись в Белгороде (посвященная защите и пропаганде русского языка и литературы), в Рязани (“Есенин и русская поэзия”. На встрече было 100 (!) поэтов из России), в Орле (“Русская литература на современном этапе. XI съезд Союза писателей России”), в Липецке (“Литература и искусство в нравственном воспитании”), в Курске (“Нам дороги эти позабыть нельзя. 65 лет Победы”), в Смоленске (“Рубежи истории – рубежи литературы”). Я не знаю, кто еще на современном этапе российской жизни способен был провести такие профессиональные и массовые встречи. Помню, как в сельских библиотеках и клубах Белгородчины буквально не отпускали с трибун Михаила Алексеева и Михаила Борисова; в Елецком университете студенческая аудитория три часа не позволяла уйти Егору Исаеву и Юрию Ложицу. Когда выступал Виктор Николаев и говорил горькие вещи о “безотцовщине” и “безверии”, девушки плакали, писали записки о том, что они готовы идти помогать в детдома, колонии малолетних, правонарушителей. Центральная Россия рукоплескала поэтам Николаю Рачкову из С.-Петербурга, Евгению Семичеву из Самары, Владимиру Молчанову из Белгорода, Игорю Тюленеву из Перми.

Поэзия, короткий рассказ, философское эссе замечательно воспринимались нашими читателями. И прямо скажем, литературные познания наших читателей не столь дремучи, как иногда выдает наше телевидение. Хотя будем откровенными – их реальные представления о русской и российской литературе фактически получаются только из журналов “Наш современник”, “Москва”, “Роман-журнал XXI век”. Эти встречи с недавнего времени по державной просьбе Г. С. Полтавченко и его коллег проходят с обязательным участием наших украинских и белорусских коллег, это прорыв в наше славянское единение. Мы уже убедились, что только наши усилия могут соединять друзей без навязывания приватизации, без русификации, без чванливого национализма.

Не могу не сказать и еще об одной важной инициативе – заботе, родившейся в ЦФО. В округе установлены вполне приличные финансово, а главное – престижные премии в области культуры (литература, живопись, музыкальное творчество, народное творчество), премии в области воспитания детей, сельским библиотекам. Я являюсь членом центральной комиссии, ответственным за жюри в области литературы.

Если вначале премии не привлекали особого внимания, то сейчас выдвижение на них стало важным событием и ожидается с особым вниманием.

Лауреатами премии ЦФО в области литературы стали поэты и писатели В. Костров (Москва), Ю. Ложиц (Москва), Г. Попов (Орел), В. Смирнов (Смоленск), Л. Котюков (Московская область), Н. Гребнев (Курск), В. Молчанов (Белгород), представители Рязани и Воронежа. Премия за составление антологий (4-томник) сочинений ивановских писателей (проза, поэзия, детская литература) получил литературный коллектив во главе с Юрием Орловым, председателем Ивановского отделения СПР. В общем, литературная премия ЦФО – достойное признание творчества лучших писателей! Хочется пожелать, чтобы и в других федеральных округах возникли подобные премии, как заметные вехи лучших произведений писателей России.

Ст. К: *Уже много лет Союз писателей проводит конкурс исторических писателей имени Александра Невского. Каковы его результаты? Каковы тенденции в современной литературе об истории нашего отечества, удалось ли сломать тенденцию в очернении истории русского народа? Какие лучшие книги вышли в это время? Что из новинок можете назвать? И еще какие премии созданы и вручаются при участии Союза в этом направлении?*

В. Г.: Писатели, посвятившие себя истории – подлинные труженики, писовики, исследователи. Они мастера русского слова, ибо изучают его применительно к эпохе или, скажем, времени, в котором действуют его герои.

В каком-то смысле они решают триединую задачу. Они изучают исторический материал, в нем оформляют своих героев, придают им достоверность и художественную убедительность, представляют время, которое надо сохранить в памяти.

После X съезда в 1994 году мы пытались создать историко-патриотическое ядро Союза, обозначить наиболее важные темы и направления, где мы бы хотели иметь художественный результат. Прошу прощения за этот невольный канцеляризм.

Мы провели также Соборную историко-духовную встречу, посвященную истории и ее воплощению в современной художественной литературе, организовали обмен мнениями, пригласив ведущих писателей, обратились к святейшему Патриарху с просьбой высказаться по этому вопросу.

Мне кажется, что его слово было во многом откровением для тех, кто обратился к истории нашего Отечества. Он призвал к ответственности перед веками, к истинному и полнокровному отражению истории времен Киевской и Московской Руси, к событиям XVIII и XIX веков.

Можно назвать историческим писателем первой звездной величины Юрия Ложица, чей авторитет в описании эпохального подвижнического подвига Кирилла и Мефодия незыблем, и его изыскания есть открытия и высочайший рубеж, раскрывающий этот великий подвиг. Получение Ю. Ложицем Большой литературной премии и премии Александра Невского составило и радость и гордость Союза. А ведь за ним и книга “Дмитрий Донской” в серии ЖЗЛ, которой он может гордиться, ибо ее первый выход совпал с тем, что великий воин и князь был причислен к лику святых. А еще соединительная, братская книга о Григории Сковороде, этом украинском и старорусском мудреце и философе. Писателя взрастила наша литература, он неутомим в работе Союза и Всемирного Русского Народного Собора. Он с нами в Чечне и Орле, Липецке и в Крыму, Архангельске и Иркутске. Слава Богу, он не ввязывается в мелкие склоки, с презрением относится к врагам Союза.

Ну а возросший и ставший знаковой фигурой в нашей литературе Александр Сегень! Разве не открыл нам художественно место Ивана III в нашей истории его роман “Державный”, не прочертил нам византийские, латинские, европейские монастырские, церковные связи прошлого с сегодняшними днями, не показал убедительно вырастание державных тенденций в России. Его погружение в тему Александра Невского еще ждет своего завершения, а духовный опыт после успешно экранизированного его романа “Поп” воплотился в только что вышедшем повествовании “Филарет Московский” в серии ЖЗЛ. Авторитет Сегеня позволил ему возглавить ассоциацию исторических писателей при Союзе писателей.

А как мне не хотелось отпустить из Союза писателей нашего сопредседателя, доктора исторических наук, профессора МГУ Сергея Вячеславовича Перевезенцева! Его книги “Тайны русской веры”, “Смысл русской истории”, “Русский выбор”, “Россия. Великая судьба” произвели буквально переворот в общественном мнении об истории русской общественной мысли, о русской философии, которую десятилетиями не замечали или отрицали, ибо она выражалась в религиозных категориях. Отпустить же его пришлось на святое дело, на подготовку учебников по русской истории. Четыре из них, для IV–VII классов им уже подготовлены, и мы радуемся, что это сделал наш коллега.

Очень важно, что Литературный институт возглавляет писатель такого мировоззренческого масштаба, как Б. Н. Тарасов, активный член нашего Союза, его секретарь. Его книги “Куда движется история?” и “Историософия Ф. И. Тютчева в современном контексте” раскрывают глубины русской мысли, ее предостережения и пророчества.

Я хочу сказать здесь о прекрасной работе, которую вел и ведет Союз писателей, создавая панораму художественной исторической литературы России вокруг премий Союза писателей. Это как вехи нашей работы. Первая такая премия была обозначена в Орле – премия Карамзина. Это дало толчок историческому направлению. К сожалению, она не выросла материально и сейчас слегка мерцает. Две других, более заметных, определивших наше отношение к истории Великой Отечественной войны – это премии “Сталинград” и “Прохоровское поле”, которые вручаются на знаменитых литературно-патриотических “Прохоровских чтениях” на Белгородчине. Среди этих лауреатов Михаил Алексеев, Юрий Бондарев, Михаил Годенко, блистательный исследователь истории Отечественной войны, член нашего Союза Анатолий Александров из Смоленска, неутомимый собиратель героики и аналитик великих битв и поражений из Твери А. Огнёв, автор военно-духовной книги “Священная война” полковник С. Куличкин.

Но подлинным собирательным центром российской исторической литературы стала премия Александра Невского. Семь лет назад по предложению ныне покойного Сергея Лыкошина мы познакомились с петербургским предпринимателем, строителем-реставратором, православным человеком Александром Эбралидзе. Он был известен тем, что помимо своей профессиональной деятельности поклоняется деяниям и духовным подвигам Александра Невского. Это человек, который влюблен в историю, в архитектуру, культуру, быт России и пытался их воспроизвести в реставрированных им зданиях Елисейских палат, Шереметьевского дворца и других постройках. Он и стал вместе с Союзом писателей России соучредителем этой престижной и эффективной премии. Недавно в национальной библиотеке Румянцева, библиотеке великого просветителя и основателя этого сокровища, состоялось открытие представительной экспозиции “Семь лет премии Александра Невского”.

Можно было убедиться, сколь широк и разнообразен выбор самых значительных, важных и интересных книг по отечественной истории. Как говорится, на все высокотребовательные вкусы. Может быть, самое главное, что мы ежегодно получаем на конкурс 150–200 и больше книг по отечественной истории, о выдающихся личностях и героях, о тех, кто служит отечеству и народу нашему. Думаю, что больше никто в России за последние годы не имел такой полной картины того, что происходит в нашей литературе. Никакое министерство, никакие издательства, никакая партия, никакая структура. Путем колоссального напряжения, серьезного рецензирования, внимания наших сопредседателей Александра Сегеня, Сергея Котьяло, секретариата СП и двух замечательных наших соратников Марины Гусевой и Александра Велигоненко мы имеем большую прессу, потрясающий церемониал вручения премий в С.-Петербурге.

В прошлом году мы установили премии Александра Невского и для экспозиций исторических музеев вместе с музеями А. С. Пушкина в Москве и С.-Петербурге. Нам рукоплескали музейщики Хабаровска, Сростков, Кижей, Вязьмы, Государственной библиотеки. Вот они – наши помощники и друзья.

А премии под хрустальными люстрами Шереметьевского дворца вручались за полновесный том о династии Романовых “Романовы. На благо России” директору Российского Государственного исторического архива из С.-Петербурга А. С. Соколову, Герою Советского Союза Владимиру Карпову

за книгу “Генералиссимус”, выдающемуся ученому Анатолию Филипповичу Смирнову за плод его жизни – книгу о Карамзине, Олегу Михайлову за книгу о генерале Ермолове, Илье Глазуну за написанное старым петербургским слогом эпическое воспроизведение истории XIX века “Россия распятая”, за поэтическое слово о Ксении Петербургской – одной из самых классически изящных поэтесс сегодняшнего дня Ирине Семеновой из Орла. А какое благоговение вызвали возвышенные воспоминания Анастасии Ширинской, нашей соотечественницы из Севастополя, жившей в Тунисе и на 90-м году жизни дождавшейся русского гражданства и паспорта. Я откровенно горжусь премией Союза писателей и ОАО “Талион” – “Александр Невский”.

Что касается других премий, назову лишь несколько из них. С государственной компанией “АЛРОСА” мы уже несколько лет проводим вручение большой и значимой награды, которая была обозначена как “Большая литературная премия”. По имени и сути это действительно Большая премия (да и по финансовой составляющей она для нашего писательского брата ощутима).

Первым был награжден наш блистательный исторический романист Дмитрий Балашов за серию романов “Государи Московские”. Каждый, кто хотел бы ощутить время становления Московского княжества, его перерастания в Великое княжество Московское, а затем в царство, должен был читать серию его романов, начиная с “Бремени власти”. Жаль, ушел от нас этот великий знаток державности, древности, православного начала и того древнерусского языка, в котором пророс и вызрел великий русский язык сегодняшнего дня.

А дальше – блистательный ряд нашей литературы с ее новыми открытиями и вершинами в творчестве: Егор Исаев, Виктор Лихоносов, Виктор Потанин, Константин Скворцов, Семен Шуртаков, Михаил Ножкин, Леонид Бородин, Альберт Лиханов, Станислав Куняев и другие, кто и выражал в эти годы большую русскую литературу.

В этой премии ее подразделением стали книги якутских писателей и тех, кто их переводил. Ну, как не назвать эпическое произведение о Чингисхане Николая Лугинова, осмысливающее историю возникновения больших империй, или высокую поэзию народной поэтессы Якутии Наталии Харлампиевой. Заметны были переводы с якутского Геннадия Иванова и Вадима Дементьева

Премия “Имперская культура” имени замечательного мыслителя, секретаря Союза писателей Эдуарда Володина – это просто масштабный разноцветный ковер отечественной культуры и духа. Ежегодно 19 января, в день Крещения, в зале Союза писателей собираются сотни людей. Это писатели, священники, композиторы, художники и ученые, главы администраций и военные, кинематографисты (в основном документалисты) из Сибири, Поволжья, Кавказа, Урала, Москвы, Украины, Белоруссии – это все державники, верные служители русской идеи, идеи православия, народности, совести, чести, патриотизма. Валентин Распутин, член жюри, вручая премию, все время разводит руками и говорит: “В прошлом году казалось, что такого разнообразия талантов больше собрать невозможно, но вот все повторяется из года в год”.

Премия безденежная, но престижная, ее основали Союз писателей, фонд Иоанна Златоуста (Владимир Володин) и журнал “Новая книга России”. Его редактор и создатель сайта “Русское Воскресенье” неутомимый Сергей Котьяло, сопредседатель Союза писателей. Если Архимед просил рычаг, чтобы перевернуть мир, то мы хотим, чтобы вокруг Союза было больше таких соратников, как Сергей Котьяло, и мы с товарищами удержим наш Союз писателей от разрушения и падения.

Исторические новинки – пожалуйста, их немало. Я уже несколько раз писал об исторических открытиях, яростной доказательной критике фальсификаторов истории в книгах Игоря Шумейко. Он подлинный художественный энциклопедист. А вот только что одновременно прочитал две книги. Прочитал взахлеб, как будто эти книги обо мне, о моем детстве, юношестве, зрелости, об атмосфере наших лет, о победах, сомнениях, поражениях, о неиссякаемой надежде на высокую, лучшую судьбу России. Я хочу написать рецензию или впечатления об этих изданиях, об их авторах и, может быть, назвать ее: “Свидетель истории и свидетель у истории”.

Это книги двух абсолютно разных людей, разных по методу познания мира, по стилю, по манере изложения. Это книги двух членов нашего Союза Александра Ивановича Вдовина “История СССР от Ленина до Горбачева”

(“Вече” 2011 г.) и Александра Андреевича Проханова “Хождение в огонь. Путешествие по собственной жизни” (Молодая гвардия, 2011)

Профессор А. Вдовин, профессиональный историк, ученый, который все выводы глав своей работы подтверждает документами, материалами, сравнивает их с разными источниками. Он осторожен, но объективен. Он имеет свое мнение, но предпочитает выстраивать его на фоне чужих взглядов, многих цифр и противоположных мнений. Он уверен в будущем России, в единении российского народа.

Проханов как свидетель истории выстраивает ее на основе собственных взглядов, собственного участия в событиях времени. Он объездил полмира. Он наш разведчик и путешественник, наш Пржевальский и Миклухо-Маклай, наш Джек Лондон и Хемингуэй. Он и политический сейсмограф, и социальный хиромант, и сознательный авантюрист. Он зрит в корень и обращает политический свой взгляд к небесам. Я, пока меня не убрали из “Комсомолки” в 1980 году за то, что привел в авторство газеты сотни русских писателей, открыл “русское направление” и вывел на полосы газеты подлинны авторитеты отечественной культуры (М. Шолохова, В. Белова, В. Распутина, Г. Свиридова, И. Глазунова и др.); когда один из секретарей ЦК партии мне сказал: “Вы не прислушиваетесь к мнению ЦК, хотите закрыться именами великих...”, я понял, что мыслями и разговорами с великими надо не только “закрывать”, а надо эти мысли и слова вывести к читателям, к народу. Позднее я даже хотел писать книгу: “Я видел всех...”, но стремительная жизнь не позволила это сделать. А Проханов сделал это. Он стал свидетелем событий в Афганистане, Кампучии, Конго, Никарагуа, Эфиопии. Он был в Белом Доме в сентябре и октябре 1993 года, он был в Чечне во время двух войн, он писал “Слово к народу” в 1991 году. Он создал две “красно-коричневые”, а точнее, красно-русские газеты, разработал мистическую теорию пяти русских империй, он убежденно разрабатывает методику русской победы.

А. Вдовин “раскручивает” историю Советского Союза на основе экономических успехов, провалов и взлетов, конституционного оформления СССР, политической борьбы, деятельности оппонентов Сталина (Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Хрущева), показывает их ожесточенные схватки, от которых “чубы трещали у народа”. Он пишет о подвиге и драме индустриализации и коллективизации, о прорыве в космос и крушении державы.

Историк не склонен соглашаться с версией В. М. Молотова, который сказал: “Остатки врагов разных направлений существовали и перед лицом грозящей фашистской агрессии могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны”. Тем не менее, целый параграф в своей книге А. Вдовин обозначил как “удар по потенциалу “пятой колонны”. Он пытается распутать клубок репрессий, показывает природу различных “чисток”, стремление оппозиции убрать Сталина и его соратников – это, конечно, были реалии жестокой борьбы. Ответ был адекватным, а иногда и неадекватным. Автор приводит различные мнения: маршала Жукова – “Не будь 37-го, не было бы и лета 41-го”, и рядом мнение философа А. Зиновьева – “Если бы не сталинские жестокие меры, нас уже в 41-м году не было бы”. История, конечно, не имеет сослагательного наклонения, но вот Советский Союз выстоял в великой войне! Выстоял – и победил.

Книга А. Вдовина рассказывает о героических свершениях, о грандиозных прорывах в промышленности и науке, о том, как Сталин и руководство страны все больше и больше признавали решающую роль русского народа в нашей истории, в жизни Советского Союза. В ней доказательно повествуется и о постоянных атаках извне и изнутри на русскую идею, русские смыслы, русскую душу. И в этом смысле просвечиваются корни современной русофобии.

“Хождение в огонь” Проханова – это, как написано в аннотации, “русская история, не занесенная в учебники и исторические хроники, совпавшая с писательской судьбой так тесно, что порой трудно различить, где жизнь диктует строчку, а где налетевший исторический вихрь”.

Вот такие книги-события и определяют общую картину писательского служения Родине.

Ст. К: Ну, а о “больших” проблемах литературы что Вы скажете? Как она развивается, что скажете о ее проблемах, ее взлетах или затухании?

В. Г.: А вот об этом, Станислав, давайте поговорим позднее. Мы в газете “Российский писатель” затеваем большой литературный разговор “Пути и перепутья современной литературы”. На ее страницах, на сайте поставлены острые и современные вопросы:

1) В чем противоречия между “актуальной” литературой и литературой традиционной?

2) Что происходит в литературе, издаваемой на русском языке?

3) Каким вам представляется литературный процесс в вашем регионе?

Хотелось бы, чтобы ваш журнал участвовал в этом. Я думаю, что резкая и бескомпромиссная статья Николая Дорошенко “Литература в век индустрии слов” породит довольно острый (хотя я бы надеялся скорее на глубокий, заинтересованный и бережный) разговор. А он нужен и как некий “смотр”, выявляющий высокий ряд современных художественных произведений, и как некий прогностический разговор о будущем писательского слова.

Ст. К.: Вы в третьем номере “Нашего современника” за этот год напечатали очень важное, на мой взгляд, размышление-эссе “Итак, о русском”, где затрагиваете судьбоносные вопросы состояния русского народа, русской культуры, положение русского языка. Да, все мы знаем Ваше место в утверждении русской идеи, национального самосознания и русской культуры. Очень важным кажется ваш обзор “Россики”, части обширной литературы о России, которая появляется у нас и которую пытаются не заметить, отодвинуть от внимания общества, от наград и премий. Важен и обзор фальсификаций отечественной истории. В стране продолжаются односторонняя борьба с национализмом, обвинения в нетолерантности, которую пытаются приписать лишь русским людям. Нет, на мой взгляд, ярко выраженной позиции поддержки корневой нации России – русских. До сих пор боятся употреблять слово “русский”, заменяют его словом “российский”. Нет в паспорте национальности “русский”. Так кто мы? Какое место, на Ваш взгляд, должен занимать Союз писателей России в обсуждении общерусских проблем, защите и утверждении русского языка, в борьбе за поддержку реалистической, духовной, патриотической русской литературы?

В. Г.: Да, к сожалению, по-моему, власть, юридические органы, общественные организации положительных выводов из событий прошлого года в русской провинции и на Манежной площади не сделали. Скорее даже наоборот: снова взвился набивший оскомину крик об угрозе ксенофобии, о русском шовинизме, снова – попытки заклеить нашу историю как цивилизационно неполноценную. С телевидения изгоняются темы русского народа, наша песня (помните хоть один фестиваль?), народные коллективы, которых, слава Богу, уже немало в провинции. Вот все виды рок-музыкантов с помощью авторитетов властного уровня – это якобы вершина музыкального вкуса и “подлинное искусство”...

Русский народ ждет не дождется с 1945 года обращения руководителей страны со словами уважения, благодарности не только за его терпение, но и за высокое мужество, работоспособность, поддержку державы. Он ждет слов прощения за многочисленные страдания и неоправданные надежды. Почему мы все сочувствуем жертвам Хиросимы, жителям Дрездена, попавшим под бомбардировки в 1945-м, жертвам Холокоста, а 16 (!) миллионов мирных жителей России, Украины, Белоруссии, погибших в результате войны, вне памяти не только забывчивой и виноватой в их смерти Европы, но и собственного государства! Кто заставил нас забыть эти жертвы? Кто готов поминать все миллионы жертв, кроме русских и других славян?

Наш Союз был всегда Союзом писателей России, причем всех её национальностей и народов. Но было бы глупо и невежественно не быть Союзом, выражающим художественные и исторические ценности русского народа.

Помню, как в 70-х годах мне, руководителю издательства “Молодая гвардия”, попало в тогдашнем агитпропе ЦК за выпущенную книгу “Связь времен”, где ученый Федор Нестеров показал неразрывную линию исторического развития отечества: от языческой Руси до времен Петра Первого, Екатерины, Александра III, до революционной красной России, до победоносного 1945 года. В агитпропе мне выговаривали: “У нас новая общность, качественно новая страна, и никакой органичной связи веков нет. Мы новый мир!” На-

ши попытки доказать что было, есть и будет вековое единство нашего народа, не было принято. Глава агитпропа Александр Николаевич Яковлев грозил нам: “Вы не обладаете классовым подходом”. Правда, через 25 лет стало ясно, о каком классе он говорил.

Много лет на наших пленумах, встречах, “круглых столах” ставился вопрос о русском языке, о его угнетении, пренебрежении им, засорении иностранщиной.

Наши подлинные словотворцы и защитники его Валентин Распутин, Василий Белов, Владимир Гусев, Борис Тарасов, Владимир Личутин, Евгений Носов, Владимир Костров, Дмитрий Балашов, Виктор Потанин, Анатолий Байбородин, Виктор Лихонос, Юрий Лощиц, Виктор Гуминский, Евгений Троицкий и многие другие – это подлинная русская дружина, охраняющая великий и могучий наш язык. Мы не раз поднимали вопрос о проведении важных общероссийских литературных юбилеев, об обозначении как государственной державной даты – Дня русского языка. Мы не можем не приветствовать решение Президента объявить 6 июня Днем русского языка. Конечно, пока это только декларация, она требует серьезных усилий общества, власти, всех граждан.

Мы лишаемся независимости не только потому, что упал общий объем производства, двадцать пять миллионов соотечественников оказались за пределами России, ослабла наша оборонная мощь. Мы теряем культурную независимость, оказавшись на задворках цивилизационных стандартов. Как сказал профессор ИМЛИ В. Ю. Троицкий, такого рода стандарты разрушают творческое восприятие языка, большая часть молодежи не владеет языком на культурнообеспечивающем уровне. Стремительно снижается уровень духовных запросов, исчезают навыки чтения, а изучаемые школьниками тексты сократились в 7 раз (!). То есть ученик уже не знает возвышенных текстов Фета, Кольцова, Гумилева. Я не говорю о Ломоносове, Державине, Жуковском, Ф. Глинке, Никитине, Некрасове, Апухтине. До них ли сегодняшнему недорослю... Что-то из Пушкина, немного Лермонтова, а дальше вперед в цивилизованное общество без Блока, Есенина, Твардовского, Рубцова. Идет заметная дебилизация молодого поколения, теряется культурная независимость России, пренебрежение русским языком отбрасывает страну в интеллектуальном плане на столетие назад. Ну, а что касается национальных литератур, мы просто не можем себе помыслить наш общий литературный процесс без их участия. У нас прекрасные взаимоотношения с Союзом писателей Якутии, Коми, Ханты-Мансийска, Башкирии, Дагестана и других республик. Недавно (23 февраля) делегация Союза была в Грозном. Там интересные писатели, построен дом для Союза, выделены средства для оплаты его деятельности. Для Главы республики предусмотрен и обустроен специальный кабинет в Доме писателей, где он будет постоянно встречаться с писателями. Это хорошо. Но если честно, то работу с национальными писателями следует усиливать, более интенсивно следует заняться проблемой переводов, возрождением великой школы переводчиков.

А что касается борьбы с ксенофобией, то тут главное – работа по утверждению русского языка, русской культуры одновременно среди русских людей и тех, кто приехал к нам и готов воспринимать нас, понимать нас.

Ст. К: *Сохранились ли у Союза международные связи? Что было наиболее важным за эти годы?*

В. Г.: Министр иностранных дел России С. В. Лавров прислал на наш последний съезд приветствие, в котором сказал, что Союз писателей России явился одним из важных проводников народной дипломатии, ибо писателям верят и доверяют, идут на контакт с ними, через их творчество узнают страну. И это действительно так, ибо русская литература, может быть, говоря современным языком, самая большая духовная инвестиция России за рубежом.

Не “Голубое сало”, конечно, и иже с ним, а та, классическая литература, которая одухотворяла мир в XIX–XX вв., и её продолжение в сегодняшних лучших литературных произведениях.

У нас хорошие отношения с писательскими союзами Китая, Сирии, Вьетнама...

Всем памятна поездка делегации Союза писателей России в Китай несколько лет назад, организованная с помощью Внешэкономбанка, когда писа-

тели побывали и выступили в Пекине, Харбине, Тяньцзине, Шанхае, Нанкине и других китайских городах. Нас встречали в университетах, отделениях Союза писателей Китая, учреждениях культуры. Трогательные встречи были с переводчиками, с теми, кто изучал русский язык. Интерес к нему снова возрос. Так, вспоминаются слова, сказанные мне в 1999 году главой китайской делегации, прибывшей на 200-летие А. С. Пушкина: “Вы знаете, у нас Пушкина любят больше!” Я слегка изумился: “Почему вы так считаете?” Он в ответ: “У вас сколько людей читает и любит Александра Сергеевича?” Я с вызовом ответил: “Да все 143 миллиона, включая младенцев!” Китаец улыбнулся и ехидненно ответил: “А у нас 500 миллионов, кто учил русский язык!”

Крыть было нечем. Больше так больше.

Помню, как в Шанхайском университете студенты читали по-китайски и по-русски из “Байкала...” В. Г. Распутина. Они очень точно и абсолютно верно делали ударения. Вернее, текст они не читали, а декламировали по памяти. Они скорее “играли” текст, жестикулировали, качали в нужных местах головами, с удивлением смотрели друг на друга. А ведь там шла речь о волнах, о ветре, о стихии Байкала. Очень хорошо чувствуют язык автора...

Мы привезли двенадцать медалей А. М. Горького лучшим переводчикам. Встречали они их с радостью, но и огорчались: “Почему Россия нас забыла?” Явление, характерное для нынешней России – не поддерживать главных союзников, тех, кто нас искренне любит, кто продвигает нашу культуру, наш язык, наш образ в другие страны и другие миры.

Традиционно у нас хорошие связи с писателями арабских стран. Создан Совет по арабской литературе. Мы, привлекая средства наших друзей, провинциальных властей, посетили Тунис, Ливию, Египет, Иорданию, Сирию, Эмираты, Ирак, Иран...

Три года назад на Всеарабской встрече в Египте нам предложили создать, точнее, восстановить мощное Движение солидарности писателей стран Азии, Африки и Латинской Америки: В 70–80-х годах прошлого века это была мощная, влиятельная организация, – и мы, Союз наших писателей, наша страна имели много друзей в Индии, Пакистане, Турции, Иране, Египте, Тунисе, Бразилии, Чаде, Гане, ЮАР и других странах.

Мы помним имена Муина Бсису, Абдаррахмана аль-Хамиси, Алекса Ла Гумы и других классиков национальных литератур стран третьего мира. На рубеже веков это движение затухло. Кто у нас нынче знает и чтит писателей двухмиллиардного мира?

Так вот, в Каире к нашей делегации обратились представители Союзов писателей Египта, Сирии, Ганы, Индии с предложением воссоздать Движение солидарности.

Мы приняли предложение. Надо было создать делегацию, по крайней мере, из 5–7 человек и направить в Каир. Мы были нищими, а Министерство культуры (тогда его возглавлял М. Швыдкой) заявило, что средств на это не предусмотрено. Да, средств на развитие творческих, культурных писательских контактов с мировым писательским сообществом для нашего Союза у Министерства не нашлось. Сейчас, когда в арабском мире произошел обвал, писательские связи, конечно, тоже обрушились. Но мы проявили солидарность с народами и нашими коллегами в Ливии и Сирии. Возмутительно и позорно реагирует Европа на разбой НАТО, беспощадное уничтожение мирного населения Ливии, агрессию под видом гуманизма. Европа уже привыкла к бандитским бомбардировкам Белграда, Багдада и сейчас Триполи. Писатели создали Комитет солидарности с народами Ливии и Сирии, в который вошли известные общественные деятели, ученые и деятели культуры. Кто-то же должен протестовать против международных бандитов НАТО.

Мы постоянно поддерживаем контакты с писателями Болгарии, Германии, Сербии, Македонии, Черногории, Польши, Австрии...

На этом поле немало делается Московской писательской организацией.

Что касается постсоветского пространства, то здесь впечатляющей и по своему исторической является поездка в Южную Осетию делегации Союза писателей, которую помогли нам осуществить пограничники.

Это была действительно миссия. Через год после агрессии Грузии мы посетили все школы Цхинвала и провели открытые “Уроки мира”. “Такой большой делегации писателей и деятелей культуры в Южной Осетии не было и во времена СССР”, – говорил, благодаря нас, Президент Южной Осетии Кокойты.

Всюду: в школе, на рынке, у пограничников, в административных зданиях – висели плакаты, на которых благодарили Великую Россию за помощь и спасение от уничтожения народа Южной Осетии. Мы чувствовали значимость нашего приезда. Все писатели Южной Осетии на своем собрании проголосовали за то, чтобы их организация вошла в Союз писателей России. И это их право!

И еще одна великая традиция, которая утвердилась в нашем Союзе. Все больше и больше людей хотят связать свои действия с нашим Союзом.

Два великих заботника, подвижника и строителя пришли к нам с высоким, я бы сказал, трепетным предложением – поставить памятник Александру Пушкину от имени Союза писателей России в Болгарии. Эти замечательные люди – Валерий Петрович Мельников и Игорь Петрович Новоселов, – оба бывшие военные, командиры. . .

“Мы знаем вас как великих патриотов и хотим, чтобы ваш авторитет рос, в том числе и за рубежами России. Мы готовы зарабатывать, находить средства и заявлять о нашей культуре. . .”

Конечно, мы их поддержали. Первый памятник А. С. Пушкину установлен в Болгарии, в Шуменском университете. На следующий год, в Лицейский день 19 октября в дар Сербии от Союза писателей России был передан и установлен памятником Александру Сергеевичу Пушкину в центральном сквере рядом с памятниками святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, словенским учителям, и сербскому просветителю Вуку Караджичу. К памятнику пришли тысячи сербских студентов, писателей, ученых, военных. . .

Это было серьезное культурное событие в жизни наших народов, ибо на следующий день в Сербию прибыл Президент России Д. Медведев, и многим казалось, что памятник воздвигнут на средства государства. Мы не отрекались от этой версии, хотя памятник создан на добровольные пожертвования, собранные нашими коллегами. В. Мельников и И. Новоселов сейчас консультанты Союза писателей и нашего Пушкинского центра. Мы с ними установили памятники нашему гению во Вьетнаме, Казахстане. . . С радостью открыли памятник в Нальчике, установленный рядом с памятниками классикам национальной литературы, секретарям правления Союза писателей, фронтовикам, нашими друзьями Кайсыну Кулиеву и Алим Кешокову.

Триумфом явилось возведение памятника Пушкину в Африке. Эритрейцы всерьез говорят, что пушкинский Ганнибал родом из их земель. Ныне бронзовый А. С. Пушкин стоит на центральной площади столицы Эритреи. Табличка на русском и эритрейском языках гласит, что это дар писателей России народу Эритреи.

Ну, чем не народная дипломатия! Этой осенью памятник будет открыт в Ереване. К нам обратилось посольство Ирака с просьбой поставить бюст великого русского поэта в Багдаде. Конечно, это сложно, особенно в условиях сегодняшних, но мы будем стараться. . . Свою заявку сделала нам Колумбия. Возможно, привезем бюст Пушкина и в Грецию, на Корфу, где он станет рядом с адмиралом Ушаковым.

Также недавно Союз писателей России открыл памятник Пушкину в столице Вьетнама Ханое. Об этом писали все газеты Вьетнама, сообщали центральные радио и телевидение.

Бюст А. П. Чехову от имени нашего Союза поставили в Коломбо, столице Шри-Ланки, у гостилицы, где великий писатель останавливался в своей поездке на Дальний Восток.

Вот такие культурные наши международные связи, лишенные какой-либо государственной поддержки. Но мы продолжаем развивать эти связи, исходя из нашей общедержавной, культурной позиции.

У нас почти сто членов Союза, прошедших дипломатическую школу. В одном МИДе 70 дипломатов входят в литературное объединение, не без мягкого юмора названное “Отдушина”. Сам министр С. Лавров – член нашего Союза, хороший поэт; его баллада “Посольский приказ” – некий поэтический исторический сказ о наших дипломатах. В этом году стараниями нашего секретаря В. Масолова, чьи книги презентовались в Испании и Англии, мы сумели провести литературный симпозиум “Дипломатия. Тютчев. Слово”.

Ст. К.: *Какие дальнейшие планы вынашивает Союз писателей?*

В. Г.: Планов, конечно, “громадьё”. Хватило бы сил и помощников. Хотя, надо сказать, что мы обрастаем целым рядом творческих групп, ассоциаций и союзов, близких нам по духу и направлению деятельности. Вот действующие и начинающие действовать: **Союз православных писателей** (В. Крупин); созданное пять лет назад Движение “Добрые люди мира” (“**Мир добра**”) (Н. Дроздов, В. Ганичев); **Совет по возрождению деревни** (А. Арцыбашев); **Ассоциация духовных писателей** (А. Хлопецкий); принимаем участие в самоорганизации “**Граждане за себя**” (И. Ашурбейли) – самоорганизация групп, коллективов, литературных объединений, учебных центров, школ, кооперативов. Завоевал признание сценаристов и документалистов работающий уже седьмой год **киноклуб “Небесный град и земное Отечество” имени Сергея Лыкошина**. Особую роль мы отводим создаваемому вместе с Международным Шолоховским комитетом (председатель А. Черномырдин) **Шолоховскому центру**. Мы отвели помещение внизу здания, где будет зал встреч, семинаров для тех, кто утверждает шолоховскую традицию, изучает творчество М. А. Шолохова. В двух залах будут постоянные выставки. Одна из них: “Шолохов в Москве” (известно, как пытались вытолкнуть Шолохова из столицы “неистовые ревнители”). Во втором – выставка, о которой мы договорились во время встречи с губернатором Ростовской области В. Ю. Голубевым. Мы заключили с ним соглашение о наших совместных действиях по пропаганде шолоховского наследия, и будет постоянно действующая выставка “Ростовская земля – земля Шолохова”. Сейчас мы приступили к сбору экспонатов Шолоховского центра. Уже поступили ценные издания, письма, автографы, книги, нам привозят предметы казачьего быта и т. д. Шолоховскому центру – быть!

При Союзе писателей с 2003 года действует **Центр патриотического и духовного воспитания имени святого праведного адмирала Феодора Ушакова**. Мы проводим вместе с Движением поддержки флота (М. Ненашев) Ушаковские встречи и чтения. Особой нашей заслугой следует считать создание “**Движения юных ушаковцев**”. При участии членов Союза писателей такие отряды ушаковцев созданы в Мордовии, Волгограде, Москве, на Украине. Эту работу вместе с Центром ведут журналы “Новая книга России”, “О русская земля”.

Союз писателей проводит детский литературно-художественный конкурс “Гренадеры, вперед!”, в котором участвуют ребята с Алтая, Урала, из Архангельской, Орловской, Волгоградской областей, Украины, Белоруссии... Особенно много талантов на Кубани и Белгородчине. Победители встречаются в Манеже на православной выставке с Патриархом, получают компьютеры, которые им приобретает компания “Гренадеры” (В. Гаврилов), подарки, библиотеки современных писателей.

С художественными произведениями для детей работает Ирина Репьева. Вместе с другими энтузиастами они проводят ежегодный смотр лучшего из того, что пишут для детей, конкурс А. Толстого.

Мы заметили в последнее время, что в журналах, изданиях все чаще и чаще печатают “сказки” (!). “Что бы это значило?” – спросил я на секретариате. Решили провести встречу сказочников. А у журнала “О русская земля” есть опыт собирать сказочников, в Союзе был даже целый “Клуб сказки” из Одинцово. Уже несколько лет Геннадий Иванов участвует в Ершовском конкурсе сказок, который проводится в Ишиме.

“Рубежи истории – рубежи культуры”. Таким был июньский пленум в Смоленске, и мы чтим эти рубежи. В этом году мы проведем секретариат в Калуге и Москве в связи с 70-летием первой, важнейшей победы советских войск под Москвой в 1941 году.

А 2012 год – год чрезвычайно важных, знаковых исторических дат. 1612 год – год великого ополчения Минина и Пожарского, год освобождения Москвы от иноземцев, ляхов, католиков. 1812-й – год Первой Отечественной войны, Бородинской битвы, год оставления и освобождения Москвы.

Наш постоянный фестиваль “Бородинская осень” стал сентябрьской приметой Можайска и Бородино. Внутри его “круглый стол” “Литература о войне 1812-го” (ведет М. Ганичева), Клуб патриотической песни (М. Ножкин), “Народная песня” (Т. Петрова). Фестиваль благословил Святейший Патриарх, ведутся подготовительные работы, чтобы был поставлен памятник поклонения русского воинства Одигитрии – иконе Смоленской Божией Матери.

Есть и проекты, над которыми следует потрудиться всем, не ожидая, что кто-то будет за нас работать. Вот, например, в Орле на своем съезде несколько лет назад мы приняли участие в закладке крупнейшей научно-технической библиотеки в России. Власти Орла, его культурные органы решили предоставить возможность собирать там книги из всех областей писателям России. Сейчас Г. Попов и наши консультанты разрабатывают положение об этой “Библиотеке писателей России”. Надо подумать, как туда отправлять книги, как их классифицировать, ввести в “сеть”.

Важным для нашего Союза будет проведение в этом году Всероссийского семинара молодых писателей с приглашением молодых литераторов Украины, Белоруссии, Прибалтики, Средней Азии. Семинар организует Международный литературный фонд (И. Переверзин) и Союз писателей (Л. Баранова-Гонченко).

На пленуме Союза писателей в мае наш сопредседатель, полковник Н. Ф. Иванов остро поставил вопрос о такой “военной литературе”, которая не только не помогает воспитывать защитника Отечества, не вдохновляет его, а приучает держаться подальше от армии. И это не простой, не чисто художественный, не сугубо эстетический вопрос. Глубокой осенью мы проведем семинар-встречу тех, кто озабочен состоянием нашей армии и нашей военной литературы.

Только что приехал из Мордовии, где был приглашен Патриархом на празднование 20-летия епархии. Мордовская республика замечательная земля. Здесь мне посчастливилось участвовать десять лет назад в прославлении в лике святых адмирала Ушакова, быть на освящении Алексием II грандиозного Свято-Федоровского храма. А сейчас Патриарх Кирилл освящал несколько новых красивых храмов, паломнических центров, встречался с верующими, награждал многодетных матерей, обращался к молодым — оставаться на земле, беречь ее, украшать ее. Да, тут, в Мордовии, подлинная симфония духовной и державной власти, понимание необходимости единства действий для развития экономики, социальной сферы, культуры. Республика готовится отметить 1000-летие со дня вхождения мордовских земель в Россию. Вот это действительно наш общий праздник, и мы отметим его. Мы договорились с главой республики Н. И. Меркушкиным и секретарем Мордовской писательской организации А. Дорониным провести пленум Союза писателей России о национальных литературах и дружбе народов в дни празднования Мордовией своего знаменательного юбилея.

И закончить хочу стихотворением Александра Прокофьева “На темы самокритики”, написанным в 1959 году.

*Нам кое-что простит эпоха,
Отлюбит с нами, отгрустит,
Но что Россию знаем плохо,
То уж, наверно, не простит!*

*Посмотрит строгими глазами,
И спросит, может, на ходу:
“Ну что вы видели в Рязани
Ну... всё равно в каком году?”*

*А что ответим: “Не бывали,
Все собирались как-нибудь...
“Рязанцы звали?” — “Очень звали!” —
“Другой был путь?” — “Какой там путь!”*

*Сидели, дружно балагура,
Иль, скажем, в молниях, в громах
Сводили, сталкивали бури
В больших писательских домах.*

*Одни кричали: “Любо! Мило!”
Другие тоже: “Знаем вас!”*

*В таких сраженьях сам Ермилов
Не раз участвовал, не раз.*

*А за полями, за лесами
Корабль качался по волнам,
Не до Орла, не до Рязани,
Не до Урала было нам...*

*Дела, дела... Да лучше вроде,
Но все равно из года в год
Иные в подлинном походе,
Иных не вызовешь в поход.*

*Все тянет их к заморской сини.
А я скажу, в чем наша честь:
Нам надо знать свою Россию,
Пора пришла и сила есть!"*

Действительно, нам надо знать свою Россию. Пора пришла и сила есть!

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

НА ГОРНЕЙ СТОРОНЕ ПАСКАЛЯ

К выходу книги Бориса Тарасова “Мыслящий тростник”. Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей”

“Я могу одобрить только тех, кто ищет истину с болью в сердце...”.

“Надо любить только Бога и ненавидеть только себя”.

Блез Паскаль

Среди значимых событий в российской культуре последнего времени безусловно следует назвать выход книги известного учёного-филолога, историка и философа Бориса Тарасова — “Мыслящий тростник”: Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей” (изд-во “Языки славянских культур”, М., 2009). Издание этого солидного труда, ставшего итогом нескольких десятилетий работы автора, — явление в определённом смысле символическое. Несмотря на серьёзную историческую дистанцию, отделяющую от нашего времени персонажей Б. Тарасова, его книга исключительно актуальна как некий шанс (быть может, в ряду последних шансов) для осмысления места человека с его проблемами в стремительно набирающем ход непредсказуемом двадцать первом веке...

В одной из своих недавних книг “Историософия Ф. И. Тютчева в современном контексте” Борис Тарасов приводит слова гениального русского поэта и мыслителя: “Следует определять, какой час дня мы переживаем в христианстве. Но если ещё не наступила ночь, то мы узрим прекрасные и великие вещи...” (Курсив мой. — Г. К.). Думается, что для “определения” этого “часа” и диагноза современного общества мало найдётся более точных, идеально настроенных часов и датчиков, чем грандиозная личность и философия Блеза Паскаля. Собственно, такова миссия новой книги Б. Тарасова. А в том, что у книги о Паскале есть миссия, можно не сомневаться. Поскольку сам Паскаль есть некая миссия на земле, некое прекрасное послание человечеству, необъяснимое и таинственное. Подобно тому, как у Игнатия Богоносца Бог был запечатлён на сердце, так на сердце Паскаля был запечатлён образ “вечной и чистой истины”.

Прелюбопытный парадокс: странам и народам сегодня буквально продолжают голову, разглагольствуя об “универсальных общечеловеческих ценностях” вроде “прогресса”, “цивилизации”, “демократии”, “прав человека”, “политкорректности”, “толерантности”, “ювенальной юстиции”, “полового

воспитания”, осчастливливающей благотворности “глобализма”. Непонятным эти “универсальные ценности” “растолковывают” с помощью бомб и ракет (как в Югославии, Ираке, Афганистане...). В своей фанатичной одержимости лукавые демократические фундаменталисты поставили род людской на грань полной деградации, фактически разрушая человека в человеке, расчеловечивая его (вопреки паскалевскому убеждению, что “человек бесконечно превосходит человека”!).

И вот уже в конституции Европейского Союза, документе, преподносимом чуть ли не как вершина и средоточие тех самых “универсальных ценностей”, с демонстративным вызовом и пренебрежением отсутствует даже упоминание о христианском наследии и духовных корнях Европы, лежащих в основе всей её культуры. А в христианской Италии страха бредовой “политкорректности” ради, дабы не “оскорбить” не в меру чувствительных представителей иных конфессий, из школ изымаются традиционные настенные Распятия. Поголовное толерантное умопомешательство идёт по нарастающей до клинической степени, когда уже, к примеру, в угоду феминистской блажи на обсуждение Совета Европы (а не палаты № 6) на полном серьёзе выносятся вопросы о запрете на использование слов “отец” и “мать”, якобы дискриминирующих людей по половому признаку. Мировой истеричный гвалт так называемых “правозащитников” до сих пор не стихает в связи с попытками ввести в российских школах изучение “Основ православной культуры”. При этом повсеместно защищают право на легализованное убийство (по сути, на смертную казнь) – аборты, эвтаназию, на однополые браки, на бесстыдные парады содомитов, с вызывающей помпой проходящие в культурных городах и столицах Европы. . . При этом безостановочно работает мировая медийная индустрия разрушения, растления, оболванивания, обесмысливания человека (при вполне циничном, если не сказать – благосклонном помалкивании криводушных “правозащитников”). . .

В то время как действительно универсальные ценности, связанные с христианской традицией, которыми осветили мир святые апостолы, Евангелие, Святые Отцы Церкви, – изгоняются, осмеиваются, уничтожаются. Именно по линии этой раздельной черты между добром и злом, светом и тьмой – проходят драматичная судьба, биография мысли Паскаля.

В книге Бориса Тарасова этот бесконечно длящийся в истории разрыв рассматривается в связи с двумя традициями – “паскалевской” и “вольтеровской”. . . С теми, кто, подобно Паскалю, убеждён: “Иисус будет терпеть муку до скончания света. Всё это время не должно спать”; и с теми, кто не только сам “спит”, но и, глумясь и потешаясь над пребывающими при Кресте, измышляет и навязывает вражде “снотворное” другим. Речь идёт о “жёсткой противопоставленности, внутренней антагонистичности как бы двух сценариев развития жизни и мысли, человека и человечества, теоцентрического и антропоцентрического понимания бытия и истории” (Б. Тарасов).

В России уже Александр Пушкин, изображаемый идеологами “вольтеровско-большевистской” традиции как вечный эпикуреец и вольнодумец, с паскалевской чуткостью почувствовал всю катастрофичность антихристианской “вольтеровской” направленности: “Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал своё имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием её была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная. . . . Истощённая поэзия превращается в мелочные игрушки остроумия; роман делается скучною проповедью или галереей соблазнительных картин”. Двадцатый век в России со всеми её революционными шабашами и так называемая “современная литература” и культура в целом на фоне разворачивающейся глобализационной революции по устройению либерально-казарменного Вавилона – показали пророческую справедливость пушкинского предупреждения. Поэт чувствовал несродность русской природы и души с “иронией холодной”, с “насмешкой бешеной и площадной”, для него нестерпимо видеть превращение литературы в “мелочные игрушки”. “Нет истины там, где нет любви”, – скажет Пушкин, как бы вторя словам Паскаля: “Я могу одобрить только тех, кто ищет истину с болью в сердце”.

В этой смысловой близости несомненна общая для Пушкина и Паскаля внутренняя евангельская константа. Боль, как и любовь, обостряет духовное зрение. Тут ключевая точка сопряжения русской жизни и русской мысли

с Блезом Паскалем. Ведь русские богоискатели из той же страдающей породы и природы. . . А Паскаль зашёл с самой трагической и правильной стороны к поиску “личного Бога”. Как терпящий бедствие во время шторма на тонущем корабле, он увидел, что времени у человечества не остаётся, и никакой математикой и физикой не спасёшься. . . Только “русские мальчики”, только духовно страстные (если применительно подобное выражение) – Чаадаевы, Пушкины, Батюшковы, Лермонтовы, Гоголи, Тютчевы, Хомяковы, Достоевские, Толстые, Лесковы, Леоновы, Флоренские, Розановы – ищут истину с болью в сердце, иначе они и вообще не могут, ибо сердце для них – орган познания себя и мира! . . . “Всяк ходи около сердца своего”, – взывает старец Зосима в “Братьях Карамазовых”. Философ Б. Вышеславцев называет сердце главным “невидимым” участником “трагической мистерии человеческого существования”. И здесь опять-таки совершенно русская история, поскольку в чистом виде (в кантовском или гегелевском) русской философии не существовало, но от начала времён, от митрополита Илариона с его “Словом о Законе и благодати” до Алексея Хомякова с его “соборной гносеологией”, и во всей русской поэзии и прозе у нас всегда была, говоря словами Паскаля, “философия сердца” . . .

Паскаль, Достоевский, как и другие участники книги Б. Тарасова, – переживают, обнажают, заостряют, доводят до крайней точки кипения и нетерпения главные вопросы бытия. Вопросы, которыми давно уже никто не живёт и которые вызывают в современном обществе раздражённое неприятие своим беспокойным, тревожным и трагическим напряжением, смыслами, отвлекающими от потребления развлечений, от сиюминутных бытовых рефлексий. Но крест этих проблем – хочет человек того или не хочет (как убеждает нас Паскаль), – всё равно лежит на нём от рождения, от первородного греха его праотца Адама. . .

Так, через Паскаля в отражении русских писателей и философов, мы открываем Россию, которая, как убедительно показывает Б. Тарасов, признала духовное и интеллектуальное родство с гениальным французским философом. Монументальное трудо Тарасова в том, что книга его построена по принципу свода – свода как собрания определённо подобранных текстов и как некоего архитектурного купола, устремлённого к своему небесному прообразу – центральному смыслообразующему контексту всей паскалевской философской мысли. Этот паскалевский купол можно сравнить разве что с Сикстинской капеллой Микеланджело, где в центре Бог, а вокруг мировая история в лицах.

Василий Розанов, не только многому научившийся у Паскаля, но и не без его влияния создавший “лоскутный”, фрагментарный стиль собственных “Опавших листьев”, был убеждён, что “Мысли” Паскаля нельзя понять, не зная жизни философа: “Они – последний плод, который принесла эта жизнь”. Так и построена книга Б. Тарасова: жизнь (а по сути, – *житие!*) и творческая биография как ступени к восхождению Паскаля-мыслителя. Такую книгу читатель ждал давно, зная раннюю биографию Паскаля, написанную Тарасовым ещё в конце 70-х годов прошлого века для молодогвардейской серии ЖЗЛ, зная его исследования творчества русских мыслителей, так или иначе пересекавшихся с идеями Паскаля. Теперь же, вкупе с “Мыслями” самого Паскаля, всё собралось под одним сводом паскалевской вселенной. . . (Вообще, с издательской точки зрения книга Б. Тарасова, соединившая в себе широкое исследование, биографию и произведения философа, открывает новый культурологический жанр). И это оказалось не только современно, но и своевременно.

Уже несколько десятилетий Б. Тарасов возвращает нам Паскаля, объясняет, реабилитирует его, ставит в центр философской, этической, религиозной, интеллектуальной проблематики. Он включает Паскаля в контекст русской исторической и философской мысли, также как и русскую философскую, религиозную мысль вводит в контекст паскалевской проблематики, в общеевропейский культурный контекст. И новая книга, свод тарасовского Паскаля, убедительно показывает, к нашему удовлетворению, что Россия, русская мысль не была чужда колоссальной философской и духовной жажде Истины, составляющей сущность паскалевской мысли. Россия приняла эту паскалевскую истину живо, не только умом, но и сердцем, как приняла в своё время православие от Византии, чем навсегда (вопреки Смердяковым-Познерам) подтвердила, что не только не уступает Европе, но и родственна ей, но вно-

сит в её сокровищницу, как и в сокровищницу всей мировой культуры, свой самобытный опыт и вклад самого высокого достоинства. Достаточно взглянуть на имена, представленные в книге.

Интересно, что Паскаль, подобно зеркалу, с беспощадной честностью обнаруживает, кто в нём отражается. Мы видим, как отразились в нём искаженные безбожием физиономии Вольтера, Ламетри, Ницше, Писарева, Добролюбова, Чернышевского; видим с сожалением, как мельчало в нём отнюдь неглупое лицо Льва Шестова, замороченное непониманием и чужеродностью взгляда. Как в зеркале Паскаля менялось лицо Толстого – от просветлённой озарённости светом паскалевской истины до брюзгливой нетерпимости... И насколько содержательны в этом зеркале отражения А. Хомякова, И. Киреевского, К. Батюшкова, Ф. Тютчева, Ф. Достоевского, Вл. Соловьёва, о. П. Флоренского, Б. Вышеславцева, Н. Бердяева, С. Франка, В. Розанова, Д. Мережковского, Г. Адамовича...

О суровой “объективности” паскалевского зеркала можно судить хотя бы по тому, как он оценивает сочинения Монтеня, которые, на его взгляд, “не заключают ничего такого, что мы должны были бы особенно тщательно исследовать, согласно правилу святого Августина, ибо его слова не проистекают из великого основания смирения и набожности”. Таков непреложный критерий, которым руководствуется Паскаль в отношении к жизни, культуре, знаниям...

Одна из глав книги Б. Тарасова называется “Паскаль и русская культура в движении времени”. Собственно, это и есть суть и квинтэссенция грандиозного замысла паскалевского свода. Здесь первостепенное значение приобретает историософская и культурософская интенсивность текста, создающая, говоря нынешним языком, гипертекст всей книги. Тарасов не только блестяще владеет инструментарием европейской философской и научной проблематики паскалевской поры, являясь одновременно серьёзным специалистом по истории русской философской мысли, но он при этом не впадает в наукообразный стиль, избегая напускного тумана герметичного языка для так называемых “посвящённых”. Не поддаваясь, однако, и соблазну популяризаторской упрощённости.

Стиль тарасовских работ в лучших традициях русской художественной и философской литературы. Сказывается опыт многолетнего изучения и постижения манеры самого Паскаля. Б. Тарасов специально подчёркивает: “Паскаль пишет, что ненавидит равно шутовской и напыщенный слог, который рассчитан на “ухо”, а не на “сердце”; ему не нравятся фальшивые красоты Цицерона, форсированные антитезы, представляющие собой “ложные окна для симметрии”: авторы подобных антитез не говорят правдиво, а лишь “делают ложные фигуры”. Что подтверждается знаменитой паскалевской мыслью: “Люди всегда удивляются и восхищаются, если видят естественный стиль, ибо, ожидая встретить автора, они находят человека”. Задолго до Бюффона сказанное “стиль – это человек” предполагает не просто “стиль”, но именно “естественный стиль”, в противном случае мы “находим” не “человека”, но нечто искусственное, противоестественное. Потому и – “лучшие книги суть те, при чтении которых каждый верил бы в то, что сам мог бы их написать”, – что так сближает Паскаля с русской литературой, которой (обратимся вновь к незабвенному Пушкину!) по природе своей чужды как “ирония холодная” и “насмешка бешеная и площадная”, так и “мелочные игрушки остроумия”.

Этот, казалось бы, стилиевой аспект разговора о Паскале имеет далеко не формальный характер. Связанный с выходом на понимание “естественного человека”, он также напрямую связан и с центральной темой всей философии французского мыслителя – с темой человека, с тем, что называется “антропологией Паскаля”. Здесь центр силы тяготения и главный узел пересечения русских мыслителей с Паскалем, замечавшим: “Я равно порицаю и того, кто взял себе за правило только восхвалять человека, и того, кто вечно его порицает, и того, кто насмехается над ним; я на стороне того, кто, тяжко стеноя, неустанно ищет”. Наиболее близкий к нему по воззрениям, “неустанно ищущий”, о. Павел Флоренский писал абсолютно в паскалевском духе, как бы совершая вместе с ним круговорот от антропологии к теологии, где сокрыты все начала и концы: “От чего же спасает нас религия? Она спасает нас от нас, спасает наш внутренний мир от таящегося в нём хаоса. Она одолевает геенну, которая в нас, и языки которой, прорываясь сквозь трещины души, лижут

сознание. Она поражает гадов “великого и просторного” моря подсознательной жизни, “им же несть числа”, и ранит гнездящегося там змея. Она улаживает душу. А водворяя мир в душе, она умиротворяет и целое общество, и всю природу”.

Паскаль называет человека самым слабым в природе тростником: не надо целой вселенной ополчаться, чтобы погубить его. Для смерти могущественного Кромвеля, например, хватило простой песчинки в его мочеточнике. “*Но этот тростник мыслит!*”. Какая мощь и поэзия в этой обнажённой трагедийности сознания Паскаля! Так в русской поэзии трагично и мрачно смотрят на мир, пожалуй, только Лермонтов и Случевский, а в прозе Достоевский и Платонов... Будто словами князя Мышкина изъясняется Паскаль: “Человек не знает, в какой ряд встать. Он явно заблудился, упал со своего места и не может его найти. Он его ищет везде, беспокойно и безуспешно, в непроницаемых сумерках”.

Человек заблудший – вот трагическая (и чрезвычайно актуальная во все времена!) тема антропологии Паскаля. С одной стороны, – экзистенциальная потерянности и заброшенности в мире: “Вечное молчание бесконечных пространств ужасает меня”. С другой – страх и вечное убежание от самого себя, поиски “снотворного”, ибо “люди, не имея возможности избавиться от смерти, нищеты и неведения, решились, чтобы сделаться счастливыми, во все об этом не думать”. И тут очень важным для понимания паскалевской мысли представляется наблюдение Б. Тарасова: “По мнению Паскаля, основной движущей силой иллюзорно счастливой поверхностной жизни является развлечение, которое своеобразно усиливает видимость и тем плотнее прикрывает глубину главных вопросов”. И ещё одно существенное уточнение: “Развлечение понимается Паскалем не просто как свойство эпикурейски счастливого стиля жизни, не просто как атрибут “ЭСТЕТИКИ ПОВЕРХНОСТИ”, а как псевдоактивное и мистифицирующее средство, мешающее человеку видеть своё подлинное положение... ..Пессимизму скучающего и развлекающегося человека, как известно, предстоит долгая жизнь в последующей европейской, да и не только европейской истории”. Не случайно в начале XX века Александр Блок, всегда отличающийся поразительной чуткостью к будущим драмам истории, в своей речи “Крушение гуманизма” процитирует швейцарского историка культуры И. Гоннегера: “Мы имеем право сказать о себе словами Паскаля, что человек бежит от самого себя. Таков недуг нашей эпохи, и симптомы его так же очевидны для человека мыслящего, как физическое ощущение приближения грозы”.

Так через Паскаля была обозначена ещё одна экзистенциальная проблема человека вообще и проблема XX века в частности. В наступившем двадцать первом столетии это уже не проблема даже, а своего рода катастрофическая пандемия. Человек добровольно отказывается от самого себя. Мощная индустрия развлечений и масскультуры, масстехнологий с целенаправленным остервенением торопится работать на этот разрыв, на эту смертельную пропасть внутри человека.

Весьма символично для русского восприятия, что одно из первых в России упоминаний имени Паскаля в 1728 году было связано с опытом Торричелли, в переводе на русский названным “*Искусом пустоты*”. Кажется, невозможно придумать более точной мета-метафоры для всего духовного искания философа, через “*отделение света от тьмы*” (как в одной из фресок Сикстинской капеллы) пытавшегося понять и по-своему объяснить двойственную природу человека, который представляет собой сосуществование ангела и животного, середину между этими крайностями, из которой выйти не дано: “выйти из середины – значит выйти из сферы человеческого”.

Пустота (как эквивалент “тьмы”) искушает (иссушает) человека, отвлекает его от собственной души, от внутреннего человека в нём, утверждая человека внешнего, *любящего не себя в бытии, а бытие в себе*, как пишет Тарасов. Тут уже разрыв, разделительная линия проходят не по историческому, культурному, общественному телу, но внутри человека, по его сердцу, психике, готовя человечество в целом (а не в одной отдельно взятой стране, как во Франции или в России времён революций) для будущего “скотного двора” глобализации.

“Наш мир – чужбина для истины: никому не ведомая, блуждает она среди людей... – с горечью констатирует Паскаль. – Кошунству ни в чём нет за-

прета, оно не щадит даже самых непререкаемых истин". И это уже не антиутопии Замятина или Оруэлла, поскольку те всё-таки описывали идеологическую машину по превращению человека в пронумерованное количество. Теперь же человек сделал личный выбор в пользу самоотречения. Сначала отрекается от Бога, потом бежит от собственной совести, от душевных страданий, а в конце концов и от самой души, превращаясь в одну пустую оболочку, которую, как синтетическую упаковку, заполняют мутной водой мёртвой культуры... Вот почему Человек стал главной философской и религиозной проблемой Паскаля и Достоевского, Гоголя и Хомякова, Тютчева и Толстого, Чехова и Лескова, Зайцева и Шмелёва, Бердяева и Розанова, Мережковского и Адамовича, Франка и Вышеславцева... Что, между прочим, ставилось всегда в упрёк нашей литературе, в которой содержание, нравственное и духовное начало преобладали над "формой", "алгеброй", "ремеслом", якобы уступая западным образцам с формальной (можно сказать, с технической и даже технологической) точки зрения. Действительно, в России эстетика, выбор художественного стиля – это не выбор формы, но выбор судьбы.

Когда Иван Ильин говорит, что "Русская идея есть идея сердца", кажется, это эхо отзывается на слова Паскаля: "Бог чувствуется сердцем, а не разумом". В книге Б. Тарасова русский философ Б. Вышеславцев называет Паскаля ярчайшим представителем "метафизики сердца". И если, по словам Ф. Мориака, "Паскаль проходит всего человека, чтобы дойти до Бога", то интересно проследить, как проходил этот "путь человека", к примеру, Пушкин, который в ранней юности писал: "Ум ищет божества, а сердце не находит...". Но уже в 1831 году, по воспоминаниям А. О. Смирновой-Россет, он именно в Паскале открывал для себя "метафизику сердца", говоря о философе, что тот "проник в душу и в мысль человека, в её глубины и в её соотношения с *Невидимым*".

Удивительно, насколько верно Пушкин ухватил самые существенные стороны мысли Паскаля с выходом на "*Невидимое*", вечное, таинственное. Неслучайно, как пишет Б. Тарасов, "...именно Пушкин посоветовал Гоголю познакомиться с "Мыслями", которые могли повлиять на умонастроение будущего автора "Выбранных мест из переписки с друзьями". А век спустя Андрей Белый назовёт Паскаля великим мудрецом, открывающим *невидимые* реальности в мире человека... Эта поразительная поэтическая связь через "*Невидимое*" подтверждается профессором Сорбонны Густавом Лансоном, считавшим, что Паскаль в наибольшей степени становится "поэтом могучим, скорбным или величественным до ужаса, когда подходит к *непознаваемому*" (курсив мой. – Г. К.).

И снова очень по-русски развивается сюжет с Паскалем, который сначала безвозвратно бросает научную деятельность (в которой проявил себя как универсальный гений) и к концу короткой жизни покидает "суетный свет" парижского общества, ища уединения и покоя в монастыре Пор-Рояля. "На свете счастья нет, а есть покой и воля..." – выскажет глубочайшую мысль Пушкин как бы в подтверждение гениальной догадки Паскаля о реальных свидетельствах некогда существовавшего "потерянного рая", о чём пишет Б. Тарасов: "Неиссякаемая жадность к счастью и невозможность её насыщения свидетельствуют, по мнению Блеза, о том, что когда-то у человека было подлинное благо, от которого сейчас осталась лишь отметина и пустой след, заполняемый любыми окружающими предметами. После потери истинного счастья всё может стать его заменителем... .Бесконечная и всеобщая жажда счастья может быть утолена, заключает Паскаль, лишь бесконечным и всеобщим существом, каким является только Бог"...

Пушкин шёл ускоренным путём паскалевского самоуглубления, и оба гения почти в одном возрасте достигли этой глубины, обречённые на раннюю гибель. Наш поэт в поисках обретения подлинного счастья так же ведь пытался вырваться из пут лживых условностей и светского "искуса пустоты", признаваясь: "Давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег...". И что-то гоголевское (с его одиноким молитвенным стоянием и сожжением второго тома "Мёртвых душ"), и леонтьевское (с его уходом в монастырь), и даже толстовское (во время знаменитого "побега" из Ясной Поляны) – есть во всей паскалевской истории с "освобождением" от прошлого, от "искуса пустоты", от мирской суеты...

Иным путём устремляется европейская, "вольтеровская" линия. Что, опять же, в магическом кристалле гениальной личности Пушкина находит по-

следную и беспощадную оценку так называемому “просветительскому”, “гуманистическому” направлению с их “универсальными” ценностями. “Например, в набравшем достаточную большую авторитет в это время типе учёного, — пишет Б. Тарасов, — внимание Пушкина привлекает существенное духовно-психологическое свойство скуки, онтологически предопределяющее “знаний ложный свет”.

По-своему осмысляя в “Сцене из Фауста” мировой образ, он показывает, к какому концу ведут растущие из такого корня побег: “Всё утопить” — вот последнее желание героя “Сцены...”. Вновь поразительное пушкинское прозрение!.. Ведь под знаком этого “Всё утопить!..” — человечество, можно сказать, прожило целый двадцатый век со всеми его революциями и войнами, а век двадцать первый становится апофеозом, завершающим аккордом в дьявольском погружении человека в погибельную пустоту ложных ценностей со всеми их “универсальными” приманками. И книга Бориса Тарасова показывает, как русская мысль в этическом и духовном сопряжении с мыслью Паскаля пыталась выстрадать, отстоять, освободить от наветов путь к Истине. Прекрасен в данной связи знаменитый паскалевский афоризм, подобно ключу, открывающему смысл непрекращающейся борьбы света с тьмой: “Историю Церкви правильнее было бы назвать историей истины”. Отсюда — ключевой вывод Б. Тарасова: “Работы отечественных мыслителей, — пишет он, — раскрывают различные варианты и потенциальные перспективы в рамках паскалевских категорий развития человека и мира “с Богом” и “без Бога”, помогают оценить, куда реально движется история — вперёд “вверх” или вперёд “вниз”.

Речь о главном: о движении истории, заключительный акт которой начнется с последней развилки у Креста на Голгофе. И тут встаёт вопрос последнего выбора, выбора каждого и всех: или — или. Для чего требуется “подвиг веры”, говоря словами Г. Флоровского. Вот почему в главе об о. П. Флоренском Б. Тарасов замечает, что для Флоренского, “как и для Паскаля, высшее состояние личности, нашедшее абсолютное выражение в Иисусе Христе, заключается в любви и святости, трансцендентных для всего только человеческого и обретаемых в конечном итоге в результате “толчка извне, оттуда”. В этом высказывании открывается мастерство Тарасова-учёного находить родство, некий общий интеграл в разных интеллектуальных рядах (текстах), объединённых общим духовным и метафизическим единством. В сочетании с известной книгой Г. Стрельцовой “Паскаль и европейская культура” (1994 г.), посвящённой влиянию Паскаля на европейскую мысль, книга Б. Тарасова с его “русским” Паскалем создаёт по-настоящему объёмный образ личности гениального французского мыслителя. (Хотя для полноты портрета, может быть, интересно было проследить сходство Паскаля с русскими святыми, к примеру, со святым Силуаном, для которого любовь также являлась первенствующим смыслом всего его религиозного опыта. Ведь подчёркивает Б. Тарасов слова о. П. Флоренского о том, что “есть какое-то сродство у Паскаля с православием и что недаром же А. С. Хомяков часто называл Паскаля своим учителем”. Говорится же в книге о “существовании удивительного сверхэмпирического единства нации” (Н. Лосский), следовательно, в духовном плане безусловно существует и “сверхэмпирическое единство” России с Паскалем и Паскаля с Россией. В этом смысле истина всегда универсальна, и мы можем говорить о Паскале — всемирный француз, как наш Достоевский или Пушкин — всемирный русский!

Сам Паскаль в письме к Ферма скажет о том же другими словами: “Истина одна и та же и в Париже и в Тулузе”. Вспомним также, что говорит Бог у Паскаля во фрагменте “Тайна Иисуса”: “Утешься. Ты не искал бы Меня, если бы уже не нашёл Меня”. Это звучит почти дословно как строка духовного завещания преподобного Серафима Вырицкого: “От Меня это было”.

Что до “сверхэмпирического единства”, то именно в связи с Паскалем нельзя разминуться с одним из вечных проклятых “русских вопросов”: что есть Запад и что есть Россия? И Запад, оказывается, не столь однороден, если западный философ может разрубить неразрешимый узел взаимоотношений и взаимоотталкиваний. “Генезис, развитие и своеобразие русской религиозной философии, — пишет Б. Тарасов, — её теоцентрический и антивозрожденческий пафос, сосредоточенное внимание на “тайне человека” и творимой им истории предопределили особый интерес целого ряда её представителей к личности и творчеству Паскаля”. Далее Тарасов развивает свою

мысль: “Волевой рост мысли русских философов был направлен на Богопознание и Боговоплощение, на истоки и последние смыслы бытия, истории и человеческого существования, а не на интеллектуальную инвентаризацию всех критик разума, как у Канта, или создание энциклопедии философских наук, как у Гегеля”. К слову сказать, именно в таких размышлениях по-настоящему раскрывается Борис Тарасов – не только биограф и публицист, но самостоятельный мыслитель, историк философии и религиозной мысли. В сжатой форме даёт он ясные и точные формулы: “В самобытной отечественной мысли, развивающейся преимущественно вне “школьных”, “схоластических”, “профессиональных” систем, – пишет он, – на передний план выходили христианская метафизика, онтология, антропология, этика, философия истории и культуры, а не разнообразная и уточняющаяся проблематика теории познания. Отсюда и отсутствие в ней, говоря словами Пушкина, “холода предначертания”, глубокая слитость, как и у Паскаля, собственно философских и жизненных аспектов, драматическое переживание русским мыслителем своей судьбы и ответственности за выстраданную истину, прорыв личностных, проповеднических и исповедальных интонаций в обсуждение теоретических вопросов, соединение строгой логики и страстной публицистичности, тяготение к многозначным символам и пластическим образам, использование принципиально незавершённой, художественной, свободной и открытой формы для изложения им собственных взглядов”.

Глубина понимания сложнейших вопросов, поставленных русскими мыслителями, помогает Б. Тарасову поворачивать вечные проблемы неожиданно современными гранями. Так, у Вл. Соловьёва он обнаруживает следующий “паскалевский” вывод: “Пока тёмная основа нашей природы, злая в своём исключительном эгоизме и безумная в своём стремлении осуществить этот эгоизм, всё отнести к себе и всё определить собою, – пока эта тёмная основа у нас налицо – не обращена – и этот первородный грех не сокрушён, до тех пор невозможно для нас никакое *настоящее дело* и вопрос *что делать* не имеет разумного смысла”. Так извечный русский вопрос “кто виноват?” и “что делать?” обретает, кажется, достойное решение: не “*ЧТО делать?*”, а “*КТО?*”, “*КТО должен делать?*”. “Представьте себе толпу людей слепых, глухих, бесноватых, – продолжает Соловьёв, – и вдруг из этой толпы раздаётся вопрос: что делать? Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела, а пока вы выдаёте себя за здоровых, для вас нет исцеления. . . . Истинное дело возможно, только если в человеке и в природе есть положительные силы добра и света; но без Бога ни человек, ни природа таких сил не имеют”. Вывод действительно “паскалевский”. К тому же звучащий как предупреждение нашему времени, когда в масштабах целых стран, континентов, отодвигая и задвигая разумных и здравомыслящих, – “делать” берутся этически невменяемые, бесноватые, никому не известные тёмные личности, назначившие себя “высшей инстанцией”, определяющей для всего мира “универсальные ценности”, глобальные проекты ради некоего эфемерного прогресса!.. И если, как пишет Б. Тарасов, Паскаль “оказался в центре “переворачивания” средневековой картины мира, когда теоцентризм уступал место антропоцентризму, утверждавшему человека мерой всей, целиком от его деятельности и планов зависимой, действительности. . .”, то сегодня происходит очередное “переворачивание”, но уже “не картины мира”, а, собственно, самого мира. И вот уже вместо человека – мифические “права человека” и “правозащитники” на окладе, “прогресс” и “демократия”, одним словом, – ложь о человеке. И уже даже не “Бог философов и учёных”, и уж, конечно, не “Бог Иисуса Христа”, как сказано у Паскаля, но “Отец Лжи” стоит во главе этой всемирной корпорации Тьмы.

Вот когда Б. Тарасов переходит на прямую речь, на ту самую высокую публицистичность, которую отмечает у своих предшественников в русской философии. Он пишет: “Мысль Апокалипсиса, – подчёркивал, например, П. Я. Чаадаев, – есть беспредельный урок, применяющийся к каждой минуте вечного бытия, ко всему, что происходит около нас. Эти ужасающие голоса, оттуда взывающие, – их надобно слушать ежедневно; эти чудовища, там являющиеся, – на них надобно смотреть каждый день; этот треск машины мира, там раздающийся, – мы слышим его беспрестанно”. И, может быть, есть смысл получше вслушаться в “треск машины мира”, улавливавшийся ещё Паскалем, и повнимательнее отнестись к “беспредельному уроку”, а не устрем-

латься так завистливо и жадно, как нас призывают очередные реформаторы (поменявшие одну “короткую” идею на другую) в “цивилизированное общество”? И не стоит ли, напротив, слегка притормозить, оглянуться и подумать о “субъекте прогресса”, о его душе?”. Уже о. П. Флоренский, по словам Б. Тарасова, в “свершившемся историческом опыте раскрывал онтологический путь распада от Ренессанса к Просвещению и нигилизму, от “возрождения” к “вырождению”: желая только себя, в своём “здесь” и “теперь”, злое самоутверждение негостеприимно запирается ото всего, что не есть оно... .. разве не видим мы, как дробится и рассыпается и общество и личность, до самых тайников своих, желая жить без Бога и устраиваться помимо Бога, самоопределяться *против* Бога”. Флоренский называет ключевое слово, подготовленное ещё Паскалем, — “распад”, которое позже, открывая не по своей воле Запад, назовёт и Георгий Иванов в статье “Распад атома”. Человек дробится, мельчает, разрушается — и уже не люди, а дробь людей правят миром.

Л. Толстой, вопреки всему, говорит: “Паскаль показывает людям, что люди без религии — или животные, или сумасшедшие, тыкает их носом в их безобразии и безумии, показывает им, что никакая наука не может заменить религию”. Мы видим, насколько злободневно звучит это в книге двадцать первого века, когда “безумствуют”, косвенно обвиняя в “мракобесии” в том числе и гениального учёного Паскаля, академики-богоборцы Гинзбурги и Алфёровы. “Розанов не раз сокрушается, — пишет Б. Тарасов, — что в ходе истории “глупые” (например, Спенсер или Бокль) одолели Паскаля... Он язвительно сравнивает позитивизм с “ослиной мордой”, прилагаемой “ко всякой действительности” и царящей в современную эпоху во всём мире, в результате чего наука, философия и университеты, подчинённые Дарвину и Чернышевскому, производят “щель с тараканами”... .

Толстой когда-то напрямую вопрошал, чем объяснить, что среди верующих были и есть “отнюдь не невежды: Сократы, Декарты, Ньютоны”? Невероятно, до чего “перевернулся” сегодняшний мир: Паскаль, Державин, Пушкин, Лермонтов, Чаадаев, Гоголь, Тютчев, Достоевский, Соловьёв, Флоренский, Бердяев, Лосев (“отнюдь не невежды”) — оказались вдруг неразумней “могучей кучки” нынешних либерал-инквизиторов, непогрешимых наследников дела своих большевистских сородичей, которые на дух не переносят Православия, хотя, как и положено им, “веруют и трепещут”. Вот чьи “бешеные насмешки” и “поучения” вынуждена сегодня выслушивать терпеливая православная Россия, нынче они “философы”, “субъекты прогресса”, гордо величающие себя “агностиками”. Эти так называемые “агностики” — присвоили себе право диктовать, который час должен быть на “часах христианства”. Один из них, превзошедший своих демократических собратьев — познеров, новодворских, шендеровичей... — откровением в русофобской толерантности, г. Чубайс, который, по его признанию, испытывает к великому русскому писателю Фёдору Михайловичу Достоевскому “почти физическую ненависть” и желание “разорвать его на куски”. Как, однако, всевременны все эти “Каиафы”, как будто время остановилось. Это о них скажет Паскаль: “Пусть предоставят нечестивые выпады прирождённым пакостникам, для которых подобные выпады естественны... .”

Но ведь и Франция, как замечает И. Киреевский, “пошла не за Паскалем, не по пути созидания “положительной философии”, а за Вольтером”. В том и заключается актуальность темы Россия — Запад, темы влияния Запада. Мы тоже, увы, пошли за “демоническим хохотом Вольтера”. “В клетке сниженных идеалов и при власти потребительской деспотии, — говорит Б. Тарасов, — всегда незримо действует идея естественного отбора, обставленная красивыми речевыми конструкциями о демократическом обществе, диктатуре закона и т. п.”. В результате всё кончается либеральным пайком (пайкой!) в виде “прожиточной культурной корзины” для “бедных”.

В более жёсткой форме Б. Тарасов высказывается об этом, говоря о Тютчеве, который “даёт универсальный ключ к рассмотрению подобных перерождений, обозначив возможный постхристианский контекст и иудин дух развития отрекшегося от Христа человека и человечества, когда... совершается “роковая последовательность отрицания”, а самозванный разум — “отщепенец” разбивает и собственный кумир, приходя к необходимости обоготворения плоти и порабощения ею”. Такова политическая эволюция, а точнее сказать, политический и культурный дарвинизм, в котором, разумеется, побеждают

наиболее прожорливые хищники. Скажет же беспощадно умный В. Розанов: “Хрупко только гениальное. В самом деле, наблюдение: гений в здоровы своём, в настроении своём, в созданиях своих дрожит как слеза на реснице Божией; он вечно между “есть” и “нет”. Паскаль и Ньютон были вечно больны; Собакевич был постоянно здоров”...

И всё-таки основной стиль и научный метод Бориса Тарасова – метод объективного исследования, систематизации собранных знаний, источников. Он редко переходит на “прямую речь”, пытаясь дать по возможности целостную культурную, историософскую картину эпохи. Хотя, разумеется, Тарасов субъективен, но его субъективность выражается в столкновении разных исторических суждений и оценок, в предпочтении персонажей (в данном случае, среди русских мыслителей и писателей). Его симпатии явно не на стороне позитивистов и неприкрытых атеистов, хотя он никого и ни в чём как будто бы прямо не убеждает, но приоритеты очевидны. И пусть в открытую полемику он не бросается, бесспорно, что он явно находится на стороне Паскаля, на горней высоте его истины, на стороне трудных поисков этой истины. И в выборе движения истории “с Богом” или “без Бога” – вместе с Паскалем он выбирает путь “с Богом”. Здесь развилка на распутье у камня паскалевской “антропологии”. Б. Тарасов говорит об этом как о выборе исторической судьбы России: “Вместе с тем “внутреннее” просвещение, как считали славянофильские философы, давало русским людям силу духа, без которой невозможно было вынести многовековые испытания и страдания, как бы распятость на кресте истории. Оно предопределило на долгое время синкретизм в литературе и искусстве (летописи, жития, храмовая живопись, музыка), неразвитость деятельного внимания к экономике, хозяйству, технике как подчинённым и второстепенным элементам жизни”.

Так открывается линия водораздела, сложнейшая мировоззренческая грань, метафизическая, по сути, граница, разводящая в исторической перспективе по разные стороны Россию и Запад: в России главное – личность, на Западе – индивидуальность, и этим всё сказано.

В книге “Мыслящий тростник” Б. Тарасов предстаёт как продолжатель русской философской традиции. Заслуга его в том, что своим Паскалем он, можно сказать, срывает лицемерные маски с так называемых либеральных интеллектуалов. Когда с уходом цензуры появились книги о П. Флоренского, В. Розанова, Б. Паскаля, Г. Флоровского, В. Зеньковского, Н. Бердяева, И. Ильина, Н. Лосского, С. Франка, о И. Кронштадтского... – наши просвещённые гурманы стали гоняться за ними, ища там в первую очередь интеллектуальной пищи, своего рода “игры в бисер”, удовлетворения *libido sciendi* (похоти знания, говоря словами ап. Иоанна Богослова)... Им было невдомёк, что нет ничего более антиинтеллектуального, антирационального по сути, чем выстраданные авторами этих книг идеи, направленные в сущности именно против гордыни ума... Это книги, как раз уводящие с широкой дороги игры и тщеславия, с дороги страстей и суеты на узкий путь духовного искания, спасающие “нас от нас”!..

Разумеется, гениальный Паскаль отликает свои духовные озарения в блестящей интеллектуальной форме. В его философии достаточно откровений и для смиренных верующих (“У сердца свой порядок, у разума – свой... У Иисуса Христа, святого Павла свой порядок в проповеди, ибо их цель – не учительство, а возжигание огня в людских душах”); и для грешников (“Если бы ты понял, какие грехи совершены тобою, сердце твоё разорвалось бы”); и для ценителей красоты слога (прекрасно его определение мирового космоса: “Это бесконечная сфера, центр которой повсюду, а окружности нет нигде”); и для ценителей иронии (“Говорите нам приятные вещи, и мы будем вас слушать, говорили еврею Моисею”); и для суровых реалистов (“Последний акт – кровавый, как бы ни была прекрасна комедия во всём остальном. В конце концов бросают землю на голову, и это навсегда”); и для ценителей отточенной до блеска логики (как в его суждении о том, кем является человек: “Ничто в сравнении с бесконечностью, всё в сравнении с ничем – середина между ничем и всем”) и не менее совершенной алогичности (“пренебрежение философствованием и есть истинная философия”); и для ценителей метафоры (“Реки – это дороги, которые и сами движутся, и нас несут туда, куда мы держим путь”); и для азартных игроков (“Взвесим наш возможный выигрыш или проигрыш: если вы поставите на орла, то есть на Бога. Сопос-

тавим тот и другой: выиграв, вы выигрываете всё, проиграв, не потеряете ничего. Ставьте же, не колеблясь, на Бога!)...)

Вдохновенных Паскаль делает вдохновенными, поэтов – поэтами, философов – философами, учёных – учёными, диалектиков – диалектиками, эстетов – эстетам. . . Читая его, убеждаешься: Человек, тайна Человека и тайна Космоса Паскаля – вот величайшая поэма, драма, трагедия.

Его Человек всегда стоит перед выбором между светом и тьмой, между Истиной и ложью, он либо в пути, либо в беспутьи. . . Очень важно, что именно на переломе истории, на пороге, быть может, космических и апокалиптических событий, “Мыслящий тростник. . .” Б. Тарасова показывает, какой выбор сделал Паскаль и на какую сторону встаёт русская философия. Чтобы оказаться на этой трудной горней стороне, необходимо, по мысли Ф. Тютчева: “верить в то, во что верит святой Павел, а после него Паскаль, склоняя колени перед Безумием креста или же всё отрицать”.

Последняя часть книги, она же и центральная на паскалевском куполе, это собственно “Мысли” самого Паскаля (в прекрасном переводе Э. Линецкой). И тут всё как будто замирает. . . Говорить начинает Паскаль. Нет, не говорить, но мучительно исследовать свою душу, своё сердце, свой дух, в которых, каким-то чудесным образом, как в драгоценном кристалле, отражаемся и мы со своими проблемами, с окружающим нас экзистенциальным молчанием бытия перед нашим собственным ужасом и вопрошанием. . .

В Паскале действительно что-то есть и от апостола Павла и от блаженного Августина. Можно даже сказать (предположить), что такие люди появляются, когда Христос где-то рядом, очень близко, словно Его вновь рядом с нами распинают. И как знак этого невидимого для простых глаз мистического события, как предупреждение: “Нельзя спать!..” – появляются люди подобной онтологической миссии, несущие на себе крест, который нам не по силам. Паскаль предупреждал: “Любое движение отзывается на всей природе: море меняет свой облик из-за одного-единственного брошенного в него камня. То же самое можно сказать и о благодати: любой человеческий поступок отзывается на всех людях. Значит, в мире нет ничего несущественного” . . .

Вспоминая знаменитый паскалевский пассаж о том, что если бы нос Клеопатры имел другую форму, история разворачивалась бы по-иному, можно с не меньшим основанием утверждать, что если бы в истории человечества не было Паскаля, и мировая мысль также разворачивалась бы по-иному.

Паскаль, как старый добрый часовщик на старинной башне, который уже век смазывает, чистит, исправляет и не даёт остановиться ветшающим часам, показывающим, “какой час дня мы переживаем в христианстве”.

Сердечно поздравляем нашего друга и постоянного автора, известного русского поэта и публициста Геннадия Красникова с шестидесятилетием со дня рождения! Желаем доброго здоровья и новых творческих удач!

Редакция

МАРИНА СТРУКОВА

ПЕВЕЦ РУССКОЙ УДАЛИ

Один из самых даровитых писателей современности Вячеслав Дёгтев – лауреат премии имени Андрея Платонова, премии “России верные сыны”, финалист конкурса “Бестселлер-2003” родился 10 августа 1959 года, а умер 16 апреля 2005 года, на сорок шестом году жизни, стяжав славу “русского Джека Лондона” за истинно мужскую, мужественную прозу, утверждающую ценности героической защиты своих идеалов, духовной чистоты и любви к Родине.

Человек гордый и эмоциональный, он всегда чему-то противостоит, отстаивая справедливость, болея душой за судьбу страны. Предки Дёгтева были казаками, и страстная воинственность воинской касты оказалась претворена в непримиримость писателя и гражданина.

В моём восприятии произведений Дёгтева главную роль играют даже не его убеждения, но тот энергетический накал, те тонкие эмоциональные впечатления, в которых заключена духовная эстетика произведений и которые нацелены на раскрытие психологии того, что можно назвать русскостью, – почти сакральное содержание национального характера.

Вот один из лучших рассказов – “Гладиатор”, где параллельно развиваются два сюжета, вроде бы не связанные друг с другом обстоятельствами и персонажами, но дополняющие друг друга в духовном плане. Он рассказывает о схватке здорового природного начала и духа прогнившей цивилизации на арене гладиаторского цирка в одном сюжете и на площадке собачьих боев в подмосковном пригороде – в другом. Что сильнее – природа, во всей ее простоте и силе вековых инстинктов и рефлексов, или цивилизация, живущая по своим надуманным правилам, вскормленная трупами убитых ею естественных законов бытия. Первый сюжет восходит к тем временам, когда Русь еще была великой Скифией, а молодой гладиатор-славянин бьется на арене римского цирка, где победа – свобода для него и его любимой, а поражение – гибель. Второй сюжет “Гладиатора” повествует о том, как на собачьи бои русский парень приводит волка – с целью доказать то, насколько природа и душа вольного зверя превосходит выдрессированных, выхолощенных псов, чьи предки завезены из-за границы.

“Это была твоя затея – стравить природу и... и “школу”? “цивилизацию”? – нет, скорее, антиприроду. Это ты нашел земляка, охотника-казака с Хопра. Это по твоей просьбе он отловил волка-пятилетка и привез сюда, в загнивающую Москву, на собачьи бои. В город, давно уже не являющийся обиталищем человека”. И вспоминается то, каким предстает образ волка в поэзии и фольклоре. Начиная от “тамбовского волка”, который “выходит на дорогу” в стихах классика, но который всегда, по словам поговорки, “в лес глядит”. От популярной песни “Охота на волков” до былинного богатыря Воль-

ги, который волком мог оборачиваться. Из этого калейдоскопа метафор и сравнений мы можем сделать вывод, что волк всегда был символом воли, а собака – несвободы, добровольного рабства.

“Я подпускаю его совсем близко и резко останавливаюсь – он налетает на меня. Гремят щиты. Я бью его. Бью не по тем правилам, которым учил ланиста, а так бью, как впитал с молоком матери, – я бью кривым мечом акинаком, как серпом, сбоку и снизу. Против таких “варварских” ударов нет у римлян защиты. Тем хуже для них... Он рубит сверху – классически. Рубит и рубит, но я отражаю все удары, – лишь искры летят в песок...” Блистательный “Гладиатор” – гимн всему тому, что заложено в нас с рождения с кровью предков; тому, что восстает против пут и подлых законов “цивилизованного общества”. Это гимн голосу крови. В “Гладиаторе” та же мысль, что и в строке современного поэта Сергея Яшина: “Кровь восстала против золота”.

Воплощение того “национального бессознательного”, которое превышает сознательного подчинения пошлым нормам и унижительным законам современного мира. “Необязательность обязательного” из рассказа “Адат”, когда необязательно быть верным традициям нации, но обязательно. “– Но это же дикость!” – восклицает герой и слышит в ответ: “Это древний обычай”. И хочется продолжить, что необязательно быть честным, но обязательно. Необязательно быть смелым, но обязательно. В героях Дёгтева живёт настрой своеобразный, известный нам по богатырским былинам, которого в современной жизни мы почти не наблюдаем, а, вдруг заметив, отстраняемся – уж слишком непривычно и дико сейчас все сильное, безоговорочное, героическое. Одно из качеств его героев – русская удаль. За этим понятием – чувство неизъяснимое, вопреки здравому смыслу возникающее, сокрушающее на своем пути все узаконенные страхи и слабости. Может, и проку от этой удалы ее носителю нет, но, видно, нужна она человечеству и вызывает вопреки всему восхищение, встряхивает, заставляет взглянуть на мир по-иному. Мы разучились надеяться на авось, очертя голову бросаться в бой и перестали быть в полной мере русскими. Нация никогда не стоит на месте. Или ты наступаешь, или отступаешь и деградируешь. “Отечество – это не территория, Отечество – это сумма подвигов”. И верно, мы сами растеряли, рассеяли свою Империю, во имя которой ничего не совершили. Каждая нация стоит лишь того, что она способна завоевать и сохранить. Автор открыто утверждает это. Своим творчеством он бросает вызов читателям: а способны ли вы изменить реальность? Герои Дёгтева не всегда справляются с задачей, порою сами расплачиваются за свою удаль, как в рассказе “Кинжал”, но врагов не щадят.

“Да, это так. Это не может быть иначе. Ведь всё, что чего-нибудь стоит, возникает в этом мире исключительно через борьбу. И на каждый вызов есть ответ”.

И величие этого порой инстинктивного – голос крови – протеста преобразует людей, озаряет их изнутри. И сквозь ничтожество сегодняшней жизни, как горящий уголь сквозь золу, проглядывает то, какими были мы и какими можем стать, только бы буря грянула. Это творчество не посредник между рабством и свободой, а ещё большее их противопоставление. Они стравлены, как волк и пёс на собачьих боях.

Толпе, чтобы она стала народом, надо дать достойную цель и показать истинного врага. И Дёгтев показывает этого врага – забвение славы предков и долг перед Родиной.

Христианское сознание автора возмущается картинами смерти и разрухи. А язычество, бунтующее в крови, восхищается отвагой и калейдоскопом экстремальных состояний человеческого характера и окружающего мира. Но для всякой борьбы и утверждения себя в жизни нужны силы, и источник их – в единстве природы человека и природы Отечества, вековой взаимной гармонии и равновесии борющихся, но вечных сил Тьмы и Света, из которых соткан мир и любая душа. И сама ценность Света состоит в том, что он способен вечно повергать Тьму, жаждет бороться с ней и борется. Дёгтев пишет: “Настоящая литература никогда не бывает вторична. Это всегда попытка пахать целину или хотя бы поперек борозд. Это всегда воспевание Бога и солнца. Это ясные краски, чистая палитра, горный свет... Потому будущее – за нашим позитивным реализмом, реализмом с активной жизненной позицией, где открытый и смелый взгляд на язвы нашей жизни, но где и “искры божественного света”. Мы идем навстречу солнцу, навстречу свету. С открытым забралом!”

Он взял эпиграфом для одного из рассказов строку Иннокентия Анненского: “Я люблю всё то, чему в мире ни созвучья, ни отзвука нет”. Мне подумалось: цитируя эти строки, автор имел в виду идеальное и совершенное бытие, к которому настоящий человек вечно стремится, но не может достичь и с надеждой устремляет взор в небеса. Наверное, многое в произведениях Дёгтева ускользает от нас — настолько утонченны эти нюансы человеческих эмоций и раздумий, но всё выразимое и невыразимое сливается в одно понятие “русская душа”.

Деревенское детство, как рай, воплощенный на земле, но утерянный в смятенном мире, волнует и оживляет душу автора. Тонкий лиризм картин природы, ласковый говор близких, свежий ветер полей, скромное обаяние летних лугов, таинственный шепот деревьев. Воспоминания о потерянном рае никогда не дадут смириться с низменной жестокой реальностью. “Я рассказывал, захмелев от воспоминаний, о родной своей Юневке, как красиво — белые домики с разноцветными крышами по рыжему крутосклону над Доном — раскинулась она, какие загадочные, розово-лиловые зори цветут над озером Варварка, когда сидишь, замерев перед поплавком; какие красивые, прямо багрово-коралловые, становятся по осени вишневые сады...” И после этих воспоминаний, как страшное открытие, — кадры документальной съемки, где друг Султан переворачивает ногой убитого на междоусобной войне человека. Диалог одухотворенного сознания с природой отчизны прерывают явления обыденные, сиюминутные, подчас жестокие, несущие разрушение души и тела. Быт против бытия. Вспоминается Лермонтов, стоящий над замутненным кровью потоком Валерика:

*Я думал: Жалкий человек,
чего он хочет? Небо ясно,
под небом места много всем,
но непрестанно и напрасно
один враждует он. Зачем?*

Наверное, и у каждого в душе нет-нет да и дрогнет струна ностальгии о братстве всех народов в огромной державе. С какого мгновения эта гармония начала рушиться? Неужто она была искусственной и основанной на строгих законах и силе армии? Но жаль порой наш сон золотой...

Некогда Александр Невский говорил, что Восток хочет забрать наше тело, а Запад душу. Подлинный патриотизм — удел не всех скопом людей, это судьба тех, кто чувствует невозможность жить иначе — не умеет и не желает. Идея приговоренности даровитого автора к правде, настоящего воина к подвигу, подлинного искусства к непродажности, когда можно было бы прожить и проще, безопаснее и полагаясь на власть, но, как в песне поётся: “...и поверить хочу, а душа не велит!” И кто-то вновь утверждает древние обычаи и опасную правду веков среди неустойчивого, неясного мира. Таков персонаж почти документального дёгтевского рассказа “Четыре жизни” — русский, поехавший воевать за сербов, не сдавшийся превосходящему противнику. После смерти мусульмане разрубили его на четыре части и на каждую выменяли из плена своих соратников. А русского воина позже канонизировала Русская зарубежная церковь...

Вспоминаются слова Игоря Талькова: “На колени меня может поставить только любовь”. Герои Дёгтева готовы смириться только в любви — к Родине, Богу, ближним. Тут они уязвимы и самоотречённые. Но непреклонны перед лицом врага и, даже поставленные к стенке, с презрением смотрят на палачей. И печальной гордостью исполнена речь русского писателя и гражданина Вячеслава Дёгтева: “...моя жизнь — сплошное недоразумение, цепь ошибок, которые я не исправляю. А наоборот, лишь продолжаю множить. Но жить иначе, “умно”, я не могу. И главное — не хочу!” Очарование иррационального мышления его героев чисто национальное, это наш русский “авось”, “или грудь в крестах, или голова в кустах” и “вперёд очертя голову”. Так побеждаем!

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

САМАЯ ЖГУЧАЯ СВЯЗЬ

Я издавна знаю и высоко ценю творчество поэтов Кемеровской земли. Двадцать лет назад, посетив этот край, я познакомился сразу с целым поэтическим созвездием Западной Сибири – с Любой Никоновой, Николаем Колмогоровым, Александром Ибрагимовым, Виталием Крековым, Сергеем Донбаем, Борисом Бурмистровым. Все они стали моими младшими друзьями и авторами журнала “Наш современник”. К поэтическим сборникам Колмогорова и Донбая мне довелось написать предисловие. А теперь вот и Борис Бурмистров попросил меня быть редактором и составителем его книги.

“Жизнь прожить – не поле перейти”. И эту дорогу по бескрайнему полю поэт не прошёл бы, если бы не нащупал кровные связи с высшими обликами и явлениями жизни, и в первую очередь с прошедшим, настоящим и будущим поколением родных людей:

*В моём лице — морщинки прапрадеда,
В моём лице — улыбки праправнука,
В моём лице — крупинки прапрасвета,
В моём лице — полоски праправзвуча.*

С чем сталкивается человек, вступивший на край этого поля? В первую очередь, конечно же, с роковой неизбежностью работы, с библейским поведением: “В поте лица своего будешь добывать хлеб свой”...

*Что-то оплачено кровью и потом,
Что-то свалилось, как манна с небес.
И в одиночку, и с целым народом
Нёс я безропотно тяжкий свой крест.
Кто-то роптал, изнывая от тяжести,
Кто-то проклятья швырял в пустоту.
Тихие, тихие горести-радости
Следом плелись, подгоняя толпу.*

Картинами вечной народной трудовой страды заполнена рукопись Бориса Бурмистрова. Он не “согледатая праздный”, не свидетель, а такой же, как все, соучастник земной, материальной, исторической мистерии, с достоинством несущий “бремя страстей человеческих”.

*Жил. И не просто ведь жил —
Завтрашний день предугадывал,
Я ли траву не косил,
Я ли стога не укладывал.
Я ли колодцы не рыл
И за работу в награду
Воды подземные пил,
Жадно впивая прохладу.*

Одним, чтобы “в поте лица своего” одолевать поле жизни — нужны более высокие цели, нежели кусок хлеба и глоток воды. Только в молодости можно рыть колодцы, метать стога, мыть золото в реках и ручьях Колымского края, одолевать просторы русских бездорожий без истерики и без проклятий, с терпением, без которого русские люди не построили бы страны.

*Распутица. Ташу сапог из глины,
Сезон осенних проливных дождей,
Заезженные русские равнины —
Храп лошадей и взмыленных людей.*

Как это всё знакомо нам, русским людям из простонародья, истинным поэтом которого я считаю Бориса Бурмистрова.

И каково ж было всем нам, детям этой стихии, понять то, что понял поэт в 90-е годы прошлого века и выразил в стихотворении “Нищета”, написанном рукой, до сих пор дрожащей “от тяжёлой колымской работы”.

*Пойдём, подруга нищета,
И дальше в поисках позора.
Кому предъявим мы счета
В дни всенародного разора?*

Не часто поэт бросает свой взгляд в мир социальных страстей, но все его строки, написанные на злобу дня, правдивы и убедительны. Если семьи, родные, родова для какого-нибудь умного немца всего лишь числа “дурной бесконечности”, то для нашего русского поэта — передача вечного тепла из ладони в ладонь, из губ в губы, из очей в очи. Тепло связует обрывки времён, заполняет провалы памяти, наполняет жизнь шумом родословного дерева,

*Это дерево вечно растёт.
Его корни в глубинах пространства.
В кроне, в листике каждом течёт
Кровь язычества и христианства.
Я листочек на ветке любви,
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены.*

В эту кровную связь, в её пульсирующий круговорот естественно вплетены и живые картины, и вздохи родной природы.

*И холмы, и равнины,
И глухая тайга,
Скрип продрогшей осины,
И стога, и снега...
Это все мы с начала
И до смертного дня,
И кусты краснотала,
И речушка Иня,
Тихий шёпот ковыльный,
Звон колосьев литых,
И далёкий былинный
Голос предков моих.*

Это не “публицистическое разгильдяйство” (говоря словами Блока), чем частенько грешит патриотическая лирика, а таинственная сокровенная “скрытая теплота патриотизма”, о которой вспоминал Лев Толстой в “Войне и мире”. Эту скрытую теплоту поэт научился ценить и ощущать, потеряв многих своих родных и близких.

*Лодка печали причалила к дому.
Мы же не звали её, не просили,
Сел в эту лодку отец наш Василий,
Дочка Светлана, сынок — Василёчек,
Бабушка Дуня и сын её — лётчик,
Брат Анатолий и друг его странник —
Лодка отчалила, скрылась в тумане,
Лишь перевозчик махнул на прощанье
И оглянувшись, сказал: “До свиданья”.*

Стихотворение так и называется “Поминальное”. Сразу вспоминается “перевозчик-водогребщик” Александра Твардовского и великая человеческая мудрость, выраженная в словах “для Бога мёртвых нет”. Поэтому, наверное, и печаль поэта светла, а его стихи об ушедших похожи на глубокие вдохи и выдохи.

*В этот день я с вами, вы со мной —
Двери потайные открыты.
Здесь какой-то шёпот неземной
И цвета закатные разлиты.
(Из стихотворения “Родительский День”)*

Отцовство, материнство, братство — вот чувства, которые помогают нам не впасть в отчаянье, “переходя поле” жизни. А если ещё на свет пробился новый росточек, взамен сломанных житейской бурей, то и силы человеческие возрождаются вновь.

*Новый день теплом согреет
Ласковое солнышко.
Вырастай, сынок, скорее,
Маковое зёрнышко.
Поделюсь я всем с тобою,
Род наш крепкий, злаковый.
От ветров тебя укрою,
Стебелёк мой маковый.*

Перелистываю рукопись и везде нащупываю эти кровные связи — вены, артерии, сухожилия.

*Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле.
За них готов молиться день и ночь —
Храни их, Боже: мать, жену и дочь.*

Жизнь, словно кинолента, сматывается в прошлое, и волшебное воспоминание всплывает в памяти седого мужчины:

*Из прошлого высвечен сердцем
Нетленный родительской дом,
В нём зыбка с кудрявым младенцем
Качалась под звёздным окном.*

И даже трагический образ родины, умытой кровью в октябре 1993 года, в жизни поэта совмещается с униженной женщиной-матерью:

*Родина — женщина русоволосая,
Милая, милая — нету милей...
Что же ты нынче нагая и босая
Кровь источаешь на груди камней.*

А когда исчерпаны все земные возможности, которые человек обретает в работе и в кровной связи, истрачены силы, данные нам природой для “перехода через поле”, то у каждого из нас остаётся золотой запас веры, наш последний, говоря словами Евгения Баратынского, “якорь, надежды символ”; вера – последнее средство от смертного греха, который называется отчаянием.

*Я снова загнан в угол...
Где тьма, где белый свет?
Но нет во мне испуга
И страха тоже нет.
Бывало и похуже,
Вы помните, друзья,
Как в наши души стужа
Вползала, как змея.
Но мы любовью жили,
Молитвою Творца,
И в стужу не остыли
Ни души, ни сердца.*

---

*Поздравляем нашего друга
Бориса Бурмистрова с 65-летием!
Желаем вдохновенья, читательской любви
и уважения со стороны собратьев по перу.*

ДМИТРИЙ НЕЧАЕНКО

“ДВЕНАДЦАТЬ” КАК СНОВИДЧЕСКАЯ МИСТЕРИЯ

(новое о поэтике легендарной поэмы Александра Блока)

В записных книжках Блока сохранилось несколько набросков пьес, основу сюжета которых составляют факты биографии поэта, постоянно мыслившего себя актёром на жизненной сцене¹. Один из самых характерных таких набросков – запись от 19 августа 1908 г.: “Режиссёр – (Смерть) Время. Слова на сцене <...> у плохо сколоченной стенки садового театра дремлет Старик актёр в гриме Гамлета. Режиссёр – преувеличенно громким голосом, хлопая старика по плечу: “А вы всё спите (дремлете), принц?” Уходит в глубь сада. Старик просыпается. Молодость прошла. Ветер крутит по дорожкам жёлтые листья. Сиверко². “Миленький, тебе не жаль меня?” А рядом кривляется и звенит Арлекин. Режиссёр-Время. Нам нечего скрывать друг от друга. Вся наша труппа стара, и сам я старше всех”³. Если вспомнить о том, что роль Гамлета – любимая роль юного Блока в сыгранных им (в 1898 г.) любительских спектаклях в Шахматове, Боблове и Дедове, а также о том, что лирический герой поэта тоже предстаёт перед нами в образе датского принца (“Я – Гамлет. Холодеет кровь...”), жизненный и философский подтекст приведённого фрагмента становится особенно драматичным.

Излюбленные театральные маски Блока со времени “Балаганчика” – Колумбина, Арлекин и Пьеро – стали *главными* персонажами поэмы “Двенадцать”: Катькой, Ванькой и Петрухой. И легкомысленная петроградская кокотка Катька, и солдат Ванька, и красногвардеец Петруха наделены у Блока характерными чертами площадных скоморохов-лицедеев и кукол-марионеток: Ванька – “физиономией дурацкой” с чёрными усами; он “пошучивает”, “чёрный ус покручивает” да “толстоморденькую Катьку-дуру обнимает, заговаривает”; у Петрухи “не видать совсем лица”, “платок на шее” и явно шутовская, “марионеточная” манера “вскидывать” при ходьбе “головку”. В предисловии к книге “А. Блок. Двенадцать” (издана в Софии) П. Сувчинский ещё в 1920 г. обратил внимание на одну характерную особенность изображения красногвардейцев в поэме: все они – как будто “игрушечные, даже оловянные солдатики”⁴. Далекое не случайно в данной связи, конечно, и настойчивое акцентирование Блоком (с помощью уменьшительной лексики) миниатюрной марионеточности не только героев поэмы, но и всей её фантазмагорической, мистериальной, театрально-кукольной атмосферы⁵: “Завивает ветер белый

* Окончание. Начало в № 8 за 2011 г.

снежок. / Под снежком – ледок. ... / Всякий ходок / Скользит – ах, бедняжка!"; "старушка убивается–плачет... / Старушка, как курица"; "Рваное пальтишко, / Австрийское ружьё!"; "зубки блещут жемчугом"; "толстоморденькая"; "Эх, эх, попляши! / Больно ножки хороши!"; "будешь знать, / Как с девочкой чужой гулять!"; "И опять идут двенадцать, / За плечами ружьеца"; "ночки чёрные, хмельные"; "Выпью кровошку / За зазнобушку, / Чернобровушку"; "их винтовочки стальные / На незримого врага"; "в белом венчике из роз". Роковая сердцеедка Катька тоже ведёт себя как вертепная кукла⁶, марионетка ("Запрокинулась лицом, / Зубки блещут жемчугом") и характеризуется хотя и немногословно, но вполне определённо: "толстоморденькая" и "дура". При этом не следует забывать об этимологии самого слова "марионетка", исполненного парадоксального, двойного смысла, ведь происходит оно от имени Приснодевы Марии, главной героини старинных кукольных мистерий⁷. Впоследствии марионетки исподволь стали называть вообще всех кукол, участвующих в представлении. При чтении кульминационных – 4-й, 5-й и 6-й – глав поэмы создаётся впечатление, что перед нами разыгрывается какая-то действительно вертепная драма, сочетающая в своей поэтике самые разнородные элементы – скоморошества, гротеска, пародии и даже трагедии, поскольку всё заканчивается "простреленной головой" несчастной Катьки. В данной связи обращает на себя внимание одно любопытное, но мало кому из литературоведов известное обстоятельство. В 1918 г. (в год создания Блоком "Двенадцати") в Киеве известный тогда историк и теоретик театра А. Кисиль издал книгу "Украинский вертеп", где предложил использовать опыт народного вертепного театра для политического просвещения народа. Именно Кисиль впервые предложил использовать кукольный вертеп как вид агиттеатра. Осенью 1923 г. на Украине по инициативе студентов и преподавателей Межигорского художественно-керамического техникума был организован "Революционный вертеп" под руководством П. Горбенко. Создатели его, будущие профессиональные художники, использовали старинную форму народного театра кукол для антирелигиозной агитации и пропаганды революционных большевистских идей. Успех межигорского вертепа превзошёл все ожидания его создателей: театр стал гастролировать по всей Украине. В 1924 г. после гастролей в Прилуках и Житомире в этих городах также были созданы свои "революционные вертепы"⁸. Малороссийский опыт использования в целях коммунистической пропаганды традиций марионеточного театра и *commedia dell'arte* удивительным образом оказался востребованным и в Европе, о чём свидетельствует биография Дарио Фо (род. в 1926 г.). Фо – еврей итальянского происхождения, теоретик театра, с 1963 г. выступавший актёром, режиссёром и автором скетчей для кабаре и уличных представлений. Начиная с 1969 г. Фо руководил передвижной театральной труппой "Ла коммуна" и был близок к левым социалистам. Фо – автор сценических фарсов-арлекинад ("Пальцем в глаз", 1953) и политических драм в традициях брехтовского театра ("Народная война в Чили", 1973). В его проникнутых чёрным юмором гротескно-сатирических пьесах "Мистерия-буфф" (1969), "Случайная смерть анархиста" (1970), "Тук-тук! Кто там? Полиция" (1974), "Не можешь платить – не плати" (1981) приёмы традиционного иудейского агитпропа (я имею в виду, прежде всего, послереволюционные театральные постановки В. Мейерхольда и "массовые зрелища" Н. Евреинова) причудливо сочетаются с гротескными элементами комедии дель арте, ярмарочного театра кукол и цирковой клоунады. В 1997 г. Дарио Фо стал даже обладателем Нобелевской премии по литературе, что в ряду таких лауреатов как И. А. Бунин, У. Фолкнер или Э. Хемингуэй воспринимается, конечно, как чистейший курьёз или как та же самая *commedia dell'arte*, приёмы которой Фо на протяжении многих лет успешно эксплуатировал.

Жанр вертепной драмы (как следует из самого понятия) получил своё название от *вертепа* – народного кукольного театра, имеющего форму двухэтажного деревянного ящика и напоминающего по строению сценическую площадку, служившую некогда местом для представления средневековых мистерий. Как отмечают театроведы, вертеп сочетал в себе два театральных направления – обрядовый, магический "театр чудес" и театр народного игрища, театр религиозный и театр светский⁹. Началом вертепной драмы следует считать рождественскую драму марионеток, перешедшую в XVII в. из Западной Европы в Польшу и на Украину. Обычное содержание вертепной драмы таково:

царь Ирод, узнав от волхвов, что родился Иисус Христос, претендующий на престол царя иудейского, призывает воина и приказывает ему истребить в Вифлееме “всех младенцев от двух лет и младше”. Воин выполняет приказ, но “одна старая баба Рахиль не даёт своего дитёнка бити”, и тогда рассвирепевший Ирод повелевает убить ребёнка Рахили. За свои злодеяния Ирод платится жизнью: явившаяся с того света Смерть отрубает ему голову, а черти тащат его труп в преисподнюю. После гибели Ирода на сцене с пением и пляской появляются весёлые персонажи интермедии – цыган, еврейка, москаль, дед с бабой, церковный пономарь и др. Таким образом, вертепная драма делится на две части: в первой разыгрывается евангельский сюжет, связанный с рождением Христа, а вторая часть представляет собой механически присоединённую к первой сатирически-бытовую и комическую интермедию¹⁰. Нечто подобное этой дихотомии, только в обратном порядке, мы видим в поэме “Двенадцать”: все первые её 11 глав и большая часть 12-й посвящены изображению пёстрой картины революционного Петрограда, и только в самом финале возникает мистериальное видение Иисуса Христа. О том, что сам Блок воспринимал образ “в белом венчике из роз” именно как *видение, сон наяву*, свидетельствует его дневниковая запись 10 марта 1918 г., у которой есть своя предыстория.

Накануне этого дня жена поэта Л. Д. Блок посетила О. Д. Каменеву (в девичестве Бронштейн), сестру Л. Д. Троцкого и супругу Л. Б. Каменева, ставшую после Октября комиссаром Театрального отдела, то есть руководителем всех театров России. Комиссар Каменева высказала своё мнение о только что (3 марта) опубликованной поэме и о намерении Л. Д. Блок выступить с её чтением со сцены. 9 марта 1918 г. Блок отметил в записной книжке: “Каменева сказала Лубе: “Стихи Александра Александровича (“Двенадцать”) – очень талантливое, почти гениальное изображение действительности. Анатолий Васильевич (Луначарский) будет о них писать, но читать их не надо (вслух), потому что в них восхваляется то, чего мы, старые социалисты, больше всего боимся”. Марксисты умные, – может быть, и правы. Но где же опять художник и его бесприютное дело?..”¹¹ Чего же так испугались “старые социалисты”? Впервые аргументированно и подробно написал об этом В. В. Кожин, сакцентрировавший внимание на том, что “умных марксистов” напугало прежде всего, как им показалось, “восхваление”, то есть воспевание Блоком непредсказуемой стихии “русского бунта, бессмысленного и беспощадного”¹². Надо сказать, что не только Каменева или Луначарский, но и другие вожди большевиков восприняли “Двенадцать” отнюдь не как произведение, целиком и полностью близкое им по своей “идеологии”. Позднее, в 1923 г., Троцкий, признав (под влиянием уже сложившегося в большевистской критике стереотипа), что Блок создал “самое значительное произведение эпохи”, вместе с тем предпринял крайне любопытный с точки зрения яркого хриstopродавца, большевика и ненавистника “старой” России разбор “Двенадцати”: “Блок не был поэтом революции. Погибая в тупой безвыходности предреволюционной жизни и её искусства, Блок ухватился рукою за колесо революции. Плодом этого прикосновения явилась поэма “Двенадцать” – единственное из произведений Блока, которое переживёт века. По собственным словам, Блок всю жизнь носил в себе хаос. Говорит он об этом так же бесформенно, как бесформенны вообще его мироощущение и лирика. Хаосом чувствовал он свою неспособность сочетать субъективное с объективным, своё настороженно-выжидательное безволие в эпоху, когда подготавливались, а затем и разразились величайшие потрясения. Во всех перевоплощениях Блок оставался подлинным декадентом <...> Тревожная хаотичность Блока тяготела к двум главным уклонам: мистическому и революционному. И на обоих уклонах не разрешилась до конца. Религия его была расплывчатой, зыбкой – как его лирика. Революция, обрушившаяся на поэта каменным дождём фактов, геологическим обвалом событий, начисто не то что отрицала, а отодвигала, отменяла дореволюционного Блока, исходившего в томлениях и предчувствиях. Нежную комариную нотку индивидуализма она заглушала ревушей и ухающей музыкой разрушения. И тут надо было выбирать. И он выбрал, написав “Двенадцать”. Поэма эта есть – крик отчаяния за гибнущее прошлое <...> Музыка грозных событий внушала Блоку: всё, что ты доселе писал, не то; идут другие люди, несут другие сердца, им это не нужно; их победа над старым миром означает и победу над тобой, над твоей лирикой, которая была только предсмерт-

ным томлением старого мира. Блок услышал это и принял, — и так как тяжело было принять, и в своей революционной вере искал он помощи неверию своему, и хотел подкрепить и убедить себя, — то приятие революции выразил в наивозможно крайних образах, чтоб уж отрезать все мосты отступления. У Блока нет и тени попытки благочестиво посахарить переворот. Наоборот, он берёт его в самых грубых, и только в грубых, его выражениях, — стачка проституток, убийство Катьки, разгром буржуйских “этажей”, — и говорит: *примлю*, и вызывающе освящает всё это благословением Христа — или, может быть, пытается спасти художественный образ Христа, подперев его революцией. И всё же “Двенадцать” не поэма революции. Это лебединая песня индивидуалистического искусства, которое приобщилось к революции. И эта поэма останется. Сумеречная блоковская лирика уже ушла в прошлое и не вернётся. И то, что Блок написал “Двенадцать”, и то, что он замолчал после “Двенадцати”, перестав слышать музыку, вполне вытекает как из характера Блока, так и из той не очень обычной “музыки”, какую он уловил в 1918 году. Судорожный и патетический разрыв со всем прошлым стал для поэта фатальным надрывом. Поддержать Блока — если отвлечься от происходивших в его организме разрушительных процессов — могло бы, может быть, только непрерывно нарастающее развитие событий революции, могущественная спираль потрясений, охватывающая весь мир. Но ход истории не приспособлен к психическим потребностям пронзённого революцией романтика. Чтобы держаться на временных отмелях, нужен был иной закал, иная вера в революцию, — понимание её закономерных ритмов, а не только хаотической музыки её прилива. У Блока ничего этого не было и быть не могло. Руководителями революции выступали сплошь люди ему чуждые по психическому складу и даже по обиходу своему. И оттого после “Двенадцати” он свернулся и замолчал <...> Блок именно в 1918 году нашёл в себе (конечно, уж не на мостовой, а в себе) изломанную музыку “Двенадцати”. Для этого понадобилась мостовая Октября. И всё же “Двенадцать” не поэма революции. Ибо не в том же смысл революционной стихии, чтобы дать выход забившемуся в тупик индивидуализму. Внутренний смысл революции остаётся где-то за пределами поэмы, — она эксцентрична, в смысле механики, — и оттого увенчивает её Блок Христом. Но Христос никак не от революции, а только от прошлого Блока <...> Блок даёт не революцию, и уж, конечно, не работу её руководящего авангарда, а сопутствующие ей явления, хотя и вызванные ею, но, по сути, направленные против неё. Поэт как бы хочет сказать, что и в этом он её чувствует, её размах, страшное потрясение сердец, пробуждение, дерзновение, риск, и что даже в этих отталкивающих бессмысленно-кровавых проявлениях преломляется её дух, который для Блока есть дух вставшего на дыбы Христа <...> Ванька убивает Катьку из винтовки, которая ему дана его классом для защиты революции. Мы говорим: это попутно революции, но это не революция <...> Красногвардеец из ревности убивает Катьку. Возможно это или невозможно? вполне возможно. Но такого красногвардейца революционный трибунал, если бы настиг, приговорил бы к расстрелу. Революция, применяющая страшный меч террора, сурово оберегает это своё государственное право: ей грозила бы неминуемая гибель, если бы средства террора стали пускаться в ход для личных целей. Уже в начале 1918 года революция расправилась с анархической разнузданностью и вела беспощадную и победоносную борьбу с разлагающими методами партизанщины <...> Но если для Блока революцией является сама Россия, как она есть, то что означает “вития”, который считает революцию предательством, что означает поп, идущий в сторону, что означает “старый мир, как пёс паршивый”? Россия раскололась надвое — в этом и состоит революция. Блок одну половину назвал паршивым псом, а другую благословил теми благословениями, какие имелась в его распоряжении: стихом и Христом <...> Конечно, Блок не наш¹³.

Оставим за скобками присущую автору этого небезынтересного ныне разбора фарисейскую риторику, погрешности стиля и одесский “акцент” (“крик отчаяния за гибнущее прошлое”, “нет и тени попытки”) и даже плохое знание текста “Двенадцати” (на самом деле “убивает Катьку из винтовки” не Ванька, а Петруха). Для нас в данном случае важно другое: во-первых, неоднократное акцентирование Троцким чуждости Блока самому духу большевизма и, во-вторых, решительная констатация того, что “Двенадцать” — не поэма революции, а произведение “по сути, направленное против неё”. В чём тут дело?

А дело всё в том, что, по мнению Троцкого, “для Блока революция есть возмущённая стихия: “ветер на всём божьем свете!” <...> Для Клюева и для Есенина – пугачёвский и разинский бунты <...> Но революция вовсе не только вихрь. Крестьянской революционной стихии отвечают Пугачёв, Разин, отчасти Махно. Революционной стихии города отвечают Гапон, отчасти Хрусталёв¹⁴ и даже Керенский. Это ещё, однако, не революция, а только смута или суматоха на смуте. Революция же есть прежде всего борьба за власть, за утверждение власти, за преобразование общества <...> По существу же революция означает окончательный разрыв со святой Русью, с иконами и тараканами, приобщение к цивилизации и перестройка её материальных основ в соответствии с интересами народа”¹⁵. Остаётся только поражаться тому, насколько одинакова во все времена фарисейская демагогия, ведь то же самое красноречивое “преобразование общества” и “перестройке в интересах народа” (только не с одесским, а со ставропольским акцентом) ещё совсем недавно мы слышали из уст первого и последнего президента СССР. Как бы там ни было, основные идеологические претензии Троцкого к Блоку предельно ясны: вместо восторженного панегирика новой власти и её вождям (в том числе самому Троцкому) поэт даёт всего лишь картину “возмущённой стихии”, а вместо “окончательного разрыва со святой Русью и иконами” – хотя и неканонический, странный, но всё же в любом проявлении (кроме богохульного) ненавидимый большевикам образ Иисуса Христа. Поэтому для Троцкого и Блок, и Есенин, и Клюев – всего лишь “только попутчики”, или, как он выразился ещё более определённо, с еврейской непосредственностью: “мистики и поэты национальных экскрементов”¹⁶. Негативное отношение Блока к леволыберальному и революционному еврейству хорошо известно по его дневниковым записям¹⁷ и переписке с поэтом А. И. Тиняковым¹⁸, но до такой пакостной брани, как в данном случае Троцкий, Блок всё же никогда не опускался. Итак, Блоку “умные марксисты” вменяли в вину, с одной стороны, “восхваление” стихии неуправляемого русского бунта, а с другой – решительное и упорное нежелание воспевать большевистскую “перестройку”, то есть “окончательный разрыв со святой Русью”. Особенное раздражение Троцкого, как видим, вызвало то, что “Двенадцать”, с его точки зрения как большевика и иудея, поэма всё же – по духу своему и по смыслу своего финала – слишком русская, поскольку увенчивается, как бы там ни было, всё же образом Иисуса Христа, а не героическим портретом самого Троцкого или его сообщников типа Нахамкиса и Розенфельда.

Самое пронизательное и глубокомысленное, что удалось мне прочесть о символическом Образе, который венчает “Двенадцать”, принадлежит перу одного поляка и одного еврея – людей совершенно далёких от академического литературоведения и потому, слава Богу, свободных от расхожих представлений и стереотипов. Первый из них – замечательный мыслитель, историк философии, этнический психолог, профессор (с 1918 года) Московского университета Г. Г. Шпет (1879–1937), расстрелянный в Томске по приговору “тройки” НКВД и ныне почти забытый. Второй – известный поэт Давид Самойлов (1920–1990). Размышляя в своих “Эстетических фрагментах” над смыслом финала “Двенадцати”, Шпет написал: “Андрей Белый дал любопытное толкование “Двенадцати”: “И вот, в Катке и Петке, в том звуке крушения старого мира, который Александр Александрович услышал со всей своей максималистической реалистичностью, должно быть начало восстания, начало светлого воскресения, Христа и Софии, России будущей: впереди – в светлом “венчике из роз” – Иисус Христос!..” Да не так же это надо понимать, что идут двенадцать, маршируют, позади жалкий пёс, а впереди марширует Иисус Христос, – это было бы действительно идиотическое понимание! “Впереди Иисус Христос” – что это? Это значит, что через всё, через углубление революции до революции жизни, сознания, плоти и кости, до изменения наших чувств, наших мыслей, до изменения нас в любви и братстве – вот это “всё” и идёт к тому, что “впереди” – вот к какому “впереди” это “идёт”. “Пёс”, конечно, ясен:

*Стоит буржуй на перекрёстке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жмётся шерстью жёсткой
Поджавший хвост паршивый пёс.*

*Стоит буржуй, как пёс голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пёс безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.*

Христос всё же не так-то ясен. Твёрдо одно: “максималистическая реалистичность”. Стало быть, — знак? символ? или видение? Чего же видение и знак и символ? — Не трансцендентного “ничто”, а прежде всего — собственного сознания, совести. И это двойка: 1) как — “во имя Христа” и 2) как укор — “что же делаем”? В этом ничего антихристианского нет. У нас до революции Христос отождествлялся с “попом”. В этом своеобразный “демократизм” православной русской церкви. И у римских католиков, и у греческих Церковь — Христос, но у первых Папа, а у нас “поп” (всё равно — иерей, архиерей, диакон, “батюшка”). Там сосредоточено, здесь дистрибутивно. В результате, “долой Папу!” ничего серьёзного не обозначало — протестантский маргарин. А в России “долой попов!” стало означать “долой Христа!”. Но так как укол совести — в “венчике из роз” — всё-таки, и с малолетства, — то как же отогнать навязчивое видение, беспокоящее видение? И снова, и снова — всё настоятельнее тревога, что видение это — действительность, та самая разрушаемая действительность.

*— Всё равно, тебя добуду.
Лучше сдайся мне живьём!
— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнём!
Трах-тах-тах!..*

Действительное выстрелов не боится. Знак, Символ, Имя — всегда действительны, всегда реальны. Одно только Имя — и видение оплотнеет.

*— Ох, пурга какая, Спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво...*

Значит, всё “долой” — в “бессознательность”: и Спасителя, и Его имя, и просто голос совести человеческой! Здесь-то рука и хватается приподнять завесу. Что за нею предстало Блоку? Холодное ничто, о котором поэт не говорит, да и сказать о ничто нечего. Лишь проникает в душу беспредельный ужас, рождающий отчаяние перед невозрождением, отчаяние от того, что всё — понапрасну, отчаяние, что в самой революции — всё тот же старый быт, “старый мир, как пёс паршивый”... Вдруг, в самом деле, не видение есть действительность, а наше старое нигилистическое ничто? Значит, оно — не кошмар и впредь останется? —

*Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...*

Заливается смехом злобным, торжествующим, издевательским? — Нет, едва ли. Этот смех не над “провалом” и “бездною”, а только над неудачей, над смешною ошибкою: сами выстрелы, само “трах-тах-тах” по действительному видению <Исуса Христа> — не действительно, не реально, иллюзорно. В этом — надежда. Ошибался поэтом и тот, кто говорил “вполголоса”: “Предатели! Погибла Россия!” Ошибался. Россия не погибла¹⁹. Особенно дорогого стоит в этом довольно сумбурном разборе, конечно, упоминание о том, что в Христовом “венчике из роз” запечатлён живший в сознании (или подсознании) Блока “с малолетства” укол христианской совести, и поэтому “отогнать” от себя “навязчивое видение” Спасителя поэту было не под силу. Сколько таких трогательных, любовно сплетённых руками крестьянок “венчиков” вокруг иконок видел-перевидел Блок окрест родного Шахматова, в сельских церковушках, на покосившихся от времени крестах тихих деревенских кладбищ, заросших рябинами и сиренью?.. “И если слабею, мне снится икона”²⁰, — напи-

сала в одном из стихотворений 1915 года Анна Ахматова. Эти же слова мог бы с чистой совестью повторить и Александр Блок, чтобы раз и навсегда объяснить маловерам смысл своего видения – явления Иисуса Христа над вьюжной круговертью в охваченном революционной бесовщиной Петрограде.

*Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.*

*Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре, —*

эти пушкинские стихи, предвещающие роман Достоевского “Бесы”, с полным основанием мог бы поставить эпиграфом к “Двенадцати” и Блок. О том, что в его подсознании во время работы над поэмой явственно звучала не только “мистическая”, но и музыкальная тема пушкинских “Бесов”, свидетельствует простое, “школьное” сравнение обоих текстов, совпадающих не только по стихотворному размеру, но даже по интонации. “Бесы”:

*Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... “Что там в поле?” —
“Кто их знает? пень иль волк?”*

*Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;*

*Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собрались
Средь белеющих равнин...*

“Двенадцать”:

*Вдаль идут державным шагом
— Кто ещё там? Выходи!
Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...*

*Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстаёт —
Пёс холодный — пёс безродный...
— Эй, откликнись, кто идёт?*

*Трах-тах-тах! — И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...*

Если, для наглядности, соединить строфы пушкинских “Бесов” и “Двенадцати”, может показаться, что перед нами одно и то же стихотворение:

*Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.*

Еду, еду в чистом поле;
 Колокольчик дин-дин-дин...
 Страшно, страшно поневоле
 Средь неведомых равнин!
 Бесконечны, безобразны
 В мутной месяца игре
 Закружились бесы разны,
 Будто листья в ноябре.
 Сколько их? куда их гонят?
 Что так жалобно поют?
 Домового ли хоронят,
 Ведьму ль замуж выдают?
 Отвяжись ты, шелудивый,
 Я штыком пощекочу!
 Старый мир, как пёс паршивый.
 Провались — поколочу!
 Эй, пошёл, ямщик! — “Нет мочи:
 Коням, барин, тяжело;
 Вьюга мне слипает очи;
 Все дороги занесло”.
 Впереди — сугроб холодный.
 — Кто в сугробе? — выходи!
 Только нищий пёс голодный
 Ковыляет позади.
 Сил нам нет кружиться доле;
 Колокольчик вдруг умолк;
 Кони стали... “Что там в поле?” —
 “Кто их знает? пень иль волк?”
 Скалит зубы — волк голодный —
 Хвост поджал — не отстаёт —
 Пёс холодный — пёс безродный...
 — Эй, откликнись, кто идёт?
 Кто там машет красным флагом?
 Приглядись-ка, эка тьма!
 Кто там ходит беглым шагом,
 Хоронясь за все дома?..
 Еду, еду в чистом поле;
 Колокольчик дин-дин-дин...
 Страшно, страшно поневоле
 Средь неведомых равнин!

Явственное предвестие революционной бури, слившейся со стихией ветра и снежной вьюги, отчётливо слышится уже в блоковских стихах, написанных в декабре 1906 года, в самый разгар первой революции: “Ветер веет снежный”; “Тучи да снега”; “Ветер свищет в щель. / Как мне любо слушать / Вьюжную свирель!”; “Ветер, снежный север, / Давний друг ты мне!”; “Дети ночи чёрной — где мы? / Чьи взывают голоса?..”; “Отдалённого восстанья / Надвигающийся гул”; “О, город! О, ветер! О, снежные бури!..”²¹.

Конечно, пушкинские “фольклорные”, сказочные бесы куда менее страшны, чем революционные блоковские, да и тревожное колокольчиковое “дин-дин-дин” пушкинской тройки — это не губительное “трах-тах-тах” из “винтовочек стальных”, открывших пальбу по Святой Руси. Между тем, в Библии бесы являются не только причиной недуга бесноватых или вселяются в языческих идолов, но и обуславливают социальные конфликты, что резонно отмечено в статье “Бесы как причина политических проблем”²² авторитетных американских гебраистов. Бесы вмешивались в международную политику Израиля, Персии, Сирии и Греции (Книга пророка Даниила, Третья книга Царств). Местные политические интриги среди евреев (такие, как вражда между Авимелехом и жителями Сихема) тоже указывают на работу злого духа: “Авимелех же царствовал над Израилем три года. И послал Бог злого духа между Авимелехом и между жителями Сихема, и не стали покоряться жители Сихемские

Авимелеху, дабы таким образом совершилось мщение за семьдесят сынов Иеровааловых, и кровь их обратилась на Авимелеха, брата их, который убил их, и на жителей Сихемских, которые подкрепили руки его, чтоб убить братьев своих” (Суд. 9: 22–24). Паранойальное поведение царя Саула, учинившего настоящую охоту на Давида, мотивируется тем, что “на Саула напал злой дух от Бога” (1 Цар. 16: 14; 18: 10; 19: 9). Неправильный политический, военно-стратегический прогноз четырёхсот пророков при дворе Израильского царя Ахава объясняется работой “духа лживого” и злого, посланного Иеговой в наказание Ахаву за то, что по навету жены его Иезавели был оклеветан и побит камнями Навуфей Изреелитянин: “И вот, попустил Господь духа лживого в уста всех сих пророков” (3 Цар. 22: 22–23). Когда Христос исцелил бесноватого, фарисеи обвинили Его в том, что “Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского” (Мф. 12: 24). И тогда, отменяя этот злобный навет и свидетельствуя о Себе как о Мессии, Спаситель изрёк: “Порождения ехиднины! Я Духом Божиим изгоняю бесов. Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает. Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем” (Мф. 12: 28, 30–32, 34). “Фарисеи, – поясняет это место Святого Благовествования архимандрит Михаил, – ополчились в данном случае против яснейшего откровения божественного Святого Духа, как Он явил Себя во Христе изгнанием бесов. Фарисеи явились в открытой вражде против сего Духа до такой степени, что видимые действия Его приписали сатане, или веельзевулу, а посему хула на Духа означает не только отрицание очевидных действий Его, но и злобное оскорбление Духа, когда Его действия приписываются демону, что свидетельствует о крайнем неверии и ожесточении сердца. Не простится этот грех потому, что нравственное состояние, какое он предполагает и в котором может найти себе место этот грех грехов, таково, что человек теряет нравственную способность к восприятию действий Святого Духа; это состояние таково же, как состояние демонов нераскаянных”²³. Принимающий христианскую веру человек крестится Духом Святым – тем же Духом, которым Иоанн Предтеча крестил Самого Спасителя в Иордане: “Тогда пришёл Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него. Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко Мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду. Тогда Иоанн допустил Его. И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Иисуса. И се, глас с небес глаголющий: “Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение” (Мф. 3: 13–17). Вот почему хула на Святого духа и определяется Христом как наитягчайшее, неискупимое прегрешение. По назиданиям святых отцов, бесы зачинаются и изгоняются только именем Духа Святаго и единосущного и единоластного с Ним Иисуса Христа, только в Них, точнее – в колебимой вере в Них, наше спасение, крепкая оборона от нечистой силы и наша духовная опора искони и до веку. “Без присутствия Владыки небесного Иерусалима не может быть побеждён диавол с сообразным ему полчищем”²⁴. “Беси бо Бога боятся; беси бо креста ся боять Господня”²⁵, – писано про них Киево-Печерским чернецом Нестором в “Повести временных лет”. Вот почему блоковская поэма о революционной бесовщине увенчивается образом Спасителя.

Раздумья Давида Самойлова на эту тему весьма знаменательны. Прочитав в феврале 1971 г. рукопись книги о Блоке своего друга Анатолия Якобсона²⁶, поэт оставил о ней в дневнике несколько записей: “Мои возражения: недопустимый, задиристый, петушащийся тон полемики; только автор знает истину; банальные идеи: образ многозначен, Блок двойственен. По-моему, Блок целен. “Двенадцать” и последующее – тому доказательство. Причина гибели Блока – цельность, а не раздвоенность. Слабо о Христе. Христос “Двенадцати” – высшая художественная идея, а не философский или политический замысел. В Христе – художественная идея: причастность всего этого мира к высшему. Это Христос Блока, но и “Двенадцати”. В Нём есть интимное, от иконки в скромном храме – белый венчик (не венец) из роз. Неправомерное разделение поэзии и публицистики Блока. Блоковское неприятие цивилизации –

идея русская, а не нищенская, она сродни Л. Толстому. Нельзя ставить знак равенства между народом и чернью, революцией и большевизмом. Вывод: книга не удалась. Да и не могла удалась. Политика слепит глаза. Злость мешает эстетическому анализу. Якобсон спорит слабо. Видимо, устал, разочарован в своей работе, которую мыслил как “взрыв и славу”. Христос в “Двенадцати” – *иррациональное*, возникшее помимо замысла, на взлёте вдохновения – как завершающая нота. Он вытекает из интонации, возвышает её. Он – композиционная точка. Он – *подсознание художника*²⁷.

Что думал по данному поводу сам Блок, можно узнать из его заметок в дневнике (10 марта 1918 г.) и записной книжке (18 февр. 1918 г.): “Христос с красногвардейцами. Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие²⁸ и думавших о нём <...> Красная гвардия – “вода” на мельницу христианской церкви (как и сектанство и прочее, усердно гонимое). Как богато еврейство было водой на мельницу самодержавия, чего ни один “монарх” вовремя не расчухал. В этом – ужас (если бы это поняли). В этом – слабость и красной гвардии: дети в железном веке; сиротливая деревянная церковь среди пьяной и похабной ярмарки. Разве я “восхвалял” (Каменева)? Я только констатировал факт: если взглянуть в столбы метели на этом пути, то увидишь “Исуса Христа”. Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный²⁹ призрак³⁰; “Что Христос идёт перед ними (красногвардейцами. – Д. Н.) – несомненно. Дело не в том, “достойны ли они Его”, а страшно то, что опять Он с ними, и другого пока нет; а надо Другого – ? – Я как-то измучен. Или рожаю, или устал³¹. Кто такой этот “Другой”, явствует из контекста: никем иным, кроме как Антихристом он быть не может, поскольку только Антихрист и есть единственная “мистериальная” альтернатива Христу. Исходя из этого, можно заключить: Блок прекрасно понимал, что возглавлять разбойную шайку грабителей и убийц может только сам дьявол³², – понимал и, как видно из текста записи, “измучился” сомнениями, но всё же окончательный выбор остановил на образе-“призраке”, образе-“видении” Иисуса Христа, причём в его старообрядческой, “сектантской” трактовке³³, поскольку известно, что именно так – “Исус”, а не “Иисус” – писали и произносили старообрядцы имя Спасителя. Как известно, в конце 1908 г. Блок неоднократно встречался с сектантами и посещал их собрания³⁴. М. М. Пришвин вспоминал в 1918 г.: “Мы в одно время с Блоком когда-то подходили к хлыстам, я – как любопытный, он – как скучающий. Хлысты говорили: “Наш чан кипит, бросьтесь в наш чан, умрите и воскреснете вождём”. Блок спрашивал: “А моя личность?...”³⁵ Точно так же, как, опасаясь утратить независимость и суверенитет своей личности художника-поэта, Блок удержался безоглядно сигануть в “кипящий чан” хлыстовства, устоял он и перед тем, чтобы окончательно и бесповоротно отречься от “святой Руси с её иконами и тараканами”. Подобно радикально антирусски и антихристиански настроенному еврейству, “задрав штаны”, лавиной хлынувшему в революцию и в карательные отряды ЧеКа; подобно мейерхольдам и евреинным, “неустанно нюхать воздух и приспособляться” к новой власти Блок не умел, не захотел да и не был на это способен. Легко предать, как В. Брюсов, М. Горький, А. Белый или А. Н. Толстой, “тараканную Русь” и растоптать святые иконы Блоку помешала *христианская* совесть колеблющегося между верой и безверием агностика. И это, конечно, отчётливо понял Троцкий, с фарисейством прирождённого словоблуда высмеявший в своём разборе “Двенадцати” “индивидуализм пронзённого революцией романтика” и назвавший поэта “*подлинным декадентом*”. Что подразумевал под этим определением “литературовед” с маузером на боку, можно понять, если обратиться к одной статье известного теоретика “мистического анархизма” Г. И. Чулкова, посвящённой публикации “Двенадцати” и озаглавленной “Красный призрак”. “Декадентство, – утверждал здесь Чулков, – есть прежде всего своеволие, отъединение, самоутверждение, беззаконие³⁶. Этого “своеволия”, “самоутверждения”, индивидуализма, художнического суверенитета, “отъединения” от общего революционного стада как раз больше всего и опасались “умные марксисты”, разглядевшие в подтексте “Двенадцати” то, что долгие годы не могли или не хотели увидеть записные советские блокведы, повторявшие друг за другом, как попугай, одно и то же: “Октябрьская революция открыла Блока как поэта <...> Он создал свой поэтический шедевр – всемирно прославленную революционную поэму, которая навсегда осталась в художественной истории человечества

величественным памятником Октябрьской эпохи <...> В “Двенадцати” Блок с громадным вдохновением и блистательным поэтическим мастерством запечатлел образ новой, революционной родины. Он понял и принял революцию”³⁷.

В утверждении о том, что Блок “понял и принял революцию”, есть своя глубокая правда, только смысл её совершенно иной, чем это явствует из контекста вышеприведённой цитаты. “Христос с красногвардейцами. Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нём”, – записал Блок, как мы помним, в своём дневнике. Что означают эти, на первый взгляд, загадочные слова? Только ли то, что Господь наш искони и довеку всегда на стороне неимущих и обездоленных? “Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушённых сердцем, проповедовать слепым прозрение” (Лк. 4: 18), – действительно сказал Христос, но ведь имел Он в виду, прежде всего, “нищих духом”, “сокрушённых сердцем” и слепых в невежественной темноте своего безверия, а вовсе не сброд голодранцев, готовых ради того, чтобы залить глаза, набить брюхо и поживиться чужим добром, оторвать голову первому встречному. Сказано в Писании: “Любовь Христова объемлет всех. Христос за всех умер” (2 Кор. 5: 14–15) и муки крестные принял за всех – не только за бедных, сирых и убогих, но и за богатых и удачливых, не только за талантливых и знаменитых, но и за бездарных и завистливых. Смирненно омыв во время тайной вечери своим ученикам ноги и отерев их полотенцем, которым был препоясан, Христос, по обыкновению прибегая к притчевому назиданию, сказал апостолам: “Знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам. Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его. Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете” (Ин. 13: 12–17). Это значит, что никакого преимущественного права перед Господом нищий без гроша в кармане и даже пребывающий в рабской зависимости по сравнению с богатым и властвующим не имеет. Для Господа важна наша искренняя, глубокая вера, а не имущественный ценз или сословная принадлежность. Византийская императрица Елена, обретшая в IV в. в Иерусалиме Животворящий Крест Господень, построившая множество храмов и щедро помогавшая бедным, прославлена Церковью как святая, в то время как злословивший Христа во время его крестных мук и ошую распятым рядом с Ним голодранец-разбойник Гестас отправился прямым в преисподнюю. Другой же злодей, Дисмас, распятый одесную Иисуса, раскаялся, уверовал в Господа и в мгновение ока стяжал райское блаженство. Такова сила Благодати Господней, которая, как сказал мудрец, “даётся даром и по неизвестному определению”³⁸.

Особо следует акцентировать в аспекте новых, недавно опубликованных свидетельств, ещё один – самый знаменательный – смысл явления образа Иисуса Христа в финале “Двенадцати”. Ведь сознать это явление мы всё же должны как можно ближе к тому, как трактовал его для себя сам Блок, а не его многочисленные и по большей части близорукие интерпретаторы. Тут необходимо отметить, что если история религиозно-философских исканий петербургской интеллигенции до революции 1917 года изучена довольно неплохо³⁹, то исследования на эту же тему, касающиеся периода большевистской диктатуры, стали появляться недавно и поэтому вызывают повышенный интерес⁴⁰. В книге петербургского историка, авторитетного масоноведа В. С. Брачева “Оккультисты советской эпохи” (2007) приводятся подтверждённые документами данные о деятельности в 1921–1928 гг. в Петрограде (с 1924 г. – Ленинграде) организованных И. М. Андреевским⁴¹ православно-философских кружков “Хельфернак” (Художественно-литературно-философско-религиозная научная академия) и “Братство преподобного Серафима Саровского”. Заседания “Хельфернака” (проходившие по средам на квартире И. М. Андреевского на мансардном этаже дома на Церковной улице, 12), наиболее активная деятельность которого приходится на 1921–1925 гг., посещали в числе литераторов, учёных, студентов персоны и по сию пору знаменитые – будущий академик Д. С. Лихачёв и будущий классик литературоведения М. М. Бахтин. На заседаниях “Братства преп. Серафима Саровского” в 1926–1927 гг. горячо обсуждались доклады о молитве, о святых отцах, о прообразах Иисуса Христа в Ветхом Завете, о литургике, о прототипе старца Зосимы у Ф. М. Досто-

евского, о ранней истории русской церкви (этот доклад был представлен Д. С. Лихачёвым). Тогда же сын профессора Е. Ф. Аничкова (близкого приятеля А. А. Блока), научный сотрудник НИИ языков ЛГУ Игорь Аничков (род. в 1891 г.) выступил перед членами “Братства” с докладом “Россия и антихрист”, в котором, излагая свои убеждения, сказал: “Я жду *новой религии*, в которую войдёт – в качестве составного элемента – коммунизм, и которая будет восполнением, а не отменой христианства, как и христианство было восполнением, а не отменой Ветхозаветной религии. Это будет *третья сила*, которая явится как *синтез после христианства и большевизма* (ленинизма), тезиса и антитезиса. Так думал и Александр Блок, который часто бывал в доме у моего отца и с которым я был лично знаком”⁴². Так, вместе с Блоком, думала и значительная часть интеллигенции, распропагандированной в религиозно-философских сектах и масонских кружках адептами доктрины о союзе христианства с революцией. 13 ноября 1908 года в Религиозно-философском обществе и повторно, 12 декабря в Литературном обществе Блок прочёл свой доклад “Россия и интеллигенция”⁴³ и занёс в записную книжку мнение о нём влиятельного масона, теоретика “мистического анархизма” А. А. Мейера, проповедовавшего идею “внутреннего родства революционной и религиозной деятельности”⁴⁴. Арестованный в декабре 1928 г. ОГПУ за организацию парамасонского интеллигентского кружка “Воскресенье” А. А. Мейер дал на одном из допросов весьма знаменательное показание: “Основная установка моя в вопросе “религия и революция” сводится к следующему: религия не частное и не национальное дело. Религия не может быть безразлична к историческим путям человечества. Христианская религия в принципе своём утверждает преодоление индивидуализма, и в этом главный путь смычки христианства с социальной революцией”⁴⁵. Многих интеллигентов, разделявших эту спекулятивную идею об идеологической близости милосердых заповедей Христа с учением о “классовой борьбе” Маркса и Ленина, установленная большевиками диктатура, с первого дня развязавшая жесточайший террор против православных церковнослужителей, быстро отрезвила и заставила кардинально переменить свои убеждения. Участница религиозно-философского кружка А. А. Мейера М. В. Пигулевская написала в этой связи 7 ноября 1922 года: “Я в своё время исповедовала такое убеждение: коммунизм строит здание и строит его без креста, но когда достроит до конца, мы сделаем купола, поставим крест, и всё будет хорошо. Я так думала. Теперь иначе. Я знаю, что из ратуши церквей не делают. Теперь строится синагога Сатаны, из которой – сколько колоколов ни вешай, ничего не сделать”⁴⁶.

К счастью для репутации русской интеллигенции, помимо парамасонских сообществ “розенкрейцерского” и “тамплиерского” толка, существовали в Петрограде (Ленинграде) 1920-х годов и два православно-философских кружка, крайне оппозиционно настроенных по отношению к большевистской власти – уже упоминавшийся нами, созданный И. М. Андреевским “Хельфернак” (с 1926 года – “Братство преподобного Серафима Саровского”) и “Космическая Академия Наук”, организованная молодыми учениками Андреевского, настроенными ещё более радикально, чем он сам. О героическом по тем временам “радикализме” Андреевского можно судить по посвящённому его деятельности разгромному фельетону “Пепел дубов”, опубликованному в “Ленинградской правде” 14 июня 1928 года. Авторы этого пасквиля, состоявшие на довольствии в ОГПУ, обвинили Андреевского во всех, с их точки зрения, “смертных грехах”, каждый из которых тянул как минимум на “высшую меру социальной защиты”, то есть расстрел. По сведениям, добытым сексотами-щелкопёрами, “махровый контрреволюционер и монархист” Андреевский, преподававший литературу в средней школе, бесстрашно рассказывал ученикам о сатанинской сущности революции, о том, что власть большевиков – это власть антихриста, “о жиде Зиновьеве” (тогдашнем председателе Петросовета и председателе Исполкома Коминтерна), о зверском убийстве в Екатеринбурге царской семьи. В мае 1926 года “молодёжная секция” кружка Андреевского создала самостоятельное православно-философское сообщество, назвав его с присущим юности задором “Космическая Академия Наук” (КАН). “Отцами-основателями” этой нелегальной организации были инструктор налогового управления Эдуард Розенберг⁴⁷, избранный руководителем Академии, а также юные студенты Ленинградского университета Пётр Мошков, Андрей Миханьков и Дмитрий Лихачёв (будущий знаменитый акаде-

мик). Д. С. Лихачёв в своих мемуарах всячески подчёркивает невинный характер деятельности КАН, заседания которой будто бы являлись чуть ли не студенческими капустниками. “Космическая Академия Наук, — пишет он, — это был шуточный кружок друзей, своего рода маскарадное действо. Нами был провозглашён принцип весёлой науки, которая не только ищет истину, но истину радостную и облачённую в весёлые формы”⁴⁸. Как видно, здорово напугали академика четыре года мытарств на Соловках и Беломорканале — наказание, определённое Лихачёву Коллегией ОГПУ за участие в деятельности КАН. Однако, как свидетельствует не так давно рассекреченное следственное дело “Космической Академии”, была в её деятельности, кроме “шуточного маскарада”, и другая сторона, о которой мемуарист предпочёл умолчать, а именно — пристальный интерес к современности, политике, состоянию культуры, общественной жизни, и особенно — к катастрофическому еврейскому засилью в СССР. Наиболее впечатляет в этом аспекте хранящийся в следственных материалах по делу “Космической Академии” дневник кандидата в её члены Дмитрия Каллистова (сына академика, историка Б. Д. Грекова). “Иудеи принадлежат, — читаем мы здесь, — к той части людской породы, которой чуждо чувство застенчивости. Поэтому они уже давно, совершенно не стесняясь, смело садятся на шею революционного народа. Да и к чему стесняться: если вода сухая, то и жида — русские. Брюнеты только, да кое-чего не хватает, вот и всё. Это несущественный признак (отсюда выводы). И идут они с запада и с юга, целыми полчищами оседают в русских городах, занимают лучшие русские земли. А мы всё продолжаем услужливо улыбаться, а мы всё кланяемся. Кто они, эти пришельцы? Они действительно те, кто принёс нам “классовое сознание извне”, кто сотворил над русской бедной головой варварскую операцию, после которой и вода суха, и жид — русский, и революция — величайшее завоевание, но только их, а не наше. Вот почему глубоко прав товарищ Преображенский⁴⁹, когда говорит, что контрреволюция — это антисемитизм. Прибавим то, чего не хватает в этой формуле и что из неё непременно следует: революция — это семитизм. Характерно, что о том, что контрреволюция — это антисемитизм, уже пишут в газетах, а о том, что революция — это семитизм, русские ослы боятся и подумают. Но если вы согласитесь с положением товарища Преображенского, вы должны согласиться и со мной. Если революция это власть жидов — к чёрту такую революцию, пора проститься. Пора понять, что происходит. Пора трезво отнестись к проекту палестинских жидов переехать на их настоящую родину, то бишь в нашу многострадальную матушку Русь. Пора перестать бояться тех непьющих русских мужиков, которые называются “кулаками”, и тех лавочников, которые, отпуская товар, кладут от страха в штаны и гордо именуются “возрастающей в своей активности буржуазией”⁵⁰. Другой участник собраний КАН, Андрей Миханьков, записал в своём дневнике 2 апреля 1927 года: “В трамвае перекрестился на Николу Морского, за что был осмеян рабочим. Хотел было вступить в разговор и крыть коммунистов и жидов, но решил не терять своего достоинства перед скотом”⁵¹.

В начале первой русской революции, 25 июня 1905 г., Александр Блок, одержимый навязчивой идеей революционного преобразования России и опрометчиво поверивший в то, что “беспощадный русский бунт” будет очистительной грозой, а не кровавой братоубийственной живодёрней, написал своему близкому товарищу Е. П. Иванову: “Какое важное время! Великое время! Радостно! <...> Знаешь, что я хочу бросить? Кротость и уступчивость. Это необходимо относительно *некоторых* дел и *некоторых* людей <...> Я и написать не могу всего, но то, чего я не могу высказать ясно, вертится всё близ одного: хочу действительности, чувствую, что близится огонь, что жизнь не ждёт, хочу много ненавидеть, хочу быть жёстче... Близок огонь — какой — не знаю. Старое рушится. Никогда не приму Христа!”⁵² По счастью, это безоглядно-максималистское “никогда”, как и иные скоропалительные суждения мятущегося в “горниле сомнений”⁵³ поэта, оказалось не его пожизненной догмой, а всего лишь опрометчивым заблуждением романтика-бунтовщика, подверженного стихийным, противоречивым душевным порывам, о чём ясно свидетельствуют стихи 1905-го (“Вот Он — Христос — в цепях и розах...”) и 1914 г. (“Я не предал белое знамя...”) или заключительные строки “Двенадцати”. 28 мая 1917 г. Блок стал крёстным отцом дочери Е. П. Иванова⁵⁴. Последние, предсмертные слова поэта, сказанные в 1921 году, исполнены поистине гали-

леевского (“А всё-таки она вертится!”), или, можно даже сказать, галилейского, несгибаемого победоносного духа и потаённой, совестливой любви: “А всё-таки я Христа никому не отдам!”⁵⁵ Исходя из этого, не нужно быть особенным прозорливцем, чтобы утверждать, что не на уровне, конечно, скоропреходящих эсеровских утопий или взвинченных публицистических тирад, а “на бездонных глубинах духа, недоступных для государства и общества” (“О назначении поэта”) Блок – как крещённый христианин – без особых внутренних колебаний и духовных сомнений вполне разделял убеждение столь почитаемого и любимого им Достоевского: “Нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной”⁵⁶. Поэтом духовным завещанием Блока следует по справедливости считать не его болезненно-кошунственный черновик пьесы о Христе (7 января 1918 г.) или последнюю, до сей поры вызывающую “метафизические прения” (М. Ю. Лермонтов) строфу “Двенадцати”, а совершенно зря забытую записными блоковедами записку юного поэта, адресованную Л. Д. Менделеевой. Предыстория этой записки такова.

К осени 1902 года, как свидетельствуют мемуары Любови Дмитриевны, страстная романтическая влюблённость в неё поэта достигла своей трагической кульминации. Решительное объяснение между Прекрасной Дамой и её верным паладином состоялось в ночь с 7 на 8 ноября 1902 г. Поскольку все обстоятельства, изложенные в этом фрагменте воспоминаний Л. Д. Менделеевой, достаточно красноречиво свидетельствуют о более чем серьёзном и ответственном отношении Блока к тексту его предсмертного (как он предполагал) записки, воздержимся от каких-либо ненужных в данном случае комментариев и дадим слово мемуаристке: “Подходило 7-е ноября, день нашего курсового вечера в Дворянском собрании. И мне вдруг стало ясно: объяснение будет в этот вечер. Не волнение, а любопытство и нетерпение меня одолевали <...> Дальше всё было очень странно <...> Я была на вечере с моими курсовыми подругами <...> Мы сидели на хорах в последних рядах, недалеко от винтовой лестницы, ведущей вниз. Я повернулась к этой лестнице, смотрела неотступно и знала: сейчас покажется на ней Блок. Блок подымался, ища меня глазами, и прямо подошёл к нашей группе. Потом он говорил, что, придя в дворянское собрание, сразу же направился сюда, хотя прежде на хорах я и мои подруги никогда не бывали. Дальше я уже не сопротивлялась судьбе; по лицу Блока я видела, что сегодня всё решится, и затуманило меня какое-то странное чувство: что меня уже больше не спрашивают ни о чём, пойдёт всё само, вне моей воли, помимо моей воли. Вечер проводили как всегда, только фразы, которыми мы обменивались с Блоком, были какие-то в полтона, не то как несущественные, не то как у уже договорившихся людей. Так, часа в два он спросил, не устала ли я и не хочу ли идти домой. Я сейчас же согласилась. Когда я надевала свою красную ротонду, меня била лихорадка, как перед всяким надвигающимся событием. Блок был взволнован не менее меня. Мы вышли молча, и молча, не сговариваясь, пошли вправо по Итальянской, к Моховой, к Литейной – нашим местам. Была очень морозная, снежная ночь. Взвивались снежные вихри. Снег лежал сугробами, глубокий и чистый. Блок начал говорить. Как начал – не помню, но когда мы подошли к Фонтанке, он говорил, что любит, что его судьба – в моём ответе. Помню, я отвечала, что теперь уже поздно об этом говорить, что я уже не люблю, что долго ждала его слов и что если и прощу его молчание, вряд ли это чему-нибудь поможет. Блок продолжал говорить как-то мимо моего ответа, и я его слушала. Я отдавалась привычному вниманию, привычной вере в его слова. Он говорил, что для него вопрос жизни в том, как я приму его слова, и ещё долго, долго. Помню, что я в душе не оттаивала, но действовала как-то помимо воли этой минуты, каким-то нашим прошлым, несколько автоматически. В каких словах я приняла его любовь, что сказала – не помню, но только Блок вынул из кармана сложенный листок и отдал мне, говоря, что если б не мой ответ, утром его уже не было бы в живых. Этот листок я скомкала, и он хранится весь пожелтевший, со следами снега.

“Мой адрес: Петербургская сторона, Казармы Лейб-гвардии Гренадерского полка, квартира полковника Кублицкого⁵⁷, № 13.

7 ноября 1902 года

Город Петербург

В моей смерти прошу никого не винить. Причины её вполне “отвлечённые” и ничего общего с “человеческими” отношениями не имеют. Верую во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Чаю Воскресения мертвых. И Жизни Будущего Века. Аминь.

Поэт Александр Блок⁷⁵⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одно из самых известных стихотворений на эту тему “жизненного актёрства” — “Я — Гамлет. Холодеет кровь...” (1914).

² Сиверко (или сивер), по словарю В. И. Даля, — “резкий, холодный северный ветер; сырая, пронзительная погода”.

³ Блок А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 113.

⁴ Сувчинский П. Предисловие к кн. “А. Блок. Двенадцать” (София, 1920)// Александр Блок: pro et contra. СПб., 2004. С. 311.

⁵ О том, что поэма Блока по своей художественной природе родственна театрально-музыкальному представлению, свидетельствует определённый успех балета “Двенадцать” советского композитора Б. И. Тищенко, бывшего учеником Д. Д. Шостаковича. Премьера этого балета состоялась в 1964 г. в Ленинградском театре оперы и балета им. С. М. Кирова в постановке Л. В. Якобсона. В 1978 г. Б. И. Тищенко стал лауреатом Государственной премии РСФСР.

⁶ Для образно-символической парадигмы Блока-лирика (как и для Н. В. Гоголя) вообще характерно мифологическое представление о недоступной и своенравной красавице — Коломбине, Незнакомке, Снежной Деве, Кармен (у Гоголя это — Панночка, “прекрасная полячка”, красавица-незнакомка из “Невского проспекта”, Аннунциата) — как о “роковой” женщине в образе красивой, но бездушной куклы. В то же время, для Блока (как и для Гоголя в Панночке из “Вия” и “прекрасной полячке” из “Тараса Бульбы”, как и для Достоевского, создавшего образы “инфернальных женщин” Грушеньки и Настасьи Филипповны) в победоносной женской красоте безусловно есть что-то дьявольское, губительное, демоническое. “То, что я (лично) называю “Незнакомкой”, — объяснял ключевой символ своего самого знаменитого стихотворения Блок, — не что иное как “красавица кукла, синий призрак, земное чудо. Незнакомка это вовсе не просто дама в чёрном платье со страусовыми перьями на шляпе. Это — дьявольский сплав <...> Если бы я обладал средствами Врубеля, я бы создал Демона — но всякий делает то, что ему назначено” (Блок А. А. О современном состоянии русского символизма.// Александр Блок о литературе. М., 1989. С. 249).

⁷ См.: Юрик (П. Феррини). История марионетки. М., “Библиотека журнала “Театр чудес”, 1990.

⁸ Подробнее об этом см. в книге: Голдовский Б., Смолянская С. Театр кукол Украины. Страницы истории. Ст.-Фрациско, 1998.

⁹ Голдовский Б., Смолянская С. Указ. соч. С. 35.

¹⁰ См.: Петров И. Южно-русский театр и в частности вертеп.// “Киевская старина”, 1882, Вып. XII; Галаган М. Украинский вертеп.// “Киевская старина”, 1882, Вып. X; Кисиль А. Украинский вертеп. СПб., 1916; Белецкий А. Старинный театр в России. Зачатки театра в народном быту и школьном обиходе Южной Руси. М., 1923; Марковский М. Украинский вертеп. Розвідки й тексти. Київ, 1929; Голдовский Б. П. Летопись театра кукол в России XV–XVIII вв. М., “Библиотека “Театра чудес”, 1994.

¹¹ Блок А. Записные книжки 1901 – 1920. С. 394.

¹² Кожин В. В. Россия. Век XX (1901–1939). История страны от 1901 г. до “загадочного” 1937 г. Опыт беспристрастного исследования. М., 2001. С. 152–163.

¹³ Троцкий Л. Д. Литература и революция (напечатано по изданию 1923 г.). М., 1991. С. 98–102.

¹⁴ Носарь Георгий Степанович, псевдоним — Хрусталёв Пётр Алексеевич (1879–1919) — уроженец Украины, один из главных политических деятелей революции 1905 года, человек поразительной, насыщенной авантюрами приключениями судьбы, загадочная биография которого до сих пор не исследована. В 1905 г. Носарь был избран первым председателем Петербургского Совета рабочих де-

путатов, а его заместителем (“товарищем”) стал Л. Д. Троцкий. 26 ноября 1905 г. Носарь был арестован и в тот же день на заседании Исполнительного Комитета Совета новым председателем был избран Троцкий. Существует высказанное Носарём предположение, что Троцкий, будучи секретным агентом-осведомителем охранного отделения царской полиции, просто-напросто настрочил донос на своего соратника, чтобы занять его место. После Октябрьского переворота Носарь издал (в 1918 г. в Переяславе) разоблачительную книгу о большевиках “Из недавнего прошлого”, где обосновал перемену своих убеждений и свои политические расхождения с бывшими соратниками. Эпиграфом к этой книжке Носарь взял слова Ивана Шатова из романа Достоевского “Бесы”: “Кого же я бросил? Врагов живой жизни; устарелых либералишек, лакеев мысли, врагов личности и свободы, дряхлых проповедников мертвечины и тухлятины! Что у них: самая мещанская, подлая бездарность, завистливое равенство, равенство без собственного достоинства, равенство, как сознаёт его лакей... А главное, везде мерзавцы, мерзавцы и мерзавцы!” Помимо этого, Носарь издал также брошюру “Как Лейба Троцкий-Бронштейн расторгивал Россию”, в которой утверждал, что Троцкий был не только секретным агентом-осведомителем царской охранки, но также (во время Первой мировой войны) и платным агентом немецкого Генерального штаба. По приказу Троцкого находившийся на Украине Носарь был найден и без суда расстрелян чекистами вместе со своим братом. В. В. Шульгин в книге “Что нам в них не нравится... Об антисемитизме в России” (1929) написал, что заспиртованная голова Хрусталёва была отправлена Троцкому в Москву как доказательство казни ненавистного ему разоблачителя. В одном из стихотворений Велимира Хлебникова об Октябрьской революции можно прочесть: “Тринадцать лет хранили будетляне/ За пазухой, в глазах и взорах,/ В Красной уединясь поляне,/ Дней Носаря зажжённый порох”.

¹⁵ Троцкий Л. Д. Литература и революция. С. 83, 81.

¹⁶ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 88, 82.

¹⁷ Из дневниковых записей Блока: “Тоска, хоть вешайся. Опять либеральный сыск. — Жиды, жиды, жиды” (7 марта 1915 г.); “Это проклятое, кадетское, еврейское “ничего нет и ничего не будет” — лейтмотив газеты “Речь” и Милюкова <...> бескрылые люди” (22 мая 1917 г.); “История идёт, что-то творится, а жидки — жидками: упористо и умело, неустанно ноющая воздух, они приспосабливаются, чтобы не творить (так как сами лишены творчества)” (27 июля 1917 г.).

¹⁸ Тиняков А. И. (1886–1934) — уроженец Мценского уезда Орловской губернии, поэт, критик, публицист, автор стихотворных сборников “Navis nigra” (“Чёрный корабль”), “Треугольник” (1922) и “Ego sum qui sum” (“Аз есмь сущий”, 1924). До революции 1917 г. Тиняков выступал с разоблачительными статьями против леволиберального и революционного еврейства в газете “Земщина” и др. Подробнее об А. И. Тинякове см. в публикации: Варжапетян В. Исповедь антисемита: Повесть в документах. // “Литературное обозрение”, М., 1992, № 1. В письме к Тинякову от 19 апреля 1916 г. А. Блок написал: “Мы с Вами почти одинаково думаем о евреях. Я не раз высказывал устно и письменно (хотя и не печатно) — евреям и неевреям — мысли, сходные с Вашими; иногда и страдал от этого, хотя далеко не так, как Вы” (ГПБ, ф. 774, № 3).

¹⁹ Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. / Прилож. к журн. “Вопросы философии”. М., 1989. С. 371–374.

²⁰ Строка из стихотворения “И в Киевском храме Премудрости Бога...” (Ахматова А. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1990. С. 119).

²¹ Блок А. Соч. в 2-х тт. Т. 1 М., 1955. С. 200, 201, 203.

²² Словарь Библейских образов. / Под общ. ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана. СПб., 2005. С. 60.

²³ Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна с предисловиями и подробными объяснительными примечаниями Архимандрита Михаила. В 3-х книгах. Книга первая. М., 1870. С. 221.

²⁴ Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1908. С. VI–VII.

²⁵ Повесть временных лет. / Сер. “Литературные памятники”. СПб.: “Наука”, 1999. С. 60.

²⁶ Книга А. А. Якобсона “Конец трагедии” впервые опубликована в 1973 г. в Нью-Йорке, в 1992 г. переиздана в Москве в изд-ве “Весть”. Судьба Якобсона сложилась трагически: эмигрировав в 1973 г. в Израиль, он тяжело переживал отъезд и в 1978 г. покончил с собой.

²⁷ Самойлов Д. С. Подённые записи. В 2-х тт. Т. 2. М., 2002. С. 52–53.

- ²⁸ О том, что во время работы над поэмой “Двенадцать” Блок перечитывал Евангелие, свидетельствуют его заметки в записной книжке 1918 г.: “8 января. Весь день – “Двенадцать” <...> 10 января. Мама прислала Евангелие” (А. Блок. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 382, 383).
- ²⁹ Мысль о “женственной” природе Бога является существенной чертой мировоззрения Ф. Ницше, который, вспоминая время работы (1876–1877 гг.) над книгой “Человеческое, слишком человеческое”, писал: “С помощью суровой самодисциплины я положил конец всему привнесённому в меня мошенничеству высшего порядка – “идеализму”, “прекрасным чувствам”, “Богу” и прочим женственностям” (Ницше Ф. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1990. С. 789).
- ³⁰ Дневник Ал. Блока 1917–1921. Издательство писателей в Ленинграде, 1928. С. 112.
- ³¹ Александр Блок. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 388–389.
- ³² В древнерусских литературных “видениях”, жанре, напрямую заимствованном из византийско-славянской агиографии, Антихрист часто являлся монахам в образе Иисуса Христа, чтобы таким образом дьявольская “прелесть” была более действенной (См.: Тихонравов Н. С. Собр. соч. в 3-х тт. Т. 1. СПб., 1898; Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006).
- ³³ Первыми на эту особенность образа “Иисуса Христа” в поэме “Двенадцать” обратили внимание П. А. Флоренский, С. М. Соловьёв и Ф. А. Степун (См.: Александр Блок: pro et contra. СПб., 2004).
- ³⁴ См.: Александр Блок. Записные книжки 1901–1920. С. 547.
- ³⁵ Пришвин М. Большевик из “Балаганчика” (Ответ Александру Блоку).// Александр Блок: pro et contra. СПб., 2004. С. 259.
- ³⁶ Чулков Г. Красный призрак.// Александр Блок: pro et contra. С. 251.
- ³⁷ Орлов В. Н. Александр Блок.// Блок А. А. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1955. С. XLIV–XLV.
- ³⁸ Лосев А. Ф. Дополнения к “Диалектике мифа”.// “Источник”. Вестник архива Президента Российской Федерации. М., 1996, № 4.
- ³⁹ См., в частности, работы: Селянинов А. Тайная сила масонства. СПб., 1911; Иванов В. Ф. От Петра I до наших дней. Русская интеллигенция и масонство. Харбин, 1934; Аронсон Г. Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты. Либералы. Масоны. Социалисты. Мадрид, 1986; Берберова Н. Н. Люди ложи. Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986 (российское издание – М., 1997); Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990; Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990; Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996; Серков А. И. История русского масонства. 1845–1945. СПб., 1997; Брачев В. С. Религиозно-мистические кружки и ордена в России. Первая треть XX века. СПб., 1997; Карпачёв С. П. Масонская интеллигенция в России в конце XIX – начале XX века. М., 1998; Острецов В. М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998; Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999; Кряжева-Карцева Е. Л. Рождение русского мистицизма на рубеже XIX–XX веков.// Социально-гуманитарные науки на рубеже XXI века. Вып. 1. М., 2000; Кожин В. В. Россия. Век XX (1901–1939). История страны от 1901 года до “загадочного” 1937 года. Опыт беспристрастного исследования. М., 2001; Марков Н. Е. Войны тёмных сил. Статьи 1921–1937 гг. М., 2002; Башилов Б. История русского масонства (XVII–XX вв.). М., 2004; Брачев В., Шубин А. Масоны и Февральская революция 1917 года. М., 2007; Брачев В. С. Оккультные истоки революции. Русские масоны XX века. М., 2007; Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siecle в России. М., 2008.
- ⁴⁰ Одна из первых работ на эту тему: Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998.
- ⁴¹ Иван Михайлович Андреевский (1894–1976) родился в семье архивариуса Петербургского управления земледелия и землеустройства М. П. Андреевского и немки (урождённой Нейман), дочери скрипача-немца из Мариинского театра. Из двух братьев и сестры И. М. Андреевского известность получила лишь сестра – поэтесса Мария Шкапская. В 1921 г. И. М. Андреевский окончил славяно-русское отделение историко-филологического факультета Петроградского университета, после чего работал учителем русской литературы в средних школах Петрограда, 8 октября 1928 г. И. М. Андреевский, Д. С. Лихачёв и ещё семь участников кружка Андреевского Постановлением коллегии ОГПУ были осужде-

ны по статье 58/11 УК РСФСР на 5 лет концлагерей. Выпущенный в 1932 г. на свободу, Андреевский поселился в Волховстрое, в годы Великой Отечественной войны оказался на оккупированной территории и ушёл вместе с немцами на Запад. После 1945 г. проживал в США, где под псевдонимом И. М. Андреев опубликовал несколько работ по истории русской церкви.

- ⁴² Цит. по: Брачев В. С. Оккультисты советской эпохи. Русские масоны XX века. М., 2007. С. 133.
- ⁴³ Впервые доклад А. Блока “Россия и интеллигенция” опубликован в 1-м номере московского журнала “Золотое руно” за 1909 г.
- ⁴⁴ Блок А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 124.
- ⁴⁵ Цит. по: Брачев В. С. Оккультисты советской эпохи. С. 116–117.
- ⁴⁶ Цит. по: Брачев В. С. Указ. соч. С. 104.
- ⁴⁷ Д. С. Лихачёв в своих мемуарах написал: “Моим самым большим и, пожалуй, единственным настоящим другом был Эдуард Карлович Розенберг – самый жизнерадостный и весёлый человек, которого я только знал. Он самостоятельно изучал латынь и греческий, легко знакомился, легко переносил тяготы своей неустроенной жизни, а тягот у него было много, и наиболее тяжкая – нараставшая глухота. Сам он был из Петергофа. Его отец был директором императорской аптеки, типичный немец – аккуратный, спокойный, как и все аптекари. Мать – финка, сперва лютеранка, потом перешла в православие. Эдуард не был похож на немца – разве только своей необыкновенной, чисто немецкой аккуратностью” (Лихачёв Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 264).
- ⁴⁸ Лихачёв Д. С. Воспоминания. С. 139.
- ⁴⁹ Преображенский Е. А. (1886–1937) – экономист, в 1904 г. примкнул к социал-демократическому движению, в 1920–1921 гг. – секретарь ЦК РКП(б) и член Оргбюро ЦК, сторонник троцкизма, с 1927 г. неоднократно исключался из партии, репрессирован.
- ⁵⁰ Цит. по: Брачев В. С. Оккультисты советской эпохи. С. 141.
- ⁵¹ Цит. по: Брачев В. С. Указ. соч. С. 142.
- ⁵² Блок А. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1955. С. 555–556.
- ⁵³ В записных тетрадях Ф. М. Достоевского можно прочесть возражение его критикам: “Мерзавцы дразнили меня необразованной и ретроградной верой в Бога. Этим олухам и не снилось такой силы отрицание Бога, какое положено в “Инквизиторе” и в предшествующей главе, которому ответом служит весь роман. Не как дурак же (фанатик) я верую в Бога. Да их глупой природе и не снилось такой силы отрицание, которое пережил я. Им ли меня учить! И в Европе такой силы атеистических выражений нет и не бывало. Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла” (Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб.: типогр. А. С. Суворина, 1883. С. 375).
- ⁵⁴ См.: Блок А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 349.
- ⁵⁵ Цит. по: Топоров В. Н. Из истории петербургского аполлинизма: его золотые дни и его крушение. М., 2004. С. 97.
- ⁵⁶ Из письма Ф. М. Достоевского к Н. Д. Фонвизиной (1854 г.) // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти тт. Л., 1972–1989. Т. 28. Кн. 1.
- ⁵⁷ Кублицкий-Пиоттух Ф. Ф. (1860–1920) – с 1889 года второй муж матери поэта А. А. Бекетовой (1860–1923), отчим А. А. Блока, был офицером лейб-гвардии Гренадерского полка, впоследствии генералом, командиром дивизии в 1914 – 1917 гг.
- ⁵⁸ Блок Л. Д. И быль и небылицы о Блоке и о себе. // Блок в воспоминаниях современников. В 2-х тт. Т. 1. М., 1980. Ссылаясь на эту записку Блока и на его автобиографический очерк “Исповедь язычника”, (1918), К. В. Мочульский, воспользовавшись известным афоризмом карфагенского пресвитера Тертуллиана (“*Anima naturaliter christiana*”), резонно заметил, что “душа Блока по природе своей христианка – несмотря на то, что, как почти всякий русский интеллигент, внутренней жизни православной церкви поэт не знал, однако в этом была не его личная трагедия, а трагедия всей русской интеллигенции” (Мочульский К. В. А. Блок. А. Белый. В. Брюсов. М., 1997. С. 239).

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

ГЕНИЙ ЧИСТОГО БЕЛЬКАНТО

*Памяти великого русского певца
Бориса Тимофеевича Штоколова*

Любимец публики

Поверьте на слово, дорогие читатели, мне до сих пор трудно и горестно писать о Борисе Тимофеевиче Штоколове как об ушедшем навсегда человеке, с которым меня лично связывала не только сцена, но и преданная мужская дружба. Видимо, ещё не пришло ко мне это скорбное и трагическое осознание того, что его, замечательного артиста, уже не будет с нами. Но его исключительной красоты и уникального тембра голос продолжает звучать во мне, заполняя осиротевшую душу, возвышая её, утешая и облагораживая.

Я видел вживую, как в то самое время, когда он пел на сцене, совершалось художественное чудо. Я постоянно присутствовал на многих репетициях певца, на радио- и телевизионных записях, принимал участие в его выступлениях — читал стихи и был ведущим многих аншлаговых концертных программ. Выступления проходили чаще всего в Ленинградской филармонии, Большом Концертном зале “Октябрьский” (БКЗ), Консерватории, “Карнавал”, Театре эстрады, Тронном зале Екатерининского дворца, в Концертном зале у Финляндского вокзала, не считая многочисленных “малых” сценических площадок Санкт-Петербурга и других городов России.

Тот, кто хоть раз услышал в своей жизни сольное выступление или был на оперных спектаклях с участием Бориса Тимофеевича, всякий раз испытывал глубокое духовное потрясение, вызванное мощью и красотой его голоса и блистательной игрой на сцене. В Кировском (ныне Маринском) театре, где певец проработал более тридцати лет, он всегда пел, в основном, только ведущие партии обширнейшего оперного репертуара. Публика ходила, как правило, “на Штоколова”, своего любимца, когда он исполнял труднейшие оперные партии: Мефистофеля — Ш. Гуно, “Фауст”, Сусанина — М. Глинка, “Иван Сусанин”, Руслана — М. Глинка, “Руслан и Людмила”, Гремина — П. Чайковский, “Евгений Онегин”, Досифея, Бориса и Пимена — М. Мусоргский, “Хованщина” и “Борис Годунов”, князя Галицкого — А. Бородин, “Князь Игорь”. Кроме того, он принимал живейшее участие в популяризации современных композиторов. Создал мужественный и правдивый народный характер солдата Великой Отечественной войны, рядового Андрея Соколова, в опере “Судьба человека” И. Дзержинского, написанной по классическому произведению

М. Шолохова. В мировом музыкальном мире хорошо известно, что созданный на оперной сцене трагический образ Бориса Годунова навсегда связан со многими прославленными именами, в том числе и с именем Бориса Штоколова. Он раскрывал этот сложный и величественный образ, играя на сцене в костюме самого Федора Шаляпина, авторы которого – художники Константин Коровин и Александр Головин.

В этом прославленном театре пришла к нему заслуженная, поистине легендарная слава. В 1962 году Борису Штоколову присуждается звание народного артиста России, а в 1966-м он – уже народный артист СССР. Помимо этого певец становится лауреатом Государственной премии, кавалером орденов Ленина, Октябрьской Революции, двух орденов Трудового Красного Знамени, ордена Отечественной войны второй степени, многих медалей и престижных наград. В самых известных музыкальных энциклопедиях мира Штоколова называли “великим русским басом”. Проникновенной жизненной правдой и подлинной достоверностью всегда отличались созданные им на сцене образы. *“Борис пел струнами своей души”* – так зачастую отзывались его друзья и коллеги по искусству. Певец, которому рукоплескали концертные залы всего мира, выступал с большим успехом почти на всём пространстве России, изъездив вдоль и поперёк нашу незабвенную российскую глубинку, которую он отмечал особо, именно для нее пополняя свой репертуар ариями из опер, русскими былинами, песнями и романсами. Его могучий талант обладал необыкновенным обаянием, ибо изначально был поистине глубоко народным. А вот что говорил сам Борис Тимофеевич в одном из интервью: *“В этом состоит отличительная особенность русской музыки и русской оперы – в их глубокой народности. Вот самый незамутненный и чистый источник вдохновения и творческого озарения – живая ткань народной культуры!”*

Конечно, сейчас, в наши дни, невозможно до конца представить и оценить творческий масштаб его яркого и самобытного певческого дарования, его обширнейший оперный и концертный репертуар – для этого должно пройти какое-то время, потому что, как сказал Есенин: *“Большое видится на расстоянии”*. То, что он сделал в музыкальном искусстве – бесмертно! Уже новые поколения любителей классической музыки будут смотреть его неповторимую игру на сцене – на киноэкране и в телевизионных записях, а также слушать его чарующее пение, сохранившееся на грампластинках, магнитофонных пленках и компакт-дисках. И я верю, что, радуясь и восторгаясь, наши просвещенные потомки, возможно, более углубленно, чем мы, оценят всю Ирановича Шаляпина, о чем не раз писала отечественная и зарубежная пресса.

Кстати, объявляя выход на сцену Бориса Тимофеевича, я всегда добавлял от себя изысканной петербургской публике, что сейчас перед ней выступит обожаемый и любимый народом певец, как бы современный Шаляпин, перевоплощенный в Штоколова, но у которого абсолютно свой самобытный, рельефный голос, неподражаемая проникновенная интонация и оригинальная, доведенная до совершенства, пластическая манера исполнения. Эти два великих певца, Шаляпин и Штоколов, – обладатели *чистого бельканто* – по своим не только вокальным, но и физическим данным были равновелики: высокие, статные, одним своим атлетическим видом вызывавшие восторг и восхищение у публики, ибо выглядели на сцене настоящими русскими былинными богатырями. Они были безусловно самыми известными и знаковыми фигурами своего времени: Федор Шаляпин в конце девятнадцатого и вплоть до середины тридцатых годов двадцатого века, а Борис Штоколов с начала пятидесятых и до начала 2005 года. Характерно и то, что у них и фамилии-то очень близкие по звучанию: Шаляпин – Штоколов, чему я всегда удивлялся и говорил об этом не раз самому Борису Тимофеевичу и его блестящему, ныне тоже, к сожалению, покойному аккомпаниатору, пианисту Сергею Гурьевичу Яковлеву.

Светлые и горестные годы детства

Коротко коснусь человеческой и творческой судьбы Штоколова. Ничего не бывает случайного в этой жизни, есть в ней всегда некая оправданная закономерность. Она просматривается и в судьбе нашего великого певца, дар которого передался ему по наследству, но об этом я расскажу чуть ниже.

А пока что поговорим о его детстве, начавшемся в небольшом сибирском городке Кузнецке Кемеровской области, где 19 марта 1930 года родился младенец Борис. У его родителей Тимофея Ильича и Елизаветы Ивановны этот мальчик – второй ребёнок в семье, сестра Дина была старше его на два года. А следом за Борисом появился на свет его младший братишка Вадик. Примерно через шесть лет после рождения будущего певца семье пришлось переезжать в Горную Шорию, в Алтайский край в село Кузедеево, где Тимофей Ильич Штоколов в 1936 году был назначен на должность председателя Осоавиахима.

Семью Штоколовых поместили в первом доме слева, при въезде в село со стороны города. Двор был довольно широким, просторным и занимал целый квадратный квартал, где располагались ряды больших конюшен. Во дворе проводились даже небольшие тренировки: молодых кавалеристов учили на всем скаку справа и слева ловко “рубить лозу”, с маху преодолевать на конях всевозможные препятствия. Кроме того, во дворе был оборудован тир. Здесь военные обучались стрельбе из разного стрелкового оружия. Однажды отец даже разрешил Борису пострелять из небольшого нагана. О, какой восторг испытал мальчишка! На этот двор-полигон приводили лошадей, в том числе и диких.

Почти все они, не объезженные, имели дикий нрав – поэтому их приходилось привязывать к столбам и держать на короткой, прочной верёвке и с помощью жёстких ременных кнутов обучать их покорности человеку. Они долго не слушались команд, лягались, жутко ржали, выкатывая устрашающие кровавые глаза. Могли запросто ухватить любого, кто приблизится к ним, своими страшно оскаленными зубами. Пена клочьями слетала с их мягких и мокрых губ, а спины буквально дымились от горячего и липкого пота. Самыми первыми командами были такие: лошадь, повинуясь наезднику, должна лечь и встать. Если она наконец-то подчинялась, то ей полагалось скромное угощение. Так, например, Тимофей Ильич подкармливал усмирённую светло-коричневую лошадку кусочками посоленного чёрного хлеба. Когда же эта лошадь стала покладистой, её использовали для поездок в лес за дровами, весной запрягали в плуг, а зимой в сани и возили сено с заречных лугов, замётанное в круглые, присадистые стога. Вся семья её любила и жалела. Летом ребятишки, да и маленький Боря Штоколов, купали лошадей в реке, плавали вместе в светлоструйной и блестящей реке Кондобе.

О своих матери и отце Штоколов пишет: *“Моя мама, Елизавета Ивановна Юрасова, родилась в 1904 году в Воткинске. Она окончила церковно-приходскую школу, два года училась в гимназии, но занятия были прерваны революционными событиями 1917 года. Вскоре она поступила в единую трудовую школу. Всего она училась восемь лет. Когда умерла с голоду бабушка Екатерина Яковлевна Юрасова, моя мама состояла на учёте на бирже труда. Затем уехала к старшей сестре в Сибирь в город Бердск, около Новосибирска, там она работала учительницей: днем учила детей в начальных классах, вечером – взрослых в Ликбезе. В Бердске она встретилась с моим отцом, и в 1927 году они поженились.*

Отец мой, Тимофей Ильич Штоколов, был родом из Сибири. Родился он в 1901 году в деревне Киприно, Барнаульского уезда, в шестидесяти километрах от города Камень-на-Оби. В 1918 году он добровольцем ушёл в Красную Армию, воевал всю гражданскую войну кавалеристом, а в начале двадцатых годов вступил в партию большевиков. В одном из боёв под Тобольском отец был ранен и попал в плен к белым. Красноармейцам приказали снять с себя всю одежду, связали руки и повели в лес. Их должны были расстрелять. На опушке отец переглянулся с друзьями, и они кинулись в разные стороны. Одного убил конвоир, а мой отец и его земляк из Киприно – убежали. Впоследствии брат отца, дядя Федя, живший тогда в Киприно, рассказывал: “Нам уже сообщили, что Тимофей расстрелян. Мы погоревали, поплакали, стали уже привыкать, что его нет в живых, как вдруг, когда мы с матерью и братьями работали в поле, я увидел, что к нам идёт Тимофей. Его мать Арина Никаноровна от неожиданности даже упала в обморок”. В 1926 году, будучи командиром полка, отец демобилизовался и поступил на курсы бухгалтеров-счетоводов, затем служил в военных лагерях, начальником штаба по работе с призывниками”.

В Кузедееве семья Штоколовых жила дружно, весело, работали на земле, собирали в тайге грибы, ягоды. Отец ловил рыбу, охотился. Одним словом –

жили сытно. Маленький Борис полюбил суровую таёжную природу, отец часто сажал его на лошадь, учил верховой езде, у них была охотничья собака Джульбарс. Она возила детей на санках и коньках по главной улице села.

С отцом Борис ездил на пасеку, оттуда они привозили на бричке мед. Его хватало на всю долгую сибирскую зиму. Запомнилось и то, как однажды отец взял его на охоту. Были поставлены капканы на медведя. Один из них был сорван. Отец вместе с местным конюхом пошли по окровавленному следу, а Борис остался сидеть в телеге. Но было страшно оставаться одному, и он тихонько поплёлся за ними – как вдруг увидел, что медведь, встав на задние лапы, яростно и грозно рыча, пошел на отца. На передней лапе у него висела большая гиря с оборванной цепью. Пришлось стрелять. Медведь через мгновение шумно рухнул на сухой и жёсткий валежник.

Однажды кузедеевские охотники привезли из тайги медвежонка и отдали его Тимофею Ильичу. Вся семья поила его молоком, он спал под крыльцом вместе с Джульбарсом и котом Маркизом. Как-то медвежонок залез на крышу дома и разобрал по кирпичику всю трубу. Когда он подрос, то его куда-то увезли – скорее всего, сдали в зоопарк.

Вместе со своим другом детства Леней Сафоновым пошёл Борис в первый класс. Они встретились через много лет – в 1987 году в Новокузнецке на концерте певца. Долго вспоминали свои ранние годы, реку, лошадей, рыбную ловлю, зимние метелицы и крепкие сибирские морозы. Друг его детства стал учёным – заведовал кафедрой в университете. Вспомнили свою первую учительницу, она была женой секретаря райкома Николая Васильевича Гладкова, которого объявили врагом народа, пытали до тех пор, пока он не сошел с ума. Такая же участь ждала и Тимофея Ильича. У него отобрали партийный билет и вот-вот должны были забрать его, но добрый молодой сотрудник НКВД фактически спас ему жизнь, посоветовав немедленно уезжать, пока не было ещё санкции прокурора на арест. Бросив всё, семья вечером того же дня поехала в Новокузнецк, где жили дедушка и бабушка Бориса.

Опасаясь репрессий, решили двигаться дальше, в Курскую область на станцию Чернянка, в деревню Остров к родственникам отца. Это местечко располагалось недалеко от Москвы. В Чернянке Тимофей Ильич отбирал лошадей для Красной Армии, а в свободные дни – ездил в столицу хлопотать о своем восстановлении в партии. В конце концов он добился своего: осенью 1939 года была создана комиссия из двух старых большевиков, они ездили в Новосибирск, где подробно и обстоятельно разобрались во всем. Возвращая Тимофею Ильичу партийный билет, председатель московской комиссии сказал: “Не обижайтесь на партию, товарищ Штоколов, это делают враги нашей партии!” После этого Тимофей Ильич получил назначение на должность управляющего трестом “Мелиоводстрой”, и они поехали в Пермь. Детей уже было четверо – в Чернянке родилась младшая сестра Светлана. А Борис в это время учился уже в четвёртом классе.

Борис Тимофеевич рассказывал: *“Маме хватало забот с младшими. Мы с девочками и мальчишками нашего двора лазали по чердакам, забирались под большую лодку около нашего дома, а старшие ребята заставляли силой меньших курить, как это происходит и сейчас во всех дворах. Однажды отец увидел меня с папиросой, увел домой и так выпорол, что я на всю жизнь закаялся курить. В душе он был добрым человеком, но беспощадным к порокам. Я ему на всю жизнь благодарен за этот урок”*. Именно из Перми его отец уйдёт добровольцем на фронт. На вокзале Пермь-Вторая он наденет часы на худенькую руку сына, передаст ему свой кожаный реглан и накажет беречь маму и сестер. Поезд тронется без гудка, во время войны так они отходили от станций и вокзалов. Тимофей Ильич поцеловал всех, запрыгнул на подножку и долго махал им рукой... Поезд укатил в Златоуст, где уже формировалась дивизия, отправляющаяся на фронт.

От отца они получили несколько фронтовых писем, с большими перерывами. А в конце июля 1942 года пришло известие, что Тимофей Ильич пропал без вести. Не вернулся из боя. Об этом они узнали случайно. Фронтовой друг их отца лежал в госпитале в Перми и рассказал их бывшим соседям о том, что рота, где находился Тимофей Ильич, была окружена немцами под Ленинградом. Наши бойцы стали пробиваться из окружения, и каждый оставил один патрон для себя. Тогда так было принято, чтобы не попасть в плен. Один из однополчан Тимофея Ильича сообщал своим близким о том, что знал Штоко-

лова — он был политруком. А такие вояки, как политруки, в плен не сдавались. Получив сообщение из военкомата, что Тимофей Ильич пропал без вести, семья Штоколовых переехала в Свердловск, к родственникам. Дядя Коля постарался приодеть осиротевших детей. Борису достался коричневый пиджачок, который он износил до заплат на рукавах. В этом пиджаке юный вокалист впервые выходил на сцену.

Прикосновение к музыке

А теперь о самом главном — о пении. После переезда семьи в Свердловск, будучи еще мальчишкой, Боря Штоколов ходил на вокальные занятия в капеллу. Туда его отвела старшая по возрасту соседская девочка Шура Царёва. Заниматься было интересно, к тому же там давали ученикам белую булочку с сахаром. Борис пел высоким дискантом, а верха у него были беспредельными. В хоре из оперы “Князь Игорь” — “Улетай на крыльях ветра” — он исполнял сопрановую партию. В своей книге “Гори, гори моя звезда” Штоколов рассказывает: “Папа Тимофей Ильич и мама Елизавета Ивановна пели в самодеятельности. В компании папа часто исполнял под гитару “Мой костёр в тумане светит...” Мама тоже пела под гитару и сама себе аккомпанировала. Она исполняла “Накинув плащ, с гитарой под полою”, “Меж высоких хлебов...”, “Пой, ласточка, пой!..”, “Вот вспыхнуло утро...” Моя мама, кроме того, прекрасно рисовала. Мои способности к художествам мне достались более всего от неё. Поэтому я в ранней юности поступил в Художественное училище. Так что не стань я певцом, то, возможно, стал бы художником, но мне по наследству от дедушки достался голос, только не тенор, а бас. Теперь-то я хорошо знаю, что голос, как правило, переходит не к сыну или к дочери, а через поколение, он достаётся обычно нашим внукам. И ещё я думаю, что от дедушки мне перешло волевое, неистовое желание во что бы то ни стало раскрыть тайну пения, так называемого “чистого” бельканто.

Я учился в школе, а вечерами чистил ботинки на своей улице, у цирка и у базара, занимался этим промыслом вместе с Шурой Отрадинским — он сейчас живёт в Москве, в Кунцево. Была крайняя нужда и никаких надежд на улучшение материального положения. Прекрасно помню, как я в драном пальто, в залатанных самим валенках, поздно ночью с ребятами на улице догоняли мы на коньках автомашины, цеплялись за борт крючками и, если шофер не видит, на ходу подтягивались, залезали в кузов и сбрасывали на дорогу, что удавалось. Однажды ребята сбросили даже бидон с молоком. А в одном из складов нам попался под руку чемодан, а в нём оказался шевитот. На толкучке этот материал мы обменивали на хлеб. На товарной станции утащили из вагона жмых и ели его с большим удовольствием. От него я заболел гастритом, меня положили в больницу, где я находился на излечении три месяца. В 1942 году осенью я в первый раз услышал оперу А. Бородина “Князь Игорь” в Свердловском театре оперы и балета, в котором судьбой мне было предназначено через восемь лет, в 1951 году, впервые выйти на оперную сцену. Там я начал петь, начиная с маленьких ролей, а потом, через семь с половиной лет, исполнял партии Ивана Сусанина и Бориса Годунова.

А произошло это так: мы со старшей сестрой Диной и с моим другом Шурой Отрадинским пошли в оперный театр на спектакль “Князь Игорь”. Опера мне очень понравилась. Я слушал музыку, как завороженный, особенно Половецкий акт. Я и сегодня считаю этот акт одним из самых выдающихся в мировом оперном искусстве. Это была первая встреча с оперой, встреча с театром, но об этом я тогда совсем не думал... Мало того — тот вечер и действия по отношению к театру были не очень-то почтительными. Мы купили билеты на галёрку. Там я обратил внимание, что передо мной на перилах, прямо под руками, был голубой бархат, которого мне так не доставало для бархотки, чтобы наводить блеск на вычищенную обувь. В конце спектакля, как только потух свет в зале, я бритвой вырезал длинную полосу этого бархата, и мы с Шурой быстро покинули зал. Возвратившись домой, я сколотил ящик. Из какого-то гаража украли чёрную мазь, купили щетки и стали чистить ботинки, зарабатывая при этом 280—300 рублей в день. Милиция гоняла нас, так как мы не имели разрешения на чистку обуви. На вырученные деньги вечером мы покупали булку, хлеб и по кусочку масла”.

Морская романтика соловецкого юнга

А вот учиться на художника ему было не суждено. Семья лишилась своего кормильца-отца, защищавшего Ленинград. Потому-то из-за постоянного голода и практически нищенского существования пришлось подростку Штоколову оставить учебу в училище. И со своим дружкой Валентином Шепелевским решил он стать юнгой. Они быстро разыскали пункт набора и там выяснили, что принимают в школу юнг только с 15 лет. Вот тут-то Борис и воспользовался своими способностями к рисованию. Потихоньку от мамы он взял копию метрики и аккуратно перерисовал две цифры. Теперь год рождения был 1929-й. Потом за маму Борис написал справку, где указывал, что она не возражает против его стремления стать юнгой. И только когда он прошёл медицинскую комиссию по здоровью – признался маме, что принят в эту школу. Она заплакала, а потом дала согласие, ибо стояло на дворе голодное время. В этом наборе было много беспризорников, многие – дети погибших на фронте отцов, были среди них и отчаянные блатные ребята. В Вологде эшелон встретили солдаты с овчарками, из вагонов выводили по одному, искали холодное оружие. В Архангельске всех переправили на остров Соломбала, располагавшийся посреди Северной Двины. Архангельск часто бомбили немецкие самолёты. Потом ребят погрузили на транспорт “Вятка” и под охраной тральщика и эсминца доставили на Соловки. Грандиозный вид монастыря поразил всех. Когда плыли на “Вятке”, то знатоки рассказывали им трагическую историю этого острова и самого монастыря. Дух захватывало! Ребят разместили в землянках. Их строили юнги первого набора, среди которых был будущий писатель Валентин Пикуль. Приходилось поначалу нести караульную службу. Однажды во время караула была по нечаянности убита лошадь, близко подошедшая к складу.

В ноябре начались занятия по военному делу – по торпедной стрельбе и другим дисциплинам. В середине декабря приняли присягу. Перед едой ребятам наливали в алюминиевые кружки настой из хвои от цинги. Часто вечерами пели они под гитару старые морские песни, но особенно пришлась Борису по душе песенка “Есть в Боталии маленький дом...”. Став юнгой Северного флота, он освоил профессию торпедного электрика, восторгался морской стихией и величием Соловецкого монастыря и, конечно, самим эсминцем “Строгий”, ставшим ему в годы флотской службы родным домом. Борис Тимофеевич всю жизнь помнил своих соловецких друзей: Жору Храпунова из Одессы, Лёшу Ненашева из Куйбышева, Ваню Шумилина, Валентина Шепелевского, Володю Юркина из Новгорода. В январе 1945 года организовали художественную самодеятельность. Пели квартетом “Самовары-самопалы”, “Бескозырку”, “Махорочку” и другие фронтовые песни. Они умели успех у моряков. Юнги пели и в поселке Савватьево, где располагалась их главная школа. Это были первые гастроли будущего выдающегося певца.

Сдав экзамены, юнги получили распределение на флот. Прощайте, суровые и прекрасные Соловки! Приплыли в порт Кемь. А оттуда поехали поездом в Ленинград, где их провели по Невскому проспекту, по Мойке и Поцелуеву мосту, что находится неподалёку от знаменитого оперного театра им. Кирова, где впоследствии было суждено петь Борису Тимофеевичу. А учиться пению ему настойчиво советовал верный друг по службе на флоте Володя Юркин. *“Именно тогда, – говорил позже Штоколов, – меня словно током пронзило, где-то в подсознании эта мысль, конечно, уже давно жила во мне. Я понял тогда, что именно пение – моё истинное призвание”*. Но пока ещё надо было служить в Кронштадте на эсминце “Строгий”. В свободное время моряки пели, плясали, шумно веселились. Штоколов играл на гитаре и тоже вместе с товарищами по службе от души распевал старые матросские песни.

В конце октября моряков построили на палубе, и было объявлено, что эсmineц “Строгий” вместе с эсминцами “Стройный” и “Страшный”, а также крейсером “Киров” будут участвовать в первом послевоенном морском параде в Ленинграде на Неве в 1945 году. Пятого ноября, в канун праздника, боевые корабли вошли в устье Невы и бросили якоря напротив Медного всадника. Парад принимал командующим Балтийским флотом адмирал Трибуц. Юнга Штоколов был назначен дежурным гребцом на шлюпке, матросы перевозили с корабля на берег и обратно своих сослуживцев. А вечером Бориса отпу-

стили вместе с товарищами в увольнительную. Красота города ошеломила его. Разве он думал, что когда-нибудь будет петь в Ленинграде, в оперном театре?! Нет, конечно. После парада его перевели на эсминец “Стройный”. Этот корабль сдавал ходовые испытания. На дне Финского залива ещё находились немецкие донные магнитные мины. На одной из них неожиданно подорвался легендарный крейсер “Киров”.

Однажды ночью была объявлена боевая тревога. Штоколов выскочил на палубу, где его тут же сбило ледяной балтийской волной и бросило под башню носового орудия. Он чуть было не оказался за бортом, но артиллеристы носового орудия спасли его от гибели. Ребята-моряки с нетерпением ждали зимы, когда корабль будет во льдах, а они смогут учиться дальше в школе краснофлотской молодёжи. Штоколов к тому времени имел только пятиклассное образование. Он решил учиться дальше. И вот тут его друг снова напомнил ему о консерватории. В конце 1946 года его вместе с Володей Юркиным отпустили в отпуск. Борис твёрдо решил, что на флот он больше не вернётся, а станет усердно и фанатично учиться пению.

Голубоглазая девушка Надя

“Осенью 1947 года руководитель вокального кружка поставил меня с голубоглазой, с большими косами, девушкой Надей...” – вспоминает певец в своей книге. Впоследствии она станет его женой, и у них родятся два сына Александр и Тимофей. Забегая вперёд, скажу – Борис Тимофеевич перенесёт страшное горе – у него прямо на руках умрёт жена Надежда Петровна. Однажды он рассказывал мне: “Днём Надя поливала цветы в той большой комнате, где я репетирую. Наденька вдруг тихо вскрикнула: “Боренька!” – и стала падать. Я успел подхватить её – и на руках донёс до дивана. Стою, плачу и не знаю, что делать. Зову её: Надя! Надя! А она уже не реагирует, потеряла сознание. Потом вспомнил: у нас же есть телефон. Вызвал “Скорую помощь”, но Надю, милую мою Наденьку спасти не удалось...”

Долгое время я не мог поверить, что её нет со мной”.

Она была добросердечная и гостеприимная женщина, а для Бориса Тимофеевича стала истинным ангелом-хранителем семейного очага. Его друзей и коллег (сужу по себе) она встречала всегда с той русской приветливостью, которую редко встретишь в нынешней, особенно в столичной жизни. Не было такого случая, чтобы она не пригласила за стол меня или тех людей, что приходили к Борису Тимофеевичу. Обычно мы собирались на уютной кухне, ибо всё было под рукой: посуда, холодильник, еда, выпивка и закуска. Бывали обильные обеды, ужины и затяжные вечерние беседы. Надежда Петровна всегда была рядом. Ее присутствие – единило всех нас. Она привносила в наши разговоры свою обходительность, доброту и тактичность. Было видно, как она любит и обожает своего знаменитого мужа. Это чувство естественным образом переходило и на нас, его многочисленных и преданных друзей. Своё сердечное отношение к ней запечатлелось в моих дружеских непритязательных строчках. Как-то, придя к Штоколовым, я протянул Надежде Петровне листок со стихами, написанными осенью 1996 года. Я вручил ей эти стихи в их квартире, где они жили тогда по адресу: Петровская набережная, 4, кв. 66 (четвёртый этаж). Из окна одной из комнат, самой просторной, где репетировал Борис Тимофеевич, видна была Нева, гранитная Набережная и стоящий на ней Домик Петра. Передавая жене Штоколова стихи – мне хотелось сделать ей маленькую приятность. В моём блокноте сохранится этот текст:

*Пусть жизнь порою, как пороша,
Страшней смертельного свинца,
Но вам дана Святая ноша —
Любить великого певца.
И в губительном житейском море,
Где редко дует легкий бриз,
Преодолеть любое горе
Поможет Вам — Ваш муж Борис.*

Строка: “Преодолеть любое горе поможет Вам – Ваш муж Борис...” – оказалась абсолютно противоположностью. Горе, к большому сожалению, связанное с неожиданной смертью Надежды Петровны, пришлось тяжело переживать самому певцу и всему его семейству. Я был один из тех, кто присутствовал на её отпевании и похоронах. Это проходило в Сестрорецке, под Санкт-Петербургом, в небольшой церкви, построенной в честь Святого Благоверного великого князя Александра Ярославича Невского, покровителя Петербурга. Там и похоронили Надежду Петровну. На её погребении, в числе близких людей, был и великий хирург, академик Федор Григорьевич Углов с супругой.

Говорят, что одна беда не приходит – жди другую. Так, к несчастью, и случилось: прошло немного времени, как заболел неизлечимой болезнью сын Саша, крепкий, розовощёкий, ещё совсем недавно пышущий здоровьем. В течение многих лет он часто на своей машине возил нас на концерты. Овдовела его жена Людмила, осиротели дети: мальчик Костя и очень подвижная ласковая девочка, которую пианист Серёжа Яковлев в шутку называл “колючкой”. Борис Тимофеевич улыбался, ему нравилась эта домашняя безобидная дразнилка.

Нетрудно представить, какую надо было иметь певцу волю и чувство самообладания, чтобы пережить одно за другим эти тяжёлые два горя: смерть любимой жены, а следом за ней такой мучительный уход старшего сына. И несмотря на эти ужасные трагедии – Борис Тимофеевич всё же преодолел “чёрную полосу” в своей судьбе, продолжая петь сквозь слёзы, не потеряв при этом своей великолепной вокальной формы, радуя певческим искусством самую требовательную и преданную публику.

Он, помнится, сразу же после похорон жены должен был петь под орган в Санкт-Петербургской капелле. Все думали, в том числе и я, что он отменит этот концерт. Но певец вышел на сцену и объявил публике, что посвящает свой сольный концерт памяти жены. Я хорошо помню, как внезапно оцепенел и затих зал, как воцарилась мертвая, гробовая тишина. Торжественно поплыла под сводами капеллы величественная органная музыка в исполнении профессора Нины Оксентян, и наш дорогой Борис Тимофеевич, собрав воедино всего себя, вдохновенно и божественно запел. Его пение звучало как прощание с самым близким и родным человеком, каким и была всю жизнь для него Надежда Петровна. Я сидел с пианистом Сергеем Яковлевым в самом конце зала. Сережа и я были охвачены мистическим ужасом от этой могучей музыки и скорбного, какого-то поистине возвышенного пения Штоколова. Мы шёпотом говорили друг другу, что присутствуем не здесь, на земле, в зале капеллы, а словно совсем в другом месте – в светящемся и мерцающем поднебесном мире...

Вернёмся в раннюю молодость...

Но вернёмся снова назад, в раннюю молодость певца. В конце мая 1946 года Штоколова отпускают с флота домой, на побывку. Он едет в Свердловск, где живёт его семья, состоящая из пяти человек. Певец вспоминал: *“Мама заплакала, когда узнала, что я решил не возвращаться на флот и что одержимо хочу учиться вокальному пению. Бывает же такое: я как-то ранним утром вышел из дома и пошел по городу искать работу. Не помню, как оказался на улице Малышева, где совершенно случайно увидел объявление о приёме в спецшколу ВВС № 11, и я сразу же решил поступать туда.*

Пройдя медкомиссию, я был зачислен курсантом в третью роту. Помню, как на госэкзаменах учительница русского языка и литературы, очень любившая моё пение, вызвала меня к доске и говорит: “Боря, прочитай стихотворение Лермонтова “Выхожу один я на дорогу...”. Я прочитал... “Ну а теперь спой, пожалуйста, один куплет”. Я спел. Весь класс заржал, а она говорит: “Молодец! Садись, “три”.

Когда была закончена спецшкола, то на выпускной вечер приехал к курсантам сам командующий Уральским военным округом Маршал Георгий Константинович Жуков. Он поздравил всех с успешным окончанием спецшколы, пожелал хорошей и добросовестной воинской службы. После торжественной

части состоялся концерт художественной самодеятельности. Курсант Штоколов спел “Грустные ивы” М. Блантера и “Дороги” А. Новикова. Маршал сердечно поблагодарил за пение и сказал: *“Таких, как ты, в авиации много, а тебе надо петь...”*.

Когда Борис занимался в вокальном кружке, то ещё не знал, как надо правильно брать ноты. И он в свободное от занятий время стал ходить к пожилой частной преподавательнице, которая училась у Фелио Джордони. Она когда-то пела в Мариинском театре. Когда она показывала верхнее “до”, то пропевала его прекрасно. Она выучила с Борисом романс Демона “Я тот, которому внимала...” Борис Тимофеевич вспоминал: *“Она была недовольна моей морской сутулостью и особенно косолапой походкой, оставшейся у меня от службы на кораблях. Во время пения она больно тыкала меня своей палкой в сутулые плечи, чтобы я развернул их, и при этом приговаривала: “Надо уметь носить своё тело, свою фигуру на сцене, надо уметь носить фрак, иначе вас на пушечный выстрел не подпустят к театру”. Владение дыханием она преподавала по-своему: ученик привязывал кирпич к левой ноге и во время пения качал этой ногой, якобы для разработки тазовой диафрагмы. И ещё у неё были всевозможные экстравагантные методы обучения певцов. Об этих экспериментах Штоколов вспоминал с улыбкой. Он говорил: “Сколько вокальных заблуждений мне предстояло перенести в будущем и всё же не потерять голоса! Иногда я набирал полный рот мелких камешков из какого-нибудь ручейка и пытался петь песни. Петь было трудно, во рту “каша”, но когда я вынимал камешки изо рта, то петь и произносить слова становилось очень легко. Таким образом я достиг хорошей дикции”. Он буквально “заболел” пением, и его чуть было не отчислили за неуспеваемость. Но мама приговорила и умоляла начальство оставить сына в училище. И действительно — оставляли. Потом будущего певца направили служить в Серпуховское училище ВВС. Туда-то и пришел приказ Жукова, в котором говорилось о направлении на учёбу в Консерваторию курсанта Штоколова. И он поехал в Свердловск, где был принят без экзаменов в этот музыкальный вуз, где стал заниматься баритональным пением у педагога А. В. Новикова. Но заведующий кафедрой В. Г. Ухов первый почувствовал, что у студента природный “бас-контанто”, и перевёл на втором курсе молодого певца в басы.*

Вскоре он был приглашён на пробу в Свердловский театр оперы и балета. Штоколов спел арию Сусанина и был зачислен в труппу стажёром. Это было в 1951 году. С этого времени стал исчисляться его трудовой стаж на оперной сцене. В театре Борис Тимофеевич пел партию Лорана в “Ромео и Джульетте”, Кардинала в “Орлеанской девице”, Гремина в “Евгении Онегине”, пел Кичигу в “Чародейке”, Златогора в “Пиковой даме”. Он выступал вместе со знаменитым Н. К. Печковским, народным артистом СССР, отсидевшим при Сталине десять лет вместе с Лидией Руслановой. А потом были спеты партии Кошевого в “Богдане Хмельницком”, Стольника в “Гальке” и наконец была исполнена партия Мельника в “Русалке”. Выпускным спектаклем в Консерватории была партия Черевика, а Юрий Гуляев (друг и сокурсник) пел баритоном партию Парубка. Спектакль прошёл на “отлично”.

Как-то, уезжая из Москвы, совершенно случайно Борис Тимофеевич купил книгу Назаренко “Искусство пения”, где были исследованы многие вокальные школы. Из этой книжки Штоколов узнал немало дополнительных знаний по вокалу. Он пишет: *“У меня было в жизни три отца: Тимофей Ильич, породивший меня, а затем “крестный отец” Маршал Жуков и Энрико Карузо. Я стал усердно заниматься по системе знаменитого итальянского тенора. А она состоит в том, что надо брать высокие ноты только при широко открытой (расширенной) глотке. Для этого существуют специальные методики и упражнения по открытию гортани”*.

Однажды Борис Тимофеевич пел вместе с П. Г. Лисицианом, приехавшим на гастроли в Свердловск. Замечательный баритон показал Штоколову свой метод пения, с опорой на ремень и попаданием в “маску”. В этот момент звук, как на лебединых крыльях, вырывается наверх. После этого совместного выступления Штоколов пел только с широким ремнем под фраком, который и был главной опорой для звука во время пения. Позднее он говорил: *“Я ученик Карузо, у меня школа вокала итальянская, но душа русская...”*. В 1958 году он спел партии Дона Базилио, Рамфиса в “Аиде”, а 30 января

1959 года пел Бориса Годунова. Эту классическую, исполненную многими замечательными певцами мирового уровня труднейшую партию он тщательно готовил целых два года. Поэтому успех был потрясающим и превзошёл все ожидания.

Приглашение в Кировский (Мариинский) театр

А далее было прослушивание уже в Кировском (ныне Мариинском) театре у дирижера Э. Грикурова. Молодой исполнитель спел арию Сусанина, князя Галицкого, Гремина, где легко взял самую низкую ноту, как у певцов принято говорить – “шубой по полу”. После этого прослушивания, гуляя с женой по набережной Невы, певец неожиданно простудился, воспалилась трахея. И всё же, несмотря на недомогание, Штоколов решил петь, но звучание его голоса в спектакле “Иван Сусанин” на этот раз было чуточку “матовым”. Но слушатели тем не менее бурно аплодировали. Их дружная и шумная поддержка несомненно повлияла на судьбу молодого певца. Театральное руководство предложило ему спеть арию Мефистофеля. Перед премьерой певец решил вылечиться самостоятельно, как говорится, народным методом – пошёл в парилку. Там встретил он давно ему знакомого певца Н. К. Печковского, с которым в 1954 году в Свердловском оперном театре пел партию Златогора в “Пиковой даме”. Ну так вот: в жаркой бане Печковский в приказном порядке говорит своему концертмейстеру: “А ну-ка, Абраша, хорошенько попарь его венником!”.

Русская баня очень даже пошла на пользу Штоколову. В театре, прямо перед пробой, Печковский, увидев дирижёра Э. Грикурова, с восхищением сказал ему: “Берите скорее Бориса, иначе его заберёт Малый оперный. Я знаю его, пел с ним, у него, поверьте, великолепный голос”. Спустя годы Борис Тимофеевич писал: *“Однажды я вышел на сцену, надев шляпинский костюм: шляпу, туфли, штаны, кольцо. В большом красном плаще я чувствовал себя неуклюже, путался в нём. Однако, начав петь, ощутил, что голос возвращается на сцену, эхом идя в зал. И мне стало комфортно, спокойно и хорошо”*. После спектакля “Фауст” Ш. Гуно – Борис Тимофеевич был принят в Кировский (Мариинский) театр, где, как я писал выше, исполнял все главные партии обширнейшего репертуара на протяжении более чем трёх десятилетий.

В своей книге Штоколов рассказывает: *“Мне нравятся многие певцы, но более всего я всю жизнь преклоняюсь перед Энрико Карузо – не только великолепным, величайшим вокалистом, но и великим тружеником в расширении своей гортани, в управлении звуком. Прочитав в 1953 году книгу “Как необходимо петь”, я понял: чтобы стать блистательным вокалистом – надо как можно шире открывать гортань. Так я нашёл единственно верный путь к постановке голоса. И таким образом невольно стал учеником Карузо, оставаясь им до сегодняшнего дня. Хорошо помню, как я воспрянул духом, появилась уверенность в себе, что нахожусь на правильном пути. Пение – это напряжённый, каждодневный труд, и я бы добавил – это ещё и труд вдохновенный. Повторюсь – только вдохновенный! Однажды я почувствовал, что наконец-то ко мне пришла безмерная вокальная радость – в голосе моём появилась трель. Я стал её делать в итальянской народной песне “О, мое солнце!”, филировать звук, делать крещендо в песне “Эй, ухнем!” на концертах. Трель и филировка звука в Италии во все времена считаются высшим пилотажем в искусстве владения звуком, голосом”*.

Стихотворное посвящение

На протяжении всех этих необыкновенных лет нашей дружбы я, к сожалению, не регулярно, но всё же нет-нет да и записывал в тетрадь свои ощущения от выступлений и гастрольных поездок с певцом. В них запечатлены размышления Штоколова о музыке, игре на театральной сцене, о его творческих планах и бытовых повседневных заботах. Эти краткие заметки являют собой как бы остановленные мгновения уже ушедшей, счастливой и удивительной сценической жизни, в которой Борис Тимофеевич умел не только прекрасно

петь, но и самозабвенно наслаждаться ею. Он тонко чувствовал природу, чутко вслушивался в её звуки. Увлекался поэзией и в юности писал стихи. Конечно, только для себя и своих близких. Особый вкус проявлял к питанию, обожал хорошо покушать, потому что при пении идет большой расход калорий, выпивку тоже не обходил вниманием, но, при своём бережном отношении к голосу и в целом к здоровью, почти всегда воздерживался от лишней рюмки. Учитывая то, что вся его жизнь прошла на театральной сцене, в гострольных поездках, в большом и шумном окружении людей, почитателей его таланта, он после спектакля или сольного выступления всегда стремился к общению с коллегами и многочисленной публикой. Он ценил их мнения о спектакле или концерте, умел и любил рассказывать необычные истории из своей жизни или своих друзей, иногда умел талантливо пародировать известных артистов, порой приправляя свои байки “солёными” словечками.

Помнится, как во Всеволожске (пригород Петербурга) после концерта Борис Тимофеевич в тесной компании организаторов и гостей, как это часто бывало и раньше, рассказывал о том, как учился петь, о своих планах: *“Я – фанатик пения. Если местные руководители помогут мне здесь, при музыкальной школе, открыть класс вокала, то я покажу мальчикам и девочкам, как надо расширять гортань с помощью зевка. Петь будут только на противоестественном дыхании, с кожаным поясом. А девочкам предложим жёсткие корсеты под нижнее ребро. Настоящие певцы поют именно на противоестественном дыхании. Естественное – не годится”*.

В записи от 10 июня 1999 года сообщается, что в этот день, в четверг, пригласил нас в проектный институт главный конструктор Алексей Федорович Уткин, мой земляк, родной брат Владимира Федоровича, под чьим руководством в своё время была создана практически неуязвимая ракета, прозванная “Сатаной”. Очень хотелось конструкторскому коллективу и многим учёным послушать Штоколова. Об этом говорил со мной по телефону Алексей Федорович и просил передать его просьбу Борису Тимофеевичу. Что я и сделал в этот же день. Через некоторое время мы приехали и выступили непосредственно в самом проектной институте. Сохранилась видеозапись нашего импровизированного концерта. Я был ведущим этой небольшой программы, прочитал поэтический цикл “Памяти Сергея Есенина” и стихотворение, посвященное певцу. А Борис Тимофеевич спел: “Я Вас любил...”, “В лунном сиянии”, “Утро туманное”, “Ой, мороз!”, “Малиновый звон”, “Гори, гори, моя звезда!”

Потом был небольшой банкет, на котором Штоколов рассказывал о своих заграничных гастролях. В одном из зарубежных театров, за день перед спектаклем, Борис Тимофеевич внимательно осмотрел театр и понял, что в нём специфическая акустика, при которой надо петь по-особому, главное – орать не надо, петь следует чуть тише обычного, но петь волнительно и лирично. Помню он рассказывал: *“В нашей труппе были два прекрасных певца – Зураб Анджапаридзе и Александр Огневцев...”*. Штоколов сделал при этом потрясающую гримасу, изображая этого вокалиста. Перед самым спектаклем Борис Тимофеевич поделился своим наблюдением относительно акустики со своими коллегами. Огневцев отреагировал так: *“Да я, Боря, как рвану во всю свою мощь – и всех зрителей бросит в озноб! Я их потрясу!”*. Но потрясения на этот раз не случилось. Газеты дали предельно сухие информации, а положительных отзывов и глубоких рецензий не было совсем”.

Вообще Борис Тимофеевич, как личность легендарная, вёл себя зачастую настолько вольнолюбиво, что иногда позволял себе то, чего не смог бы себе позволить другой артист. В его душе, как мне представляется, до конца дней жила дерзкая мальчишеская задиристость, весёлая озорница, бравада и удалство. Так, на одном из выступлений, проходившем в Петербурге, в Большом концертном зале “Октябрьский”, посвящённом 300-летию русского флота, Штоколов, перед тем как петь, довольно образно поведал зрителям о том, как он, будучи юнгой, служил на Северном флоте. Затем приветливо улыбнулся, а улыбка у него была поистине лучезарной, процитировал известную матросскую шутку, произнеся перед огромной аудиторией буквально следующее: *“Друзья мои! Поздравляю Вас с этим прекрасным праздником! Я ведь тоже был когда-то моряком, и у меня тоже была вся задница в ракушках!”* И сразу же запел, заглушая мощным басом раскатистый хохот зала. Как вдохновенно и божественно пел он в тот удивительный вечер! Зрители азартно и долго аплодировали, кричали: “Браво!” И всё бисировали и бисировали

ли... Весь этот триумф проходил на моих глазах. Я стоял в боковой кулисе, в окружении артистов, мы тоже кричали, яростно хлопали и от всей души поддерживали певца.

Из дневниковых записей

А теперь обратимся непосредственно к моим кратким документальным записям.

31 марта 1995, С.-Петербург.

Творческий вечер, посвящённый 100-летию юбилею С. Есенина. Петербургские поэты выступали в Царском Селе. На этом вечере я прочёл поэму “Есенин и Блок”. Заканчивал концерт Борис Штоколов. Он спел несколько вокальных произведений, в том числе и романс собственного сочинения на стихи Есенина “Пой же, пой! На проклятой гитаре...”. После концерта Борис Тимофеевич сказал мне: “Ваша поэма – поэтична. В ней разлит лиризм, она проникнута одухотворением...”. Так мы познакомились. Местный фотограф снимал нас, но обещанные снимки, естественно, не прислал. Ладно, это не главное. Иное дорого мне, а именно: на этом вечере, посвященном моему земляку Сергею Есенину, судьба предоставила мне счастливый миг знакомства с Борисом Тимофеевичем, нашим великим русским певцом. Выходит, что как бы Есенин познакомил меня со Штоколовым. В любом случае: не будь этого вечера – знакомство бы не состоялось.

7 декабря 1997, С.-Петербург.

В новой квартире на Васильевском острове, из окон которой открывается прекрасный вид на Гавань, Борис Тимофеевич рассказывал нам – мне и своему концертмейстеру Сергею Яковлеву: “Когда мы начинали жить с Надей, то у нас ничего не было. Даже стола. Я пошёл на свалку, нашёл там рейки, заляпанные цементом, очистил их, обстругал и сам сколотил круглый стол. Надя накрыла его плюшем малинового цвета. И стало уютно в нашем бедном быте. Вот так мы начинали жить... Я благодарен Наде за то, что она всю жизнь свято верила в меня, как в певца. Поддерживала духовно...”

11 декабря 1997, С.-Петербург.

Сегодня Борис Тимофеевич делился своими планами: “Я сейчас готовлю книгу, она называется “Тайна бельканто”. В ней будет кассета. Эта книга – Букварь по вокалу. Для всех, кто хочет петь. Для фанатиков. Я буду рекомендовать своим ученикам делать из своей глотки то, что сделал я из своей. Теперь у меня в глотке видны связки: глядя в зеркальце – я вижу, как они смыкаются и размыкаются. Я знаю, как Энрико Карузо уникальным методом и особыми приёмами расширял свою глотку. Я тоже этим занимался. Через 15 лет упорных занятий – глотка моя открылась. А Фёдору Шаляпину такая уникальная открытая глотка досталась от природы. Я хочу создать вокальный класс, где буду обучать молодых певцов открытию и расширению гортани. Они будут петь на противоестественном дыхании, с применением широкого и жёсткого пояса, на который будет опираться дыхание и звук, издаваемый певцом. Запоют, как соловьи. Кстати, эти птицы поют именно открытой глоткой, исключительно виртуозно филируя каждое коленце”.

9 марта 1998, С.-Петербург.

Вечером около 18 часов Борис Тимофеевич записывался на фирме “Мелодия”, которая находится в здании лютеранской церкви Великомученицы Екатерины, расположенной на Васильевском острове (1-я линия). Зал имеет хорошую акустику, но микрофоны фирмы старые, им уже по 25 лет. Поэтому при прослушивании записей певец их забраковал. Оставил только две, что были записаны с третьим микрофоном АКТ, который Штоколов принёс из дома. Прослушивание проходило в третьей аппаратной – 39 ступенек вверх.

Итак: певец оставляет только две записи с квинтетом: “Ямщик, не гони лошадей” и “Хризантемы”. Записи спонсирует “Газпром” (Рэм Вяхирев).

Когда шла запись – я стоял неподалеку от Штоколова и с замиранием сердца слушал певца. Видел, как он переживает, волнуется, уходит всем своим духом в глубины музыки. Порой он закрывал глаза или, наоборот, как бы выкатывал их и распахивал. Они сверкали, как ночные кинжальные молнии, а иногда становились приветливыми, наполненными неизъяснимым мерцающим светом. Этот свет являлся из трепетной души певца, наполненной стихийной силой вдохновения. В этот необыкновенный миг он стоял перед микрофонами, как истинный рыцарь русского вокального искусства. Был он статен, высок, порывист и одновременно предельно сдержан в жестах и движениях рук. Помнится, что в этой студии, во время затяжной паузы, я сказал Борису Тимофеевичу: “Вы поёте сегодня прекрасно, с особым воодушевлением, превзошли самого Шаляпина”. На что Борис Тимофеевич с долей грусти ответил: “Не забывай, Гена, Шаляпин наш гений. Он – недосягаем”. И стал прогуливаться по студии, отдыхая от только что спетой песни “Дивлюсь я на небо...”. Об этой песне он говорил мне: “Вещь страшно тяжёлая, я боялся её петь. А теперь исполняю с огромным наслаждением, ибо пою открытой глоткой”.

29 мая 1998, С. -Петербург.

Ровно в 13 часов я у Бориса Тимофеевича. Дверь (железную) открыла жена Надежда Петровна. Певец отдыхал в спальне. Потом вышел из боковой комнаты. Обнялись. Борис Тимофеевич басит: “Гена, укладывай кассеты и мои книги. Они лежат на рояле...”. Вскоре подъехал пианист Сергей Яковлев. Вышли из квартиры и пошли к легковой машине (“Мерседес”), ждавшей нас напротив Домика Петра. Едем в Ленконцерт, а оттуда – в Тосно. День яркий, солнечный. Борис Тимофеевич наслаждается дарами весенней жизни. На нём длинная джинсовая синяя рубашка навыпуск, светлые, стального цвета брюки, лёгкие, белые летние ботинки. Настроение хорошее, потому что наступают лето. Хлынули волны тепла... После концерта Борис Тимофеевич был в отличном настроении. Из дома культуры с букетами цветов мы вышли на улицу. Певец восторженно воскликнул: “Да! Как всё прошло хорошо! Как тепло! Какое солнышко! Пожить бы побольше, попеть! Правда, ребята? Ещё бы лет 20 пожить!...”

В этих словах сквозило какое-то тревожное подсознательное предчувствие. Оно осозналось мною в полной мере только теперь, после того, как певец так неожиданно ушел от нас.

Касимовские гастроли

Коротко коснусь выступления Штоколова в моем родном городке, в Касимове. Спустя два-три дня после нашего знакомства 31 марта 1995 года в Царском Селе я предложил Борису Тимофеевичу дать концерт в нашем доме культуры, порадовать своим чарующим пением моих земляков. Не так-то просто было уговорить певца, характер-то не из лёгких, нрав горячий, строптивый. К тому же огромная занятость, ибо шли бесконечные репетиции, записи на компакт-диски, на радио и телевидении, сольные концерты. Нервы напряжены постоянно. Только после нескольких бесед с ним, в которых я подробно рассказывал о моем городе, о его старинной истории и даже “нажал” на то, что в Касимове дважды побывал Петр Великий и наследник престола цесаревич Александр, будущий Император Александр Второй, в сопровождении поэта В. А. Жуковского. Я напомнил певцу и о том, что в этот год Россия отмечает 100-летний юбилей Сергея Есенина, а в конце разговора добавил: “Вы же написали такую задушевную, мелодичную музыку на стихи Есенина. Было бы замечательно, если бы Вы исполнили эти произведения непосредственно на родине поэта, в данном случае в моем городке. Такой голос, как Ваш, там никогда не звучал. И вряд ли зазвучит когда-либо в нашей касимовской горестной глубинке – маленьком сердце большой России”. Певец грустно улыбнулся, задумался и тихо сказал: “Гена, надо подумать, к тому же предстоит найти “окно” в моей программе, ведь эта поездка займёт не менее пяти дней,

дорога-то не близкая...”. Дня через два он сам позвонил мне и сказал: “Заказывай билеты, едем. Лучше всего закажи на “Красную Стрелу”, поезд отходит в полночь. Поедем троём: ты, я и аккомпаниатор Сережа Яковлев. Когда возьмёшь билеты – сразу же сообщи мне...”.

Из дневниковых записей

21 апреля 1995, С. -Петербург.

Около 18 часов позвонил Штоколову. Сообщил ему о том, что Касимов ждёт его приезда во второй половине мая. Обговаривали все детали будущей поездки, наши дальнейшие планы и творческие контакты. Он много рассказывал мне о своей системе пения на противоестественном дыхании, при полностью открытой глотке, о великих певцах: Карузо, Шаляпине, Паваротти, Гяурове, Михайлове, братьях Пироговых.

И вот 25 мая 1995 года в касимовском Доме культуры состоялось первое выступление Штоколова. Он спел целый цикл русских песен: “Славное море – священный Байкал”, “Глухой неведомой тайгою”, “По диким степям Забайкалья”, “Ах ты, степь широкая!..”, “Ермак”, “Вдоль по Питерской”, “Ямщик, не гони лошадей!..”, “Эй, ухнем!..” и другие. А из романсов те, что так любит публика: “На заре ты её не буди...”, “Вам не понять моей печали...”, “Только раз бывает в жизни встреча...”, “Дорогой длинною”, “Очи чёрные”, “Хризантемы”, “Москва златоглавая”, “Сомнение”, “Пой же, пой! На проклятой гитаре...”, “Гори, гори, моя звезда...”. Через день в этом же здании дома культуры он пел для жителей Касимовского района. Причём в конце выступления он исполнил вместе со всем зрительным залом любимую всеми “Тонкую рябину”. Это было удивительное впечатление: люди сердечно благодарили певца не только за прекрасный концерт, но и за открытое, душевное отношение к зрителям. После своего первого концерта вечером следующего дня Борис Тимофеевич выступил в касимовской музыкальной школе, где основными зрителями были преподаватели музыки и городская интеллигенция. После концерта директор школы В. И. Ряховский устроил вечерний ужин, на котором педагоги смогли напрямую пообщаться с певцом, послушать его размышления о музыке. Кто-то предложил Валерию Шелоумову, педагогу по классу баяна, что-нибудь спеть. Он взял в руки баян, свой любимый инструмент, и полилась задушевная русская песня “Меж крутых бережков...”. Затем были исполнены и другие народные песни. Борис Тимофеевич поблагодарил нашего касимовского певца и сказал, что баритон у него тёплый, со своей интонацией, в общем, есть над чем работать – голос абсолютно природный, и добавил: “Вы истинный самородок. Работайте над техникой. Можете учиться по моей книжке-самоучителю: “Как надо петь”.

Нигде я так не волновался, ведя концерт и читая стихи, как здесь, на знаковых мне сценах Дома культуры и музыкальной школы. В эти дни стояла прекрасная солнечная погода, температура доходила до двадцати пяти градусов. Помню, на прогулке Штоколов сказал мне: “Гена, в твоём городке так же тепло, как в Италии. Ты же знаешь – я не так давно пел в Милане, где вместе с Надей посетили Белый Мавзолей Карузо, привезли цветы”. Мягкий и сухой климат средней полосы благотворно влиял на голосовые связки певца, поэтому исполнял он русские песни и популярные романсы с особым воодушевлением, в буквальном смысле потрясая своим великим искусством людские души.

Спел Борис Тимофеевич на сцене дома культуры и две сложнейшие партии из оперного репертуара: каватину Алеко из одноимённой оперы С. Рахманинова “Алеко” и арию Ивана Сусанина из оперы М. Глинки “Жизнь за царя”. Ему вдохновенно аккомпанировал на рояле пианист Сергей Яковлев, выступивший со своей сольной программой, виртуозно исполнив сложнейшие произведения А. Скрябина, С. Рахманинова и Ф. Шопена. Мои земляки приняли выступления певца превосходно. Народ слушал замечательные классические произведения в исполнении не каких-то там корчащихся на сцене “шептунов”, а выдающегося оперного певца, обладателя уникального чистейшего бельканто, того истинно “золотого” звука. А таких певцов в мире совсем

немного. Это прежде всего – Э. Карузо, Ф. Шаляпин, М. Кабалье, Л. Паваротти и Б. Штоколов.

Будучи ведущим этих концертов, я по договорённости с певцом прочёл стихи, связанные с природой и историей моего родного края, а в заключение – стихотворение “Примолкла публика... И вновь заливала”, посвящённое Борису Тимофеевичу, которое я написал ночью с 5 на 6 июня 1995 года в Петербурге. Помнится, как-то днём я позвонил певцу и прочёл стихотворение по телефону. Штоколов, прослушав, сказал: “Хорошие, ёмкие стихи. Я их поставлю во второе издание моей книги “Гори, гори, моя звезда...””.

После летних гастролей успешно прошли осенние выступления в Нижнем Новгороде и Муроме в здании Дворца культуры.

В те осенние дни по просьбе работников завода “Цветмет”, тех, кто весной не смог послушать выступление певца, я предложил Борису Тимофеевичу дать один концерт в Касимове. Директор завода А. Н. Драенков, как всегда, проявил свою отзывчивость – выделил машину “Волга”, на которой мы приехали в Касимов. 24 октября 1995 года состоялся вечерний концерт в Доме культуры. Наконец-то те заводчане, что не были на весенних концертах, с удовольствием слушали певца, а после его выступления сердечно общались с ним. Пел Борис Тимофеевич на рязанской земле и спустя четыре года, а именно – 1 декабря 1999 года. Чтобы организовать этот концерт, я специально поехал в Рязань, где вёл переговоры с администрацией филармонии о выступлении Штоколова.

Борису Тимофеевичу устроили настоящую овацию. Он много раз выходил на “бис”. После концерта нас гостеприимно принимал у себя, в здании администрации, губернатор области Вячеслав Николаевич Любимов.

Скорбная боль утраты

С того дня, когда пел Штоколов в Касимове, прошло почти 10 лет. Я хотел летом 2005 года повторить, в обновленной программе, его выступление. Голос певца звучал по-прежнему свежо, а кантилена была пластичной и ровной на всех регистрах. Но случилось непоправимое... Утром шестого января, включив телевизор, я по каналу НТВ вдруг увидел в левом углу экрана лицо Бориса Тимофеевича в траурной рамке. По всему моему телу мгновенно прошла обжигающая волна нервного озноба, скорби и душевного смятения. Поначалу не хотелось верить в это неожиданное, страшное и непредсказуемое несчастье. Я почему-то подумал: должно быть, произошла какая-то катастрофа – Штоколов в последние годы панически боялся летать на самолёте, ибо всё чаще случались в небе аварии во время полётов как наших, так и зарубежных лайнеров. Но всё оказалось не так. Первая операция на кишечнике прошла успешно. Собственно говоря, она была совсем несложной. Некоторые СМИ вводили в заблуждение своих слушателей, сообщая, что “после тяжёлой и продолжительной” болезни скончался выдающийся певец. Когда люди слушают или читают такой текст, то все думают, что у человека онкологическое заболевание. У Бориса Тимофеевича его не было. Врачи констатировали: элементарное защемление грыжи. Через несколько дней пришлось делать вторую операцию, ибо обнаружили у певца обострившийся перитонит. Во время второй операции сердце Бориса Тимофеевича остановилось.

Ведущие средства массовой информации опубликовали обширные некрологи, а телеканал “Культура” посвятил светлой памяти великого певца свою ночную передачу. На телеэкране миллионы зрителей снова увидели бессмертный образ Штоколова и услышали его великолепный голос. Думаю, что не только я, но и все поклонники Бориса Тимофеевича вряд ли смогли в эти минуты сдержать горестные слёзы прощания. Плакали, не стесняясь слёз, многие артисты Мариинского театра.

Когда приближалось его 70-летие, он говорил: “Ведь если вдуматься, очень короткая наша жизнь на этой земле. Семьдесят лет – это вообще ничто. Вот в ветхозаветные времена жили по 700–800 лет. Вот это, я понимаю, срок! Но пусть и короткая, но какая прекрасная наша жизнь, если жить в ладу с совестью и в гармонии с окружающей природой. Поэтому хотелось бы жить не в аду, как многие сейчас живут, а в красоте, справедливости и люб-

ви. Хотел бы пожелать всем, чтобы у нас вот так повернулась жизнь – к прекрасному, и чтобы каждый жил как можно дольше”. Сейчас, после кончины певца, эти слова воспринимаются как его завещание.

Собственный корреспондент “Труда” Людмила Безрукова в некрологе о Борисе Штоколове писала: “Сегодня Мариинский театр, Петербург и вся Россия прощаются со Штоколовым. Артиста такого масштаба, такого яркого национального колорита в Питере больше нет – нынешняя Мариинская труппа построена по “среднеевропейскому” образцу, где традиционному русскому басу (культура, которая, безусловно, восходит к православному церковному пению) просто не находится места. А жаль – мы в очередной раз демонстрируем, с какой лёгкостью растрчиваем собственные бесценные традиции”.

В последние годы Штоколов всё обострённее чувствовал уходящее время. Поэтому активно работал над голосом, гастролировал, проникновенно пел свой особый репертуар, составленный для участников войны и блокадников. Они были всегда очень благодарны ему. Он любил их рассказы о пережитом, сам делился своими воспоминаниями о горестных годах военного лихолетья.

Великий певец был постоянно поглощён только двумя темами – музыка и Россия, переживающая сейчас жесточайшую очередную ломку своего бытийного и государственного уклада. Неисчислимо количество раз певец печально повторял: “Если даже мне сейчас живётся внапряг, то каково теперь “простому” человеку?”.

От всей души поздравляем с юбилеем нашего дорогого друга и давнего автора Геннадия Морозова!

Редакция

“СТЕКЛЯННАЯ ЛЕСТНИЦА В НЕБО”

К 60-летию поэта Александра Раевского

Так назвал свою новую книгу стихотворений Александр Раевский, изданную в Кемерово под редакцией Б. В. Бурмистрова весной этого года и вошедшую в себя лучшее из предыдущих четырёх изданий с небольшой добавкой произведений, написанных в 2006–2008 годах.

Автор, на мой взгляд, удачно озаглавил свой труд строкой из стихотворения “Бабушкины слова”. Именно бабушка подсказала внуку, что “на небушко лесенка есть вон за той за зелёной берёзой”, по которой “к Боженьке можно залезть”. Назвав так сборник, поэт, конечно же, мыслил шире и подразумевал здесь ещё и светящийся хрупкий путь поэзии, да и вообще искусства к высотам духа, который, хотя и прекрасен, но чреват опасностью – ступил не так раз, другой – и потускнеет, покорёжится, а то и рухнет “лестница”.

А прочной опорой движения по ней является, судя по содержанию книги, слово, в котором не игра ума, а простота, внутренней теплотой своей согревающая сердце читателя. В книге Раевского сразу же с первых страниц окунаешься в эту самую простоту: здесь и трава растёт, и почки у деревьев лопаются, и весенний день солнышком сияет, но ткань стихотворения такова, что всё это простое, соединенное вместе, даёт картину, которая глубоко запечатлется и долго не отпускает, как однажды увиденное красивое лицо, почему-то вдруг запавшее в душу.

Так и стихи поэта: с многими из них ты уже хорошо знаком, но начинаешь читать и вновь не можешь оторваться: слова, нужные, располагаются и сцепляются так, что как бы подсвечивают друг друга, и вся строфа начинает светиться.

*Кусты, засыпанные снегом.
Восторг, слезинка, синева...
Домой, домой! Лошадке пегой
Не в тягость наша кошева.*

Александр Раевский изображает не второстепенные приметы жизни, а её сгустки, то, что лежит в её основании.

На подворье привезли сено, сгружают его и стогуют. Но в том вся интрига стихотворения, всего искусства поэтического, что мы этой работы не видим, а лишь догадываемся о ней, чудодейственно её ощущаем – “в надворье творится хорошее что-то”. Это “что-то”, с одной стороны таинственное, а с другой напряжённо-волнующее и даже слегка пугающее: “по сугробам, плетням и столбам метались лучи, рокотала машина, от близкого гуда дрожа-

ла изба"... А вот и сами творцы хорошего, полные радости и гордости за содеянное, — "фуфайки и шапки кидали на пол, шутили, сорили пырейною осью" и начинали доброе, заслуженное трудом застолье в честь "доброго гостя".

*А гость — луговая забота людей —
Темнел во дворе
Величаво и строго.*

Вот он, величественный в своей простоте итог человеческого труда, и красоту его поэт подчёркивает образной и превосходно сделанной концовкой:

*И было уютно январской звезде
Дремать на заснеженном темени снега.*

Это всё из первого раздела книги "Ласковая высь". А когда бытие стало пригибать эту высь да ещё тащить по грязи, заболела муза Раевского, запечалилась и застонала. Но это были не плаксивые, а мужественные слова — в стихах поэт не отводит взор от мерзостей и запустений рыночной действительности, смотрит в упор на неё, не отворачиваясь.

И всё-таки меня, читателя, больше привлекают не бичующие прокурорские строки, а те, где поэт судья и ответчик. В них боль и от паскудства окружающей жизни, и от собственной слабости. С болью в сердце выдаёт он этот сплав своей, далёкой от голубого сияния жизни со скудеющей жизнью народа и России в таких стихотворениях, как "Стою на посту, охраняю насосную...", "Молчаливый разговор", "Гнилое гибельное лето...", "Вещий сон". Вот, к примеру, как говорится об этом в "Позднем прозрении".

*Вся страна на больничной постели,
Очень грязная эта постель.
Как метели, года просвистели,
Или сам их, дурак, просвистел?..*

Но, описывая свои невзгоды, поэт и не снимает с себя ответственности за погибель великой державы: "Проблукал в облаках и при этом проморгал злые силы во мгле...".

В последующих стихах, помещённых в этом же разделе "Надежды крестик золотой", чувства поэта как бы оттаивают, и уже не злостью и болью, а "печалью высшей просвечивает" он окружающий мир, и уже проступают в душе мотивы "Ласковой выси", и вновь туманит взгляд береза, "раскинувшись густым шатром, знакомым с детства", и "ласково вниз из-за тучи лиловый ОТЕЦ лучезарно глядит"; "Ничего, наше время придёт, всё наладится, всё возродится".

Спасение от духовного застоя, от душевной боли поэт ищет, на родине, в родном с детства доме.

Мне кажется, что Александр Раевский уже прошёл путь и обличения, и самобичевания. Людям нужны сейчас не столько указывающие на зло, сколько ищущие добро и помогающие его утверждению в жизни. И путеводитель тут, и вдохновитель — путь Христа, поселение добра в душах людей. Негодовать — просто. Любить и прощать по нынешним временам — подвижничество. Но другого пути, видимо, нет.

Геннадий Кузнецов

ВИКТОРИЯ АЛЕКСАШИНА

доктор архитектуры, почетный член РААСН

ГДЕ ОБИТАЕТ ДУША ЧЕРНОГОРИИ...

В. Н. Белоусов. “Поэтика черногорской архитектуры”, Подгорица, изд. “ЦИД”, 2009.

Эта книга задумана более полувека назад, когда автор, молодой архитектор, впервые попал в Югославию в 1957 году на стажировку в группе аспирантов. А исторически сложилось так, что народы России и Черногории связаны узами крепкой дружбы и родства, многовековой симпатии, доверия друг к другу. Славянские корни, общность характера и постоянные историко-культурные контакты наших народов, древнее искусство православной архитектуры, сказочная природа, где обитает душа Черногории, а также сложившаяся полувековая дружба автора книги с коллегами – черногорцами – всё это вдохнуло в текст любовь к Черногории и её народу. Как и душа автора, книга его излучает восхищение свободолобием черногорцев, их честностью и трудолюбием и вызывает желание хоть разок побывать в этом необычном уголке Земли.

Книга издана на двух языках в расчёте на то, что черногорским читателям будет интересно взглянуть на привычное им, родное, глазами “русского гостя”.

Эта небольшая книга чрезвычайно информативна в плане архитектуры. Субъективность и непосредственность впечатлений здесь подкреплены профессиональными знаниями автора – академика архитектуры.

Черногория расположена на юге Динарского нагорья и омывается Адриатическим морем. Кто только не дрался за владение этой территорией: иллирийцы, римляне, Византия (с VII в. н. э.), Венеция, Османская империя, Австро-Венгрия, Болгария и др. В VII в. славяне на территории современной Черногории создали свое самостоятельное княжество, позднее – королевство Дуклю (Диоклею, на территории бывшей римской провинции Далмации). Королевство Дукля стало центром борьбы славян за независимость. В XII в. закончилась эпоха королевства Дукля, а позднее, в начале XIV в., на этой территории восстанавливается самостоятельное государство, получившее название Зета (по одноименному названию притока реки Морача). В конце XIV в. название Черногория (от Црна Гора) вытесняет название Зета.

С IX в. в силу культурной и этнической близости происходит полное смешение иллирийцев со славянами. В результате ассимиляции южные славяне, в частности, черногорцы, приобрели характерные черты своей внешности (худощавость, стройность, высокий рост, преимущественно чёрные волосы). В формировании черногорцев основное участие приняло славянское племя дуклян. Большинство современных черногорцев – потомки тех сербов, которые уходили в XV–XVII вв. в неприступные Чёрные горы от турецкого владычества (в 1499 году произошло официальное включение Черногории в состав

Османской империи; однако туркам не удалось сломить черногорцев, полностью овладеть их территорией; на протяжении столетий шла упорная борьба). В сознании большинства черногорцев преобладает мнение, что они и сербы – один народ. Население горных районов осталось фактически независимым и образовало республику под управлением митрополитов Черногории. Расположение Черногории на рубеже Западной и Восточной Римских империй определило своеобразие архитектуры Черногории в раннесредневековый период. Воздействие культуры Италии и Далмации скрещивалось здесь с влиянием Сербии и Византии. О мастерстве славянских зодчих говорят их постройки. Так, уже в IX в. они начали строить трёхнефные базилики (в монастыре св. Петра в Градине, недалеко от Котора, и в Мартиничах, возле Даниловграда). В X в. в Черногории часто сооружались скромные однонефные, крестообразные и триконховые церкви из тесаного и ломаного камня. Появившиеся в XI в. церкви в романском стиле сохраняли связь с дороманским зодчеством.

В XII–XIII вв. строились трёхнефные базилики с плоским деревянным потолком или крестовыми сводами (собор св. Трипуна, 1116 г. в Каторе и св. Джордже, XIII в., в Баре). Вершиной зетской школы строительства признан собор св. Трипуна (Трифона), защитника города Котора. Собор, строительство которого началось в 1124 году, считался самым крупным христианским храмом на побережье и одним из самых монументальных соборов романского стиля. Трёхнефная романская базилика по традиции была увенчана византийским куполом. Собор св. Трипуна и сегодня производит впечатление монументального сооружения, являясь композиционным центром исторической части города Котора, достойно выделяясь среди окружающих прекрасных построек, появившихся значительно позже. Жители города гордятся тем, что собор господствовал над всеми постройками Котора, когда в Москве ещё не было Успенского собора, а в Риме – собора св. Петра.

В средние века, в течение почти двухсот лет, Черногория входила в состав Сербского королевства Неманичей (1185–1371 гг.). Надо было защищаться от непрошенных гостей и, главным образом, от многочисленных пиратов. Поэтому повсеместно воздвигались оборонительные сооружения, крепостные стены, неприступные башни.

Влияние дороманского, романского, готических стилей и барокко характерно для архитектуры прибрежных районов Черногории. Наибольшее число сохранившихся памятников находится в районе Которского залива, и лучшим примером служит город Котор, внесенный ЮНЕСКО в список всемирного наследия. Вдоль побережья расположено множество культурных сооружений, причём большинство из них представляют собой шедевры, как, например, православный монастырь Савина. В 1806–1807 гг. черногорцы с помощью русского адмирала Д. Н. Сенявина освобождали Далмацию от наполеоновских войск. Погибших тогда русских моряков и солдат похоронили на кладбище Савина монастыря. После революции в России в этих местах нашли последний приют русские эмигранты.

История Черногории тесно связана с историей России. Собственно, и сама историография Черногории зародилась в Москве, когда в 1754 году в Москве владыкой Василием была издана «История Черногории». При митрополите (владыке) Даниле Петровиче Негоше (правил в 1697–1735 гг.), который явился основателем династии Негошей, произошло особенное сближение Черногории с Россией. В 1711 году черногорцы по призыву русского царя Петра I участвовали в войне против Османской империи. В этом же году состоялся проезд в Черногорию русского посланника Милорадовича, что послужило началом политических связей Черногории и России. В июле 1712 года состоялась победа над турками у Царева лаза, что считается одним из величайших событий в истории Черногории. В 1715 году митрополит Данило Петрович Негош посетил Петербург и получил от России первую денежную субсидию.

Представители династии Негошей из клана Петровичей правили Черногорией с 1697-го по 1918 гг., и за это время они прославились сами и прославили страну. Наиболее известные из них: основатель Данило, в 1715 году посетивший Россию; святой Пётр I, союзник России против турок и французов в начале XIX в.; гениальный Пётр II – правитель, владыка, поэт, философ и просветитель.

Черногорцы выделяются на пёстром балканском фоне. В течение 500 лет небольшой народ сумел отстоять свою самостоятельность. Сами экономичес-

ки слабые, черногорцы помогали Венеции, Сербии и далёкой России в борьбе против турок, а Хорватии и Словении – против Австро-Венгрии в 1848 году. Созная свою малочисленность, черногорцы смогли ценой невероятных усилий удержаться в неприступных скалах, и всякий раз, когда начиналось нашествие общего врага – турок, отражали натиск. Эта борьба, поддерживаемая с XVIII в. Россией, принесла стране в 1796 году фактическую независимость.

Многовековая борьба за свободу выковала в народе воинственный дух и высокое понятие о личной чести. В то же время воля каждого подчинена всему обществу. Это исторически связано с иерархией в черногорской семье: у главы семьи была огромная власть, которая ограничивалась только общественным мнением и обычаями предков. Честность – неотъемлемая черта характера каждого черногорца. Государство Черногория выросло на черногорском характере.

Черногорцы – издавна бесстрашные воины. В середине XIX в. каждый месяц черногорцы 6–7 раз сталкивались с турками (за это время 2/5 населения погибло на поле боя, а 1/5 умерла от ран), поэтому в Черногории пистолеты за поясом носили почти все. Одним из самых страшных наказаний для черногорцев был запрет носить оружие. В 6 лет мальчики получали пояса как символ воинской одежды, а в 12 – оружие. В 18 лет черногорец становился полноправным воином, защитником семьи и отечества.

За время русско-турецкой войны 24 черногорца (из числа 35 иностранцев) получили ордена св. Георгия – одну из высших наград дореволюционной России. В ходе войны 1992–1995 гг. в Боснии черногорцы неизменно сражались в элитных подразделениях армии Республики Сербской. Их боевые качества отмечали абсолютно все (мужество, умение и бесстрашие).

Отношение черногорцев к России уникально. Такой пример трудно найти не только в Европе, но и в мире. Две страны удалены друг от друга на тысячи километров, одна – маленькая по территории, другая раскинулась на двух континентах. Контакты же были столь тесными, что о них слагали легенды. В 1870-е годы сила черногорского оружия и российская дипломатия принесли небольшой горной стране независимость. Благодарность черногорцев была известна в Петербурге. На Адриатическом побережье обучались морскому делу русские моряки, а черногорцы верно служили нашему царю и в звании рядового, и в чине генерала. Известны слова Александра III, обращённые к князю Николаю во время его пребывания в Санкт-Петербурге в 1889 г.: “Пью за здоровье князя Черногорского, единственного искреннего и верного друга России”.

Черногорцы воспринимали Россию как естественного союзника. Здесь большую роль играли общая вера, схожесть языка и культуры, общие враги. Борьба за свободу и союз с “мајком-Русијом” (матерью-Русью) для черногорцев были святыми понятиями, делом чести. Было время, когда черногорцы признавали над собой “только Бога и царя русского”.

После “смутного времени” 90-х годов прошлого века, когда Россия из-за собственных проблем не имела возможности помогать братьям, многое меняется к лучшему. Сегодня отношения России и Черногории снова налаживаются. В Москве действует культурно-информационный центр Подгорицы, а в 2001 г. представителем администрации Подгорицы и Центрального округа Москвы подписан протокол о культурном сотрудничестве. Результатом стало установление двух памятников в Подгорице – “нашему всему” А. С. Пушкину и знаменитому русскому актёру и барду В. С. Высоцкому. Перед памятником А. С. Пушкину выбита строфа из стихотворения “Бонапарт и черногорцы”, а также надпись “Дар города Москвы Подгорице (2002 г.)”. В. Высоцкий несколько раз был в Черногории и посвятил ей такие строки:

*Мне одного рожденья мало,
Расти бы мне из двух корней...
Жаль, Черногория не стала
Второю родиной моей.*

Эта строфа по-сербски и по-русски выбита на памятнике, установленном в 2004 году.

Более полувека автор книги об архитектуре и истории Черногории связан с этой страной не только профессионально, но и дружбой, любовью к этой земле и народу.

ЕВГЕНИЙ ШИШКИН

ЛЮДИ-ПРИЗРАКИ ЮРИЯ КОЗЛОВА

О книге Ю. Козлова “Почтовая рыба”, издательство “Поколение”, М., 2011 г.

До чего ж зыбок наш мир! Недавно пал Юрий Лужков...

Все помнят, как всемогущественный мэр Москвы стоял посреди чиновников – сам в кепке и они все поголовно и неизменно в кепках. Теперь нету кепок на Москве!

Что же это было? Словно призрак, перед которым все ломали шапку, точнее, кепку. И вдруг – его нет, всё, кончился... Но Юрий Михайлович оставил по себе славу управленца, пасеки, написанные книги, дома, построенные супругой... А чиновники мелкого ранга, что тёрлись вокруг него, от них что осталось? Это люди-призраки, это тихие, подчас подпольные миллионеры, растворённые в лужковские времена в коридорах власти, – они сгнули, перестали существовать, хотя физически, наверное, живы и при деньгах.

Неспроста, читая книгу Юрия Козлова “Почтовая рыба” о чиновной братии, о жизни и смерти, о страстях и деяниях мелкого представителя этой братии Петра Рыбина, появляется желание *по-горьковски* воскликнуть: “Да был ли Рыбин-то? Может, и не было никакого Рыбина?”

Роман Юрия Козлова простым, реалистическим не назовёшь. Рыбку автор ловит явно не на удочку, не на обыкновенную мормышку. Тут что-то более изысканное, накрученное. Но чем сложнее путь к истине (или улову), тем он становится ценнее. Конечно, рыба тут ни при чём, но уже название погружает нас в некий призрачный необычный мир. Произведение складывается из неожиданных ходов, лабиринтов, загадок, отвлекающих – по большей части эротических – моментов.

Роман, безусловно, политический и – публицистичен. Но Юрий Козлов не шпарит напропалую правду-матку, это дело чистых публицистов – что-то там резать... Он ведёт читателя за своим героем очень осторожно, словно следователь, который расследует дело о душе. Статьи, не только героя, но и его жены, психолога по образованию, Веры Зверевой – дамочки очень неординарной и сексуально озабоченной, надо сказать.

Пётр Рыбин, парламентский чиновник, в советское время журналист, который писал статьи про “улучшающуюся жизнь народа”. Который, чтобы не

видеть всех гадостей жизни – и при коммунистах, и при либералах, – погружается время от времени в параллельный мир. Вернее сказать, Пётр Рыбин погружается в разврат с разными женщинами (любовь тут ни при чём...), и считает это (преподносит) неким иным миром, который спасает его от мира *внешнего*, чиновного.

Поскольку Рыбин бывший советский борзописец, он и сейчас при делах, он пиарщик, он нынче обслуживает “ненасытные глотки...” тех, кто лезет, рвётся во власть, а получив её, ни за что не хочет с нею расстаться (демократические принципы, всем понятно, писаны для дураков).

Автор в самом начале цепляет читателя на детективный крючок (всё-таки без лексики рыбацкой не обойтись): неожиданная смерть Рыбина и неожиданно свалившееся богатство в миллион евро на вдову. Вдова не знала, что такое богатство у мужа есть, но догадывалась... Недаром она, психолог, пробует проанализировать судьбу своего мужа.

Разобраться в судьбе Рыбина новоиспечённой вдове помогает её старый друг Игорь Линдер, бывший и нынешний любовник Веры. Эротические истории в романе – не ради “клубнички”, истории эти вскрывают холодность, отчуждённость, отсутствие всяких шансов на подлинную любовь... Да и наша героиня никогда, похоже, не любила Рыбина, она (вдова) вступает тут же в половую связь с другими персонажами романа, пусть даже эта связь мистическая, виртуальная...

Среди персонажей романа выделяется отец Рыбина. Он наиболее целостный тип: выстраивает свою логику, рационально объясняет сыну законы внешнего мира. Он выступает нравственным императивом. Кто вы, господа? Есть ли у вас право управлять Россией, если вы в сущности мошенники, и мозги у вас работают удивительно прямолинейно, в одну сторону – ради собственного обогащения? Однако отец Рыбина сам в своём писательском творчестве создаёт некие химеры. И Юрий Козлов опять уводит читателя от безусловных истин – невод, заброшенный для лова, оказался слегка дырявым, истина уплыла в пучины. А возможно, и вовсе не была в сетях. “Была ли истина-то? Может, её и не было?” Ведь совсем не случайно автор обмолвился так устами своей героини. А ещё точнее устами Достоевского, которого цитирует героиня романа: “Мир иррационален”. Этим “мир иррационален” можно прикрыть всё, что угодно: мазню представить живописью, грехопадение – несовершенством плоти, казнокрадство – жизненной необходимостью...

И всё же присутствует в романе ещё Некто, не названный, не означенный, даже пунктиром не прорисованный писателем. Возможно, на эту высшую роль автор приглашает Читателя, ему вершить Страшный суд над героями! А суд этот будет, по-видимому, очень суров. Ибо сострадания к героям романа не испытываешь никакого. Они богатеют и погибают, они уходят, сняв *кепки*, они ничего не оставили этому миру. Ничего созидательного! Им не завидуешь, хотя у них миллионы евро в карманах.

Никого не жалко, ничего не жалко. Сдох чинуша – ну и пусть! Как таракан подох, никто и не вспомнит. Наследники поделят имущество, перегрызутся при этом... И всё? Всё!

Художественный персонаж, разумеется, вымысел. Жизнь всегда глубже, злее и эмоциональнее, чем книга. Но при этом люди-призраки Юрия Козлова являют собой совсем не призрачный слой общества. Это реальный чиновный класс. Они на особом, очень важных, хотя и неприметных порой этапах иерархии. Они новый истеблишмент (слово-то какое! не какая-нибудь партноменклатура). Они у кормушки. Они при делах. “Бороться сейчас можно только за место у корыта!” – вот так, безапелляционно и цинично, судит этот славный класс, слой, получая не призрачные деньги и блага родной страны.

Положенные в основу нынешнего правления Россией деньги фактически означают предательство всего, кроме денег... Кому нужны народ, пенсионеры, производство, оборона?... Деньги! Частные деньги абрамовичей, батуриных и далее по ранжиру – рыбиных, линдеров, их жён и их отпрысков – вот что превыше всего сущего!

Юрий Козлов метафорически пишет о власти. Власть у него не просто кучка личностей, но и сама по себе некий монстр, который проглатывает своих же ставленников. Оказавшись у руля власти, герои становятся жертвами власти. Но их опять же ни капельки не жалко. В них нет любви к Отечеству, а ведь человек власти по определению, по сути должен отвечать за судьбу

Отечества, за жизнь сограждан. Боже правый! За что может отвечать наш истеблишмент? Так что пусть монстр жрёт его – этот истеблишмент – в своё удовольствие!

Пётр Рыбин и его ближнее окружение всё же – мелочь, пескари, ёршики... НО! Но эта мелочь позволила развалить – да и сама поучаствовала в развале СССР (плох был Союз или хорош, тема другая)... Так и быть, назовём это иначе – в развале государства, а это как-никак государственное преступление. Что было дальше? А дальше все эти рыбины, где бы они ни сидели: в ближайшем ЖЭКе, на Лубянке или Белом Доме – так или иначе поучаствовали (посоучаствовали) в чудовищном эксперименте, который проводился с Россией в 90-е. А главное – ещё проводится сейчас. Да! Зловещий эксперимент не закончен. Стоит взглянуть на результаты последней переписи населения. Даже извечно приукрашенная наша статистика вещает, сколько народа (не электората) уносит в призрачный мир совсем не призрачная, суровая, несправедливая жизнь нынешней России. А число беспризорников, наркоманов, бездомных, нищих...

Впрочем, роман Юрия Козлова, интеллектуальный, изысканный по стилю, совсем не про нищих и беспризорников, он про российскую элиту с банковскими картами "Visa Gold" и про их жён, озабоченных любовью на стороне.

ОБЩЕСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Посвящается 1150-летию государственности России

Отделение инновационных проектов и технологий и Секретариат по научной разработке проблем информационной безопасности Научно-методологического и экспертного совета Общественной Академии Национальной Безопасности объявляют конкурс на книгу (цикл книг) по отечественной истории для внеклассного чтения в школе. Книга должна быть написана с позиции тех, кто любит Россию, и должна стать для молодежи базой возможной положительной самоидентификации. У истории России — богатый материал для такого подхода. К участию в конкурсе принимаются специально написанные с этой целью книги авторов, обладающих необходимыми знаниями в области исторической науки. Приглашаем к участию в конкурсе профессиональное сообщество историков и тематические научные институты.

При этом:

— события в России должны даваться в контексте мировой истории с наиболее значимыми параллелями из истории других стран;

— там, где существуют две или несколько обоснованных трактовок (версий) важных событий нашей истории, по возможности должны быть представлены и аргументированы каждая из них;

— история должна раскрываться в столкновении интересов различных сил и в развитии — через временные поражения и великие победы — как вечная борьба добра со злом;

— должно быть выделено доставшееся нам от предков духовно-нравственное и культурное наследие, включая элементы материальной культуры — как база дальнейшего развития русской цивилизации, но с учётом недогматического осмысления мирового опыта. Часть этого наследия — богатейший по красоте и возможностям русский язык.

Учитывая, что существующие учебники вызывают серьёзные нарекания с самых разных позиций, мы рассчитываем на поддержку нашей инициативы со стороны Министерства образования. Приглашаем к обсуждению представленных на конкурс работ руководителей региональных администраций с тем, чтобы после обсуждения и учёта их замечаний одобренная книга продвигалась, а возможно, и закупалась целевым образом для распространения в образовательной среде соответствующих регионов.

Рукописи принимаются по адресу: **Москва, 129301, ул. Касаткина, 3, офис 403, конкурсная комиссия**, — в машинописном виде или на CD — до **31 мая 2012 года** с приложением справки об авторе. Конкурсная комиссия присланные произведения не рецензирует, в переписку с авторами не вступает и рукописи не возвращает.

Победителям конкурса определены следующие премии:

Лауреат конкурса — **200** тысяч рублей.

Дипломант конкурса — **50** тысяч рублей.

По окончании конкурса авторов среди издателей будет открыт **конкурс на издание книг-лауреатов**, а также книг, отмеченных дипломами. Учитываться будут качество и заявленная отпускная цена издания, тираж и условия оплаты авторов.